

Семь искусств 8/2015

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

8/2015

Журнал

**«Семь искусств»
№ 8 (65) 2015**

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Семь искусств
Ганновер 2015

Журнал «Семь искусств» № 8 (65) /2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 431 с., 26,2 а.л.

«Семь свободных искусств – основа воспитания, которое надлежит
давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно
свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».
Аристотель. "Политика".

Семь искусств
Ганновер 2015

Оглавление

<i>Евгений Беркович</i> Томас Манн глазами математика	5
<i>Владимир Визгин</i> Теория относительности за пределами точного естествознания: Россия, 20-е годы	23
<i>Василий Демидович</i> Интервью с Хенриком Вожняковским	47
<i>Самуил Кур</i> Горький. Мура Будберг. Судьба	61
<i>Геннадий Брук</i> Тушеноши и Шемякин, Высоцкий, Сутин	149
<i>Николай Овсянников</i> От похотливого нэпмана к революционному романтику	190
<i>Илья Граковский</i> Александр Перельман. Штрихи к портрету выдающегося чтеца	200
<i>Борис Тененбаум</i> Линия разлома, 1929. Главы из новой книги «Израильские войны»	218
<i>Борис Кушнер</i> Вагнер и Верди. Несколько наблюдений	224
<i>Егор Черлак</i> Период дожития	249
<i>Алла Цыбульская</i> В поисках единого ключа. "Иоланта" Чайковского и "Замок Синей Бороды" Бартока	286
<i>Валерий Пахомов</i> Интернат. Мемуаразмы — мемуары и размышления	295
<i>Юлий Герцман</i> Постоялый дворец	316
<i>Дмитрий Бобышев</i> Человекотекст. Трилогия Книга первая: "Я здесь"	322
<i>Виктор Каган</i> Над родником верлибра	344
<i>Эдуард Элькинд</i> Неопубликованные стихотворные сочинения А.И. Юшкова — историка, филолога, литератора	357
<i>Валерий Черешня</i> Вода и город	379
<i>Юрий Кузин</i> «ЁЛОП»	387
<i>Валерий Скобло</i> Средняя тётка. Из повести "Путь труса"	392

<i>Родион Нахапетов</i>	
Хроники Брэдбери. Предисловие <i>Сергея Баймухаметова</i>	394
<i>Михаил Юдсон</i>	
Иллюстрации иллюзий	416
<i>Игорь Ефимов</i>	
Закат Америки. Саркома благих намерений	420

Евгений Беркович

ТОМАС МАНН

ГЛАЗАМИ МАТЕМАТИКА

(продолжение. Начало в № 7/2015)

«В праведном гневе бросила книгу в голову»

Томас Манн, как и герой «*Королевского высочества*» Клаус-Генрих, всю жизнь был далек от математики. В школе он, конечно, изучал арифметику и геометрию, в сохранившихся записных книжках остались его рисунки пирамиды и конуса с формулами для вычисления их объема.

Особыми успехами в учебе будущий нобелевский лауреат похвастаться не мог. Три раза он оставался на второй год в школах Любека: один раз еще в восьмом классе так называемой «прогимназии» доктора Бузениуса и два раза в гимназии имени Катарины (Катаринеум). Так что, вместо положенных трех лет на учебу в восьмом, девятом и десятом классах Томасу потребовалось пять. На этом он свое школьное образование закончил, с трудом получив так называемое «*Свидетельство вольноопределяющегося односторонника*»^[1], что соответствует сегодняшнему аттестату зрелости по окончании десятилетки. Этот документ не давал права поступления в университет, полный курс гимназии предполагал обучение еще в трех классах, одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом, и сдачу выпускных экзаменов (абитур). Но Томас и не собирался изучать науки, а для служащего страховой компании полученного в Любеке «Свидетельства» было достаточно, и девятнадцатилетний юноша и отправился начинать взрослую жизнь в Мюнхен, где уже обосновались его мать, братья и сестры.

Школьный аттестат Томаса Манна

Оценки в школьном аттестате отражали его прилежание: выше «удовлетворительно» (befriedigend), что соответствовало «тройке», Томас Манн не получил ни по одному предмету. А по геометрии и ряду других дисциплин в аттестате стояла «тройка с минусом» (noch befriedigend).

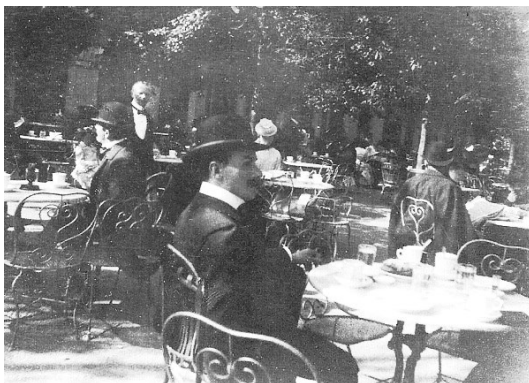
Правда, это еще ничего не говорит о его действительных знаниях: по немецкому языку будущий классик немецкой литературы тоже имел лишь «удовлетворительно».

В «Очерке моей жизни», написанном в 1930 году, Томас Манн так объясняет причины своих школьных неудач:

«Я ненавидел школу и до самого конца учения не удовлетворял тем требованиям, которые она ко мне предъявляла. Я презирал школьную среду, критиковал манеры тех, кто властвовал над нами в стенах школы, и рано стал в своего рода литературскую оппозицию ее духу, ее дисциплине, принятым в ней методам дрессировки» (IX, 94).

Если настойчивый читатель не ограничится этой цитатой и прочитает еще несколько строк текста Томаса Манна в русском переводе Анны Кулишер, то обязательно споткнется на фразе, в которой писатель подвел итог своего школьного образования:

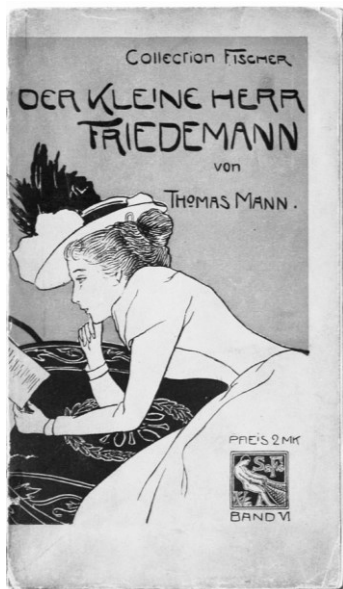
«Предназначенный стать купцом — наверно, отец поначалу прочил меня в наследники фирмы, — я посещал реальную гимназию «Катариумеум», но дотянул только до свидетельства на право одногодичного отбывания воинской повинности, то есть до перехода в третий класс» (IX, 94).

Томас Манн в Мюнхене, 1890-е годы

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся со странностями перевода, о чем я уже писал в статье «Работа над ошибками» [2]. Без всякого пояснения переводчица Анна Кулишер нумерует гимназические классы, начиная с последнего, выпускного, а не так, как принято сейчас в российских школах [3]. В оригинале автобиографии Томас Манн использует принятые в Германии латинские названия для классов гимназии: «оберприма» для выпускного, тринадцатого, «унтерприма» для предыдущего, двенадцатого, далее идут «оберсекунда» для одиннадцатого и «унтерсекунда» для десятого и т. д. Концовка его фразы о том, когда он покинул гимназию, звучит дословно так: «дотянул только до перехода в оберсекунду» [4]. Т.е. Томас покинул гимназию «до перехода в третий класс», считая от выпускного, тринадцатого. Будущий нобелевский лауреат с трудом окончил лишь десять классов «реальной гимназии».

В семье Томаса и Кати, похоже, не придавали математике большого значения. Только у Элизабет в аттестате стоит оценка «превосходно», остальные дети Волшебника получали по арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии сплошь «неудовлетворительно». Катя, успешно сдавшая гимназические экзамены и учившаяся несколько лет в университете, считалась в семье самой эрудированной, ее называли «*маленькой ученой*»^[5]. Даже когда дети стали выше матери ростом, она «*значительно превосходила их в любой науке*». Эрика вспоминала, как Миляйн (так звали Катю в семье) однажды «*в праведном гневе бросила книгу ей в голову*», из-за того, что та была не в состоянии понять сферическую тригонометрию^[6].

Обложка книги "Маленький господин Фридеман"

Хотя в записных книжках и в дневниках Томаса Манна об этом нет прямых указаний, можно допустить, что Катя просматривала и при необходимости корректировала математические экскурсии в произведениях писателя. Во всяком случае, это предположение легко объясняет тот удивительный факт, что в математических рассуждениях Томаса Манна нет ошибок, столь часто встречающихся у людей, далеких от предмета, который они обсуждают. Однако только влиянием Кати этот факт объяснить не удастся. У писателя есть ранняя новелла «*Маленький господин Фридеман*», написанная в 1896 году и опубликованная в виде книги в 1898 году, т. е. задолго до встречи с Катей.

В новелле упоминается студент-математик, который на приеме в доме героини увлек беседой группу гостей:

«Справа, ближе к двери, вокруг столика расположилось небольшое общество, средоточием которого являлся студент. Он утверждал, что через одну точку к данной прямой можно провести более чем одну параллельную линию. Супруга присяжного поверенного господжа Хаген-

штрем воскликнула: "Быть этого не может!" В ответ на что он доказал это столь безоговорочно, что все были вынуждены глубокомысленно согласиться» (VI, 36).

В этом пассаже речь идет о знаменитом пятом постулате Эвклида, или аксиоме о параллельных прямых, с давних пор привлекавшей внимание математиков. В XIX веке удалось доказать, что, наряду с евклидовой геометрией, существует и другие, неевклидовы, геометрии, в которых как раз справедливо утверждение студента: *«через одну точку к данной прямой можно провести более чем одну параллельную линию».*

Идеи о возможности неевклидовых геометрий высказывались в первой половине XIX века Карлом Гауссом, Янушем Бояи, Фердинандом Швайкартом, Францем Тауринусом и Николаем Лобачевским. Строгое доказательство независимости пятого постулата Эвклида от других аксиом появилось лишь в семидесятых годах девятнадцатого века в работах Феликса Клейна.

Поразительно не только то, что в новелле начинающего литератора Томаса Манна совершенно корректно формулируется проблема неевклидовых геометрий. Удивительно, что вообще в художественном произведении обсуждается научный результат, получивший строгое обоснование всего несколько лет назад.

Совсем иначе показана математика в знаменитой новелле *«Смерть в Венеции»*, появившейся на свет через пятнадцать лет после *«Маленького господина Фридемана»*. Здесь речь идет не о какой-то конкретной теории или математической проблеме. Повзрослевший Томас Манн рассуждает, скорее, о философии математики.

Герой новеллы писатель Густав фон Ашенбах, попав на отдых в Венецию, был поражен красотой мальчика Тадзио. Сидя в кресле на пляже, писатель рассуждает о красоте:

«Образ и отражение! Его глаза видели благородную фигуру у кромки синевы, и он в восторженном упоении думал, что постигает взором самое красоту, форму как божественную мысль, единственное и чистое совершенство, обитающее мир духа и здесь представшее ему в образе и подобии человеческого, дабы прелестью своей побудить его к благоговейному поклонению» (VII, 493).

В этом рассуждении явно просматривается учение Платона об идеях, которые являются прообразами и истоками всех вещей. Идею можно усмотреть лишь умственным взором, в то время как реальный образ этой идеи доступен человеку с обычным зрением. И так же, как Платон, Томас Манн проводит аналогию с математикой:

«Амур, право же, уподобляется математикам, которые учат малодеспособных детей, показывая им осязаемые изображения чистых форм, таки этот бог, чтобы сделать для нас духовное зримым, охотно использует образ и цвет человеческой юности, которую он делает орудием памяти и украшает всеми отблесками красоты, так что при виде ее боль и надежда загораются в нас» (VII, 493).

«Чистыми формами» являются, например, идеи круга, угла, треугольник. У Платона «четыреугольник сам по себе» это чистая форма, идея четырехугольника. Томас Манн использует математику в новелле *«Смерть в Венеции»*, чтобы проиллюстрировать предложенную им эротическую эстетику в духе платоновского учения об идеях.

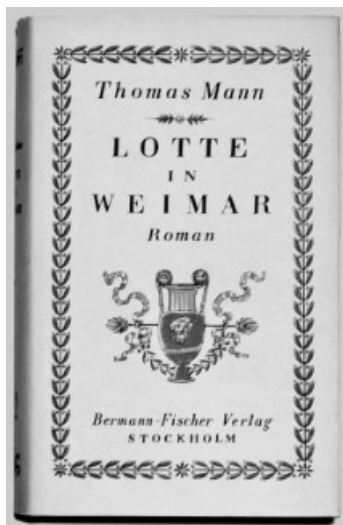
Особую роль при этом Томас Манн отводит солнцу. Восторженный Ашенбах поет хвалу светилу:

«Разве не читал он где-то, что солнце отвлекает наше внимание от интеллектуального и нацеливает его на чувственное? Оно так дурманит и завораживает, еще говорилось там, наш разум и память, что душа в упоении забывает о себе, взгляд ее прикован к прекраснейшему из освещенных солнцем предметов, более того: лишь с помощью тела может она тогда подняться до истинно высокого созерцания» (VII, 493).

Через двадцать семь лет в романе «*Лотта в Веймаре*» писатель снова вспомнит о солнце в связи с математическими объектами. Красоту теперь олицетворяет не юношеское тело, а кристалл гиалита, бесцветного опала. Шестидесяти-семилетний тайный советник Гёте восхищается:

«Я не могу на него взглянуть и все думаю, ведь это свет, это точность, ясность, а? Это произведение искусства, или, вернее, произведение и проявление природы, космоса, духовного пространства, проецирующего на него свою вечную геометрию и тем самым делающего ее пространственной! Посмотри на эти точные ребра и мерцающие плоскости, и весь он таков; я мысленно называю это идеальной проструктуренностью. Ибо вся штука имеет единый, целиком ее проникающий, наружно и внутренне обуславливающий, повторяющийся вид и форму, которыми определены оси и кристаллическая решетка; а это-то и роднит его с солнцем, со светом» (II, 660).

Здесь тоже «вечная геометрия» — это чистая платоновская идея, выраженная языком математики, а солнце инструмент для воплощения идеи в материальный объект кристалл.

Обложка книги "Лотта в Веймаре"

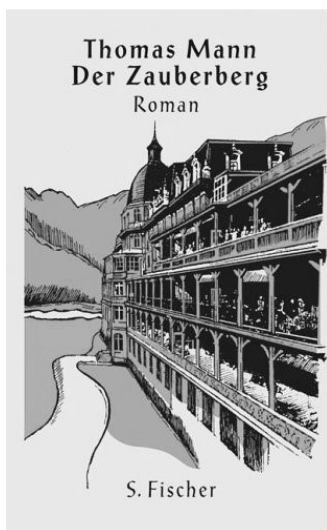
Но не только в природных явлениях проявляются идеи математики и красоты. Они могут быть реализовываться и в предметах рукотворных. В романе «*Лотта в Веймаре*» Гёте продолжает:

«Если хочешь знать мое мнение, то я считаю, что в колоссально разросшихся геометрических гранях и плоскостях египетских пирамид заложен тот же тайный смысл: соотношение со светом, солнцем, пирамиды это солнечные пятна, гигантские кристаллы, грандиозное подражание духовно-космическому миру, созданное рукой человека» (II, 660).

Часть вторая. «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус»

«...превосходное средство против амуров»

Роман *«Волшебная гора»* вышел в свет в 1924 году, спустя пятнадцать лет после появления *«Королевского высочества»*. Многое изменилось за это время и в мире, и в судьбе писателя. Отгремела Великая война, унесшая миллионы жизней и поломавшая казавшийся незыблемым мировой порядок. Сошла со сцены истории немецкая монархия, ей на смену пришла еще очень незрелая демократия Веймарской республики. Томас Манн в своем внутреннем развитии тоже прошел непростой путь от консервативного националиста-монархиста, поддерживавшего войну и написавшего *«Размышления аполитичного»*, до убежденного республиканца-демократа, радикально пересмотревшего свои прежние политические взгляды.

Обложка книги "Волшебная гора"

Не изменилось только мастерство романиста, использующего в своих текстах широчайшую палитру красок и лигатурных приемов. И математика, как и в *«Королевском высочестве»*, остается в *«Волшебной горе»* в арсенале писателя. Здесь она выполняет похожие функции: служит средством для характеристики героя и материалом для авторской иронии.

Главный герой романа Ганс Касторп инженер, изучавший математику, в том числе, и высшую. Как и Томас Манн, Ганс учился в школе ни шатко, ни валко, *«два раза ему даже пришлось остаться на второй год»* (III, 49). Окончить реальную гимназию и получить *«Свидетельство вольноопределяющегося одногодичника»* Касторпу помогли *«его происхождение, городское воспитание, а также довольно значительные способности к математике, хотя и не ставшие страстью»* (III, 49).

В отличие от Томаса Манна, Касторп продолжил обучение, окончил полный курс гимназии, *«провел четыре семестра в Даницком политехникуме и еще четыре в механических высших школах Брауншвейга и Карлсруэ»*, став, в конце концов, инженером-кораблестроителем (III, 53). И хотя профессию он выбрал во многом случайно, она накладывала отпечаток на характер, становилась неотъемлемой частью личности. Не удивительно, ведь *«скоро его голова уже была набита всякими сведениями по аналитической геометрии, дифференциальному исчислению, механике, начертательной геометрии и графостатике; он стал делать расчеты водоизмещения судна с грузом и без груза, остойчивости, дифференциального сдвига и метacentра, хотя иной раз все это давалось ему нелегко»* (III, 52).

В расположенном высоко в швейцарских горах, недалеко от Давоса, интернациональном туберкулезном санатории «Берггоф», куда Касторп попал, чтобы навесить своего двоюродного брата, а заодно и отдохнуть недели три, он *«скромно, но с достоинством»* представлялся доктору Кроковскому: *«Я инженер»* (III, 28).

Звание инженера, представителя точных наук, ко многому обязывало. В глазах окружающих эта профессия определяла судьбу. Доктор Кроковский, например, отреагировал незамедлительно:

«Ах, инженер! — Улыбка доктора Кроковского словно померкла, она стала как будто менее широкой и сердечной. — Что ж, молодец! Значит, ни вашему телу, ни вашей душе здесь не понадобится врачебная помощь?» (III, 28).

Другой персонаж романа, адвокат и масон Сеттембрини, «гуманитарий, homo humanus», как он сам себя называл, с уважением замечает: *«теория вашей специальности требует ума ясного и пронзительного, а ее практическим задачам человек должен отдавать себя всего без остатка»* (III, 85). Не случайно на протяжении всего романа Сеттембрини использует по отношению к Касторпу обращение «инженер».

Отель в Давосе, прототип санатория "Берггоф"

Когда намеченный трехнедельный срок пребывания в санатории подходил к концу, у Ганса Касторпа обнаружилось легкое недомогание с небольшим повышением температуры. По совету Беренса он решил остаться в «Берггофе» на более длительный срок, который вылился в итоге в долгие семь лет жизни в швейцарских горах.

Не все гости туберкулезного санатория «Берггоф» заслуживали звания пациентов, среди них были и абсолютно здоровые люди. Они чувствовали себя пре-

восходно и наслаждались многомесячными, а то и многолетними каникулами в швейцарских Альпах. Немудрено, что женщины и мужчины находили время для флирта, а иногда на этой почве в санатории вспыхивали скандалы, очень расстраивавшие главного врача гофрата Беренса. Он, нашел, правда, одно парадоксальное средство подавить разгулявшуюся похоть и сладострастие, но действовало это средство далеко не всегда:

«Я лично прописываю математику... Занятие математикой, говорю я им, превосходное средство против амуров. Прокурор Паравант, которого донимали соблазны плоти, кинулся в математику, возится теперь с квадратурой круга и чувствует большое облегчение. Но большинство слишком глупы и слишком ленивы, прости господи...» (IV, 105).

К прокурору Праванту мы еще вернемся, а сейчас обсудим главный тезис гофрата (придворного советника) Беренса: математика, якобы, помогает подавить «соблазны плоти». Как выяснили дотошные комментаторы Томаса Манна, это утверждение повторяет вывод доктора Фридриха Йессена, главного врача легочного «Лесного санатория» в Давосе, в котором много месяцев подряд лечилась от якобы начинавшегося туберкулеза Катя Манн. Современники сразу заметили, что гофрат Беренс — почти точный портрет профессора Йессена. Сам профессор смертельно обиделся на автора *«Волшебной горы»*, посчитав сходство оскорбительным. Подобные обиды, впрочем, часто случалось с людьми, увидевшими себя в героях произведений Томаса Манна.

Туберкулез в конце девятнадцатого, начале двадцатого веков был настоящим бичом Европы: каждый второй житель носил в своем теле бактерии, каждый седьмой умирал от этой страшной болезни. Антибиотики еще не изобрели, поэтому единственным методом лечения туберкулеза считалось длительное пребывание в высокогорных санаториях. Самым известным курортом такого рода и был швейцарский Давос. Санаторий, которым руководил профессор Йессен, предназначался для очень обеспеченной публики. Одна ночь пребывания в таком заведении стоила 21,5 франка, в то время как в обычном санатории в долине эта цена составляла всего 1,3 франка [7].

Томас Манн лично познакомился с профессором Йессеном, когда в июне 1912 года навещал жену в «Лесном санатории». Катя провела в Давосе в тот раз полгода с марта по сентябрь. Для диагностики болезни уже тогда применялись рентгеновские снимки, что можно считать значительным прогрессом: ведь с момента открытия в 1895 году Конрадом Рентгеном знаменитых X-лучей, получивших впоследствии его имя, прошло совсем немного лет. Но опыта расшифровки рентгеновских снимков у врачей было еще недостаточно, и диагнозы нередко ставились ложные. Так произошло и с Катей Манн. Это установил в 1967 году руководитель высокогорной клиники в Давосе, специалист по легочным заболеваниям доктор Кристиан Вирхов.

Увлеченный романом *«Волшебная гора»*, он связался с вдовой писателя, и та прислала ему все имевшиеся у нее снимки, включая и те, что были сделаны в 1912 году. Доктор Вирхов, внимательно изучив все материалы, написал Кате:

«Благодарю Вас и сообщаю, что рентгеновские снимки не показывают никаких патологических изменений. Должен сказать, что для врача это довольно редкое чувство, когда ложный диагноз не раздражает, а наоборот, успокаивает, ибо он послужил причиной появления такой мастерской работы, как „Волшебная гора“» [8].

Профессор Вирхов

Как и гофрат Беренс у Ганса Касторпа, профессор Йессен нашел у Томаса Манна туберкулез в ранней стадии и предложил остаться для лечения в санатории на длительный срок. Напуганный писатель, не отличавшийся отменным здоровьем, тут же написал своему домашнему врачу в Мюнхен. Тот ответил немедленно:

«Вы были бы первым, у которого давосские врачи не нашли бы при обследовании больного место. Немедленно возвращайтесь домой. Вам совсем нечего искать в Давосе»^[9].

Томас внял этому совету и вернулся в Германию, решив случившееся с ним описать в небольшой «давосской новелле», которая вылилась в итоге в огромный двухтомный философский роман.

Томас Манн в Давосе, 1921 г.

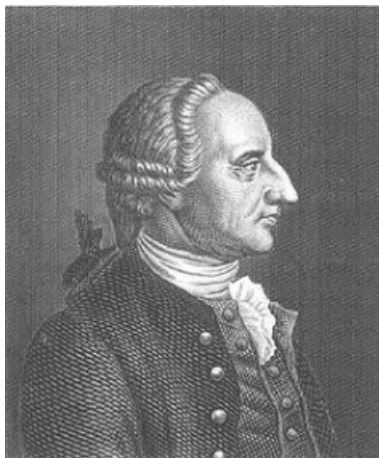
Вернемся, однако, к высказыванию профессора Йессена о математике. В одной из опубликованных работ он писал:

«Для мужчин можно рекомендовать математику как самостоятельное средство для подавления психогенного фактора полового влечения»^[10].

То, что профессор Йессен ограничился пациентами-мужчинами, можно понять: профессия математика для женщин была в то время исключительно редкой. С сутью же такой рекомендации можно спорить, но мнение о том, что интенсивные

занятия наукой не оставляют ни сил, ни времени на другие увлечения, разделяют и многие математики. Например, гёттингенский профессор Абрахам Готтхельф Кестнер (Abraham Gotthelf Kästner, 1719-1800) во время своей вступительной лекции в 1756 году высказывал сходные мысли. Лекция называлась многозначительно: «*Как помогает занятие математикой нравственному совершенству?*». Вывод, к которому подводил слушателей Кестнер, совпадал с рекомендациями профессора Йессена и гофрата Беренса:

«Занятие математикой во многом способствует тому, чтобы умирять страстные душевные порывы, так как ею можно успешно заниматься только в состоянии душевного спокойствия... Я всегда полагал, что то чистое наслаждение, которое вызывает научная работа, во многом способствует тому, чтобы ограничивать чувственную страсть и очищать душу от пороков... Тем, кто занят своими исследованиями, просто не остается времени, чтобы предаваться разным порокам»^[11].

Гёттингенский профессор
Абрахам Готтхельф Кестнер (1719-1800)

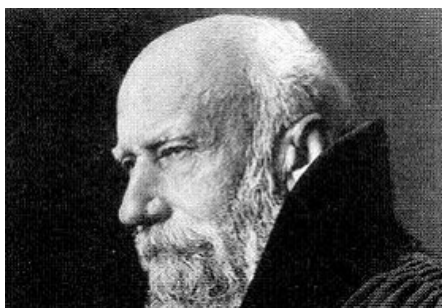
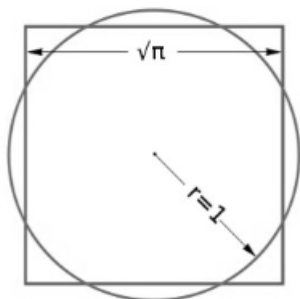
Обратимся снова к прокурору Паравангу из «*Волиебной горы*», которому математика помогла справиться с сильнейшим искушением: он влюбился в египетскую принцессу, «*сенсационную особу*», как характеризует ее автор, «*с униженными перстнями, пожелтевшими от никотина пальцами и коротко подстриженными волосами*». Прокурор от «*от влюбленности совсем одурел*», но все же овладел собой:

«Тяжкое искушение, в которое его поверг приезд египетской Фатмы, было давно побеждено, оно оказалось последним соблазном, терзавшим его земную природу. С тех пор он с удвоенным пылом бросился в объятия ясноглазой богини математики, об успокаивающем воздействии которой гофрат умел говорить в столь высоконравственных выражениях, и погрузился в решение задачи, которой днем и ночью отдавал все свои помыслы, все свое рвение и то чисто спортивное упорство, с каким он некогда перед своим столько раз продлеваемым отпуском, грозившим перейти в от-

ставку, клеймил и обличал бедных преступников; этой проблемой была не больше не меньше как квадратура круга» (IV, 406-407).

«Квадратурой круга» называют математическую задачу построения циркулем и линейкой квадрата, по площади равного заданному кругу. Со времен Древней Греции и вплоть до нашего времени ее безуспешно пытались решить тысячи математиков-профессионалов и, в огромном числе, любителей. Эта задача тесно связана со свойствами знаменитого числа «пи» — отношения длины окружности к ее диаметру. Если число «пи» трансцендентно, т. е. не является алгебраическим числом, другими словами, если оно не является корнем какого-то многочлена с целыми коэффициентами, то построить циркулем и линейкой искомый квадрат невозможно.

Трансцендентность числа «пи» доказал в 1882 году немецкий математик Фердинанд Линдеман (Ferdinand Lindemann, 1852-1939), окончательно поставив точку в проблеме квадратуры круга: циркулем и линейкой эта задача не решается.

Фердинанд Линдеман

Но не все «фанаты» этой задачи на этом успокоились. Вот и прокурор Паравант не собирался складывать оружие:

«Упомянутый чиновник, выбитый из привычной служебной колеи, в процессе занятий математикой проникся убеждением, что те доказательства, с помощью которых наука настаивает на мнимой неразрешимости данной задачи, несостоятельны и что мудрое провидение потому изъяло прокурора из мира живых внизу и поместило сюда наверх, что оно избрало именно его, Параванта, для совлечения этой трансцендентной проблемы с неба на землю, чтобы по-земному точно разрешить ее» (IV, 407).

Описывая попытку несчастного прокурора найти истину, Томас Манн рисует картину, знакомую многим профессионалам, решавшим другие математические проблемы:

«Когда бы и где бы Паравант ни находился, он не выпускал из рук циркуль, непрерывно что-то высчитывал, покрывая стопы бумаги чертежами, буквами, цифрами, алгебраическими символами, и его загорелое лицо, лицо с виду совершенно здорового человека, хранило отсутствующее и упрямое выражение одержимого маниакальной идеей. С угнетающим однообразием говорил он только о числе, выражающем отношение "пи"» (IV, 407).

Любитель Паравант с одержимостью маньяка решает проблему, которая уже давно решена. Недаром глава, где описываются его безуспешные усилия, называется, «*Демон тупоумия*» (в оригинале «*Der große Stumpfsinn*» «*Большая глупость*»). Тем не менее, эффект, которого добивался гофрат Беренс, оказался достигнутым: прокурор усмирил свои страсти, и соблазны плоти больше не терзали его земную природу.

Правда, опасность душевному здоровью подстерегала с другой стороны: общаться с увлеченным математикой прокурором становилось все сложнее:

«Все бегали от измученного мыслителя, ибо тот, кого ему удавалось припереть к стене, принужден был выдерживать потоки пылкого прокурорского красноречия, целью которого было пробудить в слушателе гуманную чуткость и стыд за осквернение человеческого духа неисцелимым иррационализмом, внесенным в это мистическое соотношение. Бесплодность постоянного умножения на "пи" диаметра, чтобы определить длину окружности, и радиуса в квадрате, чтобы найти площадь круга, вызывала у прокурора приступы горьких сомнений, не по ошибке ли затруднило для себя человечество со времен Архимеда разгадку этой тайны, ведь, может быть, решение ее детски простое?» (IV, 407).

Здесь снова ирония Томаса Манна построена на математическом материале. Последнюю точку в поиске прокурором Паравантом «трансцендентной цели» ставит спиритический сеанс, который организовали пациенты санатория «Берггоф»:

«Некоторые участники сеансов чувствовали прикосновение материализованных рук. Прокурору Параванту дали из трансцендентного мира основательную пощечину, он с чисто научной бодростью констатировал это и даже из любознательности подставил другую щеку — хотя в качестве кавалера, юриста и бывшего корпоранта вынужден был бы вести себя совершенно иначе, если бы пощечина исходила от обычного земного существа» (IV, 463).

«...нечто зловещее, антиорганическое, враждебное жизни»

Но не только материалом для характеристики героя и иронии автора служит «ясноглазая богиня» в романе «*Волшебная гора*». Математика используется и в обсуждении важнейшей для Томаса Манна темы противопоставления живой и неживой природы.

Во время льжной прогулки в горах Ганс Касторп рассматривает снежинки, опустившиеся на его рукав.

«Да, с этими пушинками, бременем ложившимися на деревья и устилавшими просторы, по которым он носился на лыжах, дело все-таки обстояло иначе, чем с детства ему привычным морским песком, который они напоминали: они, как известно, состояли не из мельчайших каменных крупинок, а из мириадов водяных частиц, в процессе замерзания открытасталлизовавшихся в симметрическое многообразие, частиц той неорганической субстанции, которая струится в жизненной плазме, в растениях, в человеческом теле, и среди мириадов волшебных звездочек, с их недоступной зрению, не предназначенной для глаз человеческих, тайной

микроскопью ни одна не была похожа на другую. Здесь наличествовала беспредельная изобретательность, нескончаемое рвение видоизменять, скрупулезно разрабатывать одну и ту же основную схему — равносторонний и равноугольный шестиугольник» (IV, 193).

Это мастерское описание структуры водяных кристаллов цитирует в известной монографии «Симметрия» один из крупнейших математиков двадцатого века Герман Вейль (Hermann Weyl, 1885-1955) [12].

Обложка книги Германа Вейля "Симметрия"

Томас Манн не ограничивается простым описанием симметрии, далее идет оценка этой «зловещей антиорганики»:

«Но каждое из этих студёных творений было в себе безусловно пропорционально, холодно симметрично, и в этом-то и заключалось нечто зловещее, антиорганическое, враждебное жизни; слишком они были симметричны, такую не могла быть предназначенная для жизни субстанция, ибо жизнь содрогается перед лицом этой точности, этой абсолютной правильности, воспринимает ее как смертоносное начало, отчего древние зодчие, воздвигая храмы, сознательно, хотя и втихомолку, нарушали симметрию в распорядке колонн» (IV, 193-194).

Когда же разразился страшный снегопад, и жизни Ганса стала угрожать реальная опасность, он определил главного врага:

«Но надо что-то предпринять, сидеть и ждать невозможно. Меня засыплет эта шестиугольная симметрия» (IV, 199).

Рискованное приключение закончилось для Касторпа благополучно, он преодолел «шестиугольное неистовство» и благополучно добрался до санатория «Берггоф», где «ужин он уписывал за обе щеки» (IV, 218).

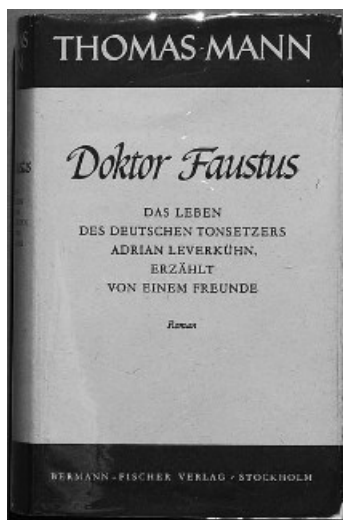
Эпизод с пургой в горах — поворотный пункт сюжета: после успешной борьбы со «смертоносной» симметрией жизненные установки Ганса Касторпа радикально изменились: место смерти в его мыслях заняла предстоящая жизнь.

Математика для Томаса Манна — синоним холодного, рассудочного порядка, противоположного и даже враждебного теплоте неупорядоченной жизни. Примерно то же чувствовал и принц Клаус-Генрих, когда боролся за доверие Иммы Шпёльман, *«за то, чтобы она до конца поверила ему и решилась бы с тех чистых и холодных высот, где она привыкла парить, из царства алгебры и язвительной насмешки спуститься вместе с ним в неведомые ей, более теплые, душные и плодотворные области, куда он ее звал»* (II, 296).

«Что от бога, то упорядочено»

Кристаллическая симметрия упоминается и в романе Томаса Манна *«Доктор Фаустус»*, вышедшем в свет в 1947 году. Отец главного героя, «папаша Лерверкюн», любил изучать морозные узоры:

«В зимние дни, когда эти кристаллические осадки целиком покрывали маленькие окна дома, он иногда по получасу — то невооруженным глазом, то через увеличительное стекло разглядывал их структуру. Если бы эти порождения соблюдали положенную им симметрию, математически точное и регулярное чередование, у него скорее достало бы сил взяться за дневные труды» (V, 28).

Обложка книги Томаса Манна "Доктор Фаустус"

Рассказ в романе ведется от лица вымышленного персонажа Серенуса Цейгблома, в котором без большого труда угадывается автор — Томас Манн. Сам Серенус в математике *«не очень-то преуспевал»*, зато он *«с истинной отрадой»* отмечал, что его друг Адриан Лерверкюн проявляет к этой науке несомненный интерес:

«Ведь математика в качестве прикладной логики, тем не менее пребывает в сфере высокой и чистой абстракции, занимает своеобразное, посредствующее положение между науками гуманистическими и практическими» (V, 62).

«Посредствующее положение» ни в коем случае не означает подчиненное, второстепенное. Напротив, Адриан воспринимал его «как положение высокое, доминирующее, универсальное или, употребляя его эпитет, „истинное“» (V, 62).

Однажды он высказался еще определеннее, ссылаясь на христианское Священное Писание:

«Нет ничего лучше, как наблюдать за порядковыми соотношениями. Порядок — все. „Что от бога, то упорядочено“, — гласит Послание к римлянам» (V, 62).

Томас Манн, очевидно, с таким выводом не согласен. Устами Серенуса Цейтблома он утверждает превосходство гуманитарных знаний:

«Здесь я не могу отказать себе в удовольствии обронить хотя бы мимоходом несколько слов о внутренней, почти таинственной связи классико-филологических интересов с любовью к красоте и разуму человеческого, — связи, заявляющей о себе уже в том, что ученых-античников называют гуманистами, но главное в том, что внутреннее родство языковой культуры и гуманитарных знаний венчается идеей воспитания, призвание педагога как-то само собой вытекает из приверженности к классической филологии. Человек, занимающийся естественно-историческими реалиями, может, конечно, быть учителем, но никогда не станет воспитателем в том смысле и в той степени, как любитель изящной словесности» (V, 16).

В школе Адриан по-настоящему увлечен математикой. По словам Серенуса, «он для собственного удовольствия занимается алгеброй, усвоил таблицу логарифмов, сидит над уравнениями второй степени — задолго до того, как в его классе дошли до них» (V, 62-63).

Когда пришло время учебы в университете, друзья разделились: Серенус избрал филологию, Адриан — богословие. Встречались они только на общих лекциях по философии, где нередко речь шла о числах и отношениях, в частности, когда лектор рассказывал о великом мыслителе древности Пифагоре, «который свою великую страсть — математику, абстрактную пропорцию, число возвел в принцип становления и бытия мира и в качестве ученого мужа, приобщившегося мировых тайн, впервые с гениальной прозорливостью нарек вселенную «Космосом», порядком или гармонией, определив ее как сверхчувственную систему интервалов, то есть музыку сфер. Число и соотношения чисел, как созидаящий принцип бытия и нравственного достоинства — сколь поразительно и торжественно сливалось здесь прекрасное, точное, нравственное в идею авторитета, одушевляющую круг пифагорейцев» (V, 123).

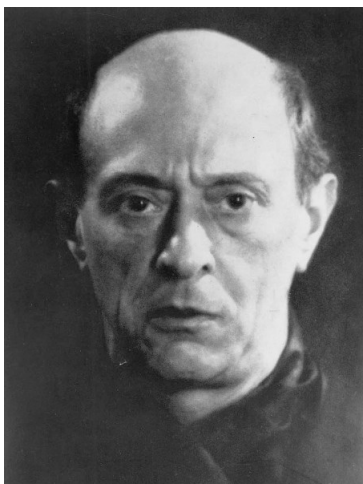
Однако вскоре «богословие как предмет изучения... разочаровало» Адриана, и он решил заняться другими вещами:

«Временами, после того как он внутренне уже пришел к убеждению, что надо переменить факультет, и взвешивал возможности та-

кого переустройства, ему казалось, что лучше всего остановиться на математике, которая в школе „очень“ его „занимала“ („очень занимала“ — это его дословное выражение)» (V, 169-170).

Если бы автор *«Доктора Фаустуса»* позволил Адриану реализовать это намерение, то в нынешнем подзаголовке романа: *«Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом»*, «композитора» нужно было бы заменить «математиком». В этом есть своя логика, ибо в те времена, о которых идет речь в романе, в математике происходили не менее грандиозные преобразования, чем в музыке.

По замыслу Томаса Манна, герой его романа продает душу черту, а взамен получает возможность сделать революционное открытие. В музыке такое открытие сделал венский композитор Арнольд Шёнберг (Arnold Schönberg, 1874-1951), предложивший новый метод музыкальной композиции, названный двенадцатизвучием, или додекафонией. Это открытие, по мнению его автора, должно было *«гарантировать превосходство немецкой музыки на следующую сотню лет»*^[13].

Арнольд Шёнберг

Узнав о додекафонии от своего нового музыкального советчика Теодора Адорно (Theodor Adorno, 1903-1969), автор *«Доктора Фаустуса»* отдал это открытие своему герою Адриану Леверкюну, и сюжет продажи души дьяволу приобрел нужную основательность и глубину.

Но не менее убедительно могла бы звучать и математическая версия: в то же время, когда Арнольд Шёнберг создавал методику двенадцатизвучия, Давид Гильберт (David Hilbert, 1862-1943) в Гёттингене работал над обоснованием аксиоматики — нового универсального подхода к построению разнообразных теорий, не только математических. В работе *«Аксиоматическое мышление»*, вышедшей в 1917 году, великий немецкий математик пророчествовал:

«...все, что вообще может быть объектом научного исследования и коль скоро оно созрело для оформления в теорию, сводится к аксиоматическому методу и через него непосредственно к математике...»

Аксиоматический метод, как представляется, обеспечивает математике лидирующую роль в науке в целом»^[14].

Подобно тому, как в додекафонии любую сложную музыкальную композицию можно было свести к простым операциям над последовательностями двенадцати «лишь между собой соотношенных тонов», так и аксиоматический метод, в идеале, позволял любое утверждение вывести путем простых манипуляций с несколькими аксиомами, т. е. с утверждениям, лежащими в основе теории. Если бы оправдались надежды и прогнозы Гильберта, в математике произошел бы революционный переворот. Доказательство любой теоремы можно было бы поручить вычислительной машине, обученной обращению с логическими операциями.

Теодор Адорно

Конечно, собственных знаний математики Томасу Манну было бы явно недостаточно, чтобы включить в роман идеи Гильберта и его коллег. Писателю был необходим сведущий в математике консультант. И такой наставник был рядом — профессор Альфред Прингсхайм, один из самых эрудированных математиков своего времени. Но натянутые отношения между тестем и зятем делали их сотрудничество невозможным. Главная причина напряженности — ни один из них не считал важным и полезным дело жизни другого.

(продолжение следует)

Примечания

[1] „Berechtigung zum Einjährig-Freiwilligen Militärdienst“ — дословно «Свидетельство о праве на одногодичную военную службу в качестве вольноопределяющегося».

[2] Беркович Евгений. Работа над ошибками. Заметки на полях автобиографии Томаса Манна. «Вопросы литературы», № 1 2012.

[3] Это косвенно подтверждают упомянутые в тексте автобиографии шестой класс, когда стихи Томаса «уяснили начальству строптивость моей своеобразной натуры», а также четвертый класс, в котором преподавал немецкий и латынь учитель, через много лет встретившийся писателю в Любеке «по случаю празднования семисотлетия вольного города».

[4] «...bis zur Versetzung nach Obersekunda» (см., например, Mann Thomas. Über mich selbst. Autobiographische Schriften. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 1994, S. 101).

[5] *Mann Erika*. Mein Vater, der Zauberer. Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbek bei Hamburg 1999, S. 274.

[6] Там же.

[7] *Jötten Frederik*. Fehldiagnose in Davos. Neue Zürcher Zeitung, 10.06.2012.

[8] Там же

[9] Там же.

[10] См. комментарии к «Волшебной горе» в книге *Mann Thomas*. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke — Briefe — Tagebücher. Band 5.2. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2002, S. 290.

[11] *Ebel Wilhelm* (hrsg.) Göttinger Universität aus zwei Jahrhundert (1737-1934). Vandenhoeck & Ruprecht, Göttinger 1978, S. 57-58.

[12] *Вейль Герман*. Симметрия. Пер. С англ. Б.В. Бирюкова и Ю.А. Данилина под ред. Б.А. Розенфельда. Наука, М. 1968, стр. 90-91.

[13] Цитируется по книге *Vaget Hans Rudolf*. Seelenzauber. Thomas Mann und die Musik. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 2006, S. 412.

[14] *Hilbert David*. Axiomatisches Denken. In: *Mathematische Annalen*, Nr. 78, Teubner, Stuttgart 1917, S. 415.

Владимир Визгин
ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
за пределами точного естествознания:
Россия, 20-е годы^[1]

...Та стадия, которой достигло человеческое мышление в своем развитии, бессознательно для людей проникает во все сферы жизни, и что-то между, например, Эйнштейном и Эвклидом связь только генетическая, но, скажем, между тем же Эйнштейном, Роденом и Блоком гораздо более глубокая, хотя и подсознательная связь.

Ю.М. Лотман (из письма сестре Л.М. Лотман от 8.II.1944)

[Лотман 1997. С. 47]

Введение

Некоторые научные свершения, в том числе и фундаментальные теории, подобные теории относительности, нередко выходят далеко за пределы своей науки и оказывают воздействие не только на другие родственные науки, но и на философию, науки гуманитарного цикла и даже на художественную культуру. Конечно, история создания и развития теории относительности — это важная глава истории физики. После создания теории относительности она постепенно становится достоянием научного сообщества физиков. Происходит процесс её восприятия, а, поскольку сообщество состоит из национальных подсообществ, в каждой стране имеются свои особенности восприятия. Эти особенности становятся ещё более существенными, если мы выходим за пределы научного сообщества, а это важно и необходимо в тех случаях, когда соответствующие достижения оказывают заметное воздействие на социокультурное окружение, которое, в свою очередь, может так или иначе влиять и на характер восприятия этого достижения внутри научного сообщества.

Теория относительности относится как раз к такого рода свершениям (недаром Эйнштейна сравнивали с Коперником и Ньютоном). Обострённое восприятие этой теории в России было связано не только с выделенной ролью диалектического материализма в стране (эта сторона нами уже изучена), но и вообще с революционным и социально-экономическими преобразованиями, а также с параллельным мощным взлётом авангардного искусства и литературы. Имело значение и то, что новый строй в России декларировал свою ориентацию на науку.

Оказалось, что теория относительности привлекла внимание философов, филологов, теоретиков литературы и искусства к анализу пространственно-временных аспектов соответствующих сфер культуры, исследованием которых с начала 1920-х годов занимались такие крупные фигуры, как П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев,

^[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (09—08—00246)

Р.О. Якобсон, М.М. Бахтин, В.Г. Богораз (Тан) и др. В художественной культуре Эйнштейн и Минковский стали знаковыми фигурами, ассоциируемыми с крушением пространственных и временных абсолютов, четырёхмерностью и неевклидовостью пространственно-временных структур, торжеством научной абстракции, новым синтетизмом и т.д. (В.В. Хлебников, В.Я. Брюсов, О.Э. Мандельштам, А.П. Платонов, Е.И. Замятин и др.).

Названные имена относятся к золотому фонду отечественной культуры, к тому же большинство из них попали под идеологический пресс властей, особенно в сталинские годы, и даже погибли. Были расстреляны, умерли в лагерях или при пересылке — о. П. Флоренский, О.Э. Мандельштам, А.И. Введенский, репрессировались подвергались травле и не печатались в течение многих лет — А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, В.В. Хлебников, А.П. Платонов, Е.И. Замятин и др. В результате их творчество на протяжении десятилетий находилось под запретом. Конечно, увлечение наших героев (т.е. тех деятелей гуманитарной и художественной культуры, которые так или иначе испытали влияние идей Эйнштейна и теории относительности) этими идеями не было главной причиной их конфликта с властями, но корреляция (прямая) между выборками «релятивистов» (не физиков!) и «репрессированных» деятелей культуры очевидна.

Мы, в основном, рассматриваем вектор взаимосвязи — от теории относительности к культуре — и это соответствует нашей нацеленности на решение проблемы восприятия физического релятивизма в его культурном окружении. Но культурное окружение должно быть подготовлено к этому восприятию и, действительно, некоторые тенденции развития живописи и литературы, связанные с ранним авангардизмом или повышенным интересом к пространственно-временным структурам художественных произведений стали заметны и до возникновения теории относительности или параллельно с ней (и независимо от неё). В живописи это были, например, импрессионисты, прежде всего, Сезанн и кубисты (Пикассо и другие), а в России — художники объединения «Бубновый валет», Кандинский, Малевич и др.

Конечно, и в собранных нами именах и текстах присутствуют встречное движение и та «подсознательная связь, о которой говорил Ю.М. Лотман. Но преобладает «основной вектор»: от теории относительности к гуманитарно-художественной культуре.

П.А. Флоренский

Заметным явлением в российских релятивистских дискуссиях, выходящих за рамки физики, стали «Мнимости в геометрии» о. Павла Флоренского (1922) [*Флоренский 1922*]. П.А. Флоренский имел математическое образование (с 1900 по 1904 г. он учился на физмате Московского университета). Уже в студенческие годы он пытался соединить аритмологию (учение о прерывности) Н.В. Бугаева с идеями теории множеств Г. Кантора. Тогда же его занимала проблема наглядной геометрической интерпретации комплексных чисел, которую впоследствии он развил в «Мнимостях». Не вдаваясь в детали этой интерпретации, подчеркнём её основную идею: «Новая интерпретация мнимостей заключается в открытии оборотной стороны плоскости и приурочении этой стороне — области мнимых чисел» [Там же. С. 25].

§ 9 «Мнимостей» содержит неожиданную физическую и даже метафизическую наглядную интерпретацию мнимых чисел (в духе «конкретной метафизики» Флоренского), порождённую идеями теории относительности и стимулированную 600-летним юбилеем кончины автора «Божественной Комедии», который отмечался 14 сентября 1921 г. Несмотря на предварительный характер сообщения, Флоренский полагал, что «предложенное здесь истолкование мнимостей, в связи со специальным и с общим принципами относительности, по-новому освещает и обосновывает то Аристотеле-Птолемее-Дантово миропредставление, которое наиболее законченно выкристаллизовано в «Божественной Комедии» [Там же. С. 45]. Именно этот параграф из «Мнимостей» публикуется в настоящей «Антологии» [Там же. С.44-53].

Логика рассуждений П.А. Флоренского следующая. С точки зрения общего принципа относительности коперниковская и птолемеево-дантовская системы (в отношении вращения Земли вокруг своей оси) эквивалентны. Но, поскольку, по мнению автора, убедительных аргументов в пользу вращения Земли нет, то здравый смысл, земной, подлинно-достоверный опыт, философские и геометрические соображения говорят в пользу системы Птолемея—Данте. При этом далёкие небесные тела должны вращаться вокруг земли с огромными скоростями. Скорость света, являющаяся предельной, согласно специальной теории относительности, достигается на расстоянии, равном 27,5 астрономических единиц т.е где-то на расстоянии, соответствующем орбите между Ураном и Нептуном. Иначе говоря, граница мира оказывалась там, где ей и полагалось быть в согласии с птолемеево-дантовской концепцией. За пределами этого мира, т.е. при переходе через эту границу, характеристики вращающихся тел (длины, объёмы, массы и др.) становятся мнимыми величинами. И это уже мир небесный. Причём на границе размеры тел аннулируются, массы становятся бесконечными, время останавливается. «Разве это не есть пересказ в физических терминах — признаков идей, по Платону — бестелесных, непротяжённых, неизменяемых сущностей? Разве это не аристотелевские чистые формы ? или, наконец, разве это не воинство небесное, — созерцаемое с Земли как звезды, но земным свойствам чуждое?», — восклицает о. Павел [Флоренский 1922. С.52].

Заслуживают внимания две реакции на это построение П.А. Флоренского: физико-позитивистская, скорее критическая, принадлежащая русскому позитивисту В.А. Базарову [Базаров 1923. С.341-343], и философская, платонистская, почти восторженная, принадлежащая А.Ф. Лосеву [Лосев 1927. С.282-284].

Критика Базарова была достаточно убедительна и, несмотря на его уважительное отношение к автору, продемонстрировала курьёзность описанного построения (использование формул специальной теории относительности в общерелятивистской ситуации, приписывание звёздам свойств, «земным свойствам чуждых» — в противовес астрономическим наблюдениям и др.).

А.Ф. Лосев же считал, что Флоренский показал «возможность выхода за пределы мира», который (выход) логично интерпретировать как «специфическое изменение того же самого мира». Он с энтузиазмом присоединяется к истолкованию платоновских идей как мнимых величин:

«Весь платонизм в этой формуле: $\beta = \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$ при условии $v > c$ ».

Лосеву также импонировало то, что в этом «мнимом» мире нарушается обычная причинность (в нём «следствие предшествует причине»), в результате чего «причина превращается в цель, в идеал».

Современные почитатели П.А. Флоренского к этой его концепции относятся с большим интересом [*Бабков. 2000. С.236*], или как к вполне оправданной [*Русская философия 1995.С.558*], или даже восторженно как к выдающемуся открытию [*Кедров 2002. С.6*].

Приведём две последних. Игумен А. Трубачев и С.М. Половинкин: «...Ф. (Флоренский) из теории относительности выводит возможность конечной Вселенной, где Земля и Человек становятся средоточием творения. Здесь Ф. возвращается к миропониманию Аристотеля, Птолемея и Данте» [*Русская философия. 1995. С.558*]. К. Кедров, считающий «Мнимости» главным трудом Флоренского: «Флоренский предположил, что мнимые математические величины (получающиеся при $v > c$) после нуля дают описание того света... В своей главной книге Флоренский с помощью математики, физики и поэзии стремится доказать реальность потустороннего мира» [*Кедров. 2002. С.6*].

Конструкцию П.А. Флоренского разъясняет С.С. Хоружий, связывая её с близкими о. Павлу идеями «конкретной метафизики» и символизма: «Конкретная метафизика — такой вариант символизма, где мир духовный максимально уподоблен миру физическому и, в частности, наделён *пространственностью*. Как описывают работы «Иконостас» и «Мнимости в геометрии», ноумены пребывают в некотором особенном пространстве, которое по отношению к физическому является «обращённым», «вывернутым» или «мнимым»: предметы и процессы в нём подчиняются таким законам, которые в точности обратны, противоположны законам природы (например, тут — обратное течение времени и следствие предшествует причине). Оба мира не отделены друг от друга, но специальным образом совмещаются. Собственно, они образуют один мир, но двойной, двусторонний, и предметы в этом мире — тоже двойной, или двуединой, природы: в физическом мире предмет видим физическим зрением как явление, в мире духовном он же созерцается духовным зрением по обращенным законам и потому видим обратным себе, вывернутым. Ясно, что эта модель сдвоенных взаимно обратных миров полностью отвечает символической реальности, причём воплощает её самым прямолинейным и натуралистичным способом: стороны символа, явление и смысл, получаются друг из друга буквальным выворачиванием наизнанку» [*Хоружий 1990.С.4*].

К 1922-1924 гг. относятся и некоторые другие работы о. Павла Флоренского, посвященные в значительной мере проблеме пространства и времени в художественной культуре (в основном в изобразительном искусстве) и также стимулированные идеями теории относительности [*Флоренский 1990. С.43-106,109-124; Флоренский 1993*].

Мы коснёмся только последней, которая представляется наиболее важной. В 1921 г. Флоренский стал профессором кафедры «Анализ пространственности в художественных произведениях» во ВХУТЕМАСе. Упомянутая книга написана по материалам лекций о. Павла. Незадолго до приглашения во ВХУТЕМАС он говорил о том, что «вопрос о пространстве есть один из первоосновных в искусстве и, скажу более, — в миропонимании вообще» (цит. по [*Флоренский 1922. С.297*]). Значительная часть этой книги содержит материал, в котором особенно отчётливо видна стимулирующая роль теории относительности в постановке и развитии проблемы пространства и времени в изобразительном искусстве Флоренским [*Флоренский 1924. С.3-63*]. Автор неоднократно подчёркивает роль релятивистско-геометрической классики в разработке этой проблемы в физике и естествознании в целом, упоминая Гаусса, Лобачевского, Римана, Клиффорда, Пуанкаре, Эйнштейна, Мин-

ковского, Вейля, Эддингтона [Там же. С. 5-6, 28, 41-42 и др.]. «Вся культура, — продолжает Флоренский, — может быть истолкована как деятельность организации пространства» [Там же. С.55]. И затем он переходит к анализу «деятельности художественной», включающей и музыку, и литературу, и театр: «Художественная суть предмета искусства есть строение его пространства, или формы его пространства» [Там же. С.71]. Далее, более детально анализируется именно изобразительное искусство. Временной аспект при этом учитывается посредством расширения трёхмерного пространства до 4-мерного пространства—времени, аналога релятивистского мира Минковского.

В текстах 1925 г. «Значение пространственности» и «Абсолютность пространственности» Флоренский со всей силой подчеркивает основополагающее значение этого понятия: «Проблема пространства залегает в средоточии миропонимания во всех возникавших системах мысли и предопределяет сложение всей системы. С известными ограничениями и разъяснениями можно было бы даже признать пространство за собственный и первичный предмет философии, в отношении к которому все прочие философские темы приходится оценивать как производные. И чем плотнее сработана та или иная система мысли, тем определённое ставится в качестве её ядра своеобразное истолкование пространства. Повторяем: миропонимание — пространствопонимание» (цит. по [Шапошников. 2011. С.249]).

Хотя о. Павел высоко оценивал как специальную теорию относительности, так и общую, и их влияние на развитие «пространствопонимания» во всех сферах науки и культуры, абстрактно-математический дух современной квантово-релятивистской физики не был ему близок. В письме к матери с Соловков (от 21-22 апреля 1936 г.) он писал: «Дух современной физики, с её крайней отвлечённостью от конкретного явления и подменой физического образа аналитическими формулами, чужд мне. Я весь в Гёте — Фарадеевском мироощущении и миропонимании... Физика будущего должна пойти по иным путям — наглядного образа» (цит. по [Шапошников. 2011. С.252]).

А.Ф. Лосев

А.Ф. Лосев считал себя в какой-то мере учеником П.А. Флоренского. «Мнимости в геометрии» произвели на него глубокое впечатление, о чём свидетельствует, прежде всего, небольшой фрагмент, содержащий в частности почти восторженное описание конструкции Флоренского. Кстати говоря, в своих воспоминаниях, датированных 1985 г., он говорил о нём: «Флоренского я глубоко ценю... В своей книге 1914 г. "Столп и утверждение истины" он действительно сделал много открытий, но развить их ему...не удалось... Краткое своё расхождение с Флоренским в понимании античного платонизма я формулировал бы так. У Флоренского — иконографическое понимание Платоновской Идеи, у меня же скульптурное понимание» [Лосев. 1990, II. С.47-48].

Впрочем, судя по всему, А.Ф. Лосев был увлечён идеями теории относительности и до появления «Мнимостей». Вспоминая «конец гимназических лет, университетские годы и первые годы после окончания университета, т.е. десятилетие между 1910 и 1920 годами, он писал: «Удивительным образом, и...не знаю почему, я с потрясающим энтузиазмом впитывал в себя впервые тогда появляющиеся я сообщения о теории относительности Эйнштейна. Меня приводило в восторг — и,

по-моему, гораздо больше, чем профессиональных математиков и механиков, то, что пространство вовсе не есть пустая и чёрная дыра, но что оно везде разное, везде имеет разную кривизну и, так сказать, свою специфическую физиономию» [Там же. С.15]. И дальше: «Меня потрясло знакомство с уравнениями Лоренца (т.е. с преобразованиями Лоренца и вытекающими из них зависимостями длин, объёмов и масс от скорости движения тел — Вл.В.), которое изображало объём тела в зависимости от скорости движения тела и согласно которому тело со скоростью света вообще теряло всякий объём, а со скоростью выше скорости света принимало объём тела как мнимую величину... Меня потрясло... то, что превращение объёма тела в нуль вполне мыслимо, что это чудо можно математически точно сформулировать» [Там же].

Абсолютное, однородное и изотропное (евклидово) пространство механики Ньютона ассоциировалось у Лосева с образом чёрной дыры, который фигурирует не только в цитированных воспоминаниях, но и в работах конца 1920-х гг., например, в «Диалектике мифа»: «Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что он бесформен. Мир абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод межпланетного пространства. Что это как не чёрная дыра, даже не могила и т.д.» [Лосев 1990, I. С.40].

Представляют интерес и три небольших фрагмента из «Античного космоса и современной науки» (1927) [Лосев 1993. С.225-228, 481-483, 282-284].

В первом фрагменте Лосев формулирует четыре в основном пространственно-временных «основоположения античного космоса» и заканчивает их рассмотрение следующим утверждением: «Все эти четыре последних основоположения античного космоса суть современное учение об относительности пространства и времени. Как раньше диалектика требовала у нас по категории единого (сущего) неделимой делимости, по категории подвижного покоя — астрологии, по категории самоожесточенного различия — алхимии, так сейчас, по категориям величины, времени и пространства, диалектика требует *теории относительности*... Как только вместо Эйнштейна мы согласимся с Ньютоном, т.е. абсолютизируем пространство, убивши тем самым и живой смысл, и живую фактичность пространства, — так наступает конец диалектики...» [Лосев 1993. С. 227]. Этот фрагмент заканчивается примечанием 115 [Там же. С. 481-483], которое поразительно в двух отношениях. Во-первых, А.Ф. Лосев демонстрирует более, чем обстоятельное знакомство с отечественной и переводной релятивистской литературой (от 50 до 70 статей книг). Во-вторых, теоретическая и математическая структура эйнштейновских построений, по его мнению, настолько фундаментальна и убедительна, что никакие эксперименты не в состоянии их опровергнуть: «Этой теории не было несколько столетий, и несомненно, её ещё тысячи раз опровергнут, т.к. любителей опровергать истину всегда было сколько угодно. Но какие бы опыты Майкельсона ни удавались, *диалектика всё равно требует теории относительности*. И пусть хоть сто тысяч физиков и механиков обрушатся на меня, всё-таки *теория относительности математически* мыслима. А это и есть всё. Раз она мыслима теоретически, чем вы застрахованы от того, что попадёте в реальное неоднородное пространство?» [Там же. С. 482-483].

Последний фрагмент из «Античного космоса», в основном посвящён одобрительному, если не восторженному изложению концепции Флоренского (хотя и

без упоминания о «Божественной комедий Данте» [Там же. С. 282-284]. (см. об этом С. 5. настоящего текста).

И в двух других сочинениях конца 1920-х гг. встречаются места, в которых упоминается теория относительности — это «Музыка как предмет логики» [*Лосев 1990 I*. С.373-374] и «Диалектика мифа» [Там же. С. 407-409], но они, в основном, повторяют соответствующие фрагменты из «Античного космоса».

В.Г. Богораз (Тан)

В 1923 г. увидела свет небольшая книга «Эйнштейн и религия», написанная выдающимся российским этнографом Владимиром Германовичем Богоразом (1865-1936), который использовал иногда псевдоним В.Г. Тан или Н.А. Тан [*Богораз 1923*]. В книге шла речь о применении идей теории относительности к изучению религиозных явлений (от первобытных религий до высших религий, в том числе и христианства).

В.Г. Богораз известен также как крупный деятель революционного народничества. Он был одним из организаторов южнорусского отделения «Народная воля» в 1880-е годы. С 1889 по 1898 г. находился в сибирской ссылке, где собирал материалы по этнографии и религии чукчей и других народов Северной Азии. В начале 1900-х гг. им были опубликованы исследования об этом, которые до сих пор цитируются [*Ранние формы 1972*]. В советский период В.Г. Богораз был профессором ряда ленинградских вузов, участвовал в разработке письменности народов Севера, продолжал свои исследования. В 1939 г. посмертно вышел второй том его капитального труда «Чукчи». Богораз (Тан) известен также своими романами и повестями из жизни первобытных людей.

Что касается его книги «Эйнштейн и религия», то она в очень небольшой мере затрагивает собственно теорию относительности, хотя отмеченные автором параллели и аналогии между этими двумя областями знания представляют интерес. Поэтому в нашу «Антологию» мы включили несколько «релятивистских» и «пространственно-временных» фрагментов книги Богораз. Эта книга иногда цитируется и современными исследователями.

Так, В.В. Иванов, анализируя понятие времени в искусстве и культуре XX в. и ссылаясь на него, отмечает: «С новым пониманием времени в теории относительности этнологи и лингвисты сближают концепцию, которая вскрывается в мифологии и языках многих народов, находившихся за пределами основных цивилизаций Старого Света» [*Пути 1974*. С. 41].

Протицируем достаточно пространственный фрагмент десятой главы книги Богораз, из которого ясен смысл его работы и, вместе с тем, видны серьезные трудности на пути применения релятивистских идей к анализу религиозных явлений:

«Сведя вместе все указанные факты, получаем нижеследующие выводы. Явления религиозного мира вместе с явлениями других сопредельных областей, в сущности говоря, ничем не отличаются от всяких других явлений, как субъективных, так и объективных. Они подлежат восприятию, а также наблюдению и, стало быть, и исследованию при помощи измерительного и общего сравнительного метода. В области измерительной они имеют своё собственное пространство и собственное

время и в этом отношении составляют особую систему S , свободную и независимую от нашей земной системы... Пространство и время, свойственные им, имеют относительный характер. И в этой относительности можно установить три основных элемента:

1. Изменчивость величины образов религиозного мира в их отношениях к людям и постоянные переходы по двойной шкале возрастания и убывания от форм миниатюрных к формам гигантским.

2. Изменчивость наполнения времени, растяжение и сжатие времени. Отсутствие общего критерия времени, отсутствие одновременности.

3. Вневременное совпадение различных ипостасей одного и того же бытия, коллективных или одиночных, длительных или кратковременных, которое в конечном счёте допускает в виде перемычки молниеносные промежутки пространственного времени» [*Богораз 1923*. С.114].

Первые два элемента особых пояснений не требуют. Менее ясен третий элемент, связь которого с теорией относительности достаточно туманна. Автор приводит ряд примеров двух — и более — ипостасных образов, которые можно уподобить как бы различным проекциям «одного и того же бытия» (касатки — люди-охотники, ворон — человек, духи двойного образа, понятие о Троице в христианстве и т.д.).

В другом месте Богораз более кратко формулирует суть третьего элемента: «Вневременное совмещение различных ипостасей одного и того же бытия» [Там же. С. 69].

В.Г. Богораз полагал, что, как и в теории относительности, пространственно-временные особенности религиозного мира основаны на «измерительных данных в религиозных явлениях». Но эти «измерительные данные» — иллюзия, скорее, метафора. Правда, метафора полезная, позволяющая обнаружить нетривиальные пространственно-временные структуры в религиозно-мифологических построениях. В заключение ещё одна цитата в подтверждение сказанного: «Только теория относительности даёт возможность применить измерительный метод к религиозным явлениям, ибо она устанавливает, что каждая система S , каждая область явлений имеет своё собственное пространство и своё собственное время, и только с этой точки зрения можно исследовать измерительные данные в религиозной области» [Там же. С. 4].

Подзаголовок к заглавию книги гласил: «применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Выпуск первый». В этом выпуске автор вдохновлялся специальной теорией относительности. В следующем выпуске, который, по-видимому, так и не вышел, он предполагал изучить влияние общей теории относительности на исследование религиозных явлений.

Футуристы и В.В. Хлебников

Выдающиеся теоретики российского авангарда Н.Н. Пунин, Р.О. Якобсон, И.А. Аксенов на рубеже 1920-х гг. говорили о своего рода «пространственно-временном» резонансе в науке и художественной культуре. При этом главными застрельщиками были творцы теории относительности Лоренц, Пуанкаре, Эйнштейн, Минковский (~ 1900 – 1920-е гг.). В художественной же культуре в этом

движении поначалу на передний план выдвинулись футуристы; в России начинателями футуризма (1908-1911) стали поэты и художники В. Хлебников, В. Каменский, Д. и Н. Бурлюки, Е. Гуро, М. Матюшин, П. Филонов, чуть позже В. Маяковский, А. Кручёных и др. В этом блистательном созвездии имён особое место занимает Хлебников, уже при жизни признанный гением. «Хлебников — философ и поэт. Хлебников же и учёный, с гениальной простотой открывающий законы нового человечества. Это его манифесты подготовили торжественное шествие футуризма», — писал поэт Н. Асеев в 1920 г. [*Мир 2000*. С. 105].

Но вернёмся к оценке ситуации научно-художественного пространственно-временного резонанса в начале XX в. ... «Начало XX в. одновременно в разных областях знания и познания, как бы по закону детонации, сделало проблему времени (и, добавим, пространства — Вл.В.) основной проблемой века. Наиболее богатые результаты получены, по-видимому, физикой и, думаю, в художественном творчестве. Так что мне вновь представляется, — говорил Н.Н. Пунин 10 сентября 1922 в докладе «Хлебников и государство времени», читанном в ВОЛЬФИЛе (Петроград), — что по одну сторону ворот, ведущих в нашу эру, стоит теория Минковского-Эйнштейна, по другую — теория государства времени В. Хлебникова» [*Мир 2000*. С. 160].

Р.О. Якобсон подчёркивал связь итальянского и русского футуризма, цитируя соответствующие манифесты и вслед за ними релятивистские тексты, принадлежащие русским физикам-релятивистам 1910-х гг. (Н.А. Умову, О.Д. Хвольсону и др.). «Изживание статики, изгнание абсолюта — главный пафос нового времени, злорада текущего дня. Негативная философия и танки, научный эксперимент и совдепы, принцип относительности и футуристский "долгой" рушат огороды старой культуры. Единство фронтов изумляет» [*Якобсон 1987*. С. 415].

Вяч. Вс. Иванов в вводной статье к «Работам по поэтике» Якобсона, отмечая раннюю увлечённость последнего идеей пространственно-временного научно-художественного резонанса, продолжает: «Но такое острое переживание единства научного и художественного переворота во взглядах на пространство и время могло быть только в том десятилетии 1906-1916 гг., на которое приходится появление специальной теории относительности, по времени совпавшей с ретроспективной выставкой Сезанна, и становление общей теорией относительности, завершение которой было одновременным с такими заключительными этапами нового искусства, как балет «Парад» Кокто и Пикассо» [*Иванов 1987*. С. 12].

Будучи студентом физико-математического факультета Казанского университета, В.В. Хлебников начал размышлять о природе исторического времени, и эти размышления вступили в соприкосновение с релятивистскими и геометрическими идеями Эйнштейна и Минковского. Профессором будущего поэта был А.В. Васильев — математик, историк и философ математики, пропагандист идей Лобачевского, а затем и теории относительности, особенно в её четырёхмерной формулировке, развитой в 1907-1908 гг. Г. Минковский [*Бабков 2000*. С. 162]. В 1905 г. Хлебников дал обет найти законы времени, «чтобы утопить в чернильнице войну-смерть. Через 16 лет (2²), в 1921 году, обещание исполнено» [Там же. С. 168]. В 1922-1923 гг. эти «законы времени» были опубликованы частично в трёх выпусках «Досок судьбы» [*Хлебников 2000*]. Но здесь мы не будем касаться этих численных исторических построений («Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через 3ⁿ дней и положительный через 2ⁿ дней и т.д.») [*Бабков 2000*. С. 182]. Но на пути к ним он неоднократно соприкасался с пространственно-временными проблемами в своих изысканиях и художественном творчестве.

Так, манифест футуристов «Труба марсиан», подписанная Хлебниковым, М. Синяковой, Божидаром, Г. Петниковым и Н. Асеевым начинается с провозглашения четырёхмерного пространства-времени как ключевой концепции футуризма: «Мозг людей и доныне скачет на трёх ногах (три оси места)! Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, как пахари... (это щенку четвертую ногу, именно — ось времени)» [Хлебников 1986. С.602]. В программном тексте «Наша основа», который датирован маем 1919 г. и был опубликован в 1920 г., Хлебников сопоставляет развитие языка с пространственно-временной эволюцией физики: «Можно подумать, что наука роковым образом идёт по тому пути, по которому уже шёл язык. Мировой закон Лоренца (т.е. преобразования Лоренца специальной теории относительности — авт.) говорит, что тело сплюсчивается в направлении, поперечном давлению. Но этот закон и есть содержание «простого имени» Л: значит ли Л — имя, лямку, лопасть, лист дерева, лыжу, лодку, лапу, лужу ливня, луг, лужанку — везде силовой луч движения разливается по широкой поперечной лучу поверхности, до равновесия силового луча с противосилами... Знал ли язык про поперечное колебание луча, лучь-вихрь? Знал ли, что

$$R \text{ делается } R\sqrt{1 - v^2/c^2},$$

где v — скорость тела, c — скорость света.

По-видимому, язык так же мудр, как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его... Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира. Его «я» совпадает с жизнью света... Человек живёт на «белом свете» с его предельной скоростью 300 000 километров и мечтает о «том свете» со скоростью большей скорости света (это напоминает конструкцию Флоренского, в которой «тот свет» имеет мнимый характер — Вл. В.)...» [Хлебников 1986. С. 625].

Имеется несколько свидетельств того, что Эйнштейн приветствовал русских футуристов, изучающих время. Н.Н. Пунин: «По имеющимся у меня непроверенным сведениям Эйнштейн написал приветственное письмо русским футуристам, изучающим время; письмо было адресовано Хлебникову. Так как Хлебников не знал, кто, кроме него, из русских футуристов занимается временем, то письмо это он целиком принял на себя» [Мир 2000. С.160-161]. Художник П.В. Митурич: «... Он (Хлебников — Вл. В.) упомянул Эйнштейна, говорил, что он присылал поздравления русским футуристам по поводу их глубоких изысканий о времени, тогда как у них ничего не имеется. Но так как таковыми изысканиями занимался только он, то он принял это на себя» [Митурич 1997. С. 24]. В примечании к этому месту говорится: «Возможно, речь идёт о воззвании к русским футуристам, опубликованном в журнале «Сарт» (издавался А. Барбюсом с конца 1919 г.). Среди подписавших воззвание был А. Эйнштейн» [Там же. С. 168].

В одной из статей Р.О. Якобсона, относящейся к 1930 г., говорилось о том, что в начале 1920-х гг. русские футуристы, прежде всего В.В. Маяковский, собирались послать Эйнштейну приветственную радиogramму: «Весной 1920 г. я вернулся в закупоренную блокадой Москву. «Привёз новые европейские книги, сведения о научной работе Запада. Маяковский заставил меня повторить несколько раз мой сбивчивый рассказ об общей теории относительности и о ширившейся вокруг неё в то время дискуссии. Освобождение энергии, проблематика времени, вопрос о том, не является ли скорость, обгоняющая световой луч, обратным движением во времени, — всё захватывало Маяковского. Я редко видел его таким внимательным и сосредоточенным. — А ты не думаешь, — спросил он вдруг, — что так будет завоёвано бессмертие? ... Вскоре он рассказал, что готовит поэму — "Чет-

вёртый Интернационал" (потом она была переименована в "Пятый") и что там обо всём этом будет. Членом этого Интернационала будет Эйнштейн. Это будет куда важнее "Ста пятидесяти миллионов". Маяковский носился в то время с проектом послать Эйнштейну приветственное радио — науке будущего от искусств будущего. Мы никогда впоследствии не возвращались в разговорах к этим темам. "Пятый Интернационал" остался незавершённым» [Якобсон 1987. С. 420]. Этот фрагмент воспоминаний Якобсона взят из примечаний к его статье «Футуризм», которая уже цитировалась нами.

Близкий футуристам художник М.В. Матюшин в очерке 1920 г. «Опыт нового ощущения пространства» также отмечал связь физического релятивизма с пространственно-временным исканием людей искусства: «Современные учёные начала столетия Минковский, Эйнштейн, Планк смело бросают мысли, сбивающие спокойную уверенность человека в совершенстве его познания и воспринимающих пространств органов чувств. Все они дают сильный удар нашей инертности чувств и восприятий. Вопрос об измерениях (пространства — Вл.В.) в начале века остро волновал всех, особенно художников. О четвёртом измерении создалась целая литература. Всё новое в искусстве, науке принималось выходящим из самых недр четвёртой меры... Для меня это был просто конец плоскостному наблюдению и уход от периферического изображения природы...» (цит. по [Бабков 2000. С. 235]).

Литература за рамками футуризма

М.М.Бахтин

Конечно, релятивистские идеи и пространственно-временной сдвиг в художественном творчестве затрагивали не только футуристов. Не стремясь к полноте, мы затронем таких разных поэтов, как В.Я. Брюсов, О.Э. Мандельштам и А.В. Введенский. Несомненно, этот список можно было бы расширить, включив в него, например, А.А. Блока, А. Белого, А.А. Ахматову, Н.С. Гумилева, Б.Л. Пастернака и др. В какой-то степени это движение коснулось и прозаиков. Мы процитируем и обсудим характерные места из ранних очерков А.П. Платонова и Е.И. Замятина.

Релятивистская, пространственно-временная ипостась (проекция, грань) духа времени (*Zeitgeist*) первой четверти XX в. охватывала, таким образом, обширный круг естественных наук и математики, философии и наук гуманитарного цикла, художественного творчества. Глубину и загадочность этого феномена отмечал Ю.М. Лотман в одном из своих писем сестре Л.М. Лотман, датированных 1944 г.: «...Если между, например, Эйнштейном и Эвклидом связь только генетическая, то, скажем, между тем же Эйнштейном, Роденом и Блоком гораздо более глубокая, хотя и подсознательная связь» [Лотман 1997. С. 47, письмо №40].

Несколько позже на «пространственно-временной арене» гуманитарной культуры появляется М.М. Бахтин со своей концепцией хронотопа, примыкающей к идеям Э. Кассирера и А.А. Ухтомского. Его фундаментальное исследование «Форма времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» датировано 1937-1938 гг. [Бахтин 1975. С.234-407]. Приведём начало этой работы, из которого видна связь понятия хронотопа с теорией относительности: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе — «времяпро-

странство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введён и обоснован на почве теории относительности. Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесём его сюда — в литературоведение — почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нём неразрывности пространства и времени (время как четвёртое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры)» [*Бахтин 1975. С. 234-235*]. Кстати говоря, сказанное в скобках сопровождается примечанием: «Автор этих строк присутствовал летом 1925 г. на докладе А.А. Ухтомского о хронотопе в биологии; в докладе были затронуты и вопросы эстетики» [Там же].

В письме Л.Л. Фиалковой от 15 июля 1983 г. Ю.М. Лотман также отметил связь категории хронотопа с теорией относительности и своеобразное родство Бахтина и Эйнштейна как представителей модернистской культуры: «...Постановка пространственных и временных моделирований в один ряд сама по себе спорна и принадлежит XX в. (эпохе теории относительности). Для Бахтина как человека модернистской культуры существует, как и для Эйнштейна, тоже модерниста, хронотоп — время как четвёртое измерение... Бахтин идёт от идей физики (теория относительности) и рассматривает пространство и время как явления одного ряда (в перспективе это восходит к Канту)» [*Лотман 1997. С. 719-720. Письмо №731*].

А.П. Платонов и Е.И. Замятин (1921-1922)

Задолго до того времени, как А.П. Платонов стал автором знаменитых романов «Чевенгур», «Котлован» и др., он жил в родном Воронеже и активно печатался в местной прессе (он писал стихи, прозу, но в основном — публицистику). Как раз в эти годы он был студентом Воронежского политехнического института, который окончил в 1924 г., став специалистом по мелиорации и электрификации сельского хозяйства. Один из ключевых мотивов его публицистики — это наука как локомотив революции и нового мироустройства: «Наука. Нет слова для рождающегося пролетарского человечества более великого и более радостного и т.д.» [*Платонов 1990. С. 51*] или: «Революция рождена знанием. Наука — голова революции, сердце же её — прирождённое человечеству чувство истины и т.д.» [Там же. С. 65]. Но тогда же, в 1920 г., двадцатилетний студент, прошедший школу Красной армии, находился в плену идеи классовости науки: «Язвой буржуазной опытной науки был идеализм... Идеализм — враг науки, он лошадь без узды, которая едет дальше, чем нужно и т.д.» [Там же. С. 101-102].

В 1921 г. он знакомится с теорией относительности и её четырёхмерной формулировкой, в которой он усматривает глубинную взаимосвязь «двух основных понятий человеческого сознания — времени и пространства» [Там же. С. 143]. Речь идёт о небольшой заметке «Слышные шаги», которая имеет подзаголовок (в скобках) «революция и математика». Платонова поражает простота и своеобразная парадоксальность (и даже мистичность) «формулы Минковского»

$$3 \times 10^5 \text{ км} = (-1)^{1/2} \text{ сек.}$$

Сам Минковский называл её мистической [*Минковский 1935. С. 199*]. Платонов полагал, что в этой формуле заключена таинственная «зависимость двух основных понятий человеческого сознания, времени и пространства», связанная загадочным образом со скоростью света.

Через год он пишет заметку «Свет и социализм», в которой он поёт гимны главному экспериментальному оружию теории относительности и заключает: «...На свете и из света надо отлить и выточить коммунизм» [*Платонов 1990*. С. 178]. Этому выводу предшествует квази-релятивистский тезис: «Пространство же и время составляют всё, что мы знаем о мире. Всё, что мы знаем, есть комбинированные функции пространства и времени» [Там же]. Запасы света неисчислимы: «Света столько — сколько пространства»; «даже энергия расколотого Резерфордом атома ничто в сравнении с энергией светового океана» [Там же. С. 179].

Конечно, особый интерес представило бы изучение хронологического аспекта творчестве А.П. Платонова, «писателя с ярко выраженным пространственным мышлением», в больших романах которого впрочем частотное соотношение слов пространство и время таково: в «Чевенгуре» — 37 против 182, в «Котловане» 11 против 112 [*Платонова 2003*. С. 235].

Е.И. Замятин на 15 лет старше Платонова, и к началу 1920-х гг. имел немалый опыт и инженера (он в 1908 г. окончил кораблестроительный факультет Петербургского Политеха и успел поработать по своей специальности и в России, и в Англии), и писателя (повести «Уездное» — 1911, «На куличках» — 1913 г., «Островитяне» — 1917). В 1920 г. им была закончена блистательная антиутопия «Мы», которая впервые увидела свет на английском языке (1924). И в этом романе мы находим следы его знакомства с теорией относительности и эйнштейновской космологией: «Да, да, говорю вам: бесконечности нет, — рассуждает один из героев. — Если мир бесконечен, то средняя плотность материи в нём должна быть равна нулю. А так как она не нуль — это мы знаем, то, следовательно, вселенная конечна и т.д.» [*Замятин 1990*. С. 152].

Показательны также две его статьи 1922 и 1923-1924 гг.: «О синтетизме» и «О литературе, революции, энтропии и о прочем» [Там же. С. 410-416 и С. 431-437], в которых отмечается, что Эйнштейн и теория относительности символизируют интеллектуальные потрясения в науке и искусстве, требующие нового синтеза. Вот две цитаты из статьи «О синтетизме»: «Эйнштейном сорваны с якоря самое пространство и время. И искусство, выросшее из этой, сегодняшней, реальности — разве может не быть фантастическим, похожим на сон?». И далее: «После произведённого Эйнштейном геометрически-философского землетрясения окончательно погибли прежние пространство и время. Но ещё до Эйнштейна землетрясение это было записано сейсмографом нового искусства, ещё до Эйнштейна покачнулась аксонометрия перспективы, треснули оси X-ов, Y-ов, Z-ов — и размножились лучами и т.д.» [*Замятин 1990*. С. 414]. И вот концовка второй статьи: «Наука и искусство — одинаковы в проектировании мира на какие-то координаты. Различные формы — только в различии координат... Основные признаки новой формы (и в науке, и в искусстве — Вл.В.) — быстрота движения (сюжета, фразы), сдвиг, кривизна (в символикe, лексике) не случайны: они следствие новых математических координат. Новая форма не для всех понятна, для многих трудна? Возможно... Очень прост Эвклидов мир и очень труден Эйнштейнов — и всё-таки уже нельзя вернуться к Эвклиду и т.д.» [*Замятин 1990*. С. 436-437] (см. также [*Анненков 1990*. С. 255-261]).

Случайно ли, что наши герои — эйнштейнiанцы, релятивисты в гуманитарной сфере и художественном творчестве — вступали в идеологические конфликты с властью, репрессировались и даже погибали: о. П. Флоренский расстрелян в 1937 г.; А.Ф. Лосев был арестован в 1930 г. (освобождён в 1933 г.), в 1930-1940-е гг. был лишён возможности печататься; В.В. Хлебникова травили как идеалиста и ми-

стика; Е.И. Замятин арестовывался и вынужден был в конце концов эмигрировать в 1931 г.; А.П. Платонов после 1929-1930 гг. стал фактически запрещённым писателем, его великие романы «Чевенгур» и «Котлован» были напечатаны в СССР только после перестройки. Забегая вперёд, заметим, что О.Э. Мандельштам и А.В. Введенский, о которых пойдёт речь ниже, также погибли в сталинских лагерях (первый в 1938 г., второй — в 1941 г.).

В.Я. Брюсов

В.Я. Брюсов, пожалуй, был одним из немногих наших героев (т.е. тех деятелей художественной и гуманитарной культуры, в творчестве которых Эйнштейн и теория относительности нашли определённое отражение), кто не пострадал от советских властей (или не успел пострадать, поскольку умер в 1924 г.). Есть, впрочем, версия, что он покончил жизнь самоубийством [*Казак 1996*. С. 59].

Выдающийся поэт, признанный вождем русского символизма, вскоре после революции примкнул к большевикам, чуть ли не единственный из поэтов-символистов вступил в ВКП(б) и работал на руководящих должностях в учреждениях культуры. Брюсов, и ранее увлекавшийся наукой и техникой (в 1915 г., например, он набрасывал научно-фантастическую повесть «Мятеж машин» [*Брюсов 1976*. С. 95-103]), высоко ценил идею «научной поэзии» Р. Гиля, с которым встречался и переписывался с начала 1900-х гг. [Там же. С.269]. Видимо, революция 1917 г. у него ассоциировалась с революцией в науке и технике, и он решил, что новая поэзия должна быть не только пролетарской, но и научной. Последние две книги стихов «Дали» и «Меа», изданные в 1922-1924 гг., содержат и ряд стихотворений, имеющих отношение к теории относительности. Приведём высказывания брюсоведов С.В. Шервинского и Д.Е. Максимова о «научной поэзии» поэта: «Перегрузка научными терминами и историческими именами особенно чувствуется в стихах из книг "Дали" и "Меа", которые посвящены преимущественно теме научного подвига человечества. Брюсов в своё время поддерживал идею Рене Гиля о возможности "научной поэзии". На склоне лет (ему в это время не было и пятидесяти! — Вл.В.) Брюсов попытался реализовать мечту о такой поэзии на деле.

В настоящее время (1960-1970-е гг. — Вл.В.) наблюдается, особенно среди молодого поколения, повышенный интерес к "научной поэзии" Брюсова. Это, по-видимому, относится более к знакомым животрепещущим темам, нежели к поэтическому качеству стихов... Брюсов мечтал о читателе, равном ему по образованности, — мечта нереальная; демонстрация собственной эрудиции заставляет подозревать, что в авторе ещё не угасло какое-то юношеское тщеславие. Между тем, сама тематика "научной поэзии" Брюсова настолько отстаёт от темпов развития точных наук, что предвидения поэта устаревают "на корню" (ниже мы увидим, что это не всегда справедливо — Вл.В.). Не следует упускать из виду и того, что в экспериментах с поэтикой пагубно сказалось ясно осязаемое соперничество с молодыми футуристами, которые могли помешать стареющему "мэтру" ... быть первым; а с этим он не хотел примириться» [*Брюсов 1976*. С. 20-21].

Фрагменты из статьи Д.Е. Максимова о Брюсове: «Брюсов настойчиво доказывал право этой (т.е. научной — Вл.В.) поэзии на существование, и, воскрешая ломоносовскую традицию, создавал многочисленные образцы стихотворений, ответствовавших его замыслу. Отличительный признак "научной поэзии", в пони-

мании Брюсова, заключался в её специфической тематике. Лирические размышления о прошлом и будущем человечества и вселенной, ..., о теории относительности, об электроне, об обитаемости звёзд, ... — вот круг тем, разрабатываемых Брюсовым в его последних стихах... Поворот внимания на современной основе синкретического поэтического-научного мышления..., — неоспоримая заслуга Брюсова ... Система философских решений, положенных в основу этих стихов ... не вполне совпадала с его стремлениями усвоить идеологию революционного марксизма. В стихах Брюсова, относящихся к "научному" циклу, мы найдём следы идеализма и пессимизма, которые показывают, что Брюсову не удалось перестроить своё мировоззрение до конца и т.д.» [*Брюсов 1961*. С. 62]. Сошлёмся также на интересный анализ поэтического сборника «Дали», предпринятый М.Л. Гаспаровым [*Гаспаров 1997*.С. 272-305]. Приведём два фрагмента из воспоминаний о В.Я. Брюсове этого (короткого, советского) периода. В 1920 г. поэт встречался с А.Л. Чижевским; они говорили о К.Э. Циолковском, которого хорошо знал Чижевский и о котором собирався писать книгу Брюсов. Чижевский вспоминал впоследствии эту встречу и приводил слова поэта: «Я интересуюсь не только поэзией, но и наукой, вплоть до четвёртого измерения, идеями Эйнштейна, открытием Резерфорда и Бора. ... Материя таит в себе неразгаданные чудеса. ... Меня интересует личность Циолковского. ... Он является носителем сказочной идеи о возможном полёте в другие миры на ракетных кораблях ... По этому вопросу я говорил с некоторыми нашими физиками — они смеются над Циолковским, но принципа ракеты не отрицают...» [*Брюсов 1976*. С. 71] (см. также [*Чижевский 1974*. С. 74-79]).

В.В. Фефер вспоминал о лекциях Брюсова по русской литературе в октябре 1921 г. в «профессионально-технической школе поэтики»: «Вообще Брюсов, точно придерживаясь своей программы, не боялся значительно уклониться в сторону, делая это обычно за счёт добавочного времени. Так в ответ на вопрос одного из слушателей в течение двух часов увлекательно излагал нам теорию относительности Эйнштейна. Он проводил свою давнишнюю мысль о неправильности мнений о том, будто всё, ныне утверждаемое наукой, есть непогрешимая истина. Когда-то "научными" (в кавычках, выделял он) были Птолемея система, учение о свете Ньютона. Сводом "истин" была и вся схоластика. На примере теории относительности Брюсов показал, как ниспровергнуты законы, считавшиеся неизблемыми» [*Брюсов 1976*. С. 816].

Рассмотрим, наконец, несколько поразительных стихотворений Брюсова: «Принцип относительности» (1922) из сборника «Дали», «Мир электрона» и «Мир N измерений» из сборника «Меа», вышедшего посмертно, и «Бесконечность», впервые опубликованного в 1967 г. [*Брюсов 1961*.С. 458-459; С. 472-473] и [*Брюсов 1976*. С. 62-64].

В стихотворении «Принцип относительности» подчёркнута революционизирующая роль теории относительности, радикально изменяющей устоявшиеся «истины» о пространстве и времени: «Первозданные оси сдвинуты», «...вот-вот адамант *Leges motus*'ов Ньютона — разлетится в куски!», «Самое время — канатный плясун». Спасаться надлежит тем, кто не готов принять новый мир. Хорошо известно и часто цитируется стихотворение «Мир электрона», предвещающее фридмонные системы, интерпретируемые и как элементарные частицы, и как квазизамкнутые метагалактические миры, концепцию, выдвинутую в 1960-е гг. М.А. Марковым, Г.М. Идисом и К.П. Станюковичем [*Зельманов 1967*]: «Ещё быть может, каждый атом — /Вселенная, где сто планет;/ Там всё, что здесь в объёме сжатом,/ Но также то, чего здесь нет и т.д.». Фридмоны — общерелятивистские

объекты. Так что, едва ли на сто процентов прав С.В. Шервинский, утверждавший, что «предвидение поэта устаревают на корню».

Точно так же и стихотворение «Мир N измерений» является поэтическим предвестником или спутником не только пятимерия, которое вошло в физику вместе с пятимерными единичными теориями поля Т. Калуцы, О. Клейна и Эйнштейна (начиная с 1921 г.), но и многомерных суперструнных теорий конца XX — начала XXI вв.: «Но живут, живут в N измерениях / Вихри воли, циклоны мыслей, те, / Кем (Кому? — Вл.В.) смешны мы с нашим детским зреньем, / С нашим шагом по одной черте /и т.д.» М.А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита», который он писал с 1928 г. до своей кончины в 1940 г., использовал идею пятого измерения, чтобы расширить квартиру №50 в доме №302-бис на Садовой улице, где проходил «великий бал у Сатаны». Маргариту больше всего поразила необъятность зала. «Коровьев сладко ухмыльнулся... Самое несложное из всего! — ответил он. — Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до чёрт знает каких пределов!» [Булгаков 1973. С. 666].

Возможность конечной замкнутой модели Вселенной, выдвинутая Эйнштейном и поразившая воображение современников, со времён Ньютона привычных к бесконечности Вселенной, — тема последнего стихотворения: «Принципы относительности ставят / Пределы бесконечности. На ум / То грань без граней тоже давит / «Нет врачества!» — он стонет, как Наум. / Мы в бесконечности? Иль мы в конечности? / Иль рано разуму познать? и т.д.» Кстати, Наум — библейский пророк, провозгласивший гибель Ниневии: «Нет врачества для раны твоей, болезненна язва твоя» [Брюсов 1976. С. 64].

О.Э. Мандельштам

В 2003 г. вышла более чем восьмисотстраничная книга Л.Г. Пановой «Мир», «пространство, «время» в поэзии Осипа Мандельштама [Панова 2003]. Выводы, к которым приходит автор на основе изучения языка поэзии Мандельштама («под микроскопом»), состоят в том, что «в русской поэтической традиции Мандельштам — первый «поэт пространства» [Там же. С.18] и что «время в поэтической картине мира Мандельштама не является основополагающей категорией» и что оно вытесняется с главенствующих позиций «вневременностью» [Там же. С.601]. Означает ли последнее своего рода «пространствление» времени в духе четырёхмерного пространства-времени Минковского и теории относительности? Это можно предполагать, хотя полной уверенности в такой интерпретации нет.

В развитии взаимосвязи «Мандельштам — теория относительности» можно выделить три узловых даты: 1913 г., 1922 г. и 1933-1934 гг. 1913 г. — это выход первой книги стихов «Камень» в издательстве «Акме», провозглашение акмеизма, стихотворение «Адмиралтейство», статья «Франсуа Виллон»: 1922 г. — это выход книги стихов «Tristia», статей «О природе слова», «Литературная Москва», «Конец романа» и «Буря и натиск», в которых упоминаются теория относительности и Эйнштейна. 1933-1934 гг. — это «пространственно-временной» и философский цикл «Восьмистишия» и насыщенный «релятивистскими фрагментами» «Разговор о Данте», а также «роковые стихи» и первый арест, начало воронежского периода.

Здесь мы обсудим следующие тексты: стихотворение «Адмиралтейство» (1913), три небольших релятивистских фрагмента из статей 1922 г. «Литературная Москва», «Конец романа» и «Буря и натиск», а также избранные «Восьмистишия» (1933-34) и комментарии к ним Н.Я. Мандельштам, и, наконец, несколько характерных мест из «Разговора о Данте» (1933).

В статье «Франсуа Виллон» (1913) упоминается «четвёртое измерение» [*Мандельштам 1993, I. С. 170*], а две последних строфы стихотворения «Адмиралтейство» содержат упоминания о разрыве «уз трёх измерений» и о пятой стихии, созданной человеком [Там же. С. 83-84]:

«Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?
Сердито пеняется капризные Медузы,
Как шлуги брошены, ржавеют якоря,
И вот разорваны трёх измерений узы
И открываются всемирные моря».

Из серии фрагментов статей 1920-1923 гг. видно, что Мандельштам так или иначе был знаком с неевклидовыми геометриями, четырёхмерным пространством - временем, теорией относительности. В статье «О природе слова» мы встречаем сравнение: «Подобно тому, как существуют две геометрии — Эвклида и Лобачевского, возможны две истории литературы, написанные в двух ключах: одна — говорящая только о приобретениях, другая — только об утратах, и обе будут говорить об одном и том же» [Там же. С. 219].

Конечно, О.Э. Мандельштам был близок с В.В. Хлебниковым и высоко ценил его творчество, и этот канал мог связать его с кругом релятивистских понятий. В статье «Литературная Москва» (1922) он писал о литературном критике И.А. Аксёнове [*Аксёнов 1923*], осветившем «принципом относительности Эйнштейна архитектуру Хлебникова» [*Мандельштам 1993, II. С.257*]. Тогда же в статье «Конец романа» он отмечал, что кризис классического романа, «то есть фабулы, насыщенной временем, совпал с провозглашением принципа относительности Эйнштейна», сокрушившего понятия абсолютных времени и одновременности [Там же. С. 275].

В статье «Буря и натиск» (1922-1923) Мандельштам сравнивает Хлебникова с Эйнштейном, точнее их концепции времени: «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии. Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе — железнодорожный мост или "Слово о полку Игореве"» [Там же. С. 296]. Анализ этого сопоставления дан в серии статей Т.С. Гривца, В.Л. Скуратовского и др. в сборнике «Мир Велимира Хлебникова» [*Мир 2000. С. 252, 483*].

Трагические для Мандельштама 1933-1934 гг. (в ноябре 1933 г. были написаны роковые стихи «Мы живем, под собою не чуя страны...») и др., а в ночь с 13 на 14 мая 1934 г. он был арестован) совпали с завершением «Разговора о Данте» и созданием «Восьмистиший», насыщенных релятивистскими и пространственно-временными идеями. Начнём с «Разговора о Данте». К упомянутому кругу идей относится симметрия, в том числе и кристаллографическая. «Божественная комедия», по Мандельштаму, «есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы», «чудовищный по своей правильности тринадцатитысячеграннык» [*Мандельштам 1994, III. С. 227-228*]. Несколько далее

он замечает, что «математические комбинации, необходимые для кристаллообразования, невыводимы из пространства трёх измерений» [Там же. С. 240], т.е. необходимо привлечение четвёртого измерения. Затем следует поразительное сопоставление дантовского подхода с современным естественно-научным подходом: «Я утверждаю, что все элементы современного экспериментирования имеются налицо в дантовском подходе к преданию и т.д. [Там же. С. 241].

Переключка Данте с современностью отмечается и в других местах: «Страшно подумать, что ослепительные взрывы современной физики и кинетики были использованы за шестьсот лет до того, как прозвучал гром...» [Там же. С. 251]. Тут же беглое замечание о структуре дантовской системы мира и её связи с современной наукой (в духе концепции П.А. Флоренского, хотя ссылок на него нет): «Птолемей вернулся с чёрного крыльца!... Напрасно жгли Джордано Бруно!» [Там же]. Конечно, «Мнимости в геометрии» Мандельштаму были в целом «не по зубам», но парадоксальная релятивистская интерпретация дантово-птолемеевской системы мира не могла не привлечь внимания поэта. В этой системе он усматривал также свойственное ему и Хлебникову «опространствление» времени: «Избранный Дантом метод анахронистичен — и Гомер... в сообществе Вергилия, Горация и Лукиана из тусклой тени орфеевых хоров... — наилучший его выразитель. Показаниями стояния времени у него являются не только круглые астрономические тела, но решительно все вещи и характеры. Всё машинальное ему чудом. К каузальной причинности он брезглив...» [Там же. С. 256]. В черновых заметках к «Разговору» («Вокруг "Разговора о Данте"») тезисы 6 и 7 гласят: «Дант произвёл главную разведку для всего нового европейского искусства, главным образом для математики и музыки» и «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» (и следовало бы добавить — и теории относительности) [Там же. С. 402].

Теперь обратимся к «Восьмистишиям». Когда более четверти века тому назад я заканчивал свою книгу по истории единых теорий поля, основанных на расширении четырёхмерной псевдоримановой геометрии [Визгин 1985; Визгин 2006], я увидел, насколько хорошо подходят «Восьмистишия» и некоторые другие строчки из стихотворений Мандельштама к тому, чтобы использовать их в качестве эпиграфов к отдельным главам. В 1985 г. мне это не удалось, вероятно, потому, что Мандельштам всё ещё был достаточно одиозен. Зато во 2-ом русском издании книги я это сделал [Визгин 2006]. Приведу некоторые «пространственные» и квазирелятивистские фрагменты из «Восьмистиший», использованные мною в качестве эпиграфов:

«И дугами парусных гонок /Открытые формы чертя./ Играет пространство спросонок — /Не знавшее люльки дитя»; «Преодолев затверженность природы, /Голуботвёрдый глаз проник в её закон...»; «И тянется глухой недоразвиток / Как бы дорогой, согнутою в рог./ Понять пространства внутренний избыток / И лепестка и купола залог»; «И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин/ И мнимое рву постоянство / И самосогласье причин...» и др.

В «Восьмистишиях» пространство — первоключевое слово: оно определяет формы движения, оно допускает кривизну (его «внутренний избыток» — предположка геометрических структур купола и лепестка), оно связано с предположками опыта («И те, кому мы посвящаем опыт, /До опыта приобрели черты»); оно порождает «постоянство величин» и «самосогласье причин» и т.д. Как будто поэзия Мандельштама каким-то загадочным образом впитала в себя дух теории относительности.

сти и геометрической программы синтеза физики, и поэт в кратких, афористичных набросках выразил этот дух, пусть иногда в туманной, трудно интерпретируемой форме. Некоторую переключку «Восьмистиший» с «Разговором с Данте» отмечает Л.Г. Панова [*Панова 2003*. С. 249, 355].

Наиболее пространный комментарий к «Восьмистишиям» был дан Н.Я. Мандельштам [*Н.Я. Мандельштам 1990*. С. 189-312]. Вот фрагменты её комментариев к некоторым восьмистишиям: «В первом (“Люблю появление ткани...”) — появление стихотворных строк уподобляется познанию пространства — свободе движения в пространстве» [Там же. С. 238]. В третьем восьмистишии («Когда уничтожив набросок...») «тоже скрыто присутствует образ пространственный» [Там же. С. 239]. В шестом — «ветер пустыни — это то, что познает пространство — открытое, не представляющее никаких препятствий. Пространственные сравнения лежат в основе стихов о сочинительстве, а в стихах о пространстве появляется определение познавательной работы поэта: соотношение опыта и лепета» [Там же].

Заслуживают особого внимания и комментарии Н.Я. Мандельштам №8-№11, которые касаются таких теоретико-познавательных категорий, как пространство и бесконечность, время и вечность, причинность, Вселенная, законы природы и т.д.

А.И. Введенский

Недавно в журнале «Вопросы философии» появилась статья профессора Белградского университета Корнелии Ичин «Теория относительности в восприятии Александра Введенского» [*Ичин 2011*]. Автор ссылается на ряд текстов поэта, в основном стихотворных, относящихся, главным образом, к 1930-м гг., в которых, по её мнению, чувствуется влияние теории относительности. Перечислим их: это «Зеркала и музыкант» (1929), «Факт, теория и Бог» (1930), «Кругом возможно Бог» (1930-1931), «Серая тетрадь» (1932-1933), «Разговор о бегстве из комнаты» (1936-1937), «Последний разговор» (1936-1937), пьеса «Ёлка у Ивановых» (1938-1939). Кроме того, автор использует «Разговоры» Л.С. Липавского, которые являются «аутентичной записью ... бесед, происходивших в 1933-1934 гг. в узком кругу «чинарей» и их друзей» [*Введенский 2010*]. «Чинарями» с середины 1920-х гг. называли себя А.В. Введенский, который придумал это слово, и Д.И. Хармс, который называл Л.С. Липавского теоретиком «чинарей». Чуть позже возникает Объединение реального искусства «Обэриу» (1926), и литераторы, вошедшие в него, стали именоваться «обэриутами». Это — Введенский, Хармс, Липавский, а также Н.М. Олейников, Н.А. Заболоцкий, Я.С. Друскин, К.К. Вагинов, И.В. Бахтерев и др. Действительно, обэриутов, в частности Введенского, интересовали проблемы пространства, времени, причинности, но какого-то определённого влияния теории относительности на рассмотрение этих проблем в упомянутых стихотворениях поэта и в «Разговорах» Липавского не видно. В аннотации статьи К. Ичин говорится, например: «Подвергая критике логику и причинно-следственные связи, он (т.е. Введенский — Вл.В.) свои сочинения строит на теории относительности» [*Ичин 2011*. С. 106].

«По земле едва шагаю / За собой не успеваю/ А они вдруг понеслись / Мысли —я сказал —вы — рысь! / Мысли, вы быстры, как свет, / Но услышал я в ответ: / Голова у нас болит / Бог носиться не велит / Мир немного поредел, и в пяти шагах — предел». Это из стихотворения «Зеркало и музыкант» [*Введенский 2010*. С. 103]. Следует ли отсюда, что Введенский «обыгрывает теорию относительности»

сти» [Ичин 2011. С. 108]? Точно так же, упоминания о «том постороннем свете» и одновременном пребывании героя «тут и там» не дает основания связать эти строчки ни с концепцией Флоренского, ни, тем более, с теорией относительности (стихотворение «Факт, теория и Бог») [Введенский 2010. С. 117].

Явным преувеличением является утверждение автора, что в стихотворении «Разговор о бегстве в комнате» [Там же. С. 228-229] «Введенский проводит испытание на прочность общей теории относительности» [Ичин 2011. С. 108]. В стихотворении максимум, что усматривается, тривиальная констатация относительности движения («Первый. Комната никуда не убегает, а я бегу... Третий. И стул беглец и стол беглец и стена беглянка» [Введенский 2010. С. 228]).

Кстати говоря, даже в квазитеретических дискуссиях, зафиксированных Липавским, мы не находим каких-либо явных упоминаний о теории относительности и Эйнштейне, хотя интерес к пространственно-временной тематике иногда становится заметен. Например, Липавский и его друг Д.Д. Михайлов сравнивают средневековые представления о городе и Вселенной с современными: «В средние века и у Вселенной и у города были центр и границы ... Теперь же их нет. Вселенная бесконечна и бесструктурна и т.д.» [Введенский 2010. С. 598]. Правда, это говорит не Введенский, да и следов влияния теории относительности здесь не усматривается. На с. 602 «Разговоров» они же обсуждают «пространственность» древнегреческого мышления и «временность» еврейского менталитета, а Липавский добавляет, что «пространство надо не противопоставлять времени, а выводить из него» [Там же. С. 602-603]. Эта идея также противоречит смыслу теории относительности. Чуть позже в обсуждение проблемы времени включается Н.М. Олейников, который, в противовес теории относительности, замечает «... Все теории о времени — четвёртом измерении самые неверные и неинтересные» [Там же. С. 611]. Впрочем, Липавский пытается объяснить остальным участникам «Разговоров» смысл понятия кривизны поверхности и пространства [Там же. С. 613].

Определённый интерес представляют рассуждения Липавского о пространстве и времени, точнее их построении на основе «не только воображаемых, но и реальных опытов» [Там же. С. 640-641]. Многозначительно, но весьма туманно звучат заключительные фразы Липавского о времени: «Мы хотим распутать время, знаем, что вместе с ним распутывается и весь мир, и мы сами. Потому что мир не плавает во времени, а состоит из него» [Там же. С. 651]. Но это всё. Липавский; другие участники дискуссий не вникают в эти тонкости.

Едиственное место, непосредственно касающееся Введенского, это его вопрос о причинности: «А.В. (т.е. Александр Введенский — Вл.В.): Правда ли, что двое учёных доказали неверность закона причинности и получили за это нобелевскую премию? Л.Л. (т.е. Леонид Липавский — Вл.В.): Не знаю. Это связано, верно, с теорией квант, о которой я слышал, что там законы мира понимаются как статистические...» [Там же. С. 629]. Но эта тема не получила развития; к тому же это — не релятивизм, а кванты. Для классика литературы абсурда естественен интерес к теоретическому обоснованию беспричинности, родственной абсурду.

Вместе с тем, обэриуты — не только Введенский — были замечательными поэтами и прозаиками, их судьбы были трагичны. Они, в какой-то степени унаследовали традиции Хлебникова, они на два десятилетия опередили театр абсурда С. Беккета и Э. Ионеско. Какие-то далекие, неясные, трудно интерпретируемые связи с релятивистской и пространственно-временной тематикой ощущаются, но не более того.

Заключительные замечания

Теория относительности — фундаментальная физическая теория, основанная на эксперименте и весьма непростой математике (теория групп, риманова геометрия и т.д.). Она радикально изменила наши представления о пространстве, времени, движении, причинности и т.п. и поразила воображение не только физиков, астрономов, математиков, но также и философов, гуманитариев, людей искусства. Релятивистская революция по времени совпала с серией социальных революций (прежде всего в России) и революционными свершениями в литературе и искусстве.

Мы попытались проследить влияние релятивистской революции на литературу и искусство и другие гуманитарные области в России 1910-х и особенно 1920-1930-х гг. В итоге картина восприятия теории относительности в России и СССР стала более полной и стереоскопичной. В ней появился целый сектор текстов и имен, характеризующих художественно-культурную сторону восприятия релятивизма в стране. Этот сектор, первоначально состоящий из двух-трёх фигур (Флоренский, Богораз) теперь включает не менее полутора-двух десятков имен. Помимо названных, это — философ и филолог А.Ф. Лосев, поэты и прозаики В.В. Хлебников, В.В. Маяковский, В.Я. Брюсов, О.Э. Мандельштам, А.П. Платонов, Е.И. Замятин, А.В. Введенский, литературоведы и философы Р.О. Якобсон, Н.Н. Пунин, М.М. Бахтин, Л.С. Липавский и др. Конечно, это движение затронуло и изобразительное искусство; мы упоминали (и даже цитировали иногда) таких художников как Матюшин, Митурич, Филонов и др.

При написании этого текста, который можно рассматривать как своего рода комментарий к публикуемым в «Антологии» текстам (иногда это небольшие фрагменты), нам пришлось затронуть современные исследования (работы В.В. Бабкова, С.С. Хоружего, Л.Г. Пановой, В.В. Иванова, В.А. Шапошникова, М.Л. Гаспарова, К. Ичин и др.).

Картина получилась несколько пёстрой, т.к. теория относительности по-разному влияла на представителей гуманитарно-художественной культуры, да и сами её представители были фигурами разного масштаба. Всё-таки бросаются в глаза некоторые общие черты этого сектора восприятия релятивизма в России 1920-1930-х гг.:

1. Резко возрос интерес к пространственно-временным аспектам художественного творчества (Флоренский, Лосев, Якобсон, Бахтин и др.; в поэзии — Хлебников, Брюсов, Мандельштам и др.).

2. Релятивистские эффекты, фигура Эйнштейна, вообще точные науки всё чаще попадают в литературу (Замятин, Платонов, Брюсов и др.).

3. Стимулирующие релятивистские параллели приводят гуманитариев к нетривиальным открытиям или обобщениям («обратная перспектива» Флоренского, понятие хронотопа Бахтина и др.).

4. По времени основные события в рассматриваемой области были сосредоточены в первой половине и середине 1920-х гг. (Флоренский, Брюсов, Хлебников, Якобсон, Замятин, Платонов, Богораз, несколько позже Лосев, Бахтин, Мандельштам и др.).

5. Каким-то странным образом многие из наших героев попали под идеологический пресс властей и некоторые из них, в конечном счёте, погибли (Флоренский, Лосев, Мандельштам, Введенский, Замятин, Платонов, Бахтин и др.).

6. Этот блок допускает расширение. Например, есть материал по В.И. Вернадскому, С.М. Эйзенштейну и, возможно, А.А. Ухтомскому, который ввёл понятие хронотопа в биологию. Впрочем, Вернадский и Ухтомский — это, скорее, пространственно-временная проблематика в биологии, геологии и других естественных науках, не относящихся к физико-математическим. Возможно, некоторого внимания в рассматриваемом отношении заслуживают поэты и теоретики искусства А. Белый, Б.Л. Пастернак, обэриуты Д.И. Хармс и др. Наконец, более детально можно было заняться художниками русского авангарда.

Литература

Аксёнов 1923 — Аксёнов И.А. Велемир Хлебников. Отрывок из «Досок Судьбы» (рец.) // Печать и революция. 1923. №5. С.278

Анненков 1990 — Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М.: Советский композитор. 1990. 344 с.

Бабков 2000 — Бабков В.В. Контексты Досок Судьбы // В. Хлебников Доски Судьбы. М.: Рубеж столетий. 2000. С.160-287

Базаров 1923 — Базаров В.А. Обзор научно-популярной литературы по теории относительности // Вестник Соц. Академии. 1923, кн. 3. С.322-343

Бахтин 1975 — Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит. 1975. С.234-407.

Богораз 1923 — Богораз (Тан) В.Г. Эйнштейн и религия. М. — Петроград: Изд. Л.Д. Френкель. 1923. 120 с.

Брюсов 1961 — Брюсов В.Я. Стихотворения и поэмы. Библ. поэта. Больш. сер. 2-е изд. Л.: Сов. писатель. 1961

Брюсов 1976 — Брюсов В.Я. Из неизданных и несобранных стихотворений // Литературное наследство, т.85. Валерий Брюсов. М.: Наука. 1976. С.35-64

Брюсов 1990 — Брюсов. Среди стихов: 1894-1924. Манифесты, рецензии. М.: Сов. писатель. 1990. 720 с.

Булгаков 1978 — Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // М. Булгаков. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: романы. Л.: Худ. лит. 1978. С.423-812

Введенский 2010 — Введенский А.И. Всё. М.: ОГИ.2010. 736 с.

Замятин 1990 — Замятин Е.И. О синтетизме // Е. Замятин. Избранные произведения. М.: Сов. Россия. 1990.С.410-418

Гаспаров 1997 — Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т.П. О стихах. М.: «Языки русской культуры». 1997. 503с.

Зельманов 1967 — Зельманов А.Л. Космология // Развитие астрономии в СССР. М.: Наука. 1967. С.320-390

Ичин 2011 — Ичин К. Теория относительности в восприятии Александра Введенского // Вопросы философии. 2011, №1. С.108-115

Казак 1996 — Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура». 1996. 493 с.

Кедров 2002 — Кедров К. Философ света // Новые Известия 22 января 2002

Лосев 1993 — Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука (1927) // А.Ф. Лосев. Бытие — имя — космос. /Сост. и ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1993. С.61-612

- Лосев 1990, I* — Лосев А.Ф. Диалектика мифа (1927-1930) // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: 1990. С. 393-599.
- Лосев 1990, II* — Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. М.: Совет. писатель. 1990. 320 с.
- Лотман 1997* — Лотман Ю.М. Письма. М.: Языки русской культуры. 1997. 800 с.
- Мандельштам Н.Я. 1990* — Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930-1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж: Изд. Воронежского университета. 1990. С. 189-312
- Мандельштам 1993, I* — Мандельштам О. Собр.соч. в 4-х томах, Т. I. М.: Артбизнес-центр. 1993. 368 с.
- Мандельштам 1993, II* — Мандельштам О. Собр.соч. в 4-х томах, Т. II. М.: Артбизнес-центр. 1993. 704 с.
- Мандельштам 1994, III* — Мандельштам О. Собр.соч. в 4-х томах, Т. III. М.: Артбизнес-центр. 1994. 528 с.
- Мандельштам 1997, IV* — Мандельштам О. Собр.соч. в 4-х томах, Т. IV. М.: Артбизнес-центр. 1997. 608 с.
- Мандельштам 1995* — Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб.: Акад. проект. 1995. 720 с.
- Мир 2000* — Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911-1998). М.: Языки культуры. 2000. 880 с.
- Минковский 1935* — Минковский Г. Пространство и время // Принцип относительности. Сборник работ классиков релятивизма. Под. ред. В.К. Фредерикса и Д.Д. Иваненко. Л.: ОНТИ. 1935. С.181-213
- Митурич 1997* — Митурич П.В. Записки сурового реалиста эпохи авангарда. Мир.: ЛИРА. 1997. 312 с.
- Панова 2003* — Панова А.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии О.Э. Мандельштама. М.: Языки славянской культуры. 2003. 808 с.
- Платонов 1990* — Платонов А.П. Слышные шаги (революция и математика); Свет и социализм // А. Платонов. Чутьё правды. М.: Сов. Россия. 1990. С.142-144; С. 177-179
- Ранние формы 1972* — Ранние формы искусства. Сборник статей. Отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Искусство. 1972. 480 с.
- Ритм 1974* — Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Отв. ред. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука. 1974. 300 с.
- Русская философия 1995* — Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука. 1995. 624 с.
- Тахо-Годи 1993* — Тахо-Годи А.А. Алексей Федорович Лосев // А.Ф. Лосев. Бытие — имя — космос. М.: Мысль. 1993. С.5-30
- Троицкий 1993* — Троицкий В.П. «Античный космос и современная наука» и современная наука // Там же. С.882-905
- Флоренский 1900* — Флоренский П.А. Том 2. У водоразделов мысли. М.: Правда. 1990. 448 с.
- Флоренский 1922* — Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М.: Поморье. 1922. 70с.
- Флоренский 1923* — Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. С.: Прогресс. 1993. 324 с.
- Хлебников 1986* — Хлебников В.В. Творения. М.: Сов. писатель. 1986. 736 с.
- Хлебников 2000* — Хлебников В.В. Доски Судьбы. Сост., коммент., очерк — В.В. Бабков. М.: Рубеж столетий. 2000. 288 с.

Хоружий 1990 — Хоружий С.С. Обретение конкретности // Флоренский П.А. Том 2. У водоразделов мысли. М.: Правда. 1990. С. 3-12

Шапошников 2011 — Шапошников В.А. «Плоткость мысли» (к философии математики о Павла Флоренского) // Истор.-матем. исследования. Вторая серия. Вып. 14 (49). М., 2011. С.242-265

Якобсон 1987 — Якобсон Р. Футуризм (1919) // Р. Якобсон. Работы по поэтике. М., 1987. С. 414-420

Чижевский 1974 — Чижевский А.Л. Вся жизнь. М., Сов. Россия. 1974. С.74-79

Василий Демидович

ИНТЕРВЬЮ

с

ХЕНРИКОМ ВОЖЬНЯКОВСКИМ

С польским математиком, членом-корреспондентом Польской Академии наук, профессором Хенриком Вожьянковским (Henryk Woźniakowski) моё интервью случилось при следующих обстоятельствах.

Как я уже упоминал, в мае 2012 года я приехал из Германии на «weekend» в Варшаву к своему другу Макс Дрые. После моего интервью с Максом я сказал ему, что хотел бы взять ещё интервью у Хенрика Вожьянковского, с которым был неплохо знаком. «А мы сейчас позволим ему и спросим, не сможет ли он прямо сегодня принять тебя и дать тебе интервью?» — ответил Макс. К моему удовольствию Хенрик согласился на беседу со мной, сказав: «Я сейчас в институте, и если Вася подъедет ко мне часа через полтора, то я готов задержаться и ответить на его вопросы». Быстро «набросав» свои вопросы, я отправился в знакомый мне Институт прикладной математики и механики Варшавского университета (Uniwersytet Warszawski, Instytut Matematyki Stosowanej i Mechaniki) по адресу ul. Banacha 2. Там, в его офисе на четвёртом этаже, и состоялась наша дружеская беседа, прерываемая лишь телефонными «деловыми звонками» к моему собеседнику.

Ниже приводятся текст этого интервью с Хенриком Вожьянковским.

ИНТЕРВЬЮ С ХЕНРИКОМ ВОЖЬНЯКОВСКИМ

В.Д.: Дорогой Хенрик! Мы уже несколько лет знакомы, и потому разреши обращаться к тебе на «ты».

Для начала расскажи, пожалуйста, где ты родился, кто были твои родители и был ли кто-нибудь из них связан с математикой?

Х.В.: Ну что сказать ... Я родился в Люблине. Отца звали Изидор (Izydor), а мать — Иреной (Irena).

Отец был... бизнесменом. Никаким математиком он не был.

В.Д.: Ты закончил «обыкновенную» школу или какую-нибудь «специализированную», скажем, с углублённым изучением математики?

Х.В.: Я закончил обыкновенную школу. Специализированных школ в то время просто не было.

В.Д.: И где же ты учился?

Х.В.: Все школы, где я учился, были в Варшаве.

В.Д.: Так что, ты учился в разных школах?

Х.В.: ...Ну, я имею в виду школу, гимназию, потом Варшавский университет.

В.Д.: А, в этом смысле «все школы»: и начальная школа, и гимназия, и университет. И всё в Варшаве.

Х.В.: Да.

В Варшавском университете я учился на математика в 1964-1969 годы.

В.Д.: Ясно.

Х.В.: Пять лет.

В.Д.: Да-да, на математическом факультете.

Х.В.: Да, на математическом.

В.Д.: Курсовые работы были у тебя в Варшавском университете?

Х.В.: Что такое... курсовая работа?

В.Д.: У нас на третьем и четвёртом курсах Мехмата МГУ студенты проводят небольшое научное исследование, под руководством научного руководителя, и оформляют его в качестве «курсовой работы». На математическом факультете Варшавского университета такое тоже есть?

Х.В.: На третьем-четвёртом курсах такого нет. Есть на пятом курсе.

В.Д.: То есть, студенты пишут только дипломную работу...

Х.В.: Да, только дипломную работу.

В.Д.: И кто был твоим научным руководителем по дипломной работе?

Х.В.: Келбаси́нский.

В.Д.: Анджей Келбаси́нский, ясно. Я с ним немного знаком.

Х.В.: Под его руководством я написал дипломную работу по... численным методам решения линейных систем очень большой...

В.Д.: ...размерности?..

Х.В.: Да, размерности ...Точнее, по итерационным численным методам решения таких систем...

В.Д.: Понятно.

Х.В.: В ней я рассматривал *ADI (Alternating Direction Implicit) method*... В СССР в этом направлении работал Яненко, я читал его работы...

В.Д.: С Николаем Николаевичем Яненко ты потом познакомился?

Х.В.: Нет. Впрочем, кажется, я раз встречался с ним...

В.Д.: Он из Новосибирска...

Х.В.: Да, но, возможно, он был в Москве, во время...

В.Д.: ...Какой-нибудь конференции?

Х.В.: Во время моей стажировки там.

В.Д.: А-а!

Х.В.: Когда я окончил математический факультет Варшавского университета, в 1969-ом году, я был оставлен работать в Университете. Так что я здесь работаю больше сорока лет.

В.Д.: Сразу в Варшавском университете.

Х.В.: Да. Работал всегда в Варшавском университете и всегда на этом факультете.

Но у нас было заведено... что все молодые ассистенты, после первого года работы в Университете, уезжали ещё учиться в Москву...

В.Д.: На стажировку.

Х.В.: Да, на стажировку.

Поэтому в 1970-1971 годы я был в Московском университете на стажировке...

В.Д.: Как раз в 1970-ом году, на базе кафедры вычислительной математики, в МГУ был создан Факультет ВМиК. И ты на год туда приехал стажироваться....

Х.В.: На девять месяцев.

В.Д.: Ну, на «академический» год.

Х.В.: Да, на «академический» год. И моим первым... управителем в МГУ был...

В.Д.: ...куратором в МГУ ...

Х.В.: Да, куратором в МГУ был сначала Андреев, ...а потом Самарский.

В.Д.: Так Самарский стал после Андреева!..

Х.В.: Да, после. В то время я был очень заинтересован в решении уже... нелинейных систем...

В.Д.: Уравнений в частных производных?

Х.В.: Нет-нет-нет.

В.Д.: Нет? Обыкновенных дифференциальных уравнений?

Х.В.: Да нет же: алгебраических уравнений.

В.Д.: Систем нелинейных алгебраических уравнений... Ясно.

Х.В.: Моя кандидатская работа была уже по этой теме...

В.Д.: Ясно-ясно.

Х.В.: Но во время моей стажировки в Москве я уже знал фамилию «Бахвалов». И я пошёл к нему на семинар.

Он тогда ещё... не занимал...

В.Д.: ...не занимался...

Х.В.: ...не занимался оптимальными алгоритмами.

В.Д.: Да-да.

Х.В.: Но я уже знал, что он этим интересуется... От Бахвалова же я узнал о работе Смоляка.

В.Д.: А-а, Смоляка!

Х.В.: Помню, что я пошёл в библиотеку, и там мне дали его кандидатскую диссертацию...

В.Д.: Кандидатскую диссертацию Смоляка, хорошо!

Известно, что знаменитая лемма Смоляка была сформулирована им именно в его кандидатской диссертации.

Х.В.: Да-да.

В.Д.: Значит, это Николай Сергеевич Бахвалов натолкнул тебя прочесть кандидатскую диссертацию Смоляка...

Х.В.: Да, он подсказал мне прочесть его кандидатскую диссертацию. Но с самим Смоляком я тогда ещё не...

В.Д.: ...не был знаком.

Х.В.: Да, не был знаком.

Я не смог с ним, на моей стажировке в Москве, даже встретиться — ведь тогда он, я думаю, работал ... в Красной Армии ...

В.Д.: Я не знаю, где тогда работал Сергей Абрамович Смоляк, однако, вряд ли, это была какая-нибудь «секретная» работа. Но в МГУ, мне кажется, он никогда не работал.

Х.В.: Я его только один раз в жизни видел — встретился со Смоляком позднее здесь, в Варшаве.

В.Д.: В Польшу он, значит, приезжал?

Х.В.: Да, он приезжал на конференцию. Я был организатором этой конференции. С Чисельским...

В.Д.: Со Збигневом Чисельским, понятно.

Х.В.: Это было в 1995-ом году.

В.Д.: Хорошо-хорошо.

Х.В.: Смоляк пробыл здесь, где-то, неделю... И всё...

У него очень хороший... пешогу...

В.Д.: Хорошая память.

Х.В.: Он помнил все свои работы.

В.Д.: Помнил все свои работы? Не удивительно.

Х.В.: Я имею в виду, что он помнил все формулы в своих работах, все... детали ...

В.Д.: А-а, вплоть до всех деталей....

Х.В.: Да-да!

В.Д.: Вот это уже интересно!

Х.В.: И он хотел у меня узнать, что... случилось... за последние двадцать пять лет... в области теории оптимальных алгоритмов?..

Я же ему сказал, что сам хотел обратиться по этому вопросу к нему, потому что он, теперь, очень знаменитый математик ... Благодаря лемме Смоляка... Хотя её надо было бы называть теоремой Смоляка...

В.Д.: Да, и Владимир Михайлович Тихомиров её называет «Леммой Смоляка», а не «Теоремой Смоляка».

Х.В.: Да, потому что в диссертации она названа «леммой» ... Но, по существу, это «теорема»...

В.Д.: Конечно.

Теперь такой вопрос. В Москве ты стажировался в МГУ. И я слышал, что ты туда поехал с женой. Это как произошло?

Х.В.: Значит так: я поехал в Москву на 9 месяцев, а моя жена была со мной всего 3 месяца.

В.Д.: Она тоже математик?

Х.В.: Да, она тоже математик.

В.Д.: Её имя — Гражина, так? И тогда у неё уже была фамилия Вожьянская, правильно? А какова её девичья фамилия?

Х.В.: Девичья фамилия у неё Вельгат (Wielgat).

В.Д.: Она моложе тебя?

Х.В.: Она 1945 года рождения...

В.Д.: Понятно.

Ну, и такой вопрос. Ты уже сказал, что познакомился с Николаем Сергеевичем Бахваловым во время своей московской стажировки. А с Владимиром Михайловичем Тихомировым ты тоже тогда познакомился?

Х.В.: Нет, ещё нет. Потому что в то время я не был ещё заинтересован в теории аппроксимации...

В.Д.: То есть, теорией аппроксимации ты заинтересовался позже?

- Х.В.: Да, значительно позже...
- В.Д.: И когда ты познакомился с Владимиром Михайловичем?
- Х.В.: Ну, во-первых, я познакомился с его работами.
- В.Д.: Это понятно.
- Х.В.: С его книгой. Это было очень важно для меня...
- В.Д.: С какой его книгой — «Теория аппроксимаций»?
- Х.В.: Да-да-да.
Моя первая книжка с Траубом была издана в 1980-м году.
- В.Д.: Понятно.
- Х.В.: И эта книжка Тихомирова, по моему, в том же году.
- В.Д.: Извини, твоя, с Траубом, книжка была издана на английском языке?
- Х.В.: По-английски.
- В.Д.: Причём, в Соединённых Штатах...
- Х.В.: Но она была переведена на русский язык.
- В.Д.: Это я знаю. А на польский — нет?
- Х.В.: На польский нет (*смеются*). На польский, так сказать, нет... market...
- В.Д. Не окупилась бы при продаже, понимаю.
- Х.В. Вообще с Траубом мы решили собрать все работы в этом направлении... По теории сложности...
- В.Д.: Хорошо.
- Х.В.: ...математической задачи. Я был... responsible...
- В.Д.: ...ответственным...
- Х.В.: Да, ответственным.
И мы договорились, что Трауб будет искать все работы по-английски, а я буду искать все работы по-русски.
- В.Д.: То есть, вы разделились.
- Х.В.: Да, разделили работу.
- В.Д.: Да-да.
- Х.В.: Моя работа была... искать все... русские... работы...
- В.Д.: На русском языке?
- Х.В.: Да, на русском языке.
Так вот, среди них было много работ Тихомирова.
- В.Д.: Ну, да, конечно.

Х.В.: В частности, его работы с Колмогоровым...

Х.В.: Да... Я тебе покажу эту книжку.

В.Д.: Давай.

Х.В.: Вот эта книжка.

В.Д.: Вижу: английский оригинал твоя, с Траубом, книги.

Х.В.: Да. И здесь сделана... очень важная... запись... А, вот она: *(примеч. В.Д.: находит в книге нужную фразу и зачитывает её перевод на русском языке)* «Мы верим, что эти ... оптимальности... удастся... полностью исследовать».

Книжка была переведена на русский язык. В ней есть... часть С...

В.Д.: С краткой историей этой теории. Понятно.

Х.В.: И с упоминанием... много-много работ... Например, работы Корнейчука...

В.Д.: Николай Павлович Корнейчук несколько лет назад умер.

Х.В.: ...Вот его книга, или работа, не помню...

В.Д.: Книга-книга — известная книга Корнейчука, я её знаю.

Х.В.: Дойдём и до... Тихомирова. А, вот и работы Тихомирова.

В.Д.: Вижу: Тихомиров, Тихомиров, Тихомиров...

Х.В.: А вот и по-английски его работа: «Some problems of...»

В.Д.: Понятно.

И что, ты все эти работы Тихомирова изучил?

Х.В.: В общем, да.

А вот и работы Темлякова. Я с ним потом тоже познакомился...

В.Д.: Ты познакомился с Темляковым?

Х.В.: С Темляковым, да.

В.Д.: В Америке? Он же сейчас живёт в Америке.

Х.В.: Это я знаю. Но я познакомился с ним ещё в Германии ... в Дагштуле (Dagstuhl).

В.Д.: В Дагштуле?

Х.В.: Дагштуль — это как Обервольфах (Oberwolfach).

В.Д.: А-а, Обервольфах!

Х.В.: Есть такое в Германии место для конференций.

В.Д.: Да-да, я знаю про Обервольфах.

Х.В.: Потом я бывал гостем Темлякова.

В.Д.: Уже в Америке.

Х.В.: И в Америке, и в Москве.

В.Д.: И потом в Москве, ясно.

Х.В.: Мы просто вместе оказались в Москве. Я тогда был ...заведующим в нашем... ВАКе... Вот в то время я и познакомился с Тихомировым.

В.Д.: Понятно. Примерно в какие годы это было: в 1980-ые?

Х.В.: Нет, уже в 1990-ые.

В.Д.: В 1990-ые?

Х.В.: Ну, может, чуть раньше — в тысяча девятьсот восемьдесят... седьмом году...

В.Д.: Отлично.

Теперь вот о чём. Мне очень нравится книжка Стефана Пашковского о чебышёвских полиномах — она у нас переведена. Но я с ним не знаком — слышал только, что он живёт во Вроцлаве. А ты, как я слышал от Макса, хорошо знаком с ним. Расскажи немного о нём.

Х.В.: Да, я с ним знаком. Да, он во Вроцлаве. И он очень крупный... вычислительный... математик.

Он был оппонентом по моей кандидатской диссертации... А впервые увиделся я с ним ещё студентом, ...по-моему, в 1967-ом году...

В.Д.: Извини, а в качестве научного руководителя по диссертации у тебя был написан кто?

Х.В.: Келбасиньский.

В.Д.: Ясно: Анджей Келбасиньский — научный руководитель, Стефан Пашковский — оппонент.

Х.В.: Да.

Так вот, когда я был студентом, я участвовал в конкурсе студенческих работ... проводившемся во Вроцлаве...

В.Д.: Во Вроцлаве?

Х.В.: Да, во Вроцлаве... И я там получил награду... В 1967-ом, или в 1968-ом, году...

В.Д.: Понятно.

Х.В.: Там я и познакомился с Пашковским. Это было для меня очень важно... В то время я уже заинтересовался нелинейными алгебраическими системами. А он сказал мне, что есть такая книга ... «The solutions of nonlinear systems»...

В.Д.: Кто её автор?

Х.В.: Как раз Джозеф Трауб.

В.Д.: Ты его ещё не знал, так?

Х.В.: Конечно! Не знал даже такую фамилию....

В.Д.: Ясно.

Х.В.: А Пашковский сказал мне...

В.Д.: ...Что есть такой Трауб.

Х.В.: ...Что есть такая книга Трауба.

В.Д.: А-а!

Х.В.: И мне нужно эту книгу...

В.Д.: ...Почитать.

Х.В.: Почитать, да.

И я это сделал. Как раз в 1970-1971 годы... Причём, не только прочитал книгу Трауба, но и решил задачки, которые были в ней...

В.Д.: Трауб тогда жил в Германии?

Х.В.: Нет-нет.

В.Д.: Уже в Америке?

Х.В.: Да! ...Он с 7 лет в США...

В.Д.: С детских лет в Америке?

Х.В.: Да-да.

Он из еврейской семьи. И потому вся его семья эмигрировала из фашистской Германии в США в 1939-ом году.

В.Д.: А-а, вся семья эмигрировала... Кстати, он не из математической семьи? Его отец не был математиком?

Х.В.: Нет-нет, не был.

В.Д.: И никакого отношения к математике не имел?

Х.В.: Его отец был банкиром.

В.Д.: Так, всё-таки, имел... (*смеётся*).

Х.В.: Богатым человеком был.

В.Д.: Немецкий язык Джозеф не забыл?

Х.В.: Да, он говорит по-немецки. Потому что в его семье дома говорили только по-немецки...

В.Д.: Это правильно, что он не забыл язык своего детства.

Х.В.: Но, конечно, он теперь уже... не так богатый...

В.Д.: Ясно: математик — это не банкир... Он тебя намного старше?

Х.В.: Старше: в этом году ему исполнилось 80 лет.

В.Д.: Теперь вот о чём.

Я слышал, что ты совмещаешь работу в Варшавском университете с работой в Соединённых Штатах. Расскажи, пожалуйста, об этом подробнее. Об американских университетах. В каком университете ты там преподавал?

Х.В.: Моя первая поездка в США состоялась... в 1973-ем году.

В.Д.: Хорошо-о!

Х.В.: Потому что я написал Траубу, которого тогда ещё лично не знал, что я решил некоторые задачи из его книги. И он мне ответил: «Приезжайте...

В.Д.: ...Здорово!

Х.В.: ...и расскажите...». В то время в он был... в Карнеги Мелон (Carnegie Mellon University)

В.Д.: Где-где?

Х.В.: Это в Питтсбурге (Pittsburgh).

В.Д.: А-а, в Питтсбурге.

Х.В.: Это было в 1973-ем году.

Ну, затем я был уже... visitor...

В.Д.: ...«Профессор-визитором» ...

Х.В.: в Карнеги Мелон... С 1973-го по 1979-ый годы я читал там лекции... Оттуда Трауб потом переехал в Columbia University... университет в Нью-Йорке.

В.Д.: В Колумбийский университет, понятно.

Х.В.: И я тоже поехал с ним. В этот Columbia University...

В.Д.: Хорошо.

Х.В.: Значит, это был уже 1979-ый год

В.Д.: И с той поры ты регулярно приезжал в Колумбийский университет?

Х.В.: Да-да.

Я ездил в Columbia, сначала, на несколько месяцев, ... Потом на семестр — один семестр в Columbia, один в Варшаве ... Потом на год — один год в Columbia, один год в Варшаве...

В.Д.: Здорово!

Теперь такой вопрос. У тебя есть книжки и с Васильковским. Кто это — твой ученик?

Х.В.: Это мой ученик, да. У нас, действительно, есть... общие книжки...

В.Д.: Да-да, совместные книжки. Они, кажется, переведены на русский язык?..

Х.В.: Ох-ох-ох... Одна переведена... А одна — и да, и нет.

- В.Д.: И да, и нет? (*смеётся*).
- Х.В.: Я тебе скажу... что случилось...
Вот эта книга... здесь... (*показывает книгу J.F. Traub, G.W. Wasilkowski, H. Wosniakowski "Information-Based Complexity". Academic Press, INC, 1988*).
- В.Д.: Здесь три автора — ещё и Трауб! Как и в вашей предыдущей книжке.
- Х.В.: Да, три автора. Эта книга была издана в 1988-ом году...
- В.Д.: Вижу: в 1988-ом.
- Х.В.: И она была переведена на русский язык... с помощью Темлякова....
- В.Д.: Самим Темляковым?
- Х.В.: Нет... У него был ученик, его докторант...
- В.Д.: Да?
- Х.В.: Postgraduate Student... PhD student.
- В.Д.: То есть у Темлякова, в Америке, был ученик, который писал свою кандидатскую диссертацию?
- Х.В.: Он был в Москве, в Стекловке.
- В.Д.: А-а, в Москве...
- Х.В.: Дубинин... Владимир Дубинин...
Так вот, книга была им переведена на русский язык. Но она не была издана... Потому что в то время Советский Союз уже перестал существовать...
- В.Д.: Это было в каком году?
- Х.В.: В девяносто первом — девяносто втором...
- В.Д.: В 1992-ом году. Да, Советского Союза уже не было.
- Х.В.: Поэтому эта книга... была на русский лишь переведена... Но не была... издана в России...
- В.Д.: Интересно... Впрочем, я проверю...
- Х.В.: Да?
- В.Д.: Да. Может быть, она была, всё-таки, издана в России после 1992 года...
- Х.В.: А-а!
- В.Д.: Я проверю в Москве. И сообщу тебе по e-mail'у, если её перевод на русском языке издан...
- Итак, контакты с Владимиром Михайловичем Тихомировым у тебя установились крепкие. Он об этом неоднократно мне говорил...
- Вот и теперь, когда я ему сообщил, что еду в командировку в Германию, откуда, на weekend, намерен съездить в Варшаву и встретиться там с Хенриком, он сказал: «Очень хорошо, постарайтесь и у него взять интервью». Он о тебе очень хорошего мнения... Так что у вас, видимо, действительно тёплые отношения.

- Х.В.: Да-да, очень хорошие.
- В.Д.: Отлично!
- Х.В.: Мы с Тихомировым часто встречались, беседовали ...Один раз он был нашим гостем в Колумбийском университете...
- В.Д.: Он и в Бендлево (Bedlewo) приезжал.
- Х.В.: Да, из Варшавы...
- В.Д.: В Москве мы с ним тоже встречались...
- В.Д.: Да-да, я слышал от него.
- Х.В.: Встречались много раз...
- В.Д.: Хорошо...
- Х.В.: Да, кстати, о Николае Сергеевиче Бахвалове. Его ты хорошо знал. А знал ли ты, что его сын, Саша Бахвалов, полгода назад защитил докторскую диссертацию?
- Х.В.: А-а, хорошо.
- В.Д.: Он сейчас работает на кафедре теории функций и функционального анализа Мехмата МГУ... Занимается тригонометрическими рядами...
- Х.В.: Я хотел бы рассказать немножко ещё о Бахвалове.
- В.Д.: Давай!
- Х.В.: Когда я приехал на стажировку в Москву, я, вскоре, стал посещать его спецсеминар...
- В.Д.: ...где ты познакомился с Костей Осипенко.
- Х.В.: Да-да-да, с Костей Осипенко и с Жорой Магарил...
- В.Д.: ...Магарил-Ильяевым. Однако с Жорой тогда ещё вряд ли — ведь, в отличие от Кости, Жора учеником Бахвалова не был. С Жорой ты, наверное, познакомился позже.
- Х.В.: Ну, может быть.
- Х.В.: И однажды я спросил Бахвалова, почему он... не делал работы... по оптимальным алгоритмам после 1971-го года?..
- В.Д.: Ну и что Николай Сергеевич тебе ответил?
- Х.В.: Он мне сказал, что был всегда... «одиночкой» в этом направлении... И тогда он решил, что это не хорошо... И что надо делать то, чем...
- В.Д.: Чем занимаются и другие?
- Х.В.: Да, что другие тоже делают. И он «пошёл» в... плазму...
- В.Д.: В прикладную тематику, ясно.
- Х.В.: Так что он уже...
- В.Д.: Отошёл от своей старой тематики.

Х.В.: Отошёл, да.

Но, я думаю, его продолжало интересоваться, что по ней сделали другие....

В.Д.: Николай Сергеевич Бахвалов мне читал лекции по вычислительной математике, когда я был ещё студентом. Потом я слушал его лекции молодым ассистентом, когда сам уже читал курсы методов вычислений на Инженерном потоке Мехмата МГУ (до сих пор на Мехмате МГУ существует такая форма получения инженерами дополнительного математического образования) и был направлен на ФПК (раз в пять лет члены факультетских кафедр, освобождаясь от педагогической нагрузки, направлялись на так называемый Факультет повышения квалификации — по существу, в семестровый «творческий отпуск» для «поднятия» своего научно-педагогического уровня). Он ко мне всегда доброжелательно относился. И я вспоминаю его с теплотой.

Кстати, я учил его сына, Сашу Бахвалова, который теперь уже сам доктор наук... *(смеются)*.

Х.В.: Да, математический мир... маленький.

В.Д.: Да-да, математический мир тесен...

В этой связи могу добавить, что отец Николая Сергеевича — Сергей Владимирович Бахвалов, много лет проработал на Мехмате МГУ вместе с моим отцом.

Х.В.: А-а!

В.Д.: Так что видишь, как всё... «переплелось» *(смеются)*.

Так. Теперь вот какой вопрос. Я знаю, что ты — член-корреспондент Польской академии наук. Когда произошло твоё избрание? И много ли, в связи с избранием, у тебя прибавилось «нагрузки»? Много ли в Академии тебе приходится, как по-русски говорят, «крутиться»?

Х.В.: Меня избрали в 2007-ом году.

В.Д.: В 2007-ом! Мне казалось раньше...

Х.В.: Нет-нет, в 2007-ом году. И никакой... «дополнительной нагрузки»... в связи с этим у меня не появилось... Это, так сказать,...

В.Д.:...почётное дело...

Х.В.: Да, почётное дело.

В.Д.: Ну а деньги «за член-коррство» доплачивают?

Х.В.: Деньги дают, но... немножко *(смеются)* Но у меня нет, так сказать,...

В.Д.: Ежедневных обязанностей?

Х.В.: Да, конкретных обязанностей.

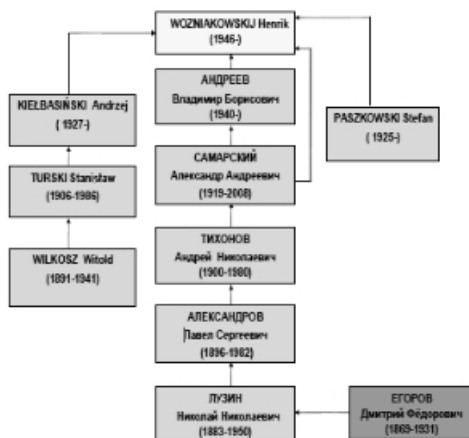
В.Д.: Это хорошо.

Х.В.: Лишь два раза в год мне надо быть на... такие встречи...

В.Д.: Быть на академической сессии?

Х.В.: Да, на сессии.

- В.Д.: Кстати, Пашковский тоже член Академии?
- Х.В.: Нет. Среди членов Польской Академии наук только 18 математиков...
- В.Д.: Почему же только — это не мало!..
- Х.В.: Ну, как сказать...
- В.Д.: А это и академиков, и член-корреспондентов, в сумме?
- Х.В.: Да, в сумме.
А всего членов Польской Академии наук... примерно 350...
- В.Д.: Ну, это большая Академия.
- Х.В.: Ну, конечно... Но математиков в ней лишь 5%...
- В.Д.: Ну, в России, я думаю, математиков среди членов Академии наук примерно такой же процент...
- Х.В. А, надо бы, математиков в Академии иметь побольше...
- В.Д.: Согласен.
Ну что ж, Хенрик, мои вопросы исчерпаны. Позволь мне поблагодарить тебя за эту беседу и пожелать тебе, и твоим близким, всего самого хорошего.
- Х.В.: И тебе, Вася, спасибо. Думаю, я не очень утомил тебя своими воспоминаниями...
- В.Д.: Напротив, мне было всё очень интересно...

Май 2012 года.

Самуил Кур

ГОРЬКИЙ. МУРА БУДБЕРГ.

СУДЬБА

Впервые о ней и ее необычной биографии рассказала Нина Берберова в своей книге “Железная женщина” (1981 г.). Это жизнеописание стало каноническим; впоследствии все, кто писали статьи на эту тему, обычно ссылались на него, либо просто пересказывали приведенные там оценки — без всяких ссылок, не сомневаясь в их правдивости. Между тем, несмотря на ряд комплиментов и похвал, книга Берберовой вынесла своей героине суровый приговор: авантюристка, предполагаемый агент нескольких разведок и так далее. У всех нас, отдаленных от тех давних событий на 70-80 лет, может возникнуть естественный вопрос: неужели этот приговор окончательный и обжалованию не подлежит? Ведь речь идет не о какой-то не известной миру и мало значимой личности, а о Марии Закревской-Бенкендорф-Будберг, знаменитой Мура, которая была знакома со Сталиным и политической элитой Британии. О женщине, бывшей неофициальной женой Максима Горького и ставшей последней большой любовью Герберта Уэллса. О той, имя которой через 35 лет после ее смерти, в 2010 году, внезапно возникло на страницах английских газет, потому что она, кроме всего прочего, оказалась еще и родственницей влиятельной фигуры на сегодняшней политической арене Великобритании — Ника Клегга.

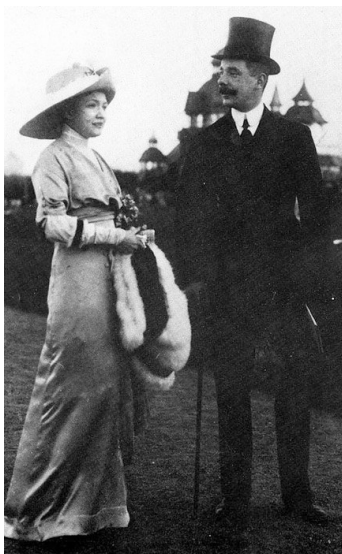
Эта женщина безусловно заслуживает того, чтобы о ней знали правду. Но как отделить правду от вымысла? Как не ошибиться, выставя ей за тот или иной поступок оценку «хорошо» или «плохо»? Было бы слишком легкомысленным опираться при этом только на внешнюю канву событий, на «чистые факты», то есть исходить из того, что происходило, где происходило и как происходило. И если мы хотим избежать поверхностных суждений и предвзятости, мы должны попробовать найти ответ на самый главный вопрос: почему? Что ее побуждало сделать шаг, который нам сегодня кажется странным? Почему в тех или иных случаях она поступала так, а не иначе? Глядя издали, через десятилетия, очень трудно ответить именно на этот вопрос — лучше всего было бы оказаться самими в нужное время в нужном месте. Поэтому у нас есть единственный выход.

Давайте отправимся в путешествие — назад, в прошлое — и проследуем вдоль пути, по которому шла Мура. Мы будем двигаться чуть-чуть сзади и сбоку, мы увидим наизу героиню и на небольшом расстоянии и крупным планом. Мы услышим, что говорили о ней те, кто ее знал и любил, и в чём обвиняли ее явные недоброжелатели. Мы побываем в разных странах — России, Советском Союзе, Италии, Германии, Франции, Англии. Мы встретимся с любовью и изменами, войнами и убийствами, славой и обманом, потому что это жизнь. Жизнь Муры Будберг и семи мужчин, сыгравших ключевую роль в поворотах ее судьбы. И при этом мы будем стремиться понять мотивы поступков действующих лиц, постараемся увидеть то, что осталось скрытым от глаз, о чём напрямую не сказано. И сравнивая, сопоставляя, делая выводы, мы поймем, чем жила эта женщина, в чём заключалась ее аура и ее грехи.

1. Петроградская осень

Когда Мария появилась на свет в 1892-м году, ее старшие сестры-двойняшки уже осваивали мир. Отец, Игнатий Платонович Закревский, был человеком мыслящим, он привез детям гувернантку из Англии прямиком в свое полтавское имение. И не какую-нибудь старуху — Маргарет Уилсон не было еще и тридцати. В семье все стали звать ее Микки. Окрестное дворянство посмеивалось — в здешней глуши только английского и не хватает. Но Закревский, толковый юрист, вскоре стал сенатором и обер-прокурором 1-го департамента права в российском Сенате. Так что семья оказалась в Санкт-Петербурге. А в столице и воздух другой, и взгляды иные. Мария выросла рядом с Микки и настолько полюбила ее, что сама не заметила, как от повседневного общения с милой гувернанткой переняла у нее произношение и стала говорить по-русски со своеобразным английским акцентом.

Всё было бы замечательно, но в 1905-м случилась беда — внезапно умер отец. Мать с детьми ненадолго вернулась в свои полтавские владения. Дочки незаметно выросли, у них появились поклонники, и одна за другой они вышли замуж. Дом опустел, в нём стало непривычно тихо, и это навевало грусть на оставшуюся в одиночестве младшенькую — Марию, или, как ее обычно называли — Муру. Конечно, ей тоже хотелось вырваться в большой свет, вслед за сестрами. Маме ничего не оставалось, как выпустить свою любимицу на волю. И она отправляет ее за границу.

Мария Закревская с мужем Иваном Бенкендорфом, Берлин, 1913

Муре восемнадцать, она появляется в Германии, где ее старший брат служил по дипломатической линии. Первый секретарь российского посольства в Берлине Иван Бенкендорф увидел такое очаровательное существо — и его судьба была решена. Друзья звали его Джон, он был высок, строен, блестяще окончил Императорский лицей и успешно продвигался по дипломатической службе. Его предложение руки и сердца звучало очень заманчиво, и Мария, почти не задумываясь, отве-

тила согласиём. Если честно, то какого-либо серьезного чувства к жениху она не испытывала. Но партия складывалась явно удачная. Будущее обещало быть светлым и приятным. Несмотря на молодость, Мария уже знала себе цену, и потаенная эмоциональность уже тогда сочеталась в ней с трезвой рассудительностью.

Посольская служба не слишком обременительна — есть время и на отдых, и на путешествия. В 1913-м появляется первенец — сын Павел. Кому его доверить, если не Микки? Добрая гувернантка принимает приглашение с радостью. Неожиданно разразившаяся Первая мировая война ломает устоявшийся ритм бытия. К тому же в 1915-м рождается дочь, Таня, — уже в Петрограде, как стала называться столица после разрыва с Германией. Иван теперь в армии. Беззаботная жизнь окончилась. Все балы и развлекательные мероприятия отменены. Мура, окончив ускоренные курсы сестер милосердия, работает в госпитале, ухаживая за ранеными. Но по-прежнему центром семейной жизни остается родовое имение Бенкендорфов, прибалтийских дворян с солидной родословной.

Маленькая деревушка Янеда на севере Эстонии, на старинном тракте между Ревелем и Дерптом, была известна с 1353 года. В 16 веке рядом с ней появилось поместье Йендел. А в 1830 году усадьба перешла в руки рода фон Бенкендорфов. Господский дом напоминал небольшой замок, сложенный из красноватого камня. С высокой башни открывался изумительный вид на живописные окрестности.

Конечно, дети жили с Микки в Йенделе. Приезжали сюда и другие люди. Мария была в хороших отношениях со многими сотрудниками английского посольства, бывала в созданном в Петрограде Англо-русском обществе (Россия и Англия являлись союзниками в войне против Германии). Много дней проводила в Йенделе Мерил — подруга Марии, дочь английского посла при царском дворе Джорджа Бьюкенена. Патриархальная тишина дремала в этом тихом уголке. Приближение грозы обитатели Йендела ощутили не сразу. Идиллия оборвалась неожиданно и окончилась трагедией.

Родовое имение Бенкендорфов Янеда (Йендел)

Октябрь 1917 года оказался не самой лучшей осенью в российской истории. В Эстонии царила неразбериха — то большевики, то немцы, то белые. Местные власти объявляли независимость, их смещали, они объявляли ее опять. В один из таких моментов было принято решение раздать земли 840 балтийских баронов крестьянам. Столкновения стали неминуемыми. По деревням и лесным дорогам бродили банды. Владелец Йендела спрятал гувернантку с детьми в дачном домике своей матери в ее усадьбе в Каллиярви.

Мария Игнатьевна всё это время не покидала Петроград — там, в своей квартире на Шпалерной улице оставалась ее больная мама. И хотя с ней были и служанка, и повар, но ее состояние неотвратно ухудшалось, а жизнь в городе с каждым днем становилась всё тяжелее. Советская власть занималась “уплотнением” — туда, где обитала одна семья, добавляли еще несколько. Мария понимала, что скоро очередь дойдет и до нее, и ее могут просто выселить. Связь с Эстонией оборвалась, теперь она была отделена от России границей. О том, чтобы вернуться в Йендел или Ревель пока не могло быть и речи, да и добраться туда было практически невозможно. Что же касалось Петрограда, то все ее бывшие великосветские знакомые куда-то исчезли. Словно испарились.

Единственной отдушиной оставалось английское посольство, хотя и потерявшее свой блеск. Правительство Великобритании обвинило посла Бьюкенена в бездействии во время большевистского переворота, выразившееся, в частности в том, что он не предпринял попытку вывезти царскую семью. Посол был отозван, и уже 7 января 1918 года с семьей и рядом дипломатов он отбыл на родину.

Мария (Мура), 1918

Теперь главной заботой Муры стали поиски еды. Пришлось продавать на черном рынке одну за другой все свои ценные вещи, буквально за гроши. Оно и понятно — кому нужны были посреди голода и разрухи роскошные платья и бальные туфельки? Но всё же в посольский особняк, где еще оставалось несколько сотрудников, она продолжала заходить. В феврале там появляется новый человек — руководитель специальной британской миссии, присланный из Лондона. Он занят переговорами, встречами, устанавливает деловые отношения с советскими лидерами. В начале марта правительство большевиков перебирается в Москву. Англичане последуют за ним только через неделю. В один из этих дней, когда Мура, как обычно, заглянула в посольство, она знакомится с руководителем миссии. Его зовут Брюс Локкарт. Через 12 лет он напишет в своей книге:

“Ей было тогда 26. Русская до мозга костей, она с полным пренебрежением относилась ко всем мелочам жизни и обладала смелостью, ко-

торая является преградой для любого проявления малодушия. Ее жизненная сила... была потрясающей и вливала бодрость в каждого, с кем она общалась. Мир, в котором она любила, становился ее миром, и ее жизненная философия делала ее хозяйкой обстоятельств. Она была аристократкой. Она могла бы быть коммунисткой. Она никогда не могла бы быть мещанкой. Позднее ее имя оказалось связанным с моим в финальной драме моей российской карьеры. Во время этих дней нашей первой встречи в Санкт-Петербурге я был слишком занят, слишком наполнен важностью своих собственных дел, чтобы дать ей больше, чем беглую оценку. Я нашел ее женщиной большого очарования, беседы с которой озарили мою повседневную жизнь. Роману предстояло начаться позже”.

2. Игра на чужом поле

Роберт Гамильтон Брюс Локкарт, выросший в старинной шотландской семье, стал английским вице-консулом в Москве в 1912 году. Ему было 25; рослый, широкоплечий и поначалу не очень уверенный в себе, он, тем не менее, благодаря живому уму и умению устанавливать контакты, быстро вошел в силу. Изучал язык страны, в которую попал, ее быт и культуру. Москва его покорила, он оценил русскую кухню, полюбил цыганское пение, овладел искусством опрокидывать чарочку за чарочкой. В то же время регулярно посещал Большой театр, знал многих артистов и художников. Московский генерал-губернатор Михаил Челноков стал его лучшим другом. В 1915-м в артистическом кабаре Никиты Валиева “Летучая мышь” он впервые встречается с Горьким и Шаляпиным. Ярый поклонник футбола, он показывает себя отличным игроком, выступая в одной команде с рабочими знаменитой текстильной фабрики Морозовых.

Роберт Брюс Локкарт в молодости

В 1915 году Локкарт фактически становится Генеральным консулом. Он в дружеских отношениях со многими членами царского правительства, с министерством иностранных дел, с западными дипломатами. Он вхож в дома виднейших московских фамилий. Россия в союзе с Англией воюет с Германией, и это сближает союзников. К этому времени он уже владеет языком настолько, что незнакомые люди принимают его за русского.

А дальше — начинается сплошной кавардак: отречение Николая II, Временное правительство, большевики, эсеры, фронт распадается...

За шесть недель до Октябрьского переворота Локкарта отзывают в Лондон. В свою очередь, созданное рабоче-крестьянское правительство направляет в Великобританию своего представителя — М.М. Литвинова с несколькими сотрудниками. По сути, они там — никто, поскольку новую власть в России Англия не при-

знала. Но и игнорировать ее она не может — у них общий враг, на восточном фронте Россия противостоит Германии, с которой Англия воюет на западном. Есть опасение, что русские выйдут из игры, заключив сепаратный мир. И Брюс Локкарт получает специальное задание: во главе дипломатической миссии отправиться в Петроград и всячески содействовать продолжению войны с немцами. Правительство не присваивает ему никакого официального статуса — боится шума в парламенте. А поскольку миссия все-таки тайная, Форин Офис — министерство иностранных дел — в своих документах именует его “британский агент”.

Перед отъездом Локкарт обедает с Литвиновым, они очень дружелюбно настроены друг к другу, к тому же у Литвинова жена — англичанка. Советский дипломат снабжает британского коллегу сопроводительным письмом к Троцкому — тогдашнему наркому иностранных дел. Троцкий с уважением относится к Англии и ее представителю и ненавидит Германию. Он — за продолжение войны. Нарком принимает Локкарта и выдает ему охранную грамоту, предлагающую ответственным лицам оказывать всемерное содействие членам английской миссии. Вдохновленный таким приемом “британский агент” развивает бурную деятельность, часто бывает у Троцкого, встречается с Лениным. Но...

3 марта 1918 года большевики по настоянию Ленина все-таки заключают в Бресте мир с Германией. Тогда же, в начале марта, правительство переезжает в Москву. Локкарт остается пока еще на одну неделю в Петрограде. Именно в эти дни там, в здании английского посольства, он впервые встречает Муру. “Ей было тогда 26”...

Надо было спешить вслед за большевистскими лидерами. Руководитель и член его миссии Хикс отправляются из старой столицы в новую. Локкарт был рад вернуться в Москву. Он знал здесь каждый камень. В этом городе он жил дольше, чем в любом другом на земле.

Как-то на заседании нового высшего законодательного органа страны — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета — в бывшем отеле “Метрополь”, переименованном в Первый Дом Советов, его познакомили с двумя комиссарами. Один — Дзержинский — “без искры юмора в характере... с фанатизмом в глубоко посаженных глазах”. Другой, которому он пожал руку, с лицом землистого цвета, черными усами и волосами, за время заседания не проронил ни слова. Он не произвел на опытного бригадана никакого впечатления, его явно не стоило включать в локкартовскую портретную галерею видных большевиков. Если бы кто-нибудь тогда объявил, что этот человек станет преемником Ленина и 30 лет будет править бывшей Российской империей, присутствующие встретили бы это сообщение громким смехом. Молчаливым комиссаром был грузин по фамилии Джугашвили. Сталиным он станет чуть позже.

Однажды Локкарт попал в тайное кабаре “Подполье” в Охотном ряду, где собиралась буржуазная публика. Там он впервые услышал знаменитого шансонье Александра Вертинского. Со смертельно белым напудренным лицом артист пел свою песню “То, что я должен сказать”:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
 Кто послал их на смерть недрожавшей рукой...

 И никто не додумался просто стать на колени
 И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
 Даже светлые подвиги — это только ступени
 В бесконечные пропасти к недоступной весне.

Неожиданно открылась дверь и 20 мужчин в масках, ворвавшись внутрь с криком “Руки вверх!”, направили на присутствующих браунинги и револьверы. Вспарилась мертвая тишина. Четверо бандитов пошли вдоль столиков, очищая карманы посетителей, забирая драгоценности и всё, заслуживающее внимания. Было видно, что большинство бандитов — бывшие военные. Локкарт с поднятыми руками уже отдал часы и кошелек, когда главарь заметил на его спутниках английскую форму.

— Вы британские офицеры? — спросил он.

— Да, — ответил Брюс.

Главарь вернул вещи Локкарту:

— Мы не грабим англичан. Приношу извинения за состояние моей страны, которое принуждает меня принять такой способ зарабатывать на жизнь.

...После прощания в Петрограде Мура и Локкарт регулярно переписывались. “Ее письма стали неотъемлемой частью моего повседневного бытия. Я скучал по ней больше, чем можно было предположить”... Когда она, наконец, приехала в Москву, и он, завершив к обеду дела, увидел ее, освещенную весенним солнцем, у него перехватило дыхание. “В мою жизнь вошло что-то такое, что было сильнее любых других уз, сильнее, чем сама жизнь”.

Рядом с Арбатом, в Хлебном переулке 19, вспыхивает — и через четыре месяца сгорит их короткое счастье. Для Брюса эта квартира — офис, пристань, дом, где его ждет необыкновенная женщина. Для Муры — пламя всепоглощающей страсти. По силе накала — неповторимой. Она еще не знает ни того, что она внезапно оборвется, ни того, что такой — больше не будет. Верный помощник Локкарта Хикс тоже здесь, он занимает одну из комнат. Мужчинам нелегко, и Мура это понимает. Она видит их в деле, она знакома со всеми, кто приходит к ним в Хлебный переулок.

Оставаясь наедине, Мура и Брюс строят планы на будущее. Ему скоро предстоит вернуться в Лондон, там он расскажет о сложившейся ситуации жене и начнет дело о разводе. В свою очередь, Мура объяснит своему мужу, что она встретила свою настоящую любовь, поэтому ее союз с Джоном теперь теряет всякий смысл, и его необходимо расторгнуть. После чего она из Петрограда, а Брюс из Лондона выедут в Стокгольм, там поженятся и начнут счастливую совместную жизнь.

Между тем, ситуация меняется каждый день, и выработать стратегию и тактику поведения с большевиками всё сложнее. Попытка не допустить сепаратного мира не удалась — и не вина Локкарта в том. В то же время Англия и Франция стали одерживать победу за победой на западном фронте, и предстоящее поражение немцев выглядело очевидным. Союзники решились на интервенцию на востоке, чтобы не дать Германии захватить Россию. Англичане вошли в Мурманск и Архангельск. Троцкий опасался, что они станут вмешиваться во внутренние российские дела. А Ленин, верный друг немцев, был категорически против англичан.

7 мая Локкарту сообщили, что некий британский офицер явился к воротам Кремля и потребовал встречи с Лениным. На вопрос, кто он такой, незнакомец заявил, что его имя Сидней Рейли, а послан он непосредственно премьер-министром Великобритании Ллойд-Джорджем, чтобы из первых рук узнать о целях и идеалах большевиков. Как ни странно, офицера принял и говорил с ним управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич. Вскоре по своим каналам Локкарт узнал, что Рейли намерен свергнуть большевиков, подкупив военных руководителей и получив — тоже подкупом — сведения об уязвимых местах их обороны.

Сидней Рейли, около 1899 г.

Такие приемы, стань они известны, угрожали бы дискредитировать Локкарта, который, между прочим, справедливо полагал, что стремление купить информацию за деньги может вести к фабрикации информации. С другой стороны, руководитель британской миссии оказался как бы в подвешенном состоянии. А тут как раз к нему явился Рейли и доставил трех командиров латышских стрелков, недовольных новой властью и готовых поднять контрреволюционный мятеж. Одним из них был начальник кремлевской охраны Берзин, двое других — его товарищи Буйкис и Строгис. Нужны деньги и большие. Локкарт сомневался, но деньги дал. О том, что латыши специально подосланы чекистами, Рейли не догадывался, а Брюс утвердился в своих сомнениях не сразу. ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была создана большевиками в 1917 году уже через месяц после переворота. Ее возглавлял Дзержинский. А игру против Рейли вел заместитель Дзержинского Петерс.

Вторая половина августа 1918 года подливает масла в огонь. В Петрограде завязывается сюжет, концовку которого никто не в состоянии предугадать.

Молодой поэт, студент политехнического института Леонид Каннегисер во время Февральской революции оставляет учебу и становится юнкером Михайловского артиллерийского училища. Его увлекают социалистические идеи, он вступает в партию эсеров и вскоре возвращается на 4-й курс своего института. Как раз в это время пришедшие к власти большевики переименовывают училище в Первые советские артиллерийские курсы. Закадычный друг Леонида, Перельцвейг, решает остаться там и стать образцовым артиллеристом. Время смутное, всем всюду мерещатся заговоры. Один из курсантов доносит чекистам, что группа учащихся и преподавателей готовит вооруженное выступление с целью свержения советов. Вряд ли за этим доносом стояло что-то реальное, а если и было, то вряд ли дело зашло дальше возмущенных разговоров. Но подозреваемых, и в их числе Перельцвейга, хватают и 19 августа 1918 года без суда и следствия расстреливают. Каннегисер потрясен чудовищной жестокостью и бессмысленностью этой акции. Простить убийцам смерть друга он не мог.

Утром 30 августа Леонид в яркой кожаной куртке подъехал на велосипеде к зданию комиссариата внутренних дел на Дворцовой площади. Оставив велосипед на улице, он вошел в подъезд, где размещалась Петроградская ЧК. На вопрос, можно ли попасть к председателю — товарищу Урицкому, получил ответ, что его еще нет, но скоро будет. Ожидających было много, Каннегисер сел в сторонке. Председатель ЧК появился минут через сорок. Поздоровавшись, он направился к лифту. И в этот момент Леонид вскочил, выхватил кольт и сзади выстрелом в голову уложил товарища Урицкого наповал. Спустя мгновение — он уже на улице, вскакивает на велосипед и мчится в сторону от Дворцовой площади. Уйти ему не удастся...

Весть об убийстве Урицкого моментально достигает Москвы. Ленина уговаривают отказаться от запланированных на то же 30 августа выступлений на Хлебной бирже и заводе Михельсона. Он отказывается.

Локкарт пытается разобраться в происшедшем — что это: случайность или чей-то целенаправленный ход? Но не успевает прийти к каким-либо конкретным выводам — его настигает весть о покушении на Ленина. По слухам, стреляла эсерка Фаня Каплан. Для одного дня это уже слишком много, явный перебор. Локкарт и Хикс сидят за полночь и обсуждают ситуацию: чего ждать? Как вести себя? Спать ложатся поздно. В 3 часа 30 минут утра раздается стук в дверь. Вооруженный отряд во главе с комендантом Кремля Мальковым проникает внутрь. Квартиру обыскивают, обитателей уводят.

Мужчин привезли в здание ЧК на Лубянке. На вопросы Петерса Локкарт отказался отвечать и заявил протест. Утром их выпустили. Муры в Хлебном переулке не оказалось. Локкарт пытался найти ее, он понимал, что она арестована и требовал ее освобождения. Безуспешно. Тогда он отправился в наркомат иностранных дел, но нарком Чичерин его не принял. А заместитель наркома Карахан посоветовал обратиться к Петерсу. Круг замкнулся. Делать было нечего, Локкарт снова идет на Лубянку.

— Хорошо, что вы пришли, — гостеприимно улыбнулся Петерс, — а то пришлось бы вас искать. У меня есть приказ о вашем аресте.

Двери лубянской камеры снова захлопнулись за Локкартом.

Надо заметить, что второй по значимости человек в ЧК был далеко не прост. Его ценил Ленин. Сталин говорил о нем, как о “последнем романтике революционных боев”. Став в Латвии убежденным социал-демократом, Петерс сбежал от ареста в Лондон и даже женился на англичанке. Однако тихое семейное счастье не состоялось. Стройный крепкий латыш бросил жену и ребенка — и в мае 1917-го он уже в России. Неплохо образованный, хорошо владеющий английским языком, “романтик” — чем не кандидат для руководителя карающего органа? Лубянка 11, бывшая контора страховой компании, становится конторой, наводящей страх.

Через несколько дней Локкарта перевели в Кремль, в узкую комнату с окнами в коридор. Свежего воздуха не было. Еда та же, что на Лубянке — суп, картошка, чай. Из своего кремлевского заточения Локкарт продолжал обращаться с просьбами об освобождении Муры. Он заявлял, что она не причастна к тому, что он мог бы делать или что ему приписывают. Вскоре Петерс сообщил, что просьба английского дипломата удовлетворена. В подтверждение этого принесли корзинку с одеждой и едой, переданную Мурой. А также ее письмо в запечатанном виде с припиской: “Не вскрывать, я его прочел. Петерс”.

Потом узника вывели на прогулку, и конвоир доброжелательно поделился с ним, что его товарищи уже заключают пари — два к одному, что Локкарта расстреляют. В такой теплой ободрающей атмосфере текли дни.

Зам. Дзержинского Петерс

Брюс полагал, что его судьба во многом зависит от того, задержали чекисты Рейли или нет. Если он в их руках, это намного усложняет положение английских и французских дипломатов, брошенных за решетку. Он еще не знал, что в советских газетах громадными буквами шли заголовки: “Заговор Локкарта!”. И что, возможно, поимка Рейли сместила бы акценты. Ведь этот негласно посланный в Россию агент британских спецслужб вознамерился почти единолично свергнуть большевиков и провести Ленина и Троцкого по улицам Москвы без штанов на посмешище публике.

...Через неделю томящегося в заключении Локкарта посетил заместитель Чичерина Карахан. Он сообщил, что член французской миссии Рене Маршан выложил большевикам все планы, которые обсуждали американские и французские дипломаты на тайной встрече в Москве. Но поскольку Локкарт на той встрече не присутствовал, решено судебное дело против него не возбуждать, скоро его освободят. Точнее — обменяют на Литвинова, которого англичане в Лондоне задержали сразу же после ареста своих дипломатов в Москве.

Прелюдия к освобождению сопровождалась любопытными разговорами Петерса. Через два дня, в субботу, он пришел и привел с собой Муру. И говорил теперь с Брюсом уже не как с обвиняемым, а просто по-дружески. Почему бы Локкарту не остаться насовсем в России и не строить вместе с другими новую жизнь? Локкарт даже улыбнулся в ответ. Он, пожалуй, не прочь был бы здесь остаться, только вот насчет строительства новой жизни у него имелись некоторые сомнения — ему почему-то очень не хотелось попасть в лубянскую камеру в третий раз.

Его выпустили во вторник, а еще через день, поздним вечером, вместе с другими отъезжающими — англичанами и французами — они брели от вокзала

вглубь станции, спотыкаясь о рельсы. Было темно и холодно, поезд стоял на запасных путях. А потом Мура и Брюс глядели друг на друга и молчали; повторять то, о чём уже не раз переговорено, не хотелось. Она верила, что они расстанутся ненадолго, что скоро, очень скоро они встретятся снова, и будет яркий солнечный день, и никогда больше они уже не расстанутся. И почти беззвучно она прошептала: «Стокгольм...» Брюс кивнул и подумал о том, что в Англии его ждет масса отчетов и дел, и истомившаяся жена, а Стокгольм, конечно, хороший город, но скучноватый.

Вдоль вагонов прохаживались конвойные. Муру знобило, она болела уже не первый день, температура не опускалась ниже 39 градусов. Отправление задерживалось. Они обнялись, Мура отошла и оглянулась. В темноте силуэт Локкарта был почти невидим на фоне темной громады вагона, и ей показалось, что Брюс уже исчезает, уходит от нее. Руководитель американской миссии Красного Креста отvez ее домой — в Хлебный переулок, в разгромленную и разграбленную квартиру.

Через несколько дней, придя в себя и оправившись от болезни, Мура покупает билет в Петроград.

3. Двое в одной лодке, не считая остальных

Петроград встретил свою поклонницу без должного почтения. Дул ледяной промозглый ветер. Плохо одетые люди изредка возникали на замусоренных проспектах и спешили куда-то по своим делам, пугливо оглядываясь на патрулей. Добыть какую-либо еду было практически невозможно. Скучный рацион выдавался только по продовольственным карточкам. А карточки получали те, кто работал. Мура день за днем обходила самые разные государственные учреждения в надежде где-нибудь устроиться. Но таких как она было полгорода. Свои последние вещи она уже не продавала, а меняла на продукты.

В мае 1919 года знакомые, добравшиеся в Петроград из Эстонии, сообщили ей, что 19 апреля погиб ее муж, Джон. Кто-то застрелил его на лесной дороге неподалеку от Йендела. Для нее это было потрясением, несмотря на то, что она постоянно ждала писем от Локкарта. А, может быть, как раз благодаря этому — ведь она собиралась связать свою жизнь с любимым и готова была оставить детей на попечение мужа.

Она писала Брюсу часто, и это были послания, полные любви и преданности. Она надеялась на скорую встречу с ним в Швеции, надеялась, что, наконец, весь этот кошмар закончится, и они будут вместе. Локкарт сначала отвечал ей, потом его письма перестали приходить. Подсознательным женским чутьем она догадалась, что его молчание не случайно и, скорее всего, продолжения тех счастливых московских дней не будет. Хотя, вопреки всему, надежда продолжала жить в ее душе.

В сентябре умерла мама. Огромный город, когда-то ее друг, нарядный и доброжелательный спутник ее юных лет, теперь отрешенно глядел на нее пустыми глазницами холодных окон. Она перебирала в памяти всех, кого раньше знала, кто мог бы еще уцелеть в революционном хаосе. Найти хотя бы маленькую соломинку, за которую можно зацепиться! Казалось, всех и всё поглотила бездонная пропасть... А пока она мечется по городу, пока события идут своим чередом, давайте отвлечемся на несколько минут.

Пока события идут... В самом начале своей книги “Железная женщина”, а, точнее, в предисловии к ней, Нина Николаевна Берберова поведала о прямо-таки

жутком факте. Когда после ареста в Москве Муру привели на допрос к Петерсу, тот извлек из толстого дела 5 фотографий и показал их ей: она в объятиях у Локкарта; она у него на коленях; они оба в постели. От потрясения Мура впервые в жизни потеряла сознание и, чтобы привести ее в чувство, пришлось вылить ей на голову графин воды. Там же, в предисловии, в примечании к этой информации Нина Николаевна сообщает, что рассказала ей об этом сама Мура в 1924-м году в Мариенбаде, когда Берберова мыла голову, а та поливала ей из кувшина. Эта, такая домашняя, деталь — процесс мытья головы — заставляет нас поверить в правдивость воспоминаний сразу и безоговорочно.

Хотя и возникают некоторые вопросы. Например, такой: неужели Мура, человек закрытый, вдруг ни с того, ни с сего, выложит случайной знакомой глубоко личный, тайный факт из своего прошлого? Да еще учитывая, что рядом, в соседней комнате, находится Горький, любовницей которого она в тот момент является. Или такой вопрос: почему Петерс показал эти фотографии именно Муре? Ведь скомпрометировать ее было не перед кем. Мог, правда, существовать такой расчет: из опасения навредить Локкарту его пассия расколется и сообщит какие-то важные сведения. Но о связи Локкарта и Муры не слышали в то время в Москве разве только Минин и Пожарский, застывшие на Красной площади.

Нина Берберова уточняет, что Мура ничего не рассказала о происшедшем Брюсу. Короче говоря, об этой страшной тайне знали после мытья головы в Мариенбаде только двое — бывшая заключенная и будущая писательница. И вот тут мы подходим к самому интересному моменту наших рассуждений: никаких интимных фотографий у Петерса не было и быть не могло!

Дело в том, что технический уровень фотокамер в те годы не допускал тайных съемок в закрытых помещениях. Аппаратура была большей частью громоздкой и требовала ручной настройки для каждого кадра. Установить ее скрытно, а затем пытаться снимать людей так, чтобы они этого не заметили, было абсолютно невозможно. Для того, чтобы сделать такие снимки, как те, о которых говорит Берберова, фотографу следовало бы разместить свою треногу непосредственно в спальне и давать указания паре — как и куда подвинуться и какую позу принять. И хотя уже была придумана фотопленка и пытались конструировать маленькие камеры, но без человека всё равно осуществить съемку было нельзя. Идея о возможности использования фотографии как средства тайного наблюдения появилась значительно позже, когда и была создана соответствующая аппаратура.

А поскольку такие приемы попросту не существовали — реально или в замысле — ни в 1918-м, ни в 1924-м году, то не только вышеупомянутых фотографий никогда не было, но и рассказывать о чём-то подобном Мура не могла. Остается единственный вариант — историю с фотокомпроматом выдумала сама Берберова в конце 70-х годов, когда писала свою книгу. Логично спросить: для чего ей это было нужно? Ответ очевиден: читатели 80-х и последующих лет, отлично знающие, что интимные фотографии — эффективный способ вербовки, ни секунды не сомневались, что таким образом Мура стала агентом ЧК. И уже с первых страниц “Железной женщины” рассматривали все события муриной жизни именно через эту призму.

Да, но зачем Берберовой, заявившей в том же предисловии, что она пишет абсолютно объективную книгу, понадобился именно такой образ Марии Закревской, фактически ее дискредитирующий? Это интересный вопрос, и мы к нему еще вернемся...

Муре всё же повезло: продолжая свой неутомимый поиск работы, она случайно встречается на улице с человеком, с которым была хорошо знакома еще в старые добрые дореволюционные времена. Его зовут Корней Иванович Чуковский, во время войны она не раз виделась с ним в Англо-Русском обществе. Выясняется, что бывший друг Англии теперь сотрудник только что созданного издательства “Всемирная литература”. Разговор начинается со стандартной для Муры фразы: “Не найдется ли у вас места для меня?” “А что вы умеете?” “Я знаю английский и французский, могу переводить книги на русский”. “К этому мы еще не готовы. А простую канцелярскую работу осилите?” “Когда начинать?”

Однажды на одном из редакционных совещаний “Всемирной литературы” появляется самый главный шеф — Максим Горький. Скромный технический работник Мария Игнатьевна Закревская одета по тогдашней петербургской моде — по принципу “что удалось достать”. На ней потертое черное платье и старый британский армейский плащ цвета хаки. Тем не менее, наметанный писательский взгляд выхватывает из пестрого конгломерата присутствующих именно ее. И не только выхватывает. Горький прямо на глазах молодеет, становится статным, красноречивым и остроумным. Мура с любопытством присматривается к человеку, который является знаменитостью мирового масштаба. Вторым после Л. Толстого в табели о рангах русской литературы. Воодушевление шефа замечают все. Корней Чуковский позже запишет в своем дневнике: Горький, хотя не говорил ей ни слова, но “всё говорил для нее, распустил весь павлиний хвост”.

А Мура всё поняла сразу. Мужчины любого ранга и возраста всегда готовы ухватить лакомый кусочек. Даже при императорском дворе ей приходилось ощущать на себе такие взгляды — правда, там она выглядела совершенно иначе. Здесь же, на этом совещании, перед ней был, как писали о нём в советских газетах, Буревестник Революции, Великий Пролетарский писатель. Человек, вышедший из низов, но поднявшийся к интеллектуальным вершинам. И от него исходил этот невидимый, но мощный импульс, который женщина воспринимает чаще всего как приятное, но ни к чему не обязывающее явление; от которого иногда ограждается щитом неприятия; или... или, что бывает редко, но бывает — открывается ему навстречу. На сей раз неприятия не было, и хотя сердце не спешило открыться, самолюбие подсказывало, что главное — впереди.

Стыдно признаться, но в тот момент она еще не знала о Горьком почти ничего.

А Буревестник революции был на самом гребне вала, взметнувшегося в 1917-м и разделившего мир на две непримиримые части — поддерживающих и осуждающих. Может быть, самое удивительное заключалось в том, что он был среди вторых. Не успели большевики заявить, что социалистическая революция, которую так долго ждала Россия, свершилась, как в газете Горького “Новая жизнь” появились его “Несвоевременные мысли”. В серии статей в течение более чем полугода он высказывал всё, что и думал, о действиях новых хозяев страны, — о жестокостях, бессмысленной резне и о палаческих наклонностях вождя — Владимира Ильича Ленина.

Октябрьская революция — авантюра, русский народ заплатит за это озерами крови. “... Большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов”.

“... Ленин, конечно, человек исключительной силы...он обладает всеми свойствами “вождя”, а также необходимым для этой роли отсутствием морали...”

“... Поголовное истребление несогласномыслящих — старый испытанный прием внутренней политики российских правительств... почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема? Он и не отказывается...”

Большой любви к Горькому эти мысли в ленинском стане не вызвали. Но в глазах крупных деятелей культуры зарубежья и вынужденно покинувших страну эмигрантов он заслужил бесспорное уважение. Большевистские заправилы поступили с Буревестником просто — точно по схеме, которую он обличал, и так, как они делали это потом, в последующие 70 лет: его обругали, обвинили в пособничестве врагам, а газету “Новая жизнь” закрыли, лишив писателя трибуны.

На этом, однако, злключения Алексея Максимовича не закончились. Петроградом правил Зиновьев — пособник и дружок Ильича, это вместе с ним Ленин прятался от ареста Временным правительством в шалаше на берегу озера Разлив. Более мерзкого человека, чем Григорий Евсеевич Зиновьев, сыскать было трудно. Он невзлюбил Горького и делал всё для того, чтобы испортить ему жизнь. Он вообще ненавидел людей умных, порядочных, самостоятельно мыслящих. В городе были созданы “тройки”, без суда и следствия решавшие судьбу арестованных, исправно трудились расстрельные команды и лилась кровь.

Горький заступался за многих — ученых с мировым именем, деятелей искусства, писателей, даже бывших министров и членов царской фамилии. Как-то, уже в конце 1920 года, к нему обратится из Москвы за помощью известный поэт и литературный критик Владислав Ходасевич. Его, хронически больного, с туберкулезом позовника, хотят забрать в армию. Горький спасет его от неминуемой смерти и пригласит в Петроград. Он поможет ему с работой и жильем, устроит в Дом Искусств, созданный по настоянию Алексея Максимовича, как пристанище и творческий центр для писателей.

Ходасевич будет потрясен бескорыстной деятельностью Горького и позже напишет: “У него просили заступничества за арестованных, через него добывали пайки, квартиры, одежду, лекарства, жиры, железнодорожные билеты, командировки, табак, писчую бумагу, чернила, вставные зубы для стариков и молоко для новорожденных, — словом, всё, чего нельзя было достать без протекции. Горький выслушивал всех и писал бесчисленные рекомендательные письма”.

Революция и последовавшая за ней гражданская война привели к развалу налаженной жизни и в городе и в деревне, к полной разрухе в народном хозяйстве. В стране, еще недавно вывозившей пшеницу за границу, начался голод. Усилиями группы авторитетных общественных и религиозных деятелей, а также ученых была создана организация помощи голодающим — Помгол. Активный ее участник, Горький много сделал для привлечения Запада к эффективным поставкам в Россию продовольствия.

Обо всем этом Мура узнает постепенно, а потом и сама увидит беспокойную жизнь Буревестника вблизи. Потому что Корней Иванович Чуковский, скорее всего, по просьбе своего шефа, приведет Марию Игнатьевну секретарить к нему домой. Сначала после трудового дня она будет уходить, а однажды останется — и работать так удобнее, да и уходить-то особенно некуда. Ей выделят комнату, и она станет полноправной жиличкой в обители знаменитого писателя.

А обитель эта на Кронверкском проспекте, дом 23, расширенная за счет соединения двух квартир, представляла из себя явление воистину неординарное. Масса близких и знакомых живет и кормится здесь — разумеется, на деньги Горького. За столом собирается обычно человек пятнадцать, не меньше. У каждого по-

стоянного жителя есть прозвище. Скажем, сам Хозяин — Дука, что должно свидетельствовать о его герцогском положении.

Мура быстро становится своей в этой компании. Работы у нее хватает — она отбирает газетные статьи, сортирует почту, а, главное, много переводит: на русский — с английского, немецкого, французского приходящие из-за границы письма Горькому, а с русского на соответствующий язык — его послания зарубежным адресатам. Более того, она берется за внутренний порядок (точнее — беспорядок), и вскоре обстановка в ковчеге удивительным образом меняется. Мура переселяется в соседнюю с Хозяином комнату. Происходит неизбежное — то, к чему она давно готова и понимает, что это естественная реакция мужчины. Дука влюбился, и не на шутку. А Муру гложет вполне объяснимое любопытство: кто был до нее? Кто они — женщины Горького?

Она узнает много интересного.

Горький с женой Е. Пешковой и детьми Максимом и Катей,
Нижний Новгород, 1903 г.

Алексей Максимович женат. Когда только начиналась его литературная слава, он познакомился с Екатериной Павловной Волжиной — корректором “Самарской газеты”. Красивая, стройная, серьезная девушка. Они поженились в 1896-м — Алексею было 28, Екатерине — 20. Сын Максим родился через год, а еще через четыре года — дочка, Катя. Хороший дом, всё складывалось удачно и прочно. Но...

На сцену выходит Маша Юрковская. Причем, на сцену — в буквальном смысле этого слова. Родившись в актерской семье, она с детства обладала артистическим даром. Ее красота сражает мужчин. Серьезных мужчин. Статский советник Андрей Желябужский (на 18 лет старше ее) становится ее мужем. С ним и с двумя детьми она попадает из Тифлиса в Москву. Известный текстильный фабрикант Савва Морозов, человек умный, талантливый, учившийся в Кембридже, забывает всё на свете, увидев потрясающую актрису и ее игру. В только что открывшемся — по его инициативе и на его деньги — Московском Общедоступном Художественном театре она — прима. Теперь Морозов тратит огромные суммы не только на театр, но и на нее. Прима уже не носит ни своей девичьей фамилии, ни фамилии

мужа; ее новое, сценическое, имя — Мария Андреева. В 1900 году во время гастролей в Крыму она знакомится с Алексеем Пешковым, уже тоже сменившим фамилию на псевдоним — Максим Горький. Роковая встреча. В 1902 году Станиславский ставит в МХТ горьковскую пьесу “На дне”, и оглушительный успех спектакля, наряду с автором и режиссером, разделяет и новая знакомая писателя, блестяще сыгравшая Наташу.

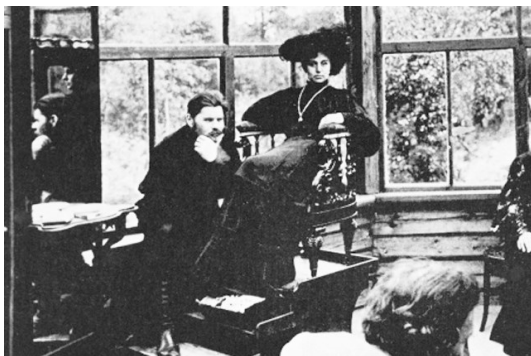

Мария Федоровна Андреева

Андреева, напичканная, как и многие артисты, левыми идеями, втягивает своих обоих мужчин в святое дело помощи революционерам. Горький — из народа, ему проще. Савва Морозов теряет голову и, хотя никакого влечения к социал-демократам не испытывает, ради Андреевой вкладывает бешеные деньги в их партию — РСДРП. Родственники объявляют его сумасшедшим (возможно, не без оснований). Всюду разлад — в его семействе, в его театре, с его любимой. В 1905 году, в Каннах, на берегу Средиземного моря он стреляется (или его убивают те, кому он помогал, — тому есть много свидетельств). Напоследок он оставляет женщине, ставшей объектом его трагической привязанности, страховой полис на предъявителя — на 100 тысяч рублей. Конечно, из полученных денег большую часть она тут же отдает партии. Так же решительно, как отдала свою любовь молодому гению с волжским говорком. Да и можно ли было устоять, если Горький, написавший поэму “Человек”, подарил ее рукопись Андреевой с такой надписью: у автора крепкое сердце, из которого Мария Федоровна может сделать каблучки для своих туфель. Савва Морозов видел это посвящение...

С конца 1903 года Мария Андреева — гражданская жена писателя. В следующем году Алексей Максимович порывает со своей семьей. Новоявленная пара отправляется в Америку собирать деньги для большевиков. Марии Федоровне, поставившей — ради Горького — крест на театральной карьере, достается от благочестивых американцев по первое число. Для них невенчанная жена — страшнейшее оскорбление нравственности. (Можно ли поверить сегодня, в начале 21 века, когда бойфренды и герлфренды считаются совершенно нормальным явлением, что такое когда-то было возможно в Америке!) В России тем временем революционе-

ров сажают в тюрьмы. И Леша, как его звала Мария, возвращаясь вместе с ней из-за океана, поселяется в Италии, на острове Капри. В почти земном раю. Впрочем, как известно, с милым рай и в шалаше. Если он не протекает...

Горький и Мария Андреева позируют художнику И. Репину

Андреева отличалась властным характером. Бывала порою очень резкой. Она из-за этого и в театре вдрызг разругалась со Станиславским. Ее командирские замашки стали раздражать Лешу, что явно отражалось на его поведении. Совместная жизнь становилась невыносимой. В конце 1912 года Андреева покидает “земной рай”.

Можно подумать, что в этом была какая-то закономерность. 8 лет — с 1896 по 1904 — прожил Горький с Пешковой. Теперь 8 лет — с Андреевой. Екатерина Павловна с сыном Максимом попыталась вернуться к мужу, но восстановить прежние отношения не удалось.

В том же 1912 году на Капри приезжает друг Горького, издатель Александр Николаевич Тихонов с молодой женой Варварой Васильевной. Она становится горьковской пассией и отбудет положенный ей срок в 8 лет.

С несколькими действующими лицами этой саги о женщинах Буревестника Мура уже успела познакомиться. Тихонов возглавлял издательство “Всемирная литература”. Когда праздновалось 50-летие Горького весной 1919-го (он предпочитал быть на год моложе, чем на самом деле), Варвара принимала гостей в качестве хозяйки. Да и покинула она Кронверкский совсем недавно, перед появлением там Муры. А Мария Федоровна Андреева вообще была неизменной обительницей этой квартиры.

Собственно, она-то и сняла ее, когда после царской амнистии Горький вернулся в Россию и принял предложение Андреевой поселиться рядом, но, разумеется, — порознь. Бывшая прима ничуть не изменилась, оставаясь в ковчеге как бы главной над всеми. Здесь жили и ее дети и прислуга. Власти наделяли ее всякими должностями, она руководила петроградскими театрами и была в давних хороших отношениях со всеми вождями. У нее появился секретарь — невысокий плотный молодой человек, на 21 год моложе ее, бывший присяжный поверенный, ныне активный сторонник советской власти. Андрееву он устраивал по всем статьям. Звали его Петр Петрович Крючков, и его роль в дальнейших событиях чрезвычайно важна.

Проходит некоторое время и выясняется, что Мура сумела покорить всех постояльцев горьковского дома, даже саму Андрееву. Она деловита и не чурается

никакой работы. Она доброжелательна и уважительна. Про Дуку и говорить нечего — для него она незаменима. Не только в ведении его корреспонденции — беседы с ней, особенно на близкие ему темы, незабываемы и наполняют его творческой энергией. Она умеет слушать, а ощущать внимание и понимание со стороны собеседника — это такое счастье, которое Горький редко испытывал в своей жизни.

У них устанавливаются отношения, удивительные для людей, теснейшим образом связанных друг с другом: они на “Вы”, он ее не зовет иначе, чем “Мария Игнатьевна”, она его — только “Алексей Максимович”. Кажется, в сыром и холодном Петрограде ему лучше и теплей, чем в благодатной Италии. Алексей Максимович готов предложить Марии Игнатьевне Закревской-Бенкендорф статью его женой. Он не сомневается в ее согласии. Но решает для начала прозондировать почву. Она отвергает эту идею наотрез.

Дука погрязен. Конечно, Екатерина Пешкова до сих пор — его официальная супруга, но ликвидировать их союз — пара пустяков, сейчас это делается быстро. В чём же дело? Маше Андреевой так хотелось услышать от него, Леша, заветные слова! Не дождалась, у него и мыслей подобных не было. Его Екатерина терпеть не может артистку — за многое, и в том числе за то, что сбива Алексея с пути, вовлекла в революционные передраги и испортила ему жизнь. Но та же Екатерина Павловна с симпатией относится к Марии Игнатьевне, она много слышала о ней от сына, Максима. Да и сама Андреева признала новую хозяйку ковчега. Так что для всех вокруг она своя. Надо всего лишь сделать маленький шагочок, чисто формальный — узаконить положение вещей. И на тебе — такой конфуз!

Горький обиделся. Он умел это делать классически — лицо его становилось безразлично отрешенным, он смотрел мимо человека, не желал разговаривать и выходить из своей комнаты. На сей раз демонстрация оскорбленного чувства продолжалась недолго — в глубине души Дука был мягким и отходчивым, особенно с теми, кого любил. А Марию Игнатьевну он любил и представлял свое существование без нее уже не мог. Тем более что сама виновница горьковской обиды вела себя по отношению к нему по-прежнему непринужденно и нежно.

Горький и Уэллс, Петроград, 1920

Была еще одна веская причина не разводить страсти-мордасти — ожидался приезд гостя, знаменитого английского писателя-фантаста, автора “Войны миров” и “Машины времени” Герберта Уэллса.

Уэллс появился в Петрограде с сыном Джипом осенью 1920 года. По начальным буквам его двойного имени Herbert George и в Англии и за ее пределами все звали его HG — Эйч Джи. У него была запланирована важная встреча в Кремле, и в связи с этим Горький пригласил его к себе. 5 октября Эйч Джи выехал в Москву, 6 октября встретился с Лениным и в тот же день вечером вернулся в Петроград. На Кронверкском ему выделили мурину комнату, она перебралась в другую, но, разумеется, по предложению Горького, стала для Уэллса гидом и переводчиком.

Мария Игнатьевна показывала английскому гостю город, водила его на заседание Петроградского совета, и он, выступая там с речью, вручил ее письменный перевод на русский председателю, как только тот, бурно восторгаясь, заявил: “Мы сразу же напечатаем ваше выступление!” Такой ход подсказала ему Мура, предупредившая заранее: “Если вы этого не сделаете, они тут же исказят ваши слова в свою пользу и на весь мир раструбят, что Герберт Уэллс восхищен советской властью”. Понятно, что в итоге речь в газетах не появилась.

Эйч Джи впервые попал в Петербург в 1914-м, тогда это был прекрасный город, столица империи. Сейчас он его не узнавал. Но куда более сильное впечатление, чем опустевшие улицы, производили на него энергия и эрудиция обаятельной спутницы. Он смотрел на нее влюбленным взглядом. Разумеется, он считал ее секретарем своего русского друга и переводчицей. О том, что, кроме этого, она еще и близка с Горьким, он не догадывался. В итоге экскурсия растянулась на две недели.

Возвращаясь домой, Мура долго не могла уснуть. Разговоры с Эйч Джи затронули в ней давние воспоминания о беззаботной жизни, о том легком стиле светских бесед, от которого она уже почти отвыкла. В последние дни она стала задумываться: а что дальше? Ее устраивало положение в горьковском ковчеге. Для смутного времени это был наилучший выход. Кров, работа и любовь. Защита от напастей. Общение. Но не навсегда же она заперла себя в этой квартире! Не так далеко отсюда, за пограничной линией — ее дети. Конечно, они под присмотром, с ними Микки и родственники Джона. И всё-таки, как они там без нее? Что бы ни происходило, они должны оставаться на родине своего отца. Здесь у нее нет ничего и никого. Сестры с мужьями в разное время и различными путями покинули тонущий корабль Российской Империи и оказались во Франции. Мать умерла. Да и тут почва под ногами тихонько, почти незаметно, начинает колебаться. Рано или поздно ковчег развалится. Придется уходить. Куда? С кем?

У нее есть три возможности: Россия, Эстония, Англия. Россия — во мгле, как верно заметил на днях Эйч Джи. Какое будущее может ее здесь ожидать? Подруга Горького? Надолго ли? Судя по тому, что она узнала, он мужчина любвеобильный. Она к нему очень привязана. Но и его судьба выглядит совершенно неопределенной. Пока еще он в силе, однако умудрился перессориться со всемибольшевистскими вожжами. Вожди не столько симпатичны, сколько одержимы. Один Зиновьев чего стоит. А она к тому же из дворян, бывшая жена царского дипломата... У Горького нередко появляются яркие личности. С Уэллсом очень интересно, как всегда с человеком, который мыслит нешаблонно. У мужчин это бывает. Гораздо чаще, чем у женщин... Поэтому и гибнут мужчины чаще. Летят головы. Умные головы. И глядя на других, никто не уверен, что своя — останется на плечах...

Нет, в России ее ничего хорошего не ждет.

Эстония — рядом. Счастливые годы ее молодости. Йендел, снег, сани, веселое Рождество в Большом Доме из красного кирпича. Всё это потеряно и уже, кажется, навсегда. Но пока дети подрастут, придется жить там, в Каллиярве. Точнее

— часто бывать. Здравомысляя, эта страна не для нее. Задворки Европы. Картофельная республика. Остаться там навсегда — значит захиреть и погибнуть. Ей придется зарабатывать, чтобы содержать детей, а что она умеет делать? Свободно говорить по-английски. Переводить. Устанавливать контакты. Но для этого ей нужна большая страна и большие люди. В Эстонии хорошо иметь уголок для отдыха. В Россию хорошо приезжать — вдохнуть родной воздух, без него трудно. А для работы и нормальной жизни остается одна страна — Англия. Там есть друзья, почтительное отношение к уму и титулам, уважение к даме. Там есть прошлое, на основе которого можно строить будущее. И, кстати, чем больше друзей там будет, тем лучше.

Лежа в удобной постели, Мура вспомнила, как она возвращалась с Эйч Джи с заседания Петросовета, вспомнила его горячие слова и огонь в глазах. В эту ночь, неслышной тенью проскользнув мимо заполненных постояльцами помещений ковчега, Мура материализовалась в полнокровную женщину в спальне Герберга Уэллса. “Уступая моей мольбе”, — запишет через годы Эйч Джи, вспоминая такой яркий последний аккорд своего пребывания в осеннем Петрограде 1920 года.

Английский гость покинул Россию с незабываемыми впечатлениями. Может, именно поэтому он так миролюбиво выстроил свою книгу об этой поездке. Возвращаясь домой через Таллинн, он, как и обещал своей переводчице, задержался там — выяснить ситуацию с ее детьми. Вскоре она получила от него письмо. И хотя сведения были ободряющими, их вполне объяснимая краткость подтолкнула Муру к решительным действиям. Граница с бывшей Эстляндией, а ныне буржуазной Эстонией, была, как и положено, на замке — в первую очередь, с российской стороны. В декабре 1920 года Мура решает пересечь ее нетрадиционным путем — по льду Финского залива. В сопровождении проводника она почти добирается до цели, но в последний момент ее замечают чекисты.

Она оказывается в камере, в здании Петроградского ЧК на Гороховой улице. Здесь вскоре узнают, какая птичка попала в их сети, и сообщают о своем улове на Кронверкский. Горький немедленно бросается выручать свою Марию Игнатьевну. Он обращается к шефу петроградских чекистов Глебу Бокию, ему помогает его бывшая пассия Андреева, очень влиятельная в партийных кругах. Нарушительницу границы отпускают домой. Между тем, четвертый год Мура оторвана от своих малышей. Павлику уже 7, Танюше — 5. В этом возрасте дети так быстро меняются! Алексей Максимович не может не сочувствовать Марии Игнатьевне и хлопочет о выдаче ей разрешения на выезд. Вместе с тем, он понимает, что обратно она не вернется. 19 мая 1921 года, получив необходимые документы, Мура покидает северную столицу.

Путешествие проходит довольно гладко, уже в ночь на 21-ое она обнимает своих детей. Правда, сразу по приезде ее арестовали, но потом выпустили. Правда, возле дома постоянно торчит шпик, но — что поделаешь, подруга Горького — здесь не лучшая аттестация, и над ней, как дамочков меч, висит подозрение в большевизме.

А в Петрограде на Кронверкском атмосфера неуловимо меняется. Хозяин часто бывает раздраженным. Всё меньше гостей садится за обеденный стол. Андреевой предложили работу в советском торгпредстве в Берлине, и она уезжает туда вместе с Крючковым — продавать за рубеж российские художественные ценности.

Петроград живет обычной жизнью — приказы, аресты, расстрелы. Голод и болезни. Тяжело больному Александру Блоку — выдающемуся, лучшему поэту России — нужно срочное лечение за границей. Его не выпускают, несмотря на

просьбы Горького. Через две недели после его похорон, в августе 1921 года, по сфабрикованному обвинению в заговоре и шпионаже в пользу Франции расстрельная пуля обрывает жизнь еще одного мастера русской поэзии — Николая Гумилева.

Горький не успевает заступаться за арестованных. Его время уходит на письма, поездки, звонки. Дука устал. Дука тоскует без Муры. Но — свято место пусто не бывает. На Кронверкский возвращается Варвара Тихонова с дочкой Ниной — между прочим, внешне, как две капли воды похожей на Алексея Максимовича.

Для самого хозяина квартиры последние месяцы складывались так, что впрямую было задуматься о собственной участи. Его ругали в большевистской печати. Владимир Ильич вдруг стал проявлять трогательную заботу о его здоровье и настойчиво советовал ему уехать за границу. Лечиться. А если “не поедете — вышлем”, якобы в шутку заявил вождь пролетариата пролетарскому писателю. Стало ясно, что все горьковские действия — возмущения арестами и убийствами, защита интеллигенции, которая, по определению Ленина, — “говно”, всякие Дома ученых и комитеты, письма за границу и т. д. — всё это стало поперек горла новой власти, и от неудобной знаменитости хотят избавиться. Горький понял — пора уезжать — побыстрее, подальше и оставаться там подольше.

Вообще-то, планы на будущее были еще раньше согласованы с Марией Игнатьевной: они встречаются за границей и продолжают совместную жизнь. Пятидесятилетнего писателя такой вариант устраивал абсолютно. Мура словно была создана для того, чтобы идеально подходить ко всем граням его творческого существования — как любовница, собеседник, помощница, советчик. Уже более полу-года, как она уехала. Ну что ж, до их встречи остается совсем немного.

В этот решающий момент его жизни он получает известие, что в Эстонии Мура собирается замуж...

Ситуация в Таллине складывалась нелегкая. Родственники погибшего мужа требовали публичного покаяния в газетах — признать, что она против большевизма. Угрожали судом чести — почему осталась в России и как уцелела? Мура ведет себя гибко, главное — чтобы дети здесь, на родине их отца, имели свое жилье. Она заявляет, что ноги ее больше в России не будет. Такое решительное утверждение встречает положительную реакцию со стороны Бенкендорфов, это важно для их репутации. Постепенно расположение родственников возвращается.

Остается еще один нюанс — в страну она въехала, но надо иметь и возможность выехать. Свободу передвижения гарантирует только эстонский паспорт. А его-то у нее нет. Адвокат предлагает выход: выйти замуж.

— Я вам найду хорошую партию, — уверяет он. — Думаю, сделать это будет нетрудно.

Мура улыбается:

— Я не готова к такому повороту событий.

— Давайте уточним: ваш брак будет фиктивным. Ни к чему не обязывающим.

Мура реагирует сразу:

— Интересный вариант. Что он мне даст?

— Эстонское гражданство и открытые границы.

— А моему будущему партнеру?

— Зависит от него. Есть у меня на примете один свободный мужчина. Николай Будберг. Барон.

— Что ему нужно?

— Деньги.

Мура расхохоталась от всей души:

— Откуда же я их возьму?

— Видите ли, барон — игрок. И гуляка. Всё, что можно было, он уже прощадил. В Таллинне ему теперь нечего делать. Он мечтает вырваться в Европу и там развернуться. А то, что в данный момент вы на мели, так ведь деньги — такая штука: сегодня их нет, а завтра они есть.

Будберг оказался приятным малым. На сухощавом лице была отражена вся его биография — и прошлая и будущая. Мура ему понравилась, он даже стал о ней заботиться. Однако дешево продавать себя не собирался. Барон желал получить приличную сумму, причем не по частям, а всю сразу. Замечательная твердость характера для мужчины! Увы, с противоположной стороны подкрепить ее было нечем.

Для Муры наступила трудная — и счастливая пора. С потенциальным женихом приходилось постоянно лавировать, оттягивая неясный финал — и шансов не видно, и бросить жалко. Зато она наслаждалась близостью с детьми. Понимала, что их ждет впереди — не часто доведется быть вместе. Заглянув тайно в советское представительство в Таллинне, Мура узнает, что Горький выехал за границу и остановится в Гельсингфорсе. Под российским дипломатическим прикрытием она спешно вырывается в Финляндию — до нее дошла неприятная новость: Дука покинул свой ковчег не один.

Горький оставил Петроград 16 октября 1921 года. Вместе с ним в специальном вагоне отправились за границу издатель Зиновий Гржебин с семьей и Варвара с дочкой. После появления в горьковском стане Муры выездная секретарша сразу отошла в тень. (Дамы, сопровождающие с совершенно определенными целями в поездках своих шефов, числятся при них “секретаршами”. Такова традиция.)

Почти две недели провели вместе Мария Игнатьевна и Алексей Максимович в финской столице. Поговорить было о чём. Для того чтобы восстановить свое положение, Муре хватило одной ночи. Варвара, по сути, была женщиной на черный день, в то время как соединить свою судьбу с Марией Игнатьевной он почитал бы за великое счастье. О том, какое впечатление произвели гельсингфорские каникулы на Буревестника, можно судить по его письму в Петроград: “В Финляндии видел Марию Игнатьевну... Похудела, стала как-то еще милее и по-прежнему всё знает, всем интересуется. Превосходный человек!..”

Горький успокоился, предстоящее замужество Марии перестало его волновать, их будущие отношения представлялись ему в радужном свете. Мура, со своей стороны, выпросила полгода для урегулирования целого букета семейных проблем и получила важную для нее финансовую помощь. После чего оба участника мирных переговоров разъехались на исходные позиции: Мария Игнатьевна в Таллинн, Алексей Максимович — в Берлин.

Николай Будберг получил обещанные деньги и вскоре после свадебной церемонии тоже отбыл в столицу Германии. С ним отправилась и его супруга, ставшая баронессой Будберг и обладательницей эстонского паспорта. Ее новый муж разобрался с доставшейся ему суммой быстро. Справедливо полагая, что он человек семейный, Николай в течение некоторого времени будет терзать жену, требуя от нее дополнительных инвестиций в игорный бизнес. Вместе они проживут в Берлине недолго. С большим трудом Муре удастся уговорить барона еще раз поменять место жительства.

Николай (или Лай, как его все звали) в 1922 году отправится на поиски счастья в Южную Америку. Там он сумеет применить свой богатый опыт — станет

обучать желающих игре в бридж. Через несколько лет суд в Берлине отреагирует на поданное заявление о разводе и расторгнет его брак с Мурой, хотя ни один из супругов на заседании не будет присутствовать. В Бразилии Лай найдет себе новую спутницу жизни и скончается ровно через полвека после того, как покинет Европу.

Что же касается Горького, ждущего, пока Мура разберется со своими проблемами, то куда бы он ни переезжал, к нему незаметно стягивались многие из его знакомых и тех, кому он покровительствовал. И это несмотря на то, что ближайшие родственники Горького часто выпадали из сферы его внимания, вращаясь по другим орбитам. Законная жена, Е.П. Пешкова, женщина безусловно незаурядная, придерживалась умеренных взглядов и состояла в руководстве партии эсеров. А после ее разгона возглавила странную для советской власти организацию — Политический Красный Крест, но, благодаря дружбе с Дзержинским, настойчиво и во многом успешно вела ее сквозь несентиментальные дебри революционного правосудия. С несколькими помощниками она помогала заключенным одеждой, питанием, организовывала связи с родственниками и даже просьбы о пересмотре дел. У нее был поклонник, которому она ответила на его чувство.

Ее и Горького сын Максим (их дочка умерла в раннем возрасте) был связующим звеном между ней и очень важными для нее людьми. С его отцом она оставалась в хороших отношениях. У Дзержинского Максим начинал свою службу. Знал он и Ленина. А в 1921-м стал дискурьером в Берлине, женился, и его молодую жену-красавицу Надежду Алексеевну уже успели, по принципу «ковчега», наделить прозвищем «Тимоша».

В итоге, оказавшись за границей, Дука встретился почти со всеми бывшими обитателями квартиры на Кронверкском, да еще приехала его проводить Екатерина Пешкова. В немецкой столице, однако, он не задержался на длительное время. Сначала перебрался в Шварцвальд — самое теплое место Германии, потом к морю, в Херингсдорф, и наконец, обосновался в Саарове, недалеко от Берлина. Здесь уже полновластной хозяйкой становится приехавшая к нему, наконец, Мура.

Между тем, в том же 1922 году, получив с помощью наркома просвещения А.В. Луначарского разрешение на выезд, в Германии появляется Владислав Ходасевич со своей юной спутницей — Ниной Берберовой, которая значится в документах, конечно же, как его секретарша. Владя и Нина часто навещают Горького. С Ходасевичем Алексей Максимович задумывает фундаментальный проект — журнал “Беседа”, который выходил бы в Берлине, но был бы нацелен на Россию. Всё получается замечательно, в Германии есть то, чего нет в Москве, — бумага. Но деятелям большевистской культуры такая литература ни к чему. Организаторы вынуждены закрыть журнал.

А пока приближается зима. По предложению Ходасевичей, решено провести ее в Мариенбаде. Это была совершенно безумная мысль. Летом в Мариенбад (Марианске Лазне), на воды, съезжалась фешенебельная европейская публика. Кончался сезон — всё вокруг пустело. Сырая зимняя погода никого не привлекала. Они оказались в гостинице одни.

То ли отсутствие посторонних помогло, то ли прохладный воздух усталые силы бодрил, но перо Горького забегало здесь еще вдохновеннее, чем в Саарове. Он пишет один из лучших своих романов “Дело Артамоновых”. Собственно, выпихнутый из России писатель ждал итальянской визы, чтобы, наконец, действительно полечиться. Ждали визу туда же и Ходасевичи. Они получили ее быстро, без проволочек и укатили, оставив мэтра зимовать в Мариенбаде. Сюда и привле-

тела весть о смерти Ленина. Практичная Мария Игнатъевна немедленно уговорила Алексея Максимовича написать очерк для крупнейших газет мира. Деньги были нужны, их почему-то всегда не хватало. Нет ничего удивительного в том, что очерки, появившиеся в советской прессе, в ряде моментов существенно отличались от тех, что появились за рубежом. Горький был тул ни при чем, — он писал, что думал, — а Мура всем послала одинаковый текст.

Виза, наконец, пришла. Правда, на Капри итальянские власти Буревестника не пустили. Тогда он выбрал Неаполитанский залив. В апреле 1924 года они с Мурой приезжают в Сорренто. Снимают виллу Иль Сорито — не самую удобную и вместительную, но лучшее из того, что можно было выбрать. Начинается новый этап жизни великого писателя. Под теплым солнцем, в кругу семьи — с Марией Игнатъевной, с сыном и невесткой, с друзьями.

... 29 июля 1924 года в кабинете ведущего работника одного из пражских банков раздался телефонный звонок. Хозяин кабинета снял трубку:

— Локкарт слушает.

Женский голос, с неповторимыми интонациями, голос, который он еще не забыл за минувшие шесть лет, негромко произнес:

— Здравствуй, Брюс.

4. Сорренто: дом для бездомных

После возвращения из России Локкарта уволили из Форин Офис. Правда, к этому времени он уже был в чине полковника. Конечно, о нём не забыли. Его богатейший опыт, незаурядный ум, умение контактировать с людьми представляли большую ценность для оперативной работы. В Европе такой наблюдатель был незаменим. Ему нашли тихую неприметную должность, позволяющую не привлекать к себе слишком пристального внимания окружающих.

Звонок из Австрии, из конторы предпринимателя, когда-то его помощника по миссии в Москве Хикса, выбил его из колеи. На следующий день он выехал в Вену.

Мура выглядела старше. У нее появилось несколько седых волос. В загородном доме Хикса, оставшись вдвоем, они несколько минут сидели молча.

— Как и чем ты жила эти годы? — спросил Брюс.

Мура спокойно изложила свою одиссею — аресты, Эстония, дети.

— Зарабатываю на себя и детей — перевожу русские книги на английский. По 6 книг в год. Перевела уже много книг Горького. Пишу. 3000 слов ежедневно. А ты?

Всё это она произнесла легко, не задумываясь, и, конечно же, у ее собеседника даже мысли не промелькнуло, что эта ее тирада — на самом деле чистойшей воды экспромт, в котором нет ни слова правды. Он принял всё за чистую монету.

«О чём ей рассказывать?» — подумал Локкарт. О том, что у него была уже за это время любовница — русская артистка? О том, что у него сейчас запутанная связь с одной замужней английской аристократкой? О том, что он не просто сидит в этом банке — это его прикрытия, и он продолжает свою тайную службу? О таких вещах не говорят. Как не станет он и признаваться в том, что давно остыл неистовый порыв, который бросил его в объятия Муры тогда, на Арбате, в Хлебном переулке. Она ведь давно обо всём догадалась сама. Но надо было отвечать на ее вопрос.

И он сбивчиво рассказал о себе — то, что лежало на поверхности. Особенно хвастаться было нечем.

— О. Боже!.. — прошептала Мура. И посмотрела Брюсу в глаза: — Не будем портить ту — возможно, единственную вещь и в твоей и в моей жизни — которая была прекрасной. Это было бы ошибкой, не так ли?

Локкарт сидел молча, перед ним, словно в тумане, проплывала осенняя Москва 1918 года. Он понимал, что она права. Мура встала, взяла обе его руки в свои:

— Да, это было бы ошибкой.

Ее слова прозвучали твердо и окончательно.

Под оливами течет привычная неторопливая жизнь. Старик Везувий мирно курит свою трубку. В Риме издает указы только что победивший на выборах Бенито Муссолини. Но до Рима далеко.

Из окон виллы Иль Сорито виден залив, и этого достаточно для создания хорошего настроения. Первую половину дня Горький работает. Он задумал новый роман — огромное полотно, охватывающее 40 лет российской жизни. Это будет его Главная и Итоговая Книга. Он записывает на чистом листе заглавие: “Жизнь Клима Самгина”. И — посвящение: “Марии Игнатьевне...” Останавливается и задумывается. Будберг? Нет, это фальшивая фамилия. Бенкендорф? Никуда не годится. И аккуратно дописывает: “... Закревской”.

Вилла Иль Сорито в Сорренто, где жил Горький

Мура ведет соррентийский корабль умело, обходя возможные рифы и в нужный момент работая за всех членов команды. Ее авторитет непререкаем. Многочисленные гости, в том числе из России, посещающие Иль Сорито, знают, кем она является для Горького, и уезжают, покоренные ее обаянием. Она по-прежнему вовлечена в массу различных дел, среди ее обязанностей переписка и связи с издателями. Все финансовые поступления тоже стекаются к ней, и она старательно учитывает огромные расходы — оплата виллы и кормежки, а также дорогих затей Максима — любимого сына Дуки. Следит, чтобы дебит и кредит сходились. По-русски это называется — сводить концы с концами. А сводить их всё труднее.

Гонорары за издания в СССР выплачиваются крайне нерегулярно. Хотя в последнее время Буревестник революции все чаще и все дольше поглядывает в сторону Советского Союза, а к Западу обращен, скажем так — спиной. В ответ Запад,

естественно, поворачивается к писателю тем же местом. Количество публикаций падает, тиражи снижаются. Жидкий денежный ручеек из зарубежных издательств практически иссякает.

Мура твердо придерживалась разумной экономии. Но хуже всех приходилось именно ей. Постоянно обитавшие на вилле члены горьковской семьи немало не задумывались над тем, каким образом обеспечивается их благополучие. Нужны деньги — просто просили их. И Мура давала. Алексей Максимович симпатизировал Ходасевичу, и они с Берберовой прожили в Иль Сорито полгода. Приехав туда поздней осенью, они покинули виллу весной — в апреле 1925-го отправились в Париж. Другим гостям тоже нравился вид на залив и обильный стол. Мура, несмотря на свое равноправное положение со всеми остальными обитателями Иль Сорито, тем не менее, в чём-то напоминала банковского кассира — распоряжалась кредитами, а своих средств не имела.

Нельзя сказать, чтобы Алексей Максимович не понимал, что его возлюбленной нужны деньги. В Эстонии оставались четыре близких ей человека. Конечно, они жили вместе с родственниками ее бывшего мужа, но у тех тоже была немаленькая семья: две дочки и сын. Поэтому Горький выделял Муре из своих гонораров средства на содержание ее эстонской коммуны. Это во многом решало проблему, хотя имелся еще очень существенный момент: муриным детям не хватало живого общения с мамой, а ей — с ними. И три раза в год она к ним уезжала.

Мария Игнатьевна Закревская была женщиной гордой и независимой. Она предпочитала в любых ситуациях выглядеть уверенной в себе и благополучной. Горький очень ценил ее. В то же время ее отъезды из Сорренто ему совершенно не нравились. И он предложил Муре, чтобы та показала ему свою «команду», ради которой она ездила в Эстонию — ее собственных детей Павлика и Танюшу, а также дочь ее старшей сестры Аллы — Киру, которую она уже давно забрала к себе и которая считалась равноправным членом ее семьи. В 1925-м она привезла всю троицу в Сорренто вместе с Микки. Они провели полтора незабываемых летних месяца на берегу Неаполитанского залива, с мамой, в компании всех горьковских родных и друзей, чувствуя теплое и сердечное отношение самого Горького. Дуже дети понравились. Он им тоже.

На всю жизнь осталось у самой младшей — Танюши — яркое впечатление от этой поездки, от уважительного внимания «соррентинцев» к каждому маленькому человеку. Много лет спустя она, уже ставшая Таней Александр, умудренной жизненным опытом женщиной, матерью трех прекрасных детей, напишет о тогдашнем Горьком такие слова: «Было что-то очень человеческое и даже трогательное в этом огромном человеке с басовитым голосом».

В том же году в Берлине Крючков расстается с Андреевой. Теперь он может себе позволить это, тем более, что у него есть женщина, на которой он собирается жениться. А также потому, что у него новые обязанности. Находящийся под итальянским солнцем великий пролетарский писатель явно требовал постоянного надзора, и это отчетливо понимали чекисты в ОГПУ. Их основная работа и заключалась в том, чтобы следить, замечать недостаточно преданное отношение к советской власти и затем, в зависимости от обстоятельств, принимать меры. Поэтому в окружении Горького чекистам обязательно нужен был свой человек. Правда, там есть Максим, большой поклонник Дзержинского, но как никак он Горькому приходится сыном, а, значит, про своего отца может многое скрыть. На Муру рассчитывать нечего — даже будучи на Лубянке, она ни слова не сказала о делах и связях

Локкарта, хотя наверняка располагала многими сведениями. В итоге выбор пал на Крючкова — Горький знал его давно и ценил. А, главное, доверял — значит, никаких подозрений у Буревестника не возникнет. Крючков был назначен секретарем писателя.

На деятельности Муры это назначение никак не сказывается. Она продолжает заниматься тем же, чем и прежде. И опять всё тихо, идиллия под оливами продолжается. Кончилось лето, и внезапно на берегу Неаполитанского залива взрывается вулкан почище Везувия: в отношениях между хозяином Иль Сорито и его возлюбленной возникает неожиданная трещина; она расширяется и, кажется вот-вот по ней потечет горячая лава. Может, самое удивительное заключалось в том, что никто из обитателей горьковской виллы ничего не заметил. Все еще находились под впечатлением недавнего общения с детьми, внешне жизнь текла по-прежнему.

А нештучные словесные баталии оставались скрытыми от чужих глаз, потому что происходили они — в письмах. Мура часто бывала в отъезде, переписка была обычным делом. Но на сей раз, кроме просьб, вопросов и отчетов об издательских проблемах, появились совершенно другие темы и интонации, очень личные и порою очень жесткие. И разгоралось это пламя только на бумаге, потому что она всё стерпит и на ней можно высказать очень многое, в том числе то, что далеко не всегда скажешь в лицо.

Мура в Сорренто, 1926

Из Сорренто Мура с детьми отправилась к сестре во Францию. 29 июля 1925 года она пишет Горькому из Ниццы (здесь и дальше приведены только фрагменты писем, только то, что касается отношений между адресатами):

«Милый друг мой... Очень мне тревожно было оставлять Вас в таком настроении. Глупо как-то говорить это, когда чувствуешь, что больше всего в этом настроении виновата я сама, а вылечить Вас — не умею. Так хочется снова суметь, дорогой, родной друг мой. И еще хочется Вам сказать спасибо за все то, что Вы сказали мне в тот вечер, —

никогда, никогда не забуду я этих простых, настоящих слов... Привет всем соррентинцам, а Вас нежно и долго обнимаю.

Мария»

2 августа 1925 года Горький пишет в ответ:

«Сейчас получил Ваше письмо, давно ждал его, ибо мне кажется, что Вы уехали давно. Я много писал Вам в эти дни, но не посылал писем, опасаясь, что Вы неправильно поймете их или совсем не поймете. Я и сейчас боюсь этого. Но я не могу не быть искренним с Вами и обязан сказать Вам, лучшему из всех людей, мною встреченных, самому близкому мне существу все, что я думаю.

Та беседа, за которую Вы меня — несколько неуместно — благодарите, не сделала мое настроение легче...

Я отошел от Вас с укрепившейся уверенностью, что Ваше отношение ко мне непоправимо изменилось. Какая-то пружинка лопнула и ее уже нельзя починить словами, как бы хороши, искренни ни были они. Вы — умная женщина, Вы знаете как не прочны, хрупки человеческие отношения, Вы знаете, что трещина, образовавшаяся в них, имеет тенденцию углубляться. А ведь я надеялся и верил, что отношения наши чем далее, тем более станут прочны. Вы ведь моя последняя женщина, и Вы первый человек, с которым я разрешаю себе полную, безоглядную и, часто, не выгодную для меня искренность...

На небрежность Вашего отношения ко мне я указывал Вам давно уже... Теперь, постепенно, это отношение становится оскорбительным, почти не выносимым для меня. Вы покрикиваете на М, Горького, как офицера на денщика. И мне тяжело, грустно видеть, что Вы, человек более высокой культуры, чем я, забываете, что нельзя так обращаться с русским литератором, что это унижает и Вас...

Подумайте же, М.И. — зачем это мне и за что? Вы вовлекаете меня в драму, но я не люблю, не хочу драм. Если я неприятен, стар, не нужен, как мужчина, — надо, все-таки, не терять известной дозы уважения ко мне, человеку.

Человеческие недостатки мои Вы знаете, я не хочу и не умею скрывать их. Вы всегда видели их. Я ведь ничем не украшал себя пред Вами и за Вашу любовь ко мне никогда не платил Вам фальшью...

Еще раз — поймите! Я ни о чем не прошу, никак не насилию Ваших чувствований. Я только рассказываю Вам о себе, о моем страхе потерять Вас, как самого дорогого и близкого мне человека. Это будет, наверное, самое тяжкое из всего, что я испытал...

Будьте здоровы и берегите себя. Ужасно относитесь Вы к себе. Отчаянно плохо. Детям сердечный привет.

А. Пешков».

Любопытный текст! Горький обижен и даже, как будто, оскорблен. И всё-таки, стоило ли мужчине столь не джентльменски выражать свою обиду? Совершенно невозможно себе представить, чтобы письмо такого содержания, с такими упреками и обвинениями, мог написать любимой женщине Роберт Брюс Локкарт. У Муры было с кем сравнивать, и даже, если такие мысли ей не приходили в голову, подсознательно горьковские претензии вызывали у нее напряжение.

5 августа 1925 года Мария Будберг отправляет из Ниццы ответ:

«... только что получила Ваше письмо и вот сижу и плачу... есть в нём нечто, чего не ожидала я услышать от Вас... Алексей Максимович, отношение мое к Вам не изменилось... любовь моя к Вам, именно «слиянность» моя с Вами, необходимость в Вас, — все это неизменно. Ушла молодость чувства, ушла та влюбленность, при которой так легко жить. Винавата ли я в этом, друг мой? Кажется мне, что нет. Поймите меня хорошенько, я не упрекаю Вас ни в чём...

Теперь вот та часть письма, которую я внутренне не понимаю... Та часть, где вы говорите, что я Вас «вовлекаю в драму». Та небрежность, о которой Вы пишете... — это какая-то глупая с моей стороны распушенность, на которую Вы совершенно правы указать мне, и не раз, но которая ни коим образом не дает Вам оснований придавать ей более глубокое значение и говорить мне страшные и, да, обидные слова: «Вы крикиваете на М.Горького, как офицерша на денщика». ... Милый мой, поверьте мне, я отнюдь не стараюсь закрывать глаза на собственные слабости, знаю отлично, что часто недостаточно внимательна к Вам ... Тут есть недомыслие, и несдержанность с моей стороны, но «унизительного», «оскорбительного» — для Вас — нет.

Я Вас вовлекаю в драму? Вот это тоже мне непонятно, от Вас непонятно. В человеческих отношениях всегда есть доля драмы, и разве мы подходим друг к другу, думая о том, как бы избежать ее? Разве не идем всегда и на нее? Милый, милый, Вы знаете: я умею любить самозабвенно, и можно ли меня упрекать в том, что я переживаю настроение, в котором больше эгоизма, чем самозабвения?

А в заключение, на риск, что это прозвучит глупо, — мне хочется... спросить Вас: Вам плохо со мной? Вам легче было бы, если б я ушла?... Я себе не представляю жизни без Вас, но если вся эта моя маленькая внутренняя чепуха Вам в тягость, если она Вам мешает как литератору, — может быть, мне лучше уйги?

Мария.

Интересный поворот: в своей оценке возникшей напряженной ситуации Мура оказывается мудрее Горького! Она объясняет ему, писателю с мировым именем, что отношения между людьми всегда в той или иной степени драматичны! А он, как это следует из его же слов, не желал быть замешанным в драму. Потому что по внутренней своей сути, — в том, что касалось его как индивидуума — он был эгоистом. На всех этапах его жизни ему нужна была рядом женщина. И желающие быстро находились. Кроме постоянных привязанностей, случались и промежуточные — короткие романы, даже не романы, а если можно так сказать — небольшие «новеллы». Все женщины бывали покорны, уступчивы и на поведение Хозяина влияли мало. Посмела Андреева занять более властную позицию, чем ей было позволено — и ушла навсегда из Алешиного сердца.

С последней же горьковской пассией всё обстояло иначе. Мура в человеческом плане считала себя совершенно равнозначной своему любимому. Она признавала его талант, масштаб его личности, но в семейном тандеме она ничуть не уступала ему ни силой чувств, ни эрудицией, ни пониманием тонкостей взаимоотношений. Даже в чем-то превосходила его. Поэтому, если случались размолвки, либо недоразумения, она не стеснялась высказывать свое мнение, и если ей приходилось

защищаться, по-видимому делала это порою резко. Теперь она сознает, что не стоило так поступать. Сознает, соглашается и в то же время — возражает.

5 августа, когда Мура еще только излагала на бумаге свои мысли, Горький, не дожидаясь ответа, посылает своей Марии в Ниццу вслед за только что отправленным гневным письмом новое послание, в котором есть такие слова: «Считаю дни, оставшиеся до Вашего приезда. Как будто мне 25 лет. Очень стыдно и глупо, но — что же делать?» А через три дня отвечает на процитированные выше Мурины недоуменные вопросы:

«Я так и знал, что страха, под влиянием которого написано мое письмо, Вы, дорогая, не почувствуете. А это — очень простой, очень человеческий страх: дело в том, что я подавлен предчувствием, подозрением, что Вы, человек страшно уставший и вообще склонный к неожиданным для Вас поступкам — хотите уйти от меня... Так вот, письмом моим я предусмотрительно открываю Вам дверь. Смешно? Нет, знаете, это страшно. Ибо, если это случится, то я, наверное, ... насочиняю таких шуток, которые и меня удивят.

Счастье и радость моя, не думайте, что я Вас пугаю... Просто — я знаю, что без Вас мне будет уж совершенно невыносимо. Но и висеть на Вашей шее в состоянии... неврастенической разбитости... — тоже не праздник. Быть в тягость Вам — нет!

... Люблю я Вас. Когда Вы со мной, я не умею или не решаюсь говорить Вам это.

Алексей»

Сразу видны преимущества эпистолярного романа. Со стороны Алексея Максимовича последние его слова — не только и не просто признание в любви, они звучат еще и как извинение. Оба они — и Мура и Горький — боялись говорить о своих отношениях лицом к лицу, боялись наговорить лишнее. А это могло бы привести к неминуемому разрыву, которого — внутренне — не хотели ни он, ни она. С письмами всё обстояло проще. Можно было излить душу, употребить любые обороты и сравнения, выстроить обидную фразу так, чтобы в ней оставалась лазейка для оправданий. К тому же всегда имелось достаточно времени для того, чтобы воспринять прочитанное — вскипеть, возмутиться, остыть, обдумать — и снова написать, уже несколько изменив тональность, осторожно нащупывая шаги к примирению.

Дни идут, и странные отношения двух взрослых людей продолжают. Как в двух параллельных мирах: при непосредственном общении — одно, по почте — другое. В Иль-Сорито затевают серьезный ремонт, вся семья на время перебирается в другое место. 23 октября Горький и Будберг встречаются в Неаполе в отеле «Континенталь», и Мура передает Алексею письмо. Он читает его чуть позже, оставшись один:

«Вот, — я хочу теперь рассказать Вам всё... В качестве предисловия я хочу сказать Вам, что никогда ни единой минуты не забывала — кто Вы... Я думаю, что я многое испортила последними разговорами, вероятно, лучше было бы сразу решиться. Не смогла... Вы ведь не сомневаетесь, не можете сомневаться в том, до чего сильно, без остатка, я полюбила вас тогда, в России. И полнота этого чувства длилась и позже... Потом я почувствовала, вероятно, как-то постепенно, потому что не

помню, когда именно, что не влюблена в Вас более. Люблю, но не влюблена. Нет вот этого — ах, от которого птицы поют в голове и видишь *Бога*. Очень страшно сделалось мне... Вот, думаю, человек, который мне как-то необычайно нужен, более того, — которому я нужна, он любит меня, он близок мне бесконечно, у меня столько нежности к нему, а восторга нет. Очень боролась я с этим, уверяла себя, что всё это неважно, что можно задушить беса этого. А он всё рос. Милый, Вы себе представить не можете, как я ненавидела и ненавижу себя за это. Вы поймите, — это не было желание половой близости с кем-нибудь — о, нет, я это хорошо знаю, а стремление чувствовать свою жизнь вновь озабоченной вот этой изумительной всё отдающей, ничего не требующей любовью, для одной которой стоит жить. Было это у меня с Локкартом, было с Вами — ушло, что же это — значит, жизнь кончена? Ко мне подходили и подходят люди, и я спрашивала себя — этот? этот?.. Я сейчас раздеваюсь перед Вами — тут нет места лжи. Думала я еще вот как: ... Уйти с каким-то человеком, заменить этого огромного, любимого моего друга, обидеть его? Повторить банальную историю — уйти от большого человека — к маленькому? ... Поймите меня... Тут не инстинкт... тут просто органическая непригодность моя жить без сказки. Вы знаете — я не склонна «выгораживать» себя, но это я знаю, — я никогда не искала «мужчину»; мне всегда нужно было только одного — вот этой радости. А без нее — на что я годна, как нужна Вам?.. принимать Ваш восторг любви — и не быть в состоянии петь с Вами одним голосом, не испытывать волнения от Ваших ласк. Родной друг мой — видит Бог, если я заставила Вас страдать, — я сторицей заплатила за это тем, как мучаюсь я. Я боролась, я до сих пор борюсь, мне всё казалось, что с этим справлюсь — ведь я же знаю, что теряю в Вас...

Почта работает исправно, переписка продолжается. Иногда создается впечатление, что все разногласия улажены. Письмо от 14 декабря Горький заканчивает так: «Целую руки. А.» Но вот в начале 20-х чисел декабря 1925 года Мария Будберг пишет А.М. из Каллиарви: «Милый, любимый... постарайтесь понять меня. Что внешне мне в моей жизни с Вами вот сейчас чего-то временно, наверно временно, не хватает... что мне, какой-то стороной своей, вероятно, наиболее упрощенной, хочется чего-то отвлекающего — это ведь... не унижит меня в Ваших глазах?..»

И 30 декабря Горький раскрывает карты:

«Друг мой...

Ваше тяготение к мужчине более молодому, чем я, и потому более достойному Вашей любви, дружбы — вполне естественно... Вы не можете жить «без сказки», — это я тоже понимаю... при тех отношениях, которые создались у нас, покой для меня невозможен. Ибо — я ведь люблю Вас, ревную и т.д... Вы должны вырваться, выпрыгнуть из этой путаницы, иначе Вы себя изуродуете...

Если Вы приедете домой — Вам надо будет прочитать все Ваши письма с августа, м.б. они Вам покажут Вас так, что Вы испугаетесь самое себя, и этот испуг поможет Вам выздороветь».

Итак, у Марии Будберг появился молодой любовник? Так, во всяком случае, считал Горький, хотя эта версия оставалась только его предположением. Правда,

Мура, со своей стороны, уже в январе сказала ему, что «решила с Р. больше не видеться». Кто такой Р.? Мурина дочь, Таня, сообщила позже, что действительно был у ее мамы в Италии добрый знакомый, синьор Руффино — знакомый, но не более того. Скорее всего, дело в другом: Муре с ее деятельной натурой, с тягой к общению с незаурядными людьми стало скучно в довольно однообразном кругу горьковской семьи. Постоянные хлопоты насчет изданий, гонораров, недоплат тоже приносили не слишком много радости.

Вряд ли Горький это понимал. Характерна его фраза: «Если Вы приедете домой...» То есть он был уверен, что дом для Муры — Иль Сорито. Ведь ей хорошо в Сорренто! Мура переломила себя и вернулась. Домой. И старательно склеивала трещину, так долго черным зигзагом пересекавшую их отношения. Правда, у нее имелась небольшая отдушина — встречи с Брюсом.

Относительное спокойствие, установившееся на европейском континенте после завершения Первой Мировой войны, оказалось шатким. В поверженной Германии подняли голову силы, жаждавшие реванша. В январе 1923 года 5000 штурмовиков вновь созданной национал-социалистической партии, печатая шаг, с возгласами «Хайль!» проходят по Мюнхену. Их лидер Адольф Гитлер в 1926-м выпускает свою книгу-программу «Майн Кампф». В Италии в 1921-м возникает фашистская партия, уже в 1922-м ее глава Бенито Муссолини становится премьер-министром, а в 1925-м — «главой правительства», запрещающим все другие партии. В то же время непонятно чего ждать от Советской России, которая призывает к мировой революции.

Подъем всех этих сил на континенте был далеко не безразличен Британии. Ее политики внимательно следили за развитием событий, и Локкарт снова вошел в силу — его положение в центре Европы позволяло оценивать внутреннюю ситуацию и состояние умов в разных странах. Всякая дополнительная информация была теперь для него важна. В том числе, его интересовали настроения в среде интеллигенции и эмигрантов. Данные, полученные из разных источников, позволяли сделать общую картину более точной и выпуклой.

Мура с ее разъездами знакомствами подходила для роли “ушей Локкарта” идеально. И она не была случайным человеком, от которого можно ожидать подвоха. Они встретились, побеседовали. Мура ответила на просьбу Брюса согласием. От нее не требовалось ничего специально разузнавать, а просто передавать содержание услышанного. Она твердо знала: ее информация пойдет не во зло, а против зла. Ее отлучки из Сорренто по издательским делам в Берлин или к сестре в Париж теперь порой приобретали более яркий характер благодаря встречам с Брюсом. Горький не мог не заметить, что Мура уезжает с видимым удовольствием. Он искал причины, искал пути, как сохранить свою любимую для себя.

Наверняка, среди прочего, в ходе нервных обсуждений появлялось предложение, чтобы Мура перевезла детей в Италию и поселилась с ними в Иль Сорито или рядом. Такая идея просто не могла не возникнуть, дети всем очень понравились. Казалось бы, прекрасный вариант. Но для Марии Бенкендорф он был совершенно неприемлемым. Несмотря на то, что она любила Горького и фактически была его женой. Дуку бы такой вариант, скорее всего, устроил — почти нет поводов для того, чтобы покидать дом, а, следовательно, исчезают причины волнений и переживаний. Но Мария считала на два хода дальше.

Уехав из Эстонии, она с детьми ее теряла. Теряла с трудом налаженные отношения, а дети — бабушкину ферму, двоюродных братьев и сестер, привычную

среду обитания. Родственники, Бенкендорфы, спокойно относились к ее связи с Горьким-эмигрантом, но ни за что бы не приняли Горького-большевика. А Мура хорошо знала своего возлюбленного — он обязательно вернется в Россию. Что тогда делать ей? А дети? А Кира и ее больная мама? Она не может их оставить, но и не имеет права увезти в непривычный и жестокий мир.

Значит, надо как-то сохранить существующее положение. В то же время обманывать Алешу и притворяться она не считала возможным. И Мура решает на невероятный поступок — объявляет человеку, с которым она делит кров и постель, дом которого стал ее домом, — что ее чувство к нему поблекло. Это был страшный риск. А вдруг Алексей Максимович резко повернется и скажет: “Прощайте, Мария Игнатьевна, прощайте навсегда!”? Куда ей деваться? Поэтому она в каждом письме продолжала подчеркивать, что он ей по-прежнему дорог — и это была правда. Сложная штука — жизнь...

Она знала, что он любит ее, что она — неразрывная часть его существования. С ней его мир устойчив, он уверен в себе. Знала и другое: это совершенно не означает, что ради нее он готов на всё. На всё он готов ради идеи, которая, овладев им, становится его повелительницей. А она сама? Она любила его?

Очень трудно ответить на этот вопрос. Женщина вырвана из своей среды. Из круга родных и дорогих ей людей. Судьба бросает ее как щепку по планете. Если не найти, за что зацепиться и устоять, то можно затеряться и погибнуть в этом непредсказуемом водовороте. И есть один человек — странный, взбалмошный, щедрый, непоследовательный, эгоистичный, талантливый, сентиментальный, обидчивый, мнительный — и тем не менее, невыразимо привлекательный. Человек, который ей нужен больше всех на свете, потому что с ним она — дома. Каким долгим бы ни было ее отсутствие, она неизбежно возвращается к нему. Это — любовь? Наверно.

Они не расстались. На берегу Неаполитанского залива восстановилась тихая, благодатная погода. Горький полностью погрузился в мир своего романа. Мура, как обычно, регулярно навещала детей, а в Сорренто стремилась оградить Дуку от лишних хлопот и ненужных дел. Хотя он участвует в многочисленных затеях и розыгрышах, инициатором которых чаще всего является его сын. По-прежнему Иль-Сорито остается открытым домом для гостей. Постепенно всё больше и больше посетителей прибывает сюда из Москвы.

В 1927-м году в России публикуется первый том “Клима Самгина”. Сталин обращает самое пристальное внимание на Горького. Ему нужен этот человек, его имя, для мощной поддержки своего восхождения на большевистский Олимп. Следующий, 1928-й год — год 60-летия Буревестника. Удачно складывается. Приехать на свой юбилей на родину он просто обязан, от таких предложений не отказываются. Сталин создает юбилейную комиссию. По высшему разряду.

Горький еще не знает, что в будущем году поедет в СССР. У него свои, семейные радости — у Тимоши родилась вторая девочка. Дука выписал в Сорренто Липу — Олимпиаду Дмитриевну Черткову, бывшую служанку Андреевой, а теперь акушерку и медсестру. Она будет помогать молодой маме.

Март 1928-го. Поток поздравлений заливает Сорренто. Телеграммы, письма. Все крупнейшие литераторы и деятели культуры шлют своему собрату пожелания здоровья и новых творческих успехов в воспевании свободного, гордого человека. Никто не забыл о юбиларе, несмотря на то, что он не очень жаловал Запад в последнее время. А тем, у кого могла бы оказаться слабая память, заблаговременно напомнила о важной дате Мура.

Через два месяца, в мае, воодушевленный Буревестник отправляется в Страну Советов. Ожидавший его на границе специальный вагон движется до самой Москвы под несмолкаемые фанфары народной любви. Горького чествуют большие и маленькие вожди, ему поют дифирамбы и возносят до небес. Откуда ему знать, что это не естественный порыв благодарных читателей, а заранее организованное мероприятие, на которое людей по указаниям властей специально приводят на вокзалы? Такая мысль ему и в голову прийти не может. Он растроган. Он плачет от умиления.

Триумфальное возвращение Горького в СССР в 1928 г.

Горький вернулся в Сорренто осенью, ему было чем поделиться с Мурой. О многом он говорил с воодушевлением, а то и с восторгом. Правда, поведал и о сомнениях и огорчениях. Через год, в 1929-м, он отправился во вторую поездку в Советский Союз. На сей раз ему подготовили сюрприз: писателя повезли на Соловки. На том, что это такое, надо остановиться отдельно.

На Соловецких островах в акватории Белого моря, между Архангельском и Мурманском, существовал мужской монастырь православной церкви. Он был основан еще в 15 веке. Красивый архитектурный ансамбль, мощные стены толщиной в 4-6 метров, узкие кельи. Суровая северная природа. В 1920 году большевистские власти монастырь закрыли, а его помещения стали использовать для согнанных на принудительный труд людей. А 13 октября 1923 года специальным решением правительства там был создан СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения, или просто Соловки, ставшие первым звеном разросшегося впоследствии ГУЛАГа.

Лагерь быстро заполнился заключенными. С одной стороны, это были уголовники, а с другой — «политические». Среди последних преобладали представители духовенства, офицеры белого движения, члены партии эсэров, дворяне, интеллигенция. И, конечно, те вчерашние сторонники советской власти, которых по какой-либо причине вдруг объявляли ее врагами. Их гоняли на тяжелые ручные работы, условия жизни были ужасными, питания не хватало, постоянным спутником этих несчастных стал голод. Над ними издевались, избивали или могли расстрелять за какую-то провинность. Охрана состояла из чекистов и привлеченных к этой работе заключенных. Лагерю вскоре стало не хватать места, он занял помещения и на материке.

Надо заметить, что Соловецкий монастырь с давних времен служил для православной церкви тюрьмой, куда она отправляла своих служителей за прегрешения

либо несогласие с руководящей верхушкой. За 5 столетий таких узников набралось 500. А, например, в том самом 1929 году, о котором мы сейчас ведем разговор, в Соловецком лагере особого назначения находилось 50 000 заключенных. Вот сюда-то и повезли всемирно известного писателя, автора афоризма «Человек — это звучит гордо!».

Горький приехал из Ленинграда на Соловки 20 июля, пробыл там два дня и уехал. То, что ему показали, по замыслу организаторов, должно было произвести на Буревестника неизгладимое впечатление. Под лозунгом “перевоспитания” уголовников (политических упрятали подальше), заключенных снабжала первоклассными книгами библиотека, проводил репетиции театр, исполнял классическую музыку симфонический оркестр. Почетный гость увидел всё. И всё понял — ведь не был он ни слепым, ни наивным.

Лозунг, придуманный заключенными Соловков

Безусловно, от опытного посетителя не мог укрыться достаточно высокий уровень и оркестра, и театра, и библиотечного фонда. Да его и специально демонстрировали. А это значило, что сидевшие в лагере исполнители — большей частью профессионалы, — артисты, режиссеры, музыканты, люди искусства. Из чего следовал неминуемый вывод: не вредители они со строек, да и не уголовники. Но! — рассуждал Горький, если они против советской власти, которая, по замыслу, самая замечательная власть в мире, — их тем более надо перевоспитывать. Уж он-то хорошо знал, что в человеке борются темное и светлое начала — столько навидался в жизни, столько раз описывал это в книгах. Так что очерк о поездке на Соловки был написан им в благожелательных тонах. Тем более, что об издевательствах над заключенными ему почему-то забыли рассказать. А о том, что нередко хватают и арестовывают невинных, он и сам забыл...

...В апреле 1929-го Локкарт приехал в Берлин по своим делам. Среди прочего, он встречается с Мурой и обедает с ней в ресторане “Фёрстер”. И в том числе, спрашивает о Горьком. Он решил окончательно расстаться с Западом, сообщает Мура, и посвятить остаток своей жизни образованию и развитию новой России. Большевики печатают его произведения миллионными тиражами. Русские молятся на него, как на бога. Локкарт слушал и думал о том, как своеобразен этот человек, который в 62 года убедил себя, что всё, против чего он выступал так резко, — тирания, применение силы, подавление мнения личности — может быть оправдано, если оно применяется ради создания нового, лучшего порядка...

В эти горьковские приезды в числе его почитателей — и опекунов — появляется новая фигура: Генрих Григорьевич Ягода. Симпатичный моло-

дой человек, из Нижнего Новгорода, земляк А.М. Горького. Это он и Соловки организовывал и потом Беломорско-Балтийский канал с заключенными строил. Должность у него — заместитель председателя ОГПУ, но фактически он становится хозяином этой конторы: председатель Вячеслав Менжинский болеет, после инфаркта сидит дома и учит персидский язык, чтобы читать в оригинале Омара Хайяма. А Генрих дело делает.

Горький уже связан вполне определенными конкретными нитями с СССР. Собственно, он бы уже сейчас остался в Союзе, но есть два «но»: Сталин и Мария Игнатьевна. Он понимает, зачем его зовут, понимает, что нужен вождю. Сталин ему неприятен. Но хочется осуществить свои замыслы — образование народа, издание книг, помощь талантам, а, значит надо идти на компромисс. Точнее, надо просто прикинуться лояльным, ведь главное направление в стране — верное, а огрехи всегда бывают. Сталин слишком высоко поднялся и слишком много мнит о себе. Надо его переиграть. Когда-то, еще в 1920-м, он, Горький, сказал Чуковскому: «Никогда прежде я не лукавил, а теперь с нашей властью мне приходится лукавить, лгать, притворяться. Я знаю, что иначе нельзя». Тогда он уехал, сейчас возвращается. Самый подходящий момент — лукавить и гнуть свою линию. Горький начинает Большую Игру. Ставка — стать во главе интеллектуальной жизни и использовать это положение для своих целей.

Сталин попыливает трубой. Ему — 50. Ему нравится год 1929-ый. Он разобрался со своими соратниками — одних обвинил в «троцкизме», других убрал с высоких постов. Он укрепился в положении преемника Ленина. Он придумал и запускает Первый Пятилетний План. И он заполучил Горького. Тот еще, правда, цепляется за свою итальянскую виллу, но душой он уже здесь, в Москве. Хотя с ним надо держать ухо востро. Сталин говорит очень близкому ему человеку, редактору «Известий» Гронскому: «Он честолюбивый человек. Надо привязать его канатами к партии». И вождь начинает свою Большую Игру. Ставка — с помощью Горького убедить мир в величии социальных преобразований, во главе которых стоит он — И.В. Сталин. Гронский позже напишет, как И.В. «артистически разыгрывал дружбу с Горьким, на самом деле не доверяя ему».

Но есть еще одна причина, которая держит Дуку в Италии — Мура. Он привык к ней, лучшего собеседника не найти. Ее советы чаще всего разумны, практичны. В конце концов, он любит ее, черт побери, эта женщина нужна ему как женщина — сколько бы он ни упрекал ее. Но ведь почти очевидно, что она не поедет с ним и детей не оставит. Где выход? Пока что Горький берет тайм-аут — в следующем, 1930-м году, он остается в Сорренто.

Мура оказывается в сложном положении. Она понимает, что Горький по сути своей — не эмигрант. Эмиграция требует в той или иной степени отчуждения от своей страны, от той атмосферы, которая и побудила уехать. В то же время она предполагает необходимость приспособления к новым обстоятельствам бытия, к языку, к иному способу мышления. И неизбежно — во всяком случае, русская эмиграция — вызывает внутренние разборы в эмигрантской среде, где каждый считает себя главным патриотом. К такой жизни ее Алексей Максимович не приспособлен. Он будет стремиться к возвращению на родину. Его не удержать.

Что же делать ей? Ехать с Горьким? В СССР у нее не будет ни имени, ни работы, ни статуса. Даже — что немислимо! — если ей позволят выезжать, то чуть произойдет малейший сбой в отношениях, и дверца захлопывается. Она всё это уже испытала однажды. А на Западе ее живой ум, дар общения, эрудиция, знание язы-

ков — несомненный капитал, который обеспечит заработок. Как бы ее ни влекло к Дуке, пешкой она быть не согласна. Мура начинает свою Большую Игру. Ее ставка — найти опору на Западе и в то же время не потерять совсем Горького. В 1929-м, впервые после той бурной осенней ночи 20-го года на Кронверкском, Мура решает встретиться с Уэллсом.

Она ловит его в Берлине, где тот выступает с лекцией. Уэллс искренне рад и тотчас же приглашает секретаршу Горького к себе в гостиницу. Нельзя сказать, чтобы Эйч Джи к тому времени был совсем свободным человеком. Но Мура помнила, какими глазами он смотрел на нее. За два года перед этим он похоронил свою вторую жену, Джейн, которую очень любил. А теперь у него была связь с Одетт Кён, дамой эксцентричной и вспыльчивой. Отвязаться от нее было не так просто. Но Мура отнюдь не торопила события — она не собиралась сбежать от Горького.

Дука в Иль Сорито продолжал собственными руками ковать цепочку, привязывающую его к СССР. Генрих Ягода прислал в Сорренто материал о процессе против очередных врагов советской власти — так называемой Промпартии. Не верить ему трудно — видные ученые сами признались во вредительстве. И Горький с полной убежденностью пишет статью: «Если враг не сдается — его уничтожают», которая тут же появляется одновременно в «Правде» и «Известиях».

Горький в 1931-м

В 1931-м году он в третий раз отправляется на лето в СССР. Пытается в чём-то переубедить Сталина. Иногда вождь с ним соглашается. А Буревестник вступает за писателей, которые подвергаются нападкам — раньше за Пильняка, которого недолюбливал, теперь за Замятина, которого ценит. Замятина выпускают за границу, и Горький доверительно говорит ему на прощанье: «Уезжайте, уезжайте, а мы еще посмотрим, кто у нас здесь победит — этот — он жестом изобразил усы Сталина — или наши Ивановичи [Рыков и Бухарин]». Оптимистическая фраза, говорящая о том, что Горький надеялся на победу в своей игре. При этом он наверняка не знал, что именно Алексей Иванович Рыков, только что снятый с поста председателя правительства, подписал в свое время приказ о создании Соловецкого лагеря. Впрочем, он, Горький, ведь посчитал, что такие лагеря полезны...

Между тем, вождь играет по-крупному. Он выделяет великому пролетарскому писателю в центре Москвы особняк, принадлежавший прежде купцу Рябушинскому, а также загородную резиденцию в Горках — ту самую, где провел последние дни Ленин. И то, и другое — с полной услугой.

Пока Горький проводит летние месяцы в СССР, Мура включена в круг обычных ежегодных забот. Все ее эстонские родственники, и она с детьми тоже, занимаются в Каллиярве заготовками на зиму. Потом — обязательный сенокос. Еще позже — сбор грибов. Ее сыну Павлу исполнилось 18, и его призывают в эстонскую армию. Условия в казармах жуткие, он заболевает тифом и чудом остается в живых. А во Франции Кирина мама, Алла Игнатьевна, тяжело больна и не может сама справиться с болезнью. Мура едет в Париж и определяет сестру на лечение в клинику. Вскоре та снова оказывается дома. Мура опять едет в Париж и вторично отвозит Аллу в ту же самую клинику. «И всё это стоило денег» — грустно резюмирует Мария Игнатьевна в письме к Горькому.

Еще в 1924-м году Мура узнала о судьбе своей бабушки В.П. Борейши. Очень красивая, талантливая скрипачка, она жила в старости с незамужней дочкой в Полтавской области без средств, в комнатке с земляным полом и одной кроватью. Кормили их крестьяне. Через Е.П. Пешкову Мура сразу же стала помогать им — пересылать деньги, лекарства, теплые вещи и т.д. А в 1931-м году попросила Горького подействовать их переезду в Эстонию: «Я беру их на свое иждивение». Так семья Марии Закревской в Каллиярве пополнилась еще двумя членами — почти 90-летней бабушкой, парализованной на обе ноги, и ее 67-летней дочерью. В 1936-м эта дочь напишет в письме Е.П. Пешковой: «Таких добрых и кристально чистых людей, как Вы и Мура, я никогда не встречала в течение моей долгой жизни».

У Марии Игнатьевны уйма дел, связанных с изданием книг Горького в Европе и Америке, и решает она их в Берлине. Она живет там в небольшой комнате вместе с Кирой. Ей удастся устроить повзрослевшую племянницу на работу, а вскоре та находит и своего суженого. Это Хью Клегг, врач, редактор «Британского медицинского журнала». Свадьба состоится в 1932-м, в Лондоне. Мурины собственные дети тоже становятся старше. Начав учебу в эстонской школе, они продолжают ее за границей. Учитывая склонности Павла, Мура намерена определить его после армии в агрономическое училище, но уже в Англии.

В 1931-м году на берлинской улице Марию Игнатьевну сбило такси. Шрам на лбу останется на всю жизнь. Остальное заживет. Мура решает сменить место жительства. Она уезжает в Лондон, снимает там квартиру и получает английский паспорт, дающий право беспрепятственного выезда и въезда в страну. Сорренто перестало быть домом — Хозяина не бывает там по полгода. Остается ездить туда только зимой.

А как же Уэллс? Уэллс в порядке. Его последнее увлечение — Одэтт зорко следит за своим возлюбленным. Эйч Джи ее побавляется. Узнай она, что он стал поглядывать в другую сторону, непременно устроит всемирный скандал с обвинениями, слезами, заявлениями в прессе и прочим антуражем. Такая слава Уэллсу ни к чему. Хотя к Муре его тянет. А ведь он о ней толком ничего не знает. Чего ради она ездит к Горькому? Только секретарить, как она утверждает? Конечно, так он и поверил. Впрочем, с другой стороны, вполне может быть — просто она продолжает работу, начатую в Петрограде. Сам Эйч Джи вообще-то парень не промах. Пальцев обеих рук не хватит, чтобы пересчитать его женщины. Безусловно, с Мурой приятно, но не надо ее монополизировать. Пусть удачно выйдет замуж, и пусть муж молится на нее и обслуживает. Так думал Уэллс.

А пока отправил Одетт путешествовать по Египту. Те счастливые минуты, которые он провел, благодаря этому, с Мурой, сразили его наповал. «Я точно знал, что люблю теперь Муру больше, чем любил любую другую женщину» — запишет он потом в своем дневнике. Одетт, однако, возвращается из Египта.

А в СССР дым коромыслом: А.М. Горькому во время его очередной поездки в Союз в 1932-м году Сталин устраивает пышное торжество — 40-летие творческой деятельности (в 1892-м был опубликован первый рассказ А.М. — «Макар Чудра»). Тут же последовала лавина переименований. Родной город писателя — Нижний Новгород — стал называться городом Горьким; улица Тверская в Москве — улицей Горького; это имя присвоили театрам, паркам, Литературному институту. И наградили Буревестника орденом Ленина. Горький юбилеев не любил, он понимал, что из него делают символ, икону. И не сказал ни слова благодарности родной партии и лично товарищу Сталину. Тот сделал вид, что не заметил этого, но у вождя была хорошая память.

А затем — последняя зима на соррентийской даче. Весной 1933-го Горький стал укладывать вещи для очередной поездки в СССР. У него была гайная мысль остаться там навсегда, они уже обсуждали такую возможность с Мурой. Поэтому он заранее подготовил для нее целый набор вещей и бумаг — всё то, что был намерен подарить ей. Он хотел, чтобы она увезла этот битком набитый чемодан с собой в Лондон. Конечно, он был уверен, что в любом случае будет встречаться с Марией Игнатьевной. И всё-таки...

Еще во время первой поездки Горького в Советский Союз Мура писала ему в Москву из Каллиярви 5 июля 1928 года: «Мой дорогой, родной друг... Вот Вы пишете — не приеду ли я в Россию. Мне это очень трудно сделать... из-за детей, и я думаю, что это нельзя объяснить моральной трусостью. Переезд мой в Россию, Вы это понимаете, будет открытым вызовом всей обстановке, среди которой они живут и должны жить, т.к. Вы также понимаете, что можно *сначала* начать учиться в России и продолжать, но нельзя 15-летних детей пересадить туда... Я прекрасно понимаю, что сейчас жизнь Ваша за границей, — особенно после этого путешествия, — абсурд... И мысль эта, означая расставание с Вами, очень, очень мучительна, милая моя радость, — верьте мне! Но, когда Вы приедете, мы с Вами что-нибудь придумаем, чтоб расставание это было как можно менее расставанием и чтоб оно не прерывало драгоценных мне отношений наших».

И они придумали. Горький впоследствии поставил условием своих длительных поездок или возвращения на родину возможность для Муры беспрепятственно приезжать к нему из Англии. Сталин легко согласился и поручил Ягоде техническую сторону дела — в кратчайшие сроки обеспечивать Марию Игнатьевну Будберг через советские посольства въездной визой. По просьбе Муры ее поездки должны были держаться в секрете, чтобы эстонские родственники ни о чём не догадывались. О том, что ее стало заботить также, чтобы ненужные слухи не дошли до ушей Уэллса, она предпочла умолчать. Вождя такой вариант устраивал полностью: у Горького имеется официальная, законная жена, Е.П. Пешкова, и имя Буревестника не может быть запятнано никакими связями с посторонними, да еще зарубежными дамами.

8 мая 1933 года Горький со всеми домочадцами, в сопровождении двух советских писателей — С. Маршака и Л. Никулина — грузится в Неаполе на теплоход «Жан Жорес» и через Стамбул отправляется в Одессу. На родину.

Пока теплоход плывет... Через шесть десятилетий буря обрушится на Буревестника. Его будут обзывать всякими нехорошими словами. Будут обвинять в пособничестве Сталину и оправдании репрессий. Как-то незаметно отойдет в тень то, что написал этот крупнейший и талантливейший писатель. У читателей нынешних книг о нём, мало знакомых с той эпохой, может создаться впечатление, что советские писатели в очереди стояли, чтобы высказать Сталину гневные слова об издевательствах вождя над народом, один только Горький всё восхвалял. Легко и просто сегодня, сидя на испанском или французском курорте и попивая немецкое пиво, возмущаться поведением великого, нестандартного человека в Советском Союзе начала 30-х годов. Но давайте посмотрим на ту ситуацию изнутри — глазами тех людей, которые жили там и тогда.

Россия, еще недавно забытая и отсталая, поднималась на ноги. Призыв к индустриализации вызывает неподдельный энтузиазм. 1929-й: закладывается Магнитогорский металлургический комбинат и уже в 1932-м дает чугун. 1930-й: Ростовский завод сельскохозяйственных машин, Сталинградский тракторный. 1932-й: вступает в строй Нижегородский (вскоре — Горьковский!) автомобильный завод, начинается строительство на Дальнем Востоке города Комсомольск-на-Амуре. Появляются первые советские грузовики — АМО, потом ЗИС. Военно-техническое общество Осоавиахим собирает в свои кружки молодежь. А песни! А кино! Первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь» (1931) — о перековке бывших беспризорников под руководством воспитателей-чекистов производит фуррор. Очереди у кинотеатров, признание во всём мире, а его режиссер Николай Экк становится в 1932-м лучшим режиссером Венецианского фестиваля. Вот живой отклик участников событий тех лет: из дневника К.И. Чуковского. 22 апреля 1936 года. За два месяца до смерти Горького. Съезд комсомола. Присутствует Сталин. В зале — Чуковский и Пастернак. Они восхищены и счастливы. Чуковский записывает: «Пастернак шептал мне всё время восторженные слова... Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упились нашей радостью...»

А в это же время Запад после «черного вторника» 29 октября 1929 года и биржевого краха на Уолл-стрите потрясает экономический кризис. Промышленное и сельскохозяйственное производство падают до уровня начала века. В Западной Европе и США 30 млн безработных, уволенные захватывают предприятия. Кризис закончится только во второй половине 30-х. Как тут было не восторгаться достижениями СССР! Восторгались и свои и приезжие. Да, был рабский труд. Были смертная казнь за кражу госимущества, насильственная коллективизация, голодомор на Украине, Кубани, в Поволжье, был обман — о выполнении первой пятилетки за 4 года и 3 месяца — и многое другое. Был ГУЛАГ, наконец. Но узнали мы о том, как это всё выглядело на самом деле, через много десятилетий. Мы — а не те, кто свято верил в идею социализма, кто даже за колючей лагерной проволокой прославлял имя вождя.

Сегодня в архивах раскопали, какие бешеные деньги тратились на содержание Горького, его семьи и obsługi. Но, во-первых, его дом в Москве был представительским центром, где бывал Сталин и принимали зарубежных гостей. Во-вторых, существенная деталь, которую нынешние критики почему-то упускают. Произведения Горького издавались в СССР огромными тиражами, а гонораров за это ему не платили. Так что, если бы пересчитать, сколько давал государству он и сколько оно ему возвращало, то еще неизвестно, каков был бы баланс...

Конечно, Горький видел не только реальный энтузиазм, но и проявления низости, и приспособленчество и стремился силой своего авторитета оградить от ударов тех, кого считал честными и преданными идее. Приходилось ему и юлить.

Но не надо забывать, что Горького нельзя равнять с другими эмигрантами — не вернувшимися на родину. Те, как правило, были из высшего либо среднего классов, а Буревестник — из низов. Он смотрел на перемены в России другими глазами. Когда он понял, что перед ним тупик, было уже поздно. Поэтому давайте говорить не о том, что Горький продался советской власти, как это выглядело внешне, а говорить о трагедии Горького. Тем более, что теплоход приближается к Одессе, и до развязки остается совсем немного...

5. Между серпом, молотом и наковальней

То, что происходило дальше, можно назвать доигрыванием неоконченной партии. Разумеется, инициативой владел Сталин, и фигуры двигал именно он. Горькому посоветовали уже больше не ехать в Сорренто. Ему дополнительно подобрали резиденцию в Крыму — Тессели. В переводе с греческого — «тишина». Небольшой дом из серого камня, увитый плющом. Запущенный сад. Мир и покой. И — охрана. В октябре туда перебрались на зиму все — Сам, сын и его семья, медсестра Липа. А с 10 по 14 декабря 1933 года в Тессели гостит Мура. Впервые за последние 12 лет приехавшая в бывшую Россию. Устный договор действует безупречно — она получает визу без всяких проблем. А уже 27 декабря пишет Дуке из Лондона: «4 коротких дня... Всё стало как-то очень просто и хорошо... Посылаю Вам через [посла] Майского туфли, очень уж мне понравились и Вам будет удобно в них».

Но отдыхать в Тессели Горькому не пришлось. Он возвращается в Москву. Продолжает отстаивать перед Сталиным видных большевиков — Каменева и одного из своих «Ивановичей» — Бухарина. А еще намечается съезд советских писателей — кому, как не ему волноваться за это дело! Удар, который его неожиданно настигает, абсолютно непредсказуем, и тем сильнее ранит: 11 мая умирает его единственный сын — Максим. По не совсем понятным причинам он уснул на сырой, холодной земле, простудился и заболел крупозным воспалением легких. Теперь Горький остался совсем один. Как перст одинокий на этой земле.

Правда, есть Мура, но она далеко. Когда-то еще приедет. Ее можно понять — дети, работа, этот самоуверенный фантазер Уэллс. Дука устал. Ему надо прийти в себя. Застыл без движения «Клим Самгин» — три тома написаны, а завершающий не получается. Он и сам чувствует тяжеловесность написанного. Может быть, появление Марии Игнатьевны даст ему новый импульс? Надо, хоть ненадолго, отключиться от суеты, от притворства, заглушить боль. Горький задумывает путешествие.

Мура решает в Лондоне очередную проблему — Таня закончила школу, а денег на дальнейшее серьезное обучение нет. Приходится выбрать недорогой, но практичный вариант — направить дочку на курсы машинописи и стенографии. Уэллс делает Тане подарок — портативную пишущую машинку. Теперь Мура может откликнуться на призыв Дуки и отлучиться, тем более, что уже наступило лето, которое она обычно проводит в Эстонии.

12 июля 1934 года Алексей Максимович с семьей сына и Марией Игнатьевной отправляются на теплоходе «Клара Цеткин» в поездку по Волге. Десять незабываемых дней. После этого снова за работу — Горький в зал заседаний, Мура — в Каллиярве, на сенокос.

Вождь созывает Первый съезд советских писателей 17 августа. Он еще слегка уступает просьбам Буревестника, когда определяют основных докладчиков.

Но в целом сценарий наметил он сам. Сталину нужен был не столько толковый председатель, сколько «свадебный генерал» — имя Горького освящало создаваемый Союз и для внутреннего употребления — для своего народа, и для наружного — за границей он всё еще продолжал оставаться хоть пошатнувшимся, но авторитетом. Немножко помозговав, Сталин с Гронским придумали термин «социалистический реализм». Остальное было делом техники.

Особняк Рябушинского в Москве, резиденция Горького

Горький возвращается за письменный стол со смешанными чувствами. Работа по-прежнему не ладится. Приезд Муры не помог... Может возникнуть законный вопрос: неужели Горький всё это время обходился без женщины? Конечно, нет! Буревестник в свои годы оставался достаточно крепким, мужчиной в силе. Но так сложилось его существование, что пребывал он в замкнутом пространстве, где единственной доступной особой противоположного пола была медсестра Липа. Она и не возражала.

Конечно, говорить о каких-либо чувствах ни с одной, ни с другой стороны не приходится. Почти стандартная ситуация: хозяин и служанка. Липа, однако, гордилась оказанным доверием, а кое-кто из писавших впоследствии о Горьком даже придумал красивый термин: «закатная любовь Буревестника». Несерьезность его очевидна. Слепок руки Марии Игнатьевны до последней минуты лежал на столе писателя...

Мура понимала роль Липы — передавала ей в письмах привет, просила писать. Но когда приезжала в Союз к Дуге, медсестра сразу отступала на второй план. Поэтому особой любовью к баронессе, как она ее звала, Липа не пылала. А Горький, в свою очередь, понимал, что так же, как у него есть женщина, у Муры есть мужчина. И догадывался, что это Уэллс.

Удивительное существо была эта Мура! Аристократка до мозга костей, она щеголяла высокими титулами (возможно, выдуманными), утверждала, что ведет свою родословную от самого Петра Первого и в любой великосветской компании чувствовала себя как рыба в воде. Природная мягкость и сострадание сочетались в ней с твердостью характера и убеждений. И в то же время, сохраняя самое теплое отношение к человеку, она могла скрытничать и даже водить его за нос. А ее прокурный голос вообще не имел ничего общего с аристократическим блеском. Но самой поразительной ее чертой была стойкость к алкоголю. Она могла выпить

сколько угодно — на ней это никак не отражалось. Как-то она пила на спор с одним английским вельможей. После того, как тот не мог уже связать двух слов, Мура как ни в чём не бывало продолжала милую беседу с женщинами.

Интересно, что сотрудники английских спецслужб еще в 20-е годы обратили внимание на эту особенность Муры. И решили, что она — опасная женщина, так как обычно принимаемое сверх нормы количество спиртного либо валит с ног, либо лишает разумного мышления. А она свежа, энергична и предельно ясно мыслит. Однако реакция организма на алкоголь — совершенно недостаточный или, по меньшей мере, странный повод для того, чтобы подозревать человека в возможном шпионаже. Если исходить из такой точки зрения, то можно было бы считать потенциальными шпионами половину России. А самым опасным человеком для Великобритании — сэра Уинстона Черчилля. Просто Мура была так создана от природы. И это ничуть не уменьшало ее обаяния.

Особый шарм этой женщины почувствовал даже вождь. Однажды он решил, что надо бы познакомиться и присмотреться к ней. В очередной ее приезд в Союз он нагрянул в особняк на Малой Никитской и провел там вечер. Горьковская подруга произвела на Сталина самое благоприятное впечатление. Умна, самостоятельна и понимает любой ход собеседника с полуслова. «К тому же верит в правоту нашего дела», подумал вождь. Или делает вид, что верит. Но, насколько известно, никогда и нигде ничего ненужного не говорила и, похоже — не сделает ни одного опрометчивого шага.

Горький и Сталин

Убедиться в лояльности Марии Игнатьевны было для Сталина очень важно. Потому что он собирался круто изменить ход затянувшейся игры. В 1935 году Горький с его вечным заступничеством за неудобных вождю людей, с его просветительскими идеями и советами надоел Сталину. Буревестник отыграл свою роль в очередном акте большого политического спектакля, и Главный Режиссер решает больше не выпускать его на сцену. Тем более, что он провинился.

Еще несколько лет назад великому пролетарскому писателю вручили материалы для главной книги, которую он должен был написать — биографии великого пролетарского вождя. В газетных статьях Горький величал Сталина и продолжателем ленинского дела, и человеком могучей воли и предвидения и т.д. Но описать в таком духе его настоящую жизнь рука не поднималась и сердце не лежало. Крем-

левский горец разозлился, пригласил из Парижа коммуниста Анри Барбюса, и тот создал пламенную биографию Иосифа Виссарионовича. А поскольку француз во время работы со многими общался и слишком много видел, то он скорострительно заболел и скончался в кремлевской больнице. Бывает. С каждым может случиться.

Ненужный больше Горький сидит в своем особняке. Крючков получил приказ пускать к нему только отобранных посетителей. В газете «Правда» появляется статья с резкой критикой некоторых высказываний патриарха советской литературы — еще недавно вещь совершенно немыслимая. Вынужденно, но неотвратимо приходит запоздалое прозрение: он недооценил своего противника и переоценил себя. Внешне он — глашатай социализма и друг товарища Сталина. А на самом деле?

Говорят, на его этажерке под навалом книг и старых газет лежала глубоко запрятанная толстая клеенчатая тетрадь. В ней он делал записи — самые сокровенные. Эту тетрадь найдут сразу же после его смерти. Всех причастных к неожиданной находке посадят за решетку. О полном содержании тетради ничего не известно до сих пор, кроме одной записи. Вот она в изложении того, кто ее видел: «... ежели обыкновенную мерзкую блоху увеличить во столько-то тысяч раз, то получится самый страшный зверь на земле, с которым никто уже не в силах был бы совладать... Сталин является такой блохой, которую большевистская пропаганда и гипноз страха увеличили до невероятных размеров». Что ж, Горький проиграл свою Большую игру. Хотя видел больше, чем казалось диктатору.

А.М. Горький, 30-е годы

Буревестник еще пытается трепыхаться. Он возмущен, он просит дать ему слово для ответа в «Правде». Никто не откликается. Он звонит Сталину — но теперь вождь будет всегда занят. В особняк на Малой Никитской он больше не навдывается. Горький требует выдать ему загранпаспорт — он намерен вернуться в Италию! Наивный человек... Его шикарные дома и дачи оказались хоть золотой, но клеткой. И эта клетка захлопнулась.

В 1935 году Горький, наконец, вынужден осознать то, что пытался долго не замечать и утаивать от самого себя: всё его восхищение самоотверженным трудом и «перековкой», всё возмущение «вредителями и врагами» — вся эта медь востор-

гов и свинец обличения отливались в пули, направленные против неудобных вождю. Он шел на компромисс с властью, чтобы добиться хоть каких-то улучшений, спасти людей. Это ему иногда удавалось. Теперь он остался один на один с собой — с великим писателем Горьким, который притворялся и служил лжи.

В нём всегда жили два человека. Один — сын мещанина, с детства познавший унижения и тяжелый труд, готовый драться за свои понятия о справедливости до крови. Другой — вырвавшийся из низов интеллигент, поднявшийся над ограниченностью обывательских взглядов, ставивший превыше всего ценность человеческой жизни. Кулачный боец — и гуманист, эти двое в личности писателя находились в постоянном движении и споре, по очереди овладевая разумом и эмоциями хозяина.

И какими словами и что бы ни говорил Горький — это был его настоящий голос. Другое дело, что каждый раз, когда мститель-работяга, оттолкнув в сторону мыслителя, выкрикивал нужные — для данной ситуации — лозунги, его можно было бы заранее остановить. Увы, их лукавый владелец не делал этого. Но ясно было, что двум таким антагонистическим силам на общей кухне долго не продержаться. Защитник человеческого достоинства победил всё-таки в мучительной схватке своего безжалостного соперника, но и его рана оказалась смертельной. «Конец романа, конец героя, конец автора». Эту фразу Горький придумал в здравом уме, а не в один из своих последних дней. Такой глубокий, точный и трагический афоризм не рождается в полубреду.

А предназначался он для «Клима Самгина». Но разве можно говорить о каком-либо творчестве в его положении? Несвобода опутала его липкой, тягучей паутиной. В сентябре 1935 г. Горького навещает сотрудник журнала «Наши достижения» Илья Шкапа. Они на минуту остаются одни, и А.М тихо произносит: «Что же происходит, мой друг?... Устал я очень. Словно забором окружили — не перешагнуть. Окружили. Обложили... Ни взад, ни вперед! Непривычно сие!...

Приехавший в Москву Ромен Роллан после встречи с Горьким запишет: «У старого медведа в губе кольцо». Известный писатель Исаак Бабель побывал в марте 1936-го в Тессели. Через три года его арестуют и, отвечая на вопрос следователя, он расскажет, что Горький производил тогда тяжелое впечатление, он был морально подавлен, угнетен атмосферой одиночества и изоляции.

Именно тогда к замученному, уставшему затворнику могла прийти мысль о единственно возможном решении — как разрубить гордиев узел, в котором накрепко сплелись его талант и гордыня, его слава и бессилие, его самоутешение и позор.

О смерти Горького существуют две основных версии — отравление и естественная кончина от болезни. К первой мы еще вернемся. А общепринятой считается вторая, она провозглашена на официальном уровне. При этом ссылаются на историю болезни и на то, что описанное в ней лечение, как оценила в 1990 году авторитетная комиссия, было проведено правильно. Но давайте послушаем двух свидетелей, которые провели рядом с великим писателем не один день.

Владислав Ходасевич так писал о туберкулезном процессе, который у Горького обнаружился еще в молодости: «Но этот процесс был залечен лет сорок тому назад, и если напоминал о себе кашлем, бронхитами и плевритами, то всё же не в такой степени, как об этом постоянно писали и как думала публика. В общем он был бодр, крепок...»

Петр Петрович Крючков, в свою очередь, утверждал, что у Горького было прекрасное сердце. Он полагал, что если бы Горького не лечили, а оставили в покое, он бы, возможно, выздоровел. И он же так описывает, как обошлись с телом человека, у которого он был секретарем, на которого в то же время доносил и, не-

смотря на это, любил: вскрыли, проверили легкие, промыли внутренности и зашили. Всё произошло быстро.

На первый взгляд, еще одна возможность ухода из жизни — самоубийство — кажется в данном случае несерьезной, поскольку не просматривается никаких следов или побуждений к этому. И все-таки ее нельзя сбрасывать со счетов. И эта, третья версия, тоже имеет право на существование. Более того, попробуем именно ее обосновать.

Для того чтобы человек решился покончить с собой, нужны, по крайней мере, три условия: чтобы готовность к самоубийству была заложена в его характере; чтобы обстоятельства подтолкнули его к этому и чтобы представилась такая возможность. Начнем с первого пункта.

12 декабря 1887 года тогда еще безвестный девятнадцатилетний Алексей Пешков стреляет в себя, но судьба отводит пулю от его сердца. Она, видимо, решила, что безответная любовь — не повод для того, чтобы умереть. Пешков станет писателем Горьким, и впереди у него будет еще много любовей, причем — взаимных. Судьбе всегда видней.

Спустя почти 40 лет кончает с собой Сергей Есенин. Илья Груздев, биограф Горького, сообщает ему о деталях трагедии. В ответном письме Алексея Максимовича есть такая фраза: «Едва ли я страдал когда-либо и страдаю ныне «суицидоманией»... но было время, когда я весьма интересовался вопросом о самоубийстве и собирал описания наиболее характерных случаев такового». Кроме сути выделенного стоит обратить внимание на начало фразы: «Едва ли...». Не — уверенно «Я никогда не страдал», а неопределенное — «едва ли».

И еще. Из письма Горького А.П. Чехову. Начало августа 1902-го, г. Арзамас. «Если меня отсюда осенью не выпустят, я влюблюсь в горячую податного инспектора, что живет против нас, увлеку ее на самую высокую из городских колоколен и брошусь вниз оттуда, вместе с ней, конечно. Это будет — трагическая смерть М. Горького».

А вот и крайне любопытные научные данные. В 1925-1930 годах в Свердловске (Екатеринбург) издавался небольшим тиражом скромный журнал «Клинический архив гениальности и одаренности». В нём печатались работы специалистов, называвших себя эвропатологами. Они изучали творческий метод знаменитых писателей и художников с точки зрения того, как в их произведениях отражаются психо-патологические черты личности авторов. В год издавалось 4 выпуска этого журнала. Одним из ведущих специалистов и соредактором издания являлся Иван Борисович Галант. Попытка уточнить научную квалификацию и заслуги этого эвропатолога привела к интересным результатам. Оказалось, что его русское имя обманчиво. На самом деле это профессор Цюрихского университета Иоганн Барух Галант, серьезный и авторитетный ученый. В 1923 году он переехал из Швейцарии в СССР и после этого переделал свое имя на русский лад.

Именно профессор Галант опубликовал в разных выпусках «Клинического архива» несколько статей на интересующую нас тему. Привожу их названия: «Делирий Максима Горького (о душевной болезни, которой страдал Горький в 1889-1890гг.)»; «О суицидомании Максима Горького» и «К суицидомании Максима Горького»; «К психопатологии сновидной жизни Максима Горького»; «Наследственность Максима Горького»; «Психозы в творчестве Максима Горького».

Лейтмотивом всех этих исследований является мысль о скрытом душевном надломе, который питал повышенный интерес Буревестника к смерти и готовность испытать ее. Надо сказать, что писатель был знаком с первой работой из этого цикла и даже переписывался с Галантом, но всячески стремился показать, что все-

рьез ее не воспринимает. Оно и понятно — кому может понравиться, если о тебе высказывают такое предположение? И всё же, нельзя отрицать, что личность автора проявляется и в изображении и раскрытии характеров созданных им героев, и в особенностях его произведений. Как раз на это, включая автобиографические рассказы, опирался в своих исследованиях Галант.

Так выглядели дела с характером Горького. А обстоятельства подвели его к тому краю, за которым возможное становится желаемым. Оставалось найти способ — как это сделать. Весной 1936 года Горький мог решить, что лучший выход из создавшегося положения — добровольный уход из жизни под видом болезни. Заболеть для него — проще простого. Обычно он всегда выкарабкивался — сказывалось сопротивление могучего организма. Значит, на сей раз нужен дополнительный толчок. С этим проблемы не будет — есть «друг Генрих» — главный чекист Ягода...

26 мая Горький выехал из Тессели в Москву. Побывал на кладбище, на могиле сына. Заглянул на Малую Никитскую, приободрил внучек, которые болели гриппом. Затем отправился в Горки.

Вполне можно предположить такое развитие ситуации, которое объясняет поведение всех действующих лиц, включая Муру — причем, в рамках строго задокументированного течения болезни писателя и посещения его руководством страны.

Горький поговорил с Генрихом. На следующий день Ягода стоял перед Сталиным.

— Иосиф Виссарионович, Горький признался мне, что устал от немощи, от постоянных вспышек в своих легких. Он хочет уйти из жизни.

Взгляд вождя стал жестким и непреклонным:

— Писатель с мировым именем не может покончить с собой в Советской стране. Хватит с нас одного Маяковского с его любовной лодкой.

Но затем лицо его потеплело, в глазах мелькнули искорки доброты. И он добавил:

— Другое дело — естественная смерть. От тяжелой продолжительной болезни не застрахованы даже Буревестники революции.

— Конечно, Иосиф Виссарионович, — понимающе кивнул Ягода. — Особо с таким здоровьем... Я могу идти?

Через три дня было объявлено, что Горький тяжело заболел. Подхватил грипп, простыл, простуда перешла в воспаление легких.

За два с лишним месяца до этого, в марте, Мура приезжала в Тессели. Она единственная, кому Дука может довериться, и он признается ей, что решил покинуть этот бранный мир. Мура принимает его слова за шутку. Он злится, и она понимает, что это — очень серьезно. А поняв, пытается убедить его отказаться от своего решения, упраскивает, умоляет. Бесполезно.

Липа слышит громкие голоса за стеной — ей кажется, что Алексей Максимович и Мария Игнатьевна поругались. Ей очень хочется в это верить, несмотря на то, что потом Горький выходит на крыльцо провожать Марию Игнатьевну. Из Москвы Мура позвонила в Тессели, но Липа «по голосу решила, что она пьяная» — нужно же было как-то объяснить, почему она не позвала Алексея Максимовича к телефону. А ведь Мура никогда не бывала пьяной. Просто, потрясенная, она хотела еще раз попытаться отговорить Горького от его решения. Не получилось.

В Лондоне она как на иголках. Уэллс записывает в своем дневнике, что в конце мая Мура чем-то угнетена и часто рыдает, чего с ней никогда прежде не бывало. И оно приходит — извещение, которого она так боялась: Горький заболел.

Мура понимает, что он приступил к осуществлению своего плана. Она надевает черное платье и выезжает в Москву.

У постели больного — родные, близкие, врачи. Кроме Крючкова, здесь Е.П. Пешкова, неразведенная жена Горького. Они уже 30 лет не вместе, но она сохранила теплое дружеское чувство к нему. Рядом невестка, с недавнего времени вдова — Тимоша, по сути посторонняя. После смерти Максима, ее мужа, она попала во власть Ягоды и, скорее всего, служит его информатором. Липа, медсестра, выполняет свои обязанности. Но озабочена одним — как бы отеснить Муру от хозяина.

А Мура делает то, что в подобной ситуации делал бы любой любящий человек — следит, чтобы больному было удобно, хорошо, помогает ему, выполняет его просьбы. Алексей Максимович хочет, чтобы она была рядом. Как в Петрограде. Как в Берлине. Как в Сорренто. Родственники озабочены, но надеются, что всё, как обычно, обойдется. Из всех близких правду знает только Мура, и только она одна теряет самое дорогое, что было в ее жизни.

Проходит напряженная неделя. 8 июня Горькому становится настолько плохо, что врачи заявляют о бесполезности дальнейших мер. Крючков немедленно звонит в Кремль. В Горки выезжают Сталин, Молотов, Ворошилов. Горький сидит в кресле с поникшей головой, посиневшими руками, дыхание еле прослушивается. Липа не может допустить, чтобы ее пациент встретил высоких гостей в таком неприглядном виде — почти умирающим. Она применяет свое универсальное коронное средство — вкатывает Алексею Максимовичу здоровенную дозу камфары. Потом — еще одну. И Горький оживает, поднимает голову. Вошедшие члены Политбюро вместо бездыханного тела видят бодрого Буревестника.

Сталин неприятно поражен. А тут еще на фоне всех присутствующих в обычной повседневной одежде в глаза бросается Мура — в черном. Сделав вид, что он впервые увидел эту женщину, вождь резко заявляет: а это кто еще такая? Слишком много народу толпится возле больного!

И тут же, меняя тактику, предлагает выпить шампанского за выздоровление «дорогого Алексея Максимовича».

Через день, 10 июня, Сталин внезапно опять появляется в Горках. Один. Ночью, когда все — и свои и посторонние — должны отдыхать, не путаясь под ногами. Позже он уточнит: «Так хотелось еще раз узнать, как чувствует себя дорогой Алексей Максимович, да эскулапы помешали».

Это Сталина-то врачи не пустили?! Ему было бы достаточно взглянуть на них — и те бы мгновенно растворились. Горький спал. Не пустила к нему Мура, врачи уже были готовы будить больного. Но как раз Горький Сталину и не был нужен. У него не выходило из головы черное платье. Задав пару вопросов «эскулапам», он отослал их, оставшись лицом к лицу с Мурой. И хотя между ними не было сказано ни слова о том, что больше всего волновало вождя, он понял: Мария Игнатьевна не только знает о решении Горького, но и подчинилась ему. И нигде и никогда не обмолвится об этом даже намеком — ради незапятнанной памяти своего друга и безупречности своего имени.

Дни шли, положение больного не сулило ничего хорошего. Пару раз случились кратковременные улучшения — организм отчаянно сопротивлялся. Но Горький угасал. Может быть, самым бесспорным доказательством преднамеренного ухода из жизни служит то, что он стал записывать свои ощущения — по дням, по часам — как к нему приближается смерть. Он знал точно, что умирает — никогда прежде, в каком бы тяжелом состоянии он ни был, ничего подобного он не делал.

«Спал почти два часа. Светает».

«Вещи тяжелеют: книги, карандаш, стакан, и всё кажется меньше, чем было».

«Ничего не могу читать».

«Крайне сложное ощущение».

«Конец романа конец героя конец автора».

Дважды навещали члены Политбюро больного, и оба раза Горький уходил от разговоров о самочувствии и нёс — для человека в его состоянии — явную окопесу: 8-го июня рассуждал о женщинах-писательницах, 12 июня высказывался о положении французского крестьянства и о книге Шторма про восстание крестьян под руководством Болотникова в начале 17 века. Он намеренно маскировал перед непосвященными вынесенный себе приговор. Он не хотел остаться в памяти людской как проигравший, как неудачник.

Известно, что уже накануне 1-го июня и в первые дни болезни Горького какие-то полуофициальные лица знали, что он умрет и говорили об этом вслух. Совершенно очевидно, что если бы Сталину пришла в голову мысль отравить писателя и он отдал бы такой приказ, об этом не знала бы ни одна живая душа, кроме непосредственного исполнителя. Однако поскольку идея исходила от самого заболевшего, слухи о том, что должно произойти, всё-таки просочились наружу.

Так получилось, что удивительным образом желания жертвы и палача совпали. Начавшаяся вскоре в «Правде» публикация бюллетеней о состоянии здоровья Горького фактически самим своим появлением подтверждала, что Буревестнику помогот осуществить его намерение...

Есть еще одно поразительное подтверждение рассматриваемой нами версии. В 1963-м году американский журналист Исаак Дон Левин беседовал в Москве с постаревшей Екатериной Пешковой. Она не сомневалась, что смерть ее сына Максима была естественной. Левин заметил, что сейчас утверждают, будто и смерть Горького была естественной. Екатерина Павловна сильно разволновалась и воскликнула: «Это не совсем так! Но не просите меня об этом рассказывать! Если я стану говорить об этом, я три ночи не сомкну глаз!»

Присмотримся внимательнее к этому тексту. Пешкова не сказала «Да!» и не сказала «Нет!». То есть смерть ее бывшего мужа не была ни полностью естественной, ни насильственным актом. А ведь в 1963-м году культ личности уже был низвергнут, и ничто не мешало ей смело сказать: «Его отравил Сталин». И за давностью лет никакого волнения бы это не вызвало. Но Пешкова говорит: «Не совсем так!» — и боится, что воспоминания о тех, во многом странных событиях не дадут ей спать три ночи. Есть только одна причина для такого сильного волнения — косвенное признание своей вины: не сумела удержать Алексея от рокового шага. Не сумела потому, что не знала о нём. Не догадывалась. Не поняла тогда, какие бури пронеслись в душе Алексея Максимовича и какие последствия они вызвали. А узнала правду только совсем недавно. От Муры. Во время ее приезда из Англии.

Такова третья версия о кончине писателя. Разумеется, она не может претендовать на истину в последней инстанции, это всего лишь версия, хотя она и представляется весьма вероятной. Но лишь документы, о которых нам пока ничего не известно, в состоянии дать окончательный ответ.

Вернемся, однако, в те июньские дни. 17-го Горькому стало совсем плохо. 18-го сидел в кресле, склонив голову на правое плечо. Руки висели бессильно. Мура — рядом, поддерживала его голову. «Вздыхнул два раза — и скончался».

Тот же день, 18 июня 1936 года. Спустя пару часов. Из дневника свидетеля, драматурга А.Н. Афиногенова: «... Горки — зеленый забор... За воротами остаются репортеры, спрятавшиеся в кустах... И самый дом — молчание... А в доме идет подготовка тела...

Липа улыбается, рассказывает о последних минутах, все передают подробности, какие кто знает.

... Сидит постаревшая, опустившаяся Мура. Она тоже была здесь и завтра, наверное, улетит, чтобы никогда больше сюда не возвращаться».

Постаревшая, опустившаяся Мура. За две недели, которые она провела в комнате, где умирал бесконечно близкий ей человек. Ее сложная, мучительная, и всё-таки настоящая любовь.

А чему в эти тяжелые, горестные минуты улыбается Липа? Понятно — чему, ее улыбка выдает торжество и удовлетворение: наконец-то эта ненавистная баронесса осталась с носом, теперь-то ей ничего не светит.

Афиногенов не угадал: Мура будет возвращаться. А пока она еще оплакивает свою безвозвратную потерю, скорбит с многотысячной толпой на траурном митинге, провожает с группой самых близких урну с прахом, которую Сталин с товарищами по Политбюро несут к кремлевской стене. В первом ряду за ними — Е.П. Пешкова, М.Ф. Андреева, Н.А. Пешкова, М.И. Будберг и еще несколько человек.

Похороны Горького 20 июня 1936 года

6. Слухи, наветы, домыслы

Первые слухи о том, что Горького отравили, стали циркулировать сразу же после его смерти. Об этом шептались и говорили вслух, передавали друг другу детали и подробности. При этом, разумеется, ссылались на рассказы безымянного очевидца, который, якобы, непосредственно присутствовал в той комнате, где лежал больной писатель, и видел источник отравления. А источником этим была коробка шоколадных конфет. Кто-то подарил ее Горькому, она лежала на столике возле его кровати, а конфеты были начинены ядом. Горький их потихоньку съел, после чего и наступила его смерть.

Иногда рассказы расцвечивали дополнительными яркими красками, например, уточняли, что принесла эту коробку Мура. Несколько позже клятвенно заверяли, что факт отравления конфетами подтвердил лечивший Горького профессор Плетнев. После одного из сталинских процессов, где его осудили за «неправильное лечение», он сидел во Владимирской тюрьме. И там, рассказывала впоследствии одна женщина, он доверительно поделился с ней этой страшной тайной.

Уже в наши дни та давняя история получила неожиданное разрешение. Дыма без огня не бывает — коробка действительно лежала на столе. Кто ее принес — не ясно. Но вся соль заключается в том, что Горький никогда в своей жизни не ел шоколадных конфет. Не любил он их. Зато их любили его внучки, приходившие навещать больного дедушку. Они-то и съели все до одной конфеты, и после этого прожили уже благополучно много лет. Так окончилась первая история с отравлением.

Частичный повод к следующей серии дала медсестра Липа — Олимпиада Дмитриевна Черткова. В 1946 году решили выяснить, что она помнит о последних днях Горького. Оказалось, что ничего не помнит. Тогда организатор интервью А. Тихонов дал ей почитать впечатления других свидетелей, в том числе Муры, которые им были записаны сразу после смерти писателя, в июне 1936-го. И тогда Черткова вспомнила... Ее небольшой рассказ во многом совпадал с известными событиями. Но одна, центральная линия ее воспоминаний явно выделялась. Ни для кого не было секретом, что Липа не любила Муру, а временами даже бывала настроена к ней крайне враждебно и называла ее презрительно «баронессой». Причины этого очевидны. Получив по случаю доступ в постель Горького, она сразу становилась ненужной, стоило лишь появиться Муре. Присутствие «баронессы» возле смертного одра «дорогого Алексея Максимовича» особенно задело ее. И спустя 10 лет после смерти Горького она постаралась по-своему отомстить ей.

Со слов Липы записали следующее. В марте 1936 года в Тессели, когда отмечали день рождения Горького, он поругался с Мурой навсегда, у них произошел безвозвратный разрыв. Во время болезни А.М. Мура не давала ей находиться в его комнате, шипала и выталкивала за дверь. И, наконец, уже в последний день, накануне смерти, Мура подделала завещание Горького в свою пользу и заставила его эту бумагу подписать. А потом дала ее Сталину на утверждение.

Удивительно не то, что Черткова столько наговорила на свою соперницу. Удивительно то, что ей поверили, хотя никто из находившихся возле умирающего ничего подобного не заметил, а факты говорят о другом. Даже сама Липа, единственная, кто заявил о разрыве Горького с Мурой, не заметила, что она противоречит сама себе. В том же своем рассказе она вспоминает, что Алексей Максимович и все они дружно вышли на крыльцо провожать Муру, когда она уезжала. Мы уже говорили о том, что, вероятно, Липа приняла за разрыв громкий разговор. Но вот еще одно свидетельство, что не было разрыва — письмо, отправленное Мурой из Лондона в апреле того же 1936 года.

«Милый мой друг, вот уж почти месяц, как я от Вас уехала, а всё еще кажется, что вот проснусь, приду мешать Вам за письменным столом, помогать работать в саду и всё то, что делает жизнь радостной. Как-то особенно этот приезд поразил меня тем, насколько неразрывны и ценны отношения мои с Вами, родной мой...»

Тон письма абсолютно доверительный, никаких намеков на осложнения. Правда, нет ни слова о предполагаемом нами решении уйти из жизни. Но, во-первых, Мура ни в коем случае не могла принять такое развитие событий, продолжая

надеяться, что всё обойдется. А во-вторых, она хорошо знала, что Горький будет не единственным читателем этого послания и даже не первым. А доверять его секреты Лубянке она не имела права.

Теперь относительно остальных обвинений, выдвинутых Липой.

«Щипаться и выталкивать» — это из области взаимоотношения соседок, ругающихся на общей кухне. К стилю общения Муры с людьми такое соседство не имеет никакого отношения. Никто в Горках подобных действий Муры не замечал. Да и в спальне больного всегда находился еще кто-то — врачи, близкие, почти не выходил оттуда Крючков. Что же касается самой Муры, то ее положение возле Горького никем не оспаривалось — все знали, что больной хотел видеть ее подле себя.

И, наконец, о завещании. Спустя много лет после печальных событий 1936 года, говоря о своих тогдашних чувствах, Екатерина Пешкова пожаловалась Чуковскому. Она ожидала, что Алексей Максимович оставит свои книги, документы и многое другое ей — ведь она была и оставалась его законной женой. И какова же была ее обида, когда сразу после кончины мужа она увидела завещание в руках Крюčkова и узнала, что Горький всё оставил ему!

Так что и здесь Липа сказала неправду.

Но главные события разыгрались, как это ни странно, уже на рубеже 20 и 21 веков. Возмутителем спокойствия стал доктор филологических наук Вадим Б., специалист по творчеству Горького. Как раз в это время, в 1991 году, впервые в России была издана книга Нины Берберовой о Марии Закревской-Бенкендорф-Будберг. Из книги следовало, что Мура — особа крайне подозрительная и была завербована ЧК-ГПУ. И Б. осенило: это она убила Горького! Отравила! Конечно, доказательств никаких не было, но тут, как будто специально, появилось так нужное доктору филологии свидетельство.

...Журналист Леонид Колосов где-то прочитал, что Мура была агентом Ягоды. Он решил проверить это. Однако в архивах КГБ личного дела на Муру, какое обычно заводится в таких случаях, не оказалось. Не нашел он ничего и в германских секретных архивах. Из чего следовало, что она не являлась ни шпионкой, ни агентом ОГПУ. Он решил, что, скорее всего, она была все-таки информатором, то есть, сообщала кое-что о том, что слышала.

И тут, как написал позже Колосов, с ним поделился сокровенной тайной Михаил Александрович Цейтлин, которого журналист представил как редактора иностранного отдела «Известий». Произошла их встреча в 1981 году. А поведало ней Колосов через 16 лет в очерке, опубликованном в московской газете «Труд» (31 января и 7 февраля 1997 года) и озаглавленном очень броско и даже грубо: «Мура. Она удовлетворяла требования секретных служб и сексуальные потребности известных писателей». Цитируем фрагмент статьи. Цейтлин рассказывает Колосову:

«В день смерти Горького, а случилось это 18 июля 1936 года, я находился в знаменитом особняке Рябушинского, что на улице Качалова, рядом с Крючковым, был... у него на подхвате. Неожиданно началась какая-то суматоха, появились решительные молодые люди в штатском, а затем Ягода вместе с Марией Игнатьевной, которая, насколько мне было известно, сбежала от Горького в Лондон. Из комнаты, где лежал больной писатель, были удалены абсолютно все. Беседа Алексея Максимовича с Мурой продолжалась около сорока минут. Потом дверь открылась, она вышла и в сопровождении Ягоды с его охранниками покинула

дом. А через двадцать минут началась паника. Вышедший дежурный врач срывающимся голосом сказал нам, что Горький скончался...

— Горького «успокоила» Мура?

— Думаю, что да, хотя доказательств тому нет никаких. На ночном столике Алексея Максимовича стоял стакан с недопитой водой. Но он куда-то сразу исчез...»

Вадим Б. немедленно ухватился за это признание и написал целую книгу, в которой описанная сцена явилась кульминационным моментом. А до этой сцены, излагая биографию Муры, он приписывает ей разные нехорошие мысли. И, конечно, обильно ссылается на Берберову. Например, цитирует такой фрагмент из ее «Железной женщины»: «Она любила мужчин, не только своих трех любовников, но вообще мужчин, и не скрывала этого, хотя и понимала, что эта правда коробит и раздражает женщин и смущает мужчин. Она пользовалась сексом, она искала новизны и знала, где ее найти, и мужчины это знали, чувствовали это в ней и пользовались этим, влюблялись в нее страстно и преданно. Ее увлечения не были извечны ни нравственными соображениями, ни притворным целомудрием, ни бытовыми табу. Секс шел к ней естественно, и в сексе ей не нужно было ни учиться, ни копировать, ни притворяться...»

Совершенно очевидно, что всё это Берберова придумала сама. Никто из нормальных людей не делится с другими своими сексуальными предпочтениями и секретами интимной жизни. Для того чтобы знать **такое** о Муре, Берберова должна была бы присутствовать при сексуальных «сеансах» своей героини или провести опрос тех мужчин, которые, якобы, в этом участвовали. Иначе не напишешь: «секс шел к ней естественно». Но они с Мурой не были подругами, более того, Мария Игнатьевна была человеком закрытым. Ни один мужчина, кроме трех известных, не упоминал о покорении им Муры Будберг. Скорее всего, таковых просто не было. Конечно, когда автор пишет роман, он может написать о героине всё, что угодно. Но сказать так бездоказательно о реальном человеке в документальной работе — значит оклеветать его. Странно, что литературовед Вадим Б. не понимает этого или не хочет понимать, потому что ему нужно насобирать как можно больше негативного на спутницу Горького.

Чтобы подкрепить свою невероятную версию, Б. приводит «баронессу» в кремлевский кабинет Сталина. И далее следует придуманный им разговор наедине вождя с Мурой. Трудно представить себе более фальшивую и нереальную картину. Сталин изображен там каким-то примитивным недоумком. Например, он дает почитать Муре записку из горьковского дневника, где тот сравнивает вождя с гигантской блохой. Выглядит это совершенно нелепо: зачем такому самолюбивому и жестокому лидеру показывать позорящее его сравнение, о котором никто не знает, постороннему человеку? Ведь тот потом разнесет это по всему миру! Да и вообще, как известно, обнаружили эту запись только после смерти писателя.

А дальше — еще нелепее. Сталин прямо предлагает Муре устранить Горького — она должна дать ему яд. И Мура, страшно взволнованная, не может отказаться и выполняет сталинский приказ. Потом она всё время мучается, дрожит, боится, что всё откроется. А кончается книга Вадима Б. вообще замечательно: после выдуманного визита журналистки Мура берет книгу Уэллса и в очередной раз начинает читать, что написал о ней ее последний возлюбленный. На первый взгляд, ничего странного, если не знать, что дневник Уэллса с записью о Муре был опубликован впервые в 1984 году. То есть через десять лет после смерти Муры. А до

того тайные записи Эйч Джи почти 50 лет хранились у его старшего сына Джипа. (Кстати, Б. называет Уэллса *Джи Эйч*, то есть ошибается даже в этом.)

Вернемся, однако, к статье Колосова. Он мог и не знать обстоятельств смерти Горького, но люди осведомленные сразу заметили в его очерке явные расхождения с детально зафиксированным ходом болезни писателя. Цейтлин назвал днем его смерти 18 июля, в то время как он умер 18 июня. Предположим даже, что точную дату можно забыть, с кем не бывает. Но перепутать место уж никак нельзя, если человек там был на самом деле. По словам Цейтлина, события происходили в Москве, в особняке Рябушинского, между тем как Горький болел и умер на даче в Горках, в 35 километрах от столицы.

Но и это еще не всё. Достоверно известно, что за все эти тяжелые дни Мура ни разу не покинула свой пост у постели больного. Посетители и присутствовавший на даче были наперечет — четыре врача, близкие родственники и обслуживающий персонал. Никто там Цейтлина не видел и о нём не упоминал. Ну и понятно, что вся прилегающая территория находилась под наблюдением секретных служб. Даже очень хороших знакомых Горького туда не пропускали.

Из всего этого следует, что «показания Цейтлина» — фальшивка. А поскольку, по заявлению Колосова, он получил их только в устном виде, а письменных свидетельств нет, и поскольку журналист опубликовал свой разговор уже после смерти А.М. Цейтлина, но непонятно, кто и с какой целью эту историю выдумал. Кстати, о том, что применительно к рассматриваемой теме Цейтлин — мифическая фигура, убедительно показал в своей книге о Горьком Аркадий Ваксберг.

Вадим Б., однако, не упустил шанс и обработал сомнительную выдумку, чтобы придать ей видимость истины. Он написал, что Цейтлин находился «в доме», не уточняя, что это за дом. И не просто находился, а спрятался так, что его никто не видел. Как можно в небольшом доме, где все помещения заняты, спрятаться так, чтобы тебя не видели, а ты видел всё — Б. не объясняет. Дальше он начинает перекраивать события, рассчитывая на читателей, которые в большинстве своем, конечно, не знают, как всё обстояло на самом деле. А, значит, им можно насочинять, что угодно, — они всему поверят и примут это за чистую монету. И Б. закручивает кругой детектив.

...Среди ночи к даче подъезжает Ягода, а с ним двое в штатском и Мура. Никто их не видит, кроме затаившегося Цейтлина. Мура одна входит в комнату к Горькому и проводит там около часа. О чём они говорят, никто не знает. Потом Горький зовет Липу, та что-то делает, после чего Мура ее щиплет и выталкивает из спальни. Через два часа в доме начинается суета, беготня, и врачи сообщают, что Алексей Максимович скончался. А на следующий день Цейтлин очень удивляется, когда читает в официальном сообщении в газетах, что Горький умер в 11 часов 10 минут утра. Ведь он видел, что Горький умер ночью, после посещения Муры...

Так выглядит в самых общих словах заключительная, детективная часть книги Вадима Б. Насквозь лживая. Потому что не было ночных гостей, Горький еще с вечера был в бреду и общаться ни с кем не мог. В его последние часы в спальне находились несколько близких ему людей, и скончался он действительно в 11 часов 10 минут утра.

Зачем нужен был господину Б. весь этот придуманный им театр? Ему, специалисту, написавшему подробную биографию Горького? Может быть, только для того, чтобы навесить на Муру ярлык отравительницы? Не мог же он не понимать, что если бы действительно Ягода с подручными втянули Муру в такую смертель-

ную игру, то они бы заранее придумали, как ликвидировать опасного участника убийства немедленно после выполнения задания.

Справедливости ради, надо сказать, что эта версия филолога не нашла поддержки у всех, кто серьезно изучает жизнь и творчество Горького. Специалисты осудили ее, начиная с тогдашнего директора Архива А.М. Горького при Институте Мировой Литературы им. А.М. Горького Российской Академии Наук доктора филологических наук В.С. Барахова. Свое возмущение незадолго до кончины высказала и Мурина дочь Таня Александер. Но массовый читатель, конечно же, ничего об этих отзывах не знал. А Вадим Б. выступил со своей идеей по телевидению, опубликовал статьи в популярных газетах и, наконец, издал сокращенный, «доходчивый» вариант своей книги.

В итоге, на многих российских биографических сайтах появились статьи Марины Закревской, в которых эта часть ее жизненного пути излагается в трактовке Вадима Б.

Мы, живущие на грани 20 и 21 веков, так устроены, что нам нужен допинг — что-нибудь особое, щекочущее нервы. Если читаем: «...любила, сидела у постели больного...» — нам скучно, неинтересно. Но если скажут: «Отравила!» — у нас сразу появляется живой огонек в глазах и разыгрывается воображение. Поэтому мы чаще верим в ложь, если она занимательно изложена, чем в неприкрашенную правду.

К сожалению.

7. Непридуманный роман английского фантаста

19 июня 1936 года, на следующий день после кончины Горького и за день до его похорон, пораженные жители Земли наблюдали полное солнечное затмение — такое случается раз в 300-400 лет. Луна полностью закрыла собой солнце. Яркий дневной свет внезапно сменился ночным мраком, на небе загорелись звезды. Полоса темноты, погасившей светило, пробежала по земному шару, захватив восточную часть Советского Союза. В Англии затмение не наблюдалось...

Мура возвращается в Лондон, где ее ждал Уэллс, через две недели. Она скупа в своих рассказах и выражении чувств. Она медленно оттаивает, приходит в себя после шока, вызванного смертью Горького. Да, он жил далеко, в другом измерении. Да, ей редко удавалось вырваться к нему. Но он — был. Близкий ей по духу, по широте души ее дорогой человек, в котором наиболее полно воплотилась для нее родина.

Уэллс — другой. Он ее мужчина здесь, в Англии. Но никогда он не сможет занять в ее сердце такое же место, как волжский забияка, бескорыстный добряк и правдолюбец Алеша, Алексей Максимович. Она не догадывалась, что спокойное, по ее мнению, развитие отношений с Уэллсом выглядит безоблачным только в ее глазах. А в жизни английского писателя, в его переживаниях возникшее и нараставшее с каждым годом чувство к этой неординарной русской аристократке вылилось в настоящую драму, где неожиданный поворот сюжета однажды едва не привел к трагическому финалу. Обо всём этом Эйч Джи скрупулезно записал в своем особом дневнике. Мура не подозревала о его существовании и о тайных записях — и не узнала о них никогда. По завещанию Уэллса его интимные мемуары будут

опубликованы тогда, когда его сын посчитает их обнародование возможным. И случится это только в 1984-м году.

Герберт Джордж Уэллс

А начиналось всё действительно спокойно и неторопливо.

Когда они увиделись в 1929-м в Берлине, впервые после девятилетнего перерыва, Мура, понимавшая, что Горький вскоре вернется в СССР, искала точку опоры на Западе. Уэллс, безусловно, мог быть такой опорой. Эйч Жи, увидев ее, обрадовался, хотя думал совсем о другом. Его занимали великие социальные преобразования, которые он собирался развернуть в Европе. Любовница у него имела, поэтому с Мурой они встречались изредка. До тех пор, пока она не переехала в Лондон. Ситуация сразу изменилась — они оказались в одном городе.

Он сам не заметил, как его потянуло к Муре, как он стал испытывать к ней нежность, желание о ней заботиться, наконец — любовь. Уэллса, вылощенного джентльмена, ранило, что его любимая снимает комнатку в бедном квартале и носит старую, дешевую одежду. Он стал давать ей деньги и подарки, но каждый раз надо было уговаривать ее, чтобы она их взяла.

Весной 1932 года он расстался, наконец, с Одетт, а осенью решил сделать Муре предложение. В ее согласии он не сомневался. Женщине без средств связать свою судьбу с писателем с мировой славой — это как вытянуть счастливый лотерейный билет. Она получала мужа, богатый дом, устойчивое положение и обеспеченную жизнь до конца своих дней.

Поэтому, когда Мура на предложение Эйч Жи о женитьбе, даже не выказав волнения, ответила:

— Пусть всё остается, как есть, — он чуть не подпрыгнул:

— Но почему?!

Мура дипломатично обошла вопрос:

— Я буду приходить.

— Но почему ты будешь потом уходить?

— Так будет лучше.

Время от времени Уэллс возвращался к этой теме, настаивал на том, чтобы Мура поселилась с ним, стала его женой. Однако та неизменно отклоняла его предложения.

Он видел, чем она занята — проблемами своей семьи, русскими эмигрантами, поисками заработка, закулисной жизнью в мире журналистов. Она уезжала на Рождество в Эстонию и возвращалась через три недели. Эйч Джи становился раздраженным и ревновал. В конце концов, он пришел к выводу, что она хочет остаться независимой. А ведь он появлялся с ней в свете и всем представлял ее как свою будущую жену. О том, что за это время Мура успела съездить в Москву и в Тессели к Горькому, он понятия не имел.

Летом 1934 года Уэллс собрался в СССР. Он намерен был уговорить Сталина (равно как и Рузвельта) принять его план всеобщего образования, а также проект — как установить новые отношения между людьми. Самым лучшим сопровождающим в этой поездке могла быть только Мура. Эйч Джи снова — в который раз — заявил, что хочет видеть ее своей женой, и добавил, что просит ее поехать с ним в Москву. По первому вопросу он услышал привычное «нет». Что же касается совместной поездки, Мура сообщила, что это исключено — она никогда туда не поедет.

— Россия для меня — закрытая страна, — сказала она, глядя Уэллсу прямо в глаза.

Он поверил. Договорились, что она отправится в Эстонию, а он после визита в Москву заедет к ней, чтобы провести вместе какое-то время в ее доме под Таллином. После чего они очень нежно простились.

Со Сталиным разговор получился, по определению Уэллса, бестолковым. На следующий день его повезли на встречу с Горьким. Сопровождали его гид Андрейчин и переводчик Уманский. Идеологический спор двух писателей быстро зашел в тупик.

— Как вы собираетесь возвращаться в Лондон? — без всякой задней мысли поинтересовался Уманский.

— Я заеду по дороге в Эстонию, чтобы провести некоторое время с моей хорошей знакомой баронессой Будберг, — ответил Эйч Джи.

— Да, она была здесь неделю назад, — небрежно заметил Уманский, не подозревая, какой эффект произведет эта фраза на английского гостя.

Уэллс ошеломленно повернул голову, ему показалось, что он ослышался. Андрейчин сделал предупреждающий знак Уманскому.

— Наверное, я ошибся, — пробормотал тот.

Подозрения Эйч Джи укрепились. Когда их пригласили на ужин, он как бы вскользь заметил, что ему не хватает во время беседы их петроградской переводчицы — Муры.

— Она была здесь в прошлом году три раза, — сообщил Горький.

Эйч Джи понял, что его обманули, обвели вокруг пальца, как мальчишку. Он был вне себя, оскорбленный до глубины души. Самые кровожадные мысли приходили ему в голову: отменить все поездки с Мурой; прекратить всякие отношения, исключить ее имя из завещания. С этим он и поехал в Калляярве, чтобы разобрататься со злодейкой на месте.

Вообще говоря, Уэллс был очень самоуверенным человеком. И в Петрограде и потом ему и в голову не приходило, что Мура может быть любовницей Горького. Вот его, Уэллса, она безусловно может полюбить, он — неотразимый мужчина. Поэтому, узнав, что Мура все-таки ездила в СССР и бывала у своего

прежнего шефа, он всё равно не мог поверить до конца, что между русским писателем и его бывшей секретаршей есть какие-либо интимные отношения. Мура раскусила своего друга и воспользовалась этим, чтобы неколебимо стоять на своей позиции полной невинности. В итоге Эйч Джи потихоньку остыл, успокоился, даже принял участие в сенокосе. И дописал в Каллиярве свой «Опыт автобиографии», который и опубликовал в том же году. Но там не будет ни слова о Муре и вообще о его любовных увлечениях. А о том, что на самом деле творилось на душе Уэллса в эти дни, мир узнает только через полвека.

Уэллс и Мура в Каллиярви, в Эстонии

В упомянутой ранее, изданной в 1984 году книге «Уэллс в любви», которую он назвал постскриптумом к «Опыту автобиографии», есть параграф 10: «Суицидальное настроение». Он написал его в начале мая 1935 года. «В обычном состоянии я не способен на самоубийство, — признается он. — Мой темперамент абсолютно противоположен меланхолическому». Тем не менее, он был близок к тому, чтобы совершить этот шаг. Шок от московской поездки, от разочарования в Муре, от ее обмана был настолько сильным, что бросил его в глубокую депрессию, из которой виделся только один выход — уход из жизни.

И всё-таки он нашел силы преодолеть себя, выбраться из состояния безнадежности и вернуться в свой устоявшийся мир. Может, самым сильнодействующим лекарством стало то, что всё это время он продолжал любить Муру. Ни единым словом или намеком он не обмолвился о том, что с ним происходило. Мура ничего не замечала. А ему полученная встряска помогла глубже понять эту женщину, проникнуть в суть ее порой парадоксальных поступков, постичь тонкие проявления ее характера. Не только Локкарт, даже Горький не пытались ее понять на таком уровне.

Портрет, нарисованный Уэллсом, беспристрастен и точен. Сломанный еще в детстве нос. Натуральная волнистая прядь волос ниспадает на лоб. Заметная проседь в черных волосах. У нее легкая склонность быть физически грузной. Ее карие глаза всегда спокойны. Она ест очень быстро, она пьет много водки и бренди без какого-либо заметного результата для нее. «Всякий раз, когда она находила жизнь слишком тусклой или озадачивающей, всякий раз, когда она чувствовала появление сомнений или вялости, она пила бренди. Если жизнь продолжала оставаться тусклой и непонятной, она пила больше».

После этого вступления Эйч Джи переходит к самому больному для него. «Я уличал ее в мелких обманах, а также в довольно длительной неискренности. Многое из этого кажется мне абсолютно немотивированным. Она не обманывает умышленно. Она просто свободно обращается с фактами. Она любит быть в хороших отношениях с людьми... Она вела себя как наделенный воображением подросток и сама верила в то, что сочиняла».

А потом — главное: «Она покоряла и женщин и мужчин с первого взгляда». И далее: «У нее очень активный, пронизательный ум. Это шелк, а не сталь».

Замечательно подмечено! Мура никогда не была Железной Женщиной. Будь она действительно таковой — кто бы ее любил, кто бы попадал под ее обаяние, кому было бы приятно и легко общаться с ней? А она сразу становилась своей и нужной в любой компании. (Кстати, нигде и никто из близких и знакомых Горького никогда не слышал, чтобы он называл Марию Закревскую «железной женщиной». Он видел ее совершенно другой, и это подтверждает их переписка. Скорее всего, термин этот придумала сама Берберова, приступая к своей книге, приписав его однако Алексею Максимовичу.)

И последний штрих нарисованного с натуры уэллсовского портрета Муры: «Она наиболее импульсивное создание из всех, кого я когда-либо знал. А еще у нее бывают проблески экстраординарной мудрости. Внезапно она осветит вопрос — словно вспышка солнечного света в сырой февральский день».

Несмотря на сильнейшее потрясение, Эйч Джи продолжал любить эту женщину. Он не мог жить без нее. В то же время Мура действительно считала, что ничего особенного не произошло. Эйч Джи поймал ее на лжи, но ведь она отвечает на его чувство. Дарит то, что, возможно, никакая другая женщина не дала бы ему. А Горький — это у нее сокровенное. Она не знала еще одной вещи, которая, правда, недолго, терзала Эйч Джи. В какой-то момент у него закралось сомнение: а, может, его последняя любовь — действительно шпионка, как предположил кто-то в случайном разговоре?

Да, в бурном водовороте событий ее послереволюционной жизни, неожиданно для нее самой, возникли слухи о том, что Мура, якобы, является двойным агентом — и немецким, и советским. А то еще и английским. Слухи эти в значительной степени подкреплялись тем, что власти разных стран несколько раз ее задерживали. Если разобраться, то за полтора десятилетия Муру арестовывали чаще, чем царское правительство отправляло за решетку Ленина и Сталина вместе взятых: в 1918 году в Москве ее арестовали как подружку Локкарта; потом она попадала в застенки ЧК в Петрограде; в 1921-м ее задержали сразу после возвращения в Эстонию; в 1922-м — в Германии, в 1925-м — в Италии.

Поводы для арестов были различными, но ни разу не обнаружили даже малейших следов ее возможной связи с чьей-либо разведкой. Между тем, с тех пор (и до сегодняшнего дня) ее подозревали именно в международном шпионаже.

Почему возникли такие слухи и подозрения? Причин здесь две. Первая — это особенности личности самой Муры. А во-вторых, сыграли свою роль те специфические обстоятельства, в которых протекала ее жизнь.

Мария Закревская была обаятельной женщиной, высоко эрудированной, свободно владевшей несколькими языками, умевшей легко устанавливать контакты с самыми различными людьми. Это уже настораживало как бдительные секретные службы, так и простых граждан: что-то слишком много она знает и умеет — не шпионка ли?

Подозрения еще больше усиливались и за счет того, что в круг ее знакомых и тогда и в последующие годы входили многие знаменитости — артисты, политики, дипломаты, писатели. А зачем она с ними дружит и встречается? — спрашивали себя ее недоброжелатели. И сами себе отвечали: наверное, чтобы выведывать у них государственные секреты.

При этом редко кому приходила в голову несложная мысль: этот неординарный круг общения, с его остроумием, со свободным обменом мнениями и оценками, вся эта интеллектуальная игра была важнейшей составной частью ее существования. Когда-то, в молодости, в подобной обстановке начиналась ее жизнь. Потом колесо истории резко бросило ее вниз. Многих, очень многих оно при этом раздавило. Мура сумела вернуться, приспособиться — и выжить. И вот теперь, сначала в Сорренто, потом в Лондоне, через сложности быта, через лавину издательских, финансовых, переводческих забот она снова возвращалась к тому стилю жизни, для которого была создана. К тому общению, в котором могли проявиться в полной мере уникальные стороны ее личности.

Но, может, самой удивительной чертой Муры, которая порождала неоднозначные, а порой и неадекватные суждения о ней, была ее загадочность. Ей нравилось, как пишет Т. Александер, перекраивать «прошлое по-своему и жить в мире полуправды и загадок». Эта маска таинственности позволяла ей скрыть от любопытных глаз свою истинную сущность, мотивы своих поступков, свои пристрастия и привязанности. И эта же маска самым естественным образом вызывала подозрения в шпионаже.

До революции ей нечего было скрывать. После всех бурь и потерь, через которые ей довелось пройти на исходе третьего десятка своей жизни, появилось сразу много поводов не спешить с откровениями — ни в жестких тисках новой российской реальности, ни в благопристойных светских гостиных. Для нее это означало — не раскрываться, суметь отвести от себя возможные удары судьбы. Она научилась прятать свои чувства за фасадом убедительных словесных формулировок, среди которых трудно было отличить истинное от придуманного. Такая тактика пригодилась не раз, благодаря ей удавалось выходить из сложных положений.

Уэллс, Горький и Мура, Петроград, 1920

Мура рано поняла, что иногда нельзя говорить всю правду, она может ранить, или сломать хрупкий росток взаимопонимания. Но при этом она упускала очевидную вещь: неправда — оружие обоюдоострое, обман может ранить еще сильнее. Справедливости ради, надо заметить, что пользовалась она этим оружием

только в запутанных ситуациях. Главным образом, это касалось ее отношений с двумя своими знаменитыми любовниками, когда она боялась потерять Горького и не хотела расстроить свой союз с Уэллсом. При этом у нее имелось для себя бесспорное внутреннее оправдание: в такой же степени, как они оба нужны ей, она одна нужна каждому из них. Сказать любому из них правду — значит взорвать бомбу; в итоге пострадавшими оказались бы все трое.

Человек, режущий правду-матку в глаза, — далеко не самая приятная личность в обществе. Каждый из нас в любой ситуации — во время важной встречи, или перед аудиторией, или сочиняя письмо и так далее — тщательно продумывает, какую правду и в какой степени открывать, чтобы не навредить. И это разумно, особенно если нам удастся соблюсти чувство меры. Действуя таким образом, Мура не считала себя обманщицей — по ее мнению, она применяла вполне законный прием, чтобы сохранить свой имидж. Ее беда заключалась в том, что иногда она переигрывала, а те, кто обнаруживал ее неискренность, начинали искать причины и делать далеко идущие выводы.

Что касается обстоятельств ее жизненного пути в 20-е — 30-е годы, то они тоже способствовали закреплению за нею имиджа шпионки. В первую очередь, благодаря многочисленным перемещениям по Европе: Италия, Германия, Эстония, Франция, Англия и, наконец, СССР. Она постоянно курсировала между этими странами — то к детям, то к детям, то к сестрам, то к Горькому, то по его издательским делам, то еще по каким-то надобностям.

Кстати, несерьезность агентурных сообщений об «очень опасной женщине Марии Будберг» хорошо прослеживается на таком примере. В файле KV2/979-981, который завели на Муру в МІБ, на странице 70а зафиксирована следующая информация, поступившая из британского посольства в Москве: Мура Будберг была замечена с Уэллсом; она несколько раз встречалась со Сталиным и привезла ему аккордеон. Фразу «была замечена с Уэллсом» нет смысла комментировать, об их отношениях знала половина Англии. Что же касается Сталина, то, как известно, очень немногим куда более значимым людям, чем Мура, с большим трудом удавалось встретиться с вождем, да и то, как правило, один раз. Но дело даже не в этом.

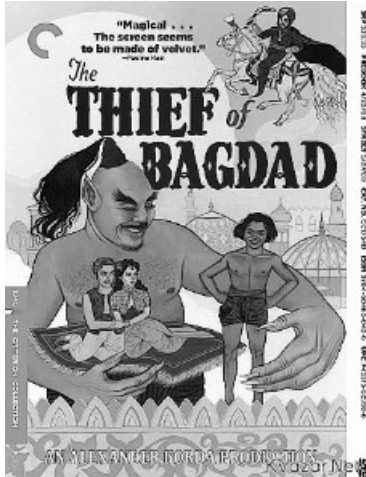
А дело в том, что Сталин был сухоруким, левая рука у него плохо действовала. И в такой ситуации вручить ему в подарок аккордеон означало бы оскорбить его, это выглядело бы как насмешка над ним. Зная мстительность Сталина, на такой поступок мог бы решиться только самоубийца. Неизвестно, из какого источника попали в британское посольство сведения об аккордеоне и о том, что Мура — свой человек в Кремле. Но, получив их, дипломаты должны были бы со спокойной головой разобраться и отвергнуть эти сообщения как заведомо ложные. А вместо этого, они отправили их в Лондон. В итоге родилась очередная легенда, дожившая до сегодняшних дней.

И вот что самое интересное: это сочетание обстоятельств, своеобразных свойств личности Муры и ее нестандартных поступков, с одной стороны, — и непроверенных слухов, с другой стороны, немедленно породило домыслы и подозрения относительно ее возможной агентурной деятельности. Но опять-таки — ни разу, **ни разу!** — ни одно подозрение не подтвердилось. В качестве доказательства можно привести следующий достаточно типичный случай.

17 сентября 1925 года рано утром итальянская полиция нагрянула с обыском на виллу Иль Сорито. Нежданные гости тщательно обследовали комнату Марии Будберг. Возмущенный Горький направил послание Муссолини, заявив, что,

поскольку в комнате его секретарши хранится его переписка, он считает, что обыск направлен лично против него. Ответа не последовало. Более того, 24 сентября Муру, ехавшую в Берлин, где ее сыну должны были делать операцию, арестовали на итало-германской границе. Ее держали сутки и отобрали рукописи и письма, которые она везла с собой. Горький обратился к советскому послу с просьбой помочь разобраться в том, что происходит. Посол встретился с Муссолини, который заверил его, что это недоразумение, и больше такое не повторится. Конфискованные документы вернули. Обо всех этих деталях мало кто знал, но слухи стали расходиться, как круги по воде: «Ага! Баронессу Будберг арестовали в Италии! Значит, было за что!»

К чести Уэллса, он сумел многое понять в Муре и отбросил свои сомнения. Недаром главу о ней, о своей последней и самой яркой любви, он назвал: “Mouga, the Very Human”. За более чем десять лет он постиг многие тайны ее характера. Она представляла перед ним в самых разных ипостасях. Не только как его спутница и любовница. Как собеседница. Как заботливая мать. Он видел ее на светских приемах. Он знал, что у нее туго с деньгами, и она настойчиво ищет возможность зарабатывать, используя свой неординарный интеллектуальный потенциал.

Афиша одного из знаменитых фильмов Ал. Корды — «Багдадский вор»

Пройдут годы, и с помощью друзей она устроится на работу в кинофирму «Лондон филмз». Ее создатель, Александр Корда — легендарная фигура в британском кинематографе. Выходец из Венгрии, прошедший Голливуд, он снял в Англии две картины, принесшие ему мировую славу — «Частная жизнь Генриха VIII» (1933) и «Рембрандт» (1936) со знаменитым актером Чарльзом Лоутоном в главных ролях.

В СССР кино считалось важным средством коммунистической пропаганды, это сказывалось на содержании фильмов. Но картин, по сравнению с Западом, снималось немного. Поэтому в первые послевоенные годы самым захватывающим зрелищем для советской публики станут так называемые «трофейные фильмы» и среди них — «Багдадский вор», а позднее — «Леди Гамильтон» с Вивьен Ли и Лоуренсом Оливье. Эти ленты, среди 45 других, были сняты на студии Корды. Муру возьмут туда консультантом по «русским картинам».

Несмотря на широкий круг английских знакомых и британский паспорт, Мария Закревская и в Лондоне остается русской. После смерти Горького она более чем на два десятилетия будет оторвана от родины — от России. Но она делает всё возможное для пропаганды русской культуры, организует выставки, встречи. Ее отношение к Советскому Союзу не окрашено однозначно в черный или красный цвет. Она видит и понимает многое. И поэтому, когда грянула война, она сразу оказывается среди тех, кто воюет с фашизмом. Ей помогают найти место, где важную роль сыграет ее знание языков.

После оккупации немцами Франции, значительная часть французской армии перебралась в Англию. Оттуда под руководством генерала де Голля они дей-

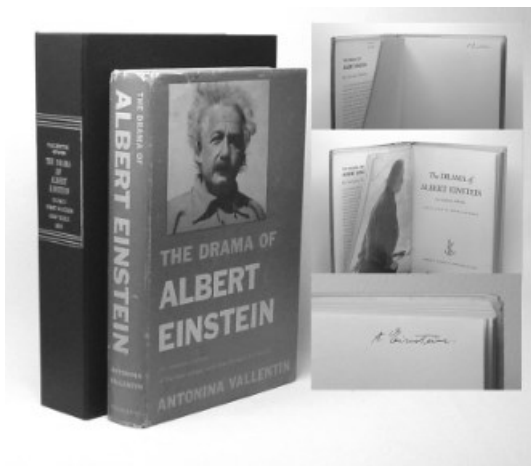
ствовали совместно с англичанами в операциях против гитлеровских войск. Там же стал издаваться журнал «Свободная Франция». Мура являлась одним из активных сотрудников этого журнала.

В 1944 году молодой безвестный французский летчик по имени Ромен Гари послал на имя Муры рукопись. Это был его первый роман — «Европейское воспитание» — о сопротивлении фашизму на территории Польши. Наверное, в выборе адресата — к кому обратиться в незнакомой стране — решающую роль сыграло то, что у Гари были российские корни и он знал, кто такая Мария Будберг. Роман был написан по-французски. С помощью Муры его перевели на английский, он был опубликован через несколько месяцев и имел оглушительный успех. Так произошло рождение одного из самых ярких прозаиков послевоенной Франции.

Война, да и подступающая старость пошатнули здоровье Уэллса. Он тяжело заболел. У его постели постоянно дежурили сиделка и жена его старшего сына Джипа. Конечно, значительную часть времени проводила там и Мура. Было ясно, что ему уже не подняться. Земное существование великого фантаста подходило к концу. И, несмотря на все невзгоды и обиды, он был счастлив, что в последние 10 лет судьба связала его с Мурой.

Да, он помнил всех, кого обнимал, целовал, уговаривал. Сколько их было? Восемь? Нет, кажется, девять, не считая мелких увлечений. Но он сам же написал в своем дневнике тогда, в 1936-м: «Во всей моей жизни я по-настоящему любил только трех женщин: мою первую жену, мою вторую жену и Муру Будберг». Последнюю — больше всех.

Он ушел в мир иной 13 августа 1946 года, заняв особую, неповторимую нишу в истории английской — и мировой — литературы. Мария Будберг осталась в памяти как его подруга. Уходя, Эйч Джи не забыл про нее: по завещанию она получила сто тысяч фунтов. Большие деньги для бережливого человека. У Муры они таяли довольно быстро — гораздо быстрее, чем можно было предположить. Деньги вообще исчезают незаметно. А для нее такое положение тем более было в порядке вещей, беречь и копить деньги она никогда не умела, да и не хотела. Она привыкла — жить. И не чураться работы.

Книга об Альберте Эйнштейне, переведенная Мурой

8. Настоящая железная женщина

В 1969-м в Нью-Йорке на английском языке выйдет книга Нины Николаевны Берберовой *The Italics Are Mine* — «Курсив мой». В те годы там же, в Америке, издавался один из лучших в эмиграции «Новый журнал», основанный М. Алдановым и М. Цетлиным при поддержке И. Бунина в 1942 году. Главным редактором его был известный литератор, человек принципиальный и ответственный, Роман Гуль. И в номере 99 за 1970 год он помещает рецензию на вышеупомянутую книгу Н.Н. Берберовой. Привожу ее начало:

«Зарубежная писательница Н. Берберова к своему 70-летию выпустила мемуары — «Курсив мой». Вышли они по-английски, но успеха не имели и после двух-трех отрицательных рецензий утонули в бездне неудачных книг. У издателей в Америке жестокий обычай: не принятую читателем книгу тут же пускают на макулатуру.

То, что эта книга не имела успеха у американцев — естественно, ибо этот очень неорганизованный, многословный, тяжеловесный и (надо отдать справедливость) скучнейший опус обращен совсем не к иностранцам. Он обращен больше всего к эмигрантскому обывателю. Поэтому на страницах русского журнала стоит все-таки разобрать эти весьма странные мемуары. В них, так сказать, три «ингредиента». Пространные, очень часто совершенно невежественные «мысли вслух», т. е. рассуждения на всевозможные темы: аграрный вопрос, революция, война, русская интеллигенция, Европа, Америка, христианство, масонство и пр. Причем все «рассуждения» высказываются с невероятным апломбом, что только подчеркивает отсутствие всякого такта у автора. Второй «ингредиент» сего опуса — в невероятной дозе поданные сплетни и сведения счетов с неугодными автору лицами, причем автор не стесняется никаких вымыслов. И третий «ингредиент» — неисчислимое количество фактических ошибок, обнаруживающих, что автор писал свои «мемуары» с исключительной отвагой, с совершенным каклопальством, путая имена, даты, факты. Интересно, что эти качества книги заметили даже американцы. В одной из очень немногих рецензий известная писательница Патриция Блэйк («Нью-Йорк Таймс», 25 мая 1969) писала: «В книге... много вызывающего раздражение... Сноски дают иногда дельную информацию, но чаще они использованы, чтобы... свести мелкие счеты, припомнить обиды и высказать эксцентрические оценки... Отсутствие литературных суждений и обильность сплетен (которых автор — неумолимый собиратель) уменьшают ценность книги».

После этого вступления Роман Гуль детально разбирает рецензируемую книгу, показывая фактологическую недобросовестность и нравственную нечистоплотность автора. В дальнейшем я тоже буду касаться «Курсива», однако буду опираться только на примеры, которых не затрагивал главный редактор «Нового журнала».

В 1972-м в Мюнхене эта автобиографическая книга Нины Берберовой выйдет на русском языке. Те, из советских людей, кому удастся прочитать ее, придут в восторг от описания русской эмиграции, о жизни которой они за своим «железным занавесом» ничего прежде не слышали. А большинство тех, которые в той самой эмиграции жили, возмущаются — в каком нелестном свете, иногда зло, фактически

оболгав, выставила писательница многих видных представителей русского зарубежья, и какими яркими лучами непогрешимости высветила себя. Некоторые даже назовут «Курсив» самой грязной книгой об эмиграции.

Берберова на выпады не реагирует. Дело сделано, народ читает, а кто услышит тонкие голоса недовольных? К тому же в своей книге она ясно указала принцип, по которому ее выстраивала: «Всё, что здесь пишется, пишется по двум законам, которые я признала и которым следую: первый: раскрой себя до конца, и второй: утай свою жизнь для себя одной». Так что с нее взятки гладки. Поди угадай — что она раскрыла, а что утаила, опираясь на свою словесную эквилибристику: ведь выдвинутые ею два закона абсолютно противоречат друг другу!

Но есть, есть еще одна фигура, которая не дает Нине Николаевне спокойно спать, будоражит ее сознание — Мария Игнатьевна Закревская. Позже она признается: «В 1938, в 1978 годах я знала, что напишу о ней книгу». Интересно, что скрыто за этой фразой? Почему — знала? И почему так долго тянула?

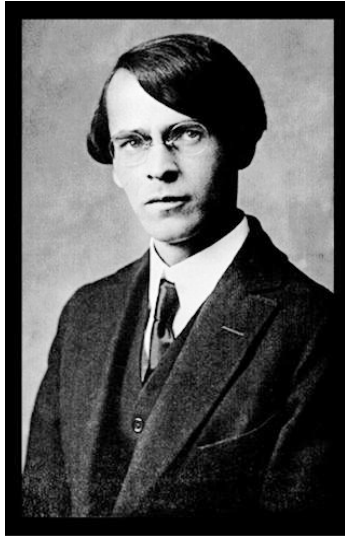
На второй вопрос ответить просто — ждала, когда умрет Мура и те, кто в жизни соприкасался с ней, то есть и героиня, и все возможные свидетели. Чтобы потом никто ничего не мог возразить или возмутиться, как это случилось с «Курсивом». Сама Нина Берберова высказывается о своей позиции несколько завуалировано: ждала последние 10 лет — не скажет ли кто-нибудь слово о Муре. Но нет, уже, видимо, никого не осталось. И в 1981-м она выпускает в свет свою книгу «Железная женщина».

Выпускает книгу о Муре, с которой никогда не дружила, с которой не виделась полвека (не считая одной случайной встречи, когда Мария Игнатьевна не захотела с ней разговаривать). Выпускает — несмотря на то, что Мура не была европейской знаменитостью, о которой то и дело писала бы пресса или сообщали бы радио и телевидение. Выпускает — почти при полном отсутствии общих знакомых. То есть — фактически не владея информацией о последних пятидесяти годах ее жизни. И всё-таки она пишет «Железную женщину».

Каким путем она шла, на что опиралась? Об этом и будет наш последующий разговор. Хотя осталось нераскрытым еще одно «почему»: почему она знала, что напишет книгу, почему именно о Марии Закревской думала Нина Берберова более половины столетия? Это самый главный вопрос, и ответить на него можно, только обратившись к биографии самой Нины Николаевны — не к картинке, выставленной ею на всеобщее обозрение — а к настоящей извилистой линии ее жизненного пути.

Появившись в Петрограде из Ростова в бурном 1920-м, начинающая поэтесса решила с ходу покорить литературный Олимп. Приступила она к этому штурму весьма своеобразно, что и отметила в своем стихике: «Только стала я косая, / на двоих зараз смотрю». Эти двое были — Александр Блок и Николай Гумилев. Надо признать, неплохой вкус проявила девятнадцатилетняя провинциалка. Но и объекты ее «косоглазия» тоже отличались хорошим вкусом, а потому в ее сторону не смотрели. И тут в петроградский Дом искусств вселяется приехавший из Москвы по приглашению Горького Владислав Ходасевич. Глаза Нины Берберовой тут же меняют направление взгляда.

В связи с этим уместно упомянуть один мелкий, но немаловажный факт: Владислав Фелицианович прибыл в северную столицу с законной женой Анной Ходасевич (Чулковой). Он был уже широко известен — маститый поэт, глубокий и тонкий критик, прекрасный знаток Пушкина.

Владислав Ходасевич

Обстоятельства складываются так, что в декабре серьезно заболевшую Анну (открылся туберкулез легких) отправляют в санаторий, в Детское Село под Петроградом. Зорко следившая за ситуацией Нина Берберова воспринимает ее отъезд как сигнал к действию и тут же спешит занять временно освободившееся место в постели Ходасевича. Молодость и напор делают свое дело. Когда Анна через месяц возвращается, ее муж для нее уже безвозвратно потерян — он влюбился всерьез и надолго.

«Ну и что тут такого? — пожмут плечами милые добрые люди. — Взаимная любовь — это же прекрасно!» Наверное, прекрасно. Но что касается взаимности, то, как мы увидим в дальнейшем, говорить о ней в данном случае не было оснований. В 1921-м Нине всего 20, но она уже опытный ловец счастья на жизненных перекрестках. Владиславу — 35, за его спиной две женитьбы, а остался он, по сути, наивным мальчиком. Разница в возрасте, конечно же, в таких делах не имеет никакого значения. Помнится, девятнадцатилетняя Ульрика фон Леветцов влюбилась в 72-летнего Гёте. Правда, время было другое — романтическое, той Ульрике ничего, кроме любви гения, не нужно было, да и на улицах там не постреливали. К тому же Гёте, несмотря на то, что старый, — вид имел представительный.

А Ходасевич, между прочим, по сравнению с красавцем Блоком и уланом Гумилевым, проигрывал им вчистую. Невысокий, худой, бледный, с экземой на лбу. И имел в дополнение к своему облику целый букет болезней, включая туберкулез позвоночника. Но в литературной табели о рангах проходил по разряду мастеров, а именно это больше всего интересовало предприимчивую девушку. Выражаясь популярным языком, ей нужен был и наставник и «паровоз» в одном лице — чтобы и научил и вывез на широкий оперативный простор. Потому она и решила принести себя в жертву. На короткое время, разумеется. Понятно, что ни о чём подобном Владя не догадывался. Он верил, что Нина любит его искренне и глубоко. С мужчинами такое случается.

Нина Николаевна Берберова

Берберова подбивает Ходасевича уехать за границу, и он находит лазейку, как выскользнуть из страны. Они обосновываются в Германии, потом — в Чехословакии, откуда перебираются в Италию. Несколько раз их путь пересекается с эмигрантской дорогой Горького. Берберова исподволь решает свою главную задачу — она запоминает и учится. Выясняется, что она способная ученица. Прожив полгода в Сорренто на горьковских харчах, весной 1925 года Владя с Ниной прощаются с Буревестником и Мурой. Их влечет пульсирующий центр русской эмиграции — Париж.

Горький, Мура, Нина Берберова в Сорренто

Осевшие во французской столице русские интеллигенты принимают Ходасевича в свои ряды с видимым уважением. Он начинает сотрудничать в журналах и газетах. Правда, его острые и бескомпромиссные суждения побуждают кое кого из редакторов прервать с ним отношения. Зато его спутница сразу же обрывает плотным кругом важных и нужных знакомых. И конечно же, стремится реализовать свои творческие приказания. В 1926-м она встречается с молодым поэтом Довидом Кнудом, и они вместе приступают к изданию литературного журнала «Наш дом». Дело ограничилось выпуском нескольких номеров. Встреча, однако, затянулась надолго. Наконец-то у Нины появилась возможность оторваться от своего неофициального мужа и закрутить тайный полноценный любовный роман. Позже, в «Курсиве» Берберова небрежно обронит: «С Кнудом семь лет меня связывала тесная дружба: многое в его стихах говорит об этих отношениях».

Отдельные места обращенной к Нине кнудовской лирики того периода действительно настолько откровенны, что дальше некуда. Появились они в его сборнике, выпущенном в 1928-м году, но написаны, конечно, раньше. К тому времени Нина Николаевна уже решила, что период ученичества закончился. Пора выходить на большую дорогу.

Ходасевич переживает, он видит, что с неизбежностью приближается час расставания. На сей раз он всё понимает. Его жена появляется в доме, но выглядит это так, как будто она на минутку забегает в гости. До него доходят сведения о слишком свободном поведении его Нины. На рубеже 30-х он пишет ей: «Не сердись на меня, но не вижу нужды играть роль великодушного рогоносца...» В 1932-м она уходит навсегда из их биянкурской квартиры в пригороде Парижа.

Какое величайшее событие в жизни женщины может заставить ее воскликнуть: «Это казалось таким невероятным, невозможным, непомерным счастьем»? Слова эти написала Нина Берберова по поводу своего ухода от Ходасевича. В буквальном смысле слова бросив на произвол судьбы ставшего ненужным учителем. Можно и ее понять: забота о больном и во многом беспомощном мужчине была обременительна молодой, желающей жить в свое удовольствие поэтессе.

Можно было бы понять, если бы она при этом сказала: «Прости!» и ушла в свою, независимую жизнь. Но тогда это была бы не Берберова. А Нина Николаевна стала публиковать статьи, в том числе, очерки о Горьком, которые люди, хорошо знавшие стиль Владислава Фелициановича и помнившие его публикации, узнавали: «Это же явно писал Ходасевич!» Берберова хладнокровно парировала: мы делали заметки параллельно, и он пользовался моими. Она знала, что чувство Влади к ней не угасло, и он никогда не скажет о ней ни одного плохого слова. До самой смерти бывшего мужа его сбежавшая жена использовала этот прием. Ходасевич молчал.

Потом в том же «Курсиве» Берберова низведет его, одного из лучших российских критиков, до уровня своего подмастерья: «Он зависит от меня. Я от него не завишу. Мы оба это знаем, но об этом не говорим» — напишет она. И уточнит: Ходасевич ее безумно любил и иногда пользовался ее материалами. Так что у неосведомленного читателя создается даже не впечатление, а полная уверенность, что если бы Нина Николаевна не позволяла бедному Владе заимствовать ее идеи и тексты, тот бы вообще пропал.

Легко и виртуозно жонглирует Берберова фактами, чтобы придать своим статьям и оценкам больший вес. Ходасевич как-то обмолвился о трех годах общения с А.М. Горьким, имея в виду вообще период с 1922-го по 1925-й годы. Потом,

в «Некрополе», он пояснил, что это были встречи и разъезды, краткое или более длительное проживание рядом. И если сложить все дни и месяцы непосредственного общения с А.М., то наберется около полутора лет. Но эта реальная цифра никак не устраивала Нину Николаевну, и она всюду упорно писала, что провела с Горьким (и Мурой) три года **под одной крышей**.

В 1936 году Нина Берберова выходит замуж за художника Николая Макаева, работавшего в Лувре. Собственно, к нему-то она и сбежала от Ходасевича, наполненная «непомерным счастьем». Надо полагать, дела у них шли неплохо, если учесть, что в 1938-м они покупают дом в Лонгшене, рядом со столицей.

А как же Владя? После бегства Нины его взялась опекать их общая знакомая Ольга Марголина. Сначала просто приходила, помогала решать бытовые проблемы, налаживать повседневную жизнь. Потом переехала к Владе навсегда. Нина тоже появлялась — но теперь уже на законных основаниях в качестве только гостя. Хотя в бумагах Ходасевича вела себя как хозяйка. И вскоре стала полностью обладательницей его архива — в 1939 году Владислав Фелицианович скончался.

Владислав Ходасевич и Ольга Марголина в 1936 году

Его смерть стала большой потерей для русской эмиграции. Владимир Набоков откликнулся следующими словами: «Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней».

После смерти Влади еврейка Ольга Марголина переходит в православие. А призрачная устойчивость миропорядка уже рушится: немецкие войска врываются в Польшу, Гитлер направляет свои армии на Францию. Разгорается Вторая мировая война. Она жестко и бескомпромиссно разделит мир на «наших» и «врагов».

Аркадий Ваксберг ошибается, утверждая в своей книге «Гибель Буревестника», что с началом войны Берберова уехала в Америку. Если бы! Бежали Бунин, Набоков, Алданов, многие русские — одни в свободную зону на юг, другие — за океан. Нина Николаевна осталась.

Для тех, кто в предвоенные годы числился в ее друзьях, немцы — враги. Еще в 1935-м Довид Кнут встретил в Париже Ариадну Скрябину — дочь великого рус-

ского композитора. Между ними вспыхнула любовь, в 1940-м они поженились. Ариадна, воспитанная как православная христианка, посчитала обязательным для себя стать той же самой веры, что и ее муж. Она перешла в иудаизм и приняла новое имя — Сарра Фиксман (Фиксман — настоящая фамилия Кнута). Когда фашисты оккупировали страну, они оба ушли в Сопротивление. Вместе с Довидом они создают подпольную еврейскую армию. Сарра тайно переводит группы еврейских детей через границу в нейтральную Швейцарию. В июне 1944 года она попадает в засаду в Тулузе и погибает от рук нацистов. Всего за три недели до освобождения города...

Ариадна Скрябина

Ольге Марголиной не помогла православная вера. Кто-то ее выдал. Немцы заставили ее носить желтую звезду, а потом арестовали и отправили в Освенцим. Оттуда она не вернулась.

Идет война. Берберова с Макеевым не только не ощущают никаких тягот, — наоборот, они живут так роскошно, как никогда прежде. В дополнение к дому в Лонгшене приобретают еще и шестикомнатную квартиру в Париже. У нее есть друзья на фронте — разумеется, на восточном, то есть в германской армии. Среди русских эмигрантов ходят упорные слухи, что источником безбедного существования писательницы и художника являются картины: Макеев продает полотна, конфискованные немцами у евреев. А вот то, что Берберова желала победы нацистам, уже не слухи — об этом от нее слышали многие, она это не скрывала. Более того, она написала восторженное стихотворение, посвященное Гитлеру, в котором сравнивала его с героями Шекспира. Можно понять неприятие русской эмигранткой сталинского режима и ее желание, чтобы он был сметен с лица Земли. Но такой ценой?! Ценой гибели миллионов ее соотечественников и порабощения ее бывшей родины другим диктатором? А немецкие бомбы падали не только на русские города, но и на Лондон; победа нацистов означала бы поражение Великобритании. В чём англичане провинились перед Берберовой? Неужели и Франция на коленях ее устраивала? Нет, такую нравственную позицию невозможно оправдать ничем.

Потом Нина Николаевна скажет, что жила во время оккупации тихо. Даже хотела вызволить Ольгу Марголину и заступилась за нее перед немцами, да ничего не получилось. Но если вдуматься — чтобы пойти к немцам просить за еврейку, надо быть с ними в очень хороших отношениях. Случайный человек такой шаг не предпримет. Нина Николаевна пишет и письма бежавшим — Бунину, Георгию Иванову, Адамовичу. Приглашает их вернуться в оккупированную зону и сотрудничать с победителями, подтверждая свою позицию такой фразой: «Наконец-то свободно дышится».

Просчиталась Нина Николаевна — «победителям» пришел конец. Отозвалось это и Берберовой — сразу после освобождения Парижа ликующая толпа поймала ее и публично обрила наголо. Так патриотически настроенные французы метили тех женщин, которые приветствовали захватчиков, услуживали им или жили с ними. Так стремились честные люди смыть со своей страны позор коллаборационизма. А за океаном, в Нью-Йорке, в газете «Новое Русское Слово» в январе 1945-го года появляется статья «Сотрудники Гитлера». В ней приводится основательный список русских эмигрантов, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами. Среди них — Мережковский, Гиппиус, активный поклонник Гитлера Сургучев, Лифарь, Макеев (в списке — «Николас фон Макеев»), Берберова-Макеева.

Марк Алданов, до войны бывший в добрых отношениях с Ниной Николаевной, рвет с ней всякие связи. В «Курсиве» эта часть ее жизни позор подана, разумеется, в совсем другой тональности. Но про Марка Нина не забудет. В составленном ею и помещенном в конце книги биографическом справочнике она даст такую кратенькую информацию о нём: «Эмигрант с 1919 г. Писал о судьбе эмигрантской литературы в «Современных записках» № 61». И больше ни слова. Дескать, мелкая сошка. Продуманный, мелочный и мстительный укол в адрес литератора и философа, выдвигавшегося на Нобелевскую премию, широко известного в русском зарубежье, автора 14 романов, эссе, очерков и критических статей.

Зато норвежка Кнута Гамсуна она там же относит к величайшим писателям 20 века. А Гамсун был добровольным подпевалой Гитлера, за что его после войны на родине судили. Об этом Берберова умолчала. Значит, чувствовала в нём родственную душу даже спустя четверть века после бесславного конца их общего кумира.

Тогда, когда стихли залпы Победы и слегка пригупилась боль от потерь, Алданов вернулся во Францию. Было это в 1947-м. За год до этого Берберова разошлась с Макеевым (между прочим, потому что влюбилась в его новую секретаршу и увела ее от него, как свидетельствует Борис Носик в своих «историях русского Парижа»). Она понимала, что теперь в Париже ей ничего не светит. Марк — не единственный эмигрант, который перестал с ней здороваться. Что ж, чем-чем, а волей, настойчивостью, хваткой Нина Николаевна отличалась всегда. И рассудила здраво: здесь ее знают все. Алданов приехал из Америки во Францию? Отлично. Она сделает рокировку — уедет из Франции в Америку. Там ее знают мало. Английский? Выучит. Работа? Пробьется!

Берберова уезжает в США. И выучила! И пробилась! Стала лекции читать по русской литературе. Написала еще пару книг. Часть из них была переведена на европейские языки. Она заслужила признание и уважение. Ей говорили комплименты. Безусловно талантливая, она состоялась как писательница.

А как женщина? Могла ли она считать себя первой леди русской эмиграции? Стоило ей подумать об этом, как перед ее глазами возникал образ Марии Закровской. Знаменитой Муры, которая умудрилась быть любимой сразу двумя ве-

ликими писателями — Горьким и Уэллсом. Конечно, в России о ней не говорят, но в любую минуту она может вынырнуть и там из небытия, как черт из табакерки. И это мучило ее всю жизнь. Воспоминания о Муре оставались единственной занозой в ее наладившейся, успешной жизни. Необходимо было ее вытащить — и облегчить душу.

За минувшие годы Нина Николаевна продумала многие детали будущего ответа баронессе Марии Будберг. Но нужно было найти ударное название — и оно появилось в середине семидесятых. В 1976-м, с подачи советской газеты «Красная Звезда», в Англии и во всём мире зазвучали слова: «Железная леди» — по адресу Маргарет Тэтчер. Скорее всего, именно это навело Нину Николаевну на мысль — как назвать свою повесть. Любопытно, что впоследствии многие ее знакомые называли «железной женщиной» — имея для этого полное основание — саму Берберову.

9. Ложка меда, ложка дёгтя

Итак, к восьмидесяти годам постаревшая писательница взялась, наконец, за реализацию давно созревшего замысла — как низвергнуть соперницу с пьедестала. План был гениальный — написать о ней книгу. Нет, не уничижительную — ни в коем случае! Наоборот — возвышающую.

Если хочешь сбросить человека с пьедестала, займись его восхвалением, говори о нём самые лучшие слова, восхищаясь им — и в то же время вскользь, как бы между прочим, то в одном месте, то в другом, в связи с разными людьми и событиями оброни о нём пару десятков таких оценок или фактов, которые начисто перечеркнут нарисованный тобой же прекрасный образ.

Замечательных черт у Муры хватало, и Нина Берберова отлично их знала. Хватало и за что укорять ее. Например, она мало времени проводила со своими детьми. Но попробуем взглянуть на происходившее глазами самой Муры. В любой компании она быстро становилась магнитом, притягивавшим к себе взгляды и симпатии всех присутствующих. Это происходило без усилий с ее стороны, естественно для нее. К такому положению вещей она привыкла, считала его совершенно естественным, понимая, что воспринимая от людей мощный положительный импульс, она дарит им в ответ свою энергию. Более того, ей без этой атмосферы уже бывало как-то неуютно. И порою она спешила покинуть сельскую жизнь Каллиярви ради Сорренто или Лондона, хотя могла бы побыть подольше со своими детьми.

Но, с другой стороны, Мура себя оправдывала — любая ее задержка вызывала напряжение в ее отношениях с дорогими ей мужчинами. А быть с Горьким или с Уэллсом — для нее ведь это не только дни высокого духовного общения с ними и с кругом их блестящих знакомых. И не только ночи любви. Благодаря сначала одному, а потом другому, ее Павел, Таня и Кира имели спокойное, обеспеченное детство, учились в престижных платных школах и сделали свои первые шаги в самостоятельную жизнь. Без этих двух покровителей она не смогла бы добиться для своих детей таких весомых результатов. Потому и приходилось ей метаться между Эстонией, Россией и Англией.

Безусловно, за такое поведение можно Муру упрекнуть, но стоит ли ее за это осуждать? Как и за ее любовь прихвостнуть. Как и за то, что украсила свою родословную такими ветвями и цветами, что не всегда ясно, где там правда, а где вымысел. И даже за то, что в последние годы она не расставалась с фляжкой, напол-

ненной спиртным. В конце концов, ее минусы были несущественными, второстепенными, совершенно не заслоняющими обаяние яркой личности. Другое дело — как их подать, под каким соусом преподнести. Но тут уже всё зависело от мастерства писательницы. Кроме того, надо учитывать сверхзадачу автора. Именно это «кроме того» Берберова и использовала в качестве главного разящего оружия. Вскоре мы увидим его в действии.

Что же касается упомянутых выше недостатков, то давайте примерим все эти качества Муры на себя. Разве мы в повседневной жизни никогда не хитрим, не пытаемся приукрасить себя, чтобы выглядеть лучше, чем на самом деле? Всегда говорим правду, только правду и ничего, кроме правды? По сути, она не большая грешница, чем каждый из нас. «Тьмы низких истин мне дороже/ Нас возвышающий обман» — это написал А.С. Пушкин чуть ли не двести лет назад. Что же касается родословной, то Мура на самом деле была поразительно похожа на Петра Первого — и ростом, и лицом. А титулы она, помимо всего прочего, совершенно законно получила и от первого мужа — Бенкендорфа и от второго — Будберга. Но в любом случае — не акцентируя внимание на том, графиня она или нет — многие выдающиеся люди ценили ее как личность, как женщину. Таким образом, титулы служили ей дополнением — и подтверждением — уже заработанного уважения. При том, к сожалению, что на одном уважении не проживешь.

Поэтому Мура работала и находила себе работу, в какой ситуации она бы ни оказывалась. Она помогала своим родственникам на ферме, когда приезжала в Эстонию. Почти круглый год проводила за пишущей машинкой. Наводила порядок в общежитии на Кронверкском, а потом выступала как домоправительница в Сорренто. Будучи доброй и отзывчивой, всегда приходила на помощь. Была в прекрасных отношениях со всеми из горьковского окружения, а с Екатериной Пешковой и Надеждой Пешковой (Тимошей) дружила всю свою жизнь.

В то же время, натура тонкая и ранимая, она старалась оградить свой внутренний мир от постороннего вмешательства. И когда она лгала собеседнику, это был почти интуитивный способ такой защиты. Кажется, она даже не сознавала, что таким образом может обидеть человека. Но никогда никого она не оскорбила, не оговорила, никогда никому намеренно не сделала зла. И никто из тех, кто прошел рядом с ней хотя бы короткий отрезок жизненного пути, не сказал о ней ни одного плохого слова.

Тем труднее было Нине Берберовой выполнить поставленную перед собой задачу. Но она взялась за дело энергично. Уже в первой, начальной фразе книги «Железная женщина» она ставит свою героиню в один ряд с Мата Хари и Лу Саломе, иными словами говоря, намекает на ее сходство и со знаменитой шпионкой, и с соблазнительницей мужчин. Вскоре в потоке статей «об известной авантюристке Муре Будберг» в российской печати стало доминировать такое утверждение: «На Западе ее называли «Красная Мата Хари» и «русская миледи»». Выглядели эти сравнения слишком изощренными, вряд ли рассчитанными на массового западного читателя и на газетные полосы того периода, в котором протекала Мурина жизнь. И конечно же, было ясно, что эта терминология — не для донесений разведок.

Я решил найти в европейских и американских источниках, кто и по какому поводу эти выражения употреблял до Берберовой. Однако, сколько я ни искал, ничего найти не смог. Все мои усилия в конце концов приводили с завидным постоянством к русской книге «Железная женщина». Выяснилось, что единственный ее

перевод (на английский) появился только в 2005-м. И тогда до меня дошло, что повод для этих эпитетов дала сама Нина Николаевна в 1981-м году, и она-то и была тогда единственным человеком на Западе, кто мог бы их применять по отношению к Марии Будберг.

Ладно, пусть будет так — в конце концов, писатель имеет право сравнивать своих героев с кем угодно. Но для этого надо иметь веские основания. А какие, интересно, секреты выкрала «красная Мата Хари» для большевиков у «проклятых империалистов»? Кого «русская миледи» Мура безжалостно прирезала собственной рукой? Этой темы Нина Николаевна не касается и никаких фактов не приводит, ввиду их отсутствия.

Кстати, еще один любопытный момент. В СССР Муру знали многие люди — известные писатели и деятели искусства, приехавшие в Сорренто, встречавшиеся с Горьким. У них у всех о Муре осталось самое благоприятное впечатление. К 1981 году еще не все из них умерли. Берберова это хорошо понимала, и, выпуская свою книгу на русском языке, дала ей такое, в общем-то нейтральное, название: **Железная женщина. Рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях.** А когда через годы ее книга вышла на английском, переводчики, полностью поверившие в созданный автором образ, изменили название, и для не знавших Муру англоязычных читателей оно стало звучать совершенно иначе: **Moura: The Dangerous Life of the Baroness Budberg** (Мура: опасная жизнь баронессы Будберг). Огромная разница в тоне и акцентах!

Но какую угрозу и какой стране могла реально представлять Мура? Берберова описывает такую историю. Летом 1918 года из германского посольства в Москве Локкарту передали сногсшибательную новость: им стало известно, что уже два месяца назад большевики раскрыли шифр англичан. А это означало, что все донесения Локкарта в Лондон попадают в руки тех, против кого он ведет тайную игру. Далее Берберова пишет: «Этот шифр хранился у него в столе, под замком. В квартире никогда не бывало посторонних без того, чтобы он, Хикс или Мура не были дома. Прислуга была вне подозрений». И всё. Комментарии предоставляются читателям. А те естественным образом подведены к выводу, что единственный человек, который мог украсть шифр, это Мура.

Тут всё непонятно. Немцы — враги Англии, зачем им раскрывать глаза Локкарту? А если они хотели поссорить большевиков с Лондоном и специально подбросили им тайный шифр, то получается, что Мура украла его по их заданию. Но Мура любит Брюса — и крадет у него? Она ведь рассчитывала, что их роман продлится долгие годы! А Локкарт догадывается, кто виновник кражи и никак не реагирует? А зачем Муре вообще нужно в чём-то помогать немцам, если Германия — враг и ее родины и любимой ею Англии? Да и развязанная кайзером война в значительной степени привела к развалу России, к революции, то есть к личной трагедии Марии Закревской. Поэтому берберовский намек на то, что она могла быть германской шпионкой, не имеет под собой никаких оснований. Тем более, что и доказательств никаких нет.

В любом случае, в последующие годы, в силу своего положения Мура ничем не могла бы послужить немецкой разведке или, наоборот, не могла бы выкрасть никаких секретов для русских в Берлине. Она не была вхожа ни в какие значимые круги германского рейха. Сталин вообще искал контакты с Гитлером, одновременно пытаясь обмануть его. Так что кадровых русских шпионов, постоянно живущих в Берлине, было не меньше, чем немецких в Москве. О том, что Мура

могла иметь какое-то отношение к французской разведке, и говорить не приходится. Единственная, которая могла бы заинтересоваться Марией Игнатьевной Будберг — английская контрразведка. И она действительно следила за ней. А как, почему и к чему эта слежка привела — об этом разговор еще впереди.

Что же касается приписываемой Муре роли агента ЧК, то эти утверждения абсолютно беспочвенны. И не только потому, что никаких документов на этот счет в архивах Лубянки не найдено. Ее обвинители вслед за Берберовой иногда ссылаются на запись Локкарта в его дневнике: после смерти Горького и особенно Ягоды, контакты с СССР у Муры прервались. Но этот факт только подтверждает, что она не имела отношения к НКВД — там своих агентов никогда не бросали. А то, что нити оборвались, логично — связь Муры с Горьким осуществлялась только через Ягodu.

Итак, обвинения, навешанные на Марию Игнатьевну с первой строки «Железной женщины» — ложные; это становится очевидным — стоит только изучить и проанализировать факты, связи, события. Но читатель берет в руки книгу, чтобы просто читать ее, и он доверяет автору. На этом и строился точный расчет Нины Берберовой, и в этом смысл упомянутого ранее приёма «кроме того»: если фактов нет — их надо выдумать! То есть, кроме известных моментов биографии Муры, которые писательница трактовала по-своему, она еще сочинила истории, которых и в помине не было. Но именно они стали в ее руках отравленными стрелами. А придумывала Нина Николаевна очень убедительно — таланта у нее не отнять.

Возьмем, к примеру, историю с архивом: дескать, в 1933-м Мура увезла тайный архив Горького в Лондон. А дальше начинаются версии. Первая: Лубянка, агентом которой она была, заставила ее привезти этот архив в Москву в 1936-м и отдать Сталину. (Если она — агент, то почему не сразу в 1933-м или в один из приездов? Почему так долго ждали?) Вторая версия: Мура архив не отдала. (Троцкого за границей убили, а бумаги у беззащитной женщины не могли взять?). Третья версия исходит от самой Муры — архив сгорел в Каллиярве во время немецкой оккупации (странно — перед войной Эстония входила в состав СССР. Если чекисты так гонялись за этими бумагами, не могли они, что ли, заглянуть в Каллиярве и найти там архив? А потом, ведь совершенно ясно, что Мура говорила о своем собственном архиве). И самое главное — какие страшные тайны могли там быть укрыты?

Есть простой способ убедиться в том, что эта история — легенда. Достаточно взглянуть на нее с точки зрения действующих лиц.

Начнём с Муры. Она жила с Горьким в Сорренто, там был ее дом, там она хранила всё свое самое ценное. И когда в 1933-м году этот дом перестал существовать, она забрала с собой всё, чем дорожила, что было связано с ее жизнью и любовью. Естественно, и Дука ей кое-что дал или подарил. Наверняка, и письма, и рукописи, и фотографии, и рисунки, предметы какие-то — хорошо известный и понятный набор того, что может подарить мужчина, знаменитый писатель, любимой женщине. Никаких секретных или заговорщических материалов он передать при этом не мог — их просто не было, Горький в такие игры не играл. Всё уложили в чемодан, и Мура уехала с ним в Лондон — к своему новому месту жительства. И это был единственный чемодан с таким содержимым.

Что касается Горького, то у него была обширная переписка, которую он не скрывал. Скопившиеся письма зарубежных адресатов могли представлять интерес для их биографов, для исследователей. Но прятать их точно было ни к чему. Если бы Горький боялся за себя, опасаясь акций со стороны советской власти, он бы не возвращался в СССР. Но он верил в эту власть и ехал насовсем — жить и работать.

И, что абсолютно нормально в подобной ситуации, весь свой архив вез с собой. И в Союзе за него не дрожал — ведь мог, например, передать Муре ту самую клеенчатую тетрадь со Сталиным-блохой, чтобы увезла ее подальше. Но не сделал этого.

Следующая заинтересованная организация — Лубянка. Однако известно, что все письма, адресованные Горькому и исходившие от него, в первую очередь вскрывали и читали именно там. Причём это касалось не только переписки с друзьями, или простыми советскими энтузиастами, или видными партийными и литературными деятелями. Однажды, когда Горький уже был на родине, друг СССР Ромен Роллан получил от него в Париже письмо, а когда открыл конверт, в нем оказалось чье-то чужое послание. Чекисты, ввиду большого количества вскрываемых писем, в спешке перепутали конверты и вложили не то, что нужно. Так что на Лубянке содержание горьковского архива знали лучше, чем сам его владелец.

И наконец, главная фигура — Иосиф Виссарионович Сталин. Даже то, чем делились с Горьким Бухарин, Каменев и другие соперники и оппоненты властолюбивого грузина, для хозяина Кремля после 1933-го, а тем более — 1936 года особого интереса не представляло. К этому времени они уже открыто высказали то, что думали, а Сталин всё это учел и расправился с ними. Оставались только судебные процессы. Но для этих процессов всё равно нужны были обвинения покруче — типа шпионажа. А подвергнуть суду Горького было бы безумной самоубийственной затеей: это восстановило бы против СССР, социализма и самого Сталина весь цивилизованный мир.

Получается, что никого из заинтересованных лиц мифический чемодан с документами (еще один, кроме личного мурино) не волновал. Тем более что никто никогда этого секретного набора документов не видел. Сочиненная Ниной Николаевной полудетективная история про архив лопается как мыльный пузырь. Но в «Железной женщине», а, значит, в памяти читателей — остается.

Так — на первый взгляд, очень правдоподобно, легкими, но убедительными штрихами — сочиняет Нина Берберова полукриминальный, авантюрный образ Муры. Приписывает ей связь с Сиднеем Рейли — который, между прочим, Марию Закревскую в глаза не видел. Сочиняет историю о тайных снимках Муры с Локкартом в интимных позах, которые, якобы, имелись у Петерса — хотя сделать такие фотографии в те годы было невозможно.

А кроме детективных ходов, умудренная опытом восьмидесятилетняя Нина Николаевна еще и знает, как тонко и беспронижно сыграть на чутких струнах впечатлительных душ своих читателей и читательниц. И она доверительно сообщает: в 1927-м году Мура вместе с Уэллсом посетила его смертельно больную жену. Так сказать, проявила сочувствие. Понимала Нина Николаевна, что каждый, прочитавший это, тут же подумает: какая аморальная особа эта Мура — являться к несчастной женщине, когда ты сама здоровая, цветущая и откровенно не случайная спутница ее мужа! А Уэллс — каков мерзавец! — приводит к умирающей жене свою любовницу!

Откуда читателям знать, что в дневнике исключительно аккуратного и педантичного Уэллса записано, что впервые после знакомства с Мурой в Петрограде у Горького он встретился с ней только в 1929-м году — через два года после смерти своей жены. Джейн умерла от рака в октябре 1927-го года. Спустя год, Уэллс, который ее очень любил, писал о ней: «Я не знаю, что бы я представлял из себя без нее. Она стабилизировала мою жизнь. Она дала ей дом и придала ей достоинство. Она обеспечила ее продолжение».

Так небрежно, походя, Нина Берберова оболгала сразу двоих — свою соперницу и знаменитого английского писателя.

Нет смысла перечислять другие скрытые уколы и отравленные стрелы. Но на одной фразе стоит задержаться — она раскрывает тайную подоплеку обратной стороны берберовского замысла. Вот это короткое высказывание о Муре: «В ее жизни не нашлось места для прочного брака, для детей».

Что касается брака, то не вина, а беда Марии Закревской, что ее счастливое замужество было раздавлено революционным переворотом, который убил и ее мужа Ивана Бенкендорфа. Но двое ее детей, родившихся в том, единственном браке, стали ее заботой на многие годы. Она добилась того, чтобы они имели свою собственность — жилье в Каллиярви. И хотя она действительно бывала в Эстонии только наездами, но там оставалась верная няня — Микки. А детей приняла семья брата ее покойного мужа. И Мура была им за это благодарна и, насколько могла, оказывала постоянную помощь. В ее положении это был наилучший выход.

Татьяна Александер

Ее Таню и Павла воспитывали в отцовском духе — как балтийских аристократов с немецким уклоном. Мура же сделала всё для того, чтобы дети чувствовали себя, в первую очередь, русскими, одновременно закрепляя их любовь к Англии. Она привозила им в Каллиярве книги английских классиков и, с этой точки зрения, выглядела там не совсем своей, не такой, как все остальные. Она была русской англичанкой.

Она приезжала помогать. Причем все знали, что детей у нее фактически не двое, а трое. Третьей была Кира, дочь ее старшей сестры, Аллы Игнатьевны. Кира родилась в 1908 году, а в 1909-м ее отец, Артур Энгельгардт, умер. Алла затем повторно вышла замуж, а Киру с детских лет растила бабушка. Потом Мура забрала племянницу к себе в Эстонию. Там никто не делал разницы между детьми — все

считались своими и равными. Второй брак у Аллы Игнатьевны не сложился, ее муж застрелился в 1927 году в Неаполе. Сама Алла долго и тяжело болела, часто впадала в депрессию и лечилась от наркотической зависимости. Свою дочь она не видела и ею не занималась. Вывела Киру в люди Мура.

Ради детей она работала, дала им образование, помогла выбрать профессию — насколько позволяли ей силы и материальные возможности. Была в постоянном контакте с ними в их взрослой жизни. Ее дочь восприняла очень многое от своей матери — прекрасно знала и любила русскую культуру, была приверженцей православной церкви, а потом вообще продолжила ее дело — переводила и консультировала постановки и фильмы по русской тематике. Поэтому она, Татьяна Александер, стараясь быть максимально объективной, сказала немало добрых слов о маме в своей написанной впоследствии книге.

Была Мура и в прекрасных отношениях с родителями Кирино мужа, Хью Клегга, и иногда уезжала к ним на пару дней отдохнуть от напряжения лондонской жизни. А когда Мурин сын Павел вышел на пенсию, он уехал в Италию — так полюбившуюся ему с той памятной поездки, когда мама привозила его к Горькому в Сорренто. И Мура закончила свои дни возле сына, под итальянским солнцем. Ни о чём этом (кроме конца) в «Железной женщине» нет ни слова.

Почему же Берберова и здесь преподносит нам заведомую ложь?

Очень просто — чтобы поднять себя. Если человек с сожалением и осуждением говорит о том, что в чьей-то жизни не нашлось места для брака и детей, то понятно, что у него самого (в данном случае — у автора) с этим как раз всё в порядке. Но именно у Нины Николаевны ничего не получилось с семьей, а детей не было вовсе! И в этом вся соль. Приписывая Муре какие-то свои неудачи и недостатки, Берберова как бы автоматически исключает их из своей биографии, и в глазах читателей возникает безупречный образ добропорядочной писательницы, клеймщей позором пороки своей героини.

Но и на этом Нина Николаевна не останавливается. Четко реализуя свой план, на первый взгляд совершенно искренне она наполняет целую бочку сладкими высказываниями о Муре: обладала притягательной силой, даром воздействия на людей; умела слушать и понимать, не вкладывая в свое общение никаких задних мыслей — и так далее, и так далее... И вот, когда в бочке уже достаточно мёда, Берберова вбрасывает в нее заготовленную заранее ложку дёгтя: «Только одно меня смущало: в ее загадочности, в ее таинственности и, вероятно, лжи сквозило что-то тёмное, хитрое, что-то не совсем мне понятное».

Абсолютно поперек всего, что сама же говорила раньше, и вопреки всему, что говорили о Муре те, кто ее знал! Стоит ли удивляться такому повороту? «Железную женщину» читают порой, как будто это обыкновенная летопись и писал ее некий бесстрастный монах. Между тем, это писала женщина, у которой были свои счёты с той, которую любили Горький и Уэллс, свои причины выставить ее перед непосвященными в самом неслетном свете. Что ж, она преуспела, ей поверили. Поверили многие — историки, издатели, литераторы и, конечно, тысячи читателей. Оно и понятно — никаких других жизнеописаний Марии Будберг просто не было, о ней ничего конкретного не знали. Получилось то, на что она рассчитывала: коварства почти никто не заметил.

И вот в предисловии к российскому изданию книги Н.Н. Берберовой «Курсив мой» мы читаем: «Заслуга Берберовой как раз в том, что образ «баронессь» у нее почти тошнотворен». Автор вступительного слова точно уловил дух и замысел

повествования Нины Николаевны. О том, что это — навет, как и на некоторых персонажах «Курсива», он, разумеется, не знал. Как и не знал, что в 1946 году патриарх российских литераторов во Франции нобелевский лауреат Иван Бунин резко отрицательно оценил ряд статей Берберовой в эмигрантской печати именно из-за их оскорбительного тона и высказался о ее публицистике довольно едко: «стервы вой» (этот факт приводит в упомянутой выше рецензии Роман Гуль).

И последний штрих. В 1989 году Нина Николаевна впервые за 70 лет приезжает в СССР. Ее восторженно встречают, ее повесть о Муре печатается в журнале «Дружба народов». И что же она говорит? А вот что: «В своей книге «Железная женщина» я не могла упомянуть, потому что недостаточно была уверена, но теперь это уже опубликовано и стало известным, что моя героиня, любовница Горького... была двойным агентом: она ГПУ доносила о Европе и английской разведке о том, что делалось в СССР». В этом заявлении — вся Берберова! Кем опубликовано? Где стало известным? Откуда такие «достоверные» сведения? Никакой подобной информации ни тогда, ни после ни от кого не поступало. Опять обман, но сделав такое заявление, Нина Николаевна понимала, что ей поверят на слово, и это укрепит репутацию ее книги.

Н.Н. Берберова в конце 80-х

Да, во время ее приезда ей было посвящено немало восторженных слов, основных на впечатлениях от коротких встреч. Но вот человек, который знал ее длительное время — замечательный прозаик и тонкий психолог Сергей Довлатов. Последние годы его жизни прошли в Нью-Йорке. В его письме от 6 апреля 1989 года, отправленном другу, Андрею Арьеву, в Ленинград, есть такой фрагмент: «Что касается Берберовой, то я с ней, конечно, знаком и несколько лет находился в переписке, но затем она поняла, что я целиком состою из качеств, ей ненавистных — бесхарактерный, измученный комплексами человек. И переписка увяла. Я ее за многое уважаю... но человек она совершенно рациональный, жестокий, холодный, способный выучить шведский язык перед туристской поездкой в Швецию, но также способный и оставить больного мужа, который уже ничего не мог ей дать».

Безусловно, мы должны быть благодарны Нине Берберовой за то, что она первой рассказала об одной из самых незаурядных женщин 20 века; за то, что она нашла немало достоверных фактов из ее биографии и возбудила интерес к ее лич-

ности. В то же время благодарность не должна заслонять всего того некрасивого, нечистого и нечестного, что позволила себе при этом известная писательница.

Однако досмотрим до конца ленту жизни Марии Игнатьевны Закревской-Бенкендорф-Будберг.

10. Четвертый из «кембриджской пятерки»

В 2002 году две лондонские газеты — The Guardian и Daily Telegraph — опубликовали сенсационную новость: возможный след к раскрытию Энтони Бланга, о котором англичанам стало известно как о советском шпионе в 1963 году, был указан задолго до этого Мурой Будберг. Для того, чтобы понять, кто такой Бланг и о чём идет речь, вернемся на 59 лет назад от даты этой публикации.

Вторая Мировая война, которую в СССР называли Великой Отечественной, была в разгаре. Напряженнейшие сражения начинали медленно склонять чашу весов на восточном фронте в пользу Советского Союза. В этой ситуации 7 мая 1943 года в Государственный Комитет Обороны СССР из народного комиссариата (министерства) госбезопасности поступает донесение о плане проведения германской наступательной операции «Цитадель» в районе российских городов Курск и Белгород. Это была перехваченная телеграмма в Берлин немецкого генерала, который отчитывался о проведенной подготовительной работе. Текст, разумеется, зашифрованный, но и перехват и расшифровку осуществила британская разведка. А в Москву информация пришла от советских агентов в Англии.

Немцы готовили операцию, продумывая мельчайшие детали и рассчитывая на безусловную победу. В стратегическом отношении они планировали отыгаться за Сталинград и мощнейшим ударом выиграть войну. Из истории известно, с какими огромными потерями и с каким большим трудом в ходе 49 дней непрерывных боёв советским войскам удалось в конце концов разбить фашистскую танковую армаду. И это при том, что командование Красной Армии уже за два месяца знало о предстоящей немецкой операции и даже опередило противника, первыми открыв массированный огонь. А если бы не знало? Трудно в этом случае с полной уверенностью предположить, кто бы одержал победу в Курской битве. Правда, исход войны наверняка не мог оказаться иным, чем это случилось на самом деле, но она могла бы затянуться. Что обошлось бы СССР еще в миллионы человеческих жизней.

Как же удалось получить такой важнейший документ — упомянутую выше телеграмму? Чтобы раскрутить цепочку, начнем с англичан.

Германия еще в довоенное время стала использовать для передачи секретных сообщений шифровальные машины типа «Энигма». Польща, опасавшаяся агрессии со стороны Берлина, пыталась разгадать немецкие коды. Ее инженерам, поработавшим на немецком заводе, удалось после возвращения домой с помощью своих математиков воспроизвести точную копию германской Энигма-1. В июле-августе 1939-го они передали эту машину и свои разработки англичанам. Те создали 10-тысячный коллектив инженеров, математиков, лингвистов, переводчиков, работавших в Блетчли, недалеко от Лондона, над расшифровкой постоянно меняющихся немецких кодов. И хотя модификации Энигмы совершенствовались, британцы добились поразительных успехов. Естественно, их работа была укрыта от любых чужих глаз и ушей. Они расшифровывали немецкую переписку, но не всегда сообщали о ней достаточно оперативно даже своим союзникам-русским. И всё

же тайный план Гиглера попал в руки советского Генштаба, потому что одним из переводчиков в английской группе дешифровщиков был Джон Кернкросс — «пятый человек» из так называемой «кембриджской пятерки».

Теперь самое время обратиться к этой уникальной в истории разведки организации.

Первая половина 30-х годов 20-го столетия. Гай Берджесс оканчивает наиболее престижный и привилегированный колледж Великобритании — Итон и поступает в Кембридж. Его считают самым способным студентом того времени, ему прочат блистательную карьеру. Между тем, молодые люди, выходцы из знатных фамилий, проникаются совсем неподходящими для аристократов коммунистическими идеями. Их можно понять — в Германии поднимает голову фашизм, и единственной альтернативой ему, на их взгляд, является Советский Союз. Вскоре Гай Берджесс и его друзья Дональд Маклин и Ким Филби становятся членами английской компартии.

Гай Берджесс

В 1934-м году Берджесс отправляется в поездку в Страну Советов. Тамашняя жизнь и социалистический энтузиазм приводят его в восторг. НКВД реагирует быстро и делает первый пробный шаг — его вербуют как агента Коминтерна. Он возвращается в Англию, и через год следует второй шаг — он становится агентом советской разведки и получает кличку «Медхен». Его друзья, конечно же, не отстают от него. Так появляется на свет «кембриджская тройка» — Маклин («Стюарт», «Гомер»), Филби («Стенли», «Зенхен»), Берджесс («Медхен»).

По указанию НКВД, с целью маскировки, Гай Берджесс выходит из компартии и начинает резко обличать советский режим. Он вступает в англо-германское общество, возглавляемое ярым сторонником Гиглера Освальдом Мосли, и начинает восхвалять нацизм. Даже ездит в Германию.

Несмотря на блестящее окончание университета, Гай отказывается от научной карьеры и идет диктором на Би-Би-Си. Английская разведка Мiб замечает способного парня и привлекает его к сотрудничеству. В 1939-м году он переходит туда на постоянную работу, а в 1940-м устраивает в Мiб Кима Филби.

Еще со студенческих времен Гай отличался остроумием, экспромтом сочинял эпиграммы, он был красив и обладал потрясающей эрудицией. Поэтому он был желанным гостем во многих закрытых кругах английской столицы, общался со многими высокопоставленными чиновниками. Для советского резидента в Лондоне Гай являлся самым важным агентом, способным добыть любую информацию.

Группа завербованных с помощью Берджесса интеллектуалов к началу войны и составляла вместе с ним «кембриджскую пятерку». Мы знаем уже о ее пятом человеке — Джоне Кернкроссе — и о первых трех. А кто же четвертый?

Перешагнем теперь через уже известные нам военные события и обратимся к тому августовскому дню 1946-го года, когда после ухода из жизни Герберта Уэллса Мура осталась опять одна, без поддержки. Щедрость Эйч Джи позволила ей иметь хорошую квартиру в центре Лондона. А чтобы зарабатывать на повседневные расходы, приходилось, как прежде, трудиться — корпеть над переводами, служить на киностудии, давать консультации по «русским вопросам». К концу недели чувствовалась усталость. Оно и понятно — когда умер Горький, ей было всего лишь 44, а после смерти Уэллса — уже 54.

Чтобы отвлечься от дел и снять стресс, Мура частенько уезжала на уикэнд за город к своим друзьям — Вите и Гарольд всегда были ей рады. В их имении старинный замок 16-го столетия напоминал ей замок в Йенделе — из такого же красного камня и тоже с высокой башней. Каждый раз — как встреча с прошлым. А хозяева — совершенно замечательные люди.

Гарольд Николсон стал после Оксфорда дипломатом, потом членом парламента. Блестящий журналист, автор 35 книг. Среди людей, которых он знал — а со многими из них дружил — не считая короля и королевы, Шарль де Голль и Андре Моруа, Нэнси Астор и Артур Кестлер, Уинстон Черчилль, Игорь Стравинский, Томас Манн, Чарли Чаплин, премьер-министры и многие-многие другие. У поэтессы и прозаика Виты Саквилл-Уэст очень своеобразный союз с мужем Гарольдом. «Свободные отношения только укрепили их брак» — заметил как-то по этому поводу их сын Найджел. Виту, надо сказать, иногда уводило в сторону — причем, в женскую. К примеру, был у нее в свое время роман с английской писательницей Вирджинией Вулф. Может, сказывалась в Вите гремучая смесь холодной английской и горячей испанской крови. Впрочем, дружбы с Мурой это не касалось.

28 августа 1949 года Гарольд Николсон делает запись в дневнике: «Я разговаривал с Мурой, пока она ждала вечернего поезда. Это наслаждение, когда она здесь бывает. Она, безусловно, одна из наиболее восхитительных личностей, которых я когда-либо знал».

Неплохая аттестация, учитывая, с какими выдающимися людьми был знаком Николсон. Но и у Муры уже образовался широкий круг друзей и знакомых из самых уважаемых слоев британского общества. Они с удовольствием приходят на вечера в мурину квартиру, где любой гость пользуется расположением хозяйки, а беседа искрится оригинальными идеями и блеском остроумия. Не только Николсон заглядывает сюда, бывают здесь и министры, и артисты, и писатели, ходят Бернард Шоу и Александр Корда и, конечно, неподражаемый Гай Берджесс.

Гостиная Муры — бесспорный притягательный центр для лондонской элиты. Недаром, когда в начале 70-х перестанет биться сердце Марии Закревской-Бенкендорф-Будберг, главная газета Великобритании «Таймс» посвятит ей некролог под названием «Интеллектуальный вождь».

Мура Будберг в своей лондонской квартире
(фото — Аллан Уоррен)

Однажды, в конце лета 1950 года, в муриной квартире происходит любопытный разговор. Беседуют трое из гостей — издатель, американский дипломат и недавний знакомый Муры, который является агентом британской контрразведки Mi5, о чём хозяйка, естественно, не догадывается. Кто-то упоминает имя Энтони Бланта. Мура, как бы между прочим, замечает:

— А Блант вообще-то — член британской компартии.

Насторожившийся агент резонно возражает:

— Но его можно увидеть на фотографиях королевской семьи!

Мура, улыбаясь, парирует:

— Ну и что? Хотя надо признать, что такие вещи могут случиться только в Англии.

Это был первый звоночек, на который Mi5 не обратила должного внимания. А через девять месяцев разразился грандиозный скандал.

События развивались постепенно. Еще в 1944-м году Гай Берджесс ушел из разведки и стал работать в Форин Офис — министерстве иностранных дел. В 1948-м он уже там чиновник по особым поручениям, имеющий доступ к дипломатической почте. Но он ни на минуту не забывает, что ходит по лезвию ножа. Постоянный стресс, большие эмоциональные нагрузки. Их надо как-то заглушать — Гай начал пить. Уже с утра он принимал изрядную долю виски. В конце 1949 года начальство отправляет его в английское посольство в Вашингтоне.

А в 1951-м происходит непредвиденное — американские дешифровщики раскрывают советские шифры, и обнаруживается, что Маклин работает на Советский Союз. Филби успеваает предупредить двух своих друзей, и с помощью советских спецслужб 25 мая 1951-го года Дональд Маклин и Гай Берджесс через Францию бежали в СССР.

Англичане в шоке. Как такое могло случиться? А в какой компании чаще всего видели Берджесса? Ах да, он постоянно бывал на чаепитиях у Марии Будберг. Надо срочно разузнать, какими сведениями она располагает. К ней отправляется агент Mi5 Иона Устинов, по кличке «Клоп» — между прочим, отец известного английского режиссера российского происхождения Питера Устинова. Нет, это не

допрос, это просто интервью. В разговоре, перебирая посетителей своего салона, Мура отмечает (вторично, в другой ситуации), что Энтони Блант — член компартии и заходит к ней на чай даже чаще, чем его друг Гай Берджесс.

Только после этого Блант попадает под подозрение английской контрразведки.

Кто же этот человек? Ни много, ни мало — троюродный брат английской королевы Елизаветы II, правящей и поныне. Искусствовед, блестящий знаток французской живописи и итальянского Ренессанса, он в течение многих лет был хранителем коллекции картин британской королевской семьи. Он-то и стал «четвертым человеком» в «кембриджском шпионском кольце», как именуют эту группу англичане. А попал он в это кольцо по несколько неожиданной причине. Блант был преподавателем Берджесса и придерживался нетрадиционной сексуальной ориентации. А Гай Берджесс сам был открытым геем. Он стал «другом» Энтони Бланга и вскоре завербовал его в свои ряды. Гомосексуальная связь оказалась сильнее королевских традиций и аристократической чести.

Блант

Во время войны Блант работал в отделе британской военной разведки, который готовил тайных агентов. Миранда Картер, выпустившая в 2001 году книгу «Разные жизни Энтони Бланга», в процессе работы над ней получила доступ к секретным материалам советских архивов. И выяснила, что Энтони передал в СССР 1771 документ.

После бегства Маклина и Берджесса трое из пятерки всё еще оставались на плаву. Ким Филби двигался вверх по служебной лестнице и имел шансы стать во главе всей английской разведки. Но 1963 год оказался роковым. Последовали разоблачения — и Филби бежал в СССР. В том же году Блант признал на допросе свое участие в шпионской сети — ему обещали иммунитет. Но всё не так просто в британском королевстве, особенно, когда дело касается королевской семьи. О предательстве Бланга долго молчали. И лишь в 1979-м году об этом официально объявила в палате общин британского парламента тогдашняя премьер-министр Маргарет Тэтчер. (Кстати, Джона Кернкросса англичане раскрыли только в начале 90-х!

Невольной участнице всей этой заварушки, Мура Будберг, конечно же, и в голову не могло прийти, какую тайную жизнь вели ее добрые знакомые. Осуждала ли она их после разоблачения? Трудно сказать. Вовремя войны она и сердцем и мыслями была с Россией и всякую помощь ей почитала за благо. Если бы кто-нибудь сказал ей тогда, что бывшая подруга Ходасевича Нина Берберова желает победы Гитлеру, Мура поразилась бы такой жестокой нелюбови к своей стране и ее народу.

Война прошла. За десять лет Мура многого лишилась — потеряла Горького и право приезжать в Союз, осталась без эстонского дома. Любить советских коммунистов ей было не за что; хотеть, чтобы коммунисты стали хозяевами в Англии, мог бы только полный безумец. Она никогда не лезла в политику, не становилась в самоубийственную позу между двумя лагерями. У нее была родина — Россия, там жили замечательные люди, которых она знала, с которыми дружила. Жилось им нелегко — так повернулось колесо истории, и с этим приходилось мириться. Но побывать там снова ей очень хотелось.

Мура в 1968-м

В конце пятидесятых она предпринимает попытку осуществить свой план — через знакомого передает в Москву просьбу о визе и помощи для поездки. Не тут-то было! Когда-то ей в таких случаях давали валюту, чтобы держать на привязи Горького. Теперь она никому не была нужна. Ответа не последовало.

И всё же в 1959-м она попала в Советский Союз — вместе с английским издателем Джорджем Уайденфельдом. Разыскала друзей — все были рады увидеть ее. Сразу же восстановились теплые отношения с родственниками Алексея Максимовича. Вслед за этим по приглашениям Е.П. Пешковой и Тимоши она три года подряд приезжает в Москву. А в 1965-м ее приводит туда печальное событие — похороны Екатерины Павловны. В 1968-м Мура присутствует на торжествах по случаю 100-летия со дня рождения Горького. По ее просьбе втроем — с Тимошей и вдовой Алексея Толстого Людмилой — они совершили на теплоходе путешествие по Волге. Прощальное... Она приедет еще в 1973-м — зная, что это в последний раз.

А как же обвинение в том, что Мура была агентом Лубянки? Это заявляли страстно — и бездоказательно — все, кто писал последние четверть века о ней и о Горьком, начиная с Берберовой. Оно и понятно — больно уж красиво и эффектно звучало это обвинение, как же им не воспользоваться? И вешали на Муру что ни попадя, иногда оговариваясь: «хотя и нет документов...»

Есть документы. Правда, совсем иного свойства, доказывающие обратное.

Мура не догадывалась, что почти всю свою жизнь находилась под наблюдением. Дело на Марию Закревскую-Бенкендорф было заведено английскими спецслужбами еще в 1918-м году, когда она стала подругой Брюса Локкарта. Возникло подозрение, что она — тайный агент ЧК. После тщательной проверки эта версия была отвергнута. Однако в 1927-м году Мi5 и Мi6 в связи с разбедами Муры по Европе вновь решают проверить, не является ли она советской шпионкой. Три объемистых папки документов по этому расследованию свидетельствуют — Мура чиста.

Начинается война, и возникают новые подозрения. Мария Будберг уговаривает сотрудника разведки взять на работу в качестве домработниц двух эстонских эмигранток. С ее стороны — желание помочь соотечественницам, но вдруг за этим что-то скрыто? К тому же, у нее слишком широкий круг знакомых, вплоть до министра иностранных дел Великобритании Антони Идена. Проверка, слежка, прослушивание, внедрение агента в ее ближайшее окружение — не обнаруживается даже намек на шпионскую деятельность.

В 1951-м году один из руководителей английской разведки Мi6 заявляет протест: спецслужбы уже почти 25 лет тратят впустую большие деньги на наблюдение за Мурой Будберг, в то время как никогда никаких доказательств ее вины найдено не было. Протест удовлетворили — дело закрыли. John Ezard в своей статье в лондонской *Guardian* от 28 ноября 2002 года приводит последнюю запись в ее файле, датированную декабрем 1951 года и гласящую, что, несмотря на болезнь, «она остается необычайно умной и поразительной женщиной — совершенно выдающейся личностью». Достойная и нестандартная запись, венчающая секретное дело.

В свою очередь, по просьбе директора московского Архива А.М. Горького Владимира Сергеевича Барахова, был произведен поиск в архивах Лубянки с целью найти какие-либо материалы о Марии Закревской-Будберг. Было найдено всего лишь несколько документов о ее аресте в Германии в 1922 году, которые и показали Барахову. Никаких свидетельств, что она работала на советскую разведку, не оказалось.

Да, Мура была незаурядной личностью. Она говорила о своих титулах, о родословной, которая тянется от царственных особ — возможно, это сочиненная ею легенда. Но разве в этом дело? Сколько потомков знаменитых российских родов затерялись без следа на ухабистых дорогах 20 столетия! А Мура создала себе имя пронзительным умом, талантом общения, способностью видеть личность в каждом, умением и готовностью прийти на помощь. Поэтому ее любили и ценили и мужчины, и женщины — редкий дар не только для двадцатого столетия.

Она никогда не переставала работать. В 1968-м году режиссер Сидней Люмет снимает чеховскую «Чайку» — Мура участвовала в разработке сценария. В 1970-м Лоуренс Оливье выпускает на экраны «Трех сестер» — и здесь она помогала писать сценарий. Последний ее перевод на английский — «The life of a useless man» — «Жизнь ненужного человека» М. Горького — вышел в 1971-м в Нью-Йорке. Двести сорок страниц убогистого текста.

Годы сделали ее грузной. Всё чаще требовался отдых. Карета ее жизни медленно катилась через постепенно угасающий день, неумолимо приближаясь к закату. Когда-то яркие картины растворялись в прошлом, их контуры становились всё более размытыми. Она ни о чём не жалела. На этом долгом пути у нее были замечательные спутники. Первым в ее карету сел Иван, или Джон, как его часто называли. Бенкендорф — из графской фамилии, ее муж, отец ее детей. Спасибо ему за всё. Хотя любила она его скорее по обязанности, как было принято в тогдашнем великосветском обществе. На крутом повороте дороги, на очень крутом вираже Иван выпал из экипажа... А его место в карете занял Брюс.

Боже мой, Брюс! Спортивный, высокий, деловой, остроумный и лиричный одновременно — одним словом, мужчина. Это была ее первая настоящая любовь. Кони мчались, как ошалелые, но невидимый кучер вдруг резко осадил их. Кто же взял на себя смелость править их каретой?! Кто испортил этот прекрасный полет коней? Ах, да, его звали Сидней Рейли... Брюс выскочил — и ушел. Не попрощавшись, по-английски.

Лишь через много лет она осознала: те несколько московских месяцев сделали ее другой. Из беззащитной, неприспособленной аристократки она превратилась в женщину, умеющую выстоять в любых житейских передрагах. Научилась не распахивать свою душу перед чужими людьми, тем более что каждого, в первую очередь, волнуют собственные душевные раны. И поняла, что она обладает единственным, но неотразимым оружием — быть женщиной. Нужной мужчине. Возвышающей его. Верной в привязанностях, но и лукавой. Мягкой, не железной. Не изменяющей своему пониманию чести и благородства. Гордой и предпочитающей скорее скрыть свои неудачи, чем переложить вину за них на других. А грехи... У кого их нет? В непредсказуемой круговерти событий, когда привычный мир рушился и земля уходила из-под ног, все хотели быть святыми — и поневоле становились грешниками. Она не была исключением...

А потом на дороге появился случайный прохожий, симпатичный молодой человек, и попросил его подвезти. Звали прохожего Николай Будберг. Он вошел внутрь через одну дверцу кареты, подарил сувенир и через другую дверцу вышел. Зато сувенир оказался очень кстати — тигул и фамилия.

И вот тут начались удивительные вещи.

Однажды она обнаружила, что рядом с ней, слева, сидит высокий худой человек и говорит ей нежные слова на ее родном русском языке. Прошло немного времени, и справа появился другой мужчина. Он произносил те же самые слова, только по-английски. Карета мчалась вперед, не снижая скорости, и на изгибах дороги Муру прижимало то к соседу слева, то к соседу справа. И когда она улыбалась одному, второй злился. Но весь фокус заключался в том, что ее соседи не видели друг друга и не догадывались, что едут в одной карете. А Мура не хотела нарушать это призрачное равновесие, ухватившись за кого-то одного. Хотя ее гораздо сильнее влекло к первому. И когда она прижималась к нему, она явственно видела в переднем окошечке кареты усатое лицо кучера, с добродушной улыбкой и ледяными, обжигающими смертельным холодом глазами. Лицо Иосифа Сталина...

Но всё на свете рано или поздно кончается, оба ее спутника по очереди вышли — каждый на своей конечной остановке. И она осталась в карете одна. Теперь уже насовсем. Впрочем, не совсем одна — их голоса незримо присутствуют и сопровождают ее на этой дороге, неумолимо приближающейся к закату...

В сентябре 1974-го она уезжает к сыну, незадолго перед этим обосновавшемуся возле Флоренции. Ей сняли две комнатки неподалеку от него, в уютной деревенской гостинице. После лондонских туманов — несказанная благодать теплого итальянского солнца. Тишина. Покой. Ни гостей, ни встреч, ни приемов. Всё теперь позади — то, к чему она привыкла, что составляло ее повседневное существование. Остались только вещи. И среди них один заветный чемодан, который она увезла из Сорренто и раскрывала лишь пару раз за все эти годы.

О дальнейшем существует чье-то непроверенное свидетельство, очень похожее на истину.

Она выбрала день, который настроением неуволимо напоминал давнюю соррентийскую осень. Вынесла чемодан, отошла подальше от дома. Раскрыла и несколько минут сидела без движения. Ее богатство, которое она хранила, оберегала, возила за собой. То, что она скрывала от всех, даже от своей дочери. Пройдет время, и Таня будет искренне считать, что все бумаги ее мамы оставались в Эстонии, и после Второй мировой войны их уничтожили новые жители Каллиярве. Об этом она напишет в своей книге. Да, там что-то было, для нее несущественное. Но самые важные документы она всегда хранила подле себя. Не раз после войны приезжали в Лондон из СССР разные люди, которые просили передать для музеев что-либо из ее горьковских материалов. Обычно она отвечала, что у нее ничего нет. Несколько раз всё же уступила особенно настойчивым и кое-что им вручила. Сегодня наступила минута прощания.

Мура стала медленно перебирать папки. Иногда останавливалась на каком-то листке, перечитывала его. Вспоминала. Письма, документы, газетные вырезки. Черновые наброски. Записки. Молчаливые свидетели того, как ликовала и страдала мятущаяся душа великого писателя Максима Горького. Бесценный клад, за счет которого предприимчивый человек мог бы безбедно прожить много-много лет.

Нет, эти свидетели никогда не заговорят. В конце концов, кому какое дело до того, что чувствовали два таких разных существа, постоянно стремившиеся друг к другу — и отбрасываемые друг от друга людьми и обстоятельствами? Это было их счастье и их боль. И пусть эти пожелтевшие бумажки, эти безмолвные спутники его жизни уйдут в небытие, чтобы никто никогда не смог всеу трепать имя большого и сложного человека.

Она знала, что делать. Огонь разгорался медленно, потом языки пламени побежали быстрее, взметнулись вверх и заплясали в замысловатом танце. С юных лет до своего трагического конца Алексей любил костры. Она долго стояла и смотрела, как стораает, скручиваясь в черные рассыпающиеся жгуты, ее прошлое, ее жизнь. Пока не догорело последнее слово.

Через два месяца ее не стало.

Геннадий Брук
ТУШЕНОШИ И
ШЕМЯКИН, ВЫСОЦКИЙ, СУТИН

ТУШЕНОШИ

*Посвящается другу, Михаилу Шемякину.
В. Высоцкий*

*И кто вы суть? Безликие кликуши?
Куда грядете — в Мекку ли, в Мессины?
Модели ли влачите к Монпарнасу?
Кровавы ваши спины, словно туши,
И туши — как ободранные спины, —
И ребра в ребра — и нету спасу.*

*Ударил ток, скотину оглоуша,
Обмякла плоть на плоскости картины
И тяжело пала мяснику на плечи.
На ум, на кисть творцу попала туша —
И дюжие согбенные детины,
Вершачие дела нечеловечьи.*

*Кончал палач — дела его ужасны,
А дальше те, кто гаже, ниже, плоше
Таскали жертвы после гильотины:
Безглазны, безголовы и безгласны
И, кажется, бессутны тушеноши,
Как бы катками вмяты в суть картины.*

*Так кто вы суть, загубленные души?
Куда спешите, полубразины?
Вас не разъять — едины обе массы.
Суть Сутина* — «Спасите наши туши!»
Вы ляжете, заколотые в спины,
И Урка слижет с лиц у вас гримасу.*

*Слезу слизнет, и слизь, и лимфу с кровью
Соленую — людскую и коровью,
И станут пепла чище, пыли суше
Кентавры или человекопуши.*

*Я — ротозей, но вот не сплю ночами —
В глаза бы вам взглянуть из-за картины!..
Нейметя мне, шуту и лоботрясу, —*

*Сдается мне — хлестали вас бичами,
Вы крест несли и ободрали спины.
И ребра в ребра вам — и нету спасу.*

М. Шемякин. Из серии «Тушеноши»

«Тушеноши» — одно из самых сложных стихотворений Высоцкого.

Когда-то **М. Дейч*** (1) плеснув своё ведро грязи на творчество поэта, сказал: *«Содержание его песен слишком примитивно: чтобы внимать ему, не требуется ни знаний, ни активной работы мысли, ни душевного напряжения»*. Что ж, этот бред опровергается и сколько-нибудь серьёзным знакомством с поэзией Высоцкого, и действительностью, и современной критикой. В частности, стихотворение «Тушеноши», ставит перед нами множество вопросов и *требует как некоторых знаний, так и активной работы мысли*, вызывая чувство огромного *душевного напряжения*.

Говоря о Высоцком, чаще цитируют его песни, и это заслуженно: поющие стихи Высоцкого основаны на высоком уровне поэтического текста, усиленного неповторимым голосом поэта, его артистическим мастерством и музыкальным сопровождением. Но песнями не исчерпывается весь диапазон созданного Высоцким. У него есть и проза, в которой, к сожалению, не успел развернуться весь его талант. И есть стихи, о которых поэт с гордостью говорил: «Это не поётся, это читается». Причина гордости понятна: многие современники за песнями не смогли в полной мере разглядеть поэтический талант Владимира Высоцкого.

Существует некоторое принципиальное различие между песенной и «чистой» поэзией. Ведь песня воспринимается «на слух», поэтому там относительно редко можно видеть глубокие поэтические достоинства — всё должно быть схвачено сразу, разве что припев повторяется несколько раз. Кроме собственно стихов, на слушателя песни влияет музыкальное сопровождение, голос и мастерство исполнителя. А в читаемые стихи обычно погружаются наедине с книгой, строку или строфу можно перечитать несколько раз, попробовать поиграть внутренней мелодикой стиха. И «настоящие» поэты относятся к песенникам свысока, считая их поэзию упрощённой.

Для тех, кто не знаком с настроениями, сложившимися в литературных кругах России вокруг поэзии Высоцкого, приведу несколько характерных примеров.

Рассказывает С. Гарагуля* (2): *«Однажды Высоцкий попросил Поженина* (3) дать ему рекомендацию [для принятия в Союз писателей СССР — Г.Б.], и я помню их разговор, который мне очень не понравился. Поженин сказал ему примерно следующее: "Володя, я, конечно, могу дать тебе рекомендацию, но о чём ты говоришь, какой же ты поэт?! Ну, песенник ты, бард, если хочешь так называться, но не поэт ты. Пушкин — это поэт!" (4)*

Журналист Н. Володько вспоминает разговор с Евтушенко: *«... И вот я обратился с вопросом:*

— Как вы относитесь к творчеству поэта Высоцкого?

Он ответил:

— Я такого поэта не знаю!» (5)

Вспоминает вдова поэта Роберта Рождественского Алла КИРЕЕВА (6):

*"Роберту очень тяжело дался этот сборник [имеется в виду первый на родине Высоцкого сборник его стихов «Нерв», над посмертным изданием которого работал Рождественский — Г.Б.]. Он все время мучился и сомневался. "Не могу!" — говорил. — Начинаю читать его стихи и пою. Не идет без музыки!"» — т.е. и поэт Рождественский воспринимал произведения Высоцкого, прежде всего, как «песни». Продолжает А. Киреева (там же): *«Евтушенко считал первым поэтом себя, Вознесенский — себя, а их обскакал Высоцкий, которого они вообще НИКЕМ НЕ СЧИТАЛИ [выделено мной — Г.Б.]»**

На таком фоне понятно особое отношение Высоцкого к своим непоющим стихам, где можно было показать поэзию в чистом виде, без «обвинения» в вокальных и гитарных украшениях.

Чтобы лучше понять стихотворение «Тушеноши», необходимо познакомиться с историей его рождения.

Рассказывает М. Шемякин: *«Мне посчастливилось застать живым "Чрево Парижа"... [парижский городской рынок — Г.Б.] Эмиль Золя, в романе «Чрево Парижа» как бы воскрешает раблезианские моменты в описании средоточия жизни Парижа, знаменитого Ле Аля. Ле Аль сосредоточил в себе все. Здесь была кровь, здесь переливались всеми цветами радуги овощи, фрукты, окровавленные туши, шкуры дичи, и пестрело оперение фазанов, уток, гусей и лебедей. Громадные тушенopodobные мясники носились по Чреву, взвалив на себя многопудовые мясные глыбы. Я провел там год, выходя в двенадцать часов ночи и возвращаясь с него в восемь утра, запечатлевая его в фотографиях и рисунках... Больше всего меня интересовали тушеноши. Эти люди-гиганты, с легкостью взваливающие на себя четырехсоткилограммовую тушу, эти парижские силачи — воплощение силы и какой-то чудовищной грации. Они единственные, которым доверялось нести тело усопшего короля до усыпальницы Сан-Дени, ныне место, которое хорошо известно любителям поглазеть или воспользоваться услугами проституток...: «В выставке «Чрево Парижа и фантомы Ле Аля» я постарался создать свой гимн труду тушеноши и показать круговорот единства жизни и смерти, смех радости и оскал смерти.*

...Серия литографий "Чрево Парижа", 15 листов, принесшая Михаилу Шемякину европейскую известность, создана им в 1976 году, этой серии В. Высоцкий посвятил стихотворение "Тушиноши", опубликовано в альбоме «Чрево Парижа», 1977 (7)

Думаю, что из всего разнообразия типажей «Чрева», именно тушеноши привлекли острое внимание Шемякина потому, что сочетание силы и крови всегда вызывает особую реакцию наблюдателя, оживляя гнездящееся глубоко в генетической памяти представление об охотнике и жертве, об агрессии и опасности. Повышается уровень адреналина и психическое напряжение, возникает сердцебиение, подскакивает артериальное давление.

М. Шемякин, Чрево Парижа

Кровь не может остаться незамеченной. Ясно, что фигуры разносчиков овощей, на фоне какой-нибудь горы капустных кочанов, не вызовут столь сильных эмоций, как вид окровавленных туш.

К предшественникам Шемякина в изображении бычьих туш не стоит причислять многочисленных авторов натюрмортов — другой жанр, но надо назвать Хаима Сутина, недаром же Высоцкий посвятил ему целую строку в своём стихотворении.

Конечно, большой художник не станет повторять созданное другими, и, в отличие от предшественников, Шемякин сосредоточился не на крови убитых животных, как, скажем, Сутин, а на личности странных людей, сделавших переноску кровавых туш своей работой, повседневной жизнью. Такое занятие не может не отразиться на характере и самоощущении. А в словесную форму образы «тушенош» блестяще облёк гениальный поэт Высоцкий. Кстати, на мой взгляд, Высоцкий уделил «кровоавости» работы тушенош больше внимания чем автор литографий. Думаю, что важную роль в этом сыграло знакомство поэта с картинами Сутина. А с творчеством Сутина он познакомился у Шемякина, см. ниже.

Рассказывает М. Шемякин: «... У меня дома, за моим столом. Володя написал... это не песня, это баллада — "Тушеноши". В то время я был в Нью-Йорке, там снимали фильм обо мне, и Володя позвонил мне в отель, А я только что закончил серию "Чрево Парижа"... "Миша. я потрясен! Сиж у тебя целый день, просматриваю все — и пишу, Каждое четверостишие буду читать тебе по телефону. Ты не спишь?" — "Я тоже не сплю, Буду рад..."»

И вот каждое четверостишие [оговорка: в «Тушеношах только одно четверостишие, остальные строфы оформлены в шестистишия — Г.Б.] *он читал мне*

из Парижа в Нью-Йорк по телефону. Так что "Тушеноши" — это было написано ночью у меня в мастерской» (8)

Суть Сутина — «Спасите наши туши!»

Не раз, перечитывая «Тушенош», я задумывался над некоторыми строчками, в первую очередь над выделенной, а от товарищей слышал вопросы и по деталям, где мне, поначалу, всё казалось достаточно понятными. Но, очевидно, не всё и не всем. Так что придётся рассмотреть почти каждую строчку и образ, обсудив все возможные варианты понимания, в том числе остановиться и на маловероятных, и субъективных.

Сразу отмечаю, что ни в серии литографий Шемякина, ни в стихотворении Высоцкого «гимна труду тушенош, и смеха радости...», в силу своего восприятия, я не заметил. Отсюда не следует, что другие созерцатели литографий и читатели «Тушенош» тоже их не увидят, а вот «круговорот единства жизни и смерти, и оскал смерти», выражен явно, притом у Сутина и у Высоцкого на мой субъективный взгляд — отчётливее, чем у Шемякина (если оценивать только то, что изображено на литографиях — см. ниже).

Может показаться удивительным, но в некоторых строках поэмы заметно и сочувствие к людям «нечеловечьей» профессии.

Следует обсудить особый взгляд, не раз высказывавшийся собеседниками в личных обсуждениях картин Шемякина и стихотворений Высоцкого. Некоторые усматривают в кровавости сюжета отголоски страшных лет истории страны: ВОВ, сталинских репрессий, ГУЛАГа. Упомяну, в частности В. Попова (Архангельск), широко известного в кругах исследователей творчества Высоцкого. Можно думать о чисто личных ассоциациях конкретных лиц, основанных на их собственных жизненных впечатлениях. Но вспомним Высоцкого: *«Если вы это увидели, значит это там есть»*. Да, они увидели.

Эти трагедии не прорисованы явно в сюжетах конкретных литографий и ни словом не упомянуты ни в рассказе Шемякина о создании серии, ни в стихотворении Высоцкого. А дают ли повод для таких ассоциаций сведения о биографиях и творчестве авторов?

М. Шемякин (1943 г.р.) войны не знал, но в послевоенный период военные впечатления живо отражались в разговорах старшего поколения. Несколько позже стали известны данные о неоправданных военных потерях, что усилило скорбь о миллионах погибших и поставило вопрос «кто виноват?» и в т.ч. нашло отражение в литературе. Вспомним, хотя бы Галича:

*Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота
Без толку, зазря...*

(«Ошибка» — Мы похоронены где-то под Нарвой...1962)

Что же касается репрессий, то, как написал Высоцкий, *«... нас хотя расстрелы не косили,...»* («Я никогда не верил в миражи...»), — но выставки Шемякина арестовывались и работы конфисковывались. А инициатором преследования зачастую являлись не правоохранительные органы, а Союз художников СССР. И «преlestи» карательной психиатрии художнику довелось испытать на себе в виде принудительного лечения в городской психиатрической больнице №3 им. Скворцова-Степанова. Надо учесть также его религиозный опыт: работал над поисками новых форм

в иконописи, «послушничал» в Псково-Печерском монастыре. Следовательно, Шемякину хорошо известен язык библейской притчи, когда за бытовой историей скрывается куда более глубокий смысл. Да и приёмы символизма и аллегории органически свойственны многим его работам, что вполне оправдывает попытки найти черную кошку даже в тёмной комнате, исходя из ощущения, что она там есть.

Как сталинские репрессии и война отразились в творчестве и повлияли на мировоззрение Высоцкого хорошо известно: вспомним напр. «Баньку по-белому», «Штрафные батальоны», да и весь цикл военных песен.

А дальше, при анализе работ, допустим и «фрейдовскую оговорку», когда, всплывая из подсознания, в произведение порой вкрадывается или прорывается больше, чем осознанно хотел показать автор. Следовательно, расширительное понимание «Тушенош» имеет полное право на жизнь, независимо от того, задумывался ли такой эффект автором.

Теперь о конкретных словах и образах.

Рассмотрим первую строку: *«И кто вы суть? Безликие кликуши?»*

Не удивительно ли, что стихотворение начинается с вопроса о «сути» героев, ещё до рассказа о них? Дело, конечно, в том, что произведение написано Высоцким после знакомства с литографиями Шемякина, под впечатлением от серии и, соответственно, предполагается, что и читатель ознакомился с репродукциями, что они стоят перед его глазами.

Поражает загадочность, «суть» характера и психики тех, кто выбрал содержанием своей жизни, работу с кровавым «материалом». Простой, среднестатистический человек не сделает такой выбор, что и привлекло к тушеношам внимание художника и поразило поэта. Отсюда изумление: «Кто вы..?»

Вторая половина строки: *«...Безликие кликуши?»* С «безликостью людей, весь день и изо дня в день выполняющих тяжёлую механическую работу с кровавым «материалом», всё ясно. На это делается упор и в произведениях художника, и в поэме Высоцкого. Ниже тушеноши названы ещё и безгласными.

Но почему «кликуши»? Поэт, безусловно знал смысл этого слова.

Вспомним: *«Терпенье, психопаты и кликуши!»* (В. Высоцкий Кто кончил жизнь трагически...1971). *«Вокруг меня кликуши голосили: // "В Париже мотает..."* (В. Высоцкий Мой чёрный человек)

«Кликушами» называются припадочные истерички, заходящиеся в крике. В литературе, с её образностью и метафоричностью, возможно и другое применение термина. Так можно назвать обыкновенных скандалистов. Иногда «кликушеством» называют выступления митингующих политических деятелей. Пожалуй, «кликушами» можно назвать кого-то вроде шаманов, древнеримских весталок или новоявленных святых и спасителей, пророчествующих в болезненном экстазе. Но уж никак не назовёшь «кликушами» безгласных роботов, описанных в стихотворении Высоцкого и в серии картин Шемякина.

А может быть, кликуши попали в строку только для рифмы к «тушам»? Не думаю: случайные рифмы — это очень непохоже на поэзию Высоцкого, где каждое слово несёт полноценную смысловую нагрузку.

А может быть, имелось в виду, что эти люди подавили в себе когда-то бурную «истеричку души», возникшую при первом соприкосновении с горой дымящегося мяса, ещё минуты назад бывшего живым существом? От себя, окажись я на их месте, иной реакции представить не могу.

А может быть имелись в виду те полукрики-полустоны, которые вырываются из самого «нутра» человека, взваливающего на себя непомерную тяжесть? Да если ещё при этом и «рёбра в рёбра»?

Конечно, сам поэт рядом не стоял, этих вскриков не слышал, но ведь он и на войне не был, а как описал! Впрочем, он, вероятно, наблюдал за работой штангистов — сходная специфика (вспомним: Высоцкий, *«Как спорт, поднять тяжестей не ново...»*)

А может быть, как предположил В.Бакин, автор многократно переизданной книги «Высоцкий без мифов и легенд», что мясники с неподъёмным, «негабаритным» и кровавым грузом должны были непрерывно предупреждать рыночную толпу окликами, вроде: «Посторонись! Дорогу!» — отсюда и «кликуши». Последние две взаимно не исключают версии представляются наиболее вероятными, хотя кричащих носильщиков хотелось бы назвать «крикунами», а не «безгласными». Или «безгласность» характеризует только их молчание во время убийства животных?

Вторая строка: *«Куда глядете — в Мекку ли...»*

Понятно, что поток окровавленных мясных туш, текущий в одном направлении, вызвал у поэта ассоциацию с жертвоприношениями высшему божеству. Но почему именно исламская святыня упомянута поэтом?

Здесь он мог бы вспомнить и о язычестве (а может и вспомнил? См. ниже), хоть языческие боги и фетиши в XX веке непопулярны и не влияют на судьбы мира.

Христианство для подобных ассоциаций не подходит, Учение построено на единой, судьбоносной жертве — самопожертвовании Иисуса. Бесчисленные множества художников, безмянных и прославленных, иконописцев и светских мастеров, изображали распятия в своём творчестве. Но от других жертвоприношений христианский мир отказался.

В иудаизме жертвоприношения прекратились 2000 лет назад, после разрушения Храма. Правда, сохраняется обычай «капора», ритуального забоя петуха (или курицы) в связи с «Судным днём», точнее — «Днём искупления», но формально этот процесс не считается жертвоприношением. Да и сам объект мелок, и действо далеко не так масштабно и живописно, чтобы вдохновить художника (о Сутине — потом), К тому же, курицу нередко заменяют скромными денежными взносами в синагогу, а в некоей притче описана «капора» в виде сжигания тетрадей, в которые набожный иудей заносил свои добрые дела и прегрешения в течение года — явно не то, что описано в тушеносах.

То ли дело ислам! Есть «Праздник жертвоприношения» (Курбан-байрам, Ид аль-Адха) Многие миллионы жертв, от баранов до верблюдов, реки крови! И хоть забой происходит не только в Мекке, а везде, где присутствуют «правверные», но всё — во имя Аллаха, символом которого является на земле Мекка! Какие ещё святилища можно назвать, глядя на поток окровавленных туш?

А если припомнить непрерывное кровопролитие в нынешней исламистской практике, то за поэтом надо признать и дар предвидения.

Второй возможный адресат жертвоприношений — упомянутые в этой строке Мессины.

Существует мнение, что Высоцкий здесь просто ошибся, написал «Мессины» вместо «Медина» (Высоцкий В. Не кричи нежных слов, не кричи... [стихотворения] / Владимир Высоцкий; [сост. и коммент. П. Фокина; подгот. текста С. Жильцова]. СПб. — Амфора, 2012. С.41).

Остаётся ли место для сомнений? Что можно сказать о предполагаемой Медине? Конечно, это второй святой город ислама, место захоронения Пророка. Но жертвы приносятся во славу Аллаха, а не Мохаммеда и отдельное упоминание о Медине в связи с жертвоприношением, смысла не имеет. Противопоставления «в Мекку ли, в Медину», как этого требует частица «ли», в исламе просто не может быть! Ср. с нелепостью: Господу или Иисусу? Вспомним ещё: каждая созданная строфа тут же предлагалась на суд друга и автора литографий, вдохновивших поэта, и не вызвала у Шемякина сомнений и возражений.

А что Мессины? Никакого сравнения с значением Медины (не названной, а предполагаемой сторонниками ошибки), итальянский город Мессины не выдерживает. Но всё же, как — никак, «ворота в Сицилию». Как почти в любом городе Италии, в Мессинах находятся многочисленные храмы и церкви. В городе есть площадь «Русских моряков» и памятник, установленный в увековечение их самоотверженности при спасении населения Мессин при землетрясении 1908 года с большим количеством жертв. Но как это можно связать с «тушеношами»? Не думаю, что за словом «жертвы», которые в исходном смысле приносятся «кому-то» или «во имя чего-то», в сообщениях о землетрясении стоит нечто иное, чем журналистский штамп, применяемый вместо слова «погибшие»

Теперь обратимся к мифам. Как известно, вход в Мессинский пролив охраняли роковые Сцилла и Харибда. Жертвоприношений от жителей Мессины они не требовали, им хватало(?) добычи в виде проплывавших между ними кораблей с экипажами. Однако обманули же их аргонавты, пустив впереди себя голубей! А чем хуже бычьих туши? Может быть поток таких жертв и обеспечивает нынешний беспрепятственный проход кораблей к Мессине? Представьте: «Свежая говядина прямо из Парижа!» Какая Сцилла устоит? Не очень убедительно, но фантазия поэтов безгранична, так что не будем поправлять автора, тем более, что явным гомеровским духом веет от поэтического стиля «Тушенош» и напоминание о Сцилле и Харибде тоже пришлось бы кстати, а эта строчка может напоминать о языческих жертвоприношениях. Так что оставим Мессины на месте, хоть и под «подозрением».

«Модели ли влачите к Монпарнасу?»

Монпарнас — богемный район Парижа, холм Парнас, так сказать, местная обитель муз. Там находился и «Улей» — приют и мастерские бедных художников, а многие из них стали потом знаменитостями. Это известно всем. Менее известно, что среди них был и упомянутый здесь Хаим Сутин. Неподалеку размещался тот самый рынок «Чрево Парижа», со скотобойней, где происходили забой и разделка скота и трудились тушеноши, запечатлённые на литографиях Шемякина и ставшие героями поэмы Высоцкого. А с крыши «Улья», за несколько десятков лет до Шемякина, за скотобойней с болезненным интересом наблюдал Сутин. Он видел, как **«работники волокут упирающихся животных в некое помещение, откуда затем выносят огромные кровавые туши...»** (10). Так зарождалась тема бычьих туш.

Следующие строки, казалось бы, пояснений не требуют.

«Ударил ток, скотину оглоуша, //Обмякла плоть на плоскости картины //И тяжело пала мясицу на плечи...» — технология убийства, вид и, отчасти, ощущение тушенош переданы поэтом так, что трудно отделить переход от действительности к её отображению.

«На ум, на кисть творцу попала туша — //И дюжие согбенные детины, //Вершание дела нечеловечьи.» Тут противопоставление художника-творца

предыдущим строкам об убийстве животных, тот самый «круговорот единства жизни и смерти» по Шемякину. Теперь жертва и «тушеноши» начали новую жизнь, на картине. Сравним: «...конец мой — ещё не конец: // Конец — это чьё-то начало». («Сыновья уходят в бой» — Владимир Высоцкий, 1969)

«Кончал палач — дела его ужасны,.. //А дальше те, кто гаже, ниже, плоше // Таскали жертвы после гильотины:...»

Не правда ли, никак не «гимн труду тушенош» в этих строках поэмы? Они, «те», конечно ничуть не лучше *«палача»* — дело-то общее, но будучи соучастниками, избегают прямой ответственности за убийства, перекладывая неизбежное на других, а налетают как стервятники на труп, раздирают и растаскивают добычу по кускам. На картинах Шемякина тени «человекотуш» иногда явно напоминают стервятников, птиц-падальщиков. Мрачная картина.

Таскали жертвы

И всё же, вспомним: **«Вы егерей за кровожадность не пинайте, //Вы охотников носите на руках, — //Любим мы кабанье мясо в карбонате, // Обождем кабанов в окочках».** (Высоцкий, «Охота на кабанов». 1969). Тот, кто ест мясо, не имеет права презирать мясников и кое-где в строках просматривается человеческое сочувствие к «бессутным» тушеношам с «ободранными спинами», которые выполняют кровавую работу на потребу мясоедам.

И тащат тушу за тушей люди в кровавых одеждах. Не видно отдельных тел, только «человекотуши» под центнерами кровавого мяса. Мы не видим человеческих лиц и так же скрыт их внутренний мир: **«Безглазны, безголовы и безгласны //И, кажется, бессутны тушеноши, // Как бы катками вмяты в суть картины»**, — т.е., перед нами не просто рисунок на плоскости, а сама искалеченная, раздавленная жизнь, почти инсталляция, на полотне. Сравним с впечатлением скульптора Липшица (11) от картин Сутина: **«Слушай, Сутин, насмотревшись на твою живопись, я могу лепить вслед за тобой...»** (12) — настолько объёмными выглядели образы на картинах. Имя Сутина ещё не названо, но Высоцкий-то был знаком с его работами и впечатление от них, мне кажется, накладывалось на восприятие поэтом линографий Шемякина.

«Так кто вы суть, загубленные души?» — о каких загубленных душах идёт речь здесь?

«...Куда спешите, полуобразины? // Вас не раззать — едины обе массы...», и ниже: *«Кентавры или человекотуши»*. Да, на картине они слились, туша и человек, но ведь человек не животное, а убийца не жертва. Поэтому убийство быков — лишение их физической жизни, а мясники, бесстрастно сочувствующие в бесчисленных убийствах, загубили свои человеческие души. И осуждение и жалость слышны в этих строках.

В товарищеском обсуждении темы Фаина М. высказалась в пользу аллегорического, пригичевого, понимания произведений и художника, и поэта. У неё возникла устойчивая ассоциация кровавого сюжета «тушенош» с военной бойней или, скорее, со сталинскими репрессиями, а тушенош с теми, кто запятнал себя предательством, оговором, доносам. В таком случае кровавая ноша это не что иное, как грех тяжкого предательства. Оно губит не только преданного человека, но давит и на предателя всё жизнь, кровавым грузом висит у него за спиной, идёт за ним по пятам, и губит душу. Учитывая религиозную составляющую биографии Шемякина и насыщенность творчества Высоцкого религиозными образами, упоминание о загубленной душе вполне закономерно.

Тогда жалость и некоторое сочувствие к грешникам можно понять если вспомнить, что оговоры чаще были не добровольными, а вырванными у человека тогдашними вершителями судеб. Надо признать: очень смелая и оригинальная трактовка.

Позволю себе процитировать слова другого поэта, сказанные по иному поводу, но тем более подчёркивающие вневременную тему трагедии России:

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России -
Забить не в силах ничего.*

А. Блок. поев. З.Гиппиус, (1914)

И отклик Высоцкого

Мы тоже дети страшных лет России...
(Я никогда не верил в миражи... (1979 или 1980).

«Суть Сутина — «Спасите наши туши!» — эту строку я выделяю особо, т.к. именно она, как самая загадочная, первой вызвала у меня потребность глубже разобраться в её смысле.

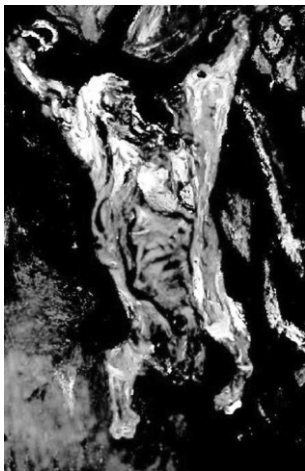
Продолжаю цитирование интервью Шемякина (см. выше): *«Он [Высоцкий — Г.Б.], в общем, не понимал в изобразительном искусстве, но чувствовал нутром... Я однажды показал ему моего любимого художника — Павла [оговорка Шемякина или опечатка интервьюера, правильно — Хаима — Г.Б.] Сутина. Он говорит: "А что это такое страшное? Эти куски мяса кровавые? Но как здорово! — Это наш соотечественник, великий художник — Сутин.*

Теперь понятно, откуда имя художника появилось в стихотворении. Но остановимся детальнее на вопросе: почему в таком контексте?

На первый взгляд, фраза подозрительно похожа на каламбур, где в стандартной формуле «Спасите наши души!», поэт заменил «души» на «туши», поскольку здесь фигурируют быки. Да и первую половину фразы *«Суть Сутина»*

легко принять за попытку поиграть словами. Но два каламбура в одной строке — слишком дешёвый, «неввысоцкий» приём. И почему, всё-таки, *«спасите»*?

Надо сказать, что от полного или частичного цитирования этой строки не удержалось несколько авторов статей о Сутине. Именно так назвала, свою обширную интернет-публикацию Тина Гай (13). Но эта фраза остаётся только красивым заголовком статьи, а в тексте автор к ней не возвращается.

Сутин. Туша

Другой автор, под ником albig, после цитирования ключевого для понимания этой строки воспоминания Сутина, к сожалению, небрежно отмахивается от существеннейшего момента и, без объяснений, переходит к цитированию стихотворения Высоцкого.

«Натюрморты... Подле его [Сутина — Г.Б.] цветов я стоял долго. Его кровавые полотна я просто проскочил.

Х. Сутин: «Однажды я видел, как мясник местечка перерезал горло гусю и выпустил ему кровь. Я хотел кричать, но не мог — веселый вид этого мясника словно парализовал меня... Этот крик остался во мне до сих пор. Когда я был маленьким, чтобы освободиться от этого крика, я неумело рисовал портрет моего учителя... И позже я писал бычьи туши, чтобы этот крик вышел из меня. Но он все еще во мне»... А я [т.е. albig — Г.Б.] этот крик не принял и не захотел принять. И суть не в том — прав я или нет. Просто мой порог восприятия красного, наверно, много ниже.

А вот В. Высоцкого серия «Чрево» потрясла...» (14)

И дальше albig полностью цитирует «Тушенош», посвящённых... литографиям Шемякина, не объясняя или не замечая подмены темы.

«Проскочить» то, что так болезненно стремился выразить художник и после этого рассуждать о его творчестве? Этого понять невозможно, но именно этим странным «проскоком» объясняется, что автор оторвал исповедальное воспоминание Сутина от строки в «Тушеношах» Высоцкого.

Итак, возвращаемся к процитированному выше рассказу Хаима Сутина о потрясении, испытанном в детстве, при убийстве гуся). Тот же эпизод, с незначительными вариациями в деталях, описан ещё в нескольких статьях, в т.ч.: Бориса Э. Альтшулера (12).

Давно известен предложенный Фрейдом способ освобождения от психически травмирующей ситуации: высказаться, перевести её из подсознания в сознание. Художник, кстати скажу, с выраженными признаками аутизма, высказывался не словами, а картинками. Но кошмар не уходил и требовал возвращения к теме: *«И позже я писал бычьи туши, чтобы этот крик вышел из меня. Но он все еще во мне».*

Считаю необходимым привести ещё одну обширную вставку: *«...Кричат многие полотна Хаима Сутина, раскрывая вовсе не радостные проявления жестокости и трагической жизни... Разве не последний предсмертный крик зарезанной курицы слышен в работе "Курица и помидоры" (1925 г.)? Живописная экспрессия, подчеркнутая крупными мазками и оригинальной композицией, потрясает в картине "Голова и тело коня" (1923 г.). Мы опять-таки почти физически видим и чувствуем предсмертные судороги убиваемой лошади — то, что до Сутина было непередаваемо в этом жанре. Его работа "Олень на красном фоне" (1924 г.) снова вызывает поэтические ассоциации, вспоминаются строки замечательного белорусского поэта Алексея Пысина: "Дайте моему оленю жить под веткой доброты" [Пысин, Алексей Васильевич. Есть на свете мой олень : стихи : пер. с белорус. — Москва : Советский писатель, 1983 . — 112 с. — На рус. яз. — Г.Б.]*

В многочисленных картинах Хаима Сутина, где натурой являются разделанные туши мяса, убитые зайцы, курицы, индюки, звучит явно полемический протест... Хаим Сутин видит изначальный трагизм, заложенный во всем живом и сущем...» (15).

В своём стихотворении Высоцкий перевёл душевный протест художника на язык поэзии: *«Суть Сутина — «Спасите наши туши!»* — т.е. не дайте превратиться ничему живому в гору мяса. В отличие от классических натюрмортов с мясом и дичью, написанных на радость гурманам, натюрморты Сутина вызывают боль.

С годами, красный цвет стал доминантным в творчестве художника, символизируя кровь и зов о помощи.

Снова выражаю своё восхищение поэтом: Высоцкий мгновенно уловил основную суть творчества Сутина и выразил блестящей строчкой в своём стихотворении, хоть и посвященном другому художнику. **Так три мастера сошлись в одной строке.**

Подробнее о Сутине, удивительном художнике с необыкновенной и трагической судьбой, о параллелях и антагонизме в его творчестве с «Чревом Парижа» Шемякина см. во второй части статьи.

А сейчас продолжаю по тексту Высоцкого.

«Вы ляжете, заколотые в спины...» (ср. выше «...ободранные спины, — //И ребра в ребра...»)

«И Урка слижет с лиц у вас гримасу.

Слезу слизнет, и слизь, и лимфу с кровью

Соленую — людскую и коровью,

И станут пепла чище, пыли суше

Кентавры или человекотуши».

Урка — это, как известно, собака Шемякина.

Собеседница по этой теме, доктор Е.М., искренне, глубоко верующая, высказала предположение, что здесь описывается ситуация смерти тушеноши и связанного с ней успокоения.

Что ж, такое мнение вполне имеет право на существование. Возможно, «заколотый в спину» гибнет от того, что торчащее ребро туши, подобно кинжалу, пронзило спину тушеноши. А преданная собака по-своему, по-собачьи, попрощалась с хозяином и проводила его в последний путь.

Но, несмотря на страшное «заколотые в спины», представляется необходимым рассмотреть и другую версию. Вовсе не обязательно «заколотые» — значит убитые. Возможно, это синоним слова «исколотые» — кто не слышал от больного, измученного множеством инъекций, просторечное выражение: «Совсем ЗАКОЛОЛИ, не дотронуться!». И вот, со ссадинами и ранами, до непроходящей боли или одеревенения натруженной спины, трудяга сбрасывает одежду, взмокшую от пота, крови, бычьей, но, отчасти и своей из кровоточащих ссадин. Приходит домой, и превращается в обычного человека, в сентиментального обитателя другого, домашнего, мира, с любящей собачкой, и, наверно, хорошего семьянина. И собака: прыгает навстречу любимому хозяину и лизнув его в лицо, смывает заботы, раздражение, усталость, вызывая светлую улыбку. Сколько таких умильных рассказов мы слышали про «вершителей дел нечеловечьих» на работе и «моего самого лучшего папу» — дома!

Метафизический Урка

В заключительной части произведения автор снова возвращается к загадке человекоуш. Если в начале и в середине стихотворения он обращается с вопросами прямо к ним, соответственно: *«И кто вы суть? Безликие кликуши?»*, и *«Так кто вы суть, загубленные души?»*, то в третий раз — с позиций стороннего наблюдателя (ротозея), человека богемы, не знакомого с тяжёлым трудом (шута, т.е. актёра, и лоботряса): *«В глаза бы вам взглянуть»*, — что там? Безмятежность честного труженика, которого ждут дом и семья? Или жестокость «вершителя дел нечеловечьих»? А может быть, страх приговорённого перед неизбежным страшным концом? А может, раскаяние убийцы, осознавшего свою вину?

Эту деталь — возвращение в «Тушеношах» к одному образу, но с разных позиций — отмечает и Ю. Шатин (16)

«...обращение к евангельскому мотиву распятия [при втором обращении — Г.Б.]. Кольцевая композиция "Тушеноши" обеспечивает превращение рассказа о мясобойне в рассказ о распятии. Если в начале текста речь бесспорно идет о скотине —

*И ребра в ребра Вам, и мясо к мясу.
Ударил ток, скотину оглоуша, —
то в финале мы уже видим нечто совсем иное:
Вы крест несли и ободрали спины,
И ребра в ребра Вам — и нету спасу.»*

Так что скрывается за последними двумя строчками, в которых Шатин обнаружил евангельский мотив?

Конечно, проще всего было бы понять упоминание о кресте в духе обыденного: «Нести мне свой крест до самой пенсии/до могилы», что доводится услышать по поводу любой тяжёлой работы. И первое «нету спасу» вполне соответствует тяжёлой, неприятной работе. Но такое завершение поэмы слишком уж просто для столь сложного и величественного произведения как «Тушеноши», написанного в античном или, как было сказано, в евангельском духе.

Среди литографий Шемякина, можно усмотреть намёк на распятие. С учётом его послушнического опыта и поисков в иконописи, ассоциация с распятием нас не удивит. Произведениям самого Высоцкого упоминание о распятии тоже вполне соответствует. «*А в 33 — Христу. Он был поэт, он говорил: // Да не убий. Убьешь — везде найду, мол, // Но — гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,...*» (О поэтах и кликушах, 1971)

Тушеноши

Со стороны Шемякина, намёк на распятие — естественный способ напомнить нам о мучении животных. Но Высоцкий, переключил наше внимание на тушенош. Как уже было отмечено, поэт увидел и почувствовал не только то, что нарисовано художником. В воображении Высоцкого возникли голые, в кровь исцарапанные спины тушенош, а сакральность темы «кровь и смерть» будоражит воображение и ведёт к ассоциациям: исцарапанная спина — бичевание — крест — распятие.

За что казнь?

Самое естественное объяснение, что мясники идут на крест за грех убийства животных. Ведь, согласно Учению: «И сказал Бог: вот, Я дал вам [мужчине и женщине — Г.Б.] всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, зелень травяная в пищу. И стало так» (Бытие, 1:29-31 [в первоисточнике — Берейшит — Вначале — Г.Б.]). Т.е. мясо, по замыслу Господа, не относится к продуктам жизненной необходимости и, соответственно, жить нужно на плодово-овоще-злаковой «диете». А мясоедение требует кровавых жертв ради прихотей желудка, в чём, по сути, виноваты все «мясоеды».

Можно сопоставить крест мясников с изкупительной жертвой Спасителя, пусть во спасение только невегетарианской, впрочем, большей части человечества.

Уподобление мясников Сыну Божьему кажется святотатством, но ведь с самого начала было принято решение рассмотреть в статье все, точнее, наибольшее разнообразие вариантов, толкования слов и образов. Останавливает не в воображаемое святотатство, а то, что к Спасителю неприменимо *«и нету спасу»*.

А обязательно ли связывать распятие только с образом Иисуса? Всегда ли это верно? Вспомним, что после подавления восстания Спартака, все взятые в плен восставшие рабы, около 6000 человек, были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги от Капуи до Рима. Это была обычная для того времени казнь, позорная и мучительная. А на Голгофе Иисус был распят меж двух разбойников.

Можно ли ассоциировать тушенош с убийцами, подвергнутыми страшной казни по римскому образцу? Если убийцы животных, подобно губителям людей, заслуживают сурового наказания, тогда в конце пути — Высший суд, и расплата неотвратима!

Некоторое сочувствие к тушеношам, которое можно уловить в поэме, вполне соответствует русской традиции. Хоть Шемякин почерпнул тему на французском рынке, но по рождению и мировоззрению он россиянин, а на Руси отношение к «лихим людям» основывалось на совсем других устоях. Убийцы и разбойники, конечно, порицались народом, но к уже пойманным, тем более, ведомым на казнь, обычно высказывали сострадание. Арестанты считались «несчастенькими», им охотно подавали милостыню, а раскаяние убийц прославляли в песнях. Вспомним:

*Жили двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр — атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан.*

Но дальше:

*За Кудеяра — разбойника
Будем мы Бога молить.*

Версия с наказанием тушенош как убийц не так красива, как представление об изкупительной жертве, зато теперь всё стаёт на своё место: убивали и соучаствовали в убийствах, заслужили наказание, и не уйти от возмездия.

В завершение раздела риторический вопрос: насколько вероятно, что именно такие мысли и соображения поэт вложил в 34 строчки своей поэмы? Всё ли

то, что предполагалось и обсуждалось на многих страницах данного текста, пришло ему в голову?

У автора уже не спросить. Да и зачем?

Как известно, произведение, если оно затронуло читателей, начинает самостоятельную жизнь, порождает идеи, вопросы, сомнения и домысливается в их умах.

А автор? Его дело — творить. Сколько образов и ассоциаций роилось в голове поэта, вряд ли и он мог точно сказать, но, конечно, немало, потому-то он и гений. Их отображение он высказал на языке поэзии, который куда ёмче языка простого смертного. Поэтому мне и потребовалось столько слов, страниц и вопросительных знаков.

А теперь просто перечитайте поэму Высоцкого ещё раз, или прослушайте её в исполнении Анатолия Тавровского (17)

И отдайтесь музыке стиха и величественности всплывающих за строчками образов и идей.

ХАИМ СУТИН

Вернёмся к интервью Шемякина (8):

ВВ — *А что это такое страшное? Эти куски мяса кровавые? Но как здорово!*

МШ — *Это наш соотечественник, великий художник — Сутин.*

ВВ — *Ты знаешь, Мишка, никогда не видел и не слышал, но как здорово!...*"

Сутин-Автопортрет

Значит надо сказать кое-что о том герое, который просматривался за текстом гораздо чаще, чем в одной строчке стихотворения Высоцкого; об обстоятельствах и окружении, в которых формировался талант гениального художника.

Хаим Сутин (Хаим Соломонович Сутин, фр. Chaim Soutine; 13 января 1893, Смиловичи Минской губернии Российской империи — 9 августа 1943, Париж, Франция) — французский художник «Парижской школы».

Шемякин (см. выше) объяснил Высоцкому, что это «наш соотечественник». Но в советской литературе это имя не встречалось до тех пор, пока не было упомянуто в мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», первое издание которого появилось в 1960 г.

Картин Сутина не было в советских музеях. Только в послеперестроечные годы в русской прессе стали появляться статьи о нём и его творчестве, а картины представляться на выставках. «Автопортрет» Сутина (1916 г.) представлен в Эрмитаже (приобретён в 1997 г.). Два пейзажа в последние годы приобрели музеи Беларуси.

В зарубежной прессе материалы о Сутине публиковались с 1929 г., когда историк искусств Эли Фор, автор пятитомного труда «История искусства», написал первую монографию, посвящённую его творчеству (Elié Faure. Chaim Soutine. G. Grès, 1929)

Сутин

На сегодняшний день в русскоязычной прессе опубликованы многие десятки статей на эту тему, но, к сожалению, значительная часть из них, представляют собой только пересказы и пересказы пересказов нескольких оригинальных источников, при этом, как в игре «испорченный телефон» появляются и множатся ошибки.

С основными данными о жизни Х. Сутина можно ознакомиться по экзотическому документу «Отчет Жильбера Эреба, помощника архивиста Префектуры полиции Лёгэ, Париж, 28 октября 1942 г.» (18). *«В июле 1942 г. по распоряжению, полученному из Берлина, Посольство Германии обратилось к французским властям с просьбой найти художника Хаима Сутина и конфисковать все его работы. Префект полиции Лёгэ поручил комиссару Бюрю вести поиски художника, а также собрать всю информацию о нём в конфиденциальном досье — может быть, это поручение объяснялось желанием понять загадочный интерес нацистов к Сутину. Одни считают, что этот интерес объясняется высокой ценой, которой достигла живопись Сутина, особенно на американском рынке, и желанием продать конфискованные произведения. Другие говорят, что немцы попытались попросту физически уничтожить Сутина-еврея и Сутина-художника во имя нацистской теории о вырожденческом искусстве.*

По неизвестным причинам комиссар Бюрль не передал досье своему начальнику. На первой странице его фигурирует надпись, сделанная красными чернилами: «Сутин скончался 9.08.1943. Передать досье в архив. 10.09.1943».

Если «отчёт Эреба не мистификация (хоть исходный французский текст мне найти не удалось, но кому и зачем может понадобиться такая сомнительная шутка?), то, учитывая военное время и источник запроса, материал следует считать документальным: трудно допустить, что он был приукрашен домыслами. Со ссылкой на данный отчёт или со стыдливым умолчанием об источнике, самые яркие эпизоды, подтверждающие или «перепевающие» данные отчёта, приводятся во многих других статьях.

Содержательная и компактная статья о Сутине опубликована в 1988 году Стэнли Мейстером (19). Из более поздних публикаций назову цитированную выше обширную статью Бориса Э. Альтшулера (11) с библиографией 48 источников. Заслуживают внимания материалы с выставок и аукционов, где описания работ выполнены профессионалами.

Надо особо отметить книгу художницы **Маревны*** (Марии Воробьёвой-Стебельской) *Моя жизнь с художниками «Улья»* (2004). (20) В книге нет последовательного изложения жизни Сутина, но Маревна знала его лично. Причём оба художника были очень дружны, поэтому рассказ Маревны — тёплое свидетельство близкого человека.

Ниже привожу краткое описание жизни художника, сложившееся в результате сопоставления многих материалов, дополненное некоторыми данными о лицах, сыгравших важную роль в жизни Сутина и упомянутых в данном изложении.

Будущий великий художник родился в одной из беднейших семей еврейского местечка Смиловичи, десятым ребёнком (из одиннадцати детей). Отец портной-штопальщик, по некоторым непроверенным версиям он, возможно, подрабатывал синагогальным служкой, совмещая эти, не слишком денежные занятия, что обеспечивало довольно скудное и полуголодное существование большой семьи. Понятно, что в таком семействе дети сызмальства начинали трудиться, стараясь внести хотя бы скромный вклад в общий бюджет. Но Хаим оказался странным исключением: он проявил полную непригодность к «общественно-полезному» труду и незаинтересованность в любом деле кроме рисования. Сначала — угольками на стене, потом украденным у отца портновским мелком, потом — карандашами и красками на бумаге. В просмотренной литературе попадалось ничем не подтверждённое указание, что отец поддерживал увлечение мальчика рисованием, но подавляющее большинство авторов утверждает обратное. *«Ему жилось тяжелее, чем десяти старшим детям [описка, старших детей было 9 и 1 младший/ая — Г.Б.] Он всегда был голоден. Иногда, стянув кусок сахара или варёной картошки, он убежал в лес или в поле, но голод неизбежно заставлял его вернуться домой, где его били за кражу и побег. От недостатка еды он часто болел. Годы недоедания, болезней и плохого обращения сделали его нервным, ранимым, робким и молчаливым, а в семье его считали злобным, вспыльчивым, высокомерным, скрытным и непокорным ребёнком. В школе было не лучше, чем дома, там его тоже били»* (цит. по 20, с.23) Иногда, деньги для своего «хобби» Хаим добывал самым неблагоприятным способом, подворовывая дома мелкие вещи, типа чайных ложек со стола и т.п. за что его тоже неоднократно били отец и старшие дети.

Так с детства формировалось трагическое восприятие жизни в душе художника, что нашло яркое отражение в его творчестве.

Тогда не существовало понятия «аутизм», хотя именно эта психическая особенность объясняет многие «сложные черты характера» ребёнка, а потом и юного художника. *«Его страсть к рисованию поддерживали мать и мудрый добрый деревенский раввин, которые верили в способности этого ребёнка»* (20, с. 25). В 14 лет его отправили в Минск, ретушёром к фотографу, где он стал посещать рисовальный класс Якова Кругера, тогда малоизвестного художника, зарабатывающего частными уроками, а потом ставшего Заслуженным деятелем искусств БССР. В Минске Хаима постигло «еврейское счастье». За то, что он нарисовал раввина, тогда как иудаизм запрещает рисовать людей, тем более портреты, раввинский сын, здоровенный мясник, избил хилого подростка так, что тот попал в больницу. Благочестивый негодяй был вынужден уплатить штраф в 25 рублей. На эти деньги Сутин перебрался в Вильню, где начал учёбу в Виленской рисовальной школе, заведении далеко не рядовом. В 1904 г. школа была признана лучшей из рисовальных школ в России. Основал и возглавлял её академик (выходец из крестьянской семьи) **Иван Петрович Трутнев*** (21). Сутин был принят туда только после переэкзаменовки. Но через три года «перерос» школу и, т.к. путь в Петербургскую академию художеств для евреев был практически закрыт по причине «черты оседлости», перебрался в Париж. Финансировали поездку врач еврейской общины по фамилии Рафелкес и известный меценат и общественный деятель, адвокат Винавер. Не верьте снисходительно-небрежной оценке, повторяющейся в нескольких публикациях: «Юрист считал, что согняя-другая его не разорит, а помощь наделённому талантом ближнему является делом богоугодным и, несомненно, зачтётся Богом», в ней явно преуменьшаются мотивы и роль **Максима Моисеевич Винавера*** (22) Я имею в виду не отношении мецената к Богу, а его отношении к талантам. «...рисунки Сутина попали на глаза влиятельному еврейскому меценату Винаверу, хорошо разбиравшемуся в живописи, покровителю начинающих художников. И он оценил работы Хаима по достоинству. Так же, как когда-то в Марке Шагале, Винавер распознал в худеньком робком провинциале будущего великого мастера. Купил ему билет до Парижа и выделил небольшую сумму денег на первое время (23). Не зря сам великий Шагал написал некролог на смерть Винавера, где были такие слова: «Отец меня родил, а Винавер сделал художником...» (24).

М.М. Винавер (1826-1926)

Конечно, на одной благотворительности красиво не проживёшь, и жизнь Сутина в Париже была не «полуголодная» как можно прочесть в биографических материалах, а ужасающе голодная. Здесь необходимо конкретное описание. «Годы спустя соседи по пансионату вспоминали, что по ночам, не в силах бороться с приступами мучительного голода, Сутин стучал в первые нависшие двери и требовал немного хлеба ... Дни Хаим проводил в музеях, чтобы воочию увидеть то, что знал лишь по литографиям, развешенным на стенах школы в Вильно. Возможно, вечный голод стал причиной язвы желудка, — художник постоянно корчился от болей в животе. Страдание было обычным выражением на его лице, обрамлённом патлатыми волосами. Широко раздутые ноздри, толстые красные губы и горящие глаза — таким был юный Сутин...

Чтобы написать сутинский «Натюрморт с селёдками», нужно было иметь за спиной многие поколения предков, для которых селёдка на обеденном столе была предметом вожделения всего дня... (11)

Рассказывает Л. Инденбаум* (18) «Сутин нашел меня на террасе Ротонды и попросил у меня тридцать франков. — Когда у тебя есть деньги, ты исчезаешь, — сказал я, — а растратив их, ты приходишь ко мне» — и ушел, оставив его перед кафе. Но он шел за мной следом и бормотал:

— Дай мне тридцать франков, дай мне тридцать франков, дай мне тридцать франков...

— А все эти холсты, которые ты мне продал, а потом забрал обратно? [Сутин часто уничтожал свои работы, которые ему не нравились — Г.Б.]

Сутин, втянув голову в плечи, причитал:

— Ой, ой, ой...

Селёдки на жёлтой тарелке

Дойдя до площади Конвансьон, я купил селедку.

— А теперь ты напишешь мне натюрморт! Он пошел в свою мастерскую. Через два часа он появился с картиной, на которой были изображены рыбины на желтой тарелке и две вилки... Я дал ему тридцать франков и при-

крепил картину кнопками к стене. Через два дня он пришел ко мне и попросил одолжить ему эту картину.

Я согласился — в последний раз. Несколько дней спустя, я обнаружил эту картину у Делевского* (25), который сказал мне:

— Он просил за нее пять франков, я дал три».

М. Талов Воспоминания, стихи, переводы

Сейчас стоимость работ Сутина измеряется 6-7-значными цифрами.

О том, как Сутин рисовал этот, и подобные натюрморты, вспоминал писатель и поэт Марк Талов* (26), которого, переписывая ошибку друг у друга, почти во всех публикациях, называют «художником Таловым»: **«Сутин не хотел, чтобы видели, как он работает. Я оказался одним из немногих свидетелей. Я видел, как он писал натюрморт с селедками. Прежде чем съесть принесенную из лавки снедь, он принимался за натюрморт и мучился, разрываемый голодом, пожирая ее лишь глазами, не позволяя себе к ней притронуться, пока не закончит работу. Он становился бесноватым, слюни текли у него при мысли о предстоящем «королевском» обеде. Кто голодал, тот поймет это. Сила каждого произведения искусства дается беспощадной правдой о своей жизни. В начале двадцатых годов быстрое восхождение Сутина к вершине славы казалось бы невероятным предположением. Того, кто утверждал это, сочли бы сумасшедшим человеком».**

Вот пример оценки работ Сутина и его отношений с Модильяни другим современником, неким бездарным художником (отрывок из его доноса): **«Письмо Ж. Франкёра. «Уважаемый г-н комиссар, мне представилась горькая возможность проверить, насколько сильна расовая связь между этими людьми, когда я обратился к Модильяни с просьбой попросить за меня одного торговца искусством, у которого была галерея на улице ЛЯ БОЭСИ. Несмотря на свои обещания, Модильяни ничего не сделал, чтобы представить меня шерону [галерейщику — Г.Б.], и в то же время он все время приставал к нему, чтобы тот взялся продавать ничтожные картинки Сутина!...»** (18) Попробуйте, интереса ради,

найти имя этого доносчика-ангисемита, презиравшего «картинки» Сутина, среди имён художников Франции. Вот ещё фрагмент из высказываний этого «авторитета»: *«Я вспоминаю портрет девочки с глазами навывкате, сидящей в кресле, которое кренится налево,.. или портрет женщины в красном с маленькой зеленой шляпкой, тело которой смещено к левому краю картины, или портрет старухи в черном,.. — все они съезжают куда-то влево, всегда влево. Теперь я понимал, почему каждый раз, как Сутин видел, что я приблизился к нему, когда он писал, хватал свой холст и скрывался за деревьями. Он не смел показать результаты его колебаний и топтания на месте художнику-сопернику, хотя этот соперник с удовольствием дал бы ему дружеские советы».* (18)

Сравните: *«И мне давали добрые советы, // Чуть свысока похлопав по плечу, // Мои друзья — известные поэты: // Не стоит рифмовать "кричу — торчу"»* (Высоцкий. «Мой черный человек», 1979) Очевидно, быть непонятыми со братьями — судьба гениев. И счастье когда у них хватает силы устоять:

*«Мой путь один, всего один, ребята, —
Мне выбора, по счастью, не дано».* (Высоцкий, там же).

Не нужно думать, что Сутин окружали исключительно черствые, жадные люди, глухие к его мукам. Многие жили не лучше. Трудно удержаться, чтобы не процитировать ещё несколько абзацев из той же книги Талова, где он описывает своё состояние в то время: *«...Голодные худые кошки скреблись в моем желудке, доводя до умопомрачения. Доходило до того, что я не стеснялся просить малознакомых людей угостить меня. Голод был жестокий, страшный своим реализмом. Подобные муки испытывали в разное время и Кремень, и Сутин, и Модильяни, и другие обитатели «Улья»... Это вовсе не был «романтический период голода», как писали потом в биографиях монпарнасцев, ставших впоследствии знаменитыми. Какая там романтика!.. — и продолжение о Сутине, — ...Внешность Сутина была мрачной, черты лица грубы. Выклянчивая что-нибудь, он вел себя часто как беспардонный нищий. Мог обмануть, добывая деньги, чтобы пропить их в «Ротонде» или отдать уличным женщинам».*

Кисть Сутина говорила о незаурядном таланте, а палитра несла в себе такой пламень, такую необузданную страсть, такую неизгладимую печать сексуальности, от которых рождалось звериное желание жить. Его картины — это его автобиография. Он не видел подлинников Ван Гога, а между тем, как он был на него похож! Оба, когда писали картины, доходили до иступления. Помню, как в 1918 году Сутин писал мой портрет. Он был в каком-то экзотическом состоянии, словно одержим бесами, словно умалишенный, для которого живая модель, то есть я, превратился в мертвую природу. Мне было страшно ему позировать». (с.49)

В 1968 году Талов написал стихотворение о Сутине: «Рембрандт XX века»

Некоторое время Сутин пользовался общей мастерской с Цадкиным* (27). Цадкин рассказал о Сутине другу-художнику Модильяни* (28). Из мемуаров Осипа Цадкина: *«Дело было в кофейне на Монмартре. Модильяни, вдребезги пьяный, тут же захотел посмотреть работы Сутина. Как вспомнил Цадкин, они ввалились к нему в подвал [вероятно ошибка при переписывании текста с другого источника, возможно при переводе с иностранного: студия художника, даже самого бедного, не может быть в подвале, нужен хороший дневной свет — Г.Б.] и застыли от изумления. Сутин стоял голый перед холстом и*

смотрел на него любовно, словно это была девушка. Потом он бережно взял кисть и нанес два-три сильных и ровных мазка на поверхность холста. Эффект был поразительный — будто на холст попала струя крови. Ощущение было настолько сильным, что Модильяни закричал. Потом Хаим обозначил вокруг этой "рваной раны" контуры человеческого тела и водрузил ему на голову нечто несуразное, похожее на цилиндр, который через мгновение превратился в белый колпак поваренка [в итоге «крово-красное» оказалось просто цветной салфеткой в руках кондитера — Г.Б.]. Модильяни задрожал и вскрикнул: "Тебе нужна девушка, Хаим, иначе ты пропадешь!"» (28) А рисовал Сутин всегда раздеваясь до гола, чтобы не испачкать, не повредить одежду.

Модильяни. портрет Сутина, 1915

Кажется, Модильяни был первым, кто увидел в Сутине гения, чего долго не замечали ни товарищи-художники, ни торговцы, ни потенциальные покупатели картин. Модильяни познакомил его с галерейщиком Леопольдом (Лео) **Зборовским*** (29) и его родственницей, молодой натурщицей Полетт Журден.

Почти все авторы, рассказывая о Зборовском как о галерейщике, т.е. торговце картинами, не упоминают о нём как о поэте, каковым он был в молодости. Но об этом не забыли написать Stanley Meisler (18) и Маревна (19, с.88), и думается, это существенная деталь биографии «Лео». Что-то же толкнуло человека, предпочесть торговле мясом или капустой специализацию на картинах, на организацию выставок, поддержку, а то и «подкормку» начинающих художников? Думаю, это «что-то» — свойственный поэтам романтический склад души. Впоследствии именно Зборовский продал первые картины Сутина, а Полетт была помощницей й Сутина. И Модильяни, и Сутин в разное время создали её портреты. Модильяни нарисовал и несколько портретов Сутина, Их дружба казалась странной: *«непонятно что могло быть общим у блестяще образованного красавца и денди с нематым грязнулей из нищей российской провинции, а сроднила их общая страсть к искусству».* (30)

Интересно сравнить это высказывание с мнением Марины Влади о дружбе Высоцкого и М. Шемякина. (Цит. по интервью Шемякина В. Перевозчикову, см. выше):

— *Марина Влади удивлялась — что связывало вас с Высоцким кроме таланта и любви к пьянкам?*

— *Глупая фраза, правда? Но ей я ответил — достаточно хоть первого, хоть второго.*

Зборовский и Сутин

В нескольких источниках указывается, что Модильяни приобщил Сутина и к алкоголю. Версию о Модильяни-«спайвателе» опровергает Маревна. По её свидетельству Сутина «приобщили» к выпивке ещё в Минске некие господа, любившие «угощать выпивкой полуголодных студентов, чтобы потом потешаться над их пьяными выходками, и, по их милости, Сутин приобрёл привычку много пить» (Цит. по 19, с.27). Но Модильяни и Сутин были хорошо известны как собутыльники, с той разницей, что уроженец винодельческой области, Модильяни пьянел очень медленно, а Сутина стакан валил с ног.

С детских лет аутист Сутин трудно сходилась с людьми, что было одной из причин нелюбви сверстников. В Париже он тоже выглядел замкнутым и угрюмым, из-за бедности — неряшливым, к тому же плохо говорил по-французски, так что порой производил впечатление недотёпы. Однако все, кто знал его достаточно близко, рассказывают о «другом» Сутине. Например: *«Красноречивое свидетельство о визитах Сутина в Лувр оставила подруга художника Хана Орлофф* (Орлова): "Случалось, что он был так возбуждён, что привлекал внимание охранников возгласами: "Это так прекрасно, что можно сойти с ума!" Он также интересовался музыкой и литературой. Художник очень много читал, его любимые авторы — Монтень, Расин, Сенека, Достоевский, Пушкин, Бальзак и Рэмбо. Как меломан, он страстно любил Баха и Моцарта»* (31). Хана Орлова*, скульптор, Украина, Палестина, Париж, Израиль. (32)

«Улей» находился неподалеку от знаменитых парижских боен. Хаим Сутин забирался на крышу и наблюдал, как работники волокут упирающихся животных в некое помещение, откуда затем выносят огромные кровавые туши. Цадкин заметил странное увлечение друга и отвел его к Пикассо, страстному ценителю испанских бычьих боев. Хаим был в шоке, он даже представить себе не мог, что человек и бык могут схватиться на равных. После

историй Пикассо Сутин решил, что если бы он не смог стать художником, то обязательно стал бы тореадором. Хотя в некоторых случаях он еще говорил, что стал бы боксером». (33)

Здесь я должен внести некоторые пояснения. Не надо забывать об особенностях психики и физических данных Сутина. Слабосильный, непригодный к какой-либо физической работе — он даже пытался подрабатывать грузчиком, но его сразу увольняли. Аутист, живущий в своём внутреннем мире и художник с богатым нестандартным воображением, наверняка он был склонен к фантазированию, мысленно наделяя себя теми качествами, которых был лишён в реальной жизни. В своих грёзах он мог быть победителем и на ринге, и на арене и при этом переживал такой же выброс адреналина, как реальный боксёр или тореадор. При этом, художник конечно представлял тореадора как отважного победителя боя со свирепым быком по-честному: один на один, и упускал из виду, что целая команда матадоров мучает быка, и прикрывает тореадора.

А вот что не фантазии, а факты: в начале первой мировой войны, и потом, уже будучи немолодым и большим, во вторую мировую, Сутин пытался записаться добровольцем во французскую армию, но оба раза получил отказ из-за слабого здоровья. Впрочем, относительно второй мировой, это утверждение представляется малодостоверным: Сутину уже было далеко за 40, явно несолдатский возраст, тем более, учигывая язвенную болезнь.

1923 году в Париж приехал американский коллекционер современного искусства доктор **Альберт Барнс*** (34). У Зборовского он увидел картины Сутина, которые поразили его. Он купил 75 картин художника, заплатив за них внушительную по тем временам сумму — 20 тысяч франков. О том, как это случилось, можно узнать из рассказа художницы Маревны (19, С. 177). *«Как-то раз, зимой 1922-23 года, я столкнулась на улице с очень взволнованным Зборовским.*

— Вы знаете, что произошло? Я долгое время не мог найти для Сутина ни одного серьезного покупателя. Я не миллионер, в конце концов, и представьте, во что мне обошелся Моди, — хотя сейчас цена на него пошла вверх. Но по поводу Сутина я был действительно в отчаянии. Вся его гениальная «мазня» пугает большинство, и мало кто верит в его талант. День или два назад у меня был скандал с женой: я схватил стопку его работ, вырвал их из подрамников, свернул и сунул в печь на растопку. «Ну, их в болото!» — подумал я. На следующий день, вы только послушайте, ко мне неожиданно заходит известный американский коллекционер доктор Барнс, который был в Париже проездом. Он говорит: «Что у вас есть из нового? Покажите». Я показываю ему вещи Кислинга, Модильяни и так далее. «А это что?» — спрашивает он и указывает на маленькую картинку Сутина на стене. «А, — отвечаю я, — это один русский бедолага». «Поднесите ее к свету, — говорит он и рассматривает ее во всех ракурсах. — Есть еще?» Да, — говорю я, — минуточку подождите, я сбегаю к приятелю, у которого есть еще». Я в холодной испарине мчусь на кухню, думая, успела ли кухарка все сжечь или нет. Открываю печь — слава Богу! — не успела! Прекрасно! Я нагреваю утюг, проглаживаю некоторые загибы через тряпку и представляю этому американцу живую душу, не мою, вы понимаете, — Сутина.

— Барнс долгое время смотрит работы: кладет одну за другой на стол, просит поддержать их так, чтобы он мог посмотреть с большого расстояния, вглядываясь, шуруется, смотрит на них через кулак, в зеркальце и, наконец, го-

ворит: «Я беру все. Скажите этому Сутину, чтобы он поработал на меня годик-другой, тогда посмотрим». Ну, мы сделали расчеты, составили договор, все как полагается, и теперь успех Хаима — дело решенное. Через год или два у него будет выставка в Париже, потом в Америке. При хорошей рекламе, вы увидите, наш Сутин станет очень успешным художником. Как я мог в этом сомневаться, что я за идиот! Знаете, Маревна, я так рад, как будто это я — Сутин».

Для объективности в оценке события, прежде чем умилиться поступку «благодетеля» ознакомимся с рассказом о сделке её непосредственных участников [компьютерный перевод с моим редактированием. Оригинальный текст см. в библиографическом приложении — Г.Б.].

«Барнс хотел встретиться с художником и для этого вернулся к Зборовскому следующим утром. Дилер [Зборовский] пошел к Сутину, разбудил его и привёл в порядок, надел лучшую одежду, а затем привел его обратно к ожидающему Барнсу. Встреча между богатым, сварливым собирателем (коллекционером) и бедным, застенчивым художником не была счастливой (радостной [для Сутина — Г.Б.]). "Барнс сидел, глядя на меня, и сказал: «Ах, это Сутин! Хорошо». Годы спустя Сутин рассказывал — Хам! Я никогда не прощу себя за то, что был настолько идиотом, чтобы пойти на такую беду [невыводную сделку — Г.Б.]».

Позже, Барнс говорил презрительно о своей находке: "Я поймал его, когда он был пьян, болен и сломлен, — сказал он, — и взял содержимое его мастерской за бесценок". Но Барнс всегда гордился своим открытием». (19)

Так сразу и навсегда, с бедностью художника было покончено. Учитывая необычность творческой манеры художника, а, скорее, благодаря ей, надо считать, что признание он завоевал довольно быстро.

Его научили одеваться, он снял приличную квартиру и даже купил на рынке удивительную и дорогую модель — бычьей тушу.

«...в 1925 году Хаим Сутин создал серию «Битые животные», в том числе «Забитые быки», образцом для изображения туши послужила картина Рембрандта [добавлю: и впечатления, от наблюдений с крыши «Улья» — Г.Б.]. Для этого художник повесил тушу в мастерской и начал рисовать. Когда туша теряла цвет, его подруга Пуалет [в различных источниках употребляется разная транскрипция имени натурщицы и помощницы художника — Г.Б.] Журден качивала шприцем в тушу порцию настоящей крови, купленной у мясника, чтобы модель вновь стала кроваво-красной.

Вскоре ужасный запах протухшего мяса вынудил соседей обратиться в санитарную службу.

Однажды они пришли в мастерскую, Хаим испугался и спрятался, на защиту встала его верная Пуалет, которая объяснила, что художник еще не закончил работу [по некоторым другим источникам, Сутин сам вступил в перепалку с полицией — Г.Б.]... Всего было создано шесть картин с бычьими тушами, пять из которых сегодня находятся в известных музеях мира, а шестая продана в 2006 году в частную коллекцию почти за четырнадцать млн долларов. (35)

Если на «Туши» Сутина повлиял Рембрандт, то пусть не влияние, но отголоски картин Сутина можно увидеть в «Тушеношах» Шемякина. Кстати, подобно

Сутину, Шемякин тоже купил и разместил в мастерской бычью тушу, только освещал её не кровью, а лаком.

Известны снимки Высоцкого возле кровавой «модели» в мастерской Шемякина и описание художником обстоятельств съёмки.

Кажется у Сутина нет весёлых и сентиментальных сюжетов. Тяжёлое детство, голодная юность, особенности психики и восприятия действительности, превратили его в художника боли. В портретах он вытаскивал из душ героев всё трагическое и отображал на лицах своих персонажей.

Полетт Журден с собакой

М. Герман*: *«На пейзажах Сутина под безжалостным, не знающим передышки, ураганным ветром деревья корчатся на ветру и беспомощно вертят растрепанной листвой. Бешеный ветер обрушивается на мир его героев, бугря и землю, накрывая дома, стаскивая людей со стульев, перекашивая и закручивая в спираль страдания человеческие лица. В его картинах аккуратные французские пейзажи, лишаются привычного обличья: дома, земля, деревья искривляются и срываются со своих мест. Из картины в картину повторяется этот навязчивый мотив подневольного, насильственного движения»* (36).

Справедливости ради, надо заметить, что пейзажи, названные выше трагическими, некоторыми воспринимались как «пляшущие».

Многие исследователи говорят о своеобразном предчувствии художником трагедии Холокоста (15). В «предчувствия» я не верю, а считаю, что в живописи отражались особенности характера Сутина: погружённость в себя, замкнутость, через которую могли пробиться и созреть преимущественно травмирующие события и впечатления.

Как бы то ни было, восприятие художником действительности оправдалось полностью. Вторая Мировая война коснулась Сутина самым страшным образом.

Здесь можно сопоставить слова М. Германа о трагичности пейзажей Сутина и строки из работы Ю. Шатина: *«Туша — не конечный результат картины, но символ реальной мясобоини [вообще-то термин «мясобоиня» весьма сомнителен, но автор не рискнул написать «скотобойня», а простое слово «бойня» ему,*

видимо, показалось недостаточно выразительным — Г.Б.], очень похожей на мясобоюни прошлого, которые циничные историки называли то Великой Французской, то Великой Октябрьской революцией».

Странно только, что Шатин не упомянул здесь и Мировые войны, Первую (кажется, тогда и вошло в широкий обиход рождённое ещё Шекспиром выражение «пушечное мясо» (37)) и крупнейшую бойню истории — Вторую Мировую войну, с почти 60 миллионами убитых.

Не удивительно, что напряжённая работа мысли, которой не хватило М. Дейчу, рождает у зрителей и читателей разнообразные ассоциации. Совершенно правомерное явление.

Но надо различать личные ассоциации и прямое содержание конкретного произведения. В рассмотренных произведениях Сутина, Шемякина и Высоцкого, конечно, нет прямых указаний на революции, мировые войны, на Холокост и на ГУЛАГ. Тем более на пол-потовский геноцид, как и на другие трагедии XX века. И никто не мог представить, что в XXI веке возобновятся безумные религиозные войны ислама, которые теперь поражают мир дикой жестокостью.

Из статьи А. Шульмана (38)

«Гетто в Смиловичах организовали в августе 1941 года по улицам Зеленая и имени Гириш Леккерта, прилегавшим к еврейскому кладбищу... На еврейский Новый год (14 октября 1941 года) приехали на машинах вооруженные литовцы из Руденска и вместе с местной полицией окружили гетто. Людей сгоняли к подготовленной яме партиями по 50-60 человек... И расстреливали... От рук фашистских извергов погибли отец и мать Хаима Сутина, его родственники».

По последним данным (39, 40), отец, мать и одна из сестёр Сутина умерли до войны — ещё один пример «еврейского счастья». Они были похоронены на еврейском кладбище в Смиловичах. А несколько родственников художника эмигрировали в США в смутный послереволюционный период.

Сообщает Кеннет Грогер, внучатый племянник Хаима Сутина: **«Несколько я знаю, моя бабушка (старшая сестра Хаима. Всего у Сутиных было 11 детей, Хаим был десятым. — Прим. ред.К.П.) в 1921 году увезла моего отца Мойшу и его двух сестер из Смиловичей в Америку.(39)**

Кстати: сейчас её внуки собираются снимать фильм о художнике. А мы вспомним, что в детстве он считался «гадким утёнком» семьи Сутиных.

«В Беларуси сейчас живет его племянница. Вся остальная родня разбросана по свету... могилу отца на еврейском кладбище в Смиловичах нашли только два года назад. Еврейские волонтеры тогда смогли прочесть на заброшенном кладбище несколько десятков надгробий. Теперь точно известно, где похоронен Соломон Сутин, умерший в 1932 году. Рядом с покосившимся постаментом еще два памятника. Возможно, именно здесь покоятся мать художника и его сестра, которые умерли в 1938 и 1936 годах. Но прочесть их имена уже невозможно». (40)

Как было упомянуто выше, по недостоверным сообщениям, с началом войны Сутин попытался поступить добровольцем во французскую армию. Получив отказ в виду слабого здоровья, он не эмигрировал в США, как большинство его знакомых-евреев, а, остался во Франции, явно недооценив масштаба надвигаю-

щейся катастрофы. Мотивировка кажется совершенно детской: «Когда в 1940 году Сутин имел возможность выехать из раздираемой войной Европы в США, он отказался. Вот причина, которую он привёл: *"В Америке нет деревьев, которые можно было бы рисовать!"* А позже, когда ситуация стала действительно серьёзной, ему уже не удалось собрать необходимые бумаги» (Альфред Вернер, историк искусств (31).

Сутин перешёл на нелегальное положение.

Супруги Эрнст (фальшивые документы, выданные Хаиму Сутину и Мари-Берт Орнеж на имя супругов Эрнст)

Заканчиваю обширной цитатой.

«...Францию оккупировали фашисты. В изобразительную палитру Сутина вдруг врывается ностальгический мотив: он пишет полную лирической тоски и грусти картину "Возращение из школы после грозы" где такой узнаваемый, щемящий душу и до боли знакомый белорусский пейзаж...

Друзья фактически спасают его, помогают уехать из Парижа подальше, к испанской границе. Мэр одного из маленьких городков выписывает Сутину фальшивый паспорт, чтобы он мог скрыть, что он еврей. В 41-ом и 42-ом ему 6 раз приходилось менять места жительства. Летом 43-го от постоянного напряжения и страха у Хаима Сутина обострилась давняя болезнь — язва желудка. [Судя по описаниям, произошла перфорация язвы желудка — Г.Б.]. Так же рассказывается о последних днях Сутина в телефильмах о нём. (41) (42)

Впрочем, существует и версия о смерти художника от опухоли мозга, что выглядит почти невероятно, т.к. трудно поверить, чтобы кто-нибудь взялся нелегально оперировать еврея на головном мозге в условиях гитлеровской оккупации, когда невозможно обеспечить сложный послеоперационный уход. Такая операция сложна и рискованна, не носит экстренного характера, а летальный исход практически гарантирован [Г.Б.]. *«С трудом добирается он до госпиталя в маленьком городке Шиннон, но там врач не берется оперировать, советует ехать в Париж. Его подруга, Мари-Берт Орени, бывшая жена художника Макса Эрнста, на крестьянских повозках окольными путями два дня и две ночи везет его в*

столицу Франции. 7 августа Хаиму Сутину сделали операцию в одном из парижских госпиталей, а через день, 9 августа 1943 года, он умер. Похороны состоялись на Монпарнасском кладбище, для этого Мари-Берт пришлось срочно продать за бесценок большое количество картин Хаима Сутина. На траурной церемонии было совсем немного людей, среди них — Пабло Пикассо, Жан Кокто, Макс Жакоб и несколько самых близких друзей (15).

Возвращение из школы после грозы

Памятник Хаиму Сутину
работы Арбита Блатаса в сквере Гастона Бати в Париже на Монмартре

Из статьи в статью кочует цитата, первоисточник которой мне найти не удалось: «Как-то у Сутина спросили: — **Вы ведь жили тяжело, верно, были несчастны в жизни? — С чего это вы взяли? Я всегда был счастливым человеком! — был ответ Сутина. Сказано это было задорно, даже с вызовом.**

Хаим Сутин не покривил душой. Да, он был счастливым человеком. А может ли быть творец несчастным?» (43) Хочется думать, что такие слова действительно были им сказаны.

Краткий именной указатель

Барнс Альберт Кумс (34) (англ. Albert Coombs Barnes; 2 января 1872, Филадельфия, Пенсильвания — 24 июля 1951, Фёниксвилл (англ.) русск., Пенсильвания) — американский врач, изобретатель и коллекционер.

А. Барнс

В начале врачебной карьеры Барнс разработал рецептуру антисептика на основе серебра. Он сумел сделать крупный капитал на производстве и продаже препарата. Собрал исключительно большую художественную коллекцию импрессионистов, постимпрессионистов и модернистов, которая стала основой созданной им образовательной художественной галереи Фонда Барнса. Отличался большой эксцентричностью в поведении и страстью к образованию малообеспеченного населения. В 1922 году основал образовательный Фонд Барнса, а в 1923—24 годах был построен первый корпус будущей галереи. В галерее проводятся уроки по искусству и эстетике, традициям в искусстве и др., поскольку основной целью фонда Барнса было «содействие образованию и развитию понимания искусства». По данным Википедии [Электронный ресурс]

Винавер Максим Моисеевич (22) (1863, Варшава — 10 октября 1926, Мантон-Сен-Бернар, Франция) — российский юрист и политический деятель, член I Государственной думы, один из лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). ...организовал в Вильно защиту Блондеса, обвинённого в ритуальном убийстве — дело было выиграно. После погрома в Гомеле в

1904 выступил гражданским истцом от имени пострадавших евреев (По материалам Википедии [Электронный ресурс])

Гарагуля Сергей Анатольевич. (2) Р. 1960 г. Одесса. Окончил Одесский институт инженеров морского флота. Работал в одесском пароходстве... занялся предпринимательством... (М. Цыбульский. О Владимире Высоцком вспоминает Сергей Анатольевич Гарагуля / М.И. Цыбульский // Время Владимира Высоцкого — Ростов-на-Дону, 2009. — С.80-86.

Герман М. (36) Михаил Юрьевич Герман (23 февраля 1933, Ленинград) — советский и российский искусствовед, главный научный сотрудник Русского музея, член Международной ассоциации художественных критиков (франц. АИСА) и Санкт-Петербургского отделения АИС, член Союза российских писателей, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области и Международной Федерации Журналистов (IFJ) (По материалам Википедии [Электронный ресурс])

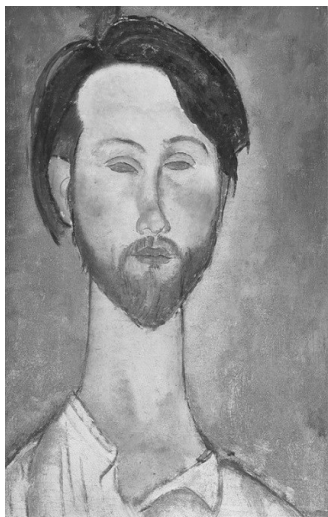
Дейч М. (1) Марк Михайлович Дейч (26 января 1945, Москва — 2 мая 2012, Бали, Индонезия) — российский журналист, директор издательского дома М. Дейча, в прошлом — политический обозреватель московского бюро радиостанции Радио «Свобода», (По данным Википедии [Электронный ресурс])

Делевский (Дилевский) (25) *«В те тяжёлые дни художников и эмигрантов выручали две русские столовые. Одну открыл Дилевский, бывший морской офицер, который был ранен в ногу во время первой русской революции в Санкт-Петербурге и после этого эмигрировал во Францию... В столовой Дилевского еда была простой, но обильной и вкусной. ...цены были ничтожны... хлеб — бесплатно. Голодные художники вслед за эмигрантами появлялись в столовой, требуя, как обычно, кредит, но Дилевский был твёрд. ... Но он не исключал полностью кредита для нескольких избранных. Одним из них был Сутин. «Он — талант, чёрт возьми», — говорил Дилевский. ... Я помню одного юношу-еврея, который несколько дней подряд приходил в столовую. Говорили, что он собирается пешком в Палестину... Его золотисто-рыжие волосы падали кольцами на плечи. ... а босые ноги, синеватые от холода, легко ступали по грязному промёрзшему асфальту. Дилевский велел подать ему большую миску супа с двумя или тремя кусками мяса... (при этом глаза у обоих сияли),.. ушёл, не заплатив. ...*

— *Это был Христос! — сказал Дилевский звенящим голосом. ... Вдруг Сутин, заикаясь от волнения, спросил:*

— *Как вы думаете, он согласится позировать для портрета. Такое лицо!»* (20, сс. 73-74)

Зборовский Леопольд (29) (10 марта 1889, Польша — 24 марта 1932, Париж, похоронен на кладбище Пер-Лашез) Польский поэт (о чём пишут Стэнли Мейстер (19) и Маревна (20 — с.28) и умалчивают авторы большинства публикаций о Сутине), торговец картинами, меценат. Жил в Париже. Помогал французским и русским художникам Монпарнаса, анонимно оплачивал их счета, содержал некоторых из них. (Российское зарубежье во Франции 1919-2000, Биографический словарь в трех томах под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой. — 2008).

Модильяни. Портрет Зборовского

Хочется обратить внимание на безответственность некоторых публикаторов, чтобы у читателя, столкнувшегося с такими описаниями, не складывалось ложное впечатление о герое. Так, один «автор» рассказывает, как Модильяни требовал от Зборовского, чтобы тот позаботился о Сутине после его, Модильяни, смерти, а Зборовский «обещал и конечно обманул, сразу сплавив Сутина в захудалый городишко на юге Франции». А вот что следует из др. данных. Зборовский отправил Сутина на тёплый юг, заботясь о его здоровье: *«Хотя Зборовский в это время был гол как сокол, он выдавал Сутину ежедневное содержание в три франка. ... В Вансе Сутин жил у Фелиси Сандрап,.. Зборовский послал ему немного денег на покупку краски и холста, а также 200 франков в счет результата его работы...»* (18)

Инденбаум Леон (18) (10 декабря 1890, Чаусы — 29 сентября 1981, Опло) — французский художник и скульптор.

Родился в Чаусах, Могилевской губернии в семье портного. Еврейское образование завершил к 12-13 годам, затем учился в традиционной школе. Художественное образование: «Школа изящных искусств» Антокольского, в Одессе резьба по дереву. Затем в Школе прикладного искусства в Вильнюсе (Литва). В Париже с 1911 года. Работал в студии на Монпарнасе, учился у Бурделя. Первая выставка в Салоне Независимых (1912). Известен портрет Леона Инденбаума работы А. Модильяни (1915) (По материалам Википедии & Léon Indenbaum From Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс])

Липшиц Жак (11) (Хаим Яков; фр. Jaques Lipchitz; 1891, Друскеники, Гродненская губерния, ныне Друскининкай, Литва, — 1973) — скульптор, представитель «парижской школы». Жак Липшиц (Хаим-Яков Абрамович Липшиц, фр. Jaques Lipchitz; 22 августа 1891, Друскеники, Гродненская губерния (ныне — Друскининкай, Алигусский уезд, Литва) — 26 мая 1973, Капри, Италия) — французский и американский скульптор. Похоронен в Иерусалиме)

К концу 20-х годов один из самых востребованных скульпторов Франции... В ранних произведениях — сторонник радикальных форм кубизма, затем — переход к экспрессивному натуралистическому стилю. С приходом к власти Гитлера своё подавленное духовное состояние выразил с помощью символических, библейских и мифологических сюжетов — сохраняя черты символизма, скульптуры отражали явные антифашистские настроения. «Прометей с орлом», высотой 9 метров, была представлена на Всемирной выставке 1937 года в Париже.

В 1941 году, после оккупации Франции немецкими войсками, Липшиц бежал из Парижа в США и осел в Нью-Йорке, где его работы нашли большое признание (по мат. Википедии [Электронный ресурс])

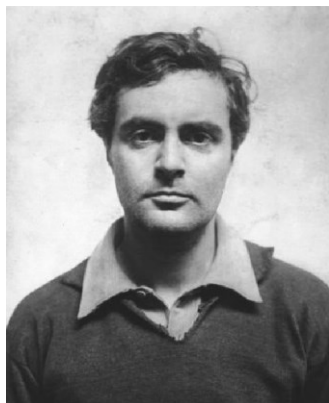
Маревна. (20) Мария Воробьёва-Стебельская, художница. Дочь польского дворянина и русской актрисы. Детство провела в Тифлисе, где начала учиться живописи, в 1910 приехала в Москву, поступила в Строгановское училище, училась вместе с Осипом Цадкиным. В 1912 переехала в Париж, поселилась в Улье. Сблизилась с кубистами, подружилась с Пикассо и другими обитателями Монпарнаса, в т.ч. близко с Хаимом Сутиним.

Маревна. «Мои друзья с Монпарнаса», 1962 год// Слева направо: Ривера, Маревна с дочерью Марикой, Эренбург, Сутин, Модильяни, Жанна Эбютерн, Макс Жакоб, Моиз Кислинг, Леопольд Зборовский.

Была возлюбленной Диего Риверы, родила от него дочь Марику (1919), впоследствии ставшую актрисой. Занималась прикладным искусством, работала для различных домов моды. Прозвище, ставшее псевдонимом художницы, ей дал Максим Горький, с которым она познакомилась на Капри. С 1948 жила в Англии. Создала серию портретов художников Монпарнаса. Написала книгу воспоминаний «Моя жизнь с художниками Улья», после публикации которой огромная часть ее творческого наследия была выкуплена музеем современного искусства в Женеве «Пти-Пале». В 2004 году в Государственной Третьяковской галерее состоялась персональная выставка работ художницы. [Электронный ресурс] «Википедия».

Модильяни, Амедео (27) (Иедидия) Клемэnte Модильяни (итал. Amedeo Clemente Modigliani; 12 июля 1884, Ливорно, Италия — 24 января 1920, Париж, Франция) — итальянский художник и скульптор, один из самых известных художников конца XIX — начала XX века). Амедео (Иедидия) Модильяни родился в семье евреев-сефардов Фламинио Модильяни и Евгении Гарсен в Ливорно (Тоскана, Италия). Он был самым младшим (четвёртым) из детей.

Модильяни

Модильяни вырос в Италии, где изучал античное искусство и творчество мастеров эпохи Возрождения, пока в начале 1906 года, с небольшой суммой денег, которую смогла собрать для него мать, Модильяни переехал в Париж, о котором мечтал уже несколько лет, так как надеялся найти понимание и стимул к творчеству в среде парижских художников. В начале XX века Париж являлся центром мирового искусства, молодые неизвестные художники быстро становились знаменитыми, открывались всё более авангардные направления живописи. Первые месяцы Модильяни проводил в парижских музеях и церквях, знакомился с живописью и скульптурой в залах Лувра, а также с представителями современного искусства ... снял небольшую студию на Монмартре и начал посещать занятия в Академии Коларосси. В то же время Модильяни познакомился с Морисом Утрилло, с которым они остались друзьями на всю жизнь. Тогда же Модильяни ближе сошёлся с поэтом Максом Жакобом, которого затем неоднократно рисовал, и Пабло Пикассо, проживавшим поблизости от него в Бато-Лавуар. Несмотря на своё неважное здоровье, Модильяни принимал активное участие в шумной жизни Монмартра. ... он часто страдал от заболеваний лёгких и в возрасте 35 лет умер от туберкулёзного менингита.

Жанна Эбютерн. Фото и портрет Модильяни

Его жена, Жанна Эбютерн покончила с собой через день после смерти Модильяни и похоронена с ним в одной могиле. Ей не исполнилось и 22 лет. Она была его ангелом-хранителем и его музой — именно ей посвящено самое большое количество

полотен и рисунков. Наследие Модильяни составляют главным образом картины и эскизы, однако с 1909 по 1914 годы он занимался в основном скульптурами. Часто Модильяни обращался к произведениям представителей Ренессанса, а также к популярному в то время африканскому искусству. В то же время творчество Модильяни нельзя отнести ни к одному из современных направлений того времени, как например, кубизм или фовизм. Из-за этого искусствоведы рассматривают творчество Модильяни отдельно от основных течений того времени. При жизни работы Модильяни не имели успеха и стали популярными лишь после смерти художника — на двух аукционах «Сотбис» в 2010 году две картины Модильяни были проданы по рекордным для его наследия ценам — 60,6 и 68,9 миллиона долларов США. По материалам [Электронный ресурс] Википедии и сайта modern art consulting.

Орлова Хана (32) Орлофф Хана (1888-1968) родилась в Константиновке Екатеринославской губернии. В 1906-10 гг. жила в Эрец Исраэль. С 1910 года — во Франции.

Хана Орлова

Училась в Национальной школе декоративного искусства (Париж).

В 1912 году занялась скульптурой. В 1913 году впервые участвовала в «Осеннем салоне». Много выставлялась в парижских салонах; участвовала в групповых выставках, в т. ч. в выставке русских художников в галерее Денси (1921). В 1928 году пять бронзовых скульптур Орловой демонстрировались в русском отделении Выставки современного французского искусства в Москве (1928). Автор многих скульптурных портретов, выполненных в бронзе, камне, дереве (Р.Рубин, Ш.Аш, Д. Бен-Гурион, М.З. Шагал). Работы Орловой четырехфасадны, однако при этом далеки от классического реализма. Автор нескольких монументальных скульптур, установленных в Израиле. В 1940-44 гг. — жила в Швейцарии.

Парижская мастерская Орловой была разрушена в годы немецкой оккупации.

Кавалер ордена Почетного Легиона (1925).

Умерла в 1968 году в Париже.

Поженя Г. (3), Поженя Григорий Михайлович (20 сентября 1922, Харьков — 20 сентября 2005, Москва), советский, российский поэт-фронтовик (участ-

ник ВОВ), член Союза писателей Москвы, дважды лауреат Государственной премии России, автор нескольких киносценариев и книг.

Воевать начал в первый день войны в 1-м особом диверсионном отряде. Солдат (краснофлотец) отчаянной храбрости, закончил войну в звании капитан-лейтенанта. В 1946 году поступил в Литературный институт им. М. Горького (окончил в 1952 году), откуда его два раза исключали за поддержку опальных друзей и учителей (П.Г. Антокольского и других). Первой книгой Г.М. Поженяна стал сборник стихов «Ветер с моря» (1955), а всего — 12. (По материалам [Электронный ресурс] Википедии:) Добавлю только, что этот замечательный человек, герой ВОВ, поэт, знавший наизусть «всего Пушкина», к сожалению, не сумел разобраться в творчестве Высоцкого и достойно оценить его талант.

Талов М. (26) Талов Марк Владимирович (1) (13) марта 1892, Одесса — 10 июня 1969, Москва) — русский поэт, переводчик, мемуарист.

Марк Талов

Сын столяра. В 1904 поступил в городское шестиклассное училище, откуда ушёл, не закончив четвёртого класса. В 1908 печатался как поэт в периодике, работал корректором в редакции газеты «Одесский листок». В 1912 выпустил сборник стихотворений «Чаша вечерняя». В 1913, проходя срочную службу в армии, был оскорблён унтер-офицером (получил пощёчину), после чего покинул часть и нелегально перешёл границу. Поселился в Париже, стал одной из заметных фигур «русского Монпарнаса». Вместе с Валентином Парнахом и др. выступил одним из основателей литературного кабаре «Палата поэтов», входил в парижский кружок молодых русских поэтов «Гатарапак». Был знаком с Аполлинером, Пикассо, дружил с Максом Жакобом, Маригеном, Модильяни, Сутиным, Цадкиным, Ремизовым, Эренбургом и др. Выпустил две книги стихов: «Любовь и голод» (1920), «Двойное бытие» (1922). В 1923 через Берлин вернулся в Россию. Жил в Москве, работал в редакции газеты «Гудок» и др. Был близок с Мандельштамом, Асеевым, Тарковским. Переводил поэзию с нескольких языков (английский, французский, испан-

ский, итальянский, португальский, армянский, белорусский и др.) (По материалам Википедии [Электронный ресурс])

Хочется добавить ещё цитату из книги Талова, может быть лишнюю, но весьма выразительную: *«Однажды, когда я ночью пробирался в «Ротонду» по несвещенному проезду через кладбище Монпарнас, с кладбищенской стены соскочили четыре апаша. В кулаках — кастеты. Начали избивать, кровь залила глаза, упал. Взмолился: «У меня нет денег, я бедный поэт!». Они мигом обшарили карманы, конечно, ничего не нашли. Извинились, дали мне немного денег.*

Я неплохо играл в шахматы. И вот, придя в «Ротонду» без гроша в кармане, заказываю завтрак и, поедая его, поджидаю прихода первых шахматистов. Ставка — пятьдесят сантимов партия. Если проиграю, отдавать нечем, да и завтрак не смогу оплатить. И будто сам дьявол водил моей рукой. Я ставил самый неожиданный мат, когда партия, казалось, была мной проиграна. Болезненное нервное напряжение, в котором я постоянно находился из-за мук голода, передавалось моей игре. Дрожащими руками я двигал фигуры, давая им самые невероятные направления. Поминутно и по малейшему поводу я раздражался и смелыми до нахальства ходами доводил столпившихся зрителей до смеха. Я знал только, что мне во что бы то ни стало нужно выиграть, как будто дело шло о моей жизни. И я выигрывал. Оплачивал не только свой завтрак, но порой и на обед оставалось.

Все это мне дорого стоило. Я отходил от столика еле дыша, качаясь, еще более осунувшись. Возвращаясь в мастерскую крайне утомленный, с пустой душой, я первым делом вынимал из кармана маленький пузырек, который как верный друг в течение двух лет был со мной всегда. Он мог меня избавить от всех и всего в любой миг, когда мне только захочется. Но нет, есть еще время, я еще недостаточно ненавижу жизнь... Оставим до другого раза...» (с. 47).

Трутнев И. (21) Трутнев Иван Петрович (1827, Лихвин, Калужская губерния — 5 [18] февраля 1912, Вильна) — русский живописец, педагог, инициатор создания Виленского художественного общества основатель и руководитель Виленской Рисовальной школы, академик и почётный вольный общник Императорской Академии художеств. В выставках Общества принимали участие художники из Варшавы, Мюнхена, Парижа, не говоря уже о Москве и Петербурге. (По материалам Википедии [Электронный ресурс])

Цадкин И. (27) Цадкин Иосель-Шмуила Аронович (фр. Ossip Zadkine), 14 июля 1890, Витебск — 25 ноября 1967, Париж. Похоронен на столичном кладбище Монпарнас) — французский скульптор, происходивший из витебских евреев. В 1905-09 жил в Лондоне, постоянно посещал Британский музей, учился в Политехнической школе. С 1910 обосновался в Париже, на Монпарнасе, работал в «Улье» («Ла Рюш»). В 1911 его работы были выставлены в Осеннем Салоне и Салоне независимых. Сблизился Аполлинером, Брынкуши, Пикассо, Бурделем, Матиссом, Делоне, Модильяни (который оставил графический портрет Цадкина), Скульптура Цадкина, прошедшего через воздействие кубизма, близка к экспрессионизму. Особую выразительность его работам придает использование разрывов, пустот, «контррельефа», как бы выворачивающего пластическое пространство наизнанку. До 1958 Цадкин преподавал в парижской Академии Гранд-Шомбер. В 1965 вышла представительная монография «Тайный мир Осипа Цадкина», включающая его ли-

тографии, стихи, фотографии художника. Гигантская ретроспектива была открыта в 1966 в Художественном музее Цюриха.1913-14). В 1914-15 выставлялся в Берлине, Амстердаме, Лондоне.

И. Цадкин. Разрушенный город

Цитированная литература

1. М. Дейч. Феномен Высоцкого // Страна и мы. — 1986. — № 10. — С. 81-87 (см. тж. именной указатель)
2. Гарагуля С. (см. именной указатель)
3. Поженян Г. (см. именной указатель)
4. М. Цыбульский. О Владимире Высоцком вспоминает Сергей Анатольевич Гарагуля / М.И. Цыбульский // Время Владимира Высоцкого / М.И. Цыбульский. — Ростов-на-Дону, 2009. — С.86.
5. Лариса Симакова // О В. Высоцком вспоминает Николай Михайлович ВОЛОДЬКО [Электронный ресурс] http://otblesk.com/vysotsky/volodko_htm ВЫСОЦКИЙ: время, наследие, судьба. — (Обращение 25.05.2015).
6. Юлия ПЯТЕЦКАЯ // Бульвар Гордона № 6 (42), 07 февраля 2006 [Электронный ресурс]
- 6а. Цит. по Петряков А. Зазеркалье Мастера. М., 2008, 448 сс.
7. В. Перевозчиков. Михаил Шемякин // В. Перевозчиков. Правда смертного часа. Посмертная судьба. — М., 2000. — С.313.
8. Высоцкий В. Не кричи нежных слов, не кричи... [стихотворения] / Владимир Высоцкий; [сост. и коммент. П. Фокина; подгот. текста С.Жильцова]. СПб. — Амфора, 2012. С.41.
9. Ольга Мжельская. Безумец и гений. Двенадцать фактов про Хаима Сутина / КУЛЬТУРА // КУКУ. — 15.05.2014. — [Электронный ресурс] 11. Липшиц Ж*. (см. именной указатель)
12. Борис Э. Альтшулер. Зверь из Смиловичей» — пророк европейского Апокалипсиса. О жизни и смерти художника Хаима Сутина // Журнал-газета «Мастерская». — Мар 29, 2014. — [Электронный ресурс] <http://club.berkovich-zametki.com/?p=10578> (Обращение 25.05.2015).

13. Тина Гай. Хаим Сутин-2. «Суть Сутина — «Спасите наши туши!» (В. Высоцкий) /Хаим Сутин. Детство // Мысли вслух. — 23.07.2014. — [Электронный ресурс] <http://sotvori-sebia-sam.ru/haim-sutin-2/> Обращение 25.03.2015).
14. albir Суть Сутина — «Спасите наши туши!»// LiveJournal, — 2012-12-11 12:14:00. [Электронный ресурс] <http://albir.livejournal.com/678054.html> (Обращение 25.05.2015).
15. Ванкарем Никифорович. Хаим Соломонович Сутин. ХУДОЖНИК РИСОВАВШИЙ СУДЬБУ // Вестник online. — Чикаго. — [Электронный ресурс] <http://www.bibliotekar.ru/kSutin/13.htm> Обращение 25.05.2015)
16. Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфразис и диегезис // Критика и семиотика. — Вып. 7. — Новосибирск, 2004. — С. 217-226.
17. Тавровский А. Родники мои серебряные /И. Нижник. Родники мои серебряные. Концерт в Афуле// youtube.com. — 10.03.2013. — [Интернет ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=tkKyewdAcRA> (Обращение 25.05.2015).
18. Отчет Жильбера Эреба Geum.ru Электронное хранилище знаний Дата конвертации 06.07.2013 [Интернет-ресурс] <http://geum.ru/next/refrt-82976.html> (Обращение 25.05.2015).
19. (Soutine: The power and the fury of an eccentric genius by Stanley Meisler Стэнли Мейстер. Сутин: власть и ярость эксцентричного гения// Смитсоновский Журнал. — ноябрь 1988 Там же: *Barnes wanted to meet the artist and returned to Zborowski's the next morning to do so. The dealer went to Soutine's, woke him up and made him put on his best clothes, then led him back to the waiting Barnes. The meeting between the rich, cantankerous collector and the impoverished, shy painter was not a happy one. "Barnes was seated, looking at me, and said, 'Ah, it's Soutine. Good,'" Soutine reported years later. "A boor! I will never forgive myself for having been idiot enough to go to such trouble." Later, Barnes spoke contemptuously of his find: "I caught him when he was drunk, sick and broke," he said, "and took the contents of his studio for a pittance." But Barnes always prided himself on his discovery.*
20. Маревна*. (Мария Воробьева-Стебельская) Моя жизнь с художниками «Улья». — М.: Искусство — XXI век, 2004. См. тж. именной указатель.
21. Трунев И.* (см. именной указатель)
22. Винавер М.* (см. именной указатель)
23. Лев Израилевич. Замолчанный гений // «Проза.ру». — 2012, [Электронный ресурс] <http://www.proza.ru/2012/01/26/1360> (Обращение 25.05.2015).
24. Марк Шагал. ПАМЯТИ М. М. ВИНАВЕРА [Электронный ресурс]// ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2006 ШВАТ 5766 — 2 (166) <http://www.lechaim.ru/ARHIV/166/shagal.htm> (Обращение 21.05.2015)
25. Делевский* (см. именной указатель)
26. Марк Талов*. Воспоминания. Стихи. Переводы//Составление и комментарии М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой — М.: МИК; Париж: «Альбатрос» 2005. — С.49) См. тж. именной указатель.
27. Цадкин И.* (см. именной указатель)
28. Seniorin. ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ХАИМ СУТИН... [Электронный ресурс] <http://www.liveinternet.ru/users/seniorin/post210947760/> . — 25.05.2012.)
29. Зборовским Л.* (см. именной указатель)
30. МАНЕ-КАЦ И ХУДОЖНИКИ “ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ”. Хаим Сутин // КУЛЬТУРТРЕ-ГЕРСКОЕ. Гений из местечка Смиловичи [Электронный ресурс] <http://leon-orr.livejournal.com/1327748.html> (Обращение 25.05.2015).

31. Энциклопедия живописи. Хаим Сутин [Электронный ресурс] <http://leosart.narod.ru/fracutin.htm> (Обращение 25.05.2015).
32. Orloff Chana* (см. именной указатель)
33. О. Мжелская. Безумец и гений. Двенадцать фактов про Хаима Сутина // Культура. — 15.05.2014 [Электронный ресурс]
34. Барнс А.* (см. именной указатель)
35. Цит. По: Тина Гай. Жил-Был Художник Хаим Сутин. — 22.07.2014 [Электронный ресурс] <http://sotvori-sebia-sam.ru/xaim-sutin/> (Обращение 25.05.2015).
36. М. Герман* (см. тж. именной указатель) Герман М.Ю. Хаим Сутин (серия «Художники русской эмиграции»). М.: Искусство-XXI век, 2009 См. тж. Художник Хаим Сутин /Еврейские мыслители, писатели, поэты, художники //Маранат проект [Электронный ресурс] http://www.maranat.de/agr_06_den_04.html (Обращение 25.05.2015).
37. Кунин А.В. Food for powder // Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. — С. 403. — 1455 с.)
38. Цит. по: Шульман А. На Родине Хаима Сутина // Мишпоха №25 [Электронный ресурс] <http://mishpocha.org/n25/25a04.php> (Обращение 21.05.2015)
39. Надежда Белохостик. Кеннет Грогер, внучатый племянник Хаима Сутина: На роль живописца из Смилович приглашу Ди Каприо. //Культура. — КП. — 19 11.2011 [Электронный ресурс] <http://www.kp.by/daily/25773/2757272/> (Обращение 25.05.2015).
40. Надежда Белохостик. В Беларуси появилась третья картина Сутина? 29.04.2015 [Электронный ресурс] <http://www.kp.by/daily/26374.3/3253788> (Обращение 25.05.2015)
41. Юлия Чернявская и Дмитрий Белковский, «Таки-судьба: везунчик Шагали "шлимазл" Сутин», Телефильм. — TUT.BY. — 2012 <http://news.tut.by/culture/315805.html> (Обращение 25.05.2015)
42. Олег Лукашевич «Хаим Сутин. Жажда цвета». Телефильм из авторского документального цикла 2014. ОАО «Белгазпромбанк» <https://youtu.be/0m6nDEIAUfi> (Обращение 25.05.2015)
43. Достоверный источник найти не удалось, здесь цит. по: Анисимов Г. Жил-был художник Хаим Сутин// ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2001 [Электронный ресурс] <http://www.lechaim.ru/ARHIV/116/anis.htm> (Обращение 25.05.2015). В иллюстрациях произведений Х. Сутина использованы репродукции из монографии Герман М.Ю. Хаим Сутин (серия «Художники русской эмиграции»). М.: Искусство-XXI век, 2009, — 376 с.: ил.
- «Тушеноши» из альбома: Михаил Шемякин. Т.І. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 568 с.: ил.
- Портреты работы А. Модильяни из альбома: «Амедео Модильяни». — М.: «Диект-Медиа», 2010. —

Фото взяты из интернет-источников.

Автор выражает глубокую признательность Ивану Мясникову за помощь в работе с иллюстрациями и Елене Мясниковой за неоценимую помощь в подготовке материала к публикации.

Сердечное спасибо всем друзьям за участие в предварительном обсуждении темы.

Николай Овсянников

ОТ ПОХОТЛИВОГО НЭПМАНА К РЕВОЛЮЦИОННОМУ РОМАНТИКУ

*Сказано: назови вещь иным
словом, и она поменяет суть.*
Борис Акунин

Тем, кто никогда не читал и не слышал «Гренаду» Михаила Светлова, вынужден обратиться с предложением: прочитайте, она невелика. Иначе приступать к тому, что здесь написано, не стоит: вы мало что поймете. Тем же, кто помнит ее как бардовскую песню времен хрущевской оттепели, стихи Светлова наверняка кажутся такими же простыми и наивными, как мелодия В. Берковского. Послушают сегодня какого-нибудь Баскова и скажут: а ведь неплохо сделано, отчего не запеть! Особенно если не задуматься, о чем, собственно, это произведение.

Между тем, текст Светлова — сплошные загадки. Они начинаются прямо с названия. Почему «Гренада», а не «Гранада»? Разве герой мечтает об острове в Карибском море? Или, может быть, виной тому устоявшееся в прежние годы неправильное произношение? Ничего подобного: и в воспоминаниях М.И. Глинки, большого поклонника Испании, и в «Письмах об Испании» В.П. Боткина, и в серенаде Дон Жуана Алексея Константиновича Толстого, получившей относительную известность благодаря музыке Чайковского, ясно написано — Гранада^[1]. То, что к моменту создания светловского стихотворения написание «Гранада» было давно установившейся, общепринятой нормой, подтверждают соответствующие статьи вышедшего в 1913 г. 16-го тома авторитетного энциклопедического словаря «ГРАНАТ». Стоит ли напоминать, что Гранада — один из древнейших, красивейших и известнейших городов мира. Неграмотность автора? Вряд ли: Светлов был любознательным и начитанным мальчиком, первые стихи написал в 11 лет, в 16 редактировал газету «Юный пролетарий», да и в стихотворении сообщает, что его герой нашел *Гренаду* «в книге», а вовсе не выдумал для какой-нибудь сказочной истории.

Так может быть, в детстве он и в самом деле прочитал книгу, где была допущена ошибка, но прочитанное так пленило его воображение, что и в зрелые годы хотелось хранить верность запомнившемуся произношению — *Гренада*? Действительно, такая детская книжка до революции была очень популярна и выдержала несколько изданий. Она называлась «Падение Гренады. Исторический рассказ об изгнании мавров из Испании. М. Фельде, перевод с немецкого». Наверно, родители подарили ее Мише в день 12-летия, и, прочитав эту увлекательную историю, он надолго пленился волшебной *Гренадой*. Между тем, переводчик М. Гранстрем имел в качестве исходного текста анонимную повесть «Последние мавры Гренады», опубликованную в берлинском журнале для домашнего чтения «Gartenlaube». Наверно, чтобы не делиться гонорарами с редакцией журнала, российские издатели не только придумали имя автора и изменили название произведения, но и Гренаду на всякий случай превратили в Гренаду. Боюсь, что многие сверстники Светлова, к середине 20-х заполнившие советские редакции, тоже читали в детстве эту книжку

(но, к сожалению, не читали ни Глинку, ни Боткина, ни А.К. Толстого и не заглядывали в словарь «ГРАНАТ»). Поэтому ни редакция «Комсомольской правды», где 29 августа 1926 года было напечатано стихотворение Светлова, ни работники издательства «Молодая гвардия», выпустившего в 1930-м сборник поэта с названием «Гранада» на обложке, не обратили внимания на неверное написание имени знаменитого города. В 30-е гг. советский издатель получил. Так, композитор-песенник Иван Шишов на стихи В. Михайлова и Д. Толмачева написал, а Государственное нотное издательство в серии «Репертуар вокальной эстрады» выпустило их песню «Гранада». Правда, эту «Гранадку» в послевоенные годы навсегда затмила другая, воистину великая «Гранада» мексиканского композитора Агустина Лары. Теперь ее знает весь мир.

Однако, похоже, автор «Гренады» ошибался сознательно. Его *Гренадская волость* — вовсе не реальная испанская провинция, а *Гренада* — отнюдь не ее административный центр. Он никогда не бывал в Испании и знал о городе Гранаде, скорее всего, лишь по романтической истории средневековых времен. Поэтому подчеркнуто неверным написанием его имени он, возможно, акцентировал фантастичность сюжета и намеренный символизм образа. Ясно, что реальный украинский хлопец, вместе с Мишей Шейнкманом служивший в 1-м Екатеринославском территориальном полку, ради счастья испанских крестьян никогда своей хаты не покидал и ни о какой Гранаде слыхом не слыхивал. Но в воспаленной мечтании мировой революции голове самого Миши подобный Дон-Кихот с троцкистской начинкой рано или поздно должен был обрести поэтическую плоть. Вот только почему это случилось летом 26-го, а не раньше, когда речи Троцкого и стихи Маяковского периода «150 000 000» еще продолжали поднимать волны энгуизма?

Очевидно, ностальгия Светлова по временам военного коммунизма, совпавшим с золотой порой его юности, и планам вселенского размаха, особенно обострилась к середине 20-х. Германская революция 1923-го, разрекламированная Карлом Радеком, надежд не оправдала. Обстановка в Европе постепенно стабилизировалась. В столице первого в мире государства рабочих и крестьян прямо на глазах поэта разбогатевший нэпман превращался в нового хозяина жизни.

В 1925 г. Светлов пишет пронизанное классовой ненавистью большое стихотворение «Нэпман». Приведу последние 5 строф:

Я стоял у дверей, недвижим,
Я следил за обедом твоим,
Этот счет за бифштекс и компот
Записал я в походный блокнот,
И швейцар, ливреей звеня,
С подозреньем взглянул на меня.

А потом, когда стало темно,
Мери Пикфорд зажгла полотно.
Ты сидел недвижимо — и вдруг
Обернулся, скрывая испуг, —
Ты услышал, как рядом с тобой
Я дожевывал хлеб с ветчиной...

Две кровати легли в полумгле,
Два ликера стоят на столе,

Пьяной женщины крашенный рот
Твои мокрые губы зовет.
Ты дрожащей рукою с нее
Осторожно снимаешь белье.

Я спокойно смотрел... Все равно
Ты оплатишь мне счет за вино,
И за женщину двадцать рублей
Обозначено в книжке моей...
Этот день, этот час недалек:
Ты ответишь по счету, дружок!..

Два ликера стоят на столе,
Две кровати легли в полумгле.
Молчаливо проходит луна.
Неподвижно стоит тишина.
В ней — усталость ночных сторожей,
В ней — бессонница наших ночей.

Это произведение дает о внутреннем мире тогдашнего Светлова куда более ясное представление, чем его знаменитая «Гренада». И это важно, поскольку затянувшееся едва ли не на целый день наблюдение автора за героем своего ядовитого стихотворения, скорее всего, и подвигло поэта на замысел произведения о революционно-романтическом антигоде ненавидимого нэпмана. Вероятно, это произошло в одном из московских кинотеатров, расположенном в районе Тверских улиц. В том же здании находились гостиничные номера, куда нэпман прямо из кинозала увел женщину. Спустя несколько десятилетий припоминая обстоятельства, связанные с рождением замысла «Гренады», Светлов назвал закрытый в 1919 г. и возобновленный в годы нэпа кинотеатр «Арсъ» на Тверской улице, проходя мимо которого, он, якобы, в глубине двора разглядел гостиничную вывеску — «Гренада». В этой истории правда переплетена с вымыслом подобно повести для детей о последних маврах Гранады. Во-первых, проходя мимо этого весьма массивного по тем временам сооружения, он не мог видеть вывесок на расположенных во дворе более мелких постройках (кстати, снесенных в 1930-м при передвижке театра вглубь двора для расширения Тверской улицы). Во-вторых, непонятно, каким образом *впервые*, как он утверждает, встреченное им название «Гренада», относящееся к островному владению Великобритании в Карибском море^[2], могло вдохновить его на стихотворение о воевавшем в Испании украинском хлопце. В то же время едва ли может вызывать сомнения факт поедания Светловым бутерброда в зале одного из московских кинотеатров во время демонстрации фильма с участием Мери Пикфорд. Не вызывают сомнения и сидевший перед ним нэпман, и его спутница. Очевидно, и гостиничные номера имелись на верхних этажах здания. Но создавая свою нехитрую легенду, 60-летний поэт, похоже, запомнил названия кинотеатра и гостиницы, а знаменитый кинотеатр «Арсъ» упомянул для убедительности. Кстати, в реальности частная гостиница «Гренада» в 1926 г. находилась не во дворе дома № 61 по Тверской ул. (адрес «Арса»), а в доме № 57.

Но Испания как место действия будущей баллады своим появлением в поле авторского внимания обязана, по нашему мнению, не только детской книжке о мав-

рах Гранады. В 1924–26 гг. широкую известность среди столичной богемы получило танго Самуила Жака на стихи Дмитрия Джусто «Севилья»:

Ночью в Севилье сижу у таверны,
И мой стакан цветет вином.
Рубиновым огнем
Там чей-то веер колышется мерно.
То за столом сидит одна.
Прекрасней всех она... и т. д. и т. п.

Дмитрий Фаустович Джусто, сын актрисы МХТ Е.Д. Тихомировой и итальянского певца Фаусто Джусто, в середине 20-х выступал в Дмитровском театре оперетты в Москве, затем работал режиссером Харьковского театра музыкальной комедии, возглавлял Московский ансамбль оперетты, работал в театрах Одессы и др. городов страны. При этом был не лишен поэтического дара и с 1919 г. блистал на эстраде с исполнением своих текстов. В 1924 г. ноты «Севилья» выдержали два издания. Нетрудно представить, сколько раз оно звучало с концертной эстрады, в ресторанах, на танцевальных площадках и в фойе кинотеатров, в том числе в исполнении красавца Дмитрия Джусто, любимца столичных дам. Ясно, что Михаил Светлов слышал этот музыкальный символ эпохи, причем не исключено, что как раз перед началом киносеанса с Мери Пикфорд. Разогретый классовой ненавистью к новым хозяевам жизни поэт в своих протестующих чувствах понесся прямо от Севильи к Гранаде — пока еще смутному поэтическому образу. Сладкое нэпманское танго «Севилья» требовало не столько поэтического, сколько песенного ответа. При этом Светлова наверняка вдохновлял еще один «испанский сюжет». В 1918 г. в Самаре был издан сборник революционных стихов, включавший «Марш рабоче-крестьянской армии», причем в подзаголовке указывалось, что исполнять его следует «на мотив Торедора» из оперы «Кармен». Автором марша был красноармеец, поэт, писатель и литературный критик Гилель Моисеевич Калмансон, до ареста в 1937 г. публиковавший свои произведения под литературным именем *Перекати-поле*.

Пока у нас речь шла лишь о замысле будущего произведения. Но для его реализации обострившегося чувства классовой ненависти («*Ты ответишь по счету, дружок!*»), ностальгических воспоминаний о героическом прошлом и двух музыкальных вдохновителей — танго «Севилья» и красноармейского марша «на мотив Торедора» — было все же недостаточно. Наверно, какое-то время Светлов подыскивал подходящую форму для задуманного произведения. На память пришла часто слышанная в походах песня «По Дону гуляет казак молодой»^[3]. Поиск литературного источника привел к балладе Дмитрия Ознобишина 1835 г. «Чудная бандура». Не всем доступен текст этого произведения, поэтому привожу его полностью:

Гуляет по Дону казак молодой,
Льёт слёзы девица над быстрой рекой.
«О чём ты льёшь слёзы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?
О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?»
— «Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обручили охотой меня!»
— «Родной ли, отца ли, сестёр тебе жаль?»

Иль милого брата? Пугает ли даль?»
— «С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!
Грущу я, что скоро мой локон золотой
Дон быстрый покроет холодной волной.
Когда я ребёнком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла
И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: «Утонешь в день свадебный свой!»
— «Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу вёрст;
Поедешь к венцу ты — я конников дам;
Вперёд будет двадцать и сто по бокам».
Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;
Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон её принял в клубящийся вал...
«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»
Лад первый он тихо и робко берёт...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.
Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слёзы русалки из глаз,
И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.
Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон золотой».

Если эту балладу, написанную 4-стопным амфибрахимом, переписать 2-стопными восьмистишиями, мы получим точную копию формы, использованной Светловым в «Гренаде». Только вместо образовавшихся при этом 9 строф «Бандуры» у Светлова их — 12.

Произведения роднит не только стихотворный размер и жанр романтической баллады. В центре повествования и там, и там — гибель героев. В «Гренаде» в первой же строфе предвестником трагедии звучит сравнение молодой травы, хранящей песню, с камнем, напоминающем о надгробье — степным малахитом. В «Бандуре» гибель девицы предвещает цыганка. Украинский хлопец Светлова, прочитав книгу, влюбляется в далекую неведомую Гренаду. Юная героиня Ознобишина, воспитанная в строгих казачьих традициях (у нее есть жилище, отец, мать, сестры и брат) влюбляется в главаря шайки («я конников дам») прибывшего к ним из дальних краев («с тобой и далече мне весело жить»). Жених обещает ей полную безопасность — мост через реку, боевое охранение. Хлопца, отправившегося в Испанию, невидимо присутствующий в стихотворении Монстр мировой революции тоже соблазняет видением моста, через пропасть капитализма ведущего ко всеобщему счастью. Правда, и для такого моста необходимо боевое охранение. Девушка, доскакавшая в окружении конников до чугунного моста, падает со споткнувшегося коня и тонет в реке. Украинский хлопец, отвоевавший за счастье испанских крестьян, возвращается на родину, чтобы, скача по украинской степи, быть убитым шальной пулей. В «Бандуре» один лишь жених озабочен падением в реку девицы.

В «Гренаде» гибель ветерана испанской революции, распевającego необычную песню, замечена только рассказчиком («отряд не заметил потери бойца»). Не странно ли? Да нет: ведь для воюющих с отрядами батьки Махно расхристанных исполнителей «Яблочка» он, романтический подвижник перманентной революции, — чужак. Точно так же жертвенно влюбленная в казачьего атамана девица — чужой, не нужный остальным членам отряда очевидец их художеств. Казак пытается воскресить невесту с помощью магии — игрой на чудной бандуре. В сущности, магическим заклинанием, призванным обессмертить героя, звучит в конце светловской баллады ее песенный рефрен: «Гренада, Гренада, Гренада моя!».

Что за Гренада? Почему «моя»? Кто и на какую музыку мог распевать подобное в украинской степи, простреливаемой кочующими бандами? Умирать, пытаясь выговорить это слово?.. Чистый фантазм! Но ведь зацепил чем-то Маяковского. Может быть, он, «самый магический, лозунговый поэт той эпохи»^[4], умевший «вложить всю страсть души и заклинательно-магическую силу» в свои стихи-лозунги, почувствовал в светловском стихотворении нечто родное — мощную магию слов?

Есть у нас такая традиция. Некогда кн. Владимир Киевский «...нарек язычников славян и финнов христианами, пытаясь силой слова преобразовать свой народ». И вот: «Не святой уже — / другой, земной Владимир / крестит нас / железом и огнем декретов». «Киев», (Владимирский, 1924). Новый Владимир «...нарек крестьянство пролетариатом, купцов буржуазией, а народный бунт — социалистической революцией, используя магическую силу наименования, т. е. слова *социализм*. Именно эту магию увидел Маяковский: «Впервые / перед толпой обалделой / здесь же, / перед тобою, / близ — / встало, / как простое / делаемое дело, / недостижимое слово / «социализм» («Ленин с нами», 1927).

А Светлов? Далеко не самую передовую испанскую провинцию Гранада с ее патриархально-католическим населением он наименовал «Гренадской волостью». И вот уже никому неведомые «гренадские» крестьяне, просвещенные прибывшим с родины социализма юным интернационалистом, берутся за оружие, начинают черный передел. Завтра их землю озарит свет социализма. Так ведь и вправду «озарил» — в 1936-м! Прав был П.А. Флоренский: «Магия действия есть магия слов; магия слов — магия имен».

Вернемся, однако, к песне об утонувшей в Дону красавице-девице. Кажется, она заставила Светлова вспомнить не только о собственном детстве и юности, но и об одном ярком современном персонаже. Речь о Ларисе Рейснер — литературной даме, сделавшейся в 17-м году отчаянной революционеркой. В 19-м, подобно светловскому герою, она отправилась защищать рабочих и крестьян в края, которые символически можно было бы назвать *Гренадской волостью*, ведь проживали там в основном калмыки и астраханские татары — столь же малопонятные и далекие для петербургской интеллигентки польско-немецких кровей, сколь крестьяне юга Испании — для украинского хлопца. Навоевавшись в Нижнем Поволжье и на Кавказе, затем совершив утомительное путешествие в Афганистан (почти в средневековую мавританскую Гранаду из упомянутой детской книжки), в 1923-м с неисправимым троцкистом Карлом Радеком она отправляется на баррикады в Германию. «Перманентная» революционерка, она была совершенно не приспособлена к жизни в мирных условиях нпн и в феврале 26-го скоростно скончалась в Москве от брюшного тифа. Варлам Шаламов так вспоминал о ее похоронах: «Гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре. Двор был весь забит народом — военными,

дипломатами, писателями. Вынесли гроб, и в последний раз мелькнули каштановые волосы, кольцами уложенные вокруг головы. За гробом вели под руки навзрыд рыдающего Карла Радека. <...> Похоронили Ларису Михайловну Рейснер на "площадке коммунаров" на Ваганьковском кладбище. В одном из некрологов было сказано: "Ей нужно было бы помереть где-нибудь в степи, в море, в горах, с крепко стиснутой винтовкой или маузером". Напомню, именно в степи и, надо думать, со стиснутой в руке винтовкой, гибнет герой светловской «Гренады».

Революционизм Ларисы Рейснер был окрашен в суровые, почти готические тона. О ее комиссарстве на Волге долго ходили кровавые легенды. Ее речи, обращенные к морякам, призывали к жестокой мести «нашим заклятым врагам». Однажды, как рассказывал своей жене Осип Манделштам, она дала званый вечер в Петрограде специально для того, чтобы облегчить чекистам арест приглашенных, и несколько часов мило смеялась и танцевала с теми, кого уже поджидала пуля.

Лишь на первый взгляд этот мрачный стиль кажется далеким от того, которым веет от светловского героя. По сути, фанатичная железная Рейснер и мечтательный украинский хлопец — две стороны одной медали под названием Октябрьская революция. Михаил Светлов, кажется, искренне восхищался обеими. Но изображать предпочитал вторую — с песенками и «смычками страданий».

Как и Лариса Рейснер, с годами сделавшаяся источником нескольких ходячих легенд (в т. ч. о попытке спасения Гумилева), светловская «Гренада» тоже породила красивые легенды. Например, о том, что уже в 20-е гг. стихотворение стало песней, которую знали и пели повсюду. На самом деле Светлову, сочинявшему не столько стихотворение, сколько текст к будущей песне, дожидаться музыкального автора пришлось почти три года. Легенда о том, что молодой украинский композитор Юлий Мейтус, проживавший и учившийся в это время в Елисаветграде, якобы еще в 1927-м сочинил на стихи Светлова музыку, не выдерживает критики. Подобных нот никто не видел, да и сам Мейтус к авторам «Гренады» себя никогда не причислял. Неизвестны имена и других, якобы покоренных Светловым музыкантов, бросившихся сочинять к его детищу мелодии. Только в конце 1928 г. молодой ленинградский композитор Поль Марсель (Иоселевич), влюбившийся в приехавшую из Харькова 23-летнюю Клавдию Шульженко, похоже, специально для нее написал, а на следующий год выпустил за свой счет ноты первой песенной «Гренады». Но и она успеха и известности не получила. Иначе бы Шульженко, презентовавшая в 1929 г. эту новинку в Ленинграде, впоследствии, на пике славы, непременно продолжала бы ее исполнять и наверняка записала бы на пластинку. Ни того, ни другого не произошло. Для сравнения: довоенное танго «Руки» на музыку Ильи Жака (брата упомянутого Самуила, автора «Севильи») и стихи Лебедева-Кумача она пела постоянно и *дважды* записывала для многотиражных пластинок. Не делали таких попыток и другие эстрадные исполнители. Совершенно фантастическими представляются утверждения о том, что «Гренаду» (на чью, интересно, музыку и на каком языке?) распевали ингернациональные бригады в воюющей Испании. Мелодию П. Марселя (кстати, арестованного в 1937 г.) никто к тому времени не помнил и вряд ли бы повез с собой в Испанию нотную тетрадь 1929 года. Подобная легенда могла сложиться из-за смешения в чьей-то памяти двух произведений — «Гренады» на музыку К. Листова 1936 г. (о ней ниже) и написанного летом 1938 г. на мелодию «испанской народной военной песни» текста Светлова «С песней выйди в бой» (опубликован с нотами в газете «Советское искусство»):

Песню пой!
 С песней выйди в бой,
 Молодой испанец!
 Ненависть нашу множим,
 Обоймы вложим
 В походный ранец.
 В стане у гор
 Молодой дозор,
 Боевая удаль! —
 Слышишь, как спозаранку
 Зааял Франко —
 Немецкий пудель.
 Пушки литые жерла
 Загрохотали —
 Мы италянцев в гости
 К себе не ждем... — *и т. д. и т. п.*

Пощажу читателя от дальнейшего цитирования этого «шедевра».

Что же касается совершенно не пригодной к запоминанию, откровенно слабой музыке Константина Листова 1936 года^[5], то даже Леонид Утесов, напевавший на нее светловское стихотворение в концертах «Песни нашей родины» в 1936/37 г., исполнить песню для более широкой аудитории решился всего один раз — по радио в 1969 году. Откровенно говоря, лучше бы он этого не делал. Если же интернационалисты сочинили свою музыку, почему о ней ничего неизвестно? С популярными народными мелодиями такого не происходит. Распрошенные мною люди старшего поколения, в школьные годы проводившие летние каникулы в пионерских лагерях, вспомнили множество заученных там песен на военно-патриотическую тему, но «Гренаду» Светлова никто из них не назвал. Сам я вырос в музыкальной семье, любил слушать советские песни, пел их сам, с конца 50-х учился в музыкальной школе, но никогда и ни от кого не слышал какого-либо песенного варианта «Гренады».

Все это позволяет сделать вывод, что до 1958 г., когда Виктор Берковский сочинил к «Гренаде» новую мелодию, песню с таким названием петь было некому и *не на что*. Мелодия Берковского была хороша своей живостью, простотой и запоминаемостью. Стихи о мечтательном украинском хлопце, погибшем в расцвете лет за крестьянское счастье (правда, так никогда и не наступившее), удачно вписывались в атмосферу набиравшей силу оттепели. Тот же дух мечтательности, романтики и легкой боевности пронизывал поэзию Окуджавы, задававшего тогда тон настроениям т. н. шестидесятников. Это поколение, по меткой характеристике И. Г. Яковенко, «...создает собственный дискурс, складывает набор мифов и топов. В этот список войдут дружба, культивируемая приватность, культ тайны (любовь это тайна, женщина это тайна), культ простого народа, культ Революции и золотых двадцатых годов, когда духовная свобода обручилась с социализмом (курсив мой. — Н. О.), ценностная диспозиция («хороший Ленин, плохой Сталин»), установка на дистанцирование от власти и реальной политики и т. д. <...> Как и всякое новое поколение, шестидесятники самоопределяются, отслаиваясь от предшествующих поколений, и формируют уникальный мир — со своими вкусами, пристрастиями, мифами и предубеждениями, жизненными сценариями и ценностями». Из цитированного ясно, сколь благодатную почву получила у шестидесят-

ников воскрешенная Берковским светловская «Гренада». Но «отгораживаясь от предшествующих поколений, создавая фильтры и преграды на путях коммуникации между субкультурами», шестидесятники утащили туда же, в свой «уникальный мир», и эту песню, так и оставшуюся неизвестной тому самому простому народу, культ которого составлял существенную часть их быта.

Так оправданно ли называть ее народной? Не думаю. Хотя бы потому, что народ «Гренаду» не знает и не поет. Зато гораздо более ранние стихи Д. Ознобишина — с превеликим удовольствием, особенно во время застолья. Не поют ее ни новые «патриоты», ни старые «либералы». И вовсе не потому, что приелась мелодия Берковского, а другой нет. Дело не в мелодии. Люди повзрослели, набрались исторического опыта. Многим стали очевидны искусственность, подражательность, сиюминутность поэтического изделия Светлова. Типично советские легенды о нем и его создателе как раз и призваны отвлечь внимание от этих огорчительных для кого-то обстоятельств.

Когда-то пародист Александр Архангельский призраком Генриха Гейне пытался остудить непомерно разросшийся после «Гренады» поэтический пыл своего современника:

Да, Гейне воскликнул:
«Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!»

Остудить Светлова ему не удалось. Поэт сделался еще и драматургом. «В роскошной империи шел пир, — вспоминала многие годы спустя Н.Я. Мандельштам, — и каждый день приносил новости. Обсуждали пьесы Светлова, стихи Сельвинского, базис и надстройку, фильм с псами-рыцарями и течение рек, которые собирались повернуть вспять...»

Мечты о повороте всего и вся вспять — и сейчас одно из любимейших занятий никуда не исчезающего советского человека. Почти такое же, как сочинение легенд о бессмертных произведениях, дарящих вечность своему создателю.

Примечания:

[1] Написание «Гренада», распространившееся в нотных изданиях конца XIX — нач. XX вв., объясняется, скорее всего, уступкой вокалистам. Русскоязычному человеку пропеть [гри-на́-да] вместо [гра-на́-да] привычнее и легче: подавляющее большинство слов, начинающихся с «гра...» — иноязычного происхождения, в то время как с «гри...» и «гре...» (в безударном положении фактически то же «гри...») — в большинстве русского. По той же причине уху русского слушателя [гри-на́-да] привычнее.

[2] О. Гренада и Гренадский архипелаг для образованного советского человека вовсе не были «неизвестной территорией». Это бывшее британское владение имело весьма бурную историю, уникальный природный мир, ее население в конце 20-х гг. насчитывала ок. 80 тыс. человек, что, к примеру, сопоставимо с тогдашней Тувинской Народной Республикой, дальневосточным соседом СССР. Лично я еще школьником, будучи собирателем почтовых марок, живо интересовался географией, прекрасно знал о существовании этой британской колонии примерно с конца 50-х гг. Услышь я тогда песню Берковского-Светлова, наверняка помчался бы выяснять, что еще за Гренада появилась в Испании.

[3] Песню, очевидно, напевал голосистый 16-летний однополчанин и друг Светлова Григорий Яковлевич Банков (1903-1971), выходец из еврейской семьи среднего достатка, уроженец г.

Кривой Рог, впоследствии профессиональный певец (баритон), выступавший в основном на Украине. По свидетельству его сына М.Г. Таубе, Банков был первым исполнителем-мужчиной песенного варианта «Гренады» (очевидно, на муз. П. Марселя). Не исключено, что именно романтик-интернационалист Банков, а не неведомый украинский хлопец, послужил Светлову прообразом героя его знаменитого стихотворения.

[4] Здесь и в следующем абзаце цитаты из кн.: В. Кантор. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. М., 2011.

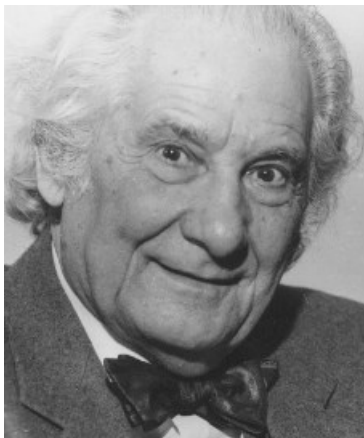
[5] 1936 г. указывает на явно конъюнктурный характер произведения: это начало испанской гражданской войны, в которой СССР сразу поддержал одну из сторон.

Илья Граковский
АЛЕКСАНДР ПЕРЕЛЬМАН
Штрихи к портрету выдающегося чтеца

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Этот очерк посвящается памяти выдающегося артиста-чтеца, одного из признанных лидеров ленинградской школы мастеров лигатурной эстрады Александра Абрамовича Перельмана.

Александр Перельман

Он родился 24-го марта (по н.с.) 1905-го года, а умер 13-го марта 1996-го, не дожив каких-то одиннадцати дней до своего 91-го дня рождения.

Разбираясь с наследием Перельмана, я лишний раз убедился в справедливости древнего речения: "так проходит слава мирская". Жил-был артист, выступал, творил, его знали, восхищались им, его программы проходили с шумным успехом даже на так называемой "сдаче" художественному совету (а ведь известно, что добиться признания у коллег гораздо труднее, чем у зрителей). Но вот артист ушёл. И что же? О нём мало кто вспоминает, памятные даты не отмечаются. Будто его и не было. Многие видеозаписи безвозвратно утеряны. А ведь в этом случае литературное слово, прозвучавшее в концерте, а также облик артиста остаются незапечатлёнными; слово, например, растаяло в воздухе в момент произнесения. Уже одна мысль об этой несправедливости подвигла бы меня на подготовку очерка в память о Перельмане. Но есть не менее важная причина: в какой-то мере я считаю себя его учеником. Дело в том, что Перельман был режиссёром ряда моих концертных программ, например, по произведениям Пушкина и Евтушенко. Уроки, которые он мне

преподавал, его мудрые советы, равно как и его собственное исполнительское творчество, оказали большое воздействие на моё профессиональное становление. Я всегда восхищался его артистическим мастерством, ещё со школьных лет бегал на его концерты. Он был мне глубоко симпатичен и как человек, как личность. Воздать должное его светлой памяти — мой приятный долг.

Должен признаться, что объективно я в данном случае не лучший мемуарист из всех возможных. Есть много людей, которые гораздо дольше и гораздо ближе его знали, чем я. Я, в отличие от них, познакомился с Александром Абрамовичем, когда он был уже в почтенном возрасте. Да и общались мы не так уж часто. Тем не менее у нас были отношения, которые вполне можно назвать дружескими, несмотря на огромную разницу в возрасте. Мы были расположены друг к другу, работали время от времени вместе. У нас было много общих тем для бесед: и в области искусства и, как принято говорить, "за жизнь".

Вот, собственно, и весь мой "актив" в вопросе, который именуется "Александр Перельман". Но у меня есть очень важное преимущество: огромную помощь в подготовке материалов для этого очерка оказала мне актриса Елена Михайловна Ильина, вдова Перельмана (их брак не был зарегистрирован, но они жили вместе как маленькая семья).

Лена Ильина

Она последние годы живёт в Москве, и наш рабочий процесс протекал главным образом по международным телефонным линиям, связывающим Нью-Йорк и Москву, и по интернету. Без участия Лены (мы с ней давно знакомы по Ленконцерту) этот очерк вряд ли когда-либо вышел в свет. Кроме того, нам с Леной очень помогли Тая Зайченкова и Андрей Туев, живущие в Петербурге. Многие годы они были постоянными зрителями на концертах артиста. Большое им спасибо!

На этом вступительная часть заканчивается и мы переходим к основной теме нашей рассказа.

Итак, Александр Абрамович Перельман (в дальнейшем изложении будем иногда заменять его имя аббревиатурой "А.А.").

Когда артист выходит на сцену, вписывает свой корпус в изгиб крышки роля (если роля имеет место быть), бросает магнетический взор в зал и выдерживает маленькую паузу, чтобы сфокусировать взгляды всех пар глаз на себя, — что привлекает в первую очередь ваше внимание? Конечно же, внешние данные исполнителя! Мы знаем, что в искусстве литературного рассказывания внешность не самое главное: теще герой драмы в амплу красавца. К тому же, если он талантлив, то уже через несколько минут после начала чтения, находясь во власти театра воображения (так определяли искусство теща Георгий Артоболовский и Дмитрий Журавлёв), вы совершенно забудете о том, как рассказчик выглядит. Но при его первом выходе, во время первой, "настраивающей" публику паузы вы неизбежно сконцентрируетесь на его фактуре. И недооценивать эту сторону дела не следует.

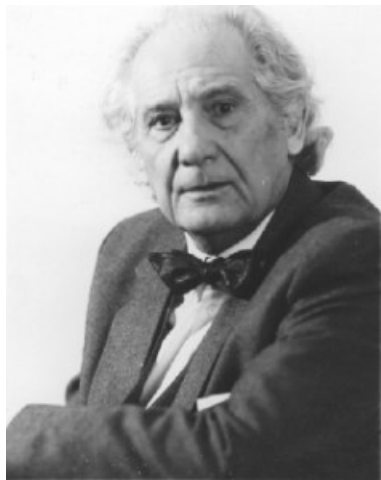
Герой очерка — в полный рост

Артист с привлекательной внешностью сразу же, ещё не успев раскрыть рот, завоёвывает расположение публики.

Что можно сказать о внешних данных нашего героя?

Ну, во-первых, артист строен, высок (рост 1м 86см), красив.

Во-вторых, в чертах лица видна породистость; облик излучает обаяние и достоинство; глаза выразительные.

Теперь мысленно наделите эту великолепную фактуру молодостью или даже лучше зрелостью, средним возрастом, — и вы поймёте, какой это был обольстительный мужчина и как сходили по нему с ума дамы.

Но было бы большой ошибкой полагать, что он был легкомысленный ловелас, этаким порхающий мотылёк, любитель срывать цветы наслаждения. Ни Боже мой! Насколько я об этом знаю или могу догадываться, его отношение к женщинам было сродни тютчевскому: любвеобилие со-

четалось у него с сильным чувством, страсть — с рыцарским отношением к женщине. Он служил своим возлюбленным преданно и бескорыстно. Мучительно переживал почти каждый разрыв.

Но давайте всё-таки начнём, как это и принято, с начала.

Ташкент

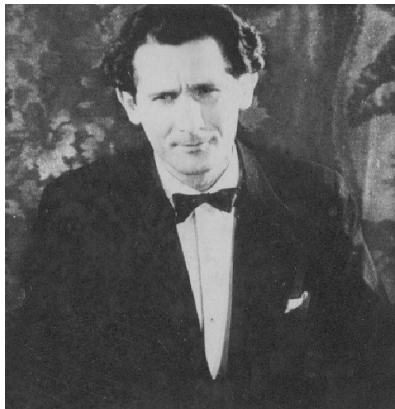
Родился будущий артист в Ашхабаде, но через 12 лет семья переехала в Ташкент. Тогда Ташкент был сравнительно небольшим провинциальным городом на окраине империи. Маленький Соломон (это подлинное имя нашего героя, Александром его стали звать друзья уже в Петрограде, причём не по его инициативе; фамилию, например, он никогда не менял на имеющий русское звучание псевдоним) — так вот Соломон рос в многодетной еврейской семье среднего достатка. У него было три сестры и брат Яков (старший). О жизни этой семьи в Ташкенте, о дальнейшей судьбе сестёр и брата я практически ничего не знаю. Что касается отца, то он был квалифицированным ювелиром. Вполне еврейская профессия. Мать занималась изготовлением корсетов, которые в то время пользовались повышенным спросом.

Ташкент. Семейный снимок: родители, дети (кроме старшего брата) и няня. Маленький Соломон сидит слева. Судя по этой фотографии, наш герой ростом удался в отца.

Относительному благополучию семьи положила конец большевистская революция. Она принесла страшную беду. Во время военного коммунизма отец был арестован по ложному доносу, судим, повидимому тройкой, которая руководствовалась не законом, а конечно же, пролетарским самосознанием, и приговорён к расстрелу, который немедленно был приведён в исполнение. Семья осталась без кормильца. Не исключено, что кто-то из "товарищей" позарился на ювелирные изделия и какие-нибудь драгоценности, которых, как они полагали, не могло не быть в доме еврея-ювелира. Может быть это, а может быть что-то другое, не менее "изящное", стояло за кулисами этой трагедии. Подлинных фактов, способных пролить свет на случившееся, у меня, к сожалению, нет. Но для нашего повествования важно другое. Со слов Елены Михайловны мне известно следующее: А.А. был убеждён, что след этой расправы, этой несправедливой казни тянулся за ним всю жизнь. Именно этим он объяснял, почему ему для концертов никогда не предоставляли, ни в Москве, ни в Ленинграде, больших залов, что все заявки на присвоение ему почётных званий либо не проходили через ленинградский обком, либо застревали где-то в высоких московских инстанциях.

Институт Живого Слова

Молодой выпускник ИЖС с дипломом в кармане во время одного из своих первых публичных выступлений

В 1922-ом году юный Саша Перельман, который к тому времени окончил среднюю школу в Ташкенте, отправился в далёкий Петроград навстречу своей судьбе. Там он стал студентом так называемого "Института живого слова" (ИЖС). Своёобразное, по крайней мере по названию, высшее учебное заведение. Таких названий по-моему не было в истории. Торжественное открытие института состоялось в ноябре 1918-го. Энтузиазм деятелей культуры, принявших революцию, в ту пору буквально бил фонтаном. Удивительно, что в стране, где царили мрак и мерзость запустения, где творился произвол и подавлялась свободная мысль, голодные питерские профессора с восторженным настроением решили создать большое

учебное и научное учреждение, пусть с не очень ясными задачами и целями, с несколько аморфной структурой, но с явно благородной, просветительской направленностью. Основателем и первым директором ИЖС стал петроградский актёр и историк театра Всеволодский-Гернгросс. К преподаванию были привлечены большие творческие силы, коими Петроград, несмотря на разруху и неразбериху, был ещё достаточно богат. Например, знаменитый русский адвокат Анатолий Фёдорович Кони вёл курс ораторского искусства, Ник. Степ. Гумилёв — курс теории поэзии. Лекции читали лингвист Щерба, литературовед Эйхенбаум, режиссёр Мейерхольд, пушкинист Бонди, а также Юрий Тынянов, Виктор Шкловский и другие писатели. Плохо управляемый, громоздкий и в организационном плане рыхлый институт не выдержал нескольких ревизий и был закрыт в конце 1924-го года, просуществовав около шести лет.

Одна из задач, поставленных перед Институтом его основателями, — готовить специалистов по основам культуры устной речи. В эту категорию студентов входили и будущие актёры. А среди этих последних были два друга: Саша (он же Соломон) Перельман и Жоржик (он же Георгий) Хазан. Жоржик шёл по классу прославленной русской драматической актрисы Елизаветы Ивановны Тиме. Она была в числе основателей ИЖС. А Саша Перельман занимался в классе профессора Суренского, Василия Васильевича. Культура устной речи для такой страны, как постреволюционная Россия, может быть, не самая актуальная в то время, но весьма прагматичная задача. Выразительная грамотная речь с правильными ударениями и постановкой дыхания и звукоизвлечения, — всё это чрезвычайно важно для самых разных профессий: для актёров, учителей, лекторов, адвокатов, политических деятелей, даже для священников и ещё кого хотите. И если всему этому обучали в упомянутом институте, то значит, там делали важное и полезное дело. Окончив этот институт, Александр Перельман, например, стал на многие десятилетия признанным авторитетом в актёрской среде во всех вопросах произнесения и говорения. Стало быть, учителя там были превосходные.

Начало было так далёко...

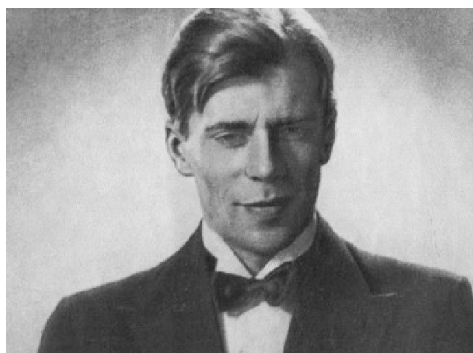
Начало профессиональной деятельности Перельмана почти совпало с рождением нового жанра сценического искусства — исполнительства на литературной эстраде. Основателем жанра по праву является Александр Яковлевич Закушняк.

В 1924-ом году он начал выступать с вечеровыми литературными программами в больших залах, в Домах культуры, даже в заводских цехах перед самой широкой публикой. Успех был огромный. Оказалось, что можно два часа держать в неослабном напряжении большой зал, просто "читая" литературное произведение, не прибегая при этом ни к гриму, ни к декорациям, ни к помощи партнёров по сцене. Вообще же, на сцене Закушняк с 1906-го года. С 1910-го по 1914-ый год он регулярно выступал с концертами под названиями "Вечер интимного рассказа" или просто «Вечер рассказа». Выступал он в камерных залах либо в гостиных частных домов перед любителями литературы и театра. Он гастролировал в обеих столицах, а также в губернских городах. Трудящиеся массы не вовлекались в эти таинства, но тем не менее это и было рождением нового актёрского профессионального жанра. Просто в двадцатых годах, в новой России этот жанр Закушняк утвердил уже в качестве общенародного. До этого он был "салонным", для литературных гурманов.

Александр Яковлевич Закушняк

Надо заметить, что чтение литературных произведений в узком, полудомашнем кругу, существует так же давно, как и письменность. Всегда, например, было принято так называемое авторское чтение. Свои произведения в кругу друзей, в домашних гостиных, читали многие писатели; некоторые, например, Пётр Ершов, автор "Конька-Горбунка", делали это на артистическом уровне. Но всё это ещё не было началом существования нового жанра. То были только предпосылки. А случилось это тогда, когда Александр Закушняк уже мог с достоинством и по праву сказать: "Я первый сделал своей профессией литературу на эстраде". Профессией! Со своей теорией и практикой, со своими законами сценического поведения, с историей своего развития, со своей когортой служителей — мастеров звучащего литературного слова. Вот *это* мы называем новым жанром, новым искусством.

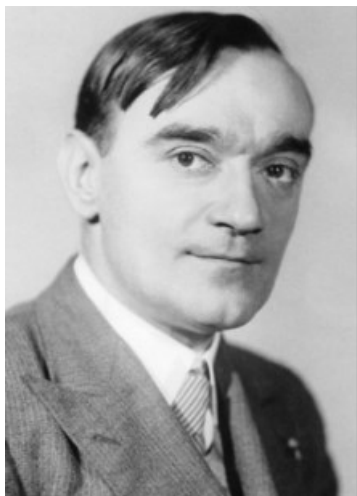
Владимир Николаевич Яхонтов

В середине двадцатых годов на эстраде зазвучал голос другого крупного артиста, создавшего в искусстве художественного слова своё, особое направление. Это Владимир Николаевич Яхонтов, прославившийся составлением и великолепным исполнением так называемых литературных композиций.

В те же годы начал активно выступать с литературными программами пока что в сборных кон-

цехах на московских площадках (оставаясь при этом актёром театра Вахтангова) Дмитрий Николаевич Журавлёв.

Первый сольный филармонический концерт Журавлёва, который он считает началом своей чтецкой деятельности, состоялся в феврале 1931-го года в Малом зале московской Консерватории. Это был день творческого рождения будущего флагмана нашего жанра, патриарха чтецкого искусства, первого и единственного профессионального чтеца, удостоенного звания народного артиста СССР.

Дмитрий Николаевич Журавлёв,
двадцатые годы

Журавлёв, поздние годы

Примерно к тому же времени художественное чтение сделал своей профессией, главным и любимым делом жизни замечательный ленинградский актёр (в прошлом адвокат) Антон Исаакович Шварц.

Кроме Шварца в Ленинграде успешно творили Георгий Артоболевский (автор определения "театр воображения"), Владимир Чернявский, Ольга Бюел, Тамара Давыдова. Александр Перельман и Георгий Хазан также были в числе основателей ленинградской школы художественного слова. В эту когорту надо обязательно включить замечательного чтецкого режиссёра Екатерину Николаевну Смирнову.

О Смирновой у нас ещё пойдёт речь в дальнейшем повествовании, ибо она была второй женой Перельмана.

Все эти люди стояли у истоков чтецкого цеха сначала Ленгосэстрады, а затем — Ленконцерта.

На московской литературной эстраде, кроме Яхонтова и Журавлёва, выступали Дмитрий Орлов, Игорь Ильинский, причём оба этих сверхнародных артистов до конца оставались театральными актёрами, а также Всеволод Аксёнов и Эммануил Каминка. Оба последних стали профессиональными актёрами-чтецами.

В дальнейшем обе школы (и ленинградская, и московская) пополнились многими замечательными мастерами жанра, более молодыми. Достаточно упомянуть Сурена Акимовича Кочеряна в Москве и Владимира Андреевича Ларионова — в Ленинграде.

Антон Исаакович Шварц

Екатерина Николаевна Смирнова. (если бы снимок был сделан не на пляже, читатель, безусловно, увидел бы выдающегося режиссёра в более строгих одеяниях. Фото из домашнего архива Перельмана)

Такова набросанная беглыми штрихами картина зарождения и начального этапа развития нового жанра, жанра звучащей литературы, которому суждено было обрести большую популярность в стране. Повторяю, всё это совпало с началом самостоятельной концертной деятельности Александра Перельмана.

Во всём мне хочется дойти до самой сути...

Что в первую очередь было характерно для молодого артиста?

Во-первых, полная и искренняя преданность жанру. Он очень любил это искусство, считал его возвышенным и земным в одно и то же время. Он всегда подчёркивал, что в распоряжении чтеца — всё богатство литературы, театр же опирается почти исключительно на драматургию, а это только небольшая часть литературы. К театру вообще был едва ли не равнодушен.

Во-вторых, он отчётливо понимал принципиальные различия между родственными видами искусства: между театром и литературной эстрадой. В одном случае со сцены льётся рассказ, повествование, идёт разговор на языке литературы, во втором — создаётся театральная модель реальной сиюминутной жизни. Из этого принципиального различия вытекает и различие в характере актёрской работы. Например, театральный актёр свято верит в предложенные ему драматургом и режиссёром обстоятельства. И правильно делает. Эта способность верить и перекидывать веру через рампу в зал, убеждать зрителя определяет меру актёрского таланта. Актёр должен всерьёз относиться к декорациям, ко всем этим холстам и фанере, из которых они сделаны (верить, что это настоящие перегородка, дверь, окно). Он должен играть роль, т.е. полностью перевоплотиться в своего героя. Он всегда действует в настоя-

щем времени. Так же, как и мы в жизни, он «не знает», что произойдёт через минуту. Он играет сиюминутность. Чтец же ни в кого не перевоплощается, он играет только рассказчика, он заранее знает, что произойдёт и чем всё кончится. У него не должно быть никакой сиюминутности в ощущении событий.

Всему этому А.А. следовал в своей концертной практике.

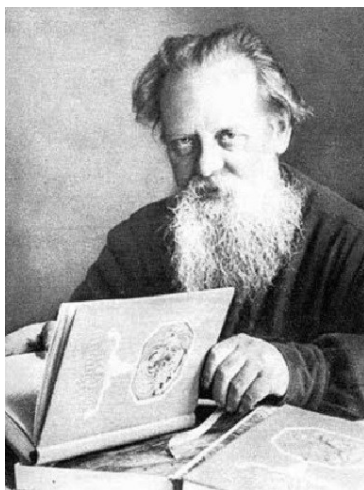
Ещё несколько слов, относящихся к творческому портрету Перельмана.

Есть разные школы сценической речи. Например, московская или ленинградская. Принципиальных различий между ними нет, расхождения касаются лишь отдельных частностей, деталей, какого-то, я бы сказал, речевого колорита. По существу наличие таких школ — это дань традициям, которые на протяжении десятилетий складывались в каждой из обеих столиц: в европейском Петербурге и в более русской Москве. Повидимому, в ИЖС профессор Суренский учил своих студентов московскому варианту, классической речи московского Малого театра. Потому что из бесед с Александром Абрамовичем я понял, что он с молодых ногтей впитал в себя московскую манеру говорения. Во время его выступлений или когда я работал с ним над какой-то программой это, естественно, ощущалось. Но в то же время, став чуть ли не в восемнадцать лет ленинградцем и постоянно вращаясь в питерском актёрском бомонде, он невольно (или сознательно) улавливал и осваивал особенности петербургской сценической речи. В итоге возникло то, что можно определить специальным термином: "сценическая речь московского Перельмана". Одна представляла собой сочетание лучших черт и той, и другой школы.

Более важно почеркнуть другую особенность творческого облика нашего героя: он обладал яркой, неповторимой характерностью. Качество, безусловно желательное для чтеца, но ещё более необходимое для драматического актёра. Мы уже говорили, что чтец если кого и играет, то только рассказчика, театральный же актёр должен полностью перевоплощаться в своего персонажа.

Что же получается? Артист, который признаёт только художественное слово, а не драму, почти равнодушный к театру, но всей душой преданный литературной эстраде, — этот артист обладает драгоценным для театра свойством: характерностью. Чаще случалось наоборот: из театра в чтецы уходили те артисты (подчас весьма одарённые), которые любили работать по-мхатовски, то есть весомым, сочным, идеально артикулированным, точно посланным словом, которое летит в зал и взрывается в сердце зрителя. Школа не показа, а представления. Артисты, которые диалогу предпочитают монолог. Для которых обыгрывание предметов, аксессуаров, пластика тела, сценическое движение — дело нужное, но, может быть, не самое-самое...

Вроде бы нелогично получается. Но с другой стороны, можно ли представить, чтобы чтец исполнил фрагменты сказа Павла Петровича Бажова, не обладая перельмановской речевой характерностью? Кстати, природных данных здесь мало, нужен большой кропотливый труд. Выросший в далёком,

Павел Петрович Бажов

окраинном Ташкенте, а затем ставший ноблем питерского театрального бомонда, А.А. был очень далёк от уральского народного говора. Но он поехал на Урал, познакомился с Бажовым, вёл с ним долгие беседы, часами вслушивался в его речь, улавливая, осваивая и закрепляя в своём сознании все её оттенки. В итоге он добился такого звучания, что, прослушав вечернюю программу по "Малахитовой шкатулке", сам автор, Бажов Павел Петрович, отозвался на искусство артиста очень короткой фразой: "Экой чудесник!"

Эти два слова для исполнителя дороже любых почётных званий. Реакция автора исполняемого произведения — очень важный показатель, даже важнее одобрения или неодобрения коллег по искусству. Автор слишком сроднился со своим детищем, знает все закоулки смысла и все нюансы чувства.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Итак, высказывание Бажова мы уже знаем. Александр Трифонович Твардовский, прослушав в Доме актёра композицию Перельмана по *Василию Тёркину*, высказался тоже лаконично: "Это лучше, чем то, что я написал". Расул Гамзатов как-то сказал, что А.А. лучший исполнитель его стихов и книги "Мой Дагестан". За две-три недели до смерти Валентин Петрович Катаев дал великолепный устный отзыв на работу Перельмана по "Траве забвения", по одному из последних произведений мэтра советской литературы. Василий Павлович Соловьёв-Седой (он, конечно, не писатель, а композитор, но в чтецком искусстве толк знал), прослушав так называемые "Восточные миниатюры" в исполнении А.А., выдал почти стихотворную строчку: "Огонь в его очах, в устах его лезгинка". Уместно также отметить, что Дмитрий Журавлёв высоко ценил Перельмана и его творчество. А.А., со своей стороны, восторженно следил за успехами флагмана чтецкого искусства. И вообще их обоих связывали многолетние дружеские отношения.

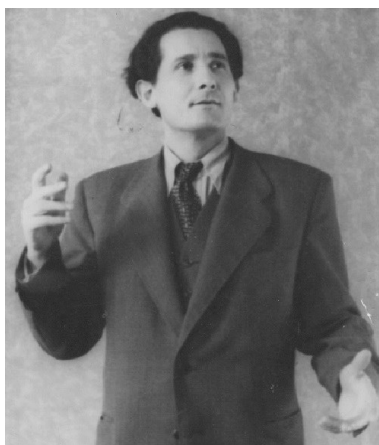
Любовь Орлова

Григорий Александров

К этому времени Перельман уже давно концертировал в Ленинграде, совершал гастрольные поездки по стране. Ездил он не только как сольный исполнитель. Например, он участвовал в творческих вечерах Любови Орловой и Григория Александрова.

Эта троица вместе с администратором и музыкантами составляла гастрольную бригаду, побывавшую во многих городах страны. Конечно, внимание публики было поглощено сверхпопулярной в ту пору звёздной парой, но сами Орлова и Александров высоко ценили молодого чтеца. Со своими литературными номерами он прекрасно вписывался в их программу, а публика с восторгом принимала импозантного актёра.

Молодой Саша Перельман исполняет номер
в творческом вечере звёздной пары

В 1937-ом году А.А. стал дипломантом первого Всесоюзного конкурса артистов-чтецов в Москве.

Во время войны А.А. вёл напряжённую концертную деятельность, неустанно разрабатывал военно-патриотическую тему, постоянно участвовал в поездках фронтовых концертных бригад в места расположения боевых подразделений Красной армии.

В 1957-ом году Перельман стал уже не дипломантом, а одним из лауреатов очередного Всесоюзного конкурса артистов-чтецов. Получил вторую премию. Он исполнял композицию по "Малахиговой шкатулке" Павла Бажова.

На деликатную тему...

Шли годы. Закономерно рос авторитет Перельмана среди коллег, у него было немало учеников, а уж о любви к нему публики и говорить не приходится. Его неоднократно представляли к присвоению почётных званий, но, как я уже говорил, эти заявки или не проходили через ленинградский обком, или застревали в высоких московских инстанциях. Это не могло не задевать самолюбия мэтра. В конце концов, немало молодых людей, гораздо позже, чем он, пришедших в искусство, которым не грех было бы ещё поучиться кое-чему у старого мастера, получали это чёртовое звание "заслуженного", на их благополучном пути не встречалось никаких таинственных препятствий. В чём же дело? Чьи-то интриги? Идущий за ним след дела его расстрелянного отца? Но ведь отец, как и миллионы других безвинно казнённых, был реабилитирован в эпоху хрущёвской оттепели. Вряд ли трагическая история отца могла послужить причиной отказа в присвоении звания, скажем, где-нибудь в первой половине шестидесятых годов. Может быть, чиновникам было в нос откровенно еврейское звучание его фамилии? Это, конечно, не исключается, хотя можно привести не один десяток случаев, когда эта же причина не срабатывала как непреодолимое препятствие.

Здесь надо сделать одно замечание. Насколько я его знал, А.А., будучи чистокровным евреем, был глубоко ассимилирован в русской культуре и в советской жизни. Он, конечно, не мог не видеть всей мерзости советской действительности, но сам, тем не менее, до конца оставался в какой-то степени именно *советским* человеком, разделял некоторые предрассудки, навязанные ему тотальной коммунистической пропагандой. С Израилем и с еврейством вообще Перельмана мало что связывало, если не считать Шолом-Алейхема, произведения которого он исполнял, в основном, кстати, в перестроечные и постсоветские времена. (До перестройки такой репертуар не очень-то поощрялся: и Георгий Хазан, и Эммануил Каминка в своё время отчаянно боролись с чиновниками за право исполнять произведения отцов еврейской литературы). Тем не менее заменить свою фамилию псевдонимом Перельман категорически отказывался. Впрочем, одно исключение из этого запрета он допускал. Он говорил: "Мне всё-таки надо было взять псевдоним. Знаете, какой? Такой, который получается, если в моей фамилии мягкий знак заменить буквой "о" ("ПерелОман"). Горькая шутка!

На самом деле, ему по всем статьям должны были дать звание где-то не позднее 60-ых годов. Да и не заслуженного, а сразу народного России. Несправедливость эта глубоко его огорчала. Драматизм положения усугублялся тем, что ему не давали хороших залов, редко приглашали на ТВ, плохо рекламировали, не раскручивали

имя. А сам он, человек скромный, интеллигентный, не умел и не хотел себя "проталкивать". Это приводило к тому, что последние годы он начал терять какую-то часть своей публики, порой значительную. Конечно, и возраст сказывался. И заметное снижение общественного интереса к звучащей литературе, начавшееся в середине 80-ых годов, когда даже самому Журавлёву приходилось иногда выступать в полупустых залах. (Убеждён: это временное явление. Впереди неперемный новый расцвет этого замечательного искусства. И тогда молодые артисты будут снова обращаться к творчеству Перельмана, если хотя бы аудио записи его к тому времени сохранятся. Конечно, они будут обращаться и к опыту других корифеев нашего жанра.)

Но самое удивительное, что звание ему всё-таки дали. Но когда? В 1995-ом, когда он уже был в когтях беспощадной болезни, когда жить ему оставалось меньше года. Но как бы то ни было, умер он заслуженным артистом России...

О репертуаре

Есть такое понятие: репертуарный артист. Таким был Перельман.

Мы уже упоминали литературные композиции по "Малахитовой шкатулке" Павла Бажова, по книге Расула Гамзатова "Мой Дагестан", по роману Валентина Катаева "Трава забвения". Он исполнял всего "Тёркина", и об этой работе А.Т. Твардовский сказал (помните?): "Это лучше чем то, что я написал". Но мы перечислили далеко не всё.

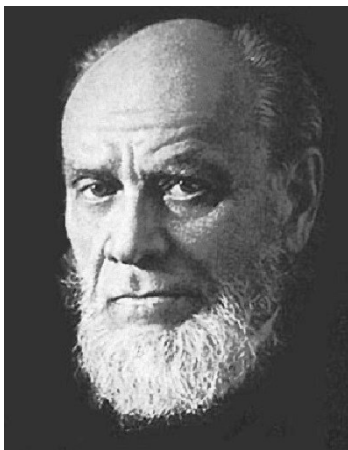
Давно-давно он подготовил и стал регулярно прокатывать на площадках прекрасную работу — рассказ Александра Ивановича Куприна "Суламифь". Это был шедевр чтецкого искусства. Режиссёр — Екатерина Николаевна Смирнова. В ту пору они были мужем и женой. Под её руководством Перельман делал все свои работы. Она была человеком большой культуры и тончайшего вкуса. Вообще, чтецкая режиссура — особая профессия, отличная от театральной режиссуры, а чтецкие режиссёры — это штучный товар. Действительно, таких, как Смирнова, Елизавета Яковлевна Эфрон, Георгий Евсеевич Хазан и Валерий Николаевич Галендеев можно пересчитать по пальцам одной руки.

Со Смирновой он сделал также много поэтических программ: Мих. Светлов, Эд. Багрицкий, Конст. Симонов; конечно же, Пушкин, включая "Графа Нулина" (над этой вещью я работал под руководством самого А.А.). "Графа" Саша Перельман освоил, ещё будучи студентом ИЖС. Он читал поэму в рамках концертных выступлений в паре со знаменитым российским адвокатом Анатолием Фёдоровичем Кони. Ему было тогда около девяноста лет. Легендарный юрист во втором отделении рассказывал о своём постижении великого поэта и о своих предках, которые дружили с родителями Александра Сергеевича.

Вместе со Смирновой Александр Абрамович сделал для бисовок знаменитые музыкально-поэтические "Восточные миниатюры". Они пользовались неизменным успехом. Наиболее известная миниатюра — блистательная "Лезгинка". Что он там вытворял, — словами не перескажешь; это надо было видеть.

Когда Екатерины Николаевны не стало, А.А. продолжал работать над новыми программами самостоятельно. Например, он сделал работу "Паустовский о Бабеле", "Люди театра" по Гиляровскому, вечеровую программу по "Кола Брюньону" Ромэна Роллана. Подготовил "Кармен" Проспера Мериме, в трёх отделениях, и посвятил эту работу памяти Дмитрия Журавлёва, который ушёл из жизни 1-го

июля 1991-го года, за четыре с половиной года до самого Перельмана. Подготовил и исполнил своеобразную по композиции работу "Маргарита и Мастер": в первом отделении читал три главы из романа Булгакова, в которых главным действующим лицом является Маргарита, а во втором — статью Вл. Лакшина, знаменитого литературного критика, статью, посвящённую Елене Сергеевне, жене Михаила Афанасьевича, как прототипу Маргариты.

Анатолий Фёдорович Кони

Сам Перельман всегда утверждал: чтецу без режиссёра нельзя. Сумел ли он, оставшись без Смирновой, вопреки собственному тезису доказать обратное: что чтец может работать самостоятельно? Мне трудно ответить на этот вопрос. Его самостоятельные программы подчас хороши. Но по крайней мере они не лучше тех, которые делались при активном творческом участии Екатерины Николаевны.

Дела семейные...

Его первую жену звали Саня (Александра) Решетникова. Это случилось всего через несколько лет после того, как А.А. окончил ИЖС. Увы, семья распалась уже через полгода после регистрации брака. К этому времени у молодожёнов уже была дочка Таня. Причина разрыва союза остаётся неизвестной. Мы знаем только, что в дальнейшем Перельман поддерживал дружеские отношения с первой женой и всегда заботился о дочке. От людей, встречавшихся с Решетниковой, я слышал, что она производила впечатление интеллигентной и образованной женщины. Больше замуж, насколько мне известно, не выходила. Не исключено (так по крайней мере полагает Лена Ильина), что Александра всю жизнь любила только одного человека, Сашу Перельмана. Дочка Таня приблизительно в двухтысячном году, будучи уже в почтенном возрасте, переехала вместе со своей семьёй на ПМЖ в Германию. Там она живёт и сейчас.

Через несколько лет Перельман женился на Е.Н. Смирновой. Екатерина Николаевна была на семь лет старше своего избранника (она родилась в 1898-ом году).

Имела дворянское происхождение. Окончила Институт благородных девиц Великолепно знала русскую литературу. Была человеком большой, можно сказать, "петербургской" культуры. Она была чтецким режиссёром, что говорится, от Б-га. Все ведущие ленинградские чтецы становились в очередь, чтобы получить возможность готовить под её художественным руководством ту или иную концертную программу. Для Екатерины Николаевны характерны глубина постижения литературы, отменный вкус, подлинная интеллигентность, проникновение в "голос" автора, точное понимание задач рассказчика. Вообще, чтецкий режиссёр — это артистическое зеркало для исполнителя литературы. Без этого квалифицированного взгляда со стороны артист теряет ориентиры и начинает "плыть" в материале, как говорится, по воле волн. Или он уникал, чего в природе пока не наблюдалось, или он должен иметь своего режиссёра. Даже великий Журавлёв говорил, что встреча с Елизаветой Яковлевной Эфрон (свояченица Марины Цветаевой) и дальнейшая работа с ней как с режиссёром была важнейшим событием в его творческой жизни.

Примерно такую же роль в творческой жизни А.А. сыграла Е.Н. Смирнова. Даже её маленькие режиссёрские находки, скажем, незначительное смещение смыслового центра внутри фразы, как-то по-новому освещали исполняемую вещь.

Они прожили вместе более двадцати лет. Но ничто не вечно в этом мире. Где-то в начале пятидесятых годов какие-то неведомые нам причины стали подтачивать этот, дотоле более или менее счастливый союз. Что происходило? Трудно судить об этом по прошествии десятилетий.

Один из романов нашего героя зашёл достаточно далеко. Когда эта женщина познакомилась с Перельманом, ей было лет 25. А.А. был на 21 год её старше. Звали её Лида, полное имя — Лидия Фёдоровна Кузнецова. Она давала уроки фортепиано в музыкальной школе. Последствия не замедлили сказаться. Брак со Смирновой ещё оставался не расторгнутым, а у "молодых" уже родились сначала мальчик, его назвали Сашей, а затем девочка, Марина. А ведь дети — это качественно иные, более сильные аргументы в пользу создания новой семьи (и ухода из прежней), чем простое желание любящих быть вместе.

Появление детей подтолкнуло Перельмана к решительному шагу. Он, как я предполагаю, уже несколько лет страдал от раздвоенности чувств. С одной стороны, молодая любовь, дети, с другой, — ему трудно было переступить через судьбу Екатерины Николаевны, он боялся нанести ей тяжёлую душевную травму. Они прожили вместе много лет, были привязаны друг к другу, духовно и профессионально близки, были людьми одной культуры, говорили на понятном им обоим языке. К чести обоих надо сказать, что в дальнейшем, вплоть до кончины Смирновой, они сохраняли тёплые, глубоко дружеские отношения и продолжали совместную работу над новыми концертными программами Перельмана.

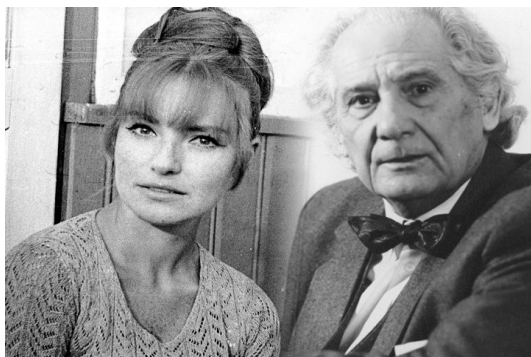
В последние 14 лет его жизни рядом с Александром Абрамовичем находилась упомянутая в самом начале этого очерка Елена Михайловна Ильина, которая, как я уже отмечал, очень помогла мне в работе над этим эссе. Разница в возрасте между супругами по сравнению с предшествующим союзом возросла и приблизилась к тридцати пяти годам.

Лена — ленинградка, выросла в интеллигентной семье (её мама, например, была крупным специалистом в палеонтологии). С детства мечтала стать актрисой, но признавала только один театр — Большой драматический на Фонтанке, была фанаткой Г.А. Товстоногова. Наверное поэтому после окончания средней школы проработала год в этом театре в качестве секретаря. На следующий год, успешно

преодолев жестокий конкурс, была принята на курс Александра Михайловича Карева в школу-студию МХАТа. После второго курса перевелась в Щукинское высшее театральное училище на курс Веры Константиновны Львовой. После успешного окончания "Щуки" три года проработала в одном из московских театров. Затем вернулась в Ленинград и поступила в Ленконцерт, в отдел эстетического воспитания юношества, который в то время возглавляла Татьяна Вениаминовна Дунавская. Позднее перешла в Филармонический отдел.

На крыльчке

Вдвоём

Сейчас мы видим их вдвоём: благородного вида пожилой джентльмен с пытливым взором умудрённых жизнью глаз, и молодую русскую красавицу.

Они много работали. Перельман вдвойне много: и над своими программами, и над программами Лены. Он был её режиссёром. Она сделала много работ под его художественным руководством: по поэзии Сильвы Капутикян, по "Синюшкиному колодцу" Павла Бажова (так же, как когда-то сам Александр Абрамович, она освоила "уральский говор"), по лирической повести В.П. Астафьева "Пастух и

пастушка", по "Мёртвым душам" Гоголя (композиция называлась "Плюшкин"), по "Воине и миру" Л.Толстого ("Танец Наташи") и многие другие.

...Беда подкралась незаметно. Ренген обнаружил у Перельмана крохотное уплотнение в лёгком. Врачи решили через 2-3 месяца взять образец ткани новообразования для биопсии. По недосмотру в назначенный срок его не вызвали. Роковым образом упустили время. Дали опухоли разрастись.

Вот что рассказывает Елена Михайловна о тяжких последних неделях:

Вынужденная ради хлеба насущного и особенно ради необходимых больному лекарств, которые в середине девяностых годов стали очень и очень дорогими, — вынужденная целыми днями мотаться по концертным площадкам, я всё остальное время, жертвуя сном, была с ним. Чего только я ни делала, чтобы остановить развитие страшной болезни, а когда стало ясно, что это невозможно, то хотя бы облегчить его страдания. От смертельного недосыпа и усталости я иногда падала в обморок. Один раз крайне неудачно: отключилась в тот момент, когда пыталась зажечь газовую духовку. Сильно обожгла руки, хотя могло быть и хуже. Обеспечивала ему полный уход в любых обстоятельствах, даже когда ходила с рукой, одетой в гипс (вдобавок ко всем бедам умудрилась сломать руку).

Он умер у неё на руках 13-го марта 1996-го года.

Вне сцены

Несколько слов о том, каким А.А. был в обычной жизни, в домашних условиях, иными словами, — вне сцены.

Я уже говорил о том, что он как истый южанин обожал юг (Ялгу, Гагры, Грузию в целом), любил жару, солнце, море. Имел пристрастие к кавказской пище. Любил её готовить: аджику, лобио, сациви, чахохбили, плов. Сам пёк небольшие пироги. С удовольствием угощал всем этим гостей. Вообще любил дружеские застолья. Любил в грузинском стиле произносить длинные замысловатые и красноречивые тосты.

Я уже отмечал, что он любил париться и моржить, то есть купаться в ледяной проруби.

Это был безбытный человек: он отвергал вещизм, был равнодушен к комфорту. Говорил, что идеал обстановки в его комнате — это стол, стул и кровать.

Были у него и маленькие увлечения, которые мы привыкли называть противным словом *hobby*: одно время увлекался почтовыми марками, на досуге любил разложить пасьянс.

Александр Абрамович был обаятельный человек, вызывавший к себе всеобщее расположение. Он был воплощённое достоинство, доброжелательность и, не в последнюю очередь, был образцом подлинной воспитанности в добрых традициях былых времён. Пленял дам куртуазностью. Казался человеком, пришедшим в современность прямо из 19-го века.

...На этом я обрываю свой рассказ о замечательном ленинградском артисте Александре (Соломоне) Абрамовиче Перельмане. Светлая ему память...

КОНЕЦ

Борис Тененбаум
ЛИНИЯ РАЗЛОМА, 1929
Главы из новой книги
«Израильские войны»

(предыдущие главы см. в №6/2015 и сл.)

I

В странах английского языка низший полицейский чин именуется констеблем. А бывают еще и специальные полицейские констебли (special police constable) — эти, как правило, относятся не к обычной английской полиции, обходящейся без оружия, а к особым частям, очень даже вооруженным.

Реймонд Освальд Кафферата службу свою начинал в Королевском ирландском резервном полицейском полку (Royal Irish Constabulary Reserve Force), который как раз такой частью и являлся.

Полк был создан по инициативе Уинстона Черчилля, предназначался для борьбы с ирландским подпольем в период с 1919 по 1921, и набирался в основном из ветеранов Первой мировой войны — людей решительных и всякого повидавших.

В период с 1919 и по 1921 в Ирландии шла самая настоящая война — и в Королевском ирландском полку крови не боялись, и к формальностям, связанным со строгим исполнением закона при аресте или допросе, относились без формальностей.

Реймонд Кафферата показал себя так хорошо, что был продвинут по службе, и с повышением переведен в колонии. К 1929 году он занимал в Британской Палестине пост суперинтенданта полиции Хеврона — иными словами, отвечал за поддержание порядка в этом сложном городе.

Город упомянут в Танахе. В нем расположена пещера Махпела («Двойная пещера»). Считается, что это место успокоения патриархов, семейный склеп, где похоронены Авраам, Ицхак и Яков, а также их жены Сара, Ривка и Лея. Согласно Библии, праотец Авраам купил это место у хетта Эфрона за 400 шекелей серебра.

Святое место, почитается и иудеями, и христианами, и мусульманами.

Сюда отовсюду стекались паломники, и в смысле обеспечения порядка Хеврон и правда был сложным — его население делилось на две общины, арабскую и еврейскую, и не сказать, чтобы они так уж хорошо ладили друг с другом.

Ишув к 1929 году достиг уже численности в 160-170 тысяч человек. Приезжие были все больше из Польши или из Румынии, говорили на идиш, все время суежились, все время что-то затевали — и оказывалось, что вдруг, из ничего, возникали какие-то мастерские и предприятия.

К 1929 их набралось уже более двух тысяч.

Спору нет — все это вдохнуло в Палестину новую жизнь. Но суперинтенданта беспокоили не новые веяния, а сохранение порядка. И вот тут он видел сплошные проблемы — новое процветание потянуло в Палестину поток переселенцев.

Правда, еврейская иммиграция в Палестину властями как-то контролировалась — а вот с арабской не было никакого сладу.

Британские владения на Ближнем Востоке простирались от Каира до Багдада. И когда пошли слухи о том, что в Палестине можно заработать вдвое, а то и втрое больше, чем в Ираке или в Египте, в Палестину оттуда хлынули люди.

И вот этот процесс уже не контролировался никак, и арабское население Палестины за какие-то семь лет — с 1922 и по 1929 — чуть ли не удвоилось.

Понятно, что на всех работы не хватило.

И к тому же оказалось, что еврейские мастерские норовят нанимать не арабов, а именно евреев, да еще и платят им вдвое — нагло ссылаясь на то, что они грамотные и умелые, и от них больше толку.

А устроенные на социалистический лад кибуцы и вовсе отказывались «...использовать наемный труд...» — что на практике означало то же самое: арабов не принимали.

Недовольных было много. Они копились и в Хевроне, и в окрестных арабских деревнях — напряжение прямо-таки висело в воздухе.

В общем, суперинтендант Кафферата начал принимать меры.

II

Прежде всего, он поговорил с видными членами арабской общины — и все они заверили суперинтенданта, что они всей душой стоят за закон и порядок. Хотя, конечно, есть и смутьяны из числа всяких там чужаков, что приезжают неведомо откуда и сеют вражду между старинными обитателями города Хеврона, привыкшими жить друг с другом в мире и согласии.

Не сказать, чтобы Реймонд Кафферата так уж им и поверил. Он жил на Востоке уже достаточно долго, и знал, что тут вежливые люди всегда скажут тебе то, что — как они думают — ты хотел бы от них услышать.

Но все же — это было лучше, чем ничего.

Далее, он вызвал к себе мухтаров окрестных арабских деревень, и сказал им, что и в городе, и в округе — повсюду, где действует юрисдикция полицейского управления Хеврона — закон будет защищен.

И если понадобится, он будет защищен всеми средствами, имеющимися в его распоряжении — в чем они, зная его не первый день, могут не сомневаться.

Мухтары, конечно, сомневаться и не подумали.

Они уверили начальника полицейского управления в своей приверженности к покою, миру и общему благополучию, но упомянули всяких там пришлых, от которых одни неприятности.

Ну, и напоследок суперинтендант Кафферата собрал своих полицейских.

Их у него было сорок человек. Набирались они в строгом соответствии с инструкциями, принятыми в Британской Палестине для улучшения взаимодействия полиции с населением — то есть в количествах, пропорциональных представительству местных общин.

Поскольку на 20 тысяч населения Хеврона евреев было около 700 человек, то на их долю из 40 мест в полиции следовало бы набрать одного-двух человек — ну, одного и набрали.

Для поддержания связей с евреями Кафферата на него очень полагался.

III

Евреи, конечно, беспокоились. Но помнили, что арабские мятежи в 1920-1921 Хеврон обошли — здешняя община состояла в основном из сефардов, которые знали и арабский язык, и местные обычаи, и с местными арабскими нотаблями ладили вполне.

В общем, считалось, что неприятностей удастся избежать — и ту дюжину людей из Хаганы, что были присланы из Иерусалима, попросили уехать.

В пятницу, 23-го августа 1929, стало известно, что арабы пошли на штурм еврейского квартала в Старом Городе Иерусалима.

Суперинтендант Кафферата немедленно выставил полицейские пикеты, а сам обратился с речью к толпе арабов, собравшихся у автобусной станции Хеврона.

Каких-то видимых результатов на арабов речь не оказала, но к суперинтенданту обратился глава еврейской общины Хеврона, рабби Яков Слоним.

Он просил о помощи и защите — его на улице закидали камнями.

Кафферата рассудил, что самое лучшее — это избежать провокаций. Он велел раввину передать всем евреям города, чтобы они закрылись и не выходили из своих домов. Распоряжение суперинтенданта было выполнено, а сын рабби Слонима, Элизер, предложил всем желающим укрыться у него.

Элизер Слоним заведовал местным отделением Англо-Палестинского Банка, был членом городской управы, и считал, что уж его-то дом тронуть никто не посмеет.

Резня началась в субботу утром, 24-го августа.

В отчете, представленном позднее, суперинтендант сообщил, что он, услышав дикие вопли, вошел в узкий проход вроде туннеля и увидел араба, который отрезал ребенку голову. Нож, по-видимому, был не слишком хорош, потому что одного взмаха не хватило, и понадобился второй — но тут араб увидел Кафферату и повернул нож против него.

Суперинтендант выстрелил в него в упор — а в отчете упомянул, что стрелял не в голову, а в пах.

Через пару шагов Кафферата увидел растерзанную еврейскую девушку, залитую кровью, а над ней с кинжалом в руках стоял человек, которого суперинтендант знал по имени — это был констебль Исса Шериф.

Увидев начальство, констебль бросился в соседнюю комнату с криком: — «Ваша честь, я полицейский!..» — и попытался захлопнуть за собой дверь.

Кафферата его застрелил...

Но на этот раз в своем отчете в подробности он не вдавался.

IV

Подробности, однако, так или иначе всплывали — отчет Каффераты был не единственным источником информации. Выяснилось, в частности, что Элизеру Слониму предлагали уладить вопрос по-доброму, по-соседски — он просто выдаст всех, кого он прячет в доме, и убьют из них только ашкеназов — ведь всем известно, что зло идет именно от них, евреев из далекой Европы.

А остальных, может быть, и не тронут...

Но Элизер Слоним не прислушался к голосу разума, и двери своего дома не открыл — и поэтому их выломали и убили всех — и самого Элизера, и его старого отца, рабби Якова, и его жену, и детей, и вообще всех, кого нашли в доме. Уцелел один только годовалый сын Элизера, Шломо — ему поранили голову, но впопыхах не добились.

Убили и аптекаря Гершона Бен-Циона — он уж сорок лет как жил в Хевроне, и лекарствами его лечились равно и евреи и арабы — но что поделаешь?

Прошла линия разлома, и разделила соседей на своих и чужих. И вот, Гершон Бен-Цион оказался чужим, и был убит и изуродован, а его дочь изнасиловали, а потом тоже убили. А жену аптекаря — нет, и не изнасиловали, и не убили — а только отрубили ей обе руки.

Аптеку сожгли, конечно...

Как, впрочем, и синагогу, и библиотеку при ней, и вообще все, до чего смогли добраться. До здания полицейского управления, правда, добраться не смогли — и там укрылись многие. Они смогли уцелеть. Ну, и кого-то спрятали соседи. А кого-то, наоборот, вытащили из тайных чуланов и убили на месте.

Странно поворачивается жизнь, и удивительные вещи случаются с людьми, которых перестали считать за людей.

V

Резня в Хевроне имела значительные последствия. Прежде всего, надо было немедленно потушить пожар — и еврейскую общину эвакуировали из города под защитой британских штыков, а известному смутьяну, Жаботинскому, власти запретили въезд в Палестину — благо, он как раз был в Европе.

Полосой пошли обыски. Нападения на еврейские общины, расположенные на прибрежной равнине от Тель-Авива до Хайфы, были остановлены местной самообороной, которая применяла оружие.

Следовательно, оружие следовало найти и изъять.

И кое-что действительно изъять удалось — но многое припрятали, и самым тщательным образом.

На британские власти ишув уже не надеялся, и Бен-Гурион в рамках своей деятельности во Всеобщей федерации труда Палестины увеличил тайную статью расходов, связанную с контрабандным ввозом пистолетов и винтовок.

Начались попытки наладить местное производство патронов, а потом еще и гранат — что, разумеется, держалось в глубоком секрете.

Дело было трудным, результаты получались мизерные. Но, как показал Хеврон, это было много лучше, чем ничего.

Хагану было решено увеличить — принимали даже подростков. В частности, взяли парнишку по имени Моше Даян. В 1929-м ему исполнилось 14 лет — самое время для того, чтобы по-настоящему научиться владеть оружием.

Министерство колоний Великобритании тем временем собирало информацию о происшедших событиях — начала работать комиссия по расследованию под председательством судьи Уолтера Шоу, и свидетельства собирались со всей положенной беспристрастностью.

Например, были рассмотрены жалобы арабских общин на «...засилье понаехавших чужаков...», и отмечалось, что до тех пор, пока еврейское население Палестины не превышало 7 %, все было более или менее тихо.

А вот когда эта доля утроилась и превысила 20 % — вот тут-то и начались мятежи.

Во главе протестов шли интеллектуалы. В воззвании иерусалимского союза арабских студентов Палестины говорилось следующее:

«...О араб! Помни, что еврей — твой сильнейший враг с незапамятных времен. Не поддавайся на его хитрые уловки и помни, кто распял Христа (да пребудет он в мире), и кто отравил пророка Мухаммеда (да будет с ним мир и наши молитвы)...»^[1].

Ну, комиссия судьи Шоу так далеко не пошла.

Но пришла к выводу, что «...беспорядки были вызваны озабоченностью арабского населения Палестины по поводу репатриации евреев и покупкой ими земель в Палестине...». Рекомендовалось усилить контроль над еврейской иммиграцией, и немедленно запретить любую продажу евреям земли.

Комиссия так же призвала к созданию Законодательного собрания Палестины. Рекомендовался и способ создания такого собрания:

«...в нем должно было превалировать арабское большинство...».

VI

Рекомендации вызвали такой шум, что была назначена еще одна комиссия, на этот раз под руководством Джона Хоупа Симпсона. Комиссия разбиралась с делом очень обстоятельно, добрых два месяца проверяла факты на месте — и пришла к тем же выводам, что и первая.

И вообще — считалось, что необходимо «...укрепить авторитет власти...».

В рамках этого укрепления какой-то светлый ум в министерстве колоний решил, что суперинтенданга Реймонда Кафферата следует назначить начальником полиции Тель-Авива.

Как-никак, по меркам Палестины, это культурный город — там даже и кафе есть.

А правительство премьер-министра Рамси Макдональда представило на утверждение парламента «Белую Книгу», названную «Книгой лорда Пассфилда», по имени тогдашнего министра по делам колоний.

И в ней повторялось все, что рекомендовалось комиссиями: строгое ограничение еврейской иммиграции в Палестину, запрет на продажу евреям земли, и «...создание Законодательного собрания Палестины на основе прямых выборов...» — что автоматически давало арабам в этом Собрании подавляющий перевес.

Ну, тут уж случился просто взрыв.

Президент Всемирной сионистской организации, доктор Хаим Вейцман, всегда стоял за сотрудничество с Великобританией, любой ценой и несмотря ни на что. Но он подал в отставку, и говорил всем, что «...не в силах защищать незащищаемое...».

И его, надо сказать, услышали.

Дэвид Ллойд Джордж критиковал правительство, не выбирая выражений, а Сионистская организация обратилась в Лигу Наций.

Дело тут было в том, что формально Англия управляла Палестиной на основе мандата, выданного ей Лигой.

Согласно Статьи 7-й этого мандата Британия обязалась «...способствовать приобретению палестинского гражданства евреями, которые выберут Палестину местом своего постоянного проживания...».

Ну, и Лига Наций указала на несоответствие...

В результате Белую Книгу лорда Пассфида отменили, Рамси Макдональд направил Вейцману официальную телеграмму, в которой «...подчёркивалась решимость британского правительства следовать принципам...» — и доктор Вейцман взял свою отставку обратно.

Но на круги своя ситуация уже не вернулась.

В 1931 году от Хаганы откололась так называемая «Национальная Военная Организация» — «Иргун Цвай Леуми» — что в ивритской аббревиатуре звучит как «Эцель». В ней преобладали сторонники Жаботинского. Они верили в библейский принцип «Око за око».

А Англию считали врагом.

Примечания:

[1] Israel, by Martin Gilbert, Harper Perennial, New York/London, 1998, page 61.

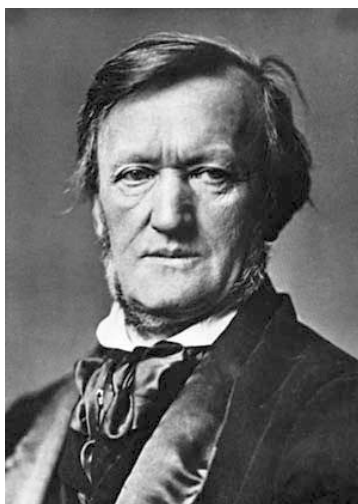
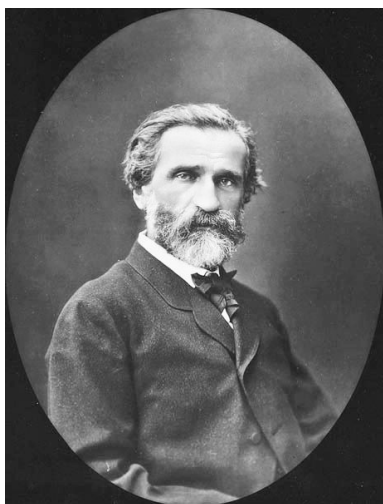

Борис Кушнер

ВАГНЕР И ВЕРДИ

Несколько наблюдений

Недавно, «перелистывая» компьютерный архив, я натолкнулся на своё эссе 2000 года «Страница из жизни Верди»^[1]. Мои принципиальные оценки с тех далёких уже пор не изменились, но появилось много нюансов, деталей. В частности, я прослушал/просмотрел ряд видеозаписей опер Мейербера, Вагнера, Верди, в поле моего зрения попали книги и статьи, недоступные или неизвестные мне ранее, произошла информационная революция, необычайно развился Интернет. Надеюсь, что в предлагаемой значительно расширенной редакции эссе может заинтересовать и прежних и, возможно, новых читателей. Статья 2000 г. была построена вокруг курьёзного случая из жизни итальянского Мастера. Его поведение, его реакция в той ситуации высвечивают живые человеческие черты Верди^[2]. Вместе с тем объём добавленного материала, значительное увеличение «роли» Вагнера в повествовании обусловили новое название очерка^[3].

Верди, 1876 г., Вагнер, 1871
фотопортрет работы Ferdinand Mulnier

Одним из самых сильных моих впечатлений от Америки, когда моя семья и я приехали в 1989 году в США, оказались американские библиотеки. Это было потрясение. Я, прямо с улицы, мог зайти в читальные залы университетских и публичных библиотек, брать с полок и читать любые книги. Никто не спрашивал у меня никаких документов. После моего советского опыта это казалось невероятным. Для пользования читальными залами библиотек МГУ, например, необходимо

было специальное удостоверение, впрочем, без такового и в самиздания вход был заказан. Во времена ректорства Логунова штатских охранников и охранниц вовсе заменила милиция, бдительно охранявшая Храм Науки от непосвящённых. Не могу забыть изумление одного моего американского друга, изучавшего в Москве русский язык. Погожим весенним днём 87 или 88 года он пришёл, потрясённый невероятным для него известием: один из милицейских стражей МГУ изнасиловал американскую стажёрку. Увы, зная повадки милиции, я не особенно изумился. Припомнил я и милую Тургеневскую читальню около метро Кировская, там тоже необходим был читательский билет, а о свободном доступе к полкам и речи быть не могло. И тогда и сейчас, думая об этих книжных богатствах, столь щедро открытых публике, я поражаюсь высокомерным заявлениям некоторых иммигрантов о бескультурье Америки. Страна, в которой столько великолепных книг, уже по одной этой причине не заслуживает презрительных эпитетов. Тем более от нас, людей, которым она предоставила кров.

Итак, я ходил из одной питтсбургской библиотеки в другую и проводил с книгами целые дни. Тем более что свободного времени тогда было слишком много, а мысли, приходившие в голову, не занятую чтением, были не из радостных. Особое моё внимание привлекала Карнеги-библиотека, занимавшая отдельное крыло культурного комплекса, включавшего также музей и концертный зал; комплекс этот был подарен городу в конце XIX века знаменитым капиталистом-филантропом Карнеги^[4]. Не могу не вспомнить здесь трогательное замечание знакомого оставшегося профессора Питтсбургского Университета. В детстве он считал, что слово «Карнеги» и значит «библиотека». В самом деле, родители водили мальчика в дом, полный книг, который назывался «Карнеги», о том же рассказывали его кузены, жившие в других городах... Похожим образом, мне однажды пришло в голову, что пришелец из космоса, упавший со звёзд в Макдоналдс, подумал бы, что словосочетание «thank you» значит «мусорная корзина», поскольку именно эти слова написаны большими буквами на урнах для использованных подносов и т. д.

Карнеги-библиотека в Оклендском районе Питтсбурга имела обширную коллекцию нот, книг по искусству, видео и звукозаписей. Уже в первый свой визит я нашёл здесь книгу, сильно меня заинтересовавшую. Это были изданные в английском переводе два огромных тома Дневников Козимы Вагнер^[5]. Козима была дочерью Листа^[6] и вышла замуж за его ученика, выдающегося пианиста и дирижёра Ганса фон Бюлова^[7]. Однако её встреча с Рихардом Вагнером оказалась роковой для семьи Бюлова. Козима и Рихард полюбили друг друга и после мучительной драмы, вызвавшей большое волнение в Мюнхене, соединились навсегда.

Дневники Козимы представляют собой совершенно необычайный, возможно не имеющий параллелей исторический

RICHARD AND COSIMA WAGNER.

Козима и Рихард Вагнер, 1872

документ. Начиная с 1 января 1869 года и до дня смерти Рихарда 13 февраля 1883 года, почти ежедневные записи (за 14 лет, отведённых им судьбой, супруги никогда не разлучались более чем на несколько дней) дают полную картину духовной и земной жизни великого немецкого композитора.

Могила Вагнера в саду виллы Ванфрид, Байрейт

Трудно не поразиться этому памятнику женской преданности и любви. Разумеется, к такому источнику стоит относиться с осторожностью. Во-первых, изложение окрашено сильной личностью самой Козимы, во-вторых, кто же сможет выдержать непрерывное день-за-днём описание своей жизни, включая необдуманные высказывания, неудачные шутки, допустимые в домашнем кругу, но приобретающие совершенно иное звучание в публичном обиходе. Впрочем, похоже, Козима настолько боготворила мужа, что по умолчанию считала принадлежащими истории малейшие события его жизни. Кстати психологу было бы интересно проследить в Дневниках линию снов Вагнера, скрупулёзно зафиксированную Козимой.

Но, слаб человек... Отдавая себе отчёт в вышесказанном, я всё же не мог оторваться от Дневников. Увы, чем больше я листал эти тома, чем больше узнавал Вагнера-человека, тем сильнее становилось моё отторжение этой высокоодаренной и столь же отталкивающей личности. Впечатление подкреплялось независимыми источниками, в особенности, вышедшим в 2000 году сборником воспоминаний современников композитора^[8]. Музыка же его, изумляя мощью художественной энергии, богатством оркестровых красок, тембров, гармоний, никогда не трогала моего сердца. Вагнер, очевидно, обладал совершенно феноменальным чувством оркестра. Иногда кажется, что он попросту импровизирует на этом огромном (в сто с лишним музыкантов) «инструменте» с такой же свободой и уверенностью, как, скажем, Лист фантазировал за фортепиано.

Насколько чужда была для меня вся путаная и тяжеловесная тевтонская романтика Вагнера, об этом и говорить не приходится. Ещё менее по душе был невероятный агрессивный шум, поднятый в своё время вокруг так называемой «музыки будущего». Иногда трудно отделаться от впечатления, что речь идёт скорее о религиозно-политической партии, нежели об эстетической концепции. Угнетает и невероятное суесловие теоретических работ Вагнера, тем более достойное сожаления, что чудесная новелла «Паломничество к Бетховену», книга-автобиография^[9], да и либретто его музыкальных драм (Вагнер именует их «поэмами») обнаруживают значительное литературное дарование^[10]. Спокойное академическое исследо-

вание антисемитизма Вагнера можно найти в монографии известного израильского историка Якова Каца^[11]. Эмоциональное и вместе с тем обширно документированное рассмотрение этой же проблемы содержится в статье Евгения Майбурда с характерным заглавием «Гений & злодейство, Инс. Евреи для Вагнера. Вагнер для евреев»^[12]. Переведена с немецкого на английский также острая и спорная книга Кёлера «Вагнеровский Гитлер. Пророк и его последователь»^[13].

Было бы интересно, если бы кто-нибудь написал книгу «Вагнер в Мюнхене». Впрочем, в определённой степени это сделано в замечательном исследовании выдающегося австрийского композитора, педагога и музыкального писателя Ганса Галя^[14].

Мюнхенский период жизни Вагнера выразительно обнаруживает невероятный эгоизм, нарциссизм немецкого композитора, его полную неспособность считаться с чувствами других людей, включая близких друзей. Начавшись со сказки, с сердечного приглашения боготворившего Вагнера и его творчество молодого баварского короля Людвига Второго, вагнеровский Мюнхен закончился фактическим изгнанием. Вызывающие траты, чудовищно бестактное вмешательство в политику, наглое (иного слова не могу найти) злоупотребление расположением монарха вызвали такое всеобщее возмущение, перед которым оказался бессилён и сам король. Вот характерный, хотя и второстепенный эпизод. Чтобы Вагнер мог расплатиться с долгами, Людвиг даровал ему огромную сумму в 40 000 гульденов. Композитор попросил Козиму получить деньги в королевской кассе. Там ей их вручили... серебряными монетами, так что пришлось нанимать две кареты для перевозки тяжёлых мешков с деньгами^[15]. Поразительно, что следы того давнего возмущения, видимо, можно встретить в Мюнхене даже сегодня. Я понял это из электронной корреспонденции с коллегой из Мюнхенского университета. Мы начали с обсуждения математических издательских проблем, потом вышли за их рамки. В частности, коллега по моей рекомендации купил диск с музыкой Сальери и был ею поражён. Однажды я заговорил о трагическом короле Людвиге. В своём ответе мой корреспондент упоминал Вагнера и его безумные расходы народных средств со вполне живой горечью.

Вообще, вагнеровские способности рассчитывать на чужие кошельки, извлекать деньги из них были поистине фантастическими. Бюлов, посетивший композитора в период его (очередных) огромных материальных затруднений (1862 г.) пишет^[16]:

«Собственно говоря, невозможно представить себе, сколько денег можно истратить за 14 дней... Вот загадка: когда ему нужно, он всегда умеет раздобыть деньги — он ещё более гениальный финансист, чем поэты и музыканты».

Экстравертная ослепительная личность Вагнера оказывала драматическое влияние на окружающих. Речь идёт о сильнейшем обожании и таком же отторжении. Оба полюса ярко продемонстрировал Фридрих Ницше^[17]. Достаточно сравнить два его эссе «Несвоевременные размышления: Рихард Вагнер в Байрейте» (1876 г.) и «Казус Вагнер» (1888 г.)^[18]. Обе работы выполнены со свойственной немецкому мыслителю, поэту и музыканту энергией, смелостью, красочностью, оригинальностью. Если в первом случае его отношение к Вагнеру близко к обожествлению, то разочарование выносит суровые приговоры, вроде: «Высшее, что я изведal в жизни, было выздоровление»^[19], «Вагнер принадлежит лишь к числу моих болезней», «Человек ли вообще Вагнер? Не болезнь ли он скорее? Он делает

большим всё, к чему прикасается. Он сделал большою музыку», «Мне хочется открыть немного окна. Воздуха! Больше воздуха!», «Будем поносить, друзья мои, будем поносить, если только мы серьёзно относимся к идеальному, будем поносить мелодию. Нет ничего опаснее прекрасной мелодии! Ничто не портит вернее вкус! Мы пропали, друзья мои, если опять полюбят прекрасные мелодии!», «Принцип: мелодия безнравственна... Недостаток мелодии даже освящает...»... и т. д. Ницше противопоставляет «Кармен» Бизе^[20] вагнеровским музыкальным драмам. «Тут прощаешься с сырым Севером, со всеми испарениями вагнеровского идеала. Уже действие освобождает от этого... Тут во всех отношениях изменён климат. Тут говорит другая чувственность, другая чувствительность, другая весёлость». Ницше призывает «осредиземноморить музыку^[21]». Какой образ!

Вот несколько мягких, иногда вызывающих улыбку проявлений характера немецкого Мастера.

Вспоминает писательница Элиза Вилле^[22]:

«В возбуждении он (Вагнер — Б.К.) расхаживал по комнате. Внезапно он остановился передо мной и сказал: "У меня особенный организм, чувствительные нервы. Я должен быть окружён красотой, сиянием, светом. Мир обязан обеспечить мне такое существование. Я не могу влачить жалкую жизнь органиста, как ваш Мастер Бах! Так ли уж неслыханно сказать, что я заслуживаю немного роскоши, чтобы нормально жить? Я, который может радовать тысячи!"»?

Тогда начинающий, а в будущем известный критик Эдуард Ганслик^[23], посетивший Дрезден в сентябре 1846 года, оставил интересные записи своих бесед с Вагнером и Шуманом. По сути, он послужил своеобразным проводником, через который «обменялись комплиментами» два немецких композитора. Трудно не улыбнуться, читая этот обмен.

На вопрос, часто ли Шуман общается с Вагнером, тот отвечает:

«Нет! Для меня Вагнер невыносим. Несомненно, он умный человек, но он непрерывно говорит. Нельзя же говорить всё время.»

В свою очередь Вагнер сообщает критику:

«...Невозможно беседовать с Шуманом. Он невозможный человек, никогда ничего не говорит. Я нанёс ему визит вскоре после моего возвращения из Парижа и рассказал ему множество интересных вещей насчёт Парижской Оперы, насчёт концертов и композиторов. Но Шуман или смотрел на меня так, что ни один его мускул не дрогнул, или глядел прямо перед собой и не говорил ничего. Так что я встал и ушёл. Невозможная личность»^[24].

А вот запись Козимы в Дневниках от 31 декабря 1873 г.^[25]:

«...Сильнейшее раздражение от статьи в газете о том, что И. Брамс^[26] получил орден Максимилиана одновременно с Р. (Рихард Вагнер — Б.К.). Р. считает, что он был представлен к ордену только для того, чтобы появилась возможность наградить «этого глупого малого». Он хочет отослать орден обратно, но, в конце концов, успокаивается.»

Ревность к коллегам общая черта выдающихся (и не выдающихся) артистов. У Вагнера она проявляется, как и всё прочее, особенно ярко. Надо сказать, что Вагнер не всегда так плохо относился к Брамсу. В феврале 1864 года композиторы

встретились в доме общих друзей. По просьбе Вагнера Брамс сел за рояль и сыграл сначала органную Токкату фа-мажор Баха. Затем опять-таки по специальной просьбе старшего коллеги Брамс исполнил свои Вариации на тему Генделя. Вагнер отнёсся к Брамсу и к его сочинению с исключительной теплотой, сказав в заключение: «Вы видите, что ещё может быть достигнуто в старых формах, когда является кто-то, кто знает, как обращаться с ними»^[27].

Выдающийся исследователь и биограф Вагнера Эрнест Ньюман^[28] пишет^[29], что, возможно, огромный успех «Фауста» Гуно^[30] удерживал Вагнера от завершения задуманной ещё в юности симфонии на тот же сюжет (сочинённая тогда первая часть была позже переработана в увертюру «Фауст»). Ньюман предлагает читать «между строк» часть автобиографической книги Вагнера, относящуюся к шумному провалу «Тангейзера» в Париже в 1861 году. Вот соответствующий пассаж^[31]:

«После этого (провала «Тангейзера» — Б.К.) я сохранил дружеские отношения с одним только Гуно. Мне передавали, что он всюду отзывался обо мне с большим энтузиазмом. Он будто бы заявил: «Que Dieu me donne une pareille chute» («Если бы мне Бог дал такой провал» — Б.К.). В благодарность я подарил ему партитуру «Тристана и Изольды», ибо его отношение ко мне радовало меня, тем более что никакие дружеские чувства не могли меня заставить прослушать «Фауста»».

Любопытно, что при всём при том, Вагнер слышал эту оперу Гуно в Висбадене 9 февраля 1862 г.^[32]

Свойственная творческим личностям элементарная ревность и её сестра зависть часто облекаются в форму эстетических разногласий. Впрочем, у настоящих артистов эмоции и эстетика переплетены неразделимо. Что же касается отношений выдающихся людей с людьми «обыкновенными», то такие отношения порой приобретают уродливые, попросту ужасные формы. Об этом можно прочесть, например, в книге известного историка Пола Джонсона^[33].

Очевидно, Вагнер обладал колоссальной силой внушения, как посредством музыки необычайной интенсивности, так и самой своей личностью. Не был ли он первым «шоуменом» в современном смысле слова? Результатом оказался основанный им и развитый фанатичными поклонниками (и поклонницами) культ, живой и сегодня. Остаётся утешаться (слабое утешение!) тем, что в отличие от некоторых новомодных культов в искусстве здесь хотя бы действительно имеется огромная творческая личность.

Одним из тяжёлых последствий вагнеровского культа явилось ошельмование и почти полное изгнание с оперной сцены крупнейшего мастера-новатора жанра Джакомо Мейербера^[34]. Сейчас, когда появились видеозаписи опер этого композитора, стало особенно очевидным давно замеченное музыковедами его влияние на ряд выдающихся имён. Достаточно назвать, например, Мусоргского, Гуно, Верди и — да-да — самого Вагнера. Злобные нападки Вагнера на Мейербера, в которых эстетика живописно переплетена с «просвещённым» антисемитизмом, особенно отвратительны в свете роли, которую сыграл Мейербер в жизни младшего коллеги. Вот, что пишет об этом в уже цитированной книге Ганс Галь^[35]:

«Сколь же приятно было услышать неожиданное известие о том, что Мейербер, и не подозревающий о том, что он провозглашён покровителем всего вагнеровского начинания, находится именно в Булони! Вагнер тотчас же воспользовался этим благоприятным обстоятельством»

ством и немедленно нанёс ему визит. Знаменитый маэстро дружески принял молодого соотечественника и проявил интерес к партитуре «Риенци», первые два действия которого Вагнер представил ему (остальные три ещё не были написаны). Чтобы предвосхитить конец длинной и очень печальной истории, скажем: Мейербер был единственным человеком, кто сделал что-либо разумное, чтобы помочь очутившемуся на чужбине музыканту, кто оказывал ему покровительство, когда тот совершал свои первые и самые трудные шаги».

Мейербер снабдил Вагнера рекомендательными письмами к директору «Гранд-Опера» и главному дирижёру Хабенску^[36]. Он же рекомендовал к постановке «Летучего голландца» в Берлине, а ещё раньше Вагнер сослался на знаменитого Мастера, предлагая постановку «Риенци» в Дрездене.

Итак, в начале своей карьеры Вагнер искал покровительства Мейербера и получал таковое. Сохранившиеся письма той поры^[37], адресованные старшему коллеге, переполнены самой откровенной лестью, их трудно не назвать подобоострастными. Как же должна была позже обжигать память об этом унижении такую гордую и самостоятельную натуру, как Вагнер! Психологический механизм выраставшей отсюда неприязни (если не ненависти) вполне понятен.

И, вдобавок, помимо смертных эстетических грехов Мейербер также повинен в непростительном грехе земном: 26 ноября 1846 года он отказал Вагнеру в займе размером в 1200 талеров^[38].

Ах, Вагнер, Вагнер... Воистину, человек-Мефистофель...

«Реабилитация» Мейербера ещё ждёт своего часа и своего автора, способного поднять огромный исторический материал и представить его широкой аудитории. Здесь может помочь относительно недавняя публикация в английском переводе избранных писем композитора и полного четырёхтомного издания его дневников^[39]. «Дневники» — источник чрезвычайной ценности, представляющий читателю широчайшую панораму культурной жизни значительного отрезка XIX века.

Вагнеровский злобный анти-мейерберизм нашёл достойных последователей в сталинском Советском Союзе. В кинофильме «Композитор Глинка» (1952 г.) есть примечательный эпизод. Глинка, Берлиоз и Мейербер сидят в каком-то ресторане во время венецианского карнавала. Играет австрийский военный оркестр. Берлиоз восклицает, что национальной музыки в Италии больше не существует. Мейербер спокойно замечает: «Я не понимаю, что такое национальная музыка. Бывает музыка хорошая и дурная. У музыки нет родины, господин Берлиоз». «Только если нет Родины у музыканта, господин Мейербер!» — отвечает пылкий француз. В это время с канала доносится песня. Женщина в гондоле поёт что-то крайне печальное. «Песня хороша потому, что она национальная, господин Мейербер» — вносит свою лепту Глинка.

Широкой публике было менее известно, что Мейербер относился к Глинке с уважением, исполнял его музыку (как, кстати, и музыку Верди, иногда аранжируя аккомпанемент для наличного инструментального состава) в придворных концертах (немаловажное в те времена обстоятельство!)^[40]. Михаил Иванович Глинка скончался в Берлине 15 февраля 1857 года. Мейербер в записи в дневнике на следующий день называет его «очень талантливым русским оперным композитором», а 18 февраля в числе немногих идёт за гробом на кладбище^[41]. Давид Браун в биографическом очерке о Глинке пишет:

«В течение финального года своей жизни Глинка установил тесные отношения с Мейербером, поскольку тот дирижировал последним пуб-

личным исполнением произведений Глинки, которые слышал автор. Мейербер был одним из участников похорон»^[42].

Вот, что писал о Мейербере сам Глинка (15 января 1857 г.):

«...9 января исполнили в Королевском дворце известное трио из «Жизни за царя»... Оркестром управлял Мейербер, и надо сознаться, что он отличнейший капельмейстер во всех отношениях. Я также был приглашен во дворец... Если не ошибаюсь, полагаю, что я первый русский, достигший подобной чести...»^[43]...

Ещё одно наблюдение, кажется, незамеченное в известных мне источниках. Дети Козимы и Рихарда Вагнера были внуками Листа. Соответственно, их дети и т.д. были потомками венгерского Мастера. Несомненно, огромная честь! Но я не припомню, чтобы в семейных хрониках это упоминалось всерьёз. Вагнер, Вагнер, Вагнер... Без конца Вагнер! Гигантская фигура Листа почти полностью заслонена.

Между тем, речь идёт о гениальном пианисте, изменившем всё последующее восприятие сольного фортепиано, композиторе-новаторе, дирижёре, одной из центральных музыкальных личностей XIX века.

К тому же в жизни Вагнера Лист играл значительную роль, начиная с неизменной материальной и артистической поддержки и кончая собственно музыкальным влиянием. Вот интересный пример. Много сказано и написано о так называемом «тристановском аккорде». В действительности же, справедливее говорить о «Фауст-аккорде» Листа. Это изысканное гармоническое новшество было использовано в «Фауст-Симфонии» венгерского Мастера, а уж затем сознательно или бессознательно Вагнер начал с него свой «Тристан»^[44]. Вагнер и сам неохотно признавал влияние Листа. В письме Вагнера к фон Бюлову от 7 октября 1859 года читаем^[45]:

«...В конце концов, есть много вещей, которые мы охотно признаём между собой, например, что я стал совершенно другим человеком в смысле гармонии после знакомства с сочинениями Листа. Но когда друг Пол^[46] выпаливает секрет всему миру прямо в начале короткой заставки о Прелюде к «Тристану», это, по меньшей мере, нескромно...»...

И здесь я возвращаюсь к замечательной во многих отношениях, взволнованной статье о Вагнере и вокруг Вагнера Евгения Майбурда, уважаемого и компетентного автора, вагнеровского «фаната» (самохарактеристика!)^[47]. Видимо, в запале автор пишет:

«И пришла мысль: творение Верди («Анда» — Б.К.), прекрасное музыкально, в целом — как драма — на фоне Вагнера выглядит мыльной оперой! Кто-то решит, что сказано слишком круто, но это так — настолько Вагнер громаден».

Действительно, «крутовато», если пользоваться нынешним жаргоном. За последние годы я неоднократно прослушал/просмотрел ряд видеозаписей опер и музыкальных драм Вагнера, включая три полные версии «Кольца нибелунга» (Булез, Байрейт 1980; Левайн, Метрополитен Опера, 1990; Баренбойм, Байрейт, 1991).

Помня Заповедь «Не сотвори себе кумира», я не являюсь ничьим «фанатом». Но если уж говорить о «мыльной опере», обсуждая такие художественные явления, как Вагнер и Верди, то, как раз «Кольцо» и напоминает таковую. Эта кра-

мольная мысль приходит в голову, когда Вóтан, опираясь на копьё, в десятый раз пересказывает содержание «предыдущих серий», или при очередном пересказе истории убийства дракона и т. д. Когда я в сотый раз слышу очередной медный возглас, мне хочется вместе с героем фильма «Покровские ворота» вскричать «Коллега, я понял, я всё понял! Это Зигфрид, это сабля, это копьё»... У Вагнера, чело- века-излишества, всё через край, нарушения художественного баланса лично мне мешают чрезвычайно. «Полёт валькирий» в концерте — блистательная оркестровая пьеса. Но когда Брунгильда неоднократно визжит прекрасно звучащую в оркестре трель, мне хочется визжать самому. Нет, уж позвольте мне любить и предпочитать «Аиду», совершенное творение гениального итальянского Мастера. Предпочсть истории богов, драконов, валькирий, перетаскиванию трупов на сцене живую трагедию трёх главных героев «Аиды», трагедию любви, долга, ревности, смерти... Трёх героев? Да ведь не заслуживает трагедия Аиды и Радамеса беду, крушение Амнерис, дочери Фараона! При всём её земном могуществе она беззащитна перед судьбой. Любила беззаветно и безответно, и сама же погубила любимого, отдав его в руки беспощадного суда. Её сцена с жрецами — настоящий трагедийный шедевр. Вообще, вся линия жрецов в опере — обыкновенное чудо. История создания и постановки «Аиды» изложена в уникальном собрании писем и документов, составленном Хансом Бушем^[48].

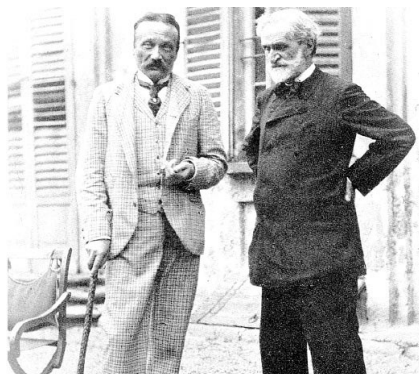

Верди дирижирует «Аидой», Париж, 1881 г.

А музыкальные трагедии «Риголетто» и «Отелло», сочинённые совершенно по-разному, но с тем же невероятным совершенством — ни одной лишней ноты! Тоже «мыльные оперы»? И какое развитие стиля от «Риголетто» до «Отелло» и «Фальстафа»!

Образованные музыканты скажут мне, что партитуры Вагнера гораздо более развиты, чем у Верди, что они отмечены необычайным мастерством. И это слышно даже «невооружённым ухом». Соглашусь с такими утверждениями. Недаром Вагнером восхищались столь выдающиеся и столь разные композиторы, как

Лист, Гуно, Бизе, Вольф, Дебюсси, Брукнер, Малер... Но я не чтец партитур, не этого ищу в опере. Вдобавок, у Вагнера первым среди равных действующих лиц его драмах является именно огромный оркестр (точнее его звучание), он предсказывает, указывает, напоминает, разъясняет. У Верди, напротив, в центре — человеческий голос. И в этом контексте его оркестровки более чем адекватны.

Верди и Бойто работают, фотография 1893 г.

Безусловно, небывалая грандиозность «Кольца нибелунга», способность одного человека создать такое произведение вызывают глубокое уважение. Однако лично у меня уважением всё и заканчивается. Признаюсь, что у самого Вагнера предпочитаю сверхчеловеческой «громадности» «Кольца» его «Майстерзингеров».

Сознаюсь и в другом страшном грехе. Никакая самая изощрённая музыка не смягчит отторжения, которое вызывает у меня «поэма» Вагнера «Парсифаль». В этом сочинении возведённая чуть ли не в мировоззрение болезненная озбоченность композитора кровью, трупами, натуралистической демонстрацией всего этого на сцене достигает апогея. Не стоило ли Василию Розанову переадресовать Вагнеру заглавие своей печально известной книги «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови»?

Поразительно, что одна экстраординарная самовлюблённая музыкальная личность может почти полтора века находиться в центре горячих дискуссий, исследований и т.д.! Вот и я этим же занялся. И ухитрился же Вагнер заслонить собой куда более значительных для меня художников!

Несколько слов о моём «вагнеровском итоге». Я вполне способен отделить неприятного (мягко сказано!) человека от его искусства. И вместе с тем, душевного движения послушать/посмотреть оперу Вагнера у меня нет никогда. На следующем шаге можно отделить музыку от «поэм». Останется что-то, вроде известной записи Лорином Маазелем «Кольца без слов»^[49] плюс концертные пьесы (увертюры и т.д.). Вагнер сам дирижировал концертами, составленными из таких вещей, но вряд ли бы он одобрил подобную вивисекцию концептуально. Композитор-поэт работал над своими «поэмами» упорно и всерьёз. Читал их близким и друзьям. Художественным результатом его труда должны были быть «синтетические», универсальные произведения искусства, где драма и музыка сливались бы в неразделимое целое, реализуемое в сценическом действе. Не зря Вагнер с невероятной волей и упорством добивался и добился постройки своего театра, предназначенного исклю-

чительно для его творений, не зря он самоотверженно работал над конкретной постановкой своих музыкальных драм. Работал, вникая в самые мелкие детали (кстати, как и его антипод Верди).

Фестивальный театр в Байрейте. 1900 г.

Концертные пьесы Вагнера, несомненно, великолепны, они могут украсить репертуар любого оркестра, обладающего достаточной технической свободой, чтобы их сыграть^[50]. Но я бы назвал их предгорьями музыкального искусства. Заоблачные вершины я нахожу у Баха, Моцарта, Бетховена, Шостаковича...

Мне не составляет труда вызвать из памяти и «проиграть близко к тексту» значительные фрагменты вагнеровских сочинений, но опять-таки специального желания сделать это — нет. Не моя эта музыка, не по мне Вотаны, Брунгильды, Парсифали со всей их бутафорией и назойливой претензией на бездонные глубины. Подчёркиваю на всякий случай ещё раз — таково моё персональное восприятие, без всякого попользования на обобщение.

Как же относились друг к другу два Мастера, Вагнер и Верди, рассматриваемые многими, как антиподы? Свидетельств тому немного, оба были заняты собственным творчеством. Вдобавок, Вагнер не рассматривал Верди всерьёз, а Верди чуждался публичности.

В огромном пространстве Дневников Козимы Вагнер (1199+1200 страниц!) имя Верди упоминается крайне редко. А именно пять раз в первом томе и два раза во втором.

Запись от 12 февраля 1871 г.^[51]:

«...Вечером Рихтер^[52] затевает разговор о Гуно, и этим начинается ужасающий музыкальный тур: «Фауст», «Пророк», «Гугенотъ», Беллини, Доницетти, Россини, Верди, один за другим. Мне становится тошно... Терпение Р. (Рихард Вагнер — Б.К.) тоже лопается, и он просит Рихтера остановиться, когда тот пытается доказать ему, что Верди не хуже Доницетти...».

Запись от 2 декабря 1871 г.^[53]:

«...Сообщение из Италии. Верди на представлении «Лоэнгрин». Публика ему аплодирует, но он остаётся в глубине своей ложи, чтобы не мешать торжественности происходящего».

Здесь мы имеем редкий случай, когда известна реакция на событие самого Верди (см., ниже).

Запись от 2 ноября 1875 г.^[54]:

«...Вечером «Реквием» Верди, о чём самое лучшее — промолчать...»

«Реквием» Верди в этом случае был исполнен в Вене под управлением Ганса Рихтера^[55], чем, возможно, была недовольна чета Вагнеров. Рихтер входил в ближайший вагнеровский круг. Ему было доверено в 1876 году при открытии Байрейтского фестивального театра первое полное исполнение «Кольца нибелунга». Восхищаясь Вагнером, Рихтер сохранял свою творческую свободу, дирижируя, например, сочинениями презренного Брамса...

Запись от 23 апреля 1882 г.^[56]:

«Р. вспомнил мелодию Верди, которую он слышал вчера с Большого канала (в Венеции — Б.К.), исполняемую дуэтом. Он напевает её мне и смеётся над тем, как этот всплеск гнева прорычали вчера. Отмечает ломаный ритм: "И это нас просят называть натуральной линией!". Ничего подобного нету Россини».

Ну, не воши же Брунгильды петь на Большом канале! За это и утопить могут...

Запись от 28 октября 1882 г.^[57]:

«Перед ужином Р. немного импровизирует, затем, чтобы позабавить меня, играет нечто à la Верди, à la Шопен».

В корреспонденции Верди можно найти немногочисленные, но очень интересные упоминания о Вагнере и его направлении.

Из письма к давнему другу, графине Кларе Маффей^[58] от 31 июля 1863 г.^[59]:

«В прошлом году я часто виделся в Париже с Бойто и Фаччио^[60], которые, несомненно, являются одарёнными молодыми людьми. Но об их композиторском таланте я ничего не могу сказать, так как произведений Бойто я вообще не слышал, а Фаччио позволил мне услышать лишь немного из написанного. Впрочем, Фаччио в скором времени собирается выпустить оперу, и у публики будет возможность высказать о ней своё мнение. Об этих молодых людях ходят слухи, что они являются восторженными поклонниками Вагнера. Против этого ничего нельзя возразить, покуда поклонение не переходит в подражание. То, что сделал Вагнер, не стоит повторять ещё раз».

Вагнер не является ни диким вепрем, как считают пуристы, ни пророком, как пытаются убедить в том его апостолы. Это человек большого дарования, который находит для себя удовлетворение в том, что идёт непроторенными путями, поскольку не обнаруживает более лёгких и непосредственных. Молодые люди не должны оставаться во власти иллюзий: много, очень много тех, кто порождает веру, будто они имеют крылья, тогда как у них просто нет ног, чтобы твёрдо ходить по земле...».

31 декабря 1865 г. Верди пишет^[61]: *«...Слышал также увертюру к "Тангейзеру" Вагнера. Он безумен!!!».*

В процессе подготовки европейской премьеры «Аиды» в Милане (8 февраля 1872 г., Ла Скала) Верди в письме от 10 июля 1871 г. подробно сообщает Джулио Рикорди^[62] свои требования к постановке. Среди указаний, относящихся к оркестру, читаем^[63]:

«...Среди этих нововведений первым будет требование убрать со сцены ложи для зрителей, что даст возможность выдвинуть занавес до ламп на авансцене; вторым будет требование сделать оркестр невидимым. Эта идея не моя, она принадлежит Вагнеру, и она превосходна»...

По-видимому, из опер Вагнера Верди слушал целиком только «Лоэнгрин». Вот что сообщает Ганс Галь^[64]:

«Сохранилась часть клавира оперы "Лоэнгрин", который он (Верди — Б.К.) держал в руках во время исполнения её в Болонье. Верди оставил около ста пометок на полях, по которым нельзя не заметить его критического отношения к этому произведению. В конце он сделал такое резюме: "Посредственно. Красивая и ясная музыка там, где есть место фантазии. Действие протекает вяло, столь же невыразительны и слова. Поэтому скучно. Прекрасные оркестровые эффекты. Постановка посредственная. Много порыва, но нет ни поэзии, ни тонкости"».

Кратко, ясно, точно.

Справедливости ради, надо упомянуть обстоятельства этого дела, которые могут поставить под сомнение беспристрастность суждения Верди.

«Лоэнгрин» был первой оперой Вагнера, исполненной в Италии. Постановкой занимался Анжело Мариани^[65], выдающийся «вердиевский» дирижёр, друг Верди. К 1871 году их отношения по ряду причин расстроились. Переход или просто «экскурсия» Мариани в лагерь «музыки будущего» ситуацию, естественно, не улучшали. Подготовка премьеры, прошедшей с огромным успехом в театре «Коммунале» в Болонье 1 ноября 1871 года, сопровождалась громкой рекламной шумихой в прессе, восхвалением Вагнера, музыки будущего и т. д., и т. п. Верди слушал оперу 19 (по другим сведениям 9-го) ноября^[66]. Состояние Верди в то время ярко выражено в его письме к Джулио Рикорди:

«Генуя, 8 декабря 1871 г.

...Я испытываю в данную минуту такое отвращение, я до такой степени раздражён, что тысячу раз поджёг бы партитуру "Аиды" и ни секунды не пожалел бы об этом. Хотите?.. Это ещё возможно!.. Договор с издателем ещё не заключён, и, еслихотите, я уничтожу всё... Но, если эта бедная опера всё ещё должна существовать, ради всего святого — не надо рекламы, не надо искусственно раздутого шума! Это для меня самое унижительное унижение. О! От всего, что я видел сейчас в Болонье, и оттого, что происходит сейчас во Флоренции, меня тошнит! Нет, нет... я не хочу лоэнгринад... Лучшие всё съесть!»^[67].

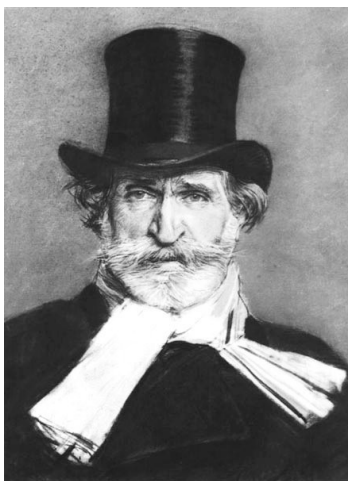
Перечитав уже написанное, подумал: да зачем же нам сталкивать художественные явления? Ну, для современников это были живые фигуры, вот и получалось Вагнер против Верди, Брукнер против Брамса, Брамс против Чайковского и т. д., и т. п. Само по себе взаимное отторжение сильных художественных натур явление понятное. Как и появление «фанатов», «тиффози» и т. д., заблуждающих магией величия своего кумира. Но нам-то зачем? Это же такое счастье, что жили и

творили настоящие, от Б-га Мастера! Пусть каждый выбирает себе музыку по душе. Есть из чего выбирать.

Ганс Галь даёт выразительную добрую ироническую характеристику трёх выдающихся музыкальных персонажей XIX века:

«Современников, определяющих свою эпоху, редко связывают узы братства... Брамс, например, относился к Вагнеру с уважением, но его доктрину считал абсурдной, а как человек он был ему просто антипатичен. О Верди он отзывался доброжелательно, но в его представлении этот композитор был чем-то вроде жителя другой планеты. Вагнер не терпел рядом с собой ни композиторов, ни поэтов. Верди он вообще не принимал в расчёт, а о Брамсе в период его восхождения к славе говорил с почти нескрываемым презрением. Верди, скорее всего, никогда не слышал ни одной ноты, написанной Брамсом, а в Вагнере с 70-х годов, то есть с момента, когда его произведения начали своё победоносное вторжение в Италию, видел угрозу, более того, непосредственную опасность для себя. И доведись им, всем троим, встретиться в раю, Брамс, скорее всего, приветливо бы поздоровался с Верди, Верди вежливо снял шляпу, а Вагнер повернулся бы к обоим спиной»^[68].

Но вернусь к заглавию этого очерка и в библиотеку Карнеги Питтсбурга 90-х годов прошлого века. Однажды, ставя Дневники Козимы Вагнер на полку, я заметил небольшую книгу корреспонденции Верди. Книга эта называлась «Верди: человек в его письмах»^[69].

Верди, 1886 г., портрет работы Giovanni Boldini

Помимо подборки писем композитора в книге была помещена статья Верфеля «Портрет Джузеппе Верди» и «Набросок автобиографии», написанный самим композитором в 1879 году. Имя одного из составителей книги, известного австрийского поэта и писателя Франца Верфеля^[70], конечно, было мне известно. Помимо прочего, Верфель был, по-видимому, первым европейским писателем, написавшем о геноциде армянского народа — низкий ему поклон за это^[71].

Меня несколько удивило, что держателем авторских прав на книгу была указана Анна Малер. Много позже, когда я прочёл воспоминания вдовы Густава Малера^[72] Альмы Малер^[73], всё встало на свои места. Верфель был последним мужем Альмы, её внезапной, с первой прочитанной строчки (именно, строчки, а не взгляда — самого Франца Альма увидела заметно позже) любовью. Одиссея их побега (Франц был евреем) через Испанию и Португалию в США из вишистской Франции представляет огромный эмоциональный и исторический интерес, но это уже другой рассказ, другая тема. Таким образом, упомянутая выше Анна Малер^[74] несомненно дочь великого композитора. Воистину тесен этот мир!

Итак, раскрыл я книгу, составленную Верфелем, и как будто вышел на свежий весенний воздух из душной комнаты. При всей грандиозности претензий было что-то удушающее, тесное в мире Дневников Козимы, в мире Рихарда Вагнера. Каким контрастом оказалось сдержанное спокойное достоинство Верди, суровая земная простота его слога! Трудно найти слова, чтобы выразить моё уважение Художнику, перенесшему страшные удары судьбы, достаточные, чтобы совершенно сокрушить любое человеческое существо, наполнить его горечью и отторжением. Вот что пишет Верди в своей Автобиографии о катастрофе, обрушившейся на начинающего, ещё не нашедшего своего места в жизни музыканта^[75]:

«...Но я был глубоко подавлен. Я не мог примириться с тем, чтобы просрочить хотя бы и на несколько дней плату за квартиру. И моя жена^[76], видя мои переживания, взяла немногие свои драгоценности и, не зная где и каким способом, достала некоторую сумму денег и принесла её мне. Я был глубоко тронут этим доказательством её преданности и поклялся самому себе вернуть ей всё. Что, к счастью, вскоре смог сделать благодаря контракту.

Но здесь и начались самые ужасные мои несчастья. В начале апреля заболел мой маленький мальчик. Врачи не могли определить причину его страданий, и бедный малыш за несколько дней угас на руках у своей матери, которая почти обезумела от горя. Но этого было мало. Через несколько дней заболела в свою очередь моя маленькая дочь, и этот ребёнок тоже был отобран у нас! Но даже и это было ещё не всё. В начале июня моя юная спутница сама заболела острым энцефалитом, и 19 июня 1840 года третий гроб был вынесен из моего дома.

Я остался один!...Один!... За какие-то два с небольшим месяца я потерял три любимых существа. Не стало всей моей семьи!.. И в этой ужасной душевной агонии я был вынужден, чтобы не нарушить заключённый контракт, сочинить от начала и до конца комическую оперу!...».

Нет слов для такого горя. Я тихо закрыл книгу и ушёл в огромный, местами совершенно дикий парк, начинавшийся сразу за Карнеги комплексом.

Вернувшись к переписке Верди на следующий день, я натолкнулся на крайне необычный, возможно беспрецедентный в истории музыки обмен письмами с неизвестным корреспондентом. Вот эти поразительные письма^[77]:

«Верди к Джулио Рикорди. St. Agata, 10 мая 1872 г.

Дорогой Джулио,

Вчера мне пришло из Реджио (Эмилия) письмо, настолько курьёзное, что я пересылаю его Вам, с просьбой выполнить моё поручение, которое сейчас будет изложено. Вот письмо:

=====

«Адресовано: Сеньору Верди, Reggio (Emilia), 7 мая 1872 г.
дружески.

Второго числа этого месяца, привлечённый сенсацией, которую производила Ваша опера «Аида», я отправился в Парму. За полчаса до представления я уже сидел в своём кресле № 120. Я был восхищён постановкой, с огромным наслаждением слушал замечательных певцов, я принял все меры, чтобы ничто не ускользнуло от моего внимания. Когда представление было окончено, я спросил себя, удовлетворён ли я. Ответ был отрицательным. Я отправился назад в Реджио и по пути туда, в железнодорожном вагоне прислушивался к мнениям моих попутчиков. Почти все они соглашались в том, что «Аида» — произведение высочайшего ранга.

Вследствие этого, мне захотелось услышать оперу ещё раз, и четвёртого числа я снова приехал в Парму. Я приложил отчаянные усилия, чтобы получить кресло, и в кассах была такая толпа, что мне пришлось уплатить пять лир, чтобы слушать исполнение в комфорте.

Я пришёл к следующему заключению: в опере нет абсолютно ничего захватывающего или электризирующего и если бы не великолепная постановка, публика не выседела бы до конца. «Аида» наполнит театр ещё несколько раз, и затем будет собирать пыль в архивах. А теперь, мой дорогой господин Верди, Вы можете вообразить, как огорчён я, потратив 32 лиры на эти два представления. Добавьте к этому то отягчающее обстоятельство, что я нахожусь на изживении моей семьи, и Вы поймёте, что эти деньги терзают мою душу, как ужасное привидение. Поэтому я искренне и открыто обращаюсь к Вам: не могли бы Вы приписать мне эту сумму? Вот счёт:

Железная дорога, туда 2.60 лир
Железная дорога, обратный билет 3.30
Театр 8.00
Отвратительно плохой обед на станции 2.00
15.90 лир
Умножить на два x2
31.80 лир

В надежде, что Вы избавите меня от этой дилеммы, остаюсь
Искренне Вашим
Бертани
Мой адрес: Bertani, Prospero; Via San Domenico, № 5.

=====

Как Вы легко поймёте, чтобы спасти этого отпрыска семейства от преследующих его привидений, я с радостью оплачу небольшой счёт, который он мне прислал. Соответственно, будьте, пожалуйста, столь любезны вручить через одного из Ваших агентов сумму в 27 лир и 80 сентизимо означенному Сеньору Просперо Бертани, ул. Святого Доменика, № 5. Конечно, это не вся затребованная им сумма, но оплатить также и его обед, значило бы для меня завести эту шутку несколько

дальше, чем следует. В конце концов, он прекрасно мог бы пообедать дома. Само собой разумеется, он должен прислать Вам расписку, а также письменное заявление, что он обязуется никогда впредь не слушать ни одной из моих новых опер, дабы не подвергать себя снова опасности преследований со стороны привидений, а меня фарсу оплаты дальнейших его поездок ...

Джулио Рикорди к Верди. Милан, 16 мая 1872 г.

Сразу по получении Вашего письма, я написал нашему агенту в Реджио. Последний нашёл знаменитого Синьора Бертани, выплатил деньги и получил расписку по всей форме!!! Я скопирую письмо и расписку для газеты и верну Вам всё вместе завтра. О, какие только дураки не водятся в этом мире, но этот, кажется, самый глупый из всех.

Агент в Реджио пишет мне: «Я незамедлительно послал за Бертани, который тут же явился. Когда я изложил причину приглашения, он сначала удивился, но затем сказал: "Возмещая мои расходы, Маэстро Верди признаёт, что я был прав в моём письме. Тем не менее, это мой долг поблагодарить его, что я и прошу Вас сделать от моего имени".

И это ещё лучше прежнего!

В удовольствии обнаружить такой редкий образец породы, я шлю самые сердечные приветы Вам и Синьоре Пенпине.

Просперо Бертани к Верди 15 мая 1872 г.

Настоящим, я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что получил 27.80 лир от Маэстро Джузеппе Верди в качестве возмещения моих расходов на поездку в Парму на исполнение оперы «Аида». Маэстро посчитал справедливым возместить мне эту сумму, поскольку мне не понравилась опера. Одновременно, я обязуюсь не совершать в будущем поездок с целью прослушать какую-либо из новых опер означенного Маэстро, за исключением случаев, когда он примет на себя все расходы независимо от того, каким может оказаться моё мнение об его произведении.

В подтверждение чего прилагаю собственноручную подпись.

Бертани Просперо»

Конечно, для начала я рассмеялся: контраст между обстоятельной серьёзностью молодого человека и мягким юмором обычно неулыбчивого Маэстро был разителен. Но, в сущности, эта переписка выходит за пределы экзотической шутки, показывая ещё одну грань личности итальянского Мастера. Трудно и вообразить, что случилось бы, если бы тот же Вагнер получил подобное письмо, скажем, насчёт «Лоэнгрина». Что творилось бы в его доме! Какие молнии сверкали бы, какие громы гремели бы, какие диатрибы появились бы в Дневниках Козимы!

Великодушие вообще было характерной чертой Верди, оно проявлялось и в куда более серьёзных ситуациях. И это притом, что мало кто из художников подвергался таким нападкам со стороны высоколобых критиков. Сколько высокомерного презрения выплёскивалось на Верди в современной ему печати! Даже и сегодня можно встретить следы этого презрения: «А, Верди, — говорил один мой знакомый, отличный музыкант из оркестра Большого Театра — ну он, конечно, мелодист... Но, знаете ли, Реквием это же кошмар какой-то». Правда, другой мой знакомый, профессор Московской консерватории, бывший уже на пенсии (он совер-

шенно непринуждённо рассказывал о своих встречах со Скрябиным и Рахманиновым), поймав мой взгляд, погладил клавиры «Аиды», лежавший на его письменном столе, и сказал: «Да, любят говорить, что Верди примитивен, но ведь писать-то так просто и сильно не умеют». Действительно, многие мелодии Верди обладают совершенно неотразимым воздействием. Трудно вообразить себе, что люди когда-то и не подозревали о них... Кажется, что мелодии эти скорее принадлежат самой Природе, существовали в ней всегда. И не знают они ни национальных, ни сословных, ни профессиональных, ни прочих границ. Неожиданный пример: давным-давно, на первых курсах Университета я заметил очевидное влияние арии Риголетто Cortigiani, vil razza dannata (Куртизаны, исчадь порока) на... одесскую криминальную песню. Очевидно, не одни только законопослушные одесситы посещали знаменитый оперный театр... Думаю, что профессиональные музыковеды, изучающие городской фольклор, могли бы заинтересоваться этим наблюдением. Дар создания настоящей мелодии, несомненно, даётся от Б-га. Здесь есть подлинная Тайна. Недаром разница между хорошей и посредственной мелодией не поддаётся точному определению. Мне вспоминается один мой покойный коллега, пытавшийся разобраться в этом при помощи компьютерного анализа. По-моему, ничего внятного у него не получалось, хотя небезынтересно, что его программа находила абсолютно оригинальной, ни на что не похожей мелодию Застольной Песни из «Травиаты». Но вернёмся к современному Верди критикам. Уже упоминавшийся Ганс фон Бюлов в критической статье, написанной после премьеры (Милан, 1874 г.) «Реквиема», называет Верди «всемогущим развратителем итальянского художественного вкуса» и, как будто этого оскорбления недостаточно, продолжает: «Над тем, чтобы стало невозможным исполнять в Италии такие русские оперы, как «Телль», «Цирюльник», «Семирамида», «Моисей», с полным успехом уже более четверти века усердно старается Аттила гортаней»^[78]. И это при том, что немецкий музыкант не был на премьере «Реквиема», о чём счёл нужным поместить специальное объявление в печати: «Ганс фон Бюлов не присутствовал вчера на спектакле, имевшем место в церкви Сан-Марко. Ганс фон Бюлов не должен быть причислен к иностранцам, примчавшимся в Милан, чтобы слушать духовную музыку Верди»^[79]...

Каждый, кто действительно слышит музыку Верди, не может не понимать, какая чувствительная, ранимая душа скрывалась за внешней суровостью Мастера, какую боль должны были приносить подобные слова... Но вот через 18 лет, в апреле 1892 года Верди получает письмо от немецкого музыканта. Бюлов просит Верди «выслушать исповедь раскаявшегося грешника», просит прощения за свои выпады, говорит, что, изучая партитуры «Аиды», «Отелло» и «Реквиема», пришёл в восхищение от музыки Маэстро и полюбил его. Письмо заканчивается характерным восклицанием: «Да здравствует Верди, являющийся Вагнером наших дорогих союзников!»^[80]. Без Вагнера и здесь фон Бюлов не смог обойтись! Ответ Верди настолько выразителен, что мне хочется привести его целиком^[81]:

«К Гансу фон Бюлову Генуя, 14 апреля 1892 г.

Глубокоуважаемый Маэстро Бюлов!

На Вас нет даже и тени греха! И неуместно говорить о раскаянии или прощении! Если Ваши прежние убеждения отличались от теперешних, Вы поступили прекрасно, выразив их в своё время, и я никогда не решился бы на это жаловаться. Кстати, кто знает... может быть, Вы тогда были правы.

Как бы то ни было, это Ваше неожиданное письмо, написанное музыкантом столь талантливым и столь значительным в артистическом мире, доставило мне большое удовольствие! И вовсе не в связи с удовлетворением моего личного тщеславия, а потому, что я увидел, как художники, подлинно выдающиеся, судят, не считаясь с предрассудками школ, национальности, времени.

Если художники Севера и Юга имеют тенденции различные, — это хорошо, что они различны! Все должны бы держаться характерных особенностей, присущих каждому народу, как это прекрасно сказал Вагнер. Блаженны вы, являющиеся до сих пор сыновьями Баха! А мы? Мы тоже, будучи потомками Палестрины, были когда-то представителями школы великой ...и национальной! Теперь же она превратилась в подражательную, и ей грозит гибель!

Если бы мы могли вернуться назад!..

Жалею о том, что не смогу присутствовать на музыкальной выставке в Вене, где, не считая счастливой возможности встретиться с большим количеством знаменитых музыкантов, я мог бы с особым удовольствием пожать руку Вам. Надеюсь, что мой преклонный возраст послужит моим оправданием перед господами, столь любезно меня пригласившими, и они извинят меня за моё отсутствие.

Ваш искренний почитатель, Дж. Верди»

Верди, последняя фотография, 1900 г.

А вот, что пишет всё тот же знаменитый критик Эдуард Ганслик, один из самых непримиримых противников творчества Верди, почти не скрывавший презрения к композитору, о своей встрече с Маэстро в 1893 году^[82]:

«Та простота и сердечность, с которыми Верди — почти недосягаемый здесь для всех, кто с ним незнаком, меня принял и приветствовал, произвели на меня, имевшего на совести по отношению к нему тяжесть грехов молодости, сильное впечатление. Нечто бесконечно доброе, скромное и благородное в своей скромности излучалось всем существом этого человека, которого слава не сделала тщеславным, честь

не сделала высокомерным, а возраст капризным. Лицо его изборождено глубокими морщинами, чёрные глаза посажены глубоко, борода белая — и, тем не менее, осанка и приятно звучащий голос делают его не таким старым, каков он есть на самом деле.

Удивительным человеческим и историческим документом является и письмо, написанное Верди по получении известия о смерти Вагнера. Письмо адресовано Джулио Рикорди^[83]:

«14 февраля 1883 г.

Горе горе горе.

Вагнер умер!

Когда я вчера прочёл об этом, то, скажу прямо, был совершенно сокрушён. Здесь умолкают дискуссии. Великая личность ушла. Имя, которое оставит глубокий отпечаток в истории искусства».

Верфель, видевший оригинал письма, пишет о нём с волнением^[84]. Три раза повторенное без всяких запятых слово «горе», «Вагнер», написанное через «V» вместо общеизвестного «W», всё это выдаёт потрясение, в котором находился Верди. Слово «значительная» зачёркнуто и заменено на «великая». И ведь сколько перенёс итальянский Мастер в связи со своим немецким антиподом! Особенно больно было читать ему многочисленные обвинения в вагнеризме, в эпигонстве. Воистину имеют уши и не слышат!

Верди, конечно, не был ангелом. Ему отнюдь не была чужда творческая ревность, он мог быть довольно жёстким в имущественных делах (даже со своими родителями), и всё-таки... может быть, лучше удержаться, не говорить этого, но насколько же больше рыцарства в крестьянском сыне и фермере Верди^[85], чем в певце рыцарей и любителе роскоши Вагнере! А упомянутая только что деловая жёсткость Верди сочеталась со щедрой конкретно направленной благотворительностью, включавшей материальную помощь ряду оказавшихся в тяжёлом положении музыкантов. В этом деле было полное семейное согласие. Вторая жена Верди, Джузеппина Стрепонни^[86], из своих сбережений помогала беднякам в округе. Супруги также оказывали значительную помощь детской больнице в Кремоне, а Верди, кроме того, подарил больнице партитуры «Отелло» и «Фальстафа»^[87].

К концу жизни Верди располагал значительными средствами, и это позволило ему осуществить два крупных проекта. 5 ноября 1888 года скромной церемонией была открыта больница для фермеров и их работников в Вилланова близ Сант-Агаты (строительство начато в 1882 году)^[88]. Больница немедленно заполнилась пациентами. Проект был полностью financирован композитором. Он вникал во все детали, подробно обсуждал с архитектором планы строящегося здания, меблировку, нанял медицинский персонал и т. д. В дальнейшем содержал больницу, занимался её ежедневными проблемами. В октябре 1889 года Верди приобрёл большой участок земли в пригороде Милана^[89], на котором он впоследствии построил «Дом престарелых музыкантов» (Casa di Riposo per Musicisti). Здесь могли проводить старость оперные певцы и музыканты. Помимо начального капитала, Верди завещал этому своему детищу все доходы от написанных им опер^[90]. Насколько мне известно, и больница, и «Дом Верди» (Casa Verdi), как стали просто называть пансион, открыты и сегодня. Верди упоминал «Дом престарелых музыкантов», как «самое прекрасное дело своей жизни»^[91].

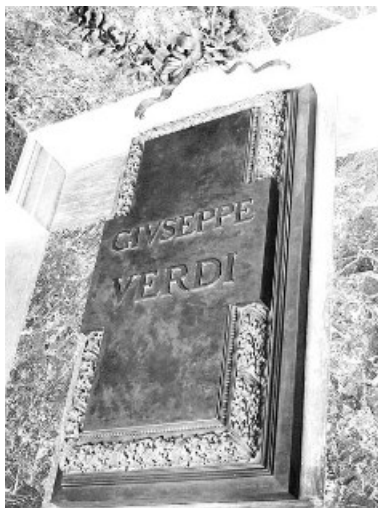
Дом престарелых музыкантов (Casa Verdi), Милан

21 января 1901 года у Верди случился удар. Агония продолжалась семь дней, и все эти дни у гостиницы «Гранд Отель» в Милане, где после смерти в ноябре 1897 года своей второй жены Джузеппины Стреппони жил композитор, стояли молча люди... Уличное движение около здания было остановлено, и, казалось, во всём Милане говорили только шёпотом. На рассвете 27 января Верди скончался. По воле покойного похороны должны были быть простыми, без пения и без музыки. Так и было сделано. Но в том же завещании Мастер просил, чтобы местом успокоения его и Джузеппины была часовня при «Доме престарелых музыкантов». Для выполнения этой последней воли были необходимы непростые приготовления, понадобились вторые похороны, о которых завещание молчало. И здесь, наконец, итальянский народ смог выразить всё, чем была полна его душа. Огромным хором дирижировал Тосканини. На фотографии, снятой 28 февраля 1901 года можно видеть бесконечное людское море (не поворачивается язык назвать это собрание людей толпой).

Похороны Верди, Милан 26 февраля 1901 г.

И вдруг над этим морем возникла и поплыла над головами могучая мелодия из «Набукко», подхваченная тысячами голосов. *Va pensiero sull' ali dorate!* — Лети, мысль, на золотых крыльях!^[92] А что же наш незадачливый герой, Просперо Бертани, несколько по-геростратовски обретший своё бессмертие? Приехал ли он в Милан, пел ли со всеми вместе? Как сложилась жизнь его, стало ли ему стыдно когда-нибудь? По-видимому, никто этого не знает...

Могила Верди, Дом престарелых музыкантов, Милан
28 марта 2000 г., 26 июня 2015 г., Pittsburgh

-
- [1] Вестник, 9(242) и 10(243), 2000 г. В Интернете:
<<http://www.vestnik.com/issues/2000/0425/win/kushner.htm>> и
<<http://www.vestnik.com/issues/2000/0509/win/kushner.htm>>.
Все упоминаемые сайты посещались в мае — июне 2015 г.
- [2] Verdi, Giuseppe, 1813-1901. Обширная биография: Phillips-Matz, Mary Jane, Verdi, A Biography, Oxford University Press, Oxford-New York, 1996.
- [3] Wagner, Richard, 1813-1883. Имеется множество биографий Вагнера, включая Автобиографию (см., ниже). Я бы рекомендовал книгу: Martin Gregor-Dellin, Richard Wagner, His Life, His Work, His Century. Transl. from German, Harcourt Brace Ivanovich, Publ, San Diego, New York, London, 1983. Огромный психологический, исторический и музыковедческий интерес представляет корреспонденция Вагнера. См., например, Selected Letters of Richard Wagner, translated and edited by Stewart Spencer and Barry Millington, W.W.Norton&Company, New York, London, 1988 and Letters of Richard Wagner, The Burrell Collection, New York, Vienna House, 1972.
- [4] Carnegie, Andrew, 1835-1919.
- [5] Wagner, Cosima, 1837-1930. Cosima Wagner's Diaries, Harcourt Brace Jovanovich, Inc., New York, 1978, 1980; существует и сокращённая версия под тем же названием, изданная Yale University Press, New Haven-London, 1997.
- [6] Liszt, Franz [Ferenc], 1811-1886.
- [7] Bülow, Hans von, 1830-1894.
- [8] Stewart Spencer, Wagner Remembered, Faber and Faber, London — New York, 2000.
- [9] Английский перевод: Richard Wagner, My life, Da Capo Press, New York, 1992. Цитирования ниже даются по русскому переводу на сайте.
- [10] Рихард Вагнер, Избранные работы, Москва, Искусство 1978.
- [11] Katz, Jacob (1904-1998), The darker Side of Genius. Richard Wagner's Anti-Semitism, published for Brandeis University Press by University Press of New England, Hanover and London, 1986.

- [12] См. статью Евгения Майбурда: <https://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer5/Majburd1.php>
- [13] Joachim Köhler, Wagner Hitler. The Prophet and his Disciple. Polity Press, Cambridge, GB, 2000.
- [14] Gál, Hans, 1890-1987. Я широко пользуюсь в настоящем эссе его переведённой с немецкого книгой: Ганс Галь, Брамс, Вагнер, Верди. Три Мастера, три мира, Радуга, Москва, 1986.
- [15] Галь, стр. 228.
- [16] Там же, стр. 218.
- [17] Nietzsche, Friedrich Wilhelm, 1844-1900.
- [18] См., www.nietzsche.ru/works/main-works/vagner-bauret/ и www.nietzsche.ru/works/main-works/vagner/. В академическом тринадцатитомном собрании сочинений Ницше Вагнеру посвящён целый том с подзаголовком «Ницше против Вагнера; из досье психолога» (1888 г.), см. www.nietzsche.ru/works/main-works/niet-vagner/. Характерны заголовки глав «Вагнер, как опасность», «Музыка без будущего», «Мы антиподы», «Где Вагнеру место» и т.д.
- [19] Здесь и далее в цитированиях курсив принадлежит Ницше.
- [20] Bizet, Georges, 1838-1875.
- [21] Il faut méditerraniser la musique.
- [22] Eliza Wille (1809-1893). Wagner Remembered, p. 157. Здесь и ниже, если не говорено противное, переводы с английского мои (Б.К.).
- [23] Eduard Hanslick, 1825-1904.
- [24] Wagner Remembered, p. 46.
- [25] Cosima Wagner's Diaries, v.1, p. 716.
- [26] Brahms, Johannes, 1833-1897.
- [27] Wagner Remembered, p. 153-154.
- [28] Newman, Ernest, 1868-1959.
- [29] Newman, Stories of the great operas and their composers, Barnes & Nobles Books, New York, 1996, p. 164.
- [30] Gounod, Charles François, 1818-1893.
- [31] Wagner, My life, p. 639. См., также >>>.
- [32] Там же стр. 785.
- [33] Johnson, Paul, Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky, Harper Perennial, 2007. См. также интереснейшую книгу о дирижёрах: Lebrecht, Norman, The Maestro Myth, Great Conductors in Pursuit of Power, Citadel Press, Kensington Publishing Corp., 2001.
- [34] Meyerbeer, Giacomo, 1791-1864.
- [35] Галь, цит. соч, стр. 187.
- [36] Habeneck, François Antoine, 1781-1849.
- [37] См., Selected Letters of Richard Wagner.
- [38] The Diaries of Giacomo Meyerbeer, v. 2, p. 182, запись от 26 ноября 1846 г. Библиографическое описание полного четырёхтомного издания приводится в примечании 39, ниже. См. также: Wagner Remembered, p. 37. Полезно заметить, что годовой оклад Вагнера, как королевского капельмейстера в Дрездене составлял 1500 талеров (там же, p. 37).
- [39] Heinz and Gurdin Becker, Giacomo Meyerbeer, A Life in Letters, Amadeus Press, Portland, Oregon, 1983; The Diaries of Giacomo Meyerbeer, v. 1-4, Translated, edited and annotated by Robert Ignatius Letellier, Madison-Teaneck, Fairleigh Dickinson University Press, Associated University Presses, 1999, 2001, 2002, 2004.
- [40] См., The Diaries of Giacomo Meyerbeer, v.4, pp. 20-21, записи от 15-21 января 1857 г.
- [41] Там же, p. 24, записи от 16 и 18 февраля 1857 г.

- [42] Brown, David, Mikhail Glinka: A Biographical and Critical Study, Oxford University Press, London, цитирую по The Diaries of Giacomo Meyerbeer, v. 4, p. 57, прим. 32.
- [43] См. <http://bibliotekar.ru/haron/40.htm> .
- [44] Alan Walker, Franz Liszt. The Weimar Years. 1848-1861. Cornell University Press, Ithaca-New York 1993, pp. 330-331.
- [45] Selected Letters of Richard Wagner, p.472. См. также Martin Gregor-Dellin, Richard Wagner, p. 266.
- [46] Pohl, Richard, 1826-1896, музыкальный критик, поэт, писатель, композитор. Страстный проповедник «музыки будущего». Насколько я понимаю, в упомянутой заметке он писал, что Вагнер заимствовал свои хроматические гармонии у Листа.
- [47] См. статью Евгения Майбурда <https://berkovich-zametki.com/2008/Starina/Nomer5/Majburd1.php>
- [48] Busch, Hans, Verdi's Aida. The History of an Opera in Letters and Documents, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1978.
- [49] См. <https://www.amazon.com/Wagner-Ring-Without-Words>
- [50] Мне вспомнилось слышанное когда-то по московскому радио «исполнение» увертюры «Тангейзер» духовым оркестром какого-то дома культуры. Уважаю энтузиазм самодеятельных музыкантов, но их руководитель мог бы выбирать посильный репертуар.
- [51] Cosima Wagner's Diaries, v. 1, p.335-336. В этой же записи Вагнер говорит, что у евреев нет собственных мозгов, они лишены дара наблюдения и т.д.
- [52] Richter, Hans, 1843-1916, выдающийся дирижёр, тесно сотрудничавший с Вагнером.
- [53] Там же, p. 437.
- [54] Там же, p. 873. В записи следующего дня упоминается «Кармен», как новая французская работа, интересная блеском новейшего французского стиля. Речь идёт о венской постановке оперы с речитативами Гиро.
- [55] Там же, p. 1134
- [56] Там же, v. 2, p. 849.
- [57] Там же, стр. 940.
- [58] Maffei, Clara, 1814-1886.
- [59] Галь, цит. соч., стр. 349. Для расшифровки адресата и датировки письма см. цит. выше Phillips-Matz, Mary Jane, Verdi, A Biography, p. 464-465 и p. 847.
- [60] Voito, Arrigo, 1842 — 1918, итальянский писатель и композитор (хорошо известна его опера «Мефистофель»). На его либретто и при его поддержке Верди написал две свои последние оперы «Отелло» и «Фальстаф». Много лет спустя после смерти Маэстро, Бойто писал, что «самая большая радость моей жизни, как художника и человека заключается в том, что я имел возможность служить Верди». (Галь, стр. 349). Faccio, Franco, 1840-1891, итальянский композитор и дирижёр. В 1871 г. стал музыкальным директором театра Ла Скала, дирижировал итальянской премьерой «Аиды» и премьерой «Отелло».
- [61] Джузеппе Верди, Избранные Письма, Госмузиздат, Москва 1959, стр. 215.
- [62] Ricordi, Giulio, 1840-1912, известный музыкальный издатель. Все оперы Верди были изданы издательским домом Ricordi.
- [63] Джузеппе Верди, Избранные письма, стр.323-325.
- [64] Цит. соч., стр.343.
- [65] Mariani, Angelo, 1821-1873. См., http://en.wikipedia.org/wiki/Angelo_Mariani_%28conductor%29.
- [66] Джузеппе Верди, Избранные Письма, стр. 578, а также Википедию.
- [67] Джузеппе Верди, Избранные письма, стр. 334 и 578. «В начале декабря Анджело Мариани поехал с труппой болонского театра Коммунале во Флоренцию ставить «Лоэнгрин» в театре Фальяно, и там повторилось всё то, что уже имело место в Болонье».
- [68] Галь, цит. соч., стр. 18.

- [69] Verdi, *The Man in His Letters*, As Edited and Selected by Franz Werfel and Paul Stefan, Vienna House Edition, New York, 1973. Вот ещё одно собрание писем Верди в английском переводе: *Letters of Giuseppe Verdi*, selected, translated and edited by Charles Osborne, Holt, Rinehart and Winston, New York-Chicago-San Francisco, 1971. Собрание писем Верди в русском переводе было упомянуто выше.
- [70] Werfel, Franz, 1890-1945.
- [71] В романе «Die Vierzig Tage des Musa Dagh», 1933. Роман переведён на многие языки. Русский перевод «Сорок дней Муса-Дага» был издан в 1988 г. в Ереване. См., также <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=91555>.
- [72] Mahler, Gustav, 1860-1911.
- [73] Mahler-Werfel, Alma Maria, 1879-1964.
- [74] Mahler, Anna Justine, 1904-1988.
- [75] Verdi, *The Man in His Letters*, pp. 86-87. См. также Ганс Галь, стр. 314-321.
- [76] Margherita Barezzi-Verdi, 1814-1840.
- [77] Там же, стр. 313-315. Я воспроизвожу эту переписку по более полной версии из цитированной выше книги Verdi's *Aida*, стр.303-305.
- [78] Ганс Галь, стр. 388.
- [79] Джузеппе Верди, *Избранные письма*, стр. 604. Здесь допущена неточность в замечательной книге Ганса Галя, стр. 387, где сказано, что Бюлов присутствовал на премьере «Реквиема» Верди.
- [80] Там же, стр. 603-604.
- [81] Там же, стр. 479-480, см. также Verdi, *The Man in His Letters*, pp. 403-404.
- [82] Ганс Галь, Брамс, Вагнер, Верди, стр. 353.
- [83] Verdi, *The Man in His Letters*, p. 365.
- [84] Там же, p. 58
- [85] Верди поддерживал вполне реальное сельскохозяйственное производство на своей ферме в Сант-Агате.
- [86] Giuseppina Strepponi, 1815-1897, знаменитая оперная певица, учитель пения, вторая жена Верди, его спутница в течение почти полувека.
- [87] Verdi, *A Biography*, p. 741.
- [88] Villanova sull'Arda. См., Phillips-Matz, Mary Jane, Verdi, *A Biography*, pp. 691-693,894, а также Джузеппе Верди, *Избранные Письма*, стр. 459-460 и *Letters of Giuseppe Verdi*, selected, translated and edited by Charles Osborne, pp. 227 и 237.
- [89] Verdi, *A Biography*, p. 702.
- [90] Завещание Верди опубликовано в книге Verdi, *The Man in His Letters*, pp. 437-440.
- [91] См., например, https://sfopera.com/SanFranciscoOpera/media/Education-Resource-Materials/Otello/Verdi-s_Legacy.pdf и http://en.wikipedia.org/wiki/Casa_di_Riposo_per_Musicisti
- [92] См., например, Verdi, *The Man in His Letters*, и Verdi, *A Biography*.

Егор Черлак

ПЕРИОД ДОЖИТИЯ

*Памяти Николая Серафимовича Пахомова —
русского офицера, фронтовика, учителя*

Действующие лица:

- ИРТЫШ
- СИНУС
- ЛЕШАК
- КОНЬ
- БЕРМУДЫЧ
- ВИННЕТУ
- ДЕВУШКА

Сцена погружена в полусумрак. Несильный размытый свет выхватывает силуэты нескольких мужчин в защитной форме, неподвижно сидящих в глубине доступного зрителю пространства. На авансцене можно разглядеть груду всевозможного армейского имущества — здесь и предметы полевой экипировки, и оружие, и различные приспособления для ведения боя ...

Пока мы пытаемся рассмотреть камуфлированных героев, на сцену незаметно выскальзывает девушка в неброском простеньком платье. Сначала может показаться, что она стремится занять место в центре сцены, но нет... Девушка не решается подойти к сложенным в кучу бронезилям, каскам, плащ-палаткам, вещмешкам. Она останавливается на краю сцены.

Приказ на батарею
Пришёл, лишь бой угас.
Взвод схоронил старлея,
Взвод выполнил приказ.

...От близких пуль шалея,
Меж битых стены и ям
Вернулись все в траншею,
А он остался там.

В атаке — не в спортзале,
Но кто ему мешал?
Другие добежали,
А он не добежал.

Он брился очень редко
(А что брить пацану?),
В планшетку клал конфетки,
Романы про войну

И письма от девчонки...
За что же, мать ети,
Лежит он там, в воронке,
С планшеткой на груди?

В ней сникерс. И помимо
Сидишника "Любэ" -
Там первый том "Цусимы"
И карта ДСП.

Зовёт майор в палатку:
"Пей, водка как слеза.
Хрен с этой шоколадкой,
Но карта... Знаешь сам..."

Сержант, занюхав "Гжелку",
Роняет гильзы слов:
"Схороним без пристрелки,
Накроем с трёх стволов".

Сам целил миномёты
В безоблачную синь,
Но вместо "Пли!" расчёту
Скомандовал "Аминь!"

...Зарядов не жалея,
Без всяких риз и ряс
Взвод отпевал старлея,
Взвод выполнял приказ.

Девушка исчезает так же незаметно, как и появилась. Следом включается прожектор, луч которого останавливается на фигуре коренастого мужчины в зелёной косынке, схваченной узлом на затылке. Это Иртыш. Мужчина легко вскакивает на ноги — словно невидимая дружина его подбросила. Он быстро подходит к груде вещей, опускается на одно колено, копается в вещах. И вот выбор сделан — из общей кучи Иртыш извлекает армейский штык-нож с массивной рукоятью. Он вынимает нож из ножен, пальцем деловито пробует лезвие на степень его наточенности. Результат испытаний, видимо, отрицательный, потому что Иртыш тут же начинает точить нож.

ИРТЫШ. А мне плевать, что боезапас ограничен. У меня шесть рожков. Что, не слишком много? Наверно, кому-то даже мало — если лупить длинными без перерыва. А если с умом... Если очередями по два-три выстрела, прицельно, да постоянно меняя позицию — тогда в самый раз. На полчаса боя — за глаза. А больше и не понадобится. Через полчаса мы или прорвёмся, или нас всех... Вот именно... (*осматривает лезвие*)

Другое плохо — что трассирующих патронов нету. Просто тупо нету на складе, и всё, хоть ты вывернись. А трассер для такого суматошного боя — первое

дело. Загоняешь его в каждый рожок вторым или третьим по счёту и тогда в любой неразберихе сразу понятно: ага, раз трассирующая пошла, значит, кирдык скоро твоему магазину. Заканчивается рожок. Перезаряжаться надо готовиться.

(пробует лезвие ногтем)

Только нету трассирующих, в рот кислород. Броневойные есть, зажигательные есть, даже холостых два ящика зачем-то, а этих... Говорил же ротному, всю плешь ему проел, а толку... У него одна песня: ты что, говорит, Иртыш, не понимаешь, что подвоз ограничен? В тылу, говорит, ДРГ противника действуют, дорога перекрыта. Берегите, мол, боезапас... Ага, разбежался! Это что, значит, если я в бою увидел, что впереди какой-то ишак каракалпакский фейсом в землю лежит и руку под живот спрятал — это я мимо должен пробежать? Патроны экономить и спину ему подставить?.. А если он просто прикидывается и у него пистолет там или граната?.. Да хера с два! Я очередь по нему дам — в рог мне такая экономия не упиралась. Мёртвому хуже не будет, зато мне спокойнее: сзади всё стерильно.

(задумался)

Двое из моего взвода как раз так и легли. Там как было... Местные навели нас на ихний дозор. Отсекли мы эту группу от частного сектора, погнажи в сторону промзоны. Ну а там — как положено: ударили из АГСов, пулемётами почесали, добавили из граников — до кучи... И пошли на зачистку. А эти двое чудиков... Тара и Механик — они по правому флангу двигались. Не сказать чтобы зелёные были, с опытом ребята... Да и я им талдычил всю дорогу: увидел, что кто-то по курсу жопой вверх валяется — сделай контрольный. Для собственной же безопасности! Когда в расположении — сидели, башкой кивали, а как до дела дошло...

(тяжело вздохнул)

То ли один на другого понадеялся, то ли резьбу у пацанов срезало на почве всей этой свистящей, летящей, взрывающейся эпидерсии... Короче, проскочили они мимо одного обмылка, думали трупак. А что: не шевелится, куртка в крови... Глянули краем глаза: лежит себе и лежит — и дальше рванули. Хотели поскорей до цеха добежать, от обстрела укрыться. Ну а этот — который валялся, который, типа, жмур — поднялся и херак им в спину из автомата... Механика сразу наглушняк, а Тара до санбата умудрился дотянуть. Его на "ноль" сразу — и в госпиталь, там он ещё дня два в реанимации... Врачи даже говорили, что надежда есть... Утешили, понятно. Какая там надежда, если между лопаток два вот такие дыры...

(показал какие)

Хотя... Всякое бывает... Я же выкарабкался. У меня тоже из бочины вот такую железку хирурги достали. Она два ребра сломала и под ними застряла.

(демонстрирует размер железки на лезвии штыка)

От фугаса прилетело... Это ещё на той войне было... Мы тогда спецназовцев сопровождать вызвались. Зона ответственности наша — вот и надо было ребят до речки проводить. А там уже горы начинались — и они дальше сами. Ну и поехали с самого утраца, пока ещё не жарко... Мы впереди на "таблетке", они сзади — на "Урале". Проезжаем зелёнку, все в напряжении — самое гиблое место, в любой момент могут по тебе оттуда влупить. Но ничего, без приключений... А дальше — открытая местность, там опасаться как бы нечего... Это мы так думали — вот и расслабились. Водила хлебалом прощёлкал, не заметил, что земля на колесе свежезрытая, неужезженная. Ну и налетел...

(крутит головой — словно навязчивый кошмар отгоняет)

Если бы они туда снаряд 152-миллиметровый заложили или хотя бы две мины-стодвадцатки, то аминь бы всему нашему героическому гвардейскому экипажу. Это без вариантов. Ещё бы и "Уралу" досталось, он метрах в десяти шёл... Но заряд так себе был, то ли шашки тротиловые, то ли несколько противопехоток с пластидом... Короче, ещё нормально отделались: машине колесо оторвало, а водиле ступню. Ну и мне подарок под рёбра до кучи... Месяца полтора потом в больнице койку давил, всё проклял от безделья... Нет уж, извините, ешьте сами с волосами, нам таких подарков больше не надо!

Иртыш вновь обращает внимание на штык-нож. Несколько раз убирает его в ножны, спустя секунду быстро выхватывает — словно по тревоге. Потом демонстрирует несколько приёмов рукопашного боя.

ИРТЫШ. Скукотища в этой больнице! Тоска беспросветная... Денег у всех — умотаться, как раз боевые выдали, а купить, ну, чтобы там оттянуться и расслабиться, ничего не купишь, больничка-то в военном городке. Телевизор — один на десять палат, книг — по пальцам пересчитать, да и те уставы караульной службы, блин... Ну и решили мы с парнями в посёлок смотаться — с теми, кто уже ходячий. В посёлке совсем другое дело, там и магазины, и девочки... Нашли с грехом пополам гражданские шмотки — и после отбоя рванули на попутке... Рассекаем такие по улицам и челость на место вставить не можем — такая вокруг монгана! Музыка играет, барышни в коротких юбочках без всякой опаски разгуливают, фонари на полную катушку горят — и никакой тебе светомаскировки! Мы ж за последние полгода от этого напрочь отвыкли, мы ж все одичали на своих заставах и в гарнизонах — как архары!.. Видим — сауна. Заваливаемся туда. Хозяин усёк, что братва при бабосах, давай стелиться: а пивка вам какого, а может, водочки?.. Давай, говорим, и пивка, и водочки, и вискаря. И девочек тоже давай вызывай, гулять так гулять... Только, говорим, нормальных вызывай, не крокодилиц каких-нибудь... Сидим, короче, такие, пивко дегустируем, лялек ждём. Рай!..

(прищурился от нахлынувших воспоминаний)

И тут они подруливают!.. Нет, не девочки — морпехи с соседней бригады. Они только что с боевых, час назад с перевала слезли. Злые, грязные, заросшие как абреки, дымом пропахшие... Прямо с автоматами, в разгрузках — и в сауну. Увидели нас и с порога: земляки, извиняйте, сегодня не ваша свадьба... Мы, само собой, забыковали — кому такой натюрморт понравится? Морпехов мы, конечно, уважали, бойцы ещё те, тут базара нет, но и мы не с дуба упали. У одного "заслуга" за ликвидацию колонны, у другого "отвага" за ночной бой. Да и у меня китель не пустой... Короче, закусили мы. Как говорится, слово за слово, кием по столу... Мы уже под парами, они то ли обкуренные, то ли просто от нашей улёгтости осатаневшие... Ну и схлестнулись.

(усмехается)

Кто первый начал, не знаю, но махач знатный получился. Чудом до стрельбы и поножовщины не дошло, а то б... Разняли нас, когда сил уже ни у кого не осталось. Сидим такие, смотрим друг на друга, кровь утираем... Потом флакон открыли, по кругу пустили. Выпили один, другой достали... И всё молча... Пьём и молчим, пьём и молчим, а что дальше делать никто не знает. И тут — картина маслом: дверь открывается и вваливаются пять тёлок. Ну, из тех, что хозяин для нас вызвал. Мы уж и

думать о них забыли... Надо было видеть: сидят на полу две банды в дупель косых головорезов, сопли кровавые кулаками размазывают, зубы на пол сплёвывают, а перед ними пять красоток фельдиперсовых. Джинсики в обтяжку, кофточка прозрачные, туфельки на шпильках, блин... Мы сидим такие — все в полном ахуе от такого голливуда! Диспозиция такая: тут мы сидим, там, где музыкальный центр, — морпехи, у порога — эти, в кофточках... Мы — то на них, то друг на друга, то на них, то друг на друга... И они тоже... Смотрели мы так, смотрели, а потом как заржём, будто лошади траншейные! Смеёмся — и морпехи, и мы — остановиться не можем. Как заведённые смеёмся. А девочки стоят, ресницами накрашенными хлопают и на мордашках у них прямо нарисовано: в какой же мы дурдом попали!

Иртыш вкладывает хорошо наточенный штык-нож в ножны. Проверяет на прочность кожаный ремешок-хлястик. Затем аккуратно прицепляет штык-нож к своему широкому брючному ремню. Проверяет, чтобы штык-нож не слишком болтался и не мешал при движении.

ИРТЫШ. Чем дело закончилось, уже точно не вспомню. Всё как в дымовой завесе, накушался я тогда до полного безобразия. Но парни сказали, что вёл себя достойно и даже старался при этих гимназистках не материться. Говорят, что сидели мы с морпехами, пили, байки армейские травили... Под утро — вообще брататься с ними начали, часами меняться. Ну и девочек не обидели: напоили и денег хорошо дали...

(пауза)

Мы ж тогда... Мы молодые были, дурные были... Полгода ничего, кроме блиндажей своих не видели, баб — только на картинках из журналов, где колготки рекламируют... А тут — эти, все в гешпоре... Понятно: они ж тогда для нас — как ангелы с неба, хотя, конечно, и блядищи... Запахи, маникюр, формы, всё такое... Но я, если честно, по бухаре мало кого из них запомнил. Одну только немного — невысокую такую, чёрненькую. Вроде бы хрупкая такая на вид, а фигурка — что надо, всё на месте, такую сквозняком не зашатает... А ещё родинка... Родинка у неё ещё была вот тут....

(показал)

И чёлка... На глаза почти... Нет, не то чтобы она шибко в моём вкусе, просто... Ленку она мне напомнила. Мою Ленку. То ли чёлкой напомнила, то ли смехом своим... Хотя, Ленка — та не часто смеялась. Особенно — последний год. Последний год ведь мы с ней постоянно — то по комиссиям, то по больницам, то по медцентрам коммерческим. Сначала усебя, потом нам в область направление дали... А что толку? Диагноз-то один. С таким диагнозом хоть у нас, хоть в Европе, хоть на Марсе... Везде одно и то же: рекомендуют операцию, но предупреждают, что шансов немного... Неоперабельная, говорят, опухоль... Именно у неё — неоперабельная... У Ленки — неоперабельная... У других операбельная, а у неё — нет...

(орёт в бешенстве)

Как раз — у неё! Один случай на десять тысяч! У Ленки! У моей Ленки! Почему? Почему, я спрашиваю?!

В ярости Иртыш выхватывает из ножен штык-нож. С силой вонзает его в доски сцены. Один раз вонзает, второй, третий...

ИРТЫШ *(чуть успокоившись)*. Мы с ней, между прочим, по медицине с ней и познакомились. Нет, задолго до всего этого...

(неопределённый жест рукой)

Задолго... Я тогда ещё в школе прапорщиков учился и нас в больничку кровь сдавать строем гоняли... А она с матерью туда как раз пришла. Матери то ли анализы какие-то сдать надо было, то ли к окулисту на приём... Из меня, значит, положенные четыреста откачали — и я в курилку, ребяг своих ждать. А она — там. Ленка, значит... Я увидел — ошалел. Вроде бы ничего особенного, не раскрасавица и не модель, нет... Только... Как это объяснить... Когда тебя от её взгляда как взрывной волной накрывает, как кумулятивной струёй от "шмеля" — это как называется?.. Вот и я не знаю... Не придумано, наверно, ещё таких слов.

(долгая пауза)

Стою, короче, у входа в курилку, хлопаю себя по карману кителя — пачку ишу. Стою и хлопаю — по пустому карману. Ленка на меня глядит, а я вот так, вот так...

(хлопает себя по бедру)

Нету пачки!.. Она тогда улыбнулась, свою достала, мне предложила. Я такой сигаретку беру и опять давай себе по кигелю — зажигалку теперь нашариваю... Так вот и познакомились... И только уж потом до меня допёрло: пачка-то, оказывается, в брюках была.

(снова молчание)

Она очень детей хотела. Мальчика и девочку. Даже имена им придумала: Артём и Полина. Ну а я... Тоже вроде как хотел и тоже девочку с мальчиком... Или двух мальчиков... Да и девочек — тоже неплохо... Только куда нам с ними? Чтобы в очередь на квартиру включили, нужно было или куда-нибудь в Бурятию проситься, или на Камчатку. А с маленькими — куда на Камчатку? Да и с Ленкиным здоровьем тоже... Решил, что в горячих точках быстрее квартирный вопрос решу. Там боевые, подъёмные, за конгузию-ранение и всё такое... Подписал контракт и понеслось... Командировка за командировкой. Какие тут дети?

(отходит в сторону от кучи вещей)

Сейчас-то понимаю... Понимаю, что не прав был... Но с другой стороны... Ведь убить могли, десять раз убить, покалечить. Пронасть мог — без вести, запросто... И тогда — когда с отрядом на засаду нарвался, и когда в нашу бээмпэшку бензовов въехал, и когда склад с бомбами рванул... И что тогда? Куда ей с двумя шкетами? Кому она нужна?.. Так вот я думал... Дурак, конечно... Дурак не потому, что думал так, а потому, что ей обо всём этом говорил... А Ленка кивала и молчала. Соглашалась. А сама плакала по ночам. Тихонько так плакала — чтобы я не замечал... А я замечал...

(пауза)

Не знаю, что она во мне нашла... Зачем за меня держалась... Другая бы давно бросила, ушла. Кому нужен обветренный, чумазый и проспиртованный мужик, который появляется раз в два месяца? Я после одной такой командировки на руки свои глянул: пальцы разбухшие от холода, ногти отбитые, ладони как подошва — от масла, от вьёвшейся копоты... Приезжает такой кадр, а потом ещё пару недель квасит дома без просыпу, от ратных будней отходит... Кому такое счастье нужно?

(присел на корточки)

А ей, выходит, было нужно... Не уходила ведь, не бросала. Не ругалась даже... Ленка — она вообще не злая была, не вредночая совсем. Каждой мелочи радоваться умела. Она не рассердилась даже когда я ей на 8 Марта гранату подарил! Ага, гранату, стандартную армейскую "эфку", самую настоящую... Короче,

так вышло: нас в учебном лагере промурыжили недели четыре — и домой. И так совпало, что аккурат к празднику прилетали. Где в степи подарок найдёшь? Не суслика же ей оттуда везти... Вот и вручил утром то, что в вещмешке было — гранату... А Ленка такая... И глазами не моргнула. Сидит на кровати, на ладони гранату со знанием дела взвешивает. Тяжёлая, говорит... А я, дундук корявый, ещё и запал ей протягиваю — ну, чтобы комплект полный...

(трёт ладонью шею — он явно смущён)

С этой "эфкой" не по уму как-то получилось, по дурному... Вечером решили мы с Ленкой на природу... Ну, шашлыки там, костерок... Ну и сидим такие, наслаждаемся моментом... А Ленка: где мой подарок? В честь праздника, говорит, фейерверка хочу... Ну, я уже вкрученный сижу, расслабленный... Показал даме, как кидать надо, запал вкрутил, усики фиксатора ослабил... Протягиваю ей, а сам думаю: нет, не решится. Граната всё-таки... А она решилась — кольцо выдернула и гранату раз в сторону бугорка... Там бугор такой невысокий был, а за ним ложбинка... Она туда хотела... Только кинула она её как-то неловко, несильно... По бабки кинула, недалеко. Граната метра два до бугра не долетела.

(поднялся, ходит в волнении)

Тут уже рефлексы... Я считаю — чисто рефлексы сработали. Меня как катапультой подкинуло, я Ленку в охапку, сбиваю её с ног и вместе мы катимся с берега — прямо к речке. Наверху гроыхнуло, а мы с ней в каше какой-то лежим из песка и снега... Фейерверк, блин... А потом, когда домой собирались, кастрюлю искать кинулись. Ну, в которой мясо мариновали... Искали, искали... Метрах в десяти я эту кастрюлю нашёл... Поднимаю её, а в ней пять дырок от осколков... Вот так...

Где-то неподалёку звучит сигнал автомобильного клаксона. Иртыш оборачивается в сторону звука.

ИРТЫШ. Уже зовут... Пора, значит...

(небольшая пауза)

А потом она сказала, что на обследование записалась... Что боли у неё, уже давно боли... Мы вместе в поликлинику ездили, а оттуда — на анализы... Одни анализы, вторые, третьи... Центры медицинские, доктора, халаты с бахилами... Справки всякие, рецепты, апельсины и сок в передачах... И глаза её, глаза...

Снова звучит автомобильный сигнал. Требовательно так звучит.

ИРТЫШ *(в сторону гудка)*. Да иду я, иду...

(сделал шаг в сторону звука, остановился, поправил штык-нож на поясе, косынку на голове)

Вот так... А как её не стало — уволился я... Не смог больше... Сразу патроном каким-то нестандартным себя ощутил — которому в обойме места нет... Раньше ничего, без проблем влезал в любую обойму, на месте был, а тут... Не знаю, что случилось... Калибр, наверно, поменялся...

И вновь мы слышим гудок. Он длинный, безапелляционный.

ИРТЫШ. Иду! Сказал же, что иду...

Иртыш быстрым шагом направляется в ту сторону, откуда исходит сигнал. Исчезает в полумраке.

На сцене вновь — всё тем же незаметным образом — появляется девушка.

Он как все: раздолбай, весельчак, и не жмот,
Повод есть — по сто грамм не дурак.
Ну а если прищучит, а если прижмёт —
Подмигнёт вам: "Всё будет тик-так!"

Да, такой: без нужды не возьмёт лишний груз,
Не охотник до споров и драк...
Но попробуй, задень! Сразу губы в закус,
И с прищуром: "А в тик, блин, не так?"

В штаб таких не берут. Пусть надёжен вполне,
Но не любит казённых бумаг.
Но когда на зачистку с таким на броне,
Понимаешь: прокатит тик-так.

...Мы до леса дошли, до раскидистых ив,
До опушки. А дальше — никак.
Пули ныли до боли забытый мотив:
Тик и так, тик и так, тик и так...

Из-под каски взглянув на зарывшийся взвод,
Процедил он: "Отставить косяк".
И рванул с автоматом куда-то вперёд,
Чтобы стало всё тик и всё так.

На вечерней поверке усталый комбат
После зычного: "Мать вашу фак!"
Закурил. И негромко спросил у ребят:
"Живы все? Ну и ладно... Тик-так".

*Девушка исчезает, а луч света представляет нам очередного героя.
Это молодой человек с позывным Синус. Под его камуфлированной
курткой можно разглядеть яркую футболку. На футболке — ино-
странный надпись.*

*Синус от света луча "оживает", встаёт, подходит к груди амуни-
ции. Он некоторое время задумчиво стоит рядом с кучей вещей — то
один предмет носком ботинка подденет, то другой...*

СИНУС. Ну и чё?.. Ну и где он — бронезилет этот? Тут столько барахла
всякого, походи найди его... Говорил же взводному: не нужен он мне. В бронике ты
как черепаха в панцире — тяжёлый, неповоротливый... Нафига он нужен?.. Так нет
же, взводного разве переспоришь? Иди, говорит, ищи. Я, говорит, тебя после про-
рыва живого ждать буду, а не с дырочками в грудной клетке...

*Синус некоторое время копается в вещах. Наконец он находит то, что
искал. Вытащив бронезилет, Синус не без труда надевает его на себя.*

СИНУС. Ну, вот, я же говорил: черепаха, водолаз, космонавт!.. Нет, хуже
— овощ... Теперь ни вздохнуть, ни это самое, ни нагнуться, ни присесть... Если
сразу с нескольких сторон накроют, попробуй быстро выпрыгнуть из машины. В
таком коконе обязательно за что-нибудь зацепишься... Так и останешься внутри.

(критически осматривает свой бронезилет)

Я взвонному талдычу, а он хохочет. Вскочишь, говорит, жить захочешь — выскочишь! А жилет зато от осколков защитит, от пуль — если только пуля уже на излёте. Тут, говорит, двойной кевларовый слой да пять пластин титановых... А то, что я с этими пластинами и двадцати метров не пробегу — это он учёл? Да я как только на землю из машины вывалюсь — сразу мишенью стану, тут никакой кевлар не поможет, никакая каска. Ладно, если из подствольников накроют, это ещё туда-сюда, гранаты от них не прицельно ложатся, да и осколки там так себе, небольшие осколочки. А если из ПКМов причешут? Да пулемётная пуля такой броник — насквозь! Пулемётная, особенно, если с вольфрамовым сердечником, она и броник пробьёт, и стену кирпичную, и даже борт бээмдэшки может...

(повёл плечами)

Хотя, если честно... Разве в стене дело? В жилете разве?.. В тебе всё дело, в тебе самом. В страхе твоём. Это он тебя беззащитным делает, а раз так, то и сотня броников не каждого спасёт.

(пауза)

Я же, оказывается, раньше даже не подозревал, какой он — настоящий страх. Нет, он совсем не похож на школьный — когда ты урок не выучил, а знаешь, что тебя сегодня могут спросить. И вот учитель долго водит по журналу пальцем, а ты следишь за его пальцем, следишь... И сердце замирает оттого, что палец приближается к твоей фамилии... И на тот не похож, который на работе испытывал. Ну, к примеру, если ты просрочку в ключевых торговых точках поменять не успел, а вечером тебя звонят из офиса и говорят, что с утра супервайзер мой маршрут объезжать будет... Не-ет, это всё совсем не то, это не настоящий страх. Настоящий я только тут узнал... Я даже не про бой говорю. В бою, да, тоже жутковато бывает. Мина воеет — и тебе кажется, что она именно в тебя летит. Шальная пуля рядом щёлкнула, а ты думаешь, что это снайпер конкретно по тебе работает. Ночью с ближайшего блок-поста "люстру" повесили, и у тебя уже никаких сомнений — это они твои шевеления заметили. Беспилотник где-то зажуужал, а в башке сразу мысль: он тебя, тебя единственного и неповторимого фоткает, так что жди: через пять минут по твоей позиции дивизион "ураганов" ударит...

(зажмурился)

Но всё равно в бою полегче... Там ребята рядом и ты знаешь, что кто-то всё равно тебя прикроет, предупредит, вытянет на крайняк... Там командиры, у них опыт... Нет, в бою — это не самое страшное... Самое хреновое — это когда ты один. Совсем один. Если ты наблюдателем в зелёнке или там корректировщиком... Либо на кнопке дежуришь. Это когда в ста метрах от тебя заминированная дорога, а твоя задача — в нужный момент замкнуть проводки на аккумуляторе и фугас подорвать... И ты час лежишь, два, три, десять лежишь в обнимку с этим аккумулятором проклятым... Лежишь, а в тебе мысли, мысли — как пчёлы в улье... А вдруг тебя с той стороны уже вычислили? Глянули в хороший бинокль — и всё. Вот он, голубчик! А раз так, то скоро жди, подползут к тебе с двух сторон незаметно, закидают гранатами... Или снайпер в удобный момент подловит... Или ещё хуже — направят сюда пару коробочек с десантом, прочешут они посадку, скрутят тебя и к себе уволочут... А там — известно что... Парни видели, рассказывали... И вот тогда уже не страх, а настоящий ужас тебя охватывает, до потрохов прошибает. Вглядываешься до рези в

глазах в те кусточки, откуда должны выпрыгнуть, вслушиваешься в каждый шорох, а внутри тебя всё каменеет, цепенеет, застывает... Вот тут застывает...

(обводит место в районе солнечного сплетения)

Даже не застывает, а пустота какая-то образуется, вакуум... И она тебя всего себе подчиняет — это пустота, ужас этот... Мозг понимает, что нельзя так, что собратиться нужно, а не можешь — пустота тебя не отпускает. Не ты собой уже командуешь, а она. Она всего тебя постепенно заполняет, всасывается в тебя: сначала из живота к паху и ногам ползёт, потом руки дрожать начинают, в пальцах покалывание... Дышать становится трудно, горло перехватывает... Голова набухает так, что начинаешь ощущать корень каждого волоса, в голове пульсирует одна-единственная мысль: вот сейчас, сейчас выпрыгнут, мешок на башку и ножом ударят... И ты уже забываешь, что и у тебя самого тоже финка, и автомат с тремя рожками рядом, и граната... А если даже на минуту и вспомнишь об этом, то отчётливо понимаешь: не сможешь ты фиксатор предохранителя сдёрнуть. Пустота тебе это сделать не даст.

(положил руку на живот)

Теперь-то я точно знаю, где в человека ужас прячется. Вот здесь он живёт...

(пауза)

Но самое страшное — это когда ты в первый раз на кнопке... Полчаса назад вы пришли сюда, к пустой ночной трассе, большой группой. Одни серьёзные ребята зарывали фугас, другие маскировали провод, третьи прикрывали сапёров... Совсем недавно вас было много, а сейчас ты тут один. Совсем один... Лежишь в хиллом лещочке, рядом с тобой аккумулятор, автомат и баклажка с водой... И ещё часы, стрелки которых неизвестно сколько раз обернутся вокруг циферблата, пока по дороге пойдёт колонна танков или расчёт "Точки-У"... Ты стараешься ни о чём не думать, но одна и та же мысль пульсирует и пульсирует в извилинах, покоя не даёт: ты смертник, ты обречён! Тебе не жить при любом раскладе: если замкнёшь клемму, когда появится колонна машин, то уцелевшие тебя без труда вычислят по проводу, который тянется от воронки. Если же ты подорвёшь "град" или "точку", то тебя самого накроет взрывной волной или осколками от боезапаса — там радиус разлёта метров двести... Даже если чудом останешься цел — уйти всё равно не сумеешь. Далеко ли ты уйдёшь по чужой незнакомой территории, по голым скошенным полям?

(неопределённый взмах рукой)

Помню, ночью в подсолнухах лежал. Слева — поле, почти до горизонта поле. Справа — полусторевшая зелёнка вдоль железной дороги. Впереди — переезд заминированный. Таксистов оттуда ждали — из-за переезда, мы так их артиллеристов зовём, которые на 66-м газоне с миномётом в кузове по окрестностям каждый день шмыгают. Тактика у них, значит, такая: выскочат на нейтралку, быстро позицию развернут, шамальнут раза три по нашему расположению — и домой. Наглые чертяки, за это и кликуха у них такая — таксисты. И никто, главное, их вычислить не может... Много они нам крови попили: баню разбили, двоих папиков и гражданского подрали, склад на шахте из-за них сгорел... Вот я на переезде этих таксистов и ждал — на кнопке. Ночь пасмурная выдалась ветреная. А подсолнухи все сухие, их ветром клонит, и они шуршат, шуршат, шуршат без перерыва... Днём ещё не так звуки замечаешь, а ночью... Ни видно же ни хрена, только на слух и полагаешься... Ты весь на взводе, ты как струна натянутая, миномётчиков или разведгруппу какую-нибудь с минуты на минуту ждёшь, а тут звук этот... И тебе

кажется, что ползут к тебе диверсанты со всех сторон, окружают. Шуршание всё ближе, подсолнухи всё сильнее шевелятся... Вон там громче зашуршало... А вон там подсолнух как-то неестественно качнулся... И как будто металлом о металл в посадках клацнуло — словно затвор передёрнули... И ты не знаешь, что делать. Может, выстрелить, чтобы тревогу поднять? Или гранату туда швырнуть? А может сразу — проводки замкнуть, фугас подорвать?... И сразу эта липкая пустота в животе... И сердце как бешеное колотится — у самого кадыка колотится...

Синус ненадолго замолчал. Наверно, ему отчётливо припомнилось, как всё было. И вдруг — улыбка.

СИНУС. Зато какой кайф, когда на рассвете тебя меняют! Ты снова возвращаешься в подразделение и как будто чужими глазами на всё смотришь. На рожи эти небритые, на не выспавшихся ПТУРщиков, которые с ранья уже куда-то со своей трубой намылились, на дневальных, докуривающих, наверно, уже сто первую сигарету... Дневальный кивает на оставленную тебе миску с холодной кашей, ты уминаешь её и вдруг тебя пробивает: вот оно, счастье! Ты живой, ты вернулся, тебе кем-то подарен ещё один день. Цельный день!.. А потом ты не спеша шагаешь к туалету и долго-долго сидишь над загаженной дыркой. И это тоже суперкайф — так сидеть. Потому что из тебя сейчас весь ночной страх выходит, весь ужас того враждебного поля, вся пустота, которая сковывала тебя всего пару часов назад... Парни заходят, подтрунивают: что, Синус, очко-то того... Жим-жим? А ты не обижаешься. На что обижаться? Они-то все знают, как это бывает, каждый через такое прошёл...

(подгоняет липучки и карабины на бронезилете)

Но это я потом узнал — что у многих так... А в первый раз подумал, что в желудке моём всё дело. Думал, на работе его испортил. Да и то: полопай эти чипсы полгода подряд! С беконом, с сыром, с солью, со всякой прочей хренью химической... Торговому представителю на обед вечно времени не хватает, поэтому вместо того, чтобы домой заскочить или в кафешку — открываешь очередную пачку... Похрустел по-быстрому — и снова по точкам, до самого вечера. Сеть-то у меня ого-го была: три района плюс семь посёлков пригородных. Про базы отдыха и не говорю даже... И в каждой точке нужно договор подписать, проследить, чтобы вовремя ас-сортимент завезли, продавцов научить выкладку товара правильно делать, просрочку поменять, постеры развесить... С этими чипсами ведь как? Там каждый месяц какую-нибудь новую промо-акцию затевают. А значит, старые наклейки, флаеры и плакаты надо убирать, новые забрасывать... А конкуренты — как шакалы, они не дремлют: только-только флажки с плакатами развесил, ценники фирменные поместил, а на следующий день нету уже ни флажков, ни ценников. Конкуренты их своими заменили... И вот такая канитель круглые сутки, день за днём в режиме нон-стоп. Вертишься, как бобик наскипидаренный, гастрит себе с язвой зарабатываешь...

(задумался)

Кажется, так давно всё это было... Давным-давно... Как будто или в другой жизни было или приснилось...

(помолчал)

Только здесь не так... Какой уж тут гастрит... Тут шансов без башки остаться раз в сто пятьдесят больше, чем гастритом обзавестись. С Борманом так и вышло... Вообще-то он Боря по жизни... Был... Это наши парни ему погоняло такое прилепили — Борман. Ну, Борман и Борман, он не заморачивался сильно. Он

больше по другому поводу переживал — что в его взвод постоянно молодняк присылали. Мальчишка карабин в кино, может, только и видел, а тут его сразу в маневренную группу, в миномётный взвод... На учебных стрельбах всё и случилось... Один такой боец не разобрался, что труба осечку дала и что предыдущая мина не вылетела. Ну и сунул в ствол следующую... Ахнуло так, что... Троиخ после этого — с почестями. Бормана — в том числе...

(в смущении чешет нос)

Между прочим, это как раз он, Борман, мне такой позывной придумал — Синус. Он меня в штаб возил, документы оформлять. Штабной такой сидит, записывает в бланк: имя, фамилия, год рождения... Всё как полагается. А потом спрашивает: какой у тебя позывной? А я молчу. Не знаю, не думал как-то... Борман торопит: рожай давай быстрее, нам ещё на склад заскочить надо, гуманитарку получить... А меня переключило, не могу ничего путного придумать. Вергится в голове строчка идиотская из мультика: "Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь...". Но не тучкой же себя обзывать, в самом деле, не Винни-Пухом же!..

(хмыкнул)

А Борман гонит: цигель, цигель, молодой, шевели извилинами! Чё, мол, тормозишь не по делу? По профессии многие кликуху себя выбирают: Водила там, Пекарь, Счетовод... Ты на гражданке кем работал? Торговым представителем, отвечаю... Мда-а, тяжёлый случай... Чипсы, говоришь, развозил? Тоже не очень... Братва у нас беспощадная, Чипсиком задразнит... А в школе ты как учился? Какой предмет любил?.. Я возьми да брякни: математику. Борман повеселел сразу: всё, решено, Синусом у нас будешь!.. Так в удостоверение и вписали — Синус. Хотя, если честно, у меня в школе с математикой не очень было... Тройки и четвёрки больше... Я Ксюхе позвонил, рассказал в красках про всю эту историю — она хотела как ненормальная.

(невольнo улыбнулся)

Да, хохотала... А потом всё равно ругаться начала. Она каждый раз на меня наезжает, когда созваниваемся. И всегда одно и то же: ну нафига поехал? кому ты там нужен? без тебя, что ли, там не обойдётся?.. Каждый раз так, хоть не звони ей совсем... А как не позвонишь? Тянет ведь голос знакомый услышать. Всё-таки сестрёнка родная!

Синус достаёт мобильник, рассматривает его, словно размышляет: позвонить — не позвонить... Потом быстро убирает трубку в карман.

СИНУС. Нет, так-то она у меня ничё... Хорошая она, симпатичная, спортивная вся такая, значки собирает... А что ворчит по телефону — так это... Я-то просекаю, почему ворчит — переживает за меня очень. Но и понимает в глубине души... Понимает, что не мог я иначе поступить... Конечно, можно было продолжать всю эту бодягу — с выкладкой товаров, с постерами, с выполнением плана... И всё было бы нормально, по-прежнему было — как будто здесь и не происходит ничего... Но тогда...

(чешет нос)

Не знаю... Я бы себя тогда огрызком каким-то ненужным считал — если б не поехал... Наш прадед где-то в этих местах в 43-м без вести пропал — я архивные документы его дивизии поднимал... Здесь он где-то лежит... Он ведь тоже мог дома остаться, у него бронь как у высококлассного фрезеровщика была. Но прадед пошёл в

военкомат... Сам... Три раза ходил — и добился... Месяца два всего и успел повоевать... И значит, что: от тут лежит, а я где-то там в белой рубашечке чипсы по гастроному развожу?.. Так, что ли?.. Я когда об этом Ксюхе по телефону сказал, она впервые мне мозг выносить не стала, докапываться, когда всё закончится, когда я обратно... За молчала сразу. Поняла, наверно всё... Засопела в трубку... Может даже заплакала, но не призналась... Здоровская всё-таки у меня сестра: знает, что мне здесь нелегко будет, если её всхлипывания услышу... Короче, помолчала, посопела, а потом и говорит: приезжай, как сможешь, я тебя сильно-пресильно ждать буду!

Раздаётся резкий гудок автомобиля.

СИНУС (*повернул голову в сторону сигнала*). И ведь знаю точно, что действительно ждёт. Не врёт, не притворяется...

(неожиданная усмешка)

Забавная такая... Позавчера звонит и говорит: как вернёшься, я тебе все свои значки отдам, все-все! А у неё их не одна сотня. Она лет с пяти значки собирает. Точнее, мы оба собирать начали, и тему одну и ту же выбрали — города. Но мне, как всегда, это дело быстро надоело, я свои значки раздарил, растерял, а она... Ксюха терпеливая, упорная. Она значки постоянно выменивала, в киосках покупала, на почте по каталогам даже выписывала... У неё такая коллекция — в девяти альбомах! И вот теперь она её мне подарить готова... Смешная, вообще...

На этот раз автомобильный гудок звучит дольше.

СИНУС. Да сейчас, сейчас... Слышу, не глухой... Броник только поправлю...

(регулирует какие-то лямки)

Ну, сеструха даёт... Подарю, говорит... И те редкие подарю, что в антикварном магазине нашла — дореволюционные ещё... И те импортные, что дядя Олег из командировки привёз... И которые с Олимпиады — тоже... Когда я вернусь... Значит, надо вернуться... Обязательно...

Синус пятится куда-то вглубь сцены и быстро растворяется в полусумраке. Вместо него перед нами возникает всё та же девушка.

На суше?.. Под водой ли?..

Вчера или давно?..

Я помню только поле:

На двоих одно.

Приказ: открыть дорогу —

Колонна ждёт бензин.

А щуп у нас с Серёгой

На двоих один.

Щекочет пот подмышки,

Вся мокрая спина...

Шаг вправо... Окрик... Вспышка —

На двоих одна.

...Хирург слегка поддатый

Вчера к нам заглянул,

Ступню принёс в палату —
На двоих одну.

"Так чья нога?" — игожит.
"А вам не всё равно?"
Ведь всё у нас с Серёжей
На двоих одно:

Костыль, блиндаж, сушилка,
Энзэ, окоп, война...
Пусть и ноги могилка —
На двоих одна.

Мы к ней смешной походкой
Придём однажды, блин,
Стакан наполнить водкой —
На двоих один.

Припомним, что видали:
Тот госпиталь, тот бой...
Зачем нам две медали?
Хватило б и одной.

Девушка незаметно исчезает за кулисами. А луч прожектора между тем, перечеркнув темноту, уже упирается в следующего мужчину. Это бородач неопределенного возраста, на нём застиранная и выцветшая полувоенная униформа. Причём заметно, что брюки и куртка — из разных комплектов. Бородача зовут Лешак и он действительно чем-то напоминает лешего. Только совсем не злого и слегка потёртого жизненными обстоятельствами.

Лешак поднимается со своего места, обходит сцену. И только потом осторожно приближается к куче вещей. Оглянувшись по сторонам, Лешак начинает рыться в грудке армейского имущества. Спустя какое-то время из кучи извлекается большая фляжка в чехле.

ЛЕШАК (*вертит в руках фляжку, одобрительно причмокивает губами*).
Во — энто вещь! Самое то, ага... Ёмкая, плоская... В такую литра полтора запросто залить можно — и под ремень. Никто и не заметит... Обычная армейская фляжка она чем неудобная? Пузатая она. Её хоть под куртку спрячь, хоть под бушлат — всё равно сразу видать, что у тебя там что-то имеется.

Лешак достаёт свою старую фляжку, трясёт её, чтобы убедиться, что она пустая. Удостоверившись, отбрасывает фляжку в сторону.

ЛЕШАК. У командира на это дело глаз намётанный, его хренушки проведёшь. Он же понимает: если Лешак с собой на пост флягу берёт, то не вода в этой фляге... Он меня знает, три раза я так залетал... Последний раз он у меня в под-сумке её нашёл — так прямо перед строем мудохал, чуть почки не отбил... Я, говорит, тебя, Лешак, сейчас кодировать буду. Я, эфиоп твою мать, лучше любого доктора тебя зашью-закодирую! Так закодирую, что раскодироваться не захочешь.

И по рёбрам, по рёбрам меня берцами своими пудовыми... Тут синяк потом, тут, да ещё два зуба выбил, а их у меня и так... Ага...

(проводит ладонью по губам)

Только я не в обиде... Чего обижаться, в мусарне меня и не так ещё... Здесь просто порядки строгие. Дисциплина... По-другому и нельзя, наверно, а то с пьяных шаров постреляем друг друга к ядрёной бабушке... Поэтому, у кого самогон или там чего другого найдут — всё, туши свет. В соседнем отряде — так там вообще звериные законы, к стенке там одного за поллитру прислонили. Но он, если по совести, сам виноват... Выкушал бутылочку и давай куражиться: залез к местным в огород, сливу обтрёс, в дом ломился. Потом давай из пистолета по курам палить, а хозяин вышел — он и в его сторону... Не попал — и то ладно... Зато сам попал... Шлёпнули за сараем и закопали тут же, как собаку, ага... По законам военного времени...

(осматривает фляжку, оценивает)

Но меня господь миловал, пронесило каждый раз...

(перекрестился)

И в Первомайке пронесло, когда мы с хлопчиками в подвале флягу с брагой нашли. И на Безьямной — когда с местными махнулись: мы им гранаты, а они нам самогон. Им гранаты для рыбалки — самое то. Чё с бреднем-то по ставку шарашиться, яйца мочить, если гранаты есть...

(задумался)

А брага знатная попалась. Первомайские — эти толк в браге знают. Другие брагу на свекле ставят, на зерне там, на яблоках — которые на компот или сок не годные. А эти нет, только на ягоде. С соображением люди: у них бражка то на смородине, то на абрикосах, то на черношодке... Ну а если на шиповнике — это вообще! Угощала там меня одна — на шиповнике-то... Ага... И главное дело что? Главное — без дрожжей обходятся, сплошная экология! Поэтому и с копыт сразу валит... Приятно вспомнить!

(чмокает губами, словно вкус вспоминает)

Сейчас бы её сюда — эту бражку первомайскую. Не пустовала бы фляжечка, обновил бы её... С собой на прорыв выпивку взять не помешает, а то бес его знает, что впереди... Командир говорит: ничего, через пару дней вернётся. А я хлопцев порасспрашивал... Какое там!.. Прорыв за просто так организовывать не будут... Выходит, сила у них там, значит, отсекли они нас, все пути перерезали... И, значит, встретят наш прорыв как следует — из всех стволов встретят... Может, вернёмся, а может...

(вздыхнул)

Прорыв — это... Прорыв! Там в лоб на пулемёты идти придётся... Если они прямо на дороге засаду устроят, там такой замес получится... А если ночью — вообще ханарики... В темноте от своих запросто отбиться можно. И если отбился — в лес надо первым делом уходить. А там — как карта ляжет: может на наших набредёшь, а может, несколько суток сидеть придётся, всю эту байдю пережить. Вот тут фляжка и пригодится! Банка томатной кильки у меня есть, галеты из сухая, сала шмат, конфетки сосательные опять же... Продержусь! Вот только б фляжку было чем наполнить...

*(похлопал по карманам, где, видимо, и хранятся его запасы — про-
верил)*

Ну а не найду чем — так и ладно... Когда мне за кражу два года дали, я в 27-ю попал. Так там в карцере вообще по три дня без маковой росины сидели, а брага нам и не снилась даже... Выдерживали ведь... До чего же всё-таки она гнилая была — эта 27-я зона. Режим общий, а порядки хуже, чем на особом. Не понравится куму, как мы перед отбоем промаршировали, — весь отряд на штрафработы. Бросил окуроч мимо урны — на подвал... Говорю же — зоосад, а не тюрьма!

(качает головой)

Хотя мы и на зоне... И там доставали... Хлопцы со свиданки вернутся — у каждого на пузе грелка. Родичи в грелку нальют, а они её за пояс и пронесли так в отряд. Помню, Чигирь так пару раз мадерой разживался, а Рыжик — портвешком... А там много ль надо? Глоток сделал — и понеслась душа в рай. С глотка развозило, как на воле со стакана сорокоградусной, ага.

(пытается приладить фляжку на ремень)

Да что там за зону толковать... На воле разве не голодовал? Люто голодовал... Зимой особенно, когда мороз за двадцать и из теплотрассы нос высунуть боишься. Да и куда идти? В баках всё слиплось, отходы там все к стенкам примёрзли, ничего не отковыряешь. А металл — который на сдачу — тот под снегом весь... Вот и сидишь сутки напролёт, спиной к трубе прижался, греешься... А внутри кишка кишке бьёт по башке. Ну а когда совсем уж невтерпёжь, когда чуешь, что вот-вот ласты склеишь — наскребёшь мелочи, пошлешь кого-нибудь из молодых за хлебом или там за картохой... Пожуёшь — и снова к тёплой трубе как к маме родной прижмёшься.

(почесал бороду)

Но это зимой. Летом — совсем другое дело, летом благодать! По теплу наша кодла дачные участки обычно окучивала. Посидишь пару деньков в кустах, походишь за домом, узнаешь, когда обычно хозяева в нём бывают. Если только на выходные наведываются, то в понедельник идёшь к фраерам в гости. У таких, у таких, обычно всё в полном порядке, они от и до упакованные: погреб полный, в холодильнике не пусто, бутылочка-другая всегда припасена... Влезем мы в такой домик, за собой аккуратно окно прикроем, чтобы снаружи никто и ничего... Осмотримся, освоимся, культурненько себе накроем, сядем чинно. Всё по интеллигентному, ага!.. Правда, был там у нас кадр один... Пуня его звали. Так вот этому Пуне после второго стакана начисто чердак сносило. Вроде, так нормальный кент, а как выпьет — обезьяна обезьяной, на подвиги сразу тянет. Один раз накатил и говорит: а давайте эту дачу спалим нахрен? Зачем, спрашиваю. А просто так, отвечает. Чтобы им неповадно было. Чё, типа, они... Мы по бойлерным да по подъездам, а эти — в гамаках и с сервантами зеркальными... Я ему херакс кулак под самый нос — только попробуй, говорю!

(демонстрирует волосатый и не очень чистый кулак)

Так он, вражина, не успокоился. Утром просыпаюсь — нету Пуни... Я тудэм, сюдэм... В гостиную захожу... Мать честная! У них там портреты на стенке развешены были — родичи, наверно... В рамках, красиво так... Целая стена в портретах... Так Пуня каждому портрету усы-бороду нарисовал, фингал каждому под глазом, а в рот чинариков понавтыкал... И сам тут же в углу спит, свернулся калачиком... Ну, я его минут десять поучил культуре поведения... Шнобель расквасил, пару раз по уху съездил как следует... Да толку-то! Чему человека научишь, если воспитания в нём ноль, если он об интеллигентности даже представления не имеет?... Ладно хоть, сюда со мной не попал — в отряд. А то спалились бы на раз-

два, он сам бы влип и меня б подставил... Он бы тут с косых глаз делов наворочал на всю ивановскую, а мне за него — под раздачу... Не-е, это хорошо, что он сюда не согласился. Мне, говорит, на войне не климатит. Климат там у вас для здоровья вредный: то град, то ураган... Жить мне, говорит, пока что не надоело...

(призадумался на секунду-другую)

Так-то оно так... Конечно... Только если рассудить: как угадаешь, где нигочка твоя оборвётся? На свалке, где цветнойной промышляешь, или здесь — от пули?..

(пауза)

Бывает, даже от своей...

(достал сигарету, закурил)

Взять хотя бы тот случай — у птицефабрики... Обычно на тот блок из второй роты людей ставили, а тут вдруг нас ни с того ни с сего... Ну, ладно... Заступили... Валерка, замкомбата, инструктаж проводит: есть вероятность работы в этом районе мобильных диверсионных групп. Ежели машина, мол, ночью идёт без аварийки — открывать огонь на поражение... На поражение так на поражение, ага... И вот выпадает мне с двух до четырёх стоять. Не одному, конечно, а с Бабаем и с Артистом. Ну, они за мешками, у амбразуры, а я чуть подальше — чтобы дорогу просматривать... С полчаса прошло, а может, и час даже. Слышу — машина в нашу сторону. По звуку — тяжёлое что-то, серьёзное, а что — не поймешь. Ни беса не видать, ночь безлунная... Я затвор передёргиваю — у меня автомата ещё не было, с СКСом ходил... Древний такой карабинчик, потёртый, по году выпуска — мой ровесник почти... Всматриваюсь в темь, пытаюсь аварийку разглядеть. Нету никакой аварийки!.. А машина близко уже — прямо на нас, холера, летит... Ну, думаю, сейчас бусик какой-нибудь подскочит, из него шпук двадцать амбалов — и всё...

(пускает дым кольцами)

Вижу, из-за поворота контур машины вырисовывается. Ещё чуток — и поздно будет... Вскидываю я тут свой карабин -и по машине. Раз пульнул, второй, третий... Тут уже ребята очухались, из-за мешков из автоматов ударили... Короче, джип вильнул — а мы уже видим, что джипарь это — и с дороги слетел. Врезался в кучу с гравием, встал. Стоит, никакие диверсанты из него не выскакивают... Тут мы уже осмелели, бегом к машине. Открываю дверцу — а там Валерка! На водительском сидит, и дырка у него чуть повыше глаза... Наповал, короче говоря... Так никто и не понял потом, чё он ночью на дороге один делал, почему аварийку у поста не включил... Может, пьяный был?.. Не знаю. Никто, если честно, сильно и не разбирался, не до разборок там было. Списали на боевые потери.

(делает несколько глубоких затяжек подряд)

А дня через два похороны были. Пышные, с почётным караулом... Я в карауле этом как раз и стоял. Прямо рядом с гробом... Стою — и всё на подушечку бархатную смотрю, на которой "Красная Звезда" Валеркина... Он же афганец... Стою — и смотрю, смотрю, смотрю на орден... А сам думаю: а ведь это моя пуля его нашла, я же первым стрелял — как раз по лобовухе... После этого джип и вильнул... Так вот...

(некоторое время Лешак молчит)

Ох и напился я на поминках!.. В дрова, в ушат... Артист с Бабаем откантовали меня в кубрик, на койку кинули, сказали, чтоб никто не трогал... Меня и не трогали... Все же всё понимали... Но молчали... Война...

Лешак докуривает сигарету почти до самого фильтра, тщательно заплёвывает окурки.

ЛЕШАК. Хотя и на войне жить можно... А чё, хавки вволю, даже борщ иногда варят. Хлопцы тут неплохие, в основном... Ещё б курева побольше выдавали — так вообще курорт... Относятся ко мне уважительно, в разведку не посылают, на разминирование тоже... Ну а в наряд по кухне или там в караул — я всегда пожалуйста! Не отказываюсь... Хотя сутки подряд отстою!.. А то, что на прорыв сегодня... Так людей же не хватает. Мало людей... Зато вот фляжечкой козырной обзавёлся по такому случаю...

(погладил фляжку)

Мне бы её — когда я в мусоропроводе жил, так я бы горя не знал. Затаривал бы её с вечера пивом креплёным — и тянул бы потихоньку всю ночь. А Томке, гниде этой редкозубой, хрена с два бы дал!.. Я ж последние полгода в мусоропроводе жил. Не в самой трубе, конечно, а в боксе, куда мусор со всех этажей валится. Зима холодная выдалась, вот начальница из ЖЭКа и сжалилась, пустила туда жить. Само собой, что не за просто так, а с условием, что я отходы буду на помойку отвозить. Комнатка такая небольшая, может, три на три, запашок там, шум от банок-склянок, которые по трубе вниз... Бывает, что и крысы навдываются... Но зато тепло, крыша над головой и полезного много чего можно в мусоре найги... Согласился я... Только обустроился — Томка тут же нарисовалась. Пронюхала, стервь такая... И не прогонишь ведь!..

(разводит руками)

Сначала она ничего... Помогала даже спервоначалу — тачку с парашей таскать... А потом у неё опять — бзики... Один раз я сигарет недосчитался. Ладно, думаю... Через неделю свинец куда-то испарился — я его из аккумуляторов выковыривал и на пункт приёма отнесил. Ладно... А потом записка моя пропала! Я ж с каждой сдачи бутылок откладывал, давно откладывал... Там уже нормально так накопилось... Я по карманам — нету, в куртке — нету, я в сумку — тоже нема... Ну тут уж я не выдержал — к Томке с предельной: эй, ты, целлюлитно-бумажный комбинат! Нука, признавайся, ты сляздила? Она в отказ... Я опять с вопросами. Она меня — по адресу... Ну что мне оставалось? Зарядил этой жиртрестине в глаз, она мне в ответ — по фаберже... Знает же, сучка, куда метить... Зараза! Все они, бабы, такие, все...

Лешак в возбуждении ходит по сцене. Остановился у самого края.

ЛЕШАК. Хотя, не все, конечно же... Джулия — она разве такая? Тут даже сравнивать нечего... Томка ей в подмётки не годится... Зря, что ли, я дочку таким красивым именем назвал? Она как родилась, сразу видать было, что необыкновенная, не такая, как остальные. Потому и имя ей дал необычное, красивое, загадочное... Джулия... Джу-улия. Джу-уллл-ия... Летнее такое имя, тёплое — как июльское солнышко... Только жена поначалу — ни в какую. Упёрлась: а как, спрашивает, её в садике называть будут? Или в школе?... Жулькой, чтоли? Не дам, говорит, девочке судьбу калечить!.. Женщина, что взять... Понимает разве?

(сплюнул с досады)

Неделю, наверно, мы с ней так бодались. А потом я это самое... Встал пораньше, взял все документы — и в ЗАГС. Зарегистрировал дочку и имя в свидетельство вписал: Джулия. Вот так. И всем спорам конец... Что потом дома было — отдельная тема. Но покуракекала Галина, крыльями помахала и успокоилась. Назад

пути всё равно нету, не переписывать же свидетельство... А после ей и самое имя стало нравиться, только она его на свой лад перелицевала — Джульетта... Ага... Ну а когда у нас с Галкой расклеилось, когда она того комерса нашла — Джулия со мной осталась. Она к тому времен уже взросленькая была, сама так решила. С папой, заявила, остаюсь... Даже то её не остановило, что попивал я уже крепко... Зашибал... Вот такая она у меня — Джулия!

(пауза)

А потом — замуж она... Своя у них жизнь пошла, с Витьком этим... Парнишка, вроде, неплохой, тихий, но не сложилось у нас с ним как-то... В соседних комнатах живём, а за выходные, бывало, и парой слов не перебросимся... Через год у них дочка, внучка, значит, моя. Тесновато нам в двушке стало...

(вновь пауза)

Это Витёк сказал, что тесно. Джулия на кухне в это время была, готовила. Слышала разговор, конечно, но молчала... Да я и сам понимал, что тесно вчетвером в сорока-то метрах... Понимал, что мешаю им, ребёнку мешаю... И вот вечером, когда ужинать сели, Джулия такая и говорит: пап, а может тебе на время к тётё Инне в деревню поехать? С садом ей поможешь, одна ведь она. Да и свежий воздух... А я сижу и молчу, вилкой в макаронах ковыряюсь... Она снова: там лес рядом, за грибами можно ходить, рыбалка опять же... Я ни звука... Потом достал чекушку, налил. Себе налил, Виктору, ей немного... Выпил — и говорю: действительно, говорю, чё бы не поехать? По хозяйству там, со скотиной, с покосом... Косить-то умею...

(изображает движения косаря)

А сам уже знал точно: ни к какой тётё Инне не поеду, нужен я там этой тётё Инне, как собаке пятая нога... У неё двое спиногрызов великовозрастных в городе, ждут не дождутся, когда мамашка скovyрнётся, чтобы дом раздербанить... Ну а на следующий день собрал я сумку и уехал. А, да! Перед этим у нотариуса мы с ней побывали, генеральную на квартиру сделали. На всякий пожарный... Пока сидели в приёмной, я всё на Джулию смотрел. Мне всё казалось, что она что-то сказать мне хочет... Но она молчала... И на вокзале тоже молчала, когда до поезда меня провожала... И когда поезд тронулся...

(Лешак закуривает очередную сигарету)

Врать не стану, была злость поначалу. Вот здесь вот так нехорошо было, мутно как-то... Давило, давило...

(положил руку на грудь)

А потом я понял... Понял, что права она, Джулия моя. Уже потому права, что молодая. Молодые — они всегда правы, ведь у них всё впереди, им ещё жить и жить... Детей рожать, воспитывать, учить... А у нас... Что у нас?.. Вот то-то и оно, ага...

(помолчал)

Дочка — она у меня умная. Она техникум закончила. Когда училась, у неё столько книг в комнате было, журналов разных — целая полка... Да она и сейчас... Вот, в научном журнале статью специально для меня нашла, вырезала...

Лешак лезет за пазуху, извлекает из внутреннего кармана сложенный вчетверо затёртый пластиковый файл. Разворачивает его, достаёт из файла листок журнального формата. Прищурившись, глядяется в текст.

ЛЕШАК. Вот она — статья эта... Тут про меня как раз... Ну, не про меня одного, конечно, а про всех нас, таких, ага... И про период дожития наш...

(шуршит бумажкой)

Ага, вот... "Методика расчёта пенсионных накоплений"... Так... "Дифференциация по гендерному признаку"... Так-так... "Минимальный размер страховых отчислений"... Нет, не то, дальше... Вот: "Как сообщили нашему корреспонденту в министерстве, ожидаемым периодом дожития, то есть периодом выплаты накопительной пенсии, будет считаться количество месяцев, в течение которых с момента выхода на пенсию производится выплата из накоплений гражданина... Поскольку мужчины выходят на пенсию позже женщин и средняя продолжительность жизни мужчин в нашей стране на сегодняшний день составляет 59 лет, то порог периода дожития у них значительно ниже, чем у женщин"... Ага... Тут много чего ещё написано — и про экономию бюджетных средств, и про прожиточный минимум...

(свернул листок, аккуратно положил его обратно в файл)

Я, если честно, не всё в этой статье понял... Говорю же — научная статья, из специального журнала... Но главное уловил: мало у нас люди живут, а у мужиков и вовсе период дожития — с гулькин этот самый... Ага... До 59 лет всего и отмеряно... Прочитал я про это — и как прикладом меня по темечку: а чего я тогда обижаюсь? Чего за свою убогую хрущёвку держусь? Да у меня, если учёную статистику взять, этого периода дожития и не осталось, считай... Весь его я вычерпал... А коли так — зачем у молодых в ногах путаться, жизнь им отравлять? Пусть они в квартире остаются, им-то ещё ого-го сколько... У них период дожития — дай боже!..

(крестится)

А я уж как-нибудь... Не пропаду я...

Неподалёку раздаётся гудок автомобиля.

ЛЕШАК. Хлопцы пропасть не дадут, вон их вокруг сколько... Молодые, здоровые, весёлые... Потому и весёлые, потому и не задумываются о периоде этом, дожития — что молодые пока... Ну, а мне-то чё особо тужить? Мало я повидал на свете, что ли? Мало где был?..

Ещё один гудок, уже более настойчивый и продолжительный.

ЛЕШАК *(как будто спорт с кем-то)*. А я вот возьму — да и поживу ещё! И послать мне на статью эту... Фляжка у меня новая есть, чем наполнить — найду... Поживу!.. А из прорыва вернёмся — напишу Джулии... Или позвоню ей, ага... Узнаю, как там она, как внучка моя растёт, как у них с Витьком... Обязательно позвоню... Трудно, что ли?

Под звук очередного сигнала Лешак покидает сцену.

И тут же перед нами появляется девушка.

Мороз отчаянный — до злости,
Оградки в хлопьях куржака.
И землю долбят на погосте
Четыре дюжих мужика.

А почва стылым монологом
Спеклась в гранит — дубак такой.

Её бы надо динамитом,
А не лопатой и киркой.

Кто упокоится в могиле?
Прораб? Артист? Шофёр? Солдат?..
Трудыги плечи распрямили,
Из рук не выпустив лопат.

Взгляд отстраненный — как с чифира,
От мокрых спин идёт парок.
"Кому готовите квартиру?"
"Так," — отвечают, — "Роем впрок.

Работа трудная, но сдюжим,
На наш товар особый спрос.
А стужа... Мало ли что стужа!
Ловчей копаются в мороз".

...Я уходил. А эти снова
Взялись за труд — к руке рука:
Навет, Коварство, Зависть, Злоба -
Четыре дюжих мужика.

Прочитав стихотворение, девушка ныряет в закулистье. А луч свет уже знакомит нас с высоким, коротко стриженным молодым мужчиной в тельняшке. Это Конь. Щурясь от резкого и яркого света, Конь поднимется со своего места и вразвалочку направляется к сложенной в кучу амуниции.

Порывшись в вещах, Конь останавливает выбор на сапёрной лопатке.

КОНЬ (*разглядывая лопатку*). О, добре... Как по моему спецзаказу лопатка — и хват удобный, и сталь видно, что не фуфловая...

(подкидывает лопатку на ладони)

Такой и окопаться быстро можно, и отмахнуться, если что... Но это, понятно, когда всё уже... Когда самый край... Если по кромке заточить как следует, то пару-тройку такой лопаткой за нефиг делать оприходовать можно... А что, у нас на посёлке Проходчиков и до такого доходило. С Перекачки — они ведь всегда толпой к нам наскакивали. Приедут — давай месить всех подряд, кто под руку подвернётся. Ну а нам что оставалось? Гоняли их всем, что под руку подвернётся. Случалось — и лопатами...

(оценивающе осматривает лопатку)

Не такими, понятное дело. Обычными гоняли, шахтёрскими, которыми порою отгребают... Подхватишь такую, догонишь какого-нибудь долбо... Долбо-меса... И хрясь его поперёк спины со всей дури! Сразу с копыт!.. Но это ладно — когда с Перекачки... Веселее, когда с Компрессорного приезжали. Там братва серьёзная, тренированная, каждый второй с разрядом: самбо, бокс, дзюдо... Только и мы не пальцем деланные, нам вся эта дзю что до, что после... Пластались с ними на равных... Однажды и мне прилетело от одного каратиста. Он чё придумал-то...

Он с этими приехал... С палочками, которые на верёвочке... С нунчаками, да... Вот я ему и подвернулся. До сих пор шрам...

(трогает голову в районе затылка)

Спасибо, что хоть череп не проломил. Но кровячки было — мама, не горюй!..

(потрясает лопаткой)

Мне б тогда её в руки, лопатку эту, посмотрел бы я... Я б тому каратисту так зарядил, что он свои палочки и достать бы не успел!.. Не-е, ребром не бил бы, плашмя бы отоварил... Если ребром — тогда наглухо можно, а мне на кичу пока неохота... А вот плашмя — приложился бы... От души...

(перекинул лопатку из ладони в ладонь)

Без базара — добрая вещь... Когда всё закончится, домой её возьму, в хозяйстве сгодится. Батя бы одобрил, ему хорошие вещи нравились... Он ведь тоже хозяйственным был... Шахтёр — как и я... В меня, наверно...

(скривил губы в невесёлой улыбке)

В нашем гараже столько инструментов!.. Одних ножевок — штук десять. Дрели, болгарки, перфораторы — какие душе угодно, под любую работу. А за свёрла и напильники и говорить нечего — их как говна за баней. Какие батя с шахты вынес, какие я... Ну а фигли? Все же несут, и мы не лысые... Один раз вообще... Он пневмомолоток из ствола вынес! Настоящий — каким в лаве работают. Новый почти... Я ему: на кой ляд он нам? А батя такой: в хозяйстве всё в дело пойдёт!

(щелчком пальца пробует сталь лопатки на звук)

И ведь точно — пригодился молоток. После этой, как её... После приватизации на шахте совсем туго стало — и с зарплатой, и со спецовками, и с инструментом, и с крепежом даже... Новое начальство жмёт: план — кровь из носу! А чем его делать, если работаем отбойными молотками, которыми ещё товарищ Стаханов стране угля давал? Попробуй, выгони таким норму... Спустят тебя на километр под землю и ты там в одних трусах, в каске да в калошах вгрызаешься в пласт молотком, который уже два раза капиталку проходил... Темь, пыль, жара градусов под сорок... А делать нечего, вгрызаешься в антрацит, тебе за смену надо не меньше пяти коней выдать, за месяц — сто. Конь — это норма выработки наша, это где-то метр на два, если по пласту смотреть... Вот тогда батин отбойник мне и пригодился. Я с ним, когда уголь подходящий, бывало, и по полторы нормы делал. Передовиком стал!..

(хмыкнул)

Вот с тех пор Конём и кличут... Ну и ладно... Конь, так Конь, не выхухоль же, не пипа какая-нибудь суринамская...

(посерьёзней)

Жалко только, что батя до того времени не дожил. Кашлял всё, кашлял, а потом... Считай, за пару месяцев сгорел. Под конец худой-худой стал, в чём только душа держалась... И глаза... Как будто выцвели у него глаза, на солнце словно выгорели... А раньше... А до этого... У него же чёрные глаза были — как уголь малозольный. Мама всё шутила: шахтёрские, Паша, у тебя глаза!

(присел на корточки)

В больницу на обследование не захотел ложиться. А чё, говорит, я в той больничке потерял, если я и без докторов знаю — силикоз это. Профессиональная шахтёрская болезнь, у нас на посёлке каждый четвёртый от неё... Знаю, говорит, что у меня от лёгких оболочка одна осталась... Мама ему: так ты хоть курить бросай! Но батя же упёртый, как трамвай девятого маршрута... Был... Как смолил по три пачки в день, так и до самого последнего дня...

(помолчал немного)

От шахтоуправления венки на похороны прислали... От профсоюза — некролог в газетке... Козлы... В галстуках все... При иномарках все, ёперный театр! В кабинетах сидят строго с восьми до пяти... Никто в забое даже полмены не отработал, а получают побольше проходчика или взрывника! И льготы те же... Их хоть раз в штольне затапливало? Они хоть знают, как это — когда вентиляция вдруг вырубается или клеть на полпути зависает? Когда в соседнем стволе метан ухает, и у тебя крепь ходуном ходит?.. Твари!..

(с силой бьёт лопаткой по доскам сцены)

Вот из-за таких я и пошёл сюда... Против таких вот — в галстуках... Депутатов разных... Чтобы духу ихнего больше тут не было. Чтобы в той жизни, которая потом наступит, всё по-другому было, по справедливости было... Если ты по настоящему работаешь, не филонишь, по пять-шесть коней за смену даёшь, если каждый день жизнью и здоровьем рискуешь, то и получай достойно. По человечьи получай! Чтобы жить тоже достойно и по человечьи. Вот это будет правильно. Справедливо.

(нахмурился)

Да только понимаю, не маленький — сказки всё это... Мечты, фантазии... Чтобы по справедливости — это только в книжках бывает... Даже сейчас, тут, у нас... Казалось бы: война, стреляют, убивают... Значит, одни для всех условия. Опасность и смерть — общие... Значит, как раз здесь самое место для справедливости... Но разве так на деле? Одни из ночных поисков не вылезают, в лёжках сутками пропадают, пути железнодорожные минируют, мосты, а другие в это время... Тот при штабе листовки сочиняет, тот в каптёрке гуманитарку пилит, третий при рембазе отирается... У них, у этих жизнь другая совсем. И война другая... Они на настоящих кроватях спят, да ещё и с простыней-наволочкой, они сгущёнку, небось, каждый день на белый хлеб намазывают... Вот тебе и вся справедливость.

Конь поднимается на ноги, начинает расхаживать по сцене. Видно, что он хочет сказать что-то очень важное. Лично для него важное.

КОНЬ. Справедливость... Справедливость... Слово-то какое...

(громко)

А когда девчонке девятнадцатилетней пальцы отрубают, это справедливость?.. Вот так вот, по сюда — справедливость?..

(показал)

На обеих руках — это справедливость?.. На левой и на правой... А?.. И за что? За перчатки, обычные перчатки...

(изменившимся голосом)

А ведь это были мои перчатки...

(пауза)

Они у меня в рюкзаке болтались — с того самого дня, как мы фургончик отжали. Надо же было на чём-то народ на дальние посты развозить, ну мы и того... Забрали... Расписку, как положено, хозяину выдали, все дела... А потом я в бардачок заглянул — а там перчатки эти. Типа гоночных — замшевые, красивые такие, пальцы у них вот так, до половины только. На внешней стороне — дырочки для вентиляции, чтобы ладони дышали, не потели... Но, правда, по размеру маленькие, на мою лапу — никак... Ну и кинул их в рюкзак, даже забыл, что они там... А тут — она... Так-то она Оксана, но у нас её все Пшёнкой звали, Пшёночкой. При кухне она помогала, а у нас в это время как раз одна только крупа на складе и оставалась... Заглянешь после наряда на камбуз: что сегодня на ужин? А она кричит: пшёнка! То с тушёной пшёнкой, то с рыбными консервами, а то просто так — маслом постным только слегка сверху... Вот и прозвали...

(помолчал)

Этот уже потом узнал, что ей девятнадцать, что она в текстильном техникуме год проучилась — бросила, что мать у неё в соседней деревне... А тогда, понятно, не до расспросов было... У нас полроты по ней сохло. Да что полроты — вся рота!.. А чему удивляться? Пшёнка — она же улыбочивая такая... Шустрая, опять же, ладненькая вся из себя... А парни — кто полгода, кто год на позициях без женского внимания... По себе знаю: утром просыпаешься, а болт уже так конкретно — на полдвенадцатого... Потому что сны всякие такие... Разнообразные... Ну и вились мы вокруг кухни — только бы Пшёнку лишний раз увидеть, шуткой с ней перекинуться... И я тоже — то посуду в свободное время попрошусь помыть, то дровишек наколоть... Она как бы не против, то улыбнётся мне, то анекдоту посмеётся, то о себе расскажет... Как-то незаметно привыкли мы друг к другу, каждый вечер видеться стали...

(поскрёб давно небритый подбородок)

О том, что день рождения у неё — это я почти случайно узнал. Сидел рядом с кухней, бак от пригоревшей каши песочком очищал... А ей позвонили как раз... Ну и слышу краем уха: спасибо, большое спасибо за поздравления и в том же духе... Дошло: денюха у Пшёнки! Во какие дела... Тут война, а у неё это самое... Ну и сразу мысль: подарить что-то надо... Порылся в мешке: носки сменные, станок, зубная щётка, колода карт, алюминиевая кружка... О — перчатки! Они же классные такие, бежевые, новые почти... И как раз по женской руке. Их и подарил...

(пауза)

Понравилась ей перчатка. Очень понравились... Аж запищала от восторга! И меня... Это самое, да... Поцеловала даже... В щёку... Ух и пожалел я тогда, что не побрился с утра ради этого случая... Таких перчаточек, говорит, у меня не было никогда, о таких я только мечтала, в журналах такие видела... Так они ей приглянулись, что постоянно в них ходила. И на кухне в перчатках, и за водой в них, и даже когда кашу по мискам — и то перчатки не снимала...

(продолжительное молчание)

Не знаю, почему она в тот день к матери по трассе пошла. Не просёлком, как обычно, а трассой — мимо ихнего блок-поста. Раньше не ходила, а тут вдруг... Может значения не придавала, понадеялась, что они на женщин обычно внимание сильно не обращают, быстро их пропускают, не досматривают почти... А тут... Наверно, сдал кто-то из местных, что она кошеварит у нас, а может, старший поста дотошный оказался... Не знаю... Только выцепили её из толпы и руки показать

заставили. А руки... Ладони у неё после автомобильных перчаток загорелые только наполовину, загар только там, где пальцы открытые были...

(смотрит на свои ладони, потом резко сжимает их в кулаки)

И всё... И понеслось: ты откуда? куда? почему часто мимо поста ходишь? что вынохиваешь?.. Если на руках след от перчаток — значит снайперша... А снайпера действительно такие перчатки часто носят. В них удобно: ладонь в перчатке на рукоятке надёжно лежит, не скользит, а голый палец — он на курке, так ход спускового механизма лучше ощущается...

(пауза)

Четыре дня они Пшёнку на посту держали. Насиловали круглые сутки... День и ночь... Потом били, про нас выспрашивали, снова насиловали... А когда надоело — из строительного пистолета пену ей монтажную туда загнали... Прямо туда... Много пены... А ещё — соски ножницами обрезали... И пальцы обрубали... Все до одного... На левой обрубали и на правой — по тому самому месту, где загар начинался... Где след от перчаток... От моих перчаток...

(перевёл дыхание)

А после, когда куражиться надоело, они Пшёнку нам подкинули. Ночью привезли — и кинули на нейтралке. Просто выбросили из кузова — как мешок с кукурузой... Пацаны из дозора стон слышали, подобрали...

(достал лопатку, снова её внимательно осматривает)

Так что мне сейчас эта лопатка — очень даже... Сгодится она мне... Её хорошо на наждаке отточить — и пальцы будут как стручки отлетать! Раз — нету, раз — ещё, раз — готово!..

Конь с ожесточением машет сапёрной лопаткой.

КОНЬ. А когда затупится — снова наточу. Сталь-то хорошая, её много раз на наждаке можно... И снова пальчики — хрясь, хрясь, хрясь, хрясь... Добрая лопатка!

Мы слышим гудок автомобильного сигнала.

КОНЬ. А Пшёнку я найду! Знаю, что в госпитале она до сих пор, знаю, что пять операций перенесла... Всё равно найду... Вот из прорыва вернёмся — разузнаю, где она лежит, возьму адрес... Отпрошусь на несколько дней, сгоняю...

Раздаётся повторный гудок.

КОНЬ. Найду госпиталь, палату найду, зайду к ней... Не знаю пока, что я ей скажу... Не знаю даже, захочет ли она меня видеть... Только знаю, что всё равно найти её должен... В глаза посмотреть... Помолчать рядом с ней... Помолчать — самое то... А о чём нам говорить? О войне? О перчатках? О справедливости?.. Не знаю... Ладно, там разберёмся... Только искать всё равно буду... И найду, конечно... Найду Пшёнку... Пшёночку... Главное — вернуться, а там разберёмся...

Вместе с третьей сиреной Конь резко разворачивается и быстрым шагом покидает сцену. Вместо него появляется знакомая нам девушка.

Боец, а не молокосос —

Я это о себе.

Все говорят: военный пёс,

Хороший, умный, сильный пёс,

Отличник БПП.

Зачёты сдал во всей красе,
Других опередив:
Прошёл на "пять" по полосе,
По очень трудной полосе,
Превысил норматив.

Я чую всё: где фронт, где фланг,
Где "мессер" и где "Ил"...
Без страха я ползу под танк,
Под чёрный и рычащий танк -
Вожатый так учил.

Простой надёжный паренёк.
Строг с виду, но тайком
Со мной он делит свой паёк,
Солдатский суточный паёк,
И чешет за ушком.

Вчера же я не мог уснуть,
От радости скулил -
Мне шлейку новую на грудь,
Как орден воинский на грудь,
А в шлейке той — тротил.

Не надо слов! Мне легче без...
И скоро будет так:
С наградой той наперевес,
Сомненьям всем наперерез
Я поползу под танк.

И доберусь (отличник ведь!)
Сквозь пулемётный лай...
Не плач, вожатый, и ответь,
Ты псу по-честному ответь:
Он есть — собачий рай?

Девушка уходит за кулисы. В очередной раз вспыхивает прожектор, узкий луч которого останавливается на щуплом паренёке в бейсболке цвета хаки. Паренёк (служивцам он известен как Бермуда) вздрагивает, щурится на резкий свет, пытается отгородиться от луча рукой.

Секунда, другая — Бермуда встаёт и стремительно подходит к груди армейских вещей. Рыться в ней он начинает не сразу, поначалу несколько раз, словно приглядываясь, обходит кучу вокруг. Потом Бермуда приступает к поискам. Он то каску из общей массы вещей достанет, то армейский котелок, то компас, то портупею... Наконец он находит то, что нужно — фонарик.

БЕРМУДА (осматривает фонарик). Зашибись! Похоже, спецназовский...
Если так, значит, влагонепроницаемый, и удар держать должен... Батареек шесть

штук вмещает, стекло у него с фокусировкой... *(крутит головку фонарика, регулируя фокусировку)*

Когда на первый режим ставишь, луч очень узким получится. Тонким и сильным — почти как лазер. Если этим лучом резко в глаза — ослепить запросто можно. Я такое в кино видел, в боевике... То ли "Операция особой важности" называется, то ли "Отряд уходит на задание"... Типа того. Про котиков или десантников. Там у главного героя как раз точно такой же фонарик... Он вместе со своей группой ночью попадает в засаду на перевале. Бой, короче, серьёзный завязался, их окружили со всех сторон, друзья уже погибли, боеприпасы кончаются... И тут он о фонарике вспоминает. Достаёт его и ждёт, когда враги приблизятся. Те подходят, подходят... Всё ближе они и ближе... А он фонарик резко включает — и раз им лучом прямо в морду! Ослепил всех... Враги растерялись, давай отворачиваться, а он в это время из автомата их, потом из гранатомёта... Штук двадцать положили!.. Ну и тут, как обычно — музыка героическая, вертолёт с подмогой приземляется, генерал из него выходит: спасибо, сынок, держи орден... Хороший фильм, вообще, душевный такой!

(ловко подкинул фонариктак, что тот пару раз перевернулся в воздухе)

Вот с собой его на прорыв и возьму. Там ведь тоже такое может получиться — как в фильме. Запросто! Остановят нашу колонну, окружают, прижмут огнём... Боеприпасов у нас не густо, так что фонарик вполне пригодиться может. Они такие подползают, а я им — раз лучом по шарам!..

(задумался)

Хотя, настоящий лазер, конечно, покруче будет. Про лазер — это я в другом фильме видел, фантастическом. Кажется, "Миссия девятого уровня" называется. Так там у инопланетян, которые на Землю прилетели, ружья были специальные, лазерные... Бластеры... Направят они бластер на человека, и того лазерным лучом — пополам. На две части, реально — хоть вдоль, хоть поперёк! Меня это тогда так поразило... Возвращался из кинохи и всё думал: неужели такое возможно? А потом передачу по телеку посмотрел, "Невероятно, но факт" называется. Так вот там один бывший секретный конструктор рассказывал, что, оказывается, у нас такие бластеры ещё пятьдесят лет назад разработаны были. И даже несколько штук выпустить успели — для испытаний в боевых условиях. Он сказал, что бластеры эти в горячих точках очень хорошо себя зарекомендовали: один раз таким лучом целую нефтебазу взорвали, другой раз — бандгруппу полностью выкосили. Человек сорок лазерным лучом — на мелкие части!

(возбуждённый собственным рассказом, ходит по сцене)

Я пацанам про это рассказываю — не верят. Смеются. А почему, говорят, таких винтовок до сих пор на вооружении нет? Полвека прошло, могли бы уже на конвейер поставить... Нам, говорят, таких бы с десяток, мы б тогда давно победили...

(крутит пальцем у виска)

Чего с них, балбесов, взять? Сто раз ведь объяснял: бластеры — это космические технологии. Разве инопланетная цивилизация позволит нам, землянам, владеть таким оружием? Это же им самим прямая угроза. Если у нас бластеры появятся, то мы запросто сможем с любым вторжением пришельцев справиться. Как в том фильме — про биороботов. Ну, когда они к нам на планету из другой галактики целую летающую тарелку с биороботами прислали — вроде как на разведку. Чтобы потом колонизировать Землю. Как же он назывался?..

(пытается вспомнить)

Во — "Межгалактический маршрут"! Он мне тогда так понравился, что я его даже из Инета скачал.

(сунул фонарик в карман)

Сюжет такой: приземлились эти роботы и давай лазерами своими крошить людей направо и налево... Типа, плацдарм для дальнейшего наступления создавать... И тут один наш, бывший спецназовец, ветеран горячих точек, не растерялся, заманил робота в ловушку, отобрал у него бластер. И повёл землян в наступление. Под конец они всех роботов, ясен пень, замочили, только один на тарелке улететь успел... Я ещё подумал тогда: если режиссёр такой ход сделал, значит, продолжение будет — сто пудов! Вроде того, что вернётся этот, который спасся, с подмогой — и по новой битва начнётся. Скорей бы сняли, интересно же!

(ни с того ни с сего нахмурился)

Только нашим всё это по барабану... Бесполезно им объяснять, что такое на самом деле может быть — не верят. Зубоскалят, издеваются. Может, ты сам, говорят, инопланетян этих видел? Ну и где они?.. Да везде, отвечаю. Про челябинский метеорит им напомнил. Говорю: неужели вы такие наивные и думаете, что над Уралом простой кусок камня взорвался? Да уфологам после взрыва достаточно было просто радиоактивный фон проанализировать, чтобы понять: межпланетная станция рванула! С ядерным реактором... Скорее всего, аварийная ситуация у них там произошла, потому что в плотные слои слишком быстро корабль вошёл — вот и взорвался... Да что там радиоактивный фон... Разветолько в нём дело?.. На земле потом местные жители кусочки неизвестного оплавленного металла нашли. А когда в лабораторию их отдали, выяснилось, что нашей науке такой материал вообще неизвестен. Его даже в таблице Менделеева нет!.. И снимки с военных спутников тоже имеются, на которых эта станция — ещё на подлёте к Земле... Правда, засекречены они пока — снимки эти...

(пожимает плечами)

А Бермудский треугольник взять! Да ведь каждому младенцу давным-давно известно, почему там аномалия. Почему самолёты и корабли в этом районе пропадают... Мне как-то статья в журнале попалась, на вокзале журнал купил, когда к бабушке ездил... "Неизвестное об известном" — кажется, так журнал назывался... Так вот, в нём чёрным по белому: электромагнитные исследования океанского дна показывают, что в этом месте в глубокой впадине находится огромный объект непонятного происхождения. Учёные изучили данные эхолота и пришли к выводу, что с большой долей вероятности — это база исчезнувшей цивилизации. Может даже, Атлантиды. Много тысяч лет назад была на Земле высокоразвитая цивилизация, но по неизвестным причинам её представителям пришлось искать убежища под водой. Не исключено, что они так от ледникового периода спасались или там от космического излучения... Не знаю... Только сейчас надоело им, видимо, на дне обитать, хотя они с нынешней цивилизацией в контакт вступить — вот и притягивают к своей базе то яхты, то самолёты. Изучают нас.

(вздыхает)

Лучше б Хмурого и Пастора к себе притянули. Или Кардана с Новиком — чтобы те сами на всё своими глазами... И не ржали, когда я рассказываю... А то я им про Бермудскую подводную цивилизацию — а они лыбу дают. Ещё и кличку

мне после этого дали — Бермуда... Как отбой, так начинается: Бермуда, ну-ка про марсиан расскажи... Бермуда, а скоро нам бластеры выдадут?.. Бермуда, а когда твои учёные андронный коллайдер наконец раскочегарят?

(от досады аж сплюнул)

Больные на всю эту!.. Сами они андронные-гандронные... Андронный коллайдер этот, а не андронный! Вообще кругозора ноль, эрудиция — на зачаточном уровне... Шизею я порой с такой беспросветности.

(недовольно кривится)

Зря я им, конечно — коллайдер... Понять ничего не поняли, зато подначек теперь и приколов... Вагон с маленькой телегой... Разве им внушишь, что коллайдер — прямая угроза жизни человечества? А может, и всего существования нашей планеты! Официальная версия у строителей коллайдера какая? Мы, говорят, разгоняем в своей трубе электроны, сталкиваем их, чтобы получить неизведанную частицу — бозон. Красиво поют... А что на самом деле?.. Я в сети порылся, сайт один интересный нашёл. "Четвёртая цивилизация" называется... Так вот там приводится мнение: эксперимент этот офигительной катастрофой может обернуться. Апокалипсисом!.. Столкновение пучков заряженных частиц на гиперсветовых скоростях может спровоцировать цепную реакцию — переход видимой материи в невидимую, тёмную. Или вообще в антиматерию! И тогда коллайдер станет центром чёрной дыры, которая начнет засасывать в себя всё подряд: города, страны, горы, океаны, всю планету нашу, всю Солнечную систему... Одним словом, всем трындец настанет из-за коллайдерщиков этих.

На некоторое время Бермуда смолкает — сам, видимо, поражённый нарисованной перспективой.

БЕРМУДА. Вообще... Чё они там себе думают? Вообще, что ли, соображенья нету у физиков этих? Передач они не смотрят, статей не читают?.. Нет, надо срочно туда поехать, сделать что-нибудь с этим коллайдером... Гаечный ключ, например, или молоток в электромагнитный ускоритель кинуть, чтобы замкнуло там у них всё... Вот закончится всё это... Из прорыва вернусь — и точно махну туда... Я им там такую чёрную дыру организую — мало не покажется!.. Мы соорудим — с Альбиной... Я, правда, ей ещё не предлагал, но она согласится, наверно.

(задумался)

А может, и не согласится... Я ж её толком и не знаю — Альбину-то... Мы даже не встречались с ней ни разу... Познакомились в чате, переписываться начали... Интересная она девчонка, музыкой увлекается, животных любит, анимэ — мультики японские... И на вид такая ничё — фотку мне по ММС скинула...

(улыбнулся)

Да нет, согласится! Она же с понимаем относится ко всему этому... Ну, всякому за пределами, невероятному... Не высмеивает меня, как жлобятина наша ротная... Когда я ей про таинственные геоглифы написал, ну, которые в уральских горах нашли, про заброшенный инопланетянский космодром в Антарктиде, про то, что я почти разгадал, где Янтарная комната спрятана — она же не насмеялась. Адекватно мне отвечала, подробности даже выспрашивала... Значит, согласится, поедет со мной!

Где-то совсем неподалёку то-то нажал на автомобильный клаксон.

БЕРМУДА. Или лучше вот что. Мы с ней сначала на Алтай махнём... Мне тут диск попался... Случайно совершенно... В доме одном заброшенном в засаде с пацанами сидел... Ну и вижу — диск у телевизора валяется, на коробке название: "Тайна Чёрного озера". Заинтересовался, взял его, посмотрел потом на ноутбуке... Обалденный фильм оказался. Документальный — про неисследованное озеро где-то в тайге, на Алтае. В глуши самой... Короче, там высказывается гипотеза, что в этом озере могли сохраниться древние плавающие динозавры. На Земле они миллионы лет назад повсюду водились, а потом континенты перемешаться стали, потепление, обледенение, то, сё, колбасё... Вот и исчезли они. Исчезли, да не везде, оказывается! В Чёрном озере последняя стая сохранилась... Там, в фильме, приводятся рассказы местных шаманов, которые несколько раз видели этих динозавров. Те, мол, изредка выныривают на поверхность, но выбирают для этого самые отдалённые заливы. И только ночью выныривают... Осторожные они очень — потому до сих пор и не могут доказать факт их существования... Так что всякие там лохнесские чудовища отдыхают, нервно покуривают в сторонке...

Сигнал повторяется.

БЕРМУДА (*обернулся*). Сейчас, сейчас... Вот туда мы с Альбинкой для начала и рванём — на Чёрное озеро. Вооружимся фотиками, видеокамеру найдём — и будем дежурить, сколько надо... А что, по-моему нормальная идея, Альбина как раз животных любит, она сама мне об этом писала... Приедем, палатку на берегу поставим, дождёмся самой безлунной ночи... И только плеск слышится, я — раз на то место своим фонариком! А Альбина — щёлк, щёлк фотоаппаратом со вспышкой!.. Это же целая сенсация будет, на весь мир сенсация!

Сигнал звучит в третий раз, на этот раз тон его очень и очень требовательный. Бермуда вздыхает — заметно, что ему жаль прерывать полёт фантазии. Некоторое время парень смотрит в ту сторону, откуда раздаётся гудок, потом быстро уходит.

На сцене в очередной раз возникает девушка в платье.

Тяни меня, сестрица,
Тяни, сколь хватит сил...
Какое там жениться! —
Я ж толком не любил.

Новокаин, сестрёнка,
Иглой в меня вдави.
Когда свинцом по бронхам —
Бойцам не до любви.

Вливай в меня, сеструха,
Весь здешний физраствор,
Шепчи, склонившись к уху:
"Не трусь, терпи, сапёр!"

Бингуй сильней, сестричка,
Стерплю — сама не трусь!
В тебя, в твои косички,
Поправлюсь — и влюблюсь.

Девушка прячется за кулисы. Вспыхивает прожектор, его луч вырывает из темноты последнего оставшегося на сцене героя. В свете прожектора оказывается сухощавый длиноволосяый мужчина в очках. На нём — потёртая, выдавшая виды разгрузка. Время от времени пряди волос падают мужчине на лицо, поэтому он часто встряхивает головой, закидывая волосы на затылок.

Мужчину зовут Виннету. Конечно, это не имя, а прозвище, точнее, его позывной. Виннету подходит к груди амуниции, внимательно изучает её содержимое. Наконец вытаскивает понравившуюся ему вещь — бинокль.

ВИННЕТУ. Ага, вот ты куда от меня спрятался... А я тебя где только не искал! И у каптёрщика спрашивал, и у старшины, и у комендачей — у них ведь всегда трофейного барахла много... Нету, говорят, биноклей. Хороший армейский бинокль — дефицит. Бинокли, говорят, — только разведчикам, да и то — по паре на взвод.

(скептически хмыкает)

Разведчикам... А то мы в разведку не ходим. Или на корректировку нас не посылают... А если наблюдателем назначат — там вообще по полсутки на терриконе лежишь. Причём, не шевелясь... Нет, можно, конечно, и поелозить, покрутить башкой, только себе это дороже... Они там что, придурки? Они не знают разве, что у нас наблюдательный пост на старом терриконе? Знают — потому снайпера и держат его на мушке. Так что лежи смирно, гляди зорко... А будешь трепыхаться — не своими ножками с террикона вечером побежишь, а понесут тебя... Оно мне надо? Не-е, я под такое не подписывался...

(придирчиво осматривает бинокль)

Вот с таким бы на терриконе — самое то... Искал я его, искал, а он вот где оказался... Двенадцатикратный, антибликовый, да ещё и с зумом — красота! Я с таким хоть с террикона, хоть с водонапорки любое их шевеление разгляжу. И капониры с "васильками", и блиндажи, и может даже, позиции, с которых каждое утро "пионы" по городу бьют.

(прищурился)

Мне б ещё корректировщика ихнего вычислить! А то жигтя нет: только где у нас какое скопление — они сразу туда то минами, то "градом"... Значит, персонаж у них где-то поблизости сидит, всё видит, обо всём докладывает. А может даже и маячки ставит... Но теперь с такой оптикой я его найду, обязательно найду! Эх, мне б ещё и тепловизор — уже завтра бы эту дрюч петушиную в штаб приволок. А то заколебал всех...

(покачал головой)

Но по всякому бывает... И смех, и грех... С Кунаком-то как вышло? Его прямо в уборной накрыло... Он только на очко, и тут началось! Мина за миной, мина за миной... Всё ближе кладут — видно, что корректировщик помогает... Мы, понятно, все в окоп и тут очередная — бах! Прямо в тубзик. Земля на нас падает, ветки сшибленные, камешки разные — и Кунак ещё вдобавок сверху со всей нежностью своей сотни кэгэ. И без штанов! Как сидел в позе орла, так и выскочил из уборной после взрыва. Рухнул в окоп и лежит, голову руками прикрывает. А голый зад сверкает как бляха начищенная... И главное — ни царапинки! Ржали

потом над ним как ненормальные, подначивали: ты, говорим, своей ослепительной задницей все наши позиции демаскировал.

(улыбнулся, поправил непослушные волосы)

Только Кунаку не до смеха... Не до юмора ему... Когда рвануло и он в окоп сиганул, у него ремень в дырку упал. А на ремне — подсумок с четырьмя рожками. И ладно бы простые рожки были, чёрт с ними... Так ведь нет, пулемётные, на сорок пять патронов каждый. У нас такие на вес золота. У нас — до драки за такие рожки! Ещё бы: смотал два магазина изолентой или пластырем, и у тебя под рукой уже целый арсенал! В горячке боя, бывает, не заметишь, как один выпустил — не страшно. Перещёлкнул — и через секунду снова работай...

(похлопал себя по разгрузке)

Я себе тоже такие достал. Когда у тебя в каждом кармане по магазину, да ещё пара-тройка "эфок" или "сгущёнок", да "муха" за спиной, да "яйцо" на всякий случай... Тогда и на прорыв идти не так тоскливо. Знаешь: тебя голыми руками уже никто не возьмёт... И если что... Если не сложится вдруг — то и продашь себя не за дёшево... А теперь у меня вдобавок и бинокль этот ещё...

(пауза)

Хотя, если задуматься... На кой он мне, если скоро на прорыв? Там разве до бинокля будет? Подпустят поближе и ударят в упор. Может, из домов ударят, а может, из-за деревьев... Там многое от водителя будет зависеть. Если он успеет машину боком развернуть, нас прикрыть, то останется время в кювет скатиться, позицию занять... А не выпрыгнешь из машины — всё, труба. Прилетит фисюлина из РПГ — и сгоришь прямо внутри... Так что бинокль мне, как звезде рукав...

(осматривает бинокль, протирает линзы)

Нет, всё равно пригодится. Не сейчас, так потом, после... Когда вернёмся... Ведь должны прорваться, всё равно должны!.. Надо прорваться...

Виннету смолкает, думает о чём-то. Потом вешает бинокль на шею.

ВИННЕТУ. Мне — по лобому надо! Столько ещё дел впереди, столько людям всего наобещал... Выставку организовать задумал — не успел, о выпуске каталога с издательством договорился — подписать контракт время так и не выкроил... А заказ тот — на десять рам из красного дерева! Человек тебе специально под свои картины резные рамы заказал, все размеры дал, эскизы, а ты... Аванс взял, а вместо заготовок форму себе камуфляжную купил с разгрузкой. Плюс броник, спальный мешок, наколенники... А потом сразу сюда... Эх, ты! Такого человека, подвёл, художника! Стыдно вато, братэлю, да, стыдно...

(качает головой)

Ему ведь коллеги про меня напели: такой мастер, такой, мол, уровень!.. А какой у меня уровень? Самоучкой был, самоучкой и остался... Увидал лет десять назад, как сосед с деревом возится, заинтересовался. Научить попросил... Поправилось, инструмент купил, пошло дело потихоньку... Сначала мебель мастерил — кому стол, кому кухонный гарнитур... Потом на садовые фигуры переключился. А там и до благородного дерева очередь дошла... Тут главное что? Главное поверить, что ты способен на большее, чем гномиков да русалок для загородных дач тесать... Первое время для друзей резал, потом на продажу стал... Заказы пошли — дерево то постоянно в моде. Человек всегда к дереву тянется. Не знаю почему, но само

как-то это получается... Наверно потому, что и у дерева тоже душа есть. Это же не железо, не камень холодный... Оно живое — дерево. Я когда заготовку, простую болванку, резцом обрабатываю, мне всегда кажется, что разговаривает она со мной, беседует. Хвалит, когда хорошо получается, ругает, когда халтуру гоню... А бывает — о себе дерево рассказывает: где росло, что видело, как его срубили... Ну и я тоже... О себе ему — шёпотом... Иногда мне даже кажется, что дерево само мне подсказывает, какую стружку снять, где отпилить, в каком месте распилом лучше, а где — наждачкой... Вот так вот рукой по заготовке проведёшь...

(движение ладони по воздуху)

Проведёшь — и ощущение такое, словно живого человека погладил. Под пальцами твоими как будто вены набухают, мускулы напрягаются, сухожилия вздрагивают...

(помолчал)

Может, это с детства у меня такое?.. Мы же с мамой в деревне жили, дом был у нас свой... И огород за домом — соток десять. А там, где мы обычно картошку сажали, полянка оставалась зелёная, не паханная. И на ней — старая яблоня... Никому не нужная, одичавшая давным-давно. Яблок по осени на ней видимо-невидимо, да толку-то... Мелкие все, кислые... Никто их, ясное дело, не собирал, так они и опали все, лежали на траве до самого снега... Помню: идёшь к яблоне, а под ботинками твоими хрусть-хрусть, хрусть-хрусть... Бесплезное, в принципе, дерево, но красивое!.. Раскидистое, стволу основания узловатый, перекрученный, а посредине ствола — развилка... Как она по весне цвела! Выглядываешь в окно, и кажется тебе, что из огорода клубы дыма валят. Бело-розового дыма... Вся-вся укутанная цветами яблонька в апреле была, листвы даже не видно...

(откинул ладонью волосы со лба)

А как классно по ней было лазить! Это же целое приключение — когда берёшь из дома бутерброд с маслом, на котором ещё варенье сверху или сахарный песок, и бегом к яблоне. Заберёшься на самую макушку — и наблюдаешь за всеми вокруг, за целым светом. Представляешь, что ты или мужественный комиссар Микломан из румынского боевика, который выслеживает контрабандистов, или индеец — может Чинганчгук, а может, Виннету, сын Инчучуна, про которого недавно фильм в клубе крутили... Тебе с верхушки яблони всё как на ладони: кто какие грядки по соседству пропалывает, куда соседские гуси направляются, какие машины по дороге проезжают... Ты всё видишь, а тебя никто не замечает... И сидишь так на ветке часами, смотришь на всех из-за листьев, бутерброд уплетаешь... Незабываемое, странное и сладкое такое ощущение... Трудно словами передать...

Виннету вновь замолкает. Глаза его прищурены — словно он пытается вспомнить то далёкое детское впечатление.

ВИННЕТУ. А потом маме захотелось расширить участок. Ну, чтобы побольше картошки посадить можно было... Разобрали мы забор с обратной стороны огорода — и в эту дыру трактор заехал. Отлично помню этот трактор: ДТ-75, рыжий весь такой, бак у него огромный сбоку, а на баке — мазутные подтёки... Дядька тракторист — в телогрейке, усатый — подогнал его к яблоне, захлестнул ствол стальным тросом... Залез в кабину, включил передачу, газанул — аж сажа из трубы... С первого раза у него ничего не получилось, не поддалась яблоня. Крепко она за нашу землю корнями держалась. Тогда трактор рванул ещё раз, потом ещё...

(сжал ладони — аж пальцы хрустнули)

А я стою с мамой рядом и понять ничего не могу. То на маму гляну, то на трактор, то на яблоньку... И только шепчу: зачем? зачем? зачем?... На глазах слёзы, а показать это боюсь, засмеют, что пацан из-за дерева какого-то старого, корявого и никчёмного... Дэтэшка ревёт, тракторист матерится, а у меня одно и то же: зачем? зачем?... Мама слышит, но отмахивается, волнуется, наверно, что яблоня не поддаётся и трактор не справится... Но он справился. Трактор рванул так, что трос кору содрал, в самый ствол впился. А под железным тросом — белое что-то появилось, влажное... Беззащитное такое... И запах от искалеченного дерева: аромат сока с запахом соляной смеси — пронзительный, острый... Запах перехода от живого к неживому... Не выдержал я этого запаха, убежал... Весь день у речки просидел, на воду смотрел, камешки кидал... По темноте только домой вернулся.

Виннету замолчал, несколько раз проиёл по сцене туда-обратно...

ВИННЕТУ. Я сам её хоронил — яблоньку нашу. Мама на следующий день ножовку вручила и на огород отправила. И я целый день: вжик-вжик, вжик-вжик... Сначала ветки отпилил, потом за ствол взялся — на мелкие чурбачки его... Складывал всё это в кучу, поджигал... Яблоня плохо горела, потому что не умерла ещё до конца... Сырое дерево больше дымило, из обрубков постоянно сок сочился... Но ничего, сжёт... Схоронил...

(снял очки, вновь их надел)

Ну а потом освободившийся пятачок вспахали. Тот же самый трактор приехал пахать. Картошку на этом месте посадили, хороший урожай по осени получили. Мешка два или три накопили.

(пауза)

А рамы для художника того я всё равно сделаю. Вернусь — и первым делом за них возьмусь, все остальные заказы побоку. День и ночь работать буду. Даже если друзья позвонят, пригласят отметить, то я всё равно... Скажу: потом, потом всё — когда обещание выполню. А то ведь как бывает... Один позовёт, потом второй, потом ты их... И понеслось — недели две без просыху!.. Нет, мне пить нельзя... Сейчас, по крайней мере... Надо постараться как-то без этого... В последнее время я как выпью, так мысли всякие, сны — на войне совсем не нужные... Посторонние, не ко времени сны... Просыпаешься среди ночи, а тебя колбасит всего, и спина мокрая от пота — хоть футболку выжимай... После того боя это... Тогда началось...

Виннету трясёт головой, как будто отгоняя лишние мысли и ненужные воспоминания. Длинные вихри разлетаются, волосы падают на лицо.

ВИННЕТУ. Мы в тот день на стрельбище поехали. Получили новые автоматы — пристрелять их надо было... Но это только так говорится, что стрельбище, на самом-то деле обыкновенный карьер. Когда-то из него песок брали, а теперь забросили, он водой до половины наполнился. А нам и в радость: заодно искупаемся!.. Загружаемся, короче, всем взводом в наш "соболёк", мчимся, песни похабные горланим... Приехали, отстрелялись по консервным банкам, поныряли, даже бельё постирать успели... Лепота!.. Выходим такие всем гуртом к дороге, ждём, когда машина из карьера поднимется... И тут — получите-распишитесь... Из-за холма вдруг выпрыгивает бэтэр с пехотой и по дороге — прямо на нас... Как эти гаврики в нашем тылу оказались? То ли разведка, то ли заблудились... Валет первым сориентировался,

орёт: к бою! И длинной очередью — по бэтэру... Мы тоже попрыгали кто куда, тоже стреляем... Те нас заметили — бьют в ответ... Свист, рёв, мат, пыль, гильзы со всех сторон... Коробочка — по газам, на всех парах решила мимо проскочить, а у нас как на зло ни одного "шмеля" с собой, не на войну же ехали... Ну и вот... Летят они такие мимо, а мы тут, у дороги, метрах в тридцати... Они нас вот так видят, в упор почти, мы их тоже... Лица видим, нашивки, ракеты сигнальные, что из разгрузок торчат... И лупим друг в друга, лупим очередями... А я... Я выбрал себе усатого. Он у самой башни сидел, здоровый такой, каска у него ещё набекрень... Выбрал я его — и по нему, по нему короткими... Ловлю его в прицел, и именно в него — очередь за очередью... Почему в него? Зачем именно в него?.. Не знаю, попал или нет, там же быстро всё... Считанные секунды... Проскочил бэтэр мимо — только пыль столбом. И всё... А мы с земли поднимаемся медленно и смотрим так друг на друга... Что это было? Как будто киноплёнку перед нами в ускоренном режиме кто-то промотал... Домой мы уже другой дорогой поехали, чтобы опять с этими, не дай бог... Дня два его ещё вспоминали, бой этот непонятный, потом за каждодневной суетой забылось всё... Наряды, зачистки, сопровождения... Поспать некогда, не то что подробности случайной перестрелки смаковать...

(снова снимает очки, протирает стёкла)

Парни забыли, я, вроде, забыл... Только вот когда выпьешь немного... Не часто у нас это, но случается, достают пацаны... Когда накатишь стакан — сразу тот, который у башни, вспоминается... Здоровый, усатый... Прямо отчётливо всё всплывает: как я предохранитель на автоматический огонь перевожу, как автомат вскидываю, как целюсь... Всё до мельчайших деталей в памяти выскакивает: как дыхание сдерживаю, чтобы ствол ходуном не ходил, как голову его на мушку ловлю, как упреждение делаю — на ход броневика... Почему я его выбрал? Может, потому что на тракториста того похож? Ну, который на ДТ-75... Не знаю...

(каждое стекло протирается долго, тщательно)

Вспоминаешь всё это, по несколько раз в голове прокручиваешь — и ужас на тебя накатывает. Ведь это не кто-то другой целился и дыхание сдерживал, не киногерой какой-нибудь придуманный... Я, я целился! Я стрелял! Это я рожок до последнего патрона почти в упор в живого человека выпустил. И не понарошку, а так, чтобы действительно попасть... Неужели это был действительно я, тот самый, который в детстве даже на рыбалку с соседскими мальчишками не ходил? Который с искренним удивлением спрашивал их: а зачем это нужно — ради развлечения убивать головликов, плотву, окуней?.. Нет, нет, нельзя мне пить...

(надел очки)

Разве что с мамой выпью... Немного, совсем чуть-чуть... Полрюмочки — за возвращение, за встречу... Когда всё это закончится, приеду к ней, скажу: всё, мама, хватит! Давай забывать про все эти старые обиды, недоговорённости, претензии... Да, ты хотела, чтобы я доучился, а я бросил институт... Да, ты не поняла меня, когда я от Светки ушёл... И с моим ремеслом ты до сих пор примириться не можешь, соседкам жалуешься: мол, мог бы стать учёным, а теперь деревяшки строгаешь... Может, ты и права, мама, но давай всё это — за скобки... Сложилось так, как сложилось и чего уж теперь...

(сглотнул комок в горле)

Знаешь, я ведь здесь много об этом думаю... Ну, о непонятках всех этих... Отсюда они такими мелкими выглядят, почти ничкёмными... То, что раньше мне представлялось огромной проблемой, судьбоносной почти, отсюда микроскопической ерундой выглядит... Потому что меры измерения там и здесь -разные... Несопоставимые ценности на разных чашах весов лежат... Когда для товарища могилу роешь — это особо отчётливо понимаешь. Вчера ещё сидели с ним у оружейки, чай с конфетами-подушечками пили, в нарды резались и футбол обсуждали, а сегодня утром — три пули в грудь... Долбишь ломом эту слежавшуюся, спёкшуюся на солнце глину и думаешь: а ведь он тоже, наверно, кого-то бросил или его бросили, тоже с кем-то не соглашался, цапался, планы, небось, строил. Всё это составляло его жизнь, его вселенную, мир его... И что? Три пули, всего три пули... Крошечные, пять-сорок пять... И уже ничего ему ни от кого не надо, да и ему самому предьявлять бесполезно... И упрекать его, и ругать, и умолять... Целая вселенная за какое-то утро скукожилась до размера глиняной ямы метр на два, полтора глубиной... До креста с маленькой табличкой...

(дотронулся до бинокля)

Вот и наши с тобой споры... Наши обиды взаимные... За институт брошенный, за тот долг, который я тебе не отдал, за слова, которые сгоряча... Отсюда всё это совсем по-другому видится... Мелким, не таким серьёзным, пустяковым даже... Как в бинокль этот — если его другой стороной к глазам поднести...

Совсем-совсем близко слышится гудок автомобиля.

ВИННЕТУ. А раз так — надо перечёркивать всё это, мама... Всё плохое, наносное, не настоящее... Когда вернусь... Если вернусь... Я тогда сразу — к тебе, в посёлок... На вокзале на автобус пересяду и часа через два — у тебя уже... Ах да, я забыл, что рейсовые у вас отменили... Ладно, такси возьму... Подойду к дому, шеколду тихонько у калитки приподниму... А может, ты рядом с домом в это время будешь — на скамейке своей любимой... Это ведь я у дома её вкопал, скамейку эту...

Сигнал звучит повторно.

ВИННЕТУ. Если на скамейке, тогда ещё лучше. Значит, прямо там и обниму, и поцелую... И ещё "прости, пожалуйста" скажу. А ты не спрашивай, за что... Просто прости — и всё... Я потом тебе объясню, за что... Хотя, тебе и объяснять не надо, ты и так всё поймёшь...

Автомобильный гудок вновь напоминает о себе.

ВИННЕТУ. Решено, короче... С вокзала — сразу к тебе... Мне бы только вернуться, мама, а там... Там, конечно, всё по-другому уже будет, по-новому... Лучше будет. Правда же, мама?

Виннету закидывает ладонью свои длинные упрямые лохмы на затылок и, не оглядываясь, шагает прочь со сцены. Однако на полпути он вдруг останавливается, оборачивается.

ВИННЕТУ. Знаешь что, мама... А давай яблоню в огороде посадим? На том самом месте... Давай?.. Я сам в город съезжу, саженец выберу, самый лучший выберу... Привезу — и мы с тобой вместе... Ты будешь саженец держать, а я с лопатой... А потом воду из старой кадки возьмём и польём. Стоит ещё у тебя та кадка, что у поленницы? Не развалилась ещё?.. Польём — и пусть себе растёт... Яблоня — она же такая красивая, когда цветёт!

*Виннету разворачивается и на этот раз окончательно покидает сцену.
Следом к зрителю выходит девушка.*

...Взвесил: стоит — не стоит,
А потом побежал,
Думал — ротный прикроет,
Только ротный не встал.

Пули били морзянку
По земле и броне,
Думал — лупят по танку,
Ну а вышло — по мне.

Я упал, как под ношей,
В самом центре села,
Думал — каска поможет,
А она не спасла.

Словно в тёмную штольню,
Словно сдуру — в овраг...
Раньше думал, что больно,
Оказалось — не так.

...Глянул в ладанку строго,
И, слабя, спросил:
"Думал — ты мне подмога,
Что ж ты так, Гавриил?"

КОНЕЦ

Челябинск 2015 г.

Алла Цыбульская

В ПОИСКАХ ЕДИНОГО КЛЮЧА

“Иоланта” Чайковского и “Замок Синей Бороды” Бартока

В сезоне 2015-го года Метрополитен-опера предложила публике необычное сочетание двух одноактных опер: исполненную света и веры в победу добрых сил “Иоланту” (1891) и мрачный, по-авангардному устремленный в подсознание и деформированную душу “Замок Синей бороды” (1911). Дирижировал обеими партитурами с необычайной проникновенностью в мелодический строй первой одноактной оперы и драматически разреженный воздух без завершенных мелодических линий второй одноактной оперы — Валерий Гергиев. Событием стало также участие нескольких замечательных солистов из России, среди которых первым назovem имя Анны Нетребко.

Поставил и объединил обе оперы приглашенный из Польши известный режиссер драматического и оперного театра Мариус Трелински. И выяснилось, что эти столь разные, хотя и созданные на дистанции всего лишь двух десятилетий произведения, он решил открыть одним ключом. Заметим, одним ключом невозможно открыть разные замки. Прибавим, в разных замках, поставив ударение уже на первом слоге...

Что вышло?

Нечто навязанное и искусственно сконструированное в заповедном замке “Иоланты” и убедительное в нагнетании роковой обреченности в “Замке Синей бороды”.

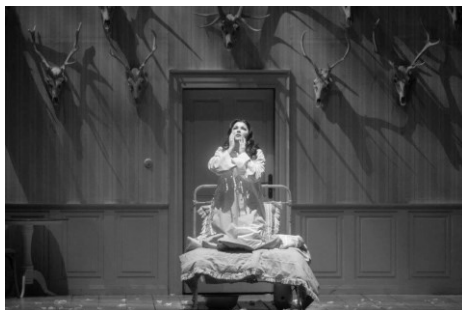
Режиссер предлагает тайный знак соединенности: в парадном и неживом зале “Замка Синей бороды” на столе, покрытом белой скатертью, в вазе стояли те же розы, что красовались в охотничьем домике, куда была помещена Иоланта. И чучела оленьих рогатых голов — вместо распятия над ее кроватью — перекочевывали в пустые своды призрачного жилья Герцога. Его Замок в интерьере напоминал не то больницу с госпитальными палатами, не то тюрьму с длинными гулкими коридорами, реалии белого кафеля дополнялись провисающими без опор глухими стенами. Художник—оформитель обеих постановок — Борис Кудличка воссоздавал сценический пространственный мир с помощью эффектов видео компьютерного дизайна. Атмосфера холодного безмолвия, столь уместная для передачи душевных состояний Герцога Синяя борода и его последней жены Джудит контрастна чистоте и прозрачности внутреннего мира Иоланты и ее окружения. Противоположный строй произведений в музыке не поддавался заманной контаминации.

“Иоланта”— это одна из святынь в русском оперном искусстве. Либретто Модеста Чайковского по пьесе Генриха Герца “Дочь короля Рене” рисует сказочный мир добра, благоухания цветов, нежных подруг, в котором живет юная героиня, не ведающая о главном несчастье ее жизни, — слепоте. И только слезное предчувствие иногда охватывает Иоланту, почему и задает в тишине сада на речитативе она вопрос кормилице в конце своей прекрасной арии: “ Скажи, Марта!”

Как странно, что этот вопрос звучит не в саду, а в комнате, и обращен в пустоту, потому, что Марта (Мзия Ниорадзе), не дослушав свою любимицу, вышла, прикрыв за собой дверь... И ария, спетая глубоким, сильным, прекрасным голосом Анны Нетребко, отзвучала, повиснув в воздухе... Наконец, в какое бесприютное место действия помещена героиня Анны Нетребко! Не девичья спальенка, а казенное помещение для узницы... И почему Иоланга должна оказаться в изоляции, свойственной более позднему декадентскому искусству, такому, как, скажем, произведение Белы Бартока, поставленное в одном ряду с творением Петра Чайковского... И как навязано музыке оформительское решение спектакля...

На сцене за колеблющимся прозрачным занавесом появлялось двигающееся странное животное гигантского размера. Открывался домик — хижина с отсутствующей четвертой стеной.

А в нем комната, похожая на больничную палату, в центре которой стоит кровать. Но почему Иоланга в холодной палате, и почему в ней присутствуют не милые подружки, а две суровые женщины-медсестры в униформе, напоминающие эсэсовок? Никакой нежности в обращении они не проявляют. Просто автоматически выполняют свои обязанности. Появляются деловито с шприцами... Это трансформированные Бригит (Катрин Вьт) и Лаура (Кассандра Зое-Веласко). Как одиноко Иоланте-Нетребко под властью их бездушия... Даже хор “Вот тебе лютики, вот васильки” звучит холодно, отстраненно. Да и где он? За сценой? Иоланга-Нетребко поет свои соло, обволакивая глубиной и теплотой чудесного голоса, стоя в суровой рубаше, едва ли не смирительной...

Иоланга — Анна Нетребко

На такую жизнь ее обрек король Рене (Илья Банник), появляющийся тоже в форме эсэсовца. Рене, правивший Провансом в 15-ом веке, мог быть жесток лишь по отношению к рыцарю Водемону, рассказавшему Иоланте о ее слепоте, что было запрещено, и о чем тот не знал. И вызвана эта угроза феодальной расправы была переживанием за судьбу дочери. Во всем прочем он был добрый правитель. Именно неожиданная опасность для жизни Водемона побуждает Иолангу, уже ощутившую ответную любовь, отважиться на операцию и обрести желанное зрение.

За что же Рене трансформирован в образ злодея? Нет ответа. Как нет его и по другим сотворенным обстоятельствам. Роберт Бургундский — Алексей Марков, великолепно исполнивший свою знаменитую арию, появлялся в костюме лыжника. Какие-то персонажи справа от домика Иоланты, возвратившись с охоты, подвешивали за ноги бутафорского убитого большого зверя (возможно, того, что появлялся на занавесе). Из его пасти стекала кровь... И это происходило под музыку П.И. Чай-

ковского! В Метрополитен-опера — цитадели оперного искусства! Воистину, “неладно что-то в датском королевстве”, если говорить о мировой опере! Неприемлемо применять такие насильственные меры в угоду не оправдываемой ничем фантазии постановщика... Справедливости ради нужно сказать, что он преодолел штампы, казалось, неизбежные при постановках “Иоланты”.

Как ни странно, во всех российских оперных театрах при разных постановках повторяется одна и та же несуразная мизансцена: куст алых роз стоит с одной стороны кулис, куст белых роз — с противоположной. А ведь красные и белые розы должны быть вперемешку... Тогда при просьбе Водемона: “Я красную просит”, а она срывает белые, ему становится очевидна ее слепота. В премьеры Метрополитен в отличие от распространенного в России недоразумения по этой части, так и было. Но новая “концепция” произведения показалась обидней старой кочующей из спектакля в спектакль нелогичности. Не забудем, что “Иоланта”— это опера со счастливым финалом. Зачем ее было наполнять трансцендентными ужасами?

Если глядеть на сцену было трудно, то слушанию не мешало ничто. У Анны Нетребко был чудесный партнер, с которым она спела много спектаклей, — Петр Бечала — Водемон. В партии, казалось бы лишенной активных героических проявлений, он нашел такие великолепные краски, такой лиризм, такую проникновенность, что зал взрывался аплодисментами. В его финальной арии, подхватываемой Иолантой-Нетребко, создавалось ощущение торжества, апофеоза искусства!

Иоланта — Анна Нетребко, Водемон — Петр Бечала

В этом спектакле не хватило воодушевления только исполнителю партии врача-целителя Ибн-Хакки — певцу из Азербайджана Элчину Азизову. Все было строго в соответствии с музыкой, но не насыщено той гипнотической силой, что от нее исходит, и что должен передавать певец, вдохновленный для свершения его персонажем чуда...

Опера Белы Бартока “Замок Синей бороды” по стихотворному либретто Белы Бажи только значится под названием известной сказки Шарля Перро, но сюжет трансформирован и превращен в психоаналитическую драму. В этом произведении представлен не злодей — кровожадный убийца, а съедаемый муками совести, отягощенный чувством вины, вечным терзанием глубоко несчастный человек.

В партии Синей бороды выступил, ошеломив как сценической, так и вокальной выразительностью, Михаил Петренко. Его глубокий бас усиливал мрак сценического пространства угрюмостью, скорбностью и временами неприкрытым страданием. Этот герой отгорожен от всего мира, обречен на одиночество... В его призрачный замок не проникают лучи света... Необычайные возможности компьютерного дизайна создают ощущение кинематографических сменяющихся кадров с бесконечными коридорами, лабиринтами, переходами...

Герцог Синяя борода — Михаил Петренко
(на полу с краю Джудит — Надя Михаэль)

В таком пространстве жить нельзя. Но именно жить сюда приходит последняя седьмая жена Синей Бороды — Джудит. Исполнительница этой партии Надя Михаэль, приглашенная из Германии, оказывается еще одним событийным явлением в постановке. У нее драматическое меццо-сопрано, и она в 2012-ом году на сцене Метрополитен уже исполняла труднейшую партию леди Макбет, с которой в нынешнем сезоне великолепно справилась обладательница высокого сопрано Анна Нетребко. Для нее, устремленной к творческому поиску, такой выбор, требующий пения в более низком регистре, чем присущ ее голосу, был несомненным риском.

Синяя борода — Михаил Петренко, Джудит — Надя Михаэль

Вся опера *Bluebeard's Castle* выстроена на двух исполнителей.

Надя Михаэль — Джудит предстает красавицей времен немого кино. На ней вечернее платье с открытой спиной, стилизованная короткая стрижка — каре... Художник по костюмам — Марек Адамски придал этой героине облик эстетский, декадентский... Тем более контрастно ее появление в нежилом мире Замка...

Она поет нечто печальное и тревожное, принимая ванну посреди парадного зала под сетью паутины... И ослепляет красотой своего сложения, поднявшись внезапно во весь рост и быстро набрасывая халат... (О, смелость Запада!) Но не живые диалоги между двумя персонажами звучат под его сводами, а мистериальные незавершенные в восхождении мелодий вопросы и ответы... Иногда они обретают форму недолгих ариозо... Джудит терзаема желанием узнать правду о тайнах замка, о том, что за закрытыми семью дверями. Синяя борода — Михаил Петренко — элегантный высокий в черном костюме, трагически скорбный даже в пластике напряженной спины, старается удержать Джудит, просит не задавать вопросов. Но по ее настоянию двери одна за другой открываются. И то, что предстает взору Джудит, побуждает ее выразить чувства в пении экстаично. Она потрясена пятнами крови на ювелирных украшениях ее предшественниц, складами оружия, секретным садом, “озером слез”, но не романтическим, сказочным, а представляющим собой комнату, отделанную белым кафелем, как в служебных помещениях лечебниц, возможно, для душевнобольных...

Синяя борода — Михаил Петренко, Джудит — Надя Михаэль

Голос Джудит — Нади Михаэль — поражает теплотой, нежностью, силой. В нем все настойчивее слышится просьба-приказ-требование открыть седьмую дверь! Так возникает апокалиптическая картина с кладбищем. Предыдущие жены Синей бороды живы и стоят в отдалении, образуя скорбную группу. Они заточены. По либретто живы все. В спектакле одна из них лежит мертвая с головой над землей в открытой могиле. Достигнув апофеоза ужаса, навешанного явно фильмами Хичкока, режиссер и художник предоставляют Джудит совершить свой выбор именно в такой наиболее зловещей атмосфере. И она принимает его, добровольно оставшись с жертвами.

Завораживающее решение этой оперы с такой камерой пыток, как проблема выбора, никоим образом не корреспондировало с готовностью жить и любить героини оперы Чайковского. Ключ для семи дверей в Залке Синей бороды не подошел к двери в замок “Иоланты”. Он постановщику даже не понадобился. Традиционной сцены с привратником у ворот, преграждающим путь посторонним, не было. Заблудившиеся в горах Роберт и Водемон вошли в неохраемый сад беспрепятственно. Но никакого сада не было. Была больница с воензированной на фашистский лад охраной.

Творческим людям опасно подчас быть во власти одной тенденции, одной идеи, исключаящей возможность видеть мир без искажения.

Но и публике не во благо переносить свою нынешнюю политизированность на людей искусства с требованием соответствовать их убеждениям.

Когда идет речь об исполнителях из России, не стоит забывать, что тема: художник — власть там никогда не была отменена. Легко из благополучия Запада выставлять требования к артистам, поднимая митинги. На премьере один митингующий сумел прорваться на сцену. На последующих спектаклях у входа в Метрополитен-опера стояла группа протестующих с плакатами: “Анна, не играй в тон с Путиным!” Что-то подобное было и по отношению к Гергиеву. Мы не знаем причин, по которым многие любимые нами артисты поставили подписи под оправданием присоединения Крыма к России, то есть, к аннексии Крыма. Но едва ли они сами побежали скорей подписываться. Возможно, их вежливо попросили это сделать. И интересно, как можно было в такой ситуации отказаться? А помощь Анны Нетребко театру Донецка, это помощь товарищам по искусству, попавшим в беду.

Трагично происходящее на земле. Творческие деятели пытаются защитить мир своим искусством. И не стоит требовать, чтобы они выходили вместо подмоштков на баррикады.

Ключ к садовой калитке.

"Катя Кабанова" — одноактная опера Леоша Яначека

Совпало так, что примерно в одно время с премьерой в МЕТРОПОЛИТЕН театральная компания БОСТОНСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ОПЕРА представила другую одноактную оперу, созданную примерно в ту же эпоху, в самом начале 20-го века, но редко осуществляемую на сцене. Чешский композитор Леош Яначек, знавший и любивший русскую литературу и русский язык, сочинил произведение, названное “Катя Кабанова”, по имени главной героини. Легко догадаться, что эта одноактная опера была написана по пятиактной пьесе А.Н. Островского “Гроза”. Но вовсе не следовала завету показать “луч света в темном царстве”. Либретто было осуществлено тоже чехом И. Червинка. Премьера оперы состоялась в 1921-ом году в Брно. Композитор явно сосредоточился не на расстановке враждебных сил, толкуемых в школьных учебниках, а на том, чтобы передать трагизм и безысходность пылкой, чистой, открытой души Катерины. Роль Катерины в драматическом спектакле “Гроза” на русской сцене прославлена исполнением Марии Ермоловой в Малом театре, Екатерины Рощиной-Инсаровой в Александринском и многими другими выдающимися актрисами... Ермолова играла трагедию женщины большой внутренней силы, а Рощина-Инсарова передавала состояние души хрупкой, надломленной...

В постановке оперы “Катя Кабанова” героиня, какой ее воплощает Элэйни Алварез, вызывает ассоциацию с трактовкой Е. Рощиной-Инсаровой. Катерина в опере под воздействием своих переживаний оказывается на грани душевной болезни. Классическая в европейской опере ситуация со сценой внезапного сумасшествия героини от страданий любви у Яначека выстроена и подготовлена психологически шаг за шагом. У Элэйни Алварез большое теплое и сильное сопрано, по мере развития действия оно передает все большую и большую смятенность. Вна-

чале голос певицы в дуэте с мужем Тихоном (Алан Шнейдер) печален, ласков. Но тайная тревога уже оттеняет звучание.

Катя — Элэини Алварез, Тихон Кабанов — Алан Шнейдер

Покорная, живущая по законам домостроя жена, она чувствует мятеж сердца, и потому боится отъезда мужа, ее заверения в верности ему кажутся болезненно заклинаящими. Музыка оперы по мелодике, эмоциональности, лиричности и по строю явно ближе к миру Чайковского, чем к модернизму Бартока. Экспрессия и колористические краски опираются на классические традиции и устои. Славянский фольклор композитор не использует, он сочиняет в его духе свои оркестровые и вокальные эпизоды. Хоров в этой опере нет.

Дирижер Дэвид Ангус динамично ведет оркестр и передает насыщенность оркестровой партитуры, взволнованность, напевность... И вовремя убирает яркость звучания, отводя оркестру роль аккомпанемента, предоставляя возможность высказываться певцам.

Эмоциональные состояния Кати, передаваемые в пении, вызваны ее истовой набожностью, страхом греха, наивностью чистой души. Она не в силах разорваться в том, что ее и душа, и плоть, поработанные запретами, закованные в броню подчинения, бунтуют. Справиться ей с самой собой, верящей во власть догм и пытающейся вырваться из-под этой власти, непосильно. И помочь ей не может ни покорный матери Тихон, ни Борис Григорьевич, нищий, глядящий заискивающе в глаза лихому благодетелю Дикому. Заметим, что сценический образ Тихона, не противоречащего ни в чем вздорной тиранической матери, кажется достоверным, в то время, как Борис Григорьевич, вскруживший голову Кате, вовсе не герой женских грез, а тоже жалкий поработанный и зависимый человек при полном безденежье. Бежать к нему, веря, что в нем можно найти опору, это попасть из огня да в полымя...

Тенор Тихона (Алан Шнайдер) звучит мягко, вкрадчиво, тенор Бориса Григорьевича (Раймонд Вери) наполнен банальной лирической сладостью...

Атмосферу сценического действия, воссозданного явно в стремлении передать подспудные мотивы движений души и поступков персонажей, воплотил в добротной реалистической манере режиссер Тим Алберти. И возник интерьер в купеческом доме Кабановых в вымышленном городе Калинове на берегу Волги... В единстве с замыслом режиссера художника Хилдегард Бечтлер весь декорационный мир выстроила с тактичной мерой условности и достоверности, открытого

пространства и павильона, в единой цветовой гамме. Стены в доме суровой Кабанихи, в маленькой спальне Катерины и Тихона затянуты темнозеленым штофом. Платье на Катерине также глухого зеленого цвета. Забор и садовая калитка, ключ от которой даст Варвара (Сандра Пикс Эдди) Катерине для тайного свидания с Борисом Григорьевичем, тоже окрашены в темно зеленый цвет... Преобладание этой красивой монохромности дает ощущение мрака, давящей темноты, безысходности... Постановщик не педалирует, но делает значимым, решающим эпизод, в котором Катя получает ключ. Она на короткое время в отсутствие мужа обретает свободу. И делает свой выбор, очертя голову, кинувшись на десять ночей в иллюзорную любовь. Расплата за них — гибель.

Катя Кабанова — Элэйни Алварез, Борис Григорьевич — Раймонд Верн

Власть в доме, где не хватает воздуха, принадлежит Кабанихе (Элизабет Бирн). Уже давно в драме не играют Кабаниху как зверя лютого. Скорее, подчеркивают ее косность, догматизм, ограниченность. И в оперной постановке она появляется вполне благовоспитанной особой, правда, не русской раздобревшей бабой, а сухопарой англичанкой, напоминающей суровых классных дам из романа “Джен Эйр” Шарлотты Бронте. Но образ по смыслу остается неизменяемым: она всем указ, она всех держит в подчинении. Низкое выразительное меццо — сопрано певицы звучит властно в дуэтах и репликах... Домострой... Пару с ней составляет Дикой (Джеймс Дейлер). Он высок, сухошав, язвительен. Низкий баритон певца звучит с характерностью, обрисовывающей этот персонаж. Жаль, что постановщику единственный раз в спектакле изменило чувство вкуса, когда в конце их сцены Дикой совершил недвусмысленно плотоядное движение, прихватив Кабаниху за юбку. Зачем? Неужели только потому, что американцы не могут обойтись без секса и фана? Так к этим образам ни то, ни другое отношения не имеет.

Все второстепенные персонажи: Ваня Кудряш (ОмарНажми), Глаша (Челси Базлер), Кулигин (Дэвид Макферрин), Феклуша (Хизер Галлагер) являются существенным фоном, они появляются в нужное время в нужном месте и исчезают, не задержавшись дольше необходимого.

В центре внимания все более оказывается Катерина. Элэйни Алварез овладевает вниманием слушателей от первой арии с наивными воспоминаниями о детстве, в котором жила мечта о том, чтобы летать как птицы, до последней, где она казнит себя за порыв, за сердечный жар, и испытывает страх перед “теенной огнен-

ной”... Болезненная религиозность и тоска о Борисе Григорьевиче, которого Дикой после ее публичного признания-покаяния немедленно отсылает в далекие края, надламывают душу Катерины. Мизансцена, в которой, стоя спиной к залу, она прощается с жизнью, и покидает сцену, чтобы броситься в Волгу с крутого обрыва, выразительна. Некуда ей больше деться от покорного матери Тихона, от безвольного Бориса Григорьевича... Вокально и артистически сцена была воплощена так, что во весь рост поднималась мощь драматургии А.Н. Островского, превзойдя музыку Яначека. Но справедливости ради признаем, вдохновив композитора на создание оперы, русская замечательная пьеса получила большее распространение на Западе. А постановка этой оперы на сцене БЛО осуществилась столь глубоко и вдумчиво потому, что к ее решению режиссер Тим Албери подошел, вникая в психологическую достоверность образов, а не навязывая им позднейшие мотивировки. И послужил тут тот самый простой ключ от садовой калитки.

Валерий Пахомов

ИНТЕРНАТ

Мемуаразмы — мемуары и размышления

(продолжение. Начало в №3-4/2015 и сл.)

Размышлизмы

(Историческая часть написана вместе с Натальей Фокиной, а также при очень полезном обсуждении вопросов с Леонидом Кириевским)

Здесь я отхожу от стиля чистых мемуаров. Но всё же это не научная статья. Поэтому приношу извинения за то, что изложение будет не слишком стройным, а многие отступления будут либо продолжением мемуаров, либо выражением эмоций автора. Одним словом — Размышлизмы.

Нужны ли государству ученые

Вопрос этот не такой уж праздный, как может нам показаться с первого взгляда. И отнюдь не риторический. Не всякая страна способна развивать науку. Она давно вышла из мелких лабораторий и стала по большей части очень затратной. Если воспользоваться аналогией, то можно, например, рассмотреть параллельные тенденции в развитии кинематографа. Еще не так давно чуть ли не каждая страна (а в СССР — каждая республика) имели свои киностудии. Сейчас киноцентров осталось меньше, чем пальцев на руках. Большие затраты на съемки современных фильмов при высоких рисках и, стало быть, низкой экономической эффективности не под силу даже большинству довольно богатых государств. Но есть еще и не экономические факторы.

Если, например, говорить о России, то можно вспомнить Салтыкова-Щедрина. Обсуждая вопрос о мотивационной части указа («За рубежом»), он привел один из ее вариантов примерно в такой форме: «Понеже в собственных Платонах и быстрых разумах Невтонах Российская Земля не нуждается...» И это неспроста. Вопрос о том, нужны ли Государству умные, талантливые и образованные люди, стоит у нас давно. Феодалные правители России относились к ученым, как к потенциальным смутьянам. Они предпочитали пользоваться услугами иностранцев, как людей незаинтересованных кровно в каких-либо изменениях в самой России.

Петровская Академия говорила на немецком языке. М.И. Ломоносов был первым, кто озаботился именно русским образованием и русской наукой. Он еще в 1759 году занялся устройством гимназии и составлением устава для неё и Университета при Академии, причём всеми силами отстаивал права низших сословий на образование.

Александр I сделал попытку создать собственную кузницу кадров госчиновников из талантливых дворянских детей — Царскосельский Лицей. Его экспе-

римент можно считать успешным. Лицей воспитал много государственных деятелей: 70% выпускников достигли генеральского звания или чина тайного советника. Но, на мой взгляд, в самый первый выпуск (30 человек), когда все работало на энтузиазме основателей, проходило, как яркий эксперимент, не обросло еще формализмом и не попало под усиленный контроль власти, Лицей воспитал плеяду самых ярких личностей. Среди них, может быть, крупнейшего государственного деятеля России — А.М. Горчакова, выигравшего Крымскую войну политическими средствами. И это в тот момент, когда военными средствами она была начисто и позорно проиграна. М.А. Корфа, ставшего Государственным секретарем и сделавшего Императорскую библиотеку одной из лучших в Европе, великого А.С. Пушкина и т.д. Но, кроме этого, он воспитал Декабристов. Последнее было учтено в дальнейшей его работе, в нее были внесены серьезные коррективы, как по подбору контингента учащихся и преподавателей, так и по учебным программам. В результате ярких личностей за сто лет своего последующего существования он дал почти столько же, сколько в первых своих выпусках.

Но Александр I не только сделал попытку создать собственную кузницу кадров госчиновников из талантливых дворянских детей, в 1802 году создал Министерство народного просвещения, где проходила разработка нового школьного устава и проведение в жизнь учебной реформы. В 1804 году был издан "Устав учебных заведений, подведомых университету", в котором определялись правила и требования, структура образования в стране и система управления учебными заведениями. Новая система образования предусматривала четыре ступени: высшая — университеты, средняя — гимназия, промежуточная — уездные училища, низшая — приходские училища. Все четыре ступени преемственно были связаны между собой: предшествующая ступень являлась основой для перехода учащихся на новую — высшую. В основу системы образования были положены приходские училища. Тогда же была определена государственная школьная идеология "Православие, самодержавие и народность". Она дала свой эффект. Взлеск талантов в русской истории 19-го — начала 20-го веков явился одним из её результатов.

В царской России отношение к научному образованию определялось минимальной необходимостью. Требовалось не слишком далеко отставать от Европы, где у Империи было больше врагов, чем друзей. Но большая часть населения проживала в сельской местности и получала лишь элементы начального и церковного образования. Те немногие, кто осваивал навыки чтения, читали, главным образом, Евангелие и Псалтырь. Других книг почти никто не знал. В дворянской среде культивировалось гуманитарное и военное образование. В среде рабочих — профессиональное образование, позволявшее воспроизводить рабочую силу. Купцы, лавочники и другие работники сферы обслуживания старались дать детям коммерческое или юридическое образование, обеспечивающее либо продолжение профессии, либо переход на госслужбу. Кто был мотивирован на занятия наукой? В основном дети нарождавшейся интеллигенции и совсем небольшое количество любознательных представителей аристократии и среднего класса. Наука не была в фаворе и не приносила ни славы, ни положения, ни денег. Соответственно и отношение к ней было, как к блажи отдельных индивидуумов, склонных к праздному времяпровождению. Исключение одно время составляли география и история, которые более всего соответствовали имперским амбициям.

Несколько обособленно развивалась еврейская община. Большая часть её проживала в черте оседлости, но евреи никогда не были крепостными. Антисеми-

тизм властей, не позволявший их детям на равных правах с другими национальностями становиться военными или государственными чиновниками, мотивировал родителей давать им образование, позволявшее либо работать в торговле, либо в образовании, либо в финансах. Самые успешные из них попадали в квоту (обычно от 3% до 10% в зависимости от места и времени), позволявшую продолжать образование, вплоть до высшего. Высшее же образование позволяло не только жить и работать за пределами черты оседлости, но и «вытаскивать» за собой 2-3 соплеменников. Это давало сильнейшую мотивацию родителям и их детям к получению хорошего образования в пределах возможностей. Важным фактором жизни общины было также исторически сложившееся уважительное отношение к образованным людям. Сначала это носило исключительно религиозный характер, поскольку все правовые вопросы решались работниками культа. Но с ростом роли гуманитарных и естественнонаучных знаний в жизни людей уважительное отношение смещалось в их сторону. За многие годы естественного отбора уровень образования значительно поднялся. Как уже говорилось, евреи никогда не были крепостными, и это наложило свой отпечаток на образ жизни общины. В среде свободных людей (хоть и свободы эти были ограниченными) развивались ремесла и искусства, было довольно много художников и музыкантов. Революционные изменения в России «выплеснули» всё это на волю. Отток интеллектуального потенциала России за рубеж создал ниши, которые быстро заполнялись новыми силами. После отмены ограничений в самом начале 20 века количество студентов-евреев в некоторых ВУЗах доходило до 50% (что, правда, тут же вызывало ограничения, принимаемые на местном уровне). Не удивительно, что в революционном движении, развернувшемся в России, евреи стали самой активной частью.

Революция 1917-го года привела к массовому оттоку аристократии и дворянства из России. Тех, кто не уехал, либо уничтожали, либо поражали в правах. Затем принялись за уничтожение интеллигенции, не поддержавшей репрессивный режим. Дети оставшейся части интеллигенции, а затем и зажиточных крестьян, купцов и попов были ограничены в возможностях получать полноценное образование, поскольку представляли силы, не поддержавшие революцию и потенциально опасные для нее. Одновременно революция сняла оставшиеся антисемитские препятствия. Как я уже писал выше, в результате значительная часть еврейской общины России пришла в сферу управления, науку и культуру. В отсутствие серьёзной конкуренции со стороны других национальностей они заняли в этих сферах высокие посты. А это означало, что и в возрождении науки и искусства им суждено было играть главные роли. А возрождение складывалось сложно.

Вот, что пишет в статье «Проблемы России: Власть и Наука» о ситуации в послереволюционной России академик С.П. Новиков (он продолжатель рода крупных ученых и интеллигентов, ведущего своё начало задолго до революции 1917 года, и знает историю не из учебников):

«За большевистский изоляционизм, начиная с 17 года, за изгнание и уничтожение большого количества инженеров, ученых, дворян, купцов, так называемых кулаков и вообще ценных людей, способных хорошо работать, придется платить. ... После окончательного разгрома научно-технической интеллигенции в период 1929-1933 годов, когда многих арестовали, не брали в ВУЗы обычных студентов, заменив их малограмотными парттысячниками. ... Потом, однако, Сталин увидел, что получают не инженеры, а одни диверсанты, и все это отменил, полностью нормализовал образование, учредил ученые степени в 1935 году. Своих кад-

ров уже почти не было. Все основные инженеры на стройках 30-х годов — иностранцы. Лишь недавно я узнал, что метро проектировали английские инженеры, про Магнитку и ГАЗ все знали и раньше. Много потом взяли с Запада, скопировали у союзников, привезли после войны из Германии. Обучили много своих, наконец».

Сейчас, по прошествии времени, мы можем оценить события тех времен трезво. В возрождении науки и искусств еврейская община России сыграла важнейшую роль. Наука в СССР вышла со временем на передовые позиции в мире. Но возрождение научной интеллигенции и развитие общества шли разными путями, что привело к их конфликту и явилось одним из источников новой волны антисемитизма.

А именно, понятно, что дети интеллигенции больше других имеют мотивацию получать хорошее образование, а часто и просто продолжать линию своих родителей. Другими словами, интеллигенция самовоспроизводится. Расширение происходит и за счет притока «снаружи» в эту среду. Какой мог быть приток после революции 1917 года и гражданской войны? Это были воины Красной армии и выпускники рабфаков (ФЗО). И те и другие не имели хорошего среднего образования. Наборы проходили без конкурсов, отсев был в процессе учебы. Понятно, что многие получали дипломы незаслуженно, потому что выгнать слишком много народу из учебного заведения нельзя без больших неприятностей для себя. Это большое число «дипломированных полужнаек» не могло работать по специальности и старалось перейти в управленцы. Управленцы самовоспроизводились также, а с развитием экономики их роль в обществе усиливалась. В однопартийной системе это сводилось к тому, что КПСС (ВКПб) должна была контролировать все области жизни. При этом сама она напоминала клуб закрытого типа. Так создавались условия возникновения диктатуры, что собственно и произошло. Сталин, захватив власть, в целях укрепления своих позиций начал убирать с пути и из своего окружения соратников, а поскольку среди них большинство были евреи, то всё это, если сначала только выглядело как проявление антисемитизма, то затем и стало таковым. Сейчас, благодаря той части архивов, которая была рассекречена, мы хорошо знаем, что отношение Сталина к евреям было не лучше, чем у Гитлера. И кто знает, что бы случилось дальше, проживи он дольше. Я не хочу углубляться в историю, но этот маленький экскурс мне нужен, чтобы объяснить некоторые аспекты дальнейших реформ образования в СССР.

Итак, придя к власти, большевики, разрушили всю систему до основания. Взамен они провозгласили утопический проект немедленного создания всесторонне развитой гармонической личности. К февралю 1918 г. все учебные заведения России были переданы в ведение Наркомпроса, в 20-е цвет гуманитарной науки "гуманно" выслан в эмиграцию, и образование стало превращаться в один из идеологических рычагов воспитания нового человека. Жуткий бы получился Homo soveticus, но природа сопротивлялась, и ничего не вышло. Ведь если бы не сопротивлялась, то вряд ли у нас были бы наши великие Академики, да и мы, пожалуй, пели бы вариации на тему "Взвейгесь кострами" и упивались бы стихами Демьяна Бедного. Упор на идеологическую работу сохранился до сих пор. Посмотрите, на тех, кто приватизировал всё: землю, недвижимость и производственные активы, оставшиеся от СССР. Это же комсомольская и партийная элита. Их и учили служить не отечеству, а хозяину, и когда возникла нужная ситуация они, как и бандиты, плюнули на законы и быстро всё прибрали к рукам. Если посмотрите на кавказских сепаратистов, возглавлявших бандформирования, то увидите, что и они (по

крайней мере, первые) из той же среды. Порочная идеология, не имевшая ничего общего с социалистическими идеями, порождала чудовищ. А холуйский быт превратил их в мизантропов, для которых народ — это быдло.

Но вернемся к годам становления Советской власти. Комиссары комиссарами, а нужды промышленности требовали создавать и научно-технические кадры. Поэтому задача воспитания этих кадров стояла остро. Но и это образование было не для всех (самый знаменитый ректор МГУ — Иван Георгиевич Петровский не мог поступать в университет, поскольку был поповским сыном) и также сопровождалось серьезной идеологической обработкой. Осколки тех времен долетели и до наших дней. Один из них мог меня зацепить еще в ранней молодости. В 1963 году я поступил на Мехмат МГУ. На первом курсе семинарские занятия по Истории КПСС у нас в группе вел некто Мельников (имя-отчество уже не помню). Этот человек был из плеяды, воспитанной в те самые времена. Он постоянно цитировал Ленина, но особо любил повторять, что не ошибается тот, кто ничего не делает. Будучи наивным юношей, я спросил его, а в чем ошибался сам Ленин. С тех пор я усвоил, что логика — наш враг в общении с преподавателями общественных дисциплин, а также с людьми, обладающими какой-нибудь властью. Я бы, наверное, не окончил МГУ или прожил бы пару семестров без стипендии, но Бог его призвал до того, как мне пришлось время сдавать экзамен по Истории КПСС. И это было как раз во времена «Хрущевской оттепели», правда, уже в ее конце.

Возвращаясь к вопросам образования и, особенно, к развитию Высшей школы, Науки и Техники тех времен. Наука возрождалась в довоенный период, хотя и медленно. Возникли крупные научные центры в Москве, Ленинграде, Харькове. Но развитие промышленности отставало, да и уровень её был не такой, чтобы сильно стимулировал развитие важнейших направлений. Почти все исследования были прикладными, на развитие фундаментальных исследований денег практически не выделялось. Сильнейшим тормозом была система управления, сильно бюрократизированная, полгитизированная и возглавляемая дилетантами. В результате этой политики в первые же дни Великой Отечественной Войны мы потеряли почти всю свою технику. Довольно долго воевали на английской и американской. А ведь такой результат предсказывался на дискуссиях в Госплане за три года до войны. Но тогда победили Ворошилов (считавший, что деревянные самолеты эффективнее, поскольку их можно создать больше), Буденный (утверждавший, что конница и кавалерия эффективнее танков, поскольку маневреннее их и не требуют бензина) и другие им подобные, ненавидевшие ученых выскочек (полагая справедливо, что если бы те победили в дискуссиях, то им бы не сдобровать — такое уж было время). Война в Испании подтвердила правоту «выскочек», но время было потеряно, да и людей, способных на преобразования, почти не осталось. Поэтому, в частности, война началась для нас с крупнейших поражений.

Серьезный скачок в развитии физики, математики, химии, металлургии произошёл за время войны. Он оказал существенное влияние на послевоенное развитие образования и науки. Мало кто помнит уже, что в послевоенные годы обязательным и бесплатным было семилетнее образование. В старшие классы переходило не более 40% выпускников семилетки (в разные годы от 20% до 40%). Учеба в старших классах была платной. Шли, как правило, те, кто был настроен на учебу и думал о высшем образовании. Программы учебных дисциплин были более углубленными, при этом основной упор делался на естественнонаучные предметы. Кроме того, мужское и женское образование шло раздельно. Конечно же, уровень

выпускников школ в те годы был намного выше, чем сейчас, когда у школьников нет такой мотивации. Но и тогда в высшие учебные заведения поступала примерно половина выпускников средней школы. При этом и лучшие выпускники техникумов и училищ также имели возможность поступать в ВУЗ сразу же по окончании своего среднего специального учебного заведения. Но это были единицы. Остальные могли поступать, отработав определенный срок по своей профессии. Таких было также немного. Для жителей сельской местности, не получавших паспорта и лишенных таким образом права покинуть своё место жительства, это была одна из возможностей вырваться из феодального плена. Кроме того, самое первое время после войны часть студентов состояла из вчерашних фронтовиков. Это были люди, прошедшие серьёзные испытания, понимавшие важность образования, привычные к тяготам жизни. Конечно же, они имели сильную мотивацию. Но и их было не так уж много, да и этот источник быстро иссяк. При таком серьёзном отборе уровень студентов в ВУЗах был достаточно высок, а соответственно высок был и уровень выпускаемых специалистов.

Благодаря описанной селекции, появилась тенденция к возникновению новой элиты. Образованные родители нацеливали своих детей на получение глубокого образования. Интеллектуальная элита воспроизводилась, и попасть в нее со стороны становилось все сложнее из-за сильной конкуренции. При этом, поскольку в возрождении науки и искусств еврейская община России играла важную роль, то в этих сферах деятельности оказалось много евреев. И наоборот, разгром административного и партийного аппарата, проведенный Сталиным, привел к тому, что в нем евреев стало очень мало. Партийная элита теряла позиции в ВУЗах и в НИИ. Поэтому особенно сильно партийные органы стал волновать национальный и партийный состав новой научной элиты, влияние которой возрастало на фоне резкого падения авторитета руководства, начавшегося во время чисток. Вот, один из ярчайших документов того времени, письмо Юрия Жданова в ЦК ВКП(б):

23.10.1950

*Заведующий отделом науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б)
— в секретариат ЦК ВКП(б) о преобладании евреев среди физиков-теоретиков*

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. СУСЛОВУ М.А.

*О ПОДБОРЕ И РАССТАНОВКЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ В
АКАДЕМИИ НАУК СССР*

В ряде институтов Академии наук имеет место тенденциозный подбор кадров по национальному признаку, что ведет к образованию среди научных сотрудников замкнутых националистических групп, связанных круговой порукой. В институте физических проблем среди ведущих лабораторий русских только 20% и 1 член ВКП(б). В отделе теоретической физики, руководимом Ландау, все руководящие научные сотрудники евреи, беспартийные. Академик Ландау подбирает своих сотрудников не по деловым, а по национальным признакам. Аспиранты нееврейской национальности, как правило, уходят от него как «не успевающие». В руководимом Ландау семинаре по теоретической физике нет русских. Среди руководящих научных сотрудников лаборатории технических применений половина евреев, нет ни одного коммуниста. Рас-

четная группа, возглавляемая доктором физико-математических наук Мейманом Н. С., наполовину укомплектована лицами еврейской национальности. В составе работников группы только один член ВКП(б).

В руководстве лабораторией Института физической химии, в которой ведутся работы по специальной тематике, евреев около 80%. Все теоретики института (Мейман, Левич, Вольштейн, Тодес, Олевский) — евреи. Заведующий конструкторским отделом, ученый секретарь, заведующий снабжением, заведующий распределением импортных реактивов также являются евреями. Бывший директор Института академик Фрумкин и его заместитель Дубовицкий создали круговую поруку и семейственность. За период с 1943 по 1949 гг. под руководством Фрумкина, Рогинского и Ребиндера подготовили докторские и кандидатские диссертации 42 чел., из них евреев 37 чел. В Физическом институте им. Лебедева из 19 заведующих лабораториями русских 26%, евреев 53%. В оптической лаборатории, руководимой академиком Ландсбергом, в составе старших научных сотрудников русских 33%, евреев 67%. В Институте экономики из 20 докторов наук только 7 русских.

В некоторых отраслях науки сложились монопольные группы ученых, зажимающих развитие новых научных направлений и являющихся серьезной помехой в деле выдвижения и роста молодых научных кадров. Так, например, среди теоретиков-физиков и физико-химиков сложилась монопольная группа: Ландау, Леонтович, Фрумкин, Гинзбург, Лившиц, Гринберг, Франк, Компанеев, Мейман и др. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности. Например, в школу академика Ландау входят 11 докторов наук, все они евреи и беспартийные (Лившиц, Компанеев, Левич, Померанчук, Смородинский, Гуревич, Мигдал и др.). Сторонники Ландау во всех случаях выступают единым фронтом против научных работников, не принадлежавших к их окружению. Ландау и его сторонниками были охвачены работы проф. Терлецкого по теории индукционного ускорителя и теории происхождения космических лучей, имеющие серьезное научное и практическое значение.

Ю. ЖДАНОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 276. Л. 14—15. Подлинник.

Изучая документы той эпохи, можно видеть, как быстро нагнеталась обстановка, как готовился новый большой погром (после разгрома биологии, начавшегося на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году). Коллективизация и физическое уничтожение зажиточного крестьянства тоже начиналось с такого же анализа дел в сельском хозяйстве. Только там речь шла не о евреях, а о кулаках и зажиточных крестьянах. Усиление роли кулака в деревне вело к ослаблению партийной власти над селом. В общем, процесс, как говорится, пошел. Начался «процесс врачей», который должен был перерасти в процесс над физиками и химиками. Но тут скончался Вождь (возможно и не без помощи своего окружения).

После смерти Сталина действительно начались какие-то поползновения на пересмотр роли партии в жизни общества, возникла и начала укрепляться пропаганда технократической системы управления. Самое простое решение для укреп-

ления роли партии в такой ситуации — растворить интеллигенцию в толпе и создать некую ее видимость, или пришлось бы вернуться к методам, только что осужденным. В таких вопросах аппаратчик даст сто очков форы любому ученому. Возникла идея Всеобщего Среднего Образования. Объясняли, что нечего растить белоручек, получающих высшее образование. Пусть они сначала научатся работать напильником, варить обеды, шить одежду и т.д. — это поможет им быть ближе к жизни и вырастит из них настоящих специалистов. Таким было официально заявленное главное побуждение к проведению реформы образования.

С другой стороны, война, а особенно успехи Германии и США в создании нового оружия заставляло наше руководство думать о создании собственных научных кадров. Гигантские усилия и большие средства, израсходованные в ослабленной войной стране, дали заметные результаты. Безопасность страны была обеспечена. Более того, по целому ряду направлений в науке СССР вышла на первые позиции в мире. С конца войны и до середины 60-х годов ученые получали серьезную поддержку со стороны властей. Наука стала престижной.

Итак, возникло два основных побуждения к реформе системы образования: с одной стороны возрастающая потребность в научных кадрах, а с другой стороны желание партийной элиты усилить свое влияние в среде интеллигенции. Реализация этих идей требовала прямо-таки противоположных подходов. И вот в 1958 году отчасти под влиянием нескольких ученых, создававших оружие для СССР и реально ощущавших кадровый голод в стране, Н. Хрущев подал знаменитую записку в ЦК КПСС «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». В ней впервые прозвучали слова о целесообразности специализированного обучения талантливейшей молодежи. Затем в центральной прессе прошла дискуссия по проблемам образования. В ней приняли участие крупнейшие ученые, среди которых были академики: Н. Семенов, Я. Зельдович, А. Сахаров, М. Лаврентьев, А. Колмогоров и др. Тогда и прозвучала идея создания специализированных школ и интернатов для одаренных детей, как наиболее эффективного метода отбора и подготовки будущего контингента высшей школы, который и должен обеспечить научный и технический прогресс в стране. Наиболее интересны, на мой взгляд, были предложения Нобелевского лауреата Н. Семенова. Он предлагал заключительную часть школьного образования сделать специализированной. Тогда уже существовали профессионально-технические училища, готовившие кадры для промышленности: слесарей, токарей, столяров, электриков, машинистов, швей и т.п. По его мнению, точно также можно было бы создать училища с углубленным изучением математики, физики, черчения и т.п., где учащиеся также получали бы стипендию, а иногородние жили бы в общежитиях. Выпускники могли бы работать на низших должностях в лабораториях, конструкторских бюро и т.п., а также быть главным источником абитуриентов в ВУЗ'ах.

Но партийная бюрократия провела свои «реформы». Срочно было введено всеобщее одиннадцатилетнее обучение с трудовой практикой. Производственной базы в большинстве школ не было, поэтому там обучали шоферскому делу, шитью на швейной машинке т.п. Часть школ, где была такая возможность, закрепили за ближайшими предприятиями, куда школьники ходили на практику один день в неделю. За редким исключением заводы к этому не были готовы, и поначалу чуть ли не главной задачей руководителей такой практики была не дать школьникам сломать очередной станок или повредить оборудование.

Автор этой статьи сам после 9-го класса ушел работать на завод. Поскольку он был серьезным радиолюбителем (за счет самообразования), то ему дали высокий 3-й разряд (и, значит, приличный оклад) и взяли в исследовательскую лабораторию, где работали кандидаты технических наук, закончившие МИФИ, МФТИ и Таганрогского Политеха, а рядом с ними такие же, как он, мальчишки-радиолюбители. С какой же ностальгией я вспоминаю ту атмосферу творчества, которая царила в лаборатории. Но это было вовсе не в рамках реформы, это было мое везение — когда способный ребенок попал к талантливым педагогам. Для большинства же трудовая практика была просто отбыванием повинности.

Одиннадцатилетнее обучение дополнили льготами при поступлении в ВУЗы для определенных категорий граждан (рабочих, крестьян, военнослужащих и национальных кадров). Это все позволяло в ближайшей перспективе повысить управляемость системы, но подрывало в корне попытку срочно ликвидировать дефицит научных кадров.

Главная проблема для власти, как всегда, состояла в том, что при нормальном проведении реформы возникала опасность воспитать вместе с квалифицированными кадрами новых вольнодумцев. И эта опасность перевешивала всякий раз, когда ставился вопрос о реформе образования. И в царской России, когда возникала идея распространить опыт Александра I, и в более поздние времена. Реформы образования всегда наталкиваются на дилемму, решать которую приходится власти:

а) можно учить мыслить и развивать индивидуальные способности — это наверняка эффективно для развития науки, но требует солидных затрат и, что ещё хуже, необходимое для этого свободомыслие приводит к появлению в качестве побочного продукта — вольнодумцев (смутьянов, диссидентов и т.п.);

б) можно выращивать исполнителей, но при этом эффективность государственного управления будет снижаться, производительность падать, бюрократия усиливаться, а наука будет развиваться где-то в других местах.

И при этом, как показывает мой жизненный опыт, опасность смуты в последнем случае не исчезнет. Она ведь не зависит от образования, а зависит от возможности решать проблемы правовыми методами. Линия развития а) предполагает расширение свобод личности, ведет к разрушению авторитаризма и развитию демократии. Линия б) наоборот — к усилению авторитаризма, к возникновению диктатуры. В не слишком образованном, но бюрократизированном обществе в отсутствие правовых возможностей протест принимает менее осмысленные, более примитивные формы такие, как экстремизм, радикализация традиционных и религиозных учений, терроризм и т.п.

Итак, аппаратные демагоги пытались, как всегда, «заболтать» реформы, о которых говорили ученые. Требовалось проявить решительность. И вот в 1963 году, можно сказать, полужако, академики С. Соболев и М. Лаврентьев создают физико-математическую школу-интернат в Новосибирске. Тогда же по инициативе академика И. Кикоина была подготовлена записка в ЦК КПСС по поводу создания физико-математической школы-интерната при МГУ, подписанная: А. Шокиным, В. Калмыковым, П. Дементьевым и С. Зверевым — четырьмя министрами, возглавлявшими всю оборонку, президентом АН СССР М. Келдышем, министром высшего образования В. Елютиным, министром просвещения Российской Федерации Е. Афанасенко, ректором МГУ И. Петровским и самим И. Кикоиным, который фактически тоже был министром — он возглавлял целую отрасль, зани-

мавшуюся обогащением урана. Я специально перечислил всех «подписантов», чтобы было понятно, какие силы пришлось задействовать. Благодаря таким силам, кроме уже существовавшего Новосибирского интерната были созданы физико-математические школы-интернаты при трех крупнейших университетах страны (при МГУ, ЛГУ и КГУ).

И вовремя были созданы. Через пару лет начались выступления ученых, то в защиту одного, то в защиту другого из репрессированных властями диссидентов. Это были всего-навсего письма, обращенные к нашему руководству, но их эффект был равен эффекту от брошенной террористом бомбы. В результате был принят ряд постановлений об усилении идеологической подготовки кадров, о повышении партийного контроля в образовании и науке и т.п. Итогом стал фактический разгон только-только начавшей формироваться в период «оттепели» творческой интеллигенции страны, отъезд ее за границу или уход в другие сферы деятельности. К руководству во всех областях жизни пришли партийные чиновники. Эта административная революция и, соответственно, новый передел во власти привели к распаду науку, затем, как следствие, промышленность, а потом и главенствовавшую идеологию, и страну. Потом последовали годы борьбы за выживание, когда было не до науки. Потом ...

В конечном счете, мы пришли к тому, что Наука и Образование сильно «посерели», особенно это касается руководства. Если что-то еще и делается, то силами «детей хрущевской оттепели». А промышленность некоторое время оставалась на уровне 80-х годов. Сейчас ее практически нет. В последние годы вся наукоемкая продукция поступает к нам с Запада. Или собирается здесь по западным лицензиям. Существует мнение, и достаточно распространенное, о том, что Наука нам уже не по зубам, что мы отстали безнадежно. Но не следует забывать, что нефть, газ, уголь и металлы не только имеют тенденцию к удорожанию, но и к истощению. Например, нефть. Ее извлекаемые запасы на балансе страны порядка 10 млрд тонн, а мы добываем примерно 0,5 млрд тонн в год. Сгазом и углем чуть лучше, но ненамного. Что с нефтью будет дальше? Или, может быть, правильно спросить, что дальше будет без нее. Чем будет торговать Россия? Что будет производить? Как будет обеспечивать свою безопасность? Наша элита (да, вчерашние Никто, а сегодня — Элита), изображая из себя на публике Иванушку-дурачка, надеющегося на чудо, которое должна принести Золотая рыбка, давно уже скупает активы за рубежом, собираясь переселиться при первых же проявлениях смуты в этой стране. Но, если случится, что к власти все-таки придут люди, радеющие за свой народ, что они будут делать?

Есть надежда, что в преддверии мирового энергетического кризиса мир скооперирует свои усилия в поисках новых путей развития. Чем мы можем войти в эту кооперацию? Материальную базу, техническое оснащение для научных исследований Россия предоставить уже не может. Остается только — научные кадры, их подготовка. И здесь у нас пока ещё есть некоторый положительный опыт. И вот теперь вопрос, поставленный в заглавии этого раздела, нужны ли нам ученые? Стоит ли реанимировать нашу Науку? Какие силы могут за это взяться? Какими средствами это можно сделать? Хватит ли для этого материальных ресурсов?

На большинство из поставленных здесь вопросов я не собираюсь здесь отвечать. Но я люблю Науку, я ей посвятил большую часть своей жизни, и мне ее жалко. Однако я не президент, не премьер-министр и даже не депутат. От меня мало что зависит. И, если вдруг власть решит, что «в собственных Платонах и быстрых

разумов Невтонах Российская Земля нуждается», то ей нужно будет начинать с Образования. Нужно превратить его из «черной дыры» для бюджета в кузницу кадров. И вот здесь я имею немалый опыт, который позволяет мне сказать, что **принятая почти во всем мире система образования неэффективна и не может быть эффективной из-за порочности ее основных принципов**. То, что написано дальше, не является частью поминальной речи, а являет собой ее логическое продолжение.

Нынешняя система школьного образования не может быть эффективной

- Пушкин, чему равно значение этой неизвестной?
- Нулю, господин учитель.
- Садись Пушкин. У тебя в математике все равно нулю. Пиши свои стихи.

Исторический анекдот

«Павел повесился потому, что не смог вынести постоянные насмешки и прозвища со стороны новой преподавательницы математики, которые стали повторять и школьники. Самая «безобидная» звучала так: «обезьяна, начинающая превращаться в человека». Обычная — «дебил». Он никак не мог даже запомнить таблицу умножения, правильно применять распределительный закон.

Когда комиссия начала расследовать это дело, выяснилось, что он неплохо учился по языкам, очень хорошо по русской литературе. Писал стихи, которые никогда не читал в школе. Но некоторые из них были опубликованы в районной газете под псевдонимом.

Преподаватель математики считалась одним из лучших в городе. Многие родители хотели перевести своих детей в тот класс, в котором она вела занятия. Этого же хотели и родители Павла».

Из газет

Математик знает, что его наука в образовании человека играет важнейшую роль. То же самое можно сказать и о физике — если человек не знает законов Ньютона, то разве можно его относить к категории образованных людей, думает он. Но и литератор, и географ, и химик, и биолог, не говоря уж об историках и философах, думают так же о роли своих наук в образовании. С другой стороны, мы знаем много примеров людей, которых мы относим к образованным и даже к той категории, которая зовется «гордостью нации», и которые не знают ни законов Ньютона, ни Менделя. И, более того, не только не знают, как выглядят плоские сечения кругового конуса, но и как он сам выглядит, не представляют. А ведь среди таких людей есть и музыканты, и артисты, и писатели, и политики и... Устанешь перечислять. Но очень вероятно, что придешь к неутешительному выводу о том, что среди успешных с точки зрения общества людей почти никто не знал и не знает математику.

Если рассматривать школьный образовательный процесс с точек зрения специалистов различных областей знания, то получается, что учить надо всему и в малых объемах. А поскольку это невозможно, группа наделенных соответствующими полномочиями людей определяет круг предметов для изучения. А само школьное образование понимается, как **освоение некоего универсального минимума знаний**. Специализации, появившиеся в последние годы, на деле означают лишь дополнительные часы для более глубокого освоения нескольких предметов, чаще всего, из того же минимума. Так было устроено классическое образование,

так же устроено и современное школьное образование. Но классическое образование появилось тогда, когда оно не было обязательным. Образование получал узкий круг людей, стремившихся к получению знаний. Или же оно было вообще индивидуальным, как в большинстве дворянских семей. В последнем случае оно вряд ли было классическим в полном смысле этого слова, хорошие гувернеры не мучили детей тем, что им не дано понять от природы, но развивали те из способностей, которые проявлялись естественным образом. Поэтому их ученики часто в самом раннем детстве могли, кто написать сочинение о причинах поражения Ганнибала, кто сочинить поэму или написать симфонию, кто просуммировать арифметическую прогрессию и т.д. и т.п. Государственный Аттестат зрелости тогда не выдавался, и многие государственные деятели работали, не зная ни математики, ни физики с химией.

Мысль о всеобщем образовании начала реализовываться во времена, когда в мире господствовала идея всеобщего равенства. Причем мысль эта исходила из узкого и **неверного** трактования самой идеи — не как **равных правовых возможностей**, а как равенства способностей и отрицания или, по крайней мере, снижения роли индивидуальных особенностей. Переход ко всеобщей системе образования радикально поменял контингент учащихся и, если бы инициаторы этого перехода задумались немного над целями и методами школьного обучения, то оно могло бы выглядеть принципиально иначе. Но так уж распорядилась история, что в эти ответственные моменты сказать что-нибудь о том, что люди по своей природе и способности уже настолько различны, что никакого равенства в их знаниях, навыках и побуждениях не может быть, означало в разные времена от «проявить отсутствие политкорректности» до «потерять голову» в прямом смысле. В результате — имеем, что имеем. Критиковать можно много и долго, но моя цель попробовать донести до слышащих иной подход к построению системы образования, о котором я думал многие годы своей жизни.

Итак, будем считать, как это принято, что *целью изучения любого предмета является достижение его понимания до уровня, позволяющего как минимум использовать этот предмет в жизни и как максимум развивать его дальше*. Чтобы мои дальнейшие рассуждения были доходчивее, совершим *инверсию*: **представим себе, что речь идет не о преподавании математики или физики, а о преподавании музыки**. Это поможет нам посмотреть на предмет нашего обсуждения как бы со стороны, и потому менее эмоционально. Так, примерно, как может смотреть на преподавание математики преподаватель литературы или музыки.

Итак, пусть речь идет о музыкальном образовании. Стоит совершить такую инверсию, как в глаза бросается очевидный факт — то, что, оказывается, существуют люди глухие, причем многие из них от рождения. Что значит дать им музыкальное образование? Научить этих бедняг, глядя на метроном, в заданной последовательности стучать нужными пальцами по нужным клавишам с четко отретипированной силой. Я однажды был свидетелем такого фокуса, но от увиденного хотелось плакать — это была игра плохого автомата (ибо автомат можно отрегулировать, а здесь исполнитель не слышит своих ошибок). В любом случае, если речь не идет о подготовке циркового номера, то такое «образование» похоже, скорее, на издевательство, чем на гуманную акцию. Но и в случае циркового трюка мы достигаем совсем не той цели, которая может быть поставлена перед обучением. Не будет исполнитель чувствовать музыку и получать от нее наслаждение, и уж тем более сочинять ее. А что говорить о заучивании из учебника или какой-нибудь книги по музыкальной литературе цитаты типа: «Пиццикато на контрабасе, которым заканчивается финальная часть, напоминает удары комьев

земли о крышку гроба». Этот блестящий, замечательный, на мой взгляд, образ смахивает на проявление садизма по отношению к глухому человеку.

Есть кажущееся на первый взгляд маленькое исключение — это потерявший или теряющий слух профессиональный музыкант. История знает некоторое число подобных случаев. Например, Л.-В. Бетховен, терявший на склоне лет слух, продолжал исполнять на фортепиано свои произведения и, более того, время от времени дирижировал оркестром. Но мы знаем по воспоминаниям многих из современников Л.-В. Бетховена, что эта его исполнительская деятельность воспринималась ими двояко: с одной стороны как человеческий подвиг, а с другой — вызывала жалость, поскольку качество исполнения было практически никакое. Но на самом деле исключения такого рода ими не являются, ибо профессионал — это не ученик. Для того чтобы стать профессионалом, необходимо пройти обучение, причем в другой категории учеников (заведомо не глухих).

Что же бывает, когда мы с завидной настойчивостью не хотим признать существование «глухих»? Из года в год где-нибудь повторяется одна и та же история. Учительница математики (очень даже неплохая по отзывам школьников) терроризирует ученика, который не понимает даже самых простых вещей, не может сделать никаких логических выводов. Она постоянно отчитывает его за то, что он не пытается разобраться в простейших (на ее взгляд) понятиях, до девятого класса так и не усвоил расщепительный закон умножения и т.п. Высмеивает язвительно, обзывает его кретинном, над ним смеются почти все. В результате он пишет записку маме, что не может жить идиотом в этом мире, и вешается. Начинается расследование и выясняется, например, что по литературе он был один из лучших в классе, имел приличные знания по иностранному языку, хорошо рисовал. Я спрашиваю, а что если бы танцы были такими же обязательными в школе, как математика или литература, как бы отнеслись к человеку на костылях? Также издевались бы? Вряд ли, внешние дефекты слишком заметны. Вот также мне всегда были заметны те, кого я называю «глухими» к математике. У меня были студенты, которые наизусть (!) заучивали доказательства теорем, не понимая при этом их по существу. Я, скрепя сердце, ставил «удовлетворительно», понимая, что они не прыгнут выше головы, но, слава Богу, и не будут применять нигде математику. Хуже бывает, когда ее применяет в своих работах человек, понимающий предмет поверхностно. То же самое можно сказать и по отношению и к литературе, и к химии, и к чему угодно. Жалко, что никто это не исследует.

Мы начали с глухих, а теперь разобьем условно всех учащихся на три группы:

группа А состоит из тех, кто любит музыку, имеет музыкальный слух и получает удовлетворение от занятий музыкой;

группа Б состоит из тех кто имеет хороший и удовлетворительный слух, может получать удовольствие от прослушивания, но не получает удовольствия от занятий музыкой и не с ней связывает свое будущее;

группа В состоит из людей, не имеющих музыкального слуха (включая глухих).

По моим наблюдениям (не претендующим на научную точность) группа А составляет от 5% до 10% от общего числа учащихся, группа В составляет от 10% до 30%, наконец, группа Б составляет от 70% до 80%. Это, в свою очередь, означает, что при идеально (!) поставленных обучении и аттестации результат был бы следующим: группа А получила бы по данному предмету «отлично», группа Б — «хорошо и удовлетворительно», группа В — «неудовлетворительно».

На деле же ситуация складывалась бы еще хуже. Преподаватели этой дисциплины также не одинаковых способностей. Распределение их по педагогическим способностям примерно такое же, как и по слуху:

группа X — способные, творческие педагоги (5% — 10%);

группа Y — хорошие и средние педагоги (50% — 70%);

группа Z — посредственные педагоги (20% — 40%, с двойками ВУЗ'ы не выпускают).

Что же из этого вытекает? Можно представить себе такую модель:

1. Часть группы А попадает к педагогам группы X (сильно повезло всем) и получают оценку «отлично».

2. Часть группы А попадает к педагогам группы Y. Можно предположить, что это обучение закончится оценками «хорошо» и «отлично».

3. Часть группы А попадает к педагогам группы Z. Здесь можно ожидать: «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно».

В целом, картина может выглядеть так (для простоты иллюстрации здесь взяты точечные оценки вместо интервальных):

Группа		А-5%				Б-75%				В-20%			
X-10%	Оц	5	4	3	2	5	4	3	2	5	4	3	2
	Дл	0,5%	0%	0%	0%	1%	5,5%	1%	0%	0%	0%	0,5%	1,5%
Y-60%	Оц	5	4	3	2	5	4	3	2	5	4	3	2
	Дл	1,5%	1,5%	0%	0%	1%	16%	18%	10%	0%	0%	3%	9%
Z-30%	Оц	5	4	3	2	5	4	3	2	5	4	3	2
	Дл	0,5%	0,5%	0,5%	0%	0%	7,5%	9%	6%	0%	0%	0%	6%

Оц – оценка, Дл – доля

Ясно, что такая модель со случайным распределением учеников между преподавателями ухудшает результат, что видно из сводной таблицы:

Оценка	В случае "идеального" преподавания	В случае "разнородного" педагогического состава	Доля ухудшивших свою оценку
Отлично	5%	4,5%	10%
Хорошо	37%	32%	13,5%
Удовлетворительно	37%	32%	13,5%
Неудовлетворительно	20%	33,5%	67,5%

Чем эта «музыкальная аллегория» отличается от предмета обсуждения? Мы легко соглашаемся с существованием глухих, с отсутствием у людей музыкального слуха, но не желаем понимать, что с математическими способностями (да и со способностями к любым другим наукам) дело обстоит ровно также. Физическую глу-

хоту определяют приборы. Для определения математической глухоты таких простых приборов нет, поэтому всевозможные способы ее определения (среди которых, я согласен, много шарлатанства) страдают субъективизмом, и не воспринимаются обществом всерьез. Но это вовсе не означает, что проблемы нет. Проблема существует, и гигантские средства во всем мире тратятся, образуя, на обучение глухих музыка. Мало того, что эти средства тратятся бесцельно, фактически установка на обязательность этого обучения приводит к выработке комплекса неполноценности у многих школьников и вызывает отвращение к учебе. Вторая часть этой же проблемы, также снижающая эффективность образования, заключается в том, что преподавание ведется на неадекватном уровне, т.е. часть педагогов высокого класса вынуждена учить «глухих», а часть способных учеников обучается у заведомо слабых педагогов.

Между прочим, результаты ЕГЭ косвенно подтверждают мою гипотезу. Как ни опускают планку требований, по каждому из обязательных предметов, от 2% до 5% учеников получают неудовлетворительную оценку. Сколько же это трагедий!

Еще хуже дело обстоит с особо талантливыми учениками — «вундеркиндами». Они в среде «способных» составляют невысокий процент. По моим наблюдениям, на районных и областных олимпиадах, где участвовали, в основном, способные ребята, экзамен в Колмогоровский интернат при МГУ успешно сдавали не более 1% участников этих олимпиад. Наконец, работая в Колмогоровском интернате, я отмечал, что особо талантливых математиков было примерно один ученик на два-три класса, т.е. около 1% из числа «вундеркиндов», что составляет примерно 1 человек на 100-200 тысяч учеников. Как же мала вероятность такому ученику встретиться с теми Учителями, которые помогли бы ему определиться в своих наклонностях! Существующая система образования отнюдь не способствует увеличению этой вероятности. Более того, уравнилельный подход к образованию ведет к тому, что огромное количество людей из группы В фактически лишаются права развиваться, если они не получили возможность попасть в какое-нибудь элитное специализированное (с собственной более «гуманной» программой) учебное заведение в раннем возрасте (музыкальная школа при музыкальном ВУЗ'е, художественная школа, физматшкола, спортивная школа олимпийского резерва и т.д.). Впрочем, существование таких заведений и говорит о кризисе *классической* системы образования в нашем нынешнем ее понимании.

Как повысить эффективность образования

Очень просто: *нужно талантливым детям дать талантливых педагогов-энтузиастов, способных развивать таланты, и ни в коем случае не заниматься педагогическим насилием, т.е.*

А) не перегружать учебный процесс и

Б) не учить детей тому, чему учить их бесполезно.

Каким образом это сделать? Давайте разобьем эту задачу на подзадачи и будем рассматривать их последовательно.

1. *Где найти талантливых педагогов-энтузиастов.* Очевидно, что даже, если бы мы смогли их всех выявить, то их бы оказалось не так много. И уж точно бы на все школы не хватило. А в таком случае рассчитывать на то, что он поедет работать

в глухую деревню, не стоит. Я не имею в виду единиц-подвижников, речь идет о массовом явлении. Талантливые люди располагаются там, где комфортнее. На них есть спрос, и они могут выбирать. Чаще всего они живут в достаточно больших городах. Но и в провинциальных маленьких городах жизнь имеет свою привлекательность: начиная от спокойного ритма жизни и более чистой окружающей среды до возможности быть признанным и хотя бы в какой-то степени влиять на жизнь. Поэтому там также встречаются хорошие и очень хорошие педагоги. Особые точки — это университетские центры. Здесь уже есть не только педагоги, но и ученые, вершащие науку, и аспиранты со студентами. Последние, может быть, и не имеют большого опыта в преподавании, но у них много энтузиазма и их не отделяет от школьников возрастной барьер, отчего их отношения со школьниками более доверительные. Но не гора пойдут к Магомету, а ему придется идти к горе. Это означает, что *по мере проявления таланта школьник должен перемещаться в сторону того центра, где этот талант развивается*. Дополнительные возможности дает развитие средств коммуникации, особенно Интернета, позволяющие, например, одному учителю вести занятия с учениками из разных школ и разделенных большими расстояниями. Но для этого нужно, прежде всего, пересмотреть многие нормативные документы.

2. *Как определять уровень квалификации и талант педагога?* Часто слышишь, что не всякий высококвалифицированный математик является хорошим педагогом. И это абсолютно верно. Я в этом убеждался всю жизнь. Но, с другой стороны, я не знаю *ни одного хорошего педагога*, не обладающего *высокой* квалификацией по предмету его деятельности, и уверен, что их не существует. Только сразу хочу оговорить, что под педагогом здесь я понимаю не воспитателя, уделяющего много времени детям, любящего их, организующего походы на природу, в театр, отдающего им всю свою энергию. Такие люди очень ценны, очень нужны школе и я их очень уважаю, но в данном контексте речь идет о профессиональном образовании. Поэтому здесь хороший педагог — это человек, умеющий донести знания в интересной, увлекательной форме, умеющий увидеть талант и помочь ему развиваться. Так вот, мой педагогический опыт работы в Колмогоровском интернате (а это 22 года, с 1967 по 1989 гг.) показывает, что более всего в *индивидуальной* работе со старшеклассниками преуспевали студенты, а вот в манере преподавания нового материала, обзора научных достижений и презентации перспектив за редкими исключениями преуспевали опытные преподаватели МГУ. Отсюда и складывалась система преподавания в Интернате: лекции — практические занятия — лабораторный практикум — самостоятельная работа — кружки, семинары, спецкурсы (на выбор). С квалифицированными педагогическими кадрами в научных и университетских центрах проблем нет. А вот на периферии — совсем другое дело.

Я смотрю результаты конкурса «Учитель года». Победил математик. Ну, думаю, вот, наконец... А оказывается, он выиграл конкурс по бальным танцам, викторину по географии, неплохо спел песню и отлично прокатился на роликовых коньках между кеглями, не сбив ни одной. Раньше он был бы лучшим отдыхающим заезда в Доме отдыха.

Далее, профессионал высокого класса должен иметь ряд привилегий таких, которые стимулировали бы и других к повышению квалификации:

- а) его зарплата должна быть *существенно* выше, чем у других;
- б) на него не должны распространяться методические инструкции, издаваемые местными органами, контролирующим и образовательный процесс, наоборот эти методические инструкции должны согласовываться с ним;

в) он должен быть защищен от зависти и прочих пороков окружающих его людей хотя бы тем, что на любом конкурсе на место работы имел бы преимущество по отношению к другим и его не могли бы уволить с работы на уровне учебного заведения, т.е. он бы числился в штате более высокого уровня (муниципального, районного, губернского органа управления образованием, причем, хорошо было бы, если бы весь штат такого органа состоял из действующих педагогов);

г) *он должен регулярно подтверждать свою квалификацию.*

Последнее очень важно. Каждый из нас знает много примеров, когда человек защищал хорошую диссертацию, занимал какое-нибудь достойное место под солнцем, и на этом все заканчивалось. Ни одна бумага не должна давать **вечного** права считаться специалистом высшей (высокой) категории, иначе коррупция захлестнет все.

Для выявления талантливых педагогов и воспитания из них профессионалов высокого уровня необходимо создать систему профессионального оценивания и непрерывной подготовки. *Во избежание создания некоего клана «неприкасаемых» необходимо обеспечить равнодоступность ко всем мероприятиям по оценке профессионального уровня и его повышению.*

И сейчас существует гигантское число всевозможных курсов повышения квалификации, работа которых не выдерживает критики. Представляется разумным, чтобы преподаватель сам выбирал форму повышения квалификации. Ими могли бы быть: магистратура, аспирантура, докторантура, курсы повышения квалификации (все четыре перечисленных способа повышения квалификации — как в очной, так и в заочной форме), творческий отпуск и стажировка в учебном заведении такого же профиля при научном центре. Последнее я считаю самой эффективной системой повышения квалификации. Поработав рядом с ведущими учеными (именно поработав, а не поприсутствовав, как это бывает на курсах) в качестве помощников на занятиях, скажем один семестр (полугодие), преподаватель приобретет опыт и личное знакомство, которое ему может оказать существенную поддержку в дальнейшем.

Большинство из перечисленных форм имеют ограниченную пропускную способность, а посему являются конкурсными. Конкурс должен быть доступен для всех желающих принять в нем участие. Формы таких конкурсов давно существуют и хорошо отработаны на учащихся. Прежде всего — это олимпиады, которые должны проводиться одновременно и для школьников, и для преподавателей. А, кроме того, конкурсные экзамены на категорию (их может быть выделено от двух до пяти). За победы на олимпиаде, как и за успешную сдачу конкурсного экзамена, преподаватель должен получать существенную надбавку к зарплате в течение, скажем, пяти лет. Причем олимпиадная надбавка суммировалась бы с надбавкой за квалификацию, и с надбавкой за ученую степень, и с надбавкой за стаж. Если, благодаря системе надбавок, зарплата учителя могла бы стать в четыре — пять раз выше базовой, то это привлекло бы в школу специалистов высокого класса в количестве, достаточном, чтобы обеспечить обучение талантливых школьников.

3. *Как аттестовать школьников так, чтобы оценки их не травмировали, а стимулировали?* Как поступают в школе с «глухими»? Им ставят тройки и на экзамене, и в выпускной документ (аттестат, диплом). Это гуманно, поскольку с одной стороны не выбрасывает человека «за борт» образовательного процесса, но с другой стороны унижительно. А текущие оценки? Одно дело, когда ставишь двойку человеку заведомо способному, но проявившему лень и халатность, другое дело, когда видишь, что чело-

век старался, но ему не дано. Плохо, когда в одном классе сидят и глухие, и вундеркинды. На кого ориентироваться? На сильного. А слабого не жалко? На слабого. А сильного не жалко — для него ведь это не занятия, а потеря времени? Их надо развести. Значит должны быть как минимум две школьные программы, назовем их, базовая и минимальная. Скажем, например, базовая по математике — это нынешняя программа. Минимальная — это освоить арифметические действия, знать простейшие фигуры геометрии, уметь использовать калькулятор, информационные системы. Последнее может включать в себя умение провести финансовые расчеты (с процентами), составить собственный бюджет и т.п. Мой опыт показывает, что простые или сложные проценты «глухие» дети усваивают на компьютере почти мгновенно, а вот вывести соответствующие формулы не могут, несмотря на их простоту. На компьютере можно научить рисовать графики и рисовать различные фигуры, вплоть до чертежей деталей или сооружений. Занятия можно сделать интересными, если придать им практическую направленность. Мне скажут, а «глухота»? Но ведь то, что я перечислил, никакого отношения к Математике не имеет. Перечисленные темы не требуют ни четкой логики, ни глубокого воображения. У нас большая Академия Образования, которая неизвестно чем занимается. Могла бы заняться исследованиями в этой области (оценка распределения по способностям в отдельных областях знаний, выработка учебных программ и их согласование с целью не допущения перегрузок детей, определение перечня базовых предметов в школьном образовании и т.д.).

Школьник сам должен выбирать, по какой из программ ему учиться, причем желательно, чтобы он мог и поменять свой выбор, если в процессе обучения стало понятно, что он ошибся. Более того, должен быть сформирован список базовых предметов образования так, чтобы школьник мог сам выбрать тот или иной набор предметов, по которым он будет *аттестовываться*. Набор должен содержать три — четыре предмета, по которым должно быть получено базовое образование, по остальным из списка обязательных и дополнительных предметов он может получать по желанию базовое или минимальное образование. Аттестовываться! А учиться он должен иметь возможность и по другим предметам, которые ему интересны!

Конечно, не прямо-таки с первого класса школьник должен стоять перед выбором, куда идти, чем заниматься. Начальное образование должно состояться из программ-минимумов. Только самое необходимое, без чего невозможно прожить в современном обществе. Мне кажется, что на этом уровне оценки успеваемости нужно поменять на рекомендации. Кроме того, важно закладывать фундамент самостоятельности в работе и развивать детей физически. По окончании начальной школы ребенок должен получить рекомендации для продолжения образования. Наша система начального образования вполне к этому приспособлена. Один преподаватель за несколько лет успевает более чем достаточно изучить ребенка и понять, какого рода способности и к чему у него есть. Как минимум, школьник должен получить рекомендации продолжать образование по гуманитарному или политехническому обучению.

Пятый класс ставит много серьезных проблем перед школьниками. Они должны начинать привыкать к тому, что теперь у них много новых предметов и много преподавателей. И здесь мы сталкиваемся с проблемой сельских школ — где-то не хватает преподавателей, где-то не хватает учеников, где-то школа вот-вот развалится... Ясно, что организовать на месте учебный процесс невозможно. И, значит, он должен быть передвинут туда, где это можно осуществить — в большие города, чаще всего, по-видимому, районные центры. Таким образом, дети из сельской местности практически все будут начинать 5-й класс очередного цикла (восьмилетки — «неполного среднего образования») в специ-

ализированных потоках интернатов или Учебных Центров (как минимум в одном из двух потоков, перечисленных выше: гуманитарном или политехническом). Возможно и больше специализаций: музыкальный, хореографический, художественный, военный, медицинский, спортивный и т.д. и т.п. Их и сейчас уже гигантское количество, зачастую, с непрозрачным набором. Но, на мой взгляд, они должны появляться не ранее седьмого класса (об этом ниже). И так, ребенок попадает в новую для себя среду (общежитие, много учителей). Ему сложно привыкнуть к новой жизни, поэтому оценки не должны его травмировать. Хотя (очень важный фактор!), если не произошло какой-нибудь ошибки, то здесь, благодаря распределению по наклонностям, «глухие» к предмету должны учить его по облегченной программе на них и рассчитанной. Считаю, что и в 5-м классе можно было бы ограничиться рекомендациями вместо оценок.

4. *Какими должны быть учебные программы?* И так, вырисовывается следующая картина: до 5-го класса учеба больше похожа на игру. Но вот по окончании 5-го класса школьник получает рекомендации, принимая во внимание которые, он самостоятельно выбирает программу обучения в шестом классе. Их школа должна предлагать несколько. Типичная программа должна содержать 3-4 базовых предметов, 2-3 вспомогательных, по которым будет производиться аттестация. Причем базовые должны изучаться по полной, а вспомогательные по упрощенной программе. При желании школьника список может быть расширен. Что же в них включать? Большой вопрос.

Сделаю маленькое отступление. Когда я преподавал и в Школе-интернате №18 при МГУ и в самом МГУ одновременно, постоянно дискутировался вопрос об экзамене по русскому языку и литературе. Я работал в двухгодичном потоке, мои выпуски приходились на нечетные годы. И каждые два года кто-нибудь из толковых ребят «сыпался» на сочинении. Кого-то удавалось выгнать, кого-то нет. Так вот я постоянно выступал за отмену этого экзамена на мехмат и физфак. В ответ слышал, что, мол, тогда появятся математики, не говорящие по-русски. Я объяснял, и сейчас настаиваю на этом, что *идет подмена понятий*, что сочинение и особенно требования, предъявляемые к его оценке, показывают, что речь идет не о проверке способности человека излагать свои мысли по-русски (это он делает на экзамене по математике или физике), а о наличии литературного и филологического таланта. А ведь речь идет не о поступлении на факультет журналистики. В результате человек, получивший по математике 4+4, по физике 3 и по русскому 3, имеет столько же шансов быть принятым, как и человек, получивший соответственно 3+3, 3,5. А ведь это принципиально разные результаты. Сам я, кстати, имел единственную четверку в Аттестате зрелости. И, разумеется, по русскому языку. Выходило, что я английский знал лучше русского. На самом деле, в нашей стране по пальцам можно пересчитать людей, знающих русский язык, но ведь 99% населения умеют изложить свою мысль. А сколько человек не стали летчиками, полиграфистами, дизайнерами по ткани, агрономами из-за того, что они не знают математики. Я перечислил всего четыре нынешние вузовские специальности, где на вступительных экзаменах математика работает как главный отсеивающий фактор. Печальный список может продолжить каждый.

Итак, программы должны быть ориентированы на будущую специальность. Она, конечно же, «размыта» у младшеклассника, но вполне определена у выпускника. Поэтому строятся они «сверху вниз». Скажем, инженерные специальности ряда ВУЗ'ов требуют базовых знаний по математике и физике, у других — по математике и химии, у третьих — по математике, физике и химии. Стало быть, выпускнику ясно (или почти ясно) по каким предметам аттестоваться. И также стано-

вится очевидным, что Политехническая программа для шестиклассника должна содержать в качестве базовых эти три предмета. И далее в таком духе.

5. *Ступенчатость образования и конкуренция.* Итак, начиная с 6-го класса, предполагается ежегодная аттестация школьников. По результатам этой аттестации должно осуществляться передвижение школьников по принципу «лучшим школьникам лучших учителей». Сначала их перегруппировывают по классам, с целью создания в классах более однородной среды, а, начиная с 8-го класса, можно было бы создавать специализированные школы (школы-интернаты). Причем, такая областная школа-интернат набирала бы учеников из районных школ по результатам аттестаций и олимпиад. Аналогично, школы при Научных центрах и Университетах разумно было бы организовывать, начиная с 10 класса, а среда, из которой набираются ученики — специализированные школы. Выпускникам специализированных школ (школ-интернатов) при Научных центрах и Университетах разумно предоставлять квоту при зачислении в ВУЗ'ы этих центров и Университетов.

Вот, как выглядел бы, к примеру, путь успешного школьника из сельской местности:

Время обучения	Школа	Комментарий
1-4 классы	Начальная школа, с. Авдеево, Карсунский р-н, Ульяновская обл.	Рекомендован в школу с политехническим уклоном
5-7 классы	8-летняя политехническая школа-интернат, г. Рвов, Карсунский р-н, Ульяновская обл.	Рекомендован как призер районной олимпиады по математике в школу с классами физико-математического профиля
8-9 классы	2-я специализированная школа-интернат с политехническим уклоном, г. Ульяновск	Сдал экзамены и прошел по конкурсу в Специализированный Учебно-Научный Центр при МГУ
10-11 классы	Специализированный Учебно-Научный Центр при МГУ им. Ломоносова М.В., г. Москва	Зачислен на Механико-математический факультет МГУ как призер Международной олимпиады по математике

А вот, как мог бы выглядеть, к примеру, путь его соседки:

Время обучения	Школа	Комментарий
1-4 классы	Начальная школа, с. Авдеево, Карсунский р-н, Ульяновская обл.	Рекомендована в школу с политехническим уклоном
5-7 классы	8-летняя политехническая школа-интернат, г. Рвов, Карсунский р-н, Ульяновская обл.	Переведена по собственному желанию в школу-интернат с сельскохозяйственным уклоном
8-11 классы	1-я специализированная школа-интернат с сельскохозяйственным уклоном, г. Ульяновск	Аттестована по следующим дисциплинам Базовые: 1. Зоология — <i>хорошо</i> 2. Биология — <i>хорошо</i> 3. Химия — <i>удовлетворительно</i> Дополнительные: 1. Основы зоотехники — <i>хорошо</i> 2. Механизация животноводческих работ — <i>хорошо</i>

		<p>3. Основы бухгалтерского учета на малом предприятии — <i>хорошо</i> 4. Правовые аспекты сельскохозяйственной деятельности — <i>хорошо</i></p>
--	--	---

Конечно, аттестаты зрелости будут выглядеть очень по-разному. Но к этому легко привыкнуть. Наконец, очень важно, чтобы *образование и содержание детей в интернатах были исключительно за счет государства*. Более того, мне кажется, что было бы разумно, следуя идее академика Н. Семенова, при «узкоспециализированном» обучении в 10-11 классах платить стипендию, причем, зависящую от результатов обучения и от дефицита специальностей.

На этом я хочу пока остановиться, хотя меня так и тянет дальше развивать тему вплоть до использования информационных систем и экономической оценки проекта. Но у меня нет уверенности в том, что это пойдет. Для начала хотелось бы, чтобы люди просто задумались над поставленными вопросами.

Эти «размышлизмы» в первом варианте были опубликованы в сборнике «Мы — математики с Ленинских гор» (выпуск 4) в 2009 году. И, возможно, подтолкнули авторов школьной реформы. Какая же бурная реакция последовала со стороны учителей! Уже в ход пошли митинги и демонстрации. Я беседовал с некоторыми противниками реформы. В большинстве своем они ничего не читали или читали в чужом изложении. Наверное, авторам реформы следовало бы не ставить людей перед свершившимся фактом, а более аргументировано излагать свое видение и участвовать в обсуждениях. Во всяком случае, мне удавалось переубедить почти всех, с кем я дискутировал.

Последние строки я написал давно в самом начале реформы. Затем дела пошли прямо-таки по Черномырдину: «Хотели, как лучше — вышло, как всегда». Обсуждения ушли куда-то далеко, пошли кулуарные решения. Процесс взяли в руки люди, далекие от образования, но умеющие пилить бюджет. И реформа стала очередным шагом к развалу системы образования. А теперь решили добить и остатки Науки. Серость ликует, но, как подсказывает мне мой жизненный опыт, рано.

(окончание следует)

Юлий Герцман

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЕЦ

Она должна была стать восьмой сестрой, самой красивой, самой торжествующей. Другие либо подкорячивались крабовыми отростками, либо, наоборот, торчали складной тростью, а в этой все должно радовать величавой гармонией — не зря же поручена она была тому, кто уже хорошо отчучулил город и был полон энергии чечулить дальше. Тридцать два этажа! Двести семьдесят пять метров! Шпиль! Вознесется выше он! Зря что ли мы — страна вечного будущего? Непременно вознесется!

Не случилось.

Едва дождавшись выстроенного цоколя, умер вдохновитель. Как-то в последние годы у него, за что бы ни брался, шло наперекосяк: вроде бы все с ним соглашались, аплодировали, вскакивали, в глаза называли гением, но тонули его замыслы во вязком тумане: зловредников в Сибирь не заслали, природу преобразовали, а урожай не поднялись, на Волге до войны за пять лет три ГЭС ввели, а после войны за семь лет — ни одной. Вот и восьмая высотка не доросла.

А пришедший ему на смену кукурузник и вовсе велел ее отменить, а посреди разрушенного Зарядья, на готовом цоколе, выстроить невиданную гостиницу в стиле международных пожатий, и поручить это дело все тому же мастеру чечульничья, вовремя перековавшемуся из ампириалистов в корбюзьеонеры.

Встал в Зарядье серо-коричневый куб, внесенный в Книгу Гиннеса как самая большая гостиница в мире. Три тысячи сто восемьдесят два номера на пять тысяч триста человек — это ли не рекорд, это ли не гордость?!

И я там жил, мед-вино пил.

Насчет меда я соврал. Пил «Ркацигели». Но — жил.

Дважды.

В первый раз это произошло в 1973 году. Застой уверенно входил в расцвет, у Леонида Ильича было пока только две золотые звезды, а у нас с женой совпала поездка в Москву. Она отправлялась сдавать вступительный экзамен в аспирантуру Института истории искусств, я же направлялся в СоюзМорНИИпроект с дурацкой идеей расчета уровня страховых запасов на складах пароходства. Тут надо отметить, что пока в стране царил недостроенное светлое будущее всего человечества, мест в гостиницах не было. Куда они девались — еще предстоит выяснить ученым, вполне возможно, что разгадка найдется вместе с решением проблемы темной материи, а пока что приходилось удовлетворяться Шестой аксиомой Евклида: «Мест нет и не будет». Поэтому, приезжая в Москву, жена жила у подруги матери, я же — в подвале Постпредства ЭССР, где было оборудовано мужское общежитие на пару десятков коек, или же в другом общежитии того же постпредства — на улице Герцена, в котором ютились командировочные обоих полов плюс приبلудный сумасшедший, который целыми днями что-то записывал в амбарную книгу, а ночью, не раздеваясь, спал на матрасе, брошенном на пол кухни. Горячей воды там не водилось. Я-то что: все институтские пять лет жил в общегае, в стройотряде на прокладке железной дороги «Астрахань-Гурьев» вкалывал, бутерброды в колхозе, сидя на куче перегноя, жевал — с такой закалкой можно хоть куда. Но вот тащить

в эту берлогу перспективного специалиста по влиянию драматургии Бернарда Шоу на творчество Джона Ардена, ну просто было немислимо.

К счастью, у жены имелась одноклассница, мама которой служила главным администратором таллинской гостиницы «Палас» — она-то и написала на бланке челобитную: просим, мол, помочь нашему сотруднику.

И помогли.

В очереди перед нами стоял лауреат Ленинской премии, которому администратор с лицом третьего секретаря райкома казенно сообщила, что мест сейчас нет, пусть посидит пару часов, пока не выселится какой-нибудь Герой Социалистического Труда и, если больше Героев на подходе не будет, то его, так и быть, заселят. Оптимизма это не внушало, но когда жена дала ей письмо, лицо администратора смягчилось: «А, товарищи из Эстонии! У вас есть бронь!» — громко сказала она. Конечно, никакой брони не было, но братство по оружию не подвело, и мы получили прекрасный номер с видом хотя и не на Кремль, но тоже на что-то вполне кирпичное.

Жена отправилась в Козицкий переулок, я же почухал, с пересадками, на Большой Коптевский проезд, где выяснилось, что пропуск мне подписать забыли, а совершить этот подвиг может только зав. отделом, который уехал в министерство и вообще, отдыхайте, товарищ Периферийман, до завтра, а завтра все будет в ажуре.

Ничего не оставалось, как возвратиться в гостиницу. Время было обеденное и, найдя по схеме буфет, я направился туда. Там предлагалось заливное мясо, яйцо крутое и салат «Столичный» — дитя несправедного союза классического «Оливье» и советской власти. Организм требовал банкета, поэтому пришлось заказать у грудноносной буфетчицы все три перемены. Чтобы доставить себе удовольствие не любоваться бюстом трудящейся общепита, я сел хоть и за ближний столик, но спиной к стойке. Пока я смаковал крутое яйцо с солью, к стойке прошагала, как я понял, подруга буфетчицы, которая начала с места в карьер:

— Галка, спасай, к Олежке на день рождения одноклассники придут, а у меня после ночной сил не будет готовить. Что у тебя есть?

— Да ничего нету, Олюнчик, вот что в холодильнике, то и есть — мероприятие же не было. Ты бы на неделю перенесла, у комсомольцев пленум будет: корейку подбросят, кету, конфеты обещали рижские.

— А икра?

— Комсомольцам?! Это тебе до большого пленума ждать надо, а пока вообще ничего нет. Да ты возьми мясо, оно ничего, а пацанам что нужно? Много они в икре понимают!

— Ну ладно, дай мне десять штук, а коробочка у тебя есть.

— А коробочка у меня как раз есть. Коричневая подойдет, ха-ха?

Тут я как раз сам добрался до мяса, и голову посетила светлая мысль: мы ждали в гости дружественную пару, так отчего бы не взять с собой четыре порции и не устроить на прикроватной тумбочке фуршет из «Рислинга» с деликатесом? С тем еще деликатесом, признаюсь: пресность основного продукта в сочетании с резинкой шедро зажелатиненной заливки могли привести в восторг разве что заядлого британца. И то — после пудинга. Или как там у них эта гадость называется?

— Спасибо за закуску, — льстиво начала я, — а нельзя ли с собой мне четыре единицы этого продукта?

Благодарность моя звучала неубедительно, а просьба — жалко, потому что салат «Столичный» сделал первую попытку пообщаться с миром прямо из кишечно-желудочного тракта.

— Мы на вынос не продаем!

— Ну как же? — проблеял я, давя отрыжку — Вот же дама только что целых десять порций унесла...

— Это — сотрудник! — отрезала буфетчица, и такая маяковская сила была в словах, что я поджал хвост, обвис на собственном скелете и отвалил на мягких ногах.

Обошлись конфетами и счастливо подобранным в «Елисеевском» грузинским «Ркацителли». Когда гости только пришли, приятель, работавший на Заводе слуховых аппаратов — в том самом цехе, который занимался как раз слуховыми аппаратами, а не во втором, секретном — но кое-что знавший о продукции коллег, наметанным глазом обозрел комнату, встал на стул и снял декоративную решетку. В углу открывшейся ниши пригаилась черная пуговица диаметром в трехкопеечную монету.

— Э? — спросил я, вставляя указательные пальцы в уши.

— Э-э, — ответил приятель, поставив экран на место, — никому ты даром не нужен. Подключаются только к тем, к кому интерес. Я слышал, у них сотрудников до черта, но на всех не хватает.

Какое-то слово из этой решлики отзывалось горным эхом, но уловить его не удалось: «Столичный» не сдавался, пришлось срочно анестезировать его даром солнечной Грузии.

Жена экзамен благополучно сдала, мое предложение, увы, одобрили, что стало причиной двухлетнего битья головой о прочные пароходские стены, и о проживании во Дворце мы вспомнили один лишь раз — в связи со страшным пожаром, случившимся там через четыре года после нашего визита. Воспоминание было эгоистичным, поэтому цитировать его постесняюсь.

А потом судьба повернулась так, что, через десятилетия, я стал работать в компании, у которой была фабрика в Москве и, после долгого перерыва, стал ежегодно туда прилетать — проверять бухгалтерские книги. Что было здорово, и было бы здорово совсем, если бы не время проверки: декабрьские книги закрывались в конце января, и прилетать приходилось в середине февраля. Пора не отличалась гостеприимностью, встречая либо мелким жгучим снегом, либо — того хуже — снегом с дождем, либо — вообще ужас — голым морозом.

Добирался я прямым рейсом из Лос-Анжелеса, который прилетал в три часа дня. Час уходил на пограничные формальности, и в свежее сумерки машина начала свой скорбный путь до центра, длившийся часа три под аккомпанемент радио «Шансон», бывшего неиссякаемым источником культурного развития шофера Юры, стереофонически услаждавшего слух и своими размышлениями. Где-то на уровне Речного Вокзала на меня наваливался двоюродный — и гораздо менее приятный — брат блек-джека, и звуки начинали сливаться в не то, чтобы белый, скорее — серый шум: «Бу-бу-бу-петровичтретьеблякольцо-невкипешьделяпожалуйч и-фирьну-бу-бу-бу-пятихаткувыложиагдестолько-уне йнааборт-бубубу». Я знал, что надо бороться с этой марью — если задремлю, то ночью сна не будет. Его и так будет мало: в три — пол-четвертого проснусь с жутким чувством голода и, если не наемся с вечера и не запасусь бутербродами, больше не усну и буду страдать, а если запасусь, то просто не усну, а если усну в машине, то и бутерброды не помогут — исстрадаюсь. Поэтому мотал головой, пытался вступить в разговор, хотя Юре собеседник на фиг не нужен был, и так мы добирались до аэрофлотовского комплекса, который будил меня воспоминаниями и о гостинице, где я проживал полу-

усым юнцом и имел романтическое приключение, и о картине Дейнеки «Все флаги в гости к нам», провисевшей в Аэровокзале до начала семидесятых, и мало ли о чем. Вот и «Динамо», где я отравился перестроенным пирожком, вот и Бело-русский — скоро, значит, прибудем: селили меня внутри Садового.

В тот раз директор фабрики куда-то уехал, а секретарша, боясь ошибиться в выборе, позвонила в Лос-Анжелес и спросила, где бы я хотел остановиться. На полном автомате я назвал Дворец, до сих пор не понимая, почему.

Ну, так и был мне Дворец — исполнительная оказалась секретарша, вышко-ленная. Поселили меня на десятом этаже с теоретическим видом на Кремль, напрочь утонувшем в тяжелой смеси ночи и тумана. Номер был люкс, и оборудован мебелью красного дерева... траченной какой-то. Так-то все было в порядке — чисто, лампочки на месте, ванна отливала белизной, но напоминал чем-то этот номер задержавшегося в чине бывшего перспективного полковника: и папаха есть, да не генеральская, и на погонах три звезды уже навсегда. Меня, на самом деле, это волновало не слишком: ночевать можно и — хорошо, я же здесь хозяйство заводить не собираюсь. Взглянув на декоративную решетку, я почувствовал прилив ностальгического тепла, влез на стул и снял ее. Родной был на месте! Но, Боже, как убого выглядело электронное оружие пролетариата: пыль покрыла благородный черный бакелит мохнатой затрапезой, напрочь ликвидировав угодливый страх, внушаемый прежде, и выглядел микрофон похожим на дохлого паука. Да, никому не нужны здешние насельники, сик, как говорится, транзит.

И вот в тот момент, когда я предавался печальным размышлениям о преходящих ценностях, резкий телефонный звонок заставил вздрогнуть и неуместно вспомнить неопределенный артикль на вторую букву алфавита. Так что же они, гады, теперь просто-напросто ви-и-идят?! Взлетел орлом — упал рьяшкой! В ожидании дурного, я снял трубку, приготовившись требовать консула. «Молодой человек, вам одному не скучно?» — вкрадчиво спросил телефон грудным, хорошо поставленным голосом. Скучно?! Москва скучать не даст! «Не-е-т!» — проблеял я, лихорадочно вспоминая умные слова, которые где-то затерялись. «А, может, вам прислать подружку для веселья или, — голос стал совсем интимным, — дружочка?» «Спасибо, я — недружелюбен!» И повесил трубку. Пошел в душ. На выходе услышал звонок. Волнующий голос, но уже другой: «Молодой человек, вам не скучно?» «Ну что вы, я себя только что пощекотал под мышками, так хохотал! Какая скука?». Оделся и отправился на поиски буфета.

В коридоре было мрачно. Редкие лампочки горели вполнекала, а может пятнадцативаттки поставили, в сочетании с длиннющим узким пространством, едва прошедшим испугом и моим джетлегом, они создавали обстановку, приличествующую «Рукописи, найденной в Сарагосе», а не «Москве златоглавой». Чудилось — прямо из стен сейчас выползут заложные покойники: ощерится упырь, оближется навь, протянет крючковатые руки мавка. Горе, малый я с приветом... И в ответ моим страхам появился из ниоткуда клубок тумана и стал наплывать, напыльвать, улыбаясь алыми устами, которые даже при моей подслеповатости слепили нижним фонарем светофора. И отверзлись они: «Молодой человек, вам одному не скучно?». Тьфу! Туман оказался серой каракулевой шубой, внутри которой старательно ежилась бедрами не очень уж юная, но и не зрелая еще женщина лет тридцати. Губы — да, щедро были ошпаклеваны алой помадой. Очень щедро.

— У вас что сегодня — субботник? — поинтересовался я.

— Почему — субботник?

— Два звонка в номер, теперь — вы, а ведь еще не 22-е апреля.
— Да что наш отдел маркетинга опрашивал, а про 22-е я не знаю, а что там?
— Дедушка Ленин родился.
— О, знакомы, меня мама в Мавзолей водила, желтенький такой. А вам, правда, не скучно?
— Девушка, я после самолета, да из Шереметьево, мне сейчас развлечься — поесть, да баиньки.

В буфете было светло и приветливо, на столиках — скатерти, буфетчица мило улыбнулась.

— Голодны?
— Еще как! Что у вас есть?
— Горячая кухня уже закрыта — поздно вато вы, но я могу разогреть борщок, салатки вот: «Оливье», «Цезарь», нарезочку могу из сервелата и сыров, хотите?
— Борщок, пожалуй, брать не буду, а вот «Оливье» и нарезку возьму.
— А вам «Оливье» с чем? Можно с курицей, можно с креветками или, может, с «Докторской»? И каким майонезом заправить: «Классическим» или «Весной»?

Я млею. И, улетая все подряд, рассказал ей о своем прошлом посещении.
— Ну что вы, теперь все по-другому! Вам с собой бутерброды сделать? Я могу с колбаской, с семгой, с «Гауди». Все в коробочку сложим.

Ушел я благостен и нагружен. Через несколько шагов услышал:
— Молодой человек... а, это вы? Ну что, поели? Не заскучали случайно?
— Хотите бутерброд?
— Нет, я сытая. А с чем?
— Да вот: с семгой, с колбасой...
— А можно с тем и тем?

— Можно-можно... только не воспринимайте как аванс. Я сейчас спать пойду и настаиваю: один. А вы еще будете здесь круги нарезать?

— А что делать? Никого, скукота до мозолей, а на девятый этаж хабибчики заселились, там весело.
— Ну и шли бы на девятый.

— Вы чего?! У меня по графику этот, а там другие дежурят, зубы вынесут, если там появлюсь. Мы правила знаем, — и вдруг подмигнула — как говорится: Вхутемас уже не школа ваянья. Ладно, спасибо вам и спокойной ночи... да, в комнате какую-нибудь цифру на диске наберите и подушкой аппарат прикройте.

Я так и сделал и уснул мгновенно, и проснулся в четыре, и перекусил, и почитал до семи какой-то детектив. А дальше пошли, конечно, водные процедуры.

Наутро ко мне должен был заехать главбух фабрики, с которым мы, по установленной традиции, обменивались сувенирами (я ему — американские мультивитамины, он мне — низку сушеных белых), вместе завтракали и обсуждали наши веселые дела типа соотношения активов и долгосрочных кредитов.

К восьми песочно запуржило, грязноватая марля метели колыхалась над шахматной фигурой Кремля, искажая пропорции и обрубая расстояния. Я спустился в вестибюль. Там было пусто, и только охранник в козловом полушубке и с аналогичной рожей кемарил в кресле под мощным комнатным растением типа фикус. Тут как раз с морозца завалил коллега. Был он валяжен, румян и лыс. Истарше меня лет на десять, а я уже и тогда не был дитятей.

— Хотя и раненько, а коньячку я выпью, — плотоядно потер он руки, — и за встречу, и с морозца, и для облегчения разговоров.

— Конечно, пошли, буфет уже открыт.
— К-у-у-да? — воспряла козловая морда — Пропуск!
— Да-да, — благожелательно ответил я, — вот.
И протянул ему гостиничный квиток.
— Это ваш, я и так видел, как вы спустились. А гражданину нужно пойти к администратору в другой корпус с паспортом и сделать заявку на пропуск.

Я ничего не понимал.

— Послушайте, это мой товарищ, он ко мне в другие гостиницы без всяких пропусков заходил, почему здесь нужен пропуск?

— Туда заходил, а сюда не пойдет! Здесь режимный объект. Не пропущу.

— Да оставь ты его в покое, — вмешался товарищ, — он же не пропустит, а паспорта у меня все равно с собой нет. Иди одевайся, позавтракаем в кафе возле службы.

— Какого черта? — рассвирепел я — Вчера здесь по коридору проститутка шастала, ей тоже пропуск выписывали?

— Проститутка? — вдруг заинтересовался козломордый — На каком этаже?

— На десятом, а что?

— Во что одета была?

— Какая разница? Ну, в серую каракулеву шубу.

Он вытащил из кармана блокнотик, взглянул в него и веско сказал:

— Ей можно. Она — сотрудница!

И такая маяковская... хотя, это я уже, кажется, писал.

Позавтракали мы в кафе близ фабрики, и хорошо позавтракали, часто смеясь натруженным смехом. Больше я никого к себе в гостиницу не приглашал и не селился в ней в дальнейшем, и лишь пожимал плечами, проезжая случайно мимо могучего куба.

А потом я узнал, что его снесли. Не из-за того, что Фиму не пустили ко мне, нет, просто глянулось золотое место одному из королей московской недвижимости, пообещавшему после сноса воздвигнуть бизнес-центр с удобствами и красотой. Снести-то он снес, а построить не удалось: сменилось городское начальство, ушел девелопер из фавора, и вообще, оказалось, что национальность у него годна для принуждения к миру, а не строительству. Есть в этом какой-то рок: не дано им строить на этом месте — ни горийскому, ни чигиринскому...

А затем прогуливался Всея Руси и не освоенных еще территорий, обозревая окрестности, с городничим на поводке, и высказал глубокую мысль, что, мол, хорошо бы на этом месте разбить парк, а городничий преданно завилал портфелем. Разобьют, конечно — выкопают пруды, зарыбят ценными породами, а поверху пустят лебедей. По берегам же расставят лавочки и посадят на них сотрудников. Чтоб глядели в озера синие. Как же без них, без сотрудников-то?

Дмитрий Бобышев
ЧЕЛОВЕК ОТЕКСТ
Трилогия
Книга первая: "Я здесь"

(продолжение. Начало в №12/2014 и сл.)

Треугольник и много, много глаз

И — началось... Где-то что-то мелодраматическое возникало и перед кем-то до трагического накачивалось, бриговкой чиркалось по запястьям, кто-то катался в истерике, комкая и кусая платок, и объявлялось имя конкретного носителя Мирового Зла, и это было, оказывается, моё (а в сущности-то, даже не моё, а невинного моего отчима) в общем-то смешноватое имя. Кому-то беседовалось в стихах аж с богами (в частности, с божком любви), оповещалось о некоем моральном убудке, истинной любви не знаящем, о сексуальном маньяке, заикленном на половых органах наших с вами подруг, и при этом опять же кивалось всё в ту же сторону. И — работало, действовало: все больше профилей я видел на филармонических концертах, все меньше трезвонило мне телефонных звонков, к облегчению домочадцев.

Была и поддержка немногих, которые стали ещё ближе, но главным и непре-рекаемым арбитром оставалась Ахматова: примет она меня или не примет? Вот был вопрос в чем! Она приняла, и я читал ей поэму «Новые диалоги доктора Фауста» — эта тема была её давней подсказкой всем нам, и вот я осуществил этот вызов. Но посвящение было адресовано не ей, и надпись под названием гласила: «М. П. Басмановой посвящаются эти опыты».

Ахматова выслушала мои «Диалоги» с не меньшим вниманием, чем я слушал ее «Поэму без героя», и сказала лишь:

— Лексика почему-то бледна.

Я ответил:

— Это белое на белом... Как ваше «к... к... к...» выдаст замешательство автора, так и здесь однообразие красок дает свою фору мыслям и интонациям.

— Интонациям?

Она, может быть, впервые остро взглянула на меня и попросила «на два дня» мою поэму. Ну, разумеется... Через два или дважды два дня я был опять у нее, и рукопись мне вернулась с такими словами:

— Поэма состоялась.

И — ничего больше. И я уже не спрашивал, как мне этого ни хотелось. Главное: Ахматова меня и поэму мою подтвердила. Остальное мне было уже не страшно.

Но появилось много общественных экзекуторов, стремящихся привести в исполнение приговор «аликов-галиков». Как-то Федосья, положив телефонную трубку, объявила:

— Спрашивали тебя — дома ли ты, но не сказались...

Кто бы это мог быть? Через полчаса выяснилось: явился художник Олег Целков и с ним Владимир Марамзин, литератор. Вид у обоих был решительный: «Где картина?» — и они прямо прошествовали в мой кубометр жилья, будто для обыска: следователь с понятием. Да что там искать: картина, то есть эскизная голова к «Едокам арбуза», висела в простенке между окном и дверью, но... повернутая лицом к стене. Олег как увидел это, так, передёрнувшись, сразу заявил:

— Я забираю картину.

— Да что ты, Олег! Мы же договаривались... И для какой роли ты пригласил с собой Марамзина?

Марамзин, довольно крупный парень, переминался в лётческих унтах, бороде и распахнутой дублёнке, заполняя мой закут уже до состояния полной закупорки.

— Он мой коллекционер. А ты перестал выплачивать по договору, да и как ты относишься к моей живописи — я теперь вижу...

— Олег, я прервал выплаты, потому что перешел на другую работу и у меня затруднения. Но я скоро всё выплачу. А моё отношение к живописи прежнее. Просто мне бывает тесно в этом объёме, а краски такие агрессивные, что я устаю от их давления и вот так отдыхаю...

— Нет, нет, так нельзя, это неуважение. К тому же здесь рядом кухня, газовая плита, пар, запахи — это вредит краскам. Картину я забираю, а то, что ты успел выплатить, верну.

Ушли... Теперь Марамзин станет по салонам рассказывать в деталях о моём унижении. Он и настроил Целкова. Мы с ним были давно и шапочно знакомы, еще когда он учился в ЛЭТИ и звался Володей Кашельсоном. Он стал ходить по литобъединениям с короткими рассказами, потом женился и взял фамилию жены. Марамзин — почти Карамзин, звучит литературно, хотя и смахивает на маразм тоже. Я видел его в звёздный час, когда он шел по Невскому, приобретя двух красавиц, шурясь маслинами глаз и улыбаясь в молодую курчавую бороду. Слева к нему льнула бывшая, а справа — будущая жена, Оленька Антонова, дочь известного советского писателя Сергея Антонова и сама в скором времени прима акимовского Театра комедии. С ней мы ещё подружимся примерно за год до моего отъезда из Союза, а её тогда уже бывшего мужа я видел где-то посредине меж этих событий в час его позора. Он был арестован по чистому делу, за самиздат, главным образом — за Бродского, но сломался, раскаялся и на суде закладывал своих французских «миссарок», вывозивших рукописи за границу, заодно заложил и академика Сахарова, потому лишь, что тот якобы находился вне опасности от преследований и клепать на него было безвредно. А того вдруг взяли и выслали в закрытый город Горький. А Володю Марамзина, наоборот, выпустили.

Не встречаясь и не объясняясь, заочно меня приговорил и друг Женечка. По горячим следам событий, но не участвуя в них (то есть действуя скорее как журналист или наблюдатель, а не как поэт), он написал поэму под таинственно-масонским названием «Треугольник и глаз». В ней он описал, соответственно, любовный треугольник и то, как его видит — нет, не всевидящее око, а любопытный взгляд соседа, подсматривающего за тем, что он считает адюльтером. С этой поэмой и сопутствующим комментарием он прошествовал по компаниям и салонам: читал у Шейниных... у Штернов... там... сям... И дело делалось. Я, естественно, захотел узнать, что это за произведение, и автор неожиданно охотно передал мне текст через третьих лиц.

Это было не то, что я предполагал. Я ожидал каких-нибудь посильных вариаций на тему «Моцарт и Сальери» с заведомо известной ролью, мне отведённой... Нет, такой малостью мне было не отделаться, — автору показался контраст между гением и злодейством недостаточно ярким. Первым «углом треугольника» у него, конечно, был Поэт и Гений, но еще и Герой, пошедший бесстрашно против неправедных сил — каких же? — ну, не обозначать же прямым текстом КПСС и КГБ, иносказательно можно назвать их Драконом. А его возлюбленная хотя и не была захвачена в плен, но селилась предосудительно между Театром и Рынком, что, вероятно, символизировало её лицедейство и продажность. Поэтому-то её с легкостью и соблазнил появившийся третий «угол» — и не злодей, и не поэт, и даже не претенциозная литературная бездарь, а вообще никто, какой-то хлюст с улицы, единственная примета которого была хорошая английская обувь, описанная автором со вкусом, вниманием и даже некоторым завистливым сожалением. А ведь действительно, я одно время донашивал английские туфли моего покойного тестя, и надо же, как автор их прочувствовал, запомнил и оценил! Правда, про Рынок соварал: вместо него был Никольский собор. Ну, какая разница, это ведь художественное произведение! И, слушая его, либеральная интеллигенция наслаждалась вовсю своей нравственной правотой.

К этой толпе присоединился и быстро набирающий известности Андрей Битов. Только он решил устроить свой суд надо мной в прозаическом жанре, да так, чтобы приговор застал меня врасплох. Но в планах своих он немножко ошибся, — нашлась добрая душа, позвонила мне из издательства:

— Дима, у меня есть новости для вас. Первая (и это хорошая новость): мы отобрали ряд ваших стихотворений для следующего выпуска «Молодого Ленинграда». А вторая — похуже, я даже не знаю, как вам это и рассказать. Приезжайте к нам в издательство, я вам лучше покажу.

Приехал. Дело оказалось в том, что текущий выпуск того же альманаха был уже почти готов, из типографии пришли гранки для вычитки и исправлений. Там был напечатан рассказ Битова с главным персонажем по фамилии... Бобышев. Этот ничем не примечательный Бобышев ("маленький человек" — традиционный тип в отечественной литературе) служил инженерешкой в какой-то конторе, ленился, мелочно обманывая начальство, хотя и трусил, но прогуливал, ходил в рабочее время в кино, пытался даже завести лёгкую связь со случайной девицей, но сробел и пожмотничал, — ну, и так далее. Словом, становился Бобышев именем нарицательным для мелкотравчатости и моральной нечистоплотности. Мокрица он и дрянь.

В ответ на мой взгляд добрая душа развела руками и сказала:

— Здесь я помочь не в силах. Да автор меня и не послушает. А сходите-ка вы лучше к главному редактору, попробуйте его убедить. Вы ведь теперь тоже наш автор.

В назначенное время я явился в Дом книги и вознесся лифтом на тот этаж, куда допускались лишь посвящённые. Главред, нормального вида приземистый чиновник, уставился на меня с непротокольным любопытством.

— Знаю, знаю... — остановил он мое вступление. — Герой этого рассказа, конечно, неблагоприятная личность, и то, что у него ваша фамилия, может у Вас вызвать досаду. Но таких случаев в литературе сколько угодно, и к нам в издательство нередко приходят письма с читательскими обидами подобного рода. Что тут поделаешь! Вот моя фамилия, например, Смирнов — самая заурядная. Представим, что Битов дал своему персонажу мою фамилию, — мог бы я протестовать?

— Ну, во-первых, моя фамилия не так уж часто встречается. Во-вторых, некоторые детали совпадают — например, то, что я инженер. Это ведь немаловажно: представьте, как этот рассказ будет прочитан у меня на работе. Но возьмем ваш пример, и героем пусть будет Смирнов. Пусть это чуть ли не самая распространенная фамилия, но если его сделать не «инженером», а «главным редактором одного из издательств». Плюс какие-нибудь детали для сходства?

Моего собеседника слегка передёрнуло от такого предположения, но он продолжал гнуть свое:

— Здесь ведь возможно и совпадение. Автор мог просто выдумать такую фамилию, которая ему подошла для характеристики персонажа. Вот у Гоголя, например...

— Да знает он меня прекрасно, но почему-то хочет навредить... Никакого тут совпадения нет, мы с ним знакомы.

— А как Вы это можете подтвердить?

Такой вопрос я предвидел и хорошо к нему подготовился. Вот, пожалуйста! Я протянул ему книгу «Большой шар» с дарственной надписью: «Дорогому Диме Бобышеву — в благодарность за его стихи. Дружески — Андрей Битов».

— Это другое дело... А не могли бы вы оставить мне эту книгу?

— Да ради Бога, — зачем она мне? И, помимо всего, я ведь тоже ваш автор. Мои стихи отобраны для следующего выпуска альманаха, это будет мой дебют, и я хочу, чтобы читатели связывали моё имя со стихами, а не с сомнительными похождениями битовского персонажа.

— Да, это другое дело. Чернить своих авторов мы не заинтересованы.

Ближе к вечеру раздался звонок. Едва я отозвался, телефонная трубка заревела на меня битовским голосом. Бешеная брань и оскорбления сотрясали мембрану несчастного аппарата, завершаясь патетически:

— Вызываю тебя на дуэль!

По случайности я в этот момент был один в квартире и потому мог дать волю ответному негодованию, которое я попытожил, надеюсь, не хуже:

— Ты для меня и так уже мёртв.

Вскоре вышел альманах «Молодой Ленинград» с битовским рассказом. В фамилии героя была заменена первая буква. Пустяк, но это уже был не я.

Странно ли будет добавить сюда признание, данное Битовым — жизнь, две жизни спустя, — в интервью для одного кинематографического журнала?

«А. Битов: То, о чем вы говорите, связано... с неправильной, греховной жизнью. Помню, решил воспользоваться моментом и отправился исповедоваться в русский храм в Голландии. А был я в совершенно непотребном состоянии, после такого перебора, когда стыдно дышать и полное омерзение к себе. И батюшка как-то сразу понял это моё состояние, хотя оно ему вряд ли импонировало... У меня было впечатление, что он сибался под той ношей, которую я на него взвалил. Потом он меня спросил: «Ну а зла-то вы многим желали?» И я ответил: «Вот этого — никому». Тогда он сказал: «Нуслава Богу...» И отпустил мне грехи.»

Так-таки никому зла и не желал... А — мне? Да что Битов... Он-то, возможно, поймал голландского попака на слове, на сходстве звучаний «зла-то» и «злата», которого, кроме себя, он никому и не желал.

Рифма на слово «любовь»

А вот Дракон либерального мифотворчества или «прогрессивного» общественного мнения, против которого я, оказываясь, выступил, был не менее когист и клыкаст, чем его официально-государственный собрат. И — гораздо живучей, замечу в скобках сегодня.

Я, как стереотипный и, следовательно, «идеальный» любовник, раздражил вначале толпу красотой и богатой ценою своей добычи, а затем пожелал быть оставленным в покое, уединиться с ней, удалиться, закрыв дверь в нашу частную жизнь, словно в спальню. Не тут-то было! Нет, сам я такое противостояние вполне выдерживал, а враждебные выходы других мне казались самообнаружением их ханжества, прикрытием их же неблагоприятностей. Всё это выглядело как ожившая в современных костюмах иллюстрация к давнему словосочетанию «светская чернь». Наоборот, я чувствовал себя одухотвореннее, чем когда-либо в жизни, покупал и дарил просто так розы, гордился отвагой подруги, оказавшейся как раз по мне, и бывал с нею — как утверждает мой тогдашний дневник, секретные абзацы которого я заполнял её школьным шифром, — да, ослепительно счастлив. Мне нравилась даже раздуваемая до полыханий слава моего соперника, кому я противоборствовал на поприщах личных, но — здесь для «зрителей» воздвиглась неодолимая преграда — граждански я стоял за него и был с ним. А он эту преграду и воздвигал, притом что защиту себя от реальных и надвигающихся судебных угроз бросил на других, да и всю ситуацию пустил, едва ль не сознательно, на обострение.

— «Чем хуже, тем лучше», так он считает, — сообщила Марина.

— Надо же! Как Лукич перед революцией... — изумился я и тут же ревниво поинтересовался: — А откуда ты знаешь? Ты что, всё-таки с ним общаешься?

Ответ был туманным... Многие из её таинственных проявлений или привычек были для меня уже вполне проницаемы, как, например, тот же разгаданный без особых усилий шифр. Двойственность, несомненно, была и скрывалась, но где-то гораздо глубже валялись недоглоданные подсознанием травмы, дающие о себе знать вспышками вражды с родителями. А художественных или «поколенческих» расхождений у Басмановых, на удивление, не было, и в моменты авралов они выручали друг друга профессионально и дружно. Я ценил её вкус, наступающий пошлость и фальшь в любом искусстве, любовался её чуткими и точными пальцами, слегка тронутыми наследственным недомоганием, которые постоянно что-то очерчивали, мазали и оттеняли в крохотных блокнотах. Многие из этих набросков казались мне проявлением подлинного таланта, и я видел за ними нечто долженствующее явиться: большое, полное свежести и... не величия, величие не может быть свежо, а вот именно, что свежести и достоинства... Но так и не появилось.

Я был уже не чужим в их доме и как-то раз сидел в большой комнате, как вдруг возник вихрь сдержанного переполоха.

— Опять, опять... Он там! Я не могу.

Наталья Георгиевна прошествовала, колеблясь телом больше обычного, из своей комнаты в кухню-прихожую.

Марина, ахнув, отдернула занавеску. Я шагнул к окну и, скрестив руки, встал с ней рядом. На той стороне улицы у дома Всеволожских стоял и смотрел на освещённые окна Иосиф. Марина запахла занавеску и чуть ли не зашипела:

— Отойди! Как ты можешь так?

— Он что же, следит за тобой? Я это прекращу, — схватился я за пальто.

— Там же сейчас мать. Ты не можешь туда!

Ах, да: зона выхода перекрыта... Когда я наконец оказался на улице, Иосифа не было.

Ещё однажды, когда я взбегал по ступеням её лестницы, с виду более старой, чем весь этот дом, я натолкнулся вдруг на сцену: перед дверью к Басмановым происходило объяснение Иосифа, которого не пускали в дом, с Мариной, вышедшей к нему на лестницу. С моим появлением температура разговора подскочила вверх. Иосиф стал бросать в мою сторону какие-то дежурные безумства, хватаясь ладонями за лицо, жестикулируя, как мне казалось тогда, театрально, для большого зала:

— Как ты не можешь понять — ведь всюду во вселенной есть чёрные дыры. Дыры, понимаешь... И из них исходит зло. А ты — как ты можешь быть с ним заодно?

— Ну, про чёрные дыры слышали мы все из астрономии, — догуда просто не доходят радиосигналы или оттуда не отражаются... Но и помимо этих научных сообщений я догадывался (и описывал это кое-где) о существовании, как я называл их, щелей в мироздании, откуда дуют зловещие сквозняки. Так чем ты можешь меня удивить?

— Хватит! — вмешалась Марина. — Уходите оба. Я больше не могу этого слышать.

Она исчезла, захлопнув дверь. Старинная лестница с чуть опывшими ступенями была устроена так, что смертельных пролётов на ней не было. Мы с Иосифом мирно спустились и побрели в одну сторону, заговорив, как это ни странно, тоном светским и безобидно-нормальным:

— Я слышал, ты был в Москве... Как там все общие знакомые? Что делает Стась?

— Стась?

— Да, Красовицкий. Тебе не кажется удивительным то, что он пишет?

— Нет, все это я тоже могу.

Ах, вот как! Главное слово здесь «я», а не поэзия, не литература. Я развернулся и пошел прочь, к остановке трамвая.

Но вдруг, чуть ли не на следующий день, ситуация переменилась: стало известно, что Иосифа арестовали. Зазвучали радиоголоса, бурно зашелестели рукописями-машинописями самиздатские каналы, всколыхнулись массы-не-массы, но всё-таки значительные толпы истинно благородным негодованием, — начинался несправедный суд над поэтом. Да и как не сочувствовать: молод, без вины оболган, обозван и при этом еврей и талантлив, да что там «талантлив» — может быть, будущий гений, да гений и есть! — его «Пилигримов» слышали? Их Клячкин поёт. И вот ни за что ни про что грозит ссылка до пяти лет на тяжелые работы, на Север. А здоровье неважно: сердце. Да и нервы вчистую истрепаны — довели его сволочи до психдиспансера. И к тому же, пока он в тюрьме, лучший друг у него невесту увёл. Да что вы! Ну, я бы таких просто давил.

И я чувствовал, как меня, словно какой-то окуроч или плевок, об асфальт растирают. А что бы вы посоветовали мне сделать в таких обстоятельствах: сдать «невесту» обратно?

Ну нет! На неё и так уже оказывалось давление добровольными купидонами. Вот вдруг Басмановы-старшие подверглись суровому выговору: как это, мол, дочь их посмела оставить — и кого? — Первого Русского Поэта, которому она обязана его выбором?! В роли крылатого доставщика в этой сцене выступил неожиданно

мой младший знакомый Миша Мейлах, тот самый, которого Первый Поэт позже походя обзовет стукачом. Вдруг стала её близко опекать Тая Румянцева, школьная приятельница, которой за посреднические услуги Жозеф немедленно воздвиг стихотворный обелиск «Румянцева по бедам». Наконец, приехала из Москвы сестра Андрея Сергеева, который считал Иосифа, и не без оснований, своим созданием, как бы Галатеей мужского рода, сформированной из его переводов с английского. При чём тут сестра и при чём тут Марина? Не знаю — тоже, наверно, присмотр под видом опеки... Ну, и другие доброхоты торопились вмешаться, «улучшить», «исправить» положение и как-либо, не вступая в конфликт с истинным виновником несправедливости — властью! — «помочь» гонимому поэту. И тот, надо сказать, пользуясь общественной поддержкой в своих личных целях вовсю... за мой счёт.

Пока шел процесс — как известно, привлёкший мировое внимание, — пока он откладывался, пока назначалась психиатрическая экспертиза (мир замер: не обернется ли кара принудительной психолечебницей, — но нет, то был лишь маневр адвоката), шла игра нервов, и не в последнюю очередь — моих. Я знал, что Марина ходила на Пряжку, на невский рукав, где находилась указанная спецбольница, но ни остановить, ни благословить её на это не мог. Я лучше бы сам туда передачи носил, определись мы с нею потвёрже. Приговор осудил Иосифа и выслал его в Архангельскую губернию на пять лет, но никакого вердикта нашим отношениям он, разумеется, не вынес, и они оставались зиять...

Две правоты

Добровольные купидоны, дуэньи, даже телефонные дуэлянты, — всё это было бы ничего, если б не сомнения, уже раз навсегда поселившиеся во мне по поводу искренности подруги, если б не поиски объяснений её колеблющегося поведения в совсем уже чуждом ряду понятий — в стратегии кокетства, в использовании меня как средства для уловления не меня, а его, его, — вот в чём был «потерянный рай» ослепившего меня на минуту счастья. Пока это ослепление длилось, мы оказывались правы общей, покрывающей двух, правотой, но стоило иллюзии испариться, как и правота начала истончаться, делаться куце-лоскутной, наподобие моего одеяла. Нет, я-то верил в себя и даже своё образовавшееся одиночество воспринимал как залог, может быть, донкихотской победы. Но для этой веры одной лишь моей правоты не доставало, она нуждалась и во второй опоре. Как когда-то в Карпатах, карабкаясь за эдельвейсом, я безоглядно рискнул и поставил ногу на камень, а он выкрошился из скалы, — так вот и тут. Да и в памятную новогоднюю ночь на тонком льду залива, — столько веры в неё вложил, столько риска, и ведь предупреджал... А теперь я уже попался, стал от неё несвободен, да и назад уже поздно, — только и оставалось, что переть напролом...

Эти темы, думы и слова были самыми насущными — хлебом и воздухом моей жизни, — только их я и мог прокручивать через извилины и полушария моей головы, и сердце питало их безостановочно, а для неё они становились, увы, лишь «выяснением отношений». Чем-то вроде: «Вы любите выяснять отношения? Я — терпеть не могу!» Тем более что и с другой стороны, из архангельской ссылки, шло то же самое в виде писем, стихов, телефонных вызовов, и кто я был, чтобы ей приказать: «Не читай», или: «Не говори».

Быстроглазый Володя Аллой и жена его Рада вдруг стали доверенными её друзьями, и к ним она стала ходить с несвойственной регулярностью, словно по расписанию, а мне не позволялось даже провожать её к ним. Ну конечно, — от них-то и шли звонки: в сельсовет ли в определенное время, к ним ли с переговорного пункта на станции Коноша, и уж наверно происходили свои «выяснения отношений», закатывались истерики, ставились ультиматумы, неслись мольбы, внушения, угрозы, — как я понимаю, происходило примерно то же, чего я старался не делать. И все-таки делал.

Оттого-то и показалось мне, хотя и не без обиды и подозрений, всё же естественным её желание удалиться куда-нибудь в тихое место, да и пожить хоть недельку одной, прийти в себя, разобраться, решить, наконец, что же делать... Да уж, пора и определиться. А куда она хочет поехать? Может быть, в Колосково? Нет, ни за что! Так куда-нибудь в Комарово? Нет, нет, это совсем другое место, и она не хочет, чтоб кто-либо знал... Так! И меня теперь устраивала вчистую...

Через несколько дней я решил, что надо её искать. Почему-то мне вообразилось, что я знаю то место, куда она могла захотеть спрятаться, — из её же рассказов о когда-то счастливой дачной поре, из её взглядов туда в окно электрички, когда мы ездили дальше, по той же ветке до Рауты, до Соснова, и шли потом на бобышевскую дачу... Где-то за Токсовом начинались крутые холмы, поросшие курчавым лесом, уходящие как-то маняще-щемяще в сторону Юкков, и она произносила стихи Кузмина, в общем-то жеманно-эротические, о тех местах, где «прозрачно розовеют пятки у резвых нимф на небесах, в курчавых скрытые лесах, кукушки заиграли в прятки», и, произнесенные её шелестящим голосом, они для меня навсегда связались именно с этим пейзажем. Мы с ней как-то (да не «как-то», а точно 2 сентября) поехали туда на прогулку с неясным желанием найти наше куда-то девшееся счастье, как будто его можно было обнаружить и взять, словно семейство маслят под сосёнкой. Целый день она прособиралась, мы вышли на платформу уже в сумерках, пошли по дороге в сторону холмов: кустарник, поле... И вдруг жёлто-рыжая краска мелькнула: лисица! Что-то вроде удачи... Стемнело. В загоне возилась, с хрупом дочавкивая свою шамовку, какая-то свинка. Мы поднимались по склону холма, между веток поблескивали звезды. Пахнуло хвоей. Тут, под еловым шатром, мы и остановились. Зачем, почему мы с ней здесь? Я почти принудил её к ласке, но получил лишь укор. Ждали ли мы какого-то чуда, явления, откровения? Нет, этого не было. Был какой-то пробравший меня до позвоночника церемониал неизвестно чего, но с великим якобы смыслом, — предтеча позднейших «перформансов». Вот разве что меры наших жизней тогда утекали одновременно, одновременно и вместе... А между тем прошли целые сутки, и мы вернулись в город.

И в это-то место я приехал теперь её искать. Добрёл до посёлка, выискал живую душу, спросил. Нет, никаких дачников не было. Побрёл в сторону другого посёлка. И вдруг понял, что её здесь нет. Вернулся в город, и — прямо к Басмановым: — Где Марина?

Наталья Георгиевна, стоя в дверях, поглядела на меня как на безумца и, бедная, вынуждена была лепетать:

— Не могу вам ответить...

Но я уже знал. Не знал только точного места и не знал, как узнать его... Не бросаться же в стан демонстративно сочувствующих — мне, демонстративно отверженному! И я стал вспоминать, где я слышал о месте Жозефовой ссылки. В последнее докризисное время я начал было дружить-не-дружить, но общаться-ви-

даться с прозаиком Игорем Ефимовым: он бывал у меня на Тавриге, принимал несколько чопорно и у себя с женою Мариной Рачко, тоже писательницей. Были мы сверстники, но они держались солидней, что прозаикам свойственно: если не трубка, то борода у них заводилась сама. У Игоря был ещё голос скрипуч. И говорили об умном, — он, например, спрашивал, как я себе представляю современный роман. Ха! Я представлял его, прежде всего, интеллектуальным, то есть — романом идей. Ну, как что, например? Да есть множество образцов — самый характерный, пожалуй, «Доктор Фаустус» Томаса Манна. Неужели?! Обязательно надо прочесть. Да, у меня есть эта книга, и я могу ненадолго её одолжить...

Наблюдал меня как прозаик, а потом перестал: якобы исчерпал и понял. Но стихи всё просил и даже потом повторял, что запомнилось. Вдруг удивил, спросив разрешения взять две строки («из меня») на эпиграф для романа, да еще каких:

Беда, беда, — зову я, выбегая.
Навстречу мне желанная беда...

Роман «Смотрите, кто пришел!» был задуман как интеллектуальный, но и молодёжный, и его вот-вот намеревался опубликовать журнал «Юность». Не очень-то веря в такую удачу, я разрешение, разумеется, дал. Журнальное «вот-вот» растянулось на послекризисное время, и «интеллектуальный роман», а лучше сказать, лирическая повесть Ефимова вышла со странно изменившимся эпиграфом: «Нас и любить-то еще не любили, / Нас и забыть-то еще не могли» и со странно изменившейся подписью: «Александр Кушнер». И — ни звонка, ни слова объяснения.

Я вспомнил: Ефимов позвонил и позвал к себе, когда уже наше противоборство с Бродским пошло по заголовкам шепотных новостей. Я удивился, не зная: отстал ли он от злобы дня или же, наоборот, желает со мной озабоченно-дружески обсудить эти события. Оказалось, просто почему-то ещё не слышал, а я о себе самом сплетничать не собирался. Разговор пошел о месте изгнания Бродского: Архангельская область, Плесецкий район, станция Коноша, село (и совхоз) Норенское.

— Прямо как Галя Наринская... — сказал Ефимов.

И это — запомнилось.

В среду я взял отпуск на два дня (вместе с субботой и воскресеньем этого мне должно было хватить с лихвой на поездку) да и отправился очертя голову — уже не за счастьем, а «хоть себя положить, а несчастье своё возвратить».

В Коношу я прибыл утром, но почтовая машина в Норенское уже ушла. «Так если дотуда 30 километров будет, значит, можно и пешком дойти?» Местные сомневались, но я пошел по шоссе и углубился в лес. Были мартовские разлитые оттепели, проточные неглубокие лужи перегибались через грунтовую дорогу, но и мои боты «прощай молодость» всё еще держали ноги сухими. Сосняк с березняком, кое-где осины, оседающие под солнцем сугробы и, в общем-то, проходимый тракт как-то меня шаг за шагом взбодрили. А тут и — вне всяких предсказаний — попутка остановилась даже и без моих жестикуляций: садись, подвезу! Сел в кабину, как барин, и покатили. В перелесках стволы деревьев стояли ещё в снеговых колодцах, а на увалах земля оттаяла, и через дорогу образовались такие потоки, что и в сапогах-то сухим не перебраться. Ну, ничего, пригормаживаем, а дальше скорости опять набираем. Вот и Норинское — большие бурые избы среди открытого поля. Остановились. Как раз напротив стоит встречный грузовик, а в кузове, я вижу, — Марина! Она и без меня готова уехать, Иосиф в сапогах и ватнике стоит у колеса, провожает.

Выпрыгивая из кабины, я кричу:

— Марина! Вот ты где! Я — за тобой.

И — не слишком ли так уж легко, без усилий? — забираюсь к ней на грузовик, чтобы уехать.

— Нет! — Иосиф кричит. — Марина, слезай, ты никуда не поедешь.

После препирательств Марина лезет через борт, спускается. Я за ней. Мы втроём входим в избу через дорогу напротив. Грузовики уже разминулись, разъехались...

Дальше что — непонятно. Но я знаю, зачем я приехал. За кем. Громадная скрипучая изба. Входим в малую комнату: стол, заваленный книгами и рукописями, две лежанки, на полу — картонный короб с сигаретами «Кент» и пёстрой всячиной, над столом приколото открытка из Брейгеля «Избиение младенцев», на стене над одной из лежанок — остро заточенный топор. В окошке — вид на ту лужу, где только что стоял грузовик.

— Что тебе здесь нужно? — это спрашивает меня Иосиф.

— Ты знаешь. Я приехал за ней.

— Она отсюда никуда не уедет.

— Нет, уедет. Со мной.

Взгляд его на топор. Взгляд мой туда же.

— Я без неё никуда не уйду. Только вместе.

— Нет, она останется здесь.

Взгляд на топор. Взгляд туда же.

— Нет, уедет.

— Нет, не уедет.

Тут вмешивается Марина, обращаясь к нему:

— Я тебе всё сказала, и я уезжаю сейчас.

— Нет, ты не можешь! И — машина ушла.

— Ничего. Я должна, — хоть пешком.

Мы вышли, направились к лесу. Разговор трёх повторял хаотично всё то, что уже было сказано раньше. Мы удалялись от Норинского. Иосиф на шаг отставал. Поле кончалось. Дальше дорога, темнея и суживаясь, углублялась в лес. Всё. Здесь я должен стоять за Марину.

— У меня в руках ничего нет! — показал я ладони Иосифу.

— У меня — тоже!

Мы сжали кулаки, заходили индюками один вокруг другого. Но тут опять вмешалась Марина. Что-то быстро сказав ему (обещание? ложную клятву?), она зашагала к лесу, и я — с ней. Он остался стоять у края поля. Пересекая очередной поток, я в кармане пальто нащупал железку — то был всего лишь токарный резец, взятый мною «для веса». Размахнувшись, я далеко забросил его в разлившуюся талую воду.

— Что это было? Что? — тревожно вскинулась Марина.

— Так, ничего.

Конечно, не пистолет, как она, возможно, предположила.

И — не символический ножик. И не реальный топор. А — так, железка «для веса». Но можно было проломить ею череп.

Совершенно непредсказуемо сзади подъехала внеочередная попутка. Нет, догоняющего нас Иосифа в ней не было. Мы взобрались в кузов и, держась за кабину, рассекали непокрытыми головами ещё 30 верст ледяного ветра, лесных сумерек и тающей мороси. В Коноше до поезда оставалось ещё несколько часов. Я купил питьевого спирту, который там продавался в лавке, но выпить не смог —

спирало, заклинивало в горле: ни вдохнуть, ни выдохнуть. Когда мы сели в поезд, меня разобрало, и я зашелся кашлем, слезами, в общем — истерикой... На остановках входили пассажиры, заглядывали в купе, но шли вглубь вагона. Раскачиваясь, я бился над вопросами: «Зачем?», «Как ты могла?» и «Что делать дальше?»

Хеппи-энд

А что оставалось делать, как не «выяснять отношения» вновь и вновь, хотя и так уже всё было ясно: планы порушены, жизнь испорчена. Да, я всё-таки привёз ее, вернул, а если даже просто вернулся с ней, всё равно, — в какой-нибудь умо-зримой Книге деяний в графе этого подвига можно было поставить мне «галочку» — выполнил. Но дальше-то что? Надсада, боль, обвинения — много чего пришлось мне высказать и услышать. Зачем же было её возвращать — чтобы мучить? Или мучиться самому? Странное дело: обманутость вызывала унижительное чувство своего соучастия, будто это не тебя обманули, а ты обманул. Сознание ныло, болело, — казалось, там какой-то сустав подвернулся и теперь будет так беспрерывно... День, два, три, неделя, другая — всё не отпускало, всё виделся впереди мрачный тупик. Нет, время совсем не лечило, но и до худшего, к счастью, не довело. А вот возраст — лечил. Было мне тогда 27 лет — это обстоятельство и оказалось лучшим костоправом: вдруг отпустило, словно и в самом деле душе вправили вывихнутое крылышко.

И я стал писать большую поэму, которая, в конце концов, получила название, удачное или нет, но такое, что его уже не изменишь: «Небесное в земном» — о любви или, лучше сказать, «про любовь», как кино. В качестве «земного» там было многое из того, о чём я упомянул в предыдущей главе, даже чавкающая в темноте свинка и топоток лисьей пробежки, была и станционная харчевня, и полуполовуде лесного тракта, и скрипучая изба, только топор на стене пришлось заменить сувенирным и ненадёжным ножом в ватных брюках моего «антипода». И конечно, были там мои одинокие и молчаливые причитания по беглянке.

А из «небесного» — было ночное небо. Я его, по существу, заново тогда увидел и, словно грамоту, начал читать, расшифровывая, вроде той надписи на переводах из французских поэтов. Знаки были вписаны в неё вперемежку: на арабском и греческом. Чернота небосвода наполнилась светоносными богами и царями, пастухами, мореплавателями и чудовищами, их судьбами и соотношениями. Я без труда нашел среди них знакомый сюжет. Он молча вопил, желая выразиться с такой истовой силой, что музыкально ему могла соответствовать только тишина — но понимаемая не как отсутствие звука, а как потенциально многоголосое молчание органа, готового грянуть.

Когда я закончил поэму, её сюжет ещё продолжался и в жизни, но уже значительно от меня отстраняясь. Я даже решился опробовать новую вещь на голос.

Андрей Арьев, у которого я стал нередко бывать, предложил устроить у него литературный вечер, разумеется «только для избранных». Я изжаждался по общению и с готовностью согласился. Не помню, кто пришел к нему в тот раз на Плеханова (Мещанскую), — обычно то были те же лица из следующего за моим, нет, не «поколения», как они, отмежёвывавшаяся, себя называли, а скорей «литературного набора» писателей, критиков и поэтов: Стратоновский, Чирсков, Севостьянов, Рохлин. Их дамы. Довлатова, кажется, не было, зато присутствовал Саня Лурье,

умудрившийся иметь репутацию вольнодумца, хотя и числился критиком в штате журнала «Нева». Саня-то и стал крикиковать меня после чтения.

— Оперетта! — жанрово оскорбил он мою поэму. — «Дуэт», «Соло за сценой»...

— Где же тут опереточная развлекательность? — заступился Андрей, критик журнала «Звезда».

— Ах!! — простонал Саня (он же «Саля», как звал его по-домашнему Довлатян), и из его носа хлынула безостановочно кровь — очевидно, от одного лишь неприятия поэмы.

Захлопотали, устроили его на тахте, положили влажные салфетки на переносищу... Дорогой ценой, но сорвал-таки мне обсуждение этот, конечно же, самозабвенный поклонник моего «антипода». Да, действительно, тот стремил свой полет «все выше и выше», но ещё с большим перелетом запускались в зенит фейерверки статей, начиная с самой первой «Бродский и Пушкин», написанной его ранним и малоизвестным фанатом, и кончая недавней, последней (а выше уже и некуда), «Бродский и Бог» Самуила Лурье.

Между тем, во внешнем мире сняли «освободителя» Хрущева, а «реставратор сталинизма» Брежнев взял да и отпустил нашего узника, уже созревшего для всех почестей земных, и он, что называется, «на белом коне» въехал в обе столицы.

Мы с ним, конечно, не виделись, некоторые из моих знакомых стали оставаться при встрече со мной, но рассказывали главным образом об успехах моего соперника да ещё о тех мировых знаменитостях, которые его навещали. А — треугольник? Его напряжение то ослабевало, то вновь выпирало углами, — им явно манипулировала Марина, для меня её притягательность вовсе не исчезала, но стала восприниматься уже как литературный трофей, то затеняясь унынием, то подсвечиваясь надеждой.

Я развязался наконец с угрюмым «почтовым ящиком», получив постоянное место редактора на учебном телевидении. Распорядок дня, особенно по контрасту с прежним, показался мне настолько расхлябанным, что мог бы, наверное, удовлетворить даже Миху Красильникова, когда-то провозгласившего «свободную Венгрию и свободное расписание». Он, впрочем, давно отрубил свои года лагерей и, как рассказывали, жил теперь в Риге, подрабатывая экскурсоводом.

Моя косая-кривая известность стала сама по себе тоже какой-то прок выработывать: вот напечатали стихотворение в «Юности» — хоть и обкорнав, но не очень испортив. Здесь отвергли и там отказали, а вот опять: в «День поэзии», правда, всего лишь «Ленинградский», взяли стихотворение про ольху под названием «Возможности». И ни строчки не переврали, напечатали весь текст как есть. В том же выпуске напечатан и Бродский — «На смерть Т. С. Элиота». Вот и замечательно, и — на здоровье: читайте, сравнивайте и аплодируйте тому, что вам сильней полюбили! Разделяет нас вшигый в тетрадь блок писательских фотографий, — в его сторону смотрит благородное лицо Ахматовой, а моя страница открывается харей Прокофьева на отвороте: разъятая морда чиновника, как раз и травившего Бродского, и теперь как бы лобызаящая мой текст. Конечно, случайность брошюровки, но очень уж резвая... Хочется захлопнуть эту страницу и не открывать никогда!

Вдруг — звонит и врывается ко мне в закут моя лира, мандолина дражайшая, вся в слезах, в испареньях адреналиновых... Что случилось, в чем дело? Оказывается, на четвёртом месяце, просит адрес врача или какой-нибудь частной клиники. Но почему же такое решение? Я — против. Если двое хотели сделать ребёнка,

то надо вынашивать и рожать. Нет, она этого совсем не хотела и даже не предполагала, всё — едва ль не умышленно — он.

Эх, кабальеро... Но если она ищет кардинальных решений для этих интимнейших дел, то почему же — ко мне?

Нет, опять же ко мне, уже с девяностымесячным брюхом, и теперь: приму ль я её навсегда? Конечно же, именно навсегда и приму, и никак не иначе! Что там Толстой, — ведь и у Достоевского не было ничего подобного. Забрехала какая-то пародия на задуманное некогда счастье: Арлекин переодевается в панталоны Пьеро и роняет на сцену гранёные ананасы слез.

Почти заставил себя верить (беременная всё-таки женщина!): её ни за что не примут дома, мы снимем комнату где-нибудь в Лахте или Ольгине, будем работать, растить... Что ж, я и на роль приёмного отца, ей полуверя, полуподыгрывая, уже соглашался. Бродил около роддома, с чем-то питательно-витаминым в руках туда совался, но нянечки пронизательно глянули и гляделками меня отогнали: мол, отец уже приходил, а ты кто?

Кто-то её (уже — их) перевёз из роддома, и — к Кочергиным, театральным художникам. Он — в БДТ, у Товстоногова, за полшага от советской элиты, ну так что ж, молодцы, — хоть место для матери с новорожденным бэби от себя открыли... Я их там навестил, но усвоил, что мои визиты вносят излишнюю сложность в «легенду».

А вот уже в доме «на Глинке». Над ванной развешены пелёнки, колыбель — на сцене, а в танцевальном зале — полный переполох. Ужас и повальная корь! Младенец — вылитый, между прочим, Иосиф — заливается в плаче, его мать лежит почти без сознания: у неё взрослая корь, а это много опасней. А мне — что? Я этим ещё в войну в Краснодаре под бомбами переболел и теперь малого рыжего клоника безобязанно держу на руках и укачиваю, обмирая от жалости. А папашу туда не пускают.

Но вот Марина-Мария, она же и Марианна, показала мне переданный от него подарок: добротной печати хорошую Библию с надписью на титульном листе, как бы «от автора» и без какой-либо пунктуации: «Андрею на всю жизнь Отец».

И я стал туда как-то реже ходить и реже востребоваться.

Тем не менее, какая-то ниточка, а то и суровая нить продолжала тянуться, и время от времени за неё дёргали и меня проверяли. Даже в Америку были по телефону ночные звонки, срывавшие меня с двуспального ложа: «Митя, ну как ты там? Как ты?» Я объяснял, что я ничего, но здесь три часа ночи, я сплю, а в шесть нужно вставать на работу. Вообще для всего её многолетнего поведения лучше всего подходил образец: убегающее — схватить. Типично кошачий рефлекс, и во всяких там нежных глупостях именно кошку она и старалась играть. Но из их породы походила пластикой разве что на гепарда-читу. А скорей всего, на редкую ночную антилопу, снятую в кино за пожиранием цветов с нижних веток деревьев, — окапи.

Её мальчик родился 8 октября, выждав ровно положенный срок. Потому-то папаша его так и любил Рождество.

В 91-м я приехал на целый семестр в Ленинград, ставший вновь Санкт-Петербургом на моих глазах. Читал курс лекций, поглядывая в окно аудитории на чёрную осеннюю Неву, шпиль Адмиралтейства, золотой купол Исаакия и позеленевшего конника на скале, на том берегу.

Мне позвонил тот самый паренёк, из-за которого некогда весь сыр-бор разгорелся. Захотел встретиться. Я был не против, назначил ему место у сфинксов.

Галя Руби захотела пойти со мной. К нам подошёл ну совершенный Жозеф, и тех же в точности лет, что он был тогда... Манера говорить, жесты, — всё то же самое. Побывал уже в Америке, но «фатер» не одобрил его нежеланья учиться. Здесь он держал за кого-то мазу, участвовал в каких-то разборках, а вообще-то хотел бы через меня перебрасывать в Штаты здешний «рок» и обратно. Это с моими планами не совпадало, и мы расстались.

— Какое счастье, что это сокровище — не моё... — сказал я Гале.

Споткнувшееся время

О возрастных изменениях, о влиянии времени на тело и поведение человека пишет вся мировая литература, и вот уже какое тысячелетие тема эта каламбурно не стареет! Чисто читательски такой сюжет меня разочаровывает. Хотелось бы услышать о каких-либо новостях в этом вопросе: не удалось ли, например, хоть кому-либо остановить или пустить вспять неизбежный процесс, закляв его словом, как доктор Фауст, и лишь потом умереть? Или, наоборот, умереть сначала, наподобие доктора Живаго, а уже после эпизода возродиться стихами? Свою итоговую книгу Ахматова обозначила тем же понятием — «Бег времени», и разрушительному ходу вещей у неё сопротивляется долговечней всего «царственное слово». Слово, которое — памятник, но не из меди и камня, а из букв. А также — «Памятник» как стихотворение: не только Пушкина, а и Державина, и Ломоносова, да ведь и Горация же, роднящее отечественную поэзию с мировой.

Ахматова, которая занималась этой темой с аналитической хваткой историка, буквально пальцем указывала на то, как меняется от переложения к переложению образ того самого слова, что «превыше пирамид и твёрже меди», как изначально выражено у Горация. Но по её мысли «*Exegi monumentum*» мог восходить к ещё более раннему оригиналу, древнеегипетскому «Прославлению писцов», — и именно ей довелось перевести его на русский. Там прославлялось даже не столько поэтическое, сколько вообще письменное слово, которое соперничает по долговечности с «пирамидами из меди». Право же, чтобы с этим согласиться, не надо ждать другой вечности для доказательств: медная облицовка пирамид давно уже перешла в мародерами в пар, а «Писцы» — вот, существуют в ахматовском переводе...

Свой «бег времени» выражал бессловесно, но психологически точно Марсель Марсо, неуядаемый клоун-философ, приезжавший тогда на гастроли в наш Питер. Его мудрая пантомима показывала жизнь человека как прогулку: от первых шагов, сделанных при поддержке невидимой взрослой руки, от увлекательной игровой беготни детства к романтическим блужданиям юности, и далее — к энергичному выходу на свою стезю, а затем от мелькнувшего было ужаса перед бессмысленностью дальнейшего хода — вперед, к привычному продвижению.

С поправками на условность в этом беге на месте можно было узнать и свою жизнь. Мой возраст приближался к тридцати, и в пантомиме ему соответствовало одоление встречного ветра, когда порывы надежды сменялись обратными толчками отчаяния, которое мим отгонял, чтоб оно к нему не пристало, как «золотое клеймо неудачи», если использовать ахматовское выражение. Возраст её самой зашел уже далеко за семьдесят, и пантомима выражала его остановкой движения, замиранием перед концом, который делался заметным лишь после длительной паузы, когда вдруг падала кисть руки.

Нет, это и близко не соответствовало последнему году жизни Ахматовой! Она с увлечением переживала период третьей славы, — её никогда не оставляла слава читательская; на короткое время (с войны до 46-го года) посетила её слава советско-официальная, и вот теперь пришла слава международная: премия «Этна-Таормина» и поездка за ней в Италию, выдвижение на Нобелевскую премию, звание почетного доктора Оксфордского университета...

Но, странным образом, не эти почести придавали ей значительность и вескость, а скорее она — им. Поздней приходилось мне видеть докторов из Оксфорда, и теперь я не спорю — есть среди них фигуры своеобразные и яркие, даже порой игровые: например, получивший почетную степень как раз за стихи... чемпионом мира по боксу Мухаммед Али, — эксцентрическая шутка интеллектуалов учёного совета. Не говоря уж о закулисной игре Нобелевского комитета: вот уж кому должны были дать премию, так это ей, а не последующим лилипутам островных литератур, не предшествовавшему Шолохову, который подарил академиков донскими скакунами и бочками черной икры...

А вот симпатичная сицилийская премия только тем, кажется, и знаменита, что её вручили Ахматовой. Впрочем, Сальваторе Квазимодо и Дилан Томас тоже, конечно, первоклассные поэты, но они получили лишь премию, а для Ахматовой наградой была ещё и Италия.

Она показала мне дары, ей врученные вместе с «Этны-Таорминой»: куклы-рыцаря в серебряных доспехах, божественно-великолепный том Божественной же комедии, показала синюю куртку, купленную там для Иосифа. «Из-за цвета носить он её не будет», — подумал я, но вслух одобрил вещь за практичность... Впервые я видел Ахматову одетой в легкое кимоно, как, может быть, для семейного праздника или свидания, хотя розовый цвет уже не мог веселить отсветами опухшую бледность её лица. Юмор оживлял его по-прежнему, но сами сюжеты итальянских рассказов отбрасывали длинную траурную тень.

В Риме ей больше всего запомнилась могила Рафаэля, и она в разговоре описывала маленькую арку в стене, низкий свод, выложенный кирпичом, и гроб, туда вставленный:

— И от обыкновенности этого гроба, от простого кирпича — ощущение скорби, недавней, чуть ли не вчерашней смерти.

В Катанье для вручения премии её привезли к замку Орсино и провели во внутренний двор, где она увидела, что ей надо подняться по лестнице прямо во второй этаж:

— Лестница открытая, без перил... Такая лестница, что к ней должен подскочить всадник и в сапогах вот с такими шпорами взбежать через две ступени. Тут я прекрасно себе представила, как я поднимаюсь, мне делается плохо, и вместо премии — хлопоты, всё, как надо: приезжает скорая помощь, и я получаю то, что называется «похороны по четвёртому разряду», когда покойник сам погоняет... Но я — взошла.

Этот рассказ я записал слово в слово в мою тетрадь 14 февраля 1965 года. А в одной из очередных тетрадок на пустом развороте была помета: «Сегодня, 5 марта, умерла Ахматова. Остались мы одни, ахматовские сироты».

Девятого позвонил Найман, был краток: «Где ты пропадаешь? Сегодня — отпевание в нижней церкви Никольского собора. Завтра — гражданская панихида в Доме писателя. Похороны на Комаровском кладбище». Он, наверное, обзванивал многих — об этом широко объявлено не было.

У Николы Морского уже собралось много народу, к гробу было не пройти, я постоял в толпе, привыкая к мысли, что вот, теперь уже — всё... Вслушивался в слова, произносимые священником между каждениями, понимая их, может быть, впервые и относя их к новопреставленной Анне. Жертва вечерняя... Я ведь не раз хотел говорить с ней «обо всем этом» и уже набирал в паузах между других разговоров слова, чтобы задать ей вопрос о Боге, но то ли моя тогдашняя неготовность, то ли её снисходительное веселье вполуборот к подносимым цветам, — что-то мешало заговорить о главном. Теперь эта тема зазвучала на церковно-славянском.

В Доме писателя — очередное унижение перед закрытой дверью: «Только для членов Союза». Отправился прямо в Комарово — пока я доеду и дойду дотуда, придёт и похоронный автобус. Так и получилось. День был сырой, с залива нанесло талой влаги, дышалось с трудом. Когда гроб внесли в кладбищенские ворота, я ринулся к нему, несущие чуть расступились, и рука ощутила груз. В центре потоптались, разворачиваясь на боковую дорожку, ведущую прямо к кучам отрытого песка между сугробов. Поставили ношу на козлы перед могилой, начались речи: Михалков, Макогоненко, Тарковский. Я как-то привычно встал рядом с Рейном, но тут засверкали фотовспышки, он вдруг просунул плечо вперед и отодвинул меня себе за спину, я оказался в приямке.

Именно эта фотография перепечатывалась потом бесконечно: Бродский, Ирина Пунгина, Эра Коробова, Арсений Тарковский, мрачно набыченный Рейн и мой лоб, виднеющийся из-за его плеча. В некоторых дотошных изданиях приклеивалась к этому лбу стрелка и внизу давалось пояснение: «Д. В. Бобышев».

В последнем прощании склонился Лев Николаевич Гумилев. Я видел его тогда впервые, и разрез его несколько выпуклых глаз поразил меня сходством с ахматовскими живыми глазами. Но те уже были закрыты, лоб обрамлял бумажный венчик с молитвой, черты лица изменились. Я поцеловал ей руку и взял с собой горсть песка.

Это был также последний раз, когда вся наша четверка оказалась вместе.

Споры у пьедестала

Смерть Ахматовой вынула из нашей поэтической общности некий серебряный гвоздь, и она развалилась без этого стержня на четыре отдельно бьющихся честолюбия: не совсем, впрочем, отдельно, а как-то коленчато и через раз друг против друга... К концу шестидесятых и Найман, и Рейн совсем перебрались в Москву, а в 72-м Бродский заторопился в Америку, но сначала, как я непреднамеренно узнал, планы его принимали матримонциальную форму. Я познакомился у Шмакова с американской слависткой, дочерью дипломата, которая приехала заниматься Андреем Белым. И предмет её исследований, и сама молодая женщина вызвали мое бурное одобрение, но Шмаков, по крайней мере частично, его охладил, шепнув, что она (и это — железно!) невеста Бродского... Ну нет, с меня хватит чужих и в особенности Жозефовых невест, — не превращаться ж в какого-то маниака, в профессионала по их «уводу». Но оказалось, что планы его изменили свои очертания, девушка огорчилась этим настолько, что бросила свою славистику и вышла замуж за военнотружашего. А Иосифа, как известно, стали торопить власти, и он появился в Америке не в качестве счастливого мужа, но уже сам по себе и со статусом политического беженца. Затем приехал в Америку и я — вот именно что за счастьем...

С Иосифом мы не общались, и он избегал пересечений со мной слишком даже заметно. Но однажды я позвонил ему, и мы поговорили по телефону: предмет был выше наших разногласий, поскольку касался Ахматовой. Дело в том, что, несмотря на невероятную популярность её стихов, а может быть, и вследствие этого она вызывала (и вызывает) жгучее раздражение у любителей привлечь к себе внимание публики. Михаил Бахтин объяснял такой феномен карнавалом, а дедушка Крылов толковал иначе в басне про слона и кого-то там еще. Тогда дополнением к слону оказался Константин (Кока) Кузьминский.

Человек, немислимый безраздражённого или восхищенного окружения, он возник золотистым чертом на фоне питерского андеграунда в начале семидесятых, выдавая себя за главу собственной поэтической школы. Уже это вызывало к нему неравнодушие. Помню, Коку привёл ко мне в коммуналку на Невском проспекте один из его «учеников». Я снимал там комнату с окнами на неоновое слово «Родина» и на стрелу, указывающую направо, где в глубине находился одноименный кинотеатр, и, когда у меня появлялись посетители, старушки-соседки выглядывали из своих дверей: кто пришёл? Тут они просто вывалились в коридор. Ещё бы! Молодец был одет в козью телогрейку навыверт, прямо на голое тело, из-под бороды виднелся латунный крест на цепи, но и этого мало. На нем были невиданные кожаные штаны, а в руках в качестве трости он держал полированную корягу. Футурист жизни, да и только! Штаны оказались наследием улетевшего в Париж художника Шемякина, но Кока сдергивал их при первой возможности, в особенности — перед камерой. Выпущенный Шемякиным «Аполлон-77» содержит фототриптих голого Кузьминского... на шкафу, а в журнале «Мулета» можно увидеть его на парижской улице (из одежды — лишь цилиндр на голове) с отъезым на Западе брюхом и крашеной пипкой. Но это была лишь интермедия.

Вообще-то он буквально перебрался с дивана из Питера в Техас с борзыми собаками и женой Мышкой: «Мышка, портвейну!», которая калмычила помалому и кормила всю свору. А Кока, вывезя поэтический самиздат, собранный им с Гришей Ковалёвым, прославлял себя и печатал эту едва разобрannую кучу в многотомной антологии с позорным для любого футуриста названием «У Голубой лагуны». Не знаю, при чем тут борзые, но идея была в принципе неплохая, даже хорошая, и для многих авторов «Лагуна» оказалась единственным шансом мелькнуть в литературном контексте. Однако Кузьминский же и портил всё дело. Помимо его все-таки, наверное, клинической страсти к обнажению, называемой эксгибиционизмом, ему была присуща ещё одна сопутствующая особенность: он ненавидел поэтесс. В той же «Лагуне» у него была собрана коллекция, как он называл, «менструальной поэзии», содержащая действительные образцы рифмованных глупостей наших сестёр по жизни. Её украшал один образчик, выхваченный из-под пера вполне мужчинистого Олега Шестинского: «Она наморщила свой узенький лобок...» Ну что ж, тогда к этой коллекции я бы отнёс и название самой антологии.

Понятно, что при всём при том Ахматова представляла собой слишком крупную цель, чтобы по ней промазать. И Кузьминский стал на этой мишени упражняться.

Разумеется, проект антологии находился под наблюдением (финансовым, но и не только) Техасского института современной русской культуры в Голубой лагуне, — вот откуда и вынужденное название антологии. Скушав этот компромисс, наш ниспровергатель банальности уже свободней пустился самовыражаться. Впрочем, техасские профессора присматривали (а их, по Кузьминскому, надобно

было вешать) и посылали сотворяемое на внешнюю оценку — ну, хотя бы для отчетности и ради чистой проформы. Так я узнал о его бесчинствах.

Прежде всего, он там вознамерился напечатать мои ранние стихи, а я ему разрешения не давал. Более того, узнав о его планах ещё в Питере, я ему недвусмысленно запретил это делать, предвидя, в каком оформлении или с какими комментариями они смогут увидеть свет. В тот же том и так же не спросясь, он собирался поместить и Бродского, и Наймана, который тогда наложил запрет на любые свои публикации на Западе.

Вообще-то, положив руку на сердце, я мог бы второй ладошкой закрыть глаза и смотреть на происходящее со мной сквозь пальцы: ничьи тексты не проиграли бы от честного сопоставления с другими. Но составитель под тем же переплётом собирался пристроить и свои собственные антиахматовские упражнения. И я решил действовать.

Я легко раздобыл нью-йоркский телефон Бродского и позвонил ему из Милуоки, сказав с первых же слов, что обращаюсь к нему по делу, касающемуся его самого, а также имеющему отношение к памяти Ахматовой. В чем оно состоит? Я изложил. Да, он слышал о Кузьминском и его затее и не придавал этому большого значения:

— Но если тот порочит Ахматову, это меняет дело.

— Да, именно порочит. Причем у него таких стишков припасён целый цикл. Наизусть я их, конечно, не помню, но могу пересказать.

— Нет, не надо.

— Все-таки хотя бы одно, просто для сведения... Называется «Ахматова жена» — понимаешь? Некий Ахмат покупает на базаре баранью голову и велит жене ее сварить. Ахматова жена её варит плохо и долго. Тогда Ахмат начинает жену сечь... Ну и так далее.

— Нет, нет, в таком я не участвую. Я этого не знал. Я немедленно забираю отсюда свои стихи.

— Я тоже буду сейчас звонить издателям. Увы, запретить это безобразие мы не можем, ибо — свобода, а не участвовать имеем полное право.

Вдруг он спросил:

— Ну, как тебе в Америке?

— Ничего. Трудновато, но интересно.

— Тебе — интересно? Что же именно?

— Да многое, если не всё: краски, лица, природа...

— А-а...

Разговор на этом закончился. Том «Лагуны» вышел «без двух Б», но зато со всеми своими замечательными пакостями.

Несколько лет спустя я был в Нью-Йорке на конференции славистов и заодно зашёл на «русское мероприятие», состоявшееся в трапезной православной церкви на Манхэттене. Церковь была памятная: там я венчался вторым браком, хотя венчание было первым, и не только для бракосочетающихся, а и для молодого батюшки, которого за глаза называли «отец Мишка». Первый блин в конце концов испёкся у нас комом, но дело не в этом. В пик славистам «отец Мишка» каким-то духом собрал со всего света, как он считал, передовые силы поэзии, и они у него в церкви выступали, якоже футуристы в «Бродячей Собаке»: претенциозно и карнавально. Когда я вошёл в трапезную, где когда-то после венчания игралась моя свадьба, Анри Волохонский, приехавший из Израиля, опасно покосился глазом из-

под огромного бархатного берета, напяленного на средневековый манер. Затем выступила выписанная из Австрии Елизавета Мнацаканова в островерхой конической шапке звездочёта. Читала она «Песни гнойных сестёр». Конев, владелец эмигрантской империи звукозаписей, поправлял микрофон, сияя двумя рядами золотых зубов. Ждали Кузьминского. Прощёл слух: «Уже приехал, опохмеляется внизу, сейчас будет»... Явился потный, видом пародируя «отца Мишку», — в африканском подряснике на голое тело, с крестом на цепи. Читал «Вавилонскую башню», по определению не законченную, имитируя язык суахили. В перерыве подошел.

— Что ж вы, Дима, оставили мою антологию «без двух Б», — упрекнул он меня, повторив свою шутку.

— А не надо было позорить Ахматову, Кока.

— Я так и знал! Ну, если хотите, можете мне набить за это морду.

— Немедленно и с большим удовольствием.

— Одну минутку! Это надо запечатлеть для истории. Я должен позвать мою придворную фотографию.

Пока устанавливался штатив, я, примеряясь, одной рукой взялся за золотистую бороду, а другую занёс над головой. Мы сделали зверские лица, блеснула фотовспышка, и обе заинтересованные стороны, учтиво попрощавшись, разошлись.

Вдруг пожелал опозорить Ахматову талантливый Алексей Цветков, одно время надежда эмигрантской поэзии. Заявил в каком-то интервью: «Действительно, монахиня и блудница, и каждая строчка предсказуема, как гимн Советского Союза...» На очередном «славянском базаре» я проснобировал его. К чести Цветкова, он прямо обратился ко мне:

— Это из-за Ахматовой?

— Ну конечно. Как вы могли оказаться таким противоестественным последователем Жданова?

— Извините, сам не знаю, как так получилось...

Как? Он в то время кооперировался с Лимоновым — вот и ответ. Но раз извиняется, надо простить, и мы пожали друг другу руки.

Иное дело, что к 100-летию юбилею Ахматовой её полное и повсеместное признание вызвало, как водится на Руси, уродливые явления и даже попытки культа. Пооткрывались самочинные коллекции, домашние музеи. Один из таких причудливых собирателей призывал обмениваться «ахматовицами», как ярлыками в Орду, — то есть строчками её стихов плюс засушенный лист или птичья лапка — мол, помогает от присухи и почечуя...

Конечно, в ответ на такие глупости пошли походом занимательные литературоведы — конечно же, не против них, а против Ахматовой. Даже журнал «Звезда» напечатал ряд связанных с её именем материалов, задевших мое представление о справедливости, и я написал им письмо, но его там не напечатали. Пришлось отдать его в нью-йоркский «Новый журнал», который не всегда доходит до мест. Впрочем, вот оно, это письмо.

О ГОНИТЕЛЯХ И ЖЕРТВАХ

Когда в 1989 году во всём мире отмечался 100-летний юбилей поэтессы, «Звезда» выпустила отдельный ахматовский номер, и это было замечательным и достойным актом признания её славы. Мне тот выпуск памятен ещё и тем, что именно в нём «Звезда» впервые напечатала мои стихи. Ахматовские торжества и связанные с ними бесчисленные публикации показали не только её истинный масштаб (он был известен каждому ценителю стихов), но также выявили особен-

ность её поэзии — всенародность. Стало вдруг очевидно, что своими стихами и судьбой она действительно воздвигла себе нерукотворный памятник, превратившись в достояние русской национальной культуры.

В 1996 году исполнился ещё один юбилей, связанный как с Ахматовой, так и с журналом «Звезда», — годовщина того самого ждановского доклада и всех событий, ему сопутствующих.

Журнал не забыл об этой годовщине и поместил относящиеся к ней материалы. Плохо лишь то, что они оказались либо спорными, либо поданными некорректно. В меньшей степени это относится к обнародованию прежде закрытого и интереснейшего документа — стенограммы прений по докладу Жданова на писательском собрании в Смольном (публикация В.В. Иофе в № 8 за 1996 год). Вениамин Викторович, мой старинный приятель, является одним из руководителей общества «Мемориал», и я полагаю, что он умело и внимательно обращается с документами. Но стенограмму, опубликованную на страницах «Звезды», с трудом можно назвать документом, ибо напечатана она не полностью. Без каких-либо редакторских объяснений прения по докладу Жданова приведены в ней лишь частично. Мёртвые, как известно, сраму не имут. Вполне вероятно, что, если бы выступавшие в тех прениях писатели дожили до наших дней, им теперь было бы стыдно. Но также вероятно, что и нет. Почему же «Звезда» выборочно пожалела лишь некоторых из гонителей, применив к ним, словно вид привилегии, цензурные ножницы? Да потому, что у некоторых из них остались родственники, которым это не безразлично. Я себе представляю, каково, например, поэту Льву Лосеву, живущему в Америке, было бы увидеть выступление своего отца Владимира Лифшица, а прозаику Вадиму Нечаеву, живущему во Франции, выступление своего отца Виктора Бакинського среди речей гонителей Ахматовой и Зощенко (а также журналов «Звезда» и «Ленинград»). Конечно, им было бы это неприятно. Но ведь это факт, что их отцы выступили с осуждением, и Ахматовой, жившей тогда и там, было больней, чем потомкам её гонителей: за такими прениями могла бы следовать и пуля в затылок... До пули дело не дошло, но дальнейшие события были отнюдь не «боем бабочек».

Опубликовав одни выступления писателей и не опубликовав других, журнал превратил этот острый политический и историко-литературный документ эпохи в произвольную иллюстрацию.

Второй материал, вызвавший у меня ещё более резкое неприятие, принадлежит А. Жолковскому и называется точно по теме: «Анна Ахматова — 50 лет спустя» (№ 9, 1996). Когда-то москвич, а ныне житель Калифорнии, Жолковский в последние годы печатает работы то ли пародийного, то ли экспериментального толка. Одну из них я читал в журнале «Новое литературное обозрение» — она была посвящена анализу тюремной прибаутки, начало которой «Нам татарам все равно...» многим известно в отличие от второй половины, которую вслух обычно не произносят. Весь литературный смак статьи состоял в том, что эта похабщина приводилась полностью в контексте со специально выдержанным «профессорским» тоном.

Мне кажется, что в «звездинской» публикации Жолковский применил тот же приём, только вместо грязного выражения он взял предметом своего препарирования... Анну Ахматову! Действительно, тон статьи научен, она оснащена постмодернистскими украшениями: есть в ней и «имидж», и «перформанс», и «дискурс», и даже «плюральная обстановка», — нет только объективности, хотя

и сохраняется её видимость. Прежде всего, Жолковский не скрывает того, что его статья полемически направлена против «ахматовского мифа» и «ахматовского культа», якобы созданного самой поэтессой и так называемым «институтом Трипл-Эй», то есть её читателями и приверженцами. Но уже здесь коренится неверность и предвзятость статьи, то есть её ложность.

Дело в том, что «миф» подразумевает создание гипнотической иллюзии, маски или образа, не соответствующих реальному содержанию, за которыми может скрываться и вовсе пустота. Вот «Дмитрий Александрович Пригов», которого не зря упоминает Жолковский, и есть такой пример, когда сама маска, изготовленная наподобие Козьмы Пруткова, является подлинным содержанием. Этого не скажешь об Ахматовой, и автор статьи признаёт, что у нее, по словам Жуковского, «Жизнь и Поэзия — одно». Можно ли тогда их разорвать? Оказывается, можно, но, конечно, не ради науки, а для развенчания «мифа». Можно, оказывается, поэзию вообще отбросить, надергать по мемуарам всякой бытовой дребедени и по этим «фактам» сконструировать, словно Франкенштейна, некую псевдо-Ахматову, состоящую из «высокомерия, актерства, садомазохизма, властолюбия», как её характеризует Жолковский. Но и этого мало, вот вам ещё «депотизм», «настоящая жестокость», а если такой образ выглядит слишком фурриозно-значительным, можно добавить и несколько жалких чёрточек, что-нибудь взяв от «советской» и даже «блатной» стилистики жизни, и, полюбовавшись на полученный портрет фальшивой и злобной старушонки, даже слегка ей посочувствовать: «Всё до боли знакомо»...

И ещё можно всё поставить с ног на голову, поговорить о «симбиозе» поэтессы с её мучителями и даже пресловутые доклад и постановление назвать её «звездным часом».

Да, гонителей и клеветников у Ахматовой хватало и до Жданова, и после него. Зачем же Жолковскому становиться одним из них? Он не скрывает своих намерений: чтобы демонтировать памятник Ахматовой... Мне уже совершенно неинтересно, понадобился ли ему постамент из-под неё для иного мифа, или он просто хотел поскандальить. Мне безразлично другое: зачем этому способует журнал «Звезда».

В результате, как и 50 лет назад, гонители Ахматовой находятся под защитой, а её имя вновь подвергается беспардонным и оскорбительным нападкам.

Я, конечно, знал, почему «Звезда» не напечатала моего письма, — не только потому, что им нечем было ответить на упрёк самому журналу. И не только из-за тех имён, которые они скрыли в своей публикации, а я назвал. Но я упомянул ещё о подспудном и долго скрываемом процессе: борьбе за сотворение мифа и памятника Бродскому, а иначе — о битве памятников.

Ещё при жизни наш прославленный современник был удостоен бронзового изображения: талантливая голландская скульпторша изваяла его бюст в натуральную величину и отлила его в бронзе в двух экземплярах. Один она оставила у себя, а второй был выкуплен Иосифом с помощью Михаила Барышникова, его финансового партнера по манхэттенскому ресторану «Русский самовар», и передан музею Ахматовой в Фонтанном Доме. Я его там видел. В экспозиции ему места не нашлось — он бы сразу затмил все экспонаты, относящиеся к истинной «хозяйке» Фонтанного дома, и его пока поместили в служебных помещениях, откуда он явно выпирал наружу. Он стоял на шкафу (подлинник, принадлежавший родителям по-

эта) с надписью «Библиотека И.А. Бродского». Среди знакомых мне книг где-то должны находиться памятные Дос Пассос и Сент-Экзюпери, которых он так и не вернул, а теперь уже — всё, музейная собственность... Полированной тёмной бронзой бюст чеканил свой профиль, полуоборот и анфас (я его обошёл) даже не с достоинством римского патриция, а именно что с величием кесаря, и я понял, что он тут будет распоряжаться по-своему.

Набравшись духу и чуть разыгрывая пушкинского Евгения, я погрозил ему пальцем:

— Ужо веди себя здесь хорошо!

К 300-летию Петербурга стала разворачиваться кампания по установке нового памятника Бродскому на Васильевском острове, куда, как все знают, он так и не пришёл умирать вопреки своему раннему обещанию. На языке символов (а памятники именно и говорят таким языком) это означало бы признание его короной всей петербургской культуры.

Мне живо представилась длинная очередь неустановленных памятников с протянутой потомству рукой — установите! Вот — памятник Блоку, Вячеславу Иванову, Мандельштаму и Ахматовой, да и Михаилу Кузмину... Да и Клюеву, и Есенину... Даже Тихону Чурилину!

Вдруг впереди всех в очередь становится Бродский.

Памятник Анны Ахматовой (*бронзово*):

— Извините, Иосиф Александрович, вас тут не стояло!

конец первой книги

Виктор Каган

НАД РОДНИКОМ ВЕРЛИБРА

* * *

От жажды умираю над ручьём
Франсуа Вийон

верлибр говорят это просто проза
неровно нарезанная на грубые ломти строк
неловкий изыск не умеющих рифмовать
и паковать слова в пакетики метрик и ритмов
так что каждый журден
лишь вчера открывший что он говорит прозой
и наугад тычущий в клавишу enter
начинает казаться себе поэтом
ладно
я же не спорю
я открываю библию
где воля рифмуется с жизнью
молитва с дыханием
дыхание с пульсом мысли
где волны смиренной страсти
стремятся к берегу гнева
и золотой песок прощенья лижут
ласковыми языками
где песнь возникает из песни
где чистота стиха
белее любой белизны
которая не разлагается на семь цветов радуг
где птица скользит по тайне
между крылом и каплей земного шара
в усталой ладони
бога
в начале
была не словесность
а слово
рождённое из
косноязычных вибраций верлибра
между створками связок
как жемчуг между невзрачных створок моллюска
как дух между сложенных вместе ладоней
а вы говорите проза
ну что ж говорите
рифмуйте под стук метронома

кайфуйте в дыму филологий
но не пропустите
не прозевайте
не упустите
свободы
таящейся в клетках классификаций
как муза на ложе прокруста
уста не сводимы к губам
потрескавшимся от жажды
над родником верлибра
а вы говорите
проза

непостижимый
всеведущий
всемогущий
вездесущий
не играет в кости

небо в клеточку
география в клеточку
демография в клеточку
сердца в дырочку
души дымом восходят в небо
кости отхрустят
и тихо истлеют в земле
кесари своего не отдадут
ещё и прихватят богово
шахи во сне бредят матом

цари царицы царевичи и царевны
свиты кабинеты министров
отобранная обслуга
отборные офицеры кони ладьи пушечки
за рядами пешечек
что пешки считать
они ещё себя нарожают

ожог растворён
в царской водке полудня
хлопья пепла
неразличимы в ночи
как серая кошка
день встаёт на закате
и догорает в рассвете
чёрное неотлично от белого

ненависть от любви
колыбель от гроба

умные верят в науку
умеющую много гитик
в политиков
власть которых
знающие говорят
от бога

а этот дурачок
эта дуручка
эти дурачки
чёрная пешка у белых
белая пешка у чёрных
сбивчиво и нескладно
просят прощенья
за чужие грехи
которые боль сделала своими
простите говорят простите
что возьмёшь с дурачков

слёзы любви замерзают
в раскалённом воздухе
как след реактивного ангела

вот он стоит
среди таких же как он
в развале дымящихся обломков
осколков ошмотьев
металла
человеческих тел
с детской игрушкой
в вытянутой руке
как с только что
собственноручно
отрезанной головой
поверженного врага
празднует победу
над жизнью
потом он обшарит
кошельки чемоданы карманы
потом
утомившись
они пойдут отдохнуть выпить и перекусить
у одного из них завтра свадьба

не забыть бы сфоткаться с невестой
на фоне убитой железной пгички
а игрушка пускай полежит
мелкий подрастёт будет играть
если успеет родиться
раньше
чем папу всосёт
кровавое болото истории
а пока
гордая собой обезьяна
пришла за своим черепом
и фоткается
на фоне
месива
крошева
дразнящих аппетит
винегрета смерти
и дымящегося на гриле войны
жарева жизни

истёртые
пыльные
заросшие паутиной
слова
выползают на свет
выстраиваются в строки
страницы
ор ораторий
перековывают орала
на мечи и забрала
заряжаются ражем
покорения горизонтов
маршируют
по солнечным зайчикам любви
теньям перепуганных птиц
дыханью надежд
в мясорубку войны
и выползают из неё
буквенным фаршем
прахом смысла
а он
собирает по искорёженной буквке
отогревает их в ладонях
отмывает от грязи
выправляет вывихи и переломы
радуется их ожившему взгляду

красоте
свежести
складывает в слова
простые и свободные
человеческие слова
полные жизни
любящей жизнь
последнюю её опору
и её прорастающее семя
на выжженных полях войны
а ему говорят
дурачок
дурачок

ошалевшая кукушка
давно сбившаяся со счёта
вешает лапшу обещаний
на уши
парочки в далёкой аллее
пары деловитых могильщиков
безутешной вдовы
детей
старых друзей
скрывающих равнодушие сослуживцев
каких-то вовсе случайных людей
и покойного
о котором
или ничего
или хорошо
подобающую случаю степенность речей
вдруг разрывает крик
на кого ты нас
вспугнутые вороны срываются с деревьев
надо всем повисает
бросающий в холод
вороний грай
и кукушка
затаившись в листве
умолкает

все расходятся
тишина
шёпотом листьев жучков облаков
шелестом стрекозиных крыл
потрескиванием сухих веток
отзывается на голоса

слышные только тебе
каждому по глотку
и сам по глотку за каждого
чья жизнь навсегда упакована
в тире между датами
прилетает ворона
осторожно косит угольным глазом
схватывает брошенный ей хлеб
потом клюёт с руки
так и сидим вдвоём
о разном и вместе

ну всё
мне пора
прости подруга спасибо
она подпрыгивает следом
потом отстаёт
бреду к выходу
как много новых могил
а в спину
заевшей пластинкой
деловито врёт
осмелевшая кукушка
из вечных ходиков
времени
на сосновой ветке
гирькой качается шишка

сначала
спрашивать было рано
одни не знали
другие скрывали
третьи просто молчали
страна была широка
в ней дышали так вольно
как в никакой другой
и не любили вопросов
на всё уже были ответы
надо было только
их заучить
затвердить
запомнить
зарубить на носу
и не морочить голову
себе и другим
правда находились такие

кто призывал мальчиков спрашивать
и мальчики спрашивали
а им говорили
ты что самый умный
тебе что больше всех надо
напоминали
о любопытной варваре
или
ставили в угол
если не к стенке

потом
спрашивать было некогда
надо было прыгать а не думать
перестраивать
чёрное в белое
не пялить ум
на разноцветье вопросов
потому что ведь ясно
что оно отвлекает
но некоторые мальчики спрашивали
им отвечали то же
что раньше
только наоборот
и распальцовка
указывала куда им пойти
а слишком упрямых
вычёркивала из жизни

теперь
можешь спрашивать сколько влезет
никто и не подумает
тебе отвечать
а и ответят
уж лучше бы помолчали
тогда не спросил мальчик
теперь уже поздно
твой поезд летит сквозь время
выпавших не считают
ты крутишь какую-то ручку на стенке
как когда-то в свои золотые пять
представляя себя машинистом
ты уже большой мальчик
оставь ручку
стоп-кран не работает
поезд несётся
время
спрашивать себя

спрашивать с себя
самому отвечать на вопросы
самому отвечать за себя
чтобы завтра
иметь право ответить им

если они тебя спросят

в сновидениях
она ещё жива
думаешь о себе
какая же ты сволочь
столько лет не видел
не звонил
забросил
и чёрт-те куда едешь
проходишь сквозь хлам
коммунальных коридоров
в голой комнате
одинокая железная койка
на ней
съёжившаяся в сухой кокон
фигурка
ты садишься рядом
берёшь за руку
разговариваешь
и постепенно
кокон
становится бабушкой
и вы говорите говорите говорите
и всё как тогда

те кого уже нет
живут в твоих снах
словно и не умирали
иногда подумаешь
что это лишь снится
но сразу одёрнешь себя
как же так
ведь вот они
и продолжают вчерашний разговор
а утром просыпаешься
и думаешь
что они вышли куда-то
и вот-вот вернуться
но они не возвращаются

найдя в своих заграницах
чёрный хлеб
похожий на тот питерский
который любил отец
ругаешь себя за то
что не нашёл
пока он был жив
за то что ухитрился
не купить маме
эту замечательную посуду
а брату
фотокамеру и компьютер
о которых он и мечтать не мог
а сегодня это запросто

раньше
приезжая в москву или питер
ты и за месяц
не успевал повидаться со всеми друзьями
сегодня
хватает трёх дней
а завтра и их будет много

время
не покладая рук
пропалывает
память
телефонные книжки
стирает
адреса и лица
а частное от деления любви
на тех кого можешь обнять
становится
всё больше

вглядываясь в прошлое
с трудом узнаёшь себя
как будто
заглянул из него
в будущее настоящее
только наоборот

не кто этот мальчик
или молодой человек
с его

наивной глупостью
глупой наивностью
напоротыми косяками
за которые даже не стыдно
настолько это не ты

а

кто этот дед
которому девушки в автобусе уступают место
стреляющий сигарету пожилой алконавт

говорит

папаша дай закурить
а он поскрипывая скелетом
размышляет о жизни
будто она не уже проходит
а только ещё приходит
наступает
и никогда не наступит на голову

прикрываешь глаза
мальчик с дедом
то встречаются
берутся за руки
обнимаются
сливаются в одно целое
то выходят из него
расходятся
тают каждый в своём нигде
а ты

стоя между ними
вертишь башкой
вглядываешься
недоумеваешь
неужто это я
ты ты
кто же ещё

начало
находится там
где концы
сходятся с концами
но в клубке
слишком много концов
рваных нитей судьбы
в них иголкой в стоге сена
затерялась ариаднина нить

она повела бы тебя
от конца к концу
а ты бы связывал их морскими узлами
чтобы не развязались
клубок становился бы всё меньше
пока от него не осталась бы
одна ариаднина нить
которая могла бы тебя повести
от конца к концу
но
она уже ни к чему
хотя начало
так и не раскрылось

змеи
узловатых вен
обвивают
узловатые пальцы
поднимаются выше
набухают под тончающей кожей висков
сползают по ногам
чтобы скользнуть в траву
и наслаждаться свободой
и снова ползут вверх по усталому телу
шаркающий шаг
короче гудящей ступни
тонкая нога
в городском многоголосье
вслушивается в себя
птицей меж прутьев рёбер
вопрос
не ждущий ответа
который придёт
когда зеркало неба
у губ останется чистым
а пока
улица ладонями стен
хранит от ветра
вершащего свой путь
пилигрима

эх
как строил
ах
как строил
ох
как строил он шинель
копейка к копейке
год к году
день к дню
час к часу
ту самую
из которой
мы все и выросли
но
не выросли
она приросла к коже
проросла в душу
из неё выросли песни
о серой шинели
грохочущие маршами
в такт сапогам
чавкающим кровавой грязью войны
его
вытряхнули из шинели
мы
учились делать из неё скатку
подтыкать полы
чтобы не пугались в ногах атаки
спать
укрыв ею спину
кроить из неё пальто
из остатков нарезать стельки
и не вспоминать
ни о бедном акакии
ни о никлае васильевиче
в стране накрытой
серой шинелью
под которой
ухитрялись
любить
становиться людьми
мечтающими построить шинель
чтобы
её сняли с нас
в ближайшей подворотне истории
по приказу
накрытой ею страны
которой
мы сами и были

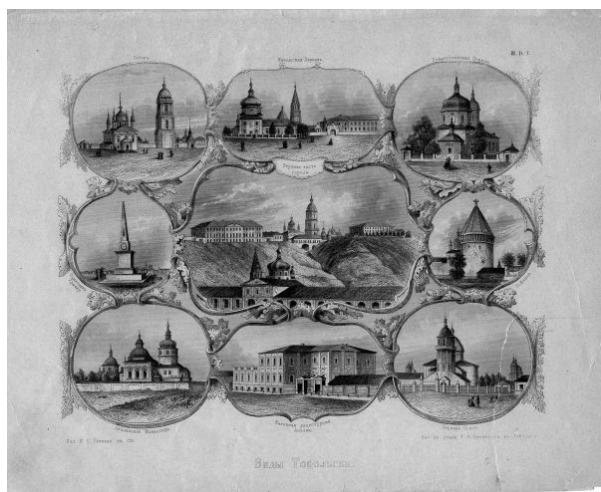
в окне напротив
сосед
готовит еду
что-то чистит режет трёт
помешивает
пробует с ложки
задумывается
что-то подсыпает
опять пробует
убавляет огонь
достаёт
из шкафчика посуду
ложки вилки ножи
смотришь и думаешь
какой в этом смысл
зачем всё это
как это в общем банально и мелко
а сам
чистишь
режешь
трёшь
помешиваешь
пробуешь
прикидываешь
какие лучше тарелки
спохватываешься
кладёшь в морозильник водку
вот теперь порядок
и мир
наполнен покоем и смыслом
а сосед
достаёт из холодильника графинчик
смотрит на меня в окне
и думает
что он там возится
какой в этом смысл
зачем всё это
взгляды встречаются
машем друг другу
привет
поворачиваемся
и говорим в комнату
готово

Эдуард Элькинд
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
СТИХОТВОРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ
А.И. ЮШКОВА —
ИСТОРИКА, ФИЛОЛОГА, ЛИТЕРАТОРА

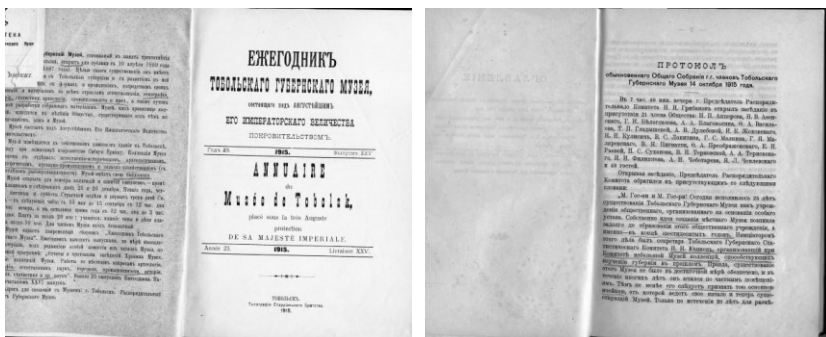
Автор впервые публикуемых здесь стихотворных сочинений Александр Иванович Юшков (1866-1932) — историк — археограф, ученик, друг и сподвижник В.О. Ключевского, библиофил, переводчик, литератор.

А.И. Юшков родился в 1866 г. в городе Тобольске — тогдашней столице Сибирской губернии. Здесь отбывали ссылку декабристы А.М. Муравьев, И.А. Анненков, М.А. Фонвизин, Ф.Б. Вольф, С.Г. Краснокутский, В.К. Кюхельбекер и др. В Тобольске родились: химик Д.И. Менделеев, сказочник П.П. Ершов, композитор А.А. Алябьев. Через тобольскую каторжную тюрьму в разное время следовали этапом Ф. Достоевский, В. Короленко, А. Солженицын.

Литография «Виды Тобольска», печать по стали Ф.А. Брокгауза в Лейпциге, издание В.Е. Генкеля в СПб (9 сюжетов: верхняя часть города, Собор, Никольская церковь, Рождественская церковь, памятник Ермаку, Бойница, Абакский монастырь, Казенная рецептурная аптека, церковь Спаса).

Отец А.И. Юшкова, Иван Николаевич Юшков (1833-1877) — выпускник Тобольской семинарии, учёный — статистик и этнограф, редактор «Тобольских губернских ведомостей», секретарь Тобольского губернского статистического комитета явился основателем первого в Сибири краеведческого музея (ныне Тобольский Государственный историко-архитектурный музей — заповедник).

Ежегодник Тобольского Губернского музея, состоящего под августейшим Его Императорского Величества покровительством, год 23, вып. XXV, 1915, Тобольск, Типография Епархиального братства, 1915, титульный лист, с.2, 3.

Обучаясь в первых классах гимназии, А. Юшков вместе с братом Пантелеймоном выпускал домашний рукописный журнальчик «Забава» с собственными рисунками, где помещал свои гимназические стихи и поэмы.

По окончании гимназии 17-летний Александр отправился учиться в далёкую Москву. О своем путешествии из Тобольска в Москву А. Юшков красочно рассказывает в письмах к родным и ведет дневниковые записи.

В 1883 г. он поступает на историко-филологический факультет Императорского Московского Университета, где курс истории читал профессор В.О. Ключевский. Конспекты его лекций, сделанные Александром Ивановичем и признанные каноническими, будут использованы при издании книги В.О. Ключевского «История сословий в России».

В декабре 1887 г., за полгода до окончания курса, после студенческих волнений, завершившихся закрытием университета («Брызгаловщина»), А. Юшков один со всего факультета был исключён из университета попечителем Учебного округа Капнистом «за революционный образ мыслей» и предназначен к высылке в Харьков. Лишь благодаря энергичному заступничеству декана факультета, профессора В.О. Ключевского А. Юшков был вновь допущен к занятиям в университете, который он заканчивает со степенью кандидата.

После окончания Московского университета А.И. Юшков поступает на службу в Московский архив Министерства финансов на должность помощника архивариуса (1879 г.). Затем он последовательно переводится на должности коллежского секретаря (1889 г.), титулярного советника (1892 г.), надворного советника (1900 г.) в соответствии с чиновничьей табели о рангах.

На протяжении ряда лет Александр Иванович преподавал историю в московских гимназиях, был членом Общества истории и древностей российских при Московском университете.

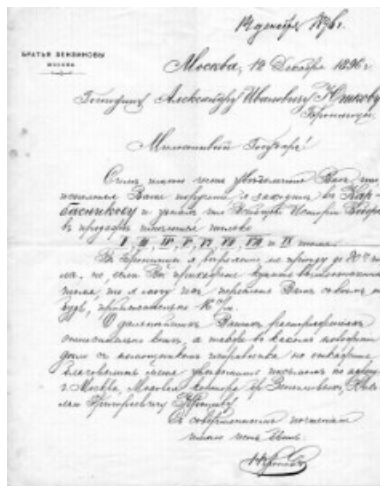
С 1895 года он назначается податным инспектором Бронницкого уезда Московской губернии. В 1896 году А.И. Юшков был награждён серебряными медалями в память царствования императора Александра III и в память Св. коронования императора Николая II. В 1898 г. пожалован орденом Св. Станислава 3 ст. — за труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 г. В 1903 г. за выслугу лет удостоен орденом Св. Анны 3 ст.

Фотография А.И. Юшкова (1890-ые гг.), фотомастерская Фр. Опитц в Москве

Фотография В.В. Юшковой (жены А.И. Юшкова) с детьми, Бронницы, середина 1900-х гг., фотомастерская Т. Зашпанина в Коломне

Письмо Н. Крылова из Московского книжного магазина братьев Зензиновых А.И. Юшкову по поводу книг "Всеобщая история" Вебера от 12 декабря 1896 г.

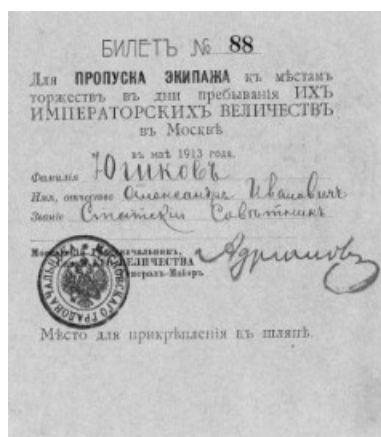
Спустя несколько лет А.И. Юшков производится в статские советники, возвращается в Москву и назначается на должность начальника отделения Московской

казённой палаты, становится заместителем управляющего. Ему и его семье была предоставлена квартира на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре, в доме №17.

Фотография А.И. Юшкова в рабочем кабинете, середина 1900-ых гг.

В мае 1913 г. А.И. Юшков приглашается на «торжества в дни пребывания Их Императорских Величеств в Москве» по случаю 300-летия Дома Романовых, а в августе 1914 г. — в Большой Кремлевский Дворец «к высочайшему выходу». Оба пригласительных билета, соответственно № 88 и № 4927, подписаны Московским Градоначальником, свиты Его Величества Генерал — Майором Адриановым.

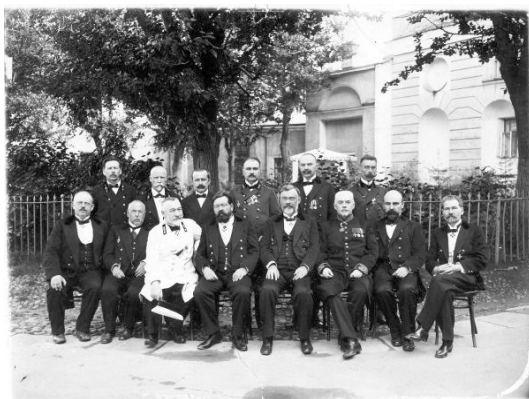

Билет № 88 для пропуска экипажа к местам торжеств в дни пребывания Их Императорских Величеств в Москве в мае 1913 г. на имя статского советника А.И. Юшкова

Билет № 4927 для входа в Большой Кремлевский Дворец к Высочайшему выходу в августе 1914 г. на имя статского советника А.И. Юшкова

Основной научный труд А.И. Юшкова — «Акты XII-XVII веков, представленные в Разрядный Приказ представителями служивых фамилий после отмены местничества» (ч. 1. 1257-1613 гг.) был выпущен Обществом истории и древностей российских в 1898 г. После смерти В.О. Ключевского Александр Иванович взял на себя труд по редактированию его книги «История сословий в России», которая вышла в 1912 году со вступительной статьей А.И. Юшкова.

Фотография А.И. Юшков (сидит в центре) среди чиновников Московской Казенной палаты, 1910-ые гг.

Много времени и сил А.И. Юшков уделял переводам с греческого, английского. В Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки хранятся рукописи его переводов «Одиссея» Гомера, романа В. Скотта «Редгонтлет» (фонд Юшкова, Ф. 416). Там же находится машинопись его сочинения по теории хронологии «В защиту юлианского календаря. Историко-космографическое исследование» (1923 г.), а также обширный эпистолярный архив. В 1910 – 30-ые годы он выступает, как автор остро антиамериканских, сатирических стихотворных сочинений.

Поэма «Сказ о Блаженном», написанная в 1919 – 24 гг., — своеобразный итог работы историка — археографа над русским фольклором. Действие поэмы относится к русскому средневековью, к эпохе Ивана Грозного. В поэме нет букваль-

ных заимствований. Фольклорный материал, привлёкший внимание А.И. Юшкова, подвергся творческой переработке, мотивы и образы народной поэзии органично вошли в художественный мир «Сказа».

На публикацию «Сказа», впервые увидевшего свет на страницах журнала «Мир библиографии» (№№1, 2 за 2011 г.), пришел отклик из родного города А.И. Юшкова. Заведующая научной библиотекой Тобольского музея Г.В. Лелова в письме к ответственному редактору журнала Н.Н. Майданской пишет: «... журнал публикует поэму «Сказ о Блаженном». Ее автор — ученый — историк, археограф, переводчик Александр Иванович Юшков. Естественно, это сын Ивана Николаевича Юшкова, основателя нашего музея. К тому же, А.И. Юшков — уроженец Тобольска. Публикацию и биографическую справку о А.И. Юшкове подготовил Э.Ю. Элькин, внук А.И. Юшкова. Конечно, имена этих людей были известны, и некоторые материалы уже были опубликованы ранее (Коньков Н.Л. Иван Николаевич Юшков //Лукич. — 2003. — №2, 3), но всегда интересны новые дополнительные данные. Последняя публикация позволяет нам также увидеть лица сына и правнука И.Н. Юшкова ...»

Ниже приводятся тексты шести сохранившихся в личном архиве А.И. Юшкова стихотворных сочинений (оригиналы этих и других рукописных и машинописных стихотворных текстов также хранятся в Отделе рукописей РГБ): «Нищий», «Император Юлиан», «Путешествие Св. Иоанна, архиепископа Новгородского во святой град Ерусалим», «Отшельник», «Видение епископа» и «Среди волнений и терзаний...»

Нищий

У дверей церковных в рубище негодном
Он стоит и молит о насущном хлебе,
Именем Христовым просит подаянья
И возводит взоры к праведному небу.

Что, бедняк несчастный, что тому причиной,
Что лишен ты крова и насущной пищи?
Что покинут всеми и нуждой гонимый,
Стал ты у порога здесь голодным нищим?

Горькая ли доля и болезнь лихая
Молодую силу рано надломил?
Чарочка ли злая или лень и праздность
Мужика сгубили, по миру пустили?

Или же, быть может, ты всю жизнь трудился,
На других работал, делал, что умеешь;
А теперь пред теми, на кого работал,
Ты больной склонился и взглянуть не смеешь!

Ведь не ты — ль в крестьянстве до седьмого пота
Цельный день трудился над родною нивой?
Что ж так равнодушно все тебя проходят —
Все, кому ты прежде вечно был поживой?

С миной безучастной или с важным видом
Мироед — кабатчик, фабрикант в одежде
Чистой и изящной, подадут монетку;
Ты ж — им снова в пояс, как бывало прежде!

Странное сравненье: ты весь день голоден,
А у нас, быть может, вдоволь всякой пищи;
Но у нас с тобою все-таки есть сходство:
Нищие вы телом, мы же — духом нищи!
26 февр. [1890 г.]

Император Юлиан

1

Весь лагерь горестью убиг,
Подавлен и смущен:
Там цезарь раненый лежит;
Смертельно ранен он!

2

Так молод он, исполнен сил!
Так доблестен и смел!
Умело в бой он рать водил
И побеждать умел.

3

Щадя за доблесть и врага,
Он воинство берег.
Всем — друг и первый всем слуга
Он — цезарь — полубог!

4

Но полубогу самому
Всех смертных рок сужден...
Спасенья нет уже ему:
Смертельно ранен он!

5

Пред смертью не трепещет он,
И ясен бодрый ум.
Дух Юлиана удручен
Иных напором дум.

6

Его сподвижники стоят
Поникнувши головой.
Угрюмы лица. Все молчат —
Что скажешь в час такой?

7

«Друзья, прощальный вам привет!
В далекий путь иду —
Туда, отколь возврата нет
Царю, как и рабу.

8

Квиригы, смерть мне не страшна,
Но дух во мне уныл:
Была ли честь сбережена?
И правде ль я служил?

9

Я ненавидел христиан.
Загадкой для меня
Была их вера. Вражий стан
Себе в них чуял я.

10

Да, непонятна вера их
И страшен их успех:
Христианин покоен, тих,
Но побеждает всех.

11

Наш светлый мир ему претит,
Ему он зло и скорбь;
Лишь к небу он свой взор стремится,
Лишь душу чтит, не плоть!

12

Идет с улыбкой на костер,
И имя лишь Христа
Твердят вперивших в небо взор
Страдальцев их уста.

13

Я буйных варваров смирил,
Я был грозой для них,
Но христиан поток залил
И варваров самих.

14

Желал меня дориносить
В восторге бурный Рим...
Но вот, готовый смерть вкусить,
Сомнеюм я томим.

15

А ты, античный чудный мир!
Как я тебя любил!
Героев мир, мечей и лир,
И царственных могил!

16

Мир красоты! Гомер, Сократ...
Что может выше быть?
А эти люди не хотят
Ни знать вас, ни любить!

17

О, как хотел я отстоять
Античный идеал!
Но вот теперь хочу познать —
Я победил иль пал?

18

В моей деснице меч, а там —
Молитва и любовь;
Здесь — жертвы пышные богам;
Там — мучеников кровь.

19

Вотще ты, цезарь Юлиан,
Труды свои понес.
Усилья тщетны! Христиан
Поток все рос и рос,

20

И весь он мир заполнил.
И вижу я, слепец —
Бороться с ними нету сил!
Язычеству — конец!»

21

И беспомощно опустил
Он долу взор свой тут,
И скорбный ропот прекратил
На несколько минут.

22

Умолк. Не в силах продолжать
Главу склонил на грудь
Он, колесо фортуны вспять
Бессильный повернуть.

23

И слезы капают из глаз,
И жалок он, и тих.
И видят все: настал уж час,
И близок страшный миг.

24

И вдруг он мощный глас вознес,
Рыдая и стения:
«О, галилеянин Христос!
Ты победил меня!»

1927 г.

«...Смутясь, св. Иоанн сел на него и тот помчался по воздуху, как вихрь. Наложенное на него наказание бес исполнил, доставив св. Иоанна обратно в Новгород еще до окончания ранней обедни, и св. Иоанн снял тогда с него крест. Изображением этого события и расписаны (очень грубо) стены кельи».

В.П. Ласковский: «Путеводитель по Новгороду», Новгород, 1910, стр.64.

Путешествие

Святого Иоанна, Архиепископа Новгородского во святой град Иерусалим

Святою жизнью важный сан
Свой возвеличил Иоанн,
Архиепископ Новгородский.
Бесов и хитрый ков бесовский
Он всесторонне изучил;
Их вражьи шуткам и проказам
Мешать великий мастер был.
Бог умудрил владыкин разум
Их злую силу побеждать
И славно посрамлять.

Однажды он вечерню слушать
В Хутынский ездил монастырь,
А возвратясь, едва покушать
Успел, как сел уж за псалтырь.
Но утомились старца очи —
Читать псалтырь не стало мочи,
Да и пора была уж к ночи —
И вздумал он вздремнуть.

Уже порты владыка сдернул.
Разок на сон грядущий перднул,
Готов уж был уснуть.

Как вдруг он слухом изощренным
В углу слышал отдаленном,
Где умывальная лохань,
Какой-то плеск, и визг, и брань.
И так уж сильно там шумело,
Что он решил узнать, в чем дело.

«Коли не мышь, то верно бес!»
Решил владыка и полез
Проверить умудренным оком,
Что в рукомоинике глубоком
Скребется громко так.

«Ну, так и есть! Ах ты, рогатый!
Куда забрался ведь проклятый!
Но этот бес совсем дурак,
Коль сдуру сам в лохань забрался!
Попался, милый мой, попался!»
И, закрестивши крышку, в миг
Тем бесом овладел старик.

«Теперь никак не увернешься:
В сосуде скован ты крестом,
И в адский боле свой содом
Уже во веки не вернешься!
Сиди!»

И на ночной диван,
Да сон вкусит свой стариковский,
Вернулся снова Иоанн,
Архиепископ Новгородский.

А бес униженно пищит,
А бес взывает из сосуда:
«Владыко! Выпусти отсюда!
Ведь, как в мешке я здесь зашит!
Навек тебе покорен буду,
Чем только хочешь, отслужу,
Что хошь с морского дна добуду,
В Ерусалим тебя свожу!»

— «Свезешь?» владыка изумленный
Лихого черта спросил.
«Сей град вельми есть отдаленный,
И у тебя не хватит сил».

— «Спокоен будь! И уж обратно
К заутрене мы обернем!
Бывал я там неоднократно.
Через час мы будем там вдвоем.
Лишь облегчи мою ты долю!»

— «Ну, что ж! Я буду очень рад!
Ты, чертов сын, я вижу, хват.
Коль сдюжишь — отпущу на волю
Соврешь — виновен буди сам.
А все-же — молодчина вор-то!»

И на услужливого черта
Воссел владыка Иоанн.

Се диво дивное творится!
Коль славен Боже христиан!
Верхом на черте вихрем мчится
По поднебесью Иоанн,
Архиепископ Новгородский,
В скрижалях, в белом клобуке,
В очках и с четками в руке,
И мирно требник свой поповский,
Ничто-же не сумнясь,
Читает он. Лишь мимоходом,
Стремясь по небу быстрым ходом,
Луну погладил, да не раз
При встрече с изумленной галкой
Бил по затылку ее палкой.

И вот открылись перед ним
Уже святого стогны града:
Священный град Ерусалим,
Всех праведных сердец отрада,
Готов принять его. Лишь час —
Едва вечерний луч угас —
От стен велика Новограда
Он мчался до святого града.
Он в Соломонов Храм вошел,
Святому поклонился гробу.
Меж тем облигый потом бес
На паперть за владыкой влез;
Пыхтя, он отдыхал у входа,
И, длинный высунув язык,
Дразнил монахов, озорник.
Монахи же владыку встрели
И «испола» ему пропели.

— «Ну, марш теперь в обратный путь,
Коли успел уж отдохнуть!»

И взвился черт, и вновь ограда
Святой Софии Новограда
Владыкин восхитила взор.

— «Вот и Софийский двор!
Довольно быстро мы летели —
Как раз к заутрене поспели!
Сдержал ведь слово, вор!»

И сим вояжем восхищенный,
Ездою быстрой освеженный,
Владыка с беса соскочил,
За резвость беса похвалил
И выгнал в пекло, во-свояси.
И тут же, в мантии и в рясе.
К заутрене пошел.

Пусть помнит всяк сей сказ правдивый
И праведник, и нечестивый —
Каков урок был бесу дан,
Как побеждать умел бесовский
Враждебный ков — наш Новгородский
Владыка Иоанн!

Отшельник

Духовной жаждою томим,
В пустыне влѣкса я,
Но «шестикрылый серафим»,
Ни просто б хоть свинья,

Не попадались на пути,
И шел я одиночек.
Но я уже устал идти
И вовсе изнемог.

О, если б праведник предстал
Очам моим теперь
И словом вещим указал
Мне к правде вечной дверь!

Подумал лишь — и вдруг вдали
Увидел старца я:
Длиннобородый, весь в пыли,
И тощий, как игла.

Он с видом мудрая совы
На встречу прямо шел,
Осанкой строг, а верх главы
Был, как колено гол.

«О, старец благодный! Открой
Мне к правде вечной дверь,
Да возликуют пусть со мной
И человек, и зверь!»

Мудрец поправил волоса,
Смахнувши с носа мух,
И вот какие словеса
Ловил смущенный слух:

«Ни бога нет, ни черта нет,
Но есть могучий царь —
Не дух, не плоть, — а лишь предмет,
Лишь раскаленный шар.

Внемли же истине, внемли:
Се — царь и властелин,
Лишь он — творец и Бог земли,
Причина всех причин.

Отец живому он всему,
Доколе не погас,
И древние, молясь ему,
Мудрее были нас.

Вот над тобой сияет он
И тварей всех живит,
Ему не нужен твой поклон,
Не требует молитв.

Мы — дети солнца, но давно
Ушли мы от отца,
С тех пор мы видим лишь одно —
Исканьям нет конца.

Религий натворили мы
И всяких злу преград, —
Но, как и встарь, во власти тьмы
Толчемся наугад.

Иссяк «от чресл Иуды вождь»,
И, став простым жидом,
Он сгинул, как июньский дождь
Под солнечным лучом.

Пророки все перевелись,
И церкви пали в прах.
И никогда не вознестись
Им вновь, врагам на страх.

Да, изменилось все с тех пор.
Теперь попы всех стран —
Не демонов уж грозных хор,
А стая обезьян.

И наступает век иной,
Восстал свободный дух,
И над тобой, и надо мной
Иное чует слух.
Все веры — суеверий рой,
И в прошлом, и теперь.
Ты вопиял мне: «Дверь открой»,
Изволь — открыта дверь».

Как громом оглушен я был
И, как дурак, молчал,
Но, наконец, возобновил
Дар слова и сказал:

«Какую мне, о господин,
Поднес ты болтовню?
Я церкви верных — верный сын,
Ужели изменю?»

Громовый хохота раскат
Послышался в ответ,
Как будто вешний водопад
Из горных хлынул недр.

«Ну, распотешил ты меня!
Ты, как цыпленок, глуп
И стоишь ты, чтоб и тебя
Швырнуть в кипящий суп.
Знай: церковь верная твоя —
Гниющий, смрадный труп».

И я ему: «Скажи, монах,
Ты что за человек?
Среди кого, в каких странах
Свой долгий прожил век?

«Я был и поп, был и монах, —
Я и теперь таков,

Но свет воссяк в моих очах
И проклял я попов.

Земной совлекся суеты,
Небесным пренебрег,
Извергнулся из волн мечты
Я истины на брег».

И я ему: «Скажи, монах,
Так стоит ли и жить?
Изверившись в былых богах,
Кого теперь любить?»

«Люблю я жизнь — и к черту смерть!
Нытья и скуки враг,
Могу любую песню спеть,
И выпить не дурак.

Не прочь я — что греха таить —
Как следует кутнуть,
И, коль уж правду говорить,
Не прочь я и е--уть.

Не укоришь: «Аскет! Монах!»
Но что там не толкуй —
И у монаха ведь в штанах
Не просфора, а х--.

В тиши ночной красотку еть —
Тут, право, нет греха,
А девство и посты терпеть
И вздорные каноны петь —
Сплошная чепуха.

Я мог бы, как и все вокруг,
В пороках потонуть,
Но совесть и свободный дух
Мне указуют путь.

Мне мил и правдолюб, и лгун,
Мне мил земной весь шар.
Я уж старик, но вечно юн, —
Юн потому, что стар.

И молоден с каждым днем —
Ведь знанье добыл я.
Предвижу я, что в мире сем
Не в туне жизнь моя!»

Я вновь растерянный стоял.
Как деревянный пень,
Не чувствуя, как догорал
Прекрасный летний день.

А он ушел, пропал в дали,
Как перед утром мгла,
Длиннобородый, весь в пыли
И тощий, как игла.

*Авг. – Сент.
1911.*

ВИДЕНИЕ ЕПИСКОПА

1

Пронесся быстро скорбный слух:
Блаженный схимник Исаакий
Почил от треволнений всяких —
Свой богу отдал чистый дух.

2

(Надгробное рыдание)

О, царства божия наследник!
О, сопрестольник горних сил!
Ты ангелов был собеседник,
Наставником монахов был.
Восстань, владыко! О, востани!
Где кроткий взор? Где кроткий глас?
Ужель уж нет его средь нас?
О, вечно сирых нас оставил!
О, радость наша! Пробудись!
Побудь еще, наш добрый, с нами:
Еще так слабы мы сердцами
И благочестия водами
Вполне еще не напились.

3

Обряд исполнить погребальный,
Последний долг отдать печальный
Почившему намерен сам
Архиерей епархиальный —
Преосвященный Александр.

4

Прибывши в пустынь, он
Над гробом бденье совершил
И проповедь — увы! топорной
Работы — старцам закатил.

Он говорил: «ничьи заслуги
Не пропадают никогда.
Вот налицо пример о, други:
Почтить почившего сюда
Я сам приехал ведь нарочно —
Епархиальный пастырь ваш!
Но почести такой же точно
И каждый инок вправе ждать,
Коль будет жигь в труде и страхе
И долг свой честно соблюдать».

5

Главой поникли все монахи —
Не по душе такая речь.
Нет, не таким глаголом жечь
Возможно сердце человека.

6

Но для владыкина ночлега
Где помещение отвести?
Такую дорогую честь
Чья келия приять достойна?
Решили, что всего пристойней
Персоне столь сановной спать
В новопреставленного келье
И, как могли, для новоселья
Прибрали старцеву кровать.

7

Расположившись на просторе
Слегка владыка отдохнул;
Слегка из фляги потянул
(Ее он не забыл при сборе
В далекий путь); и повторил,
И, повторивши, вновь помыслив,
Преаппетитно закусил
И бдением долго не тревожил
Себя — улегся, словом, спать.
Увы! Не долго отдыхать
Ему пришлось на ложе старца...

8

Ударил гром. Большой кампан
На колокольне завывает.
Умолкла всяка тварь земная.
Стена разверзлась вековая,
И, горним светом осиянный,
Предстал отшельник богомудрый.

9

Как туча из-за дальних гор,
Предстал он грозный, бледнолицый;
Проникся гневом скорбный взор
И кроткий голубь стал орлицей.

10

«Зачем приехал ты сюда,
Гордец, в наш уголок убогий,
Ни бесполезного труда
Не убоявшись, ни дороги?
Ты разве радость нам принес?
Ты разве с кротостью явился?
Нет, ты с гордынею ввалился,
Превыше лба задравши нос.
Впольяна там ты развалился,
Где схимник пламенно молился
И за врагов, и за друзей.
Какой Царю Христу ты воин?
Нет, почивать ты не достоин
В убогой комнате моей.
Что смотришь дураком спросонья?
Уйди скорее вон отсель
И не скверни мою постель
Своею непотребной вонью!
Лукавый сам тебя принес.
Долой отсюда, смрадный пес!»

11

И не теряя время даром, —
Что не минута, то сильней, —
Клюки монашеской своей
Он полновесные удары
Владыке щедро стал дарить.
Не станем уж греха таить:
Забившись в одеяла складки,
Зело струхнул архиерей...

12

И в диком страхе, без оглядки
Из кельи схимника скорей
Дал тягу наш архиерей.
Потом молва гласила злая,
Что будто он, когда бежал,
«В порядке полном отступая» —
Инекскременты потерял.

13

Из старцевой опочивальни
В гостиную он отступил
И там без колебаний дальних,
«Ко мне! На помощь!» — возопил.
Как лист осиновый трепещет,
То жар он чувствует, то знобь,
И зубы отбивают дробь.
А старец хлещет все и хлещет.

14

Сбежались служки, наконец,
И изумились несказанно,
Увидев, что святой отец
Сидит в позиции столь странной.
Он чуть не плакал, весь дрожал
И, запинаясь, лепетал
Невнятно и с улыбкой жалкой:
«Уж я оттуда убежал,
А он за мной — все с палкой... с палкой!»
И сгоряча он рассказал,
Про что уж лучше бы молчал,
Толпе оторопелых служек.

15

Неразговорчив, хмур, угрюм
Владыка совершал обедню.
Наморщен лоб от мрачных дум.
И весь он чуть не болен, бледный,
На посох грузно оперся...
И кое-как, лишь для порядку,
Врал проповедь он с полчаса.
Но всякий про себя украдкой
Чистосердечно повторял:
«Эх, лучше б ты не продолжал!»

16

И точно бремя с плеч свалилось,
Когда чин — чином все свершилось.
Но вот покончили дела...
Домой владыку поманило,
И даже завтрак отменил он.
Звонили вслед колокола,
Но на душе прескверно было.
19.VII.22.

Среди волнений и терзаний...

Среди волнений и терзаний
Вне колеи, на склоне лет,
Переводил я со вниманьем
Твои страницы, «Редгонтлет».
Как ты, о мой роман старинный,
Свою я славу пережил; *)
Но вечер жизни скучно — длинный
Ты коротать мне пособил.

Все-ж гений Вальтер-Скотта мощный
В твоих страницах не погас,
И не скучал я в полунощный,
Работой оживленный, час!

А было от чего забыться:
Страшна действительность, страшна!
Чтоб от нее подальше скрыться,
Мне книга так была нужна.
На склоне лет всего лишенный —
Семьи и средств, друзей, отград, —
Я, сын Сибири отдаленной,
Вновь чужд, как сорок лет назад!
Так бурно сразу все пропало,
За что всю жизнь я положил,
Что для меня вопросом стало:
Зачем родился я и жил?

Учился, в книгах зарывался,
Страдал, любил и волновался,
Печалью ближнего терзался
И изо всех работал сил?
Я стольким жизням дал начало
И воспитал их, и любил,
А сам теперь — больной, усталый,
Из жизни выбитый бобыль!

И хоть теперь к своей могиле
В болезнях путь я свой влачу,
Но все — же чем-нибудь хочу
Полезен быть, что мне по силе —
И по — сердцу, и по плечу.
Пусть молодому поколению
Высоконравственный поэт
Доступен будет; пусть за чтеньем
Хотя — б романа «Редгонтлет»
Оно к стезе вернется торной

Любви, и правды, и добра,
И декаденщины позорной
И < неразборчиво > грязи черной
Забудет злые времена!

А ты, о, мой поэт любимый!
О, вечно молодой старик!
Колосс страны своей любимой,
Родной прославивший язык!
Волшебный маг веков минувших,
Сумевший вечным сном уснувших
Из гроба миру вновь явить!
Ты мне давал в прошедшем жить;
Как часто по скалам кремнистым
Своей Шотландии гористой,
По стогнам Англии своей,
Ты — «безымянный Вэверлей» —
Водил меня так терпеливо;
И, будучи ещё дитя,
Воображал светло и живо
Себе твоих героев я.

Прошли года чредой шумливой...
Но и теперь, на склоне лет,
Ты мне, мой царственный поэт,
Даешь немало утешений.
Мне чуден мощный кладезь слов,
И даль волшебная веков,
И трех великих языков **)
Почти непостижимый гений.

23-24 сент.
1922

*) Роман «Редгонтлет» в европейской литературе пользовался, после смерти автора, меньшей популярностью как слишком проникнутый местным колоритом. В английской литературе считается не ниже прочих известных романов В. Скотта [Примеч. автора].

**) При переводе «Редгонтлета» на русский язык я пользовался, кроме английского текста, ещё двумя превосходными французскими переводами (Дефоконпре и Луи Вивьена) с историческими и литературными комментариями. Витать среди могущественных и своеобразных изобразительных средств этих трех высококультурных языков есть специальное удовлетворение для филолога и переводчика [Примеч. автора].

Автор выражает глубокую благодарность Н.Л. Лобзевой за помощь в оформлении данной публикации.

Валерий Черешня

ВОДА И ГОРОД

I

Воды смеющиеся рты,
кипенье пены у причала...
Как по-русалочки влекли
твои дразнящие черты,
пока ты рябь себе вязала.

Вбирать в себя и отпускать —
живая жадность отраженья,
учись умению ласкать
без присвоенья и вторженья.

Твоё всему и вся — люблю,
твоя отзывчивая влага
искрящаяся, бытию
быть зеркалом, какое благо!

Когда, как жук ползущий, жуть
на гладь реки наводит катер,
вскипает недовольно муть
и небо комкает, как скатерть,

но, наградив в сердцах гранит
пощёчинами в переплеске,
вновь успокоившись, лежит,
как женщина, в зовущем блеске.

В ней город нянчит свой портрет,
чтоб люлька ломкая канала,
кроша на корм дрожащий свет,
осколки сумерек качала,
пока не догорит дотла
закатная змея ползучая.

Подруга хаоса и случая,
работает всю ночь вода,
выбалтывающая мысль текучую.

II

Город по пояс в воде,
в полуокружность
арки небесной продет,
что ещё нужно?

Дышит, вживляя в Неву
сеть капилляров.
Просто бродить по нему,
быть с ним на пару,

стиснутой силой домов
зренье ломая.
Жизнь не нашла себе слов, —
будет другая.

Только б и в новой навек
город продлился,
только б изгиб этих рек
в ней повторился,

только б совпала и там
сердца кривая
с тем поворотом к мостам
рельсы трамвая,

только бы впрок запасти
зёрна поживы, —
власть побродить и уйти
в сход перспективы.

КАФКА ПИШЕТ...

Кафка пишет письмо Фелиции:
никакой я не знаю традиции,
кроме каторжного ночного боя —
примиренья себя с собою.
Только в этом бою я — воин
и вполне пораженья достоин:
кучки слов, что в утреннем свете
разбегаются врозь, как дети.

Кафка пишет письмо Фелиции:
посмотри, посмотри на лица их —
до чего они заботами источены,
от безумья к смерти скособочены;
что в них истинного, божьего, великого?

в снах своих я превратился в двуликого:
первый в праведном запале бил их палкой,
а второй чуть не заплакал — так их жалко.

Кафка пишет письмо Фелиции:
ты имеешь дело с убийцею
всего здешнего, здорового, зримого,
ради мига необходимого;
я ползу сквозь времени соты,
заполняя плотью пустоты.
Вот, ты пишешь, что любишь меня,
как ты можешь любить червя?

Кафка молит в письме Фелицию:
истончилась жизнь, стала спицею,
пригвоздила к распятью бессонницы,
к бессловесности полной клонится.
Только письма твои и спасение,
конверта богоявление;
ты можешь меня возродить,
ты держишь спасенье в руке,
мне нужно кого-то любить
и быть от него вдалеке.

НОВЫЙ МОПАСАН

Кто-то говорит паралич, а по-учёному — инсульт:
долбануло меня вечером — смотрел телевизор,
переключаю программу, нажимаю на пульт, —
не получается, хочу крикнуть: «Лиза!»,
а изо рта мычанье какое-то «му-у-у-у»,
так из шины проколотой выходит воздух,
и лежу теперь пень-пнём, полное муму,
Лиза шутит: «ушел на заслуженный отдых».
Это она к тому, что я выпивал,
но ведь все вокруг пьют изрядно,
я ничем не выделялся — жил-поживал,
сделал ремонт, в кухне теперь опрятно,
почему же мне достался этот скандал?
Непонятно.
Лиза ухаживает, ничего не скажу,
говорит: с утра и до ночи маюсь.
Я теперь, что мебель, лежу и лежу,
и, как та же мебель, в уборке нуждаюсь.
Правда, иногда придёт с мужиком,
занавеску задёрнет, бутылку поставит...
Я её понимаю, хоть в горле ком, —

женщина должна нужду свою справить.
Я стараюсь не слышать, но не могу:
эти звуки ритмичные с тихим похныком
отдаются в моём повреждённом мозгу, —
поневоле ждёшь последнего вскрика.
А вообще-то ничего не ждёшь, пока светло
ещё так-сяк, ночью совсем плохо...
Тело моё, собственно, уже мертво,
вот бы ещё сознание угрохать.

СОМНЕНИЕ

Хорошо родиться собакой в Америке,
плохо родиться человеком в Африке...
Но это, если знать, как живётся собакам в Америке,
а так, хорошо родиться человеком и в Африке,
если, конечно, ты не тутси,
которых режут хуту,
или как-то наоборот,
но, ведь, и в Америке большая собака
может ненароком загрызть маленькую...
Так что, уж и не знаю,
где и кем хорошо родиться.

ПЛАТЬЕ

I

Странно, всё же:
человек тебе стал никаким,
а платье, в котором её любил, —
всё то же.

Так что, вещи — пристанище чувств,
понадёжней уст,
да и всего остального тела,
что к тебе охладело.

Всемогущий прошлого плющ,
до чего ты стремительно вьющ,
только подставь опору:
тряпку, прогулку, ссору, —

вырастешь до небес,
маленький юркий бес,
и завесишь пышной листвою взору
настоящего голую гору.

Заманить в прошедшую муть,
поточнее выбрать и ткнуть
в бессолнечное сплетение боли —
вот твоё дело. То ли

ты бессмертный мастер кун-фу,
знающий, как держать на плаву
жизнь у смерти, то ли брезжит в тебе догадка,
как попаданье сладко,

как легко провалиться туда,
где вода
чуть рябит, и по дну проползает тенью
старого платья виденье.

II

Сегодня ты прокралась в сон,
расположилась в нём, как дома,
и платья прежнего фасон
сумела выкроить из дыма
насквозь прокуренных квартир,
в них наша жизнь под спудом пыли
хранит себя, как гулкий тир,
в котором выстрелы застыли,
там серный дым тебя застлал
и сохранил в знакомой позе, —
все пули пущены в упор:
молчанье, ненависть и слёзы,
но платье — это перебор,
и так я тяжко грохнусь оземь,
глядишь, и выйдет старый трюк:
ты обернёшься вновь царицей,
а я в объятья ватных рук
поймаю прошлого синицу,
сойдя туда, где глохнет звук,
и выплывают лица...

ВАЛЬС

Вот Ничто,
вот в начале Ничто проступает,
полым светом тебя пеленает
на обочину жизни кладёт, —
всё придёт.

Всё придёт,
всё придёт и себя раскроет

в силу силы — чего оно стоит,
превращаясь, вращаясь, любя
в тесном мире тебя.

В тесном мире тебя
звук течёт изнутри, расширяясь
до кустов и деревьев, вплетаясь
в молодые побеги листвы
той весны.

Той весны,
той весны сны и сны, и подруга
водит сердце по глупому кругу:
раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три,
всё сотри.

Всё сотри,
всё сотри до последней картинки,
настоящего мелкие льдинки
письмена высекают морщин —
ты един.

Ты един,
ты един, выходя на поклоны
ветки в ветреный вечер, на склоне
жизни видишь: а вот и лицо,
вот Ничто.

Вот Ничто,
вот Ничто через всё проступает,
тонкий занавес жизни снимает,
в тайничок во Вселенной кладёт, —
там схоронится, не пропадёт.

ОБРАЗ

Солнца пробрызг сквозь листву,
пение пятен
по рукаву, по лицу,
снова по платью.

Это я в прятки вожу,
в области вмятин
памяти слепо брожу, —
образ невнятен,

но проступает сквозь даль
жаркого полдня
моря текучая сталь,
лик земноводной

тонкой пловчихи одной, —
пеню создан,
тела сшивает иглой
воду и воздух,

ладно ласкаясь к песку,
с дрожью пупырчатой
сохнет на берегу
в вечности вычерчен

лёгкий набросок, где ты
линией плавною
намертво схвачена. Стынь
ночи, но главное —

твой дар мгновеннозасыпания,
как будто бог поцеловал,
и светлый холодок дыхания
всю ночь мне шею щекотал.

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Из пещер, туманом повитых,
выползают стаи:
счастье убить или быть убитым, —
плоть тяжела им.
По канавам собаки лают,
слышь, стреляют.

Вот пройдем эту слизь и мгливость, —
счастье горамине за, —
и споткнемся о справедливость,
с нею не жалко резать,
с нею сподручней крушить, —
надо же чем-то жить.

Вспыхнут фантомы «правого дела»
слева и справа,
чтобы горело бедное тело
в яркой оправе.
Гори, родное, напрасно,
чтобы ярость не гасла.

Совершим подвиг веры,
замутим всемирную бучу,
только б властитель нашей пещеры
ихних ущучил.
Как он красив и высок,
нашей пещеры бог!

Но всего нам милей и краше
ражая девка с блестящей косой,
как она славно пляшет
на полях с кровавой росой.
Когда б с ней не плясали, не пели,
куда б себя дели?

Юрий Кузин

«ЁЛОП»

Я взглянул на часы — массивный командирский брегет, болтавшийся на моём узком запястье. Я купил его у Гошки, соседа по парте, разбив копилку о дверной косяк. Целый час мы выстраивали полки из медяков, а, расплатившись, я отдал приятно и альбом с марками, ведь часы, как, выяснилось, ещё и светились в темноте.

— Хочешь секрет? — загнал меня Гошка в кладовую и, выключив свет, поднёс «командирские» циферблатом к моим глазам. — Гляди, как горят.

— Ага...

— А почему, знаешь?

— Батарейки?

— Балда... Плавники это. Удильщика глубоководного. Их в Марианской впадине по пальцам пересчитать.

— Подумаешь, — сказал я, прикидывая: во что мне обойдётся эта вещичка.

Но то было год назад. А сегодня я был полноправным хозяином луковицы — водостойкой, не бьющейся, с гравировкой «СССР» на нержавеющей корпусе.

Стрелки указывали на пять утра.

Тихо, как вор, я стянул шорты со спинки стула и, натягивая их, пританцовывая на одной ноге, подошёл к окну.

Утро едва теплилось, но даже в этой грохочущей синеве я видел, как пляшет моя грудь — впалая, как у дистрофика — и в ужасе подумал: — А что, если я умру? А что если и сердечко моё вот также пустится в бега?

Холод половиц обжёт мои пятки. Я подумал, что было бы глупо простудиться в такой день. Но больше, чем свалиться с температурой, я боялся, что мысль о «драконе» выскользнет из моей головы и покатится по комнате, гремя и подпрыгивая, как пятак. Я знал, что трезвон разбудит мать, и что заспанная, неумытая, со свалывшимися волосами, она обрушит на мой стриженный лоб свою натруженную руку. Вот тогда всё когу под хвост. Вот тогда-то душа моя и предстанет перед её суровым взором ворохом наспех сшитых страниц. Всё, что я впишу в этот блокнот, все мои каракули, мать расшифрует и пронумерует. Она прочтёт меня: от корки до корки. Она узнает всё о побеге, который я затеял, и о доме в тени старых лип, куда цыгане привезут «дракона» этим майским утром, и где меня напрасно будут ждать грузчики. Я знал, что если мать посадит меня под замок, пяткам моим не сверкать у дома тётушки, когда «дракона» станут поднимать лебёдками на второй этаж. И тогда пиши — пропало! И тогда мне не увидеть, как цыгане, чертыхаясь, впахнут «грёхпалого» в окно, не услышать проклятий, которыми «лежебока» станет сыпать при каждой царапине на его чешуе.

Я стоял у двери, ни жив, ни мёртв, боясь, что мысль, обронённая мной, поднимет на ноги весь квартал. Но мать даже не пошевелилась, когда, взобравшись на табурет, я стянул с гвоздя ключ и вставил его бороздкой в замочную скважину.

В шесть я выбежал из дома. А без четверти семь «КамАЗ» с «реплиней» нагнал меня у ворот парка, куда я юркнул, чтобы срезать путь.

Мы двигались ноздря в ноздю.

Но, то ли от недосыпа, — всюночь я таращился на часы, — то ли от немощи, — весной я туго соображал, — но, очутившись в глухом уголке парка, я впал в ступор. Я не знал: метаться ли мне в поисках выхода, или упасть ничком в траву, пока бодрый милицейский пёс ни уткнётся холодным, шершавым носом в моё лицо. Страх, однако, придал мне сил. Я стал плутать. А когда озябший, с разбитыми в кровь коленками, я очутился, наконец, у особняка в тени старых лип, хвост ящера уже торчал из балкона, как вымазанный в чернике язык, которым гигант, казалось, дразнил меня за нерасторопность.

Подойдя к дому, я заревел: громко, протяжно, точно баржа, севшая на мель.

— Юрка! Ты, что ли? — я увидел на балконе силуэт тёти Шуры, обрамлённый слепящим светом, а спустя минуту, загорелая, сияющая, она сидела передо мной на корточках.

— Уже внесли? — спросил я сквозь слёзы.

— Уже, — ответила она. — Такой нам тут цирк устроил, проказник, что и не передать.

Тут тётушка крепко обняла меня, всхлипывающего и шмыгающего носом, и я почувствовал жар от её плеч, квадратных и сутулых, какие бывают только у пловчих, бравших золото в юности.

— Ну, хватит, хватит, — с упрёком сказала она. — Мне тут расплатиться нужно. Люди ждут. А ты дуй-ка домой. К мамке. А вечером приходите. На смотрины. Я такой пирог испеку.

Я с недоверием уставился на неё. Тётушка улыбнулась, а затем насупилась, но не взаправду, а понарошку.

— Ну, так ждать тебя, друг мой, или нет? — спросила она сухо, выждав паузу.

— Ждать, — я кивнул.

Домой я летел, как на крыльях. А, домчавшись, выложил всё, как есть, матери. И про «КамАЗ». И про «трёхпалого». И про смотрины.

Мать слушала молча, нервно вздыхая при каждой подробности, которыми я расщевивал свой рассказ. К полудню она вся извелась. А в три, несмотря на обеденный час, мы оба стали ломиться в оббитую кожей дверь с узким медным окошечком для газет. Открыла сама хозяйка. Без парика и перстней, сжимавших её убитые артритом пальцы, тётя Шура была похожа на осыпавшуюся ёлку, порыжевшую, с обрывками конфетти, которую воткнули в мартовский сугроб. Закрыв на цепочку дверь, она попеняла матери за «набег», который уж точно сократит жизнь каждому, ведь хуже, чем внезапный визит, может быть только смерть, — вот уж кому плевать на приличия. Затем она молча проводила нас на кухню, где за обеденным столом, облепив его, как осы головку мёда, сидели, нахмурившись, дядя Рубен и три мои кузины.

Покончив с супом, я выбежал из-за стола. «Гад» томился в гостиной. Я вошёл. Я хотел лишь приголубить эту «тварь».

Но тут дверь распахнула Женька: «Стейнвей» был куплен ей. Впрок куплен. Чтобы завидовали.

В белом платье, с алыми бантами в косичках, наглядка преградила мне путь к роялю. А потом буркнула:

— Чул, не лапать!

Прижимистость была их семейной чертой. Обычно меня выдворяли из всех шести комнат, чтобы уберечь от праздного любопытства, которому, как считалось, я был подвержен. И верно, я во всё совал свой нос. Но интерес мой к миру был

философским. Я познавал Мир на ощупь. Я клал Мир на зуб, а, распробовав, терял к нему интерес. Вот и сейчас, войдя в гостиную, я лишь хотел почувствовать кожей музыку, — а зачем ещё, спрашивается, нужны клавиши, как ни для пальцев, на кончиках которых мелодия вьёт свои гнёзда и даже выводит птенцов?

Я сделал шаг к роялю.

— Стой! — Женька вперила в меня взгляд, острый, как коготок пгички, которым охотница выковыривает личинок из-под коры дуба. — Ты куда это соблался?

— Туда, — я выкинул вперёд руку, как Наполеон, взирающий на Москву с Воробьёвых гор.

— Глупый ты, Юлка! — наглядка топнула, да так громко, что в чешском серванте задребезжал сервиз. — А есё — дулак!

— Это почему же?

— Да потому! — разбойница ткнула меня пальчиком, да так яростно, точно хотела проделать во мне дыру. — И вообще, — продолжила, — сколо тебя в интелнат сдадут. Для силоток. Там питание тлэхлазовое. И лезым...

Она упёрла ручки в бока.

— Не «лезым», а режим, — поправил я сестрицу. — Только врёшь ты всё, Женька.

— А вот и не влу, — тут сорока прильнула своими влажными, пахнущими карамелью, губками к моему уху и произнесла заговорщицким тоном: — «Мамка твоя муза себе подыскивает. Не пьюсего. А ты месаес».

Дверь с шумом распахнулась. Мы обернулись. На пороге, скрестив на груди руки, стояли обе наши мамыши. Загорелая, поджарая, как прогорклый корж — тётушка. Пухленькая, рябая, как булочка с кунжутом — мать.

— Ну-ка, мелочь, — тётушка отвесила подзатыльник дочери, — марш на кухню тарелки мыть.

— Нет уж, пусть договорит, — возразила мать. — Хочу послушать, чему ты, сестра, учишь моих племянниц.

— Прекрати, Варвара! — тётушка зажала плачущей Женьке рот, чтобы та не сболтнула лишнего.

— И верно, пора уж прекратить, — мать схватила меня под локоть и поволокла в коридор. — Ноги моей больше не будет в доме, где только и речи, что о деньгах.

Она наспех одела меня, долго искала носки, но, не найдя, вывела меня из дома в сандалиях на босу ногу.

— Взбалмошная! — тётушка швырнула нам с балкона носки. Но мать тащила меня за руку, не оглядываясь, точно буксир, снявший баржу с мелководья.

Месяц мы не общались. Мать ждала извинений. Но телефон молчал. Мать даже отнесла его в мастерскую в надежде вправить вывихнутый сустав или наложить шину на сломанную кость, — виновницу семейных склок. Но тётушка, похоже, и не собиралась звонить. Так прошёл ещё месяц. А к концу третьего, бодрая, розовощёкая, мать внесла в нашу узкую, как пенал, комнатушку продолговатый футляр.

— Вот, держи, — она открыла футляр, достала из алой бархатки скрипочку и протянула мне. — Концерты давать будешь. По радио. А там, глядишь, и в телевизор попадёшь. Хочешь, Юрка, в телевизор?

Тут мать рухнула в соломенное кресло, жёсткое, обтянутое белым чехлом, и сказала, смахнув слезу: — Ведь для чего-то же я рожала тебя в муках.

С «муку», собственно, всё и началось. Мои беды, я хотел сказать. Ведь школа, куда определила меня мать, ютилась в каком-то цеху, и очень скоро в раздевалку, где я стоял у попитра, стали наведываться литейщики в просаленных бушлатах и с сигарками в зубах.

Мрачный и сырой, с окнами, забранными решётками, класс напоминал камеру инквизиции, в которую нас, первоклашек, на Пасху водили учителя.

Два раза в неделю я спускался в этот полуподвал, где меня «поджаривали на сковороде, поливая маслом до хрустящей корочки».

Пытка была поручена бесу с длинным пгичьим носом и родинкой на левой щеке.

При одном голосе этого тирана, — высоком, как милицейский свисток, — я терял дар речи. Казалось, этого он только и добивался. Ведь, войдя в раж, почувствовав власть над учеником, деспот прохаживался смычком по моим ладоням, а потом называл «ёлопом», что на львовском диалекте означало «болван».

А, чтобы тупость моя была очевидной и для матери, палач велел мне вызвать Концерт Ридинга, который и стал моей плахой. И в самом деле, всякий раз, приходя на экзекуцию, я лишался части собственного «я», как приговорённый к четвертованию — руки или ноги.

Я лез из кожи вон, чтобы угодить мучителю: часами простаивал у попитра, пел ноты, как пономарь, и даже скособочился (левое плечо выше, правое ниже), но скрипка, похоже, лишь смеялась в моих руках. К тому же, Ридинг, о чём бес говорил, ядовито улыбаясь, только и делал, что «переворачивался в гробу», и мне даже стало казаться, что дух композитора вот-вот восстанет из ада, — а куда ещё, думал я, попадают мучители детей, как не в самое пекло?!

Я был жалок. Я таял на глазах. И однажды, ужаснувшись, мать просто выцыганила меня у «Носатого», чтобы привести к «Виртуозу», который «уж точно знал, как развить слух».

Это был высокий русский в твидовом пальто и широкополой шляпе, с длинными, как у Паганини, пальцами. Одет щёголь был с иголочки, ходил циркульным шагом и поминутно заглядывал в мои глаза, точно отыскивая в них искру божью.

Но, Бог, похоже, слепил меня из муки грубого помола, в которую не кладут серебряных монеток и которую не присыпают сахарной пудрой. К тому же, узкие, как у мурзы, щёлки мои покрывала поволока, сотканная из горя. Скрипку я ненавидел люто. А ещё я верил, что Бог, которого нет, и которого выдумали, наверняка протянет мне руку — стоишь попросить.

Случай представился. Предстоял концерт, на котором решался вопрос о моём переводе в следующий класс. Начал я с того, что не вступил, когда сыграв «увертюру», пианист с копной седых, как у Листа, волос тупо уставился на меня. Он повторил «зачин», кивая мне каждый такт, точно протезист, вложивший костыли в мои слабеющие руки. Я вступил, но пока добирался до середины пьесы, раз десять сфальшивил, взяв на пол тона ниже там, где следовало взять выше.

Казалось, я должен был сгореть от стыда, но не тут-то было. С каким-то дьявольским удовольствием я провёл целым смычком там, где требовалась половина, сыграл вместо восьмушек шестнадцатые, бемолям предпочёл диезы, и вообще, — камня на камне не оставил от мелодии. Я был в ударе. Ноты срывались с моего смычка, как перезрелые, забродившие сливы. О, что тут началось! Зал загудел, как потревоженный улей. А один сердобольный старичок даже предложил «прервать детоубийство», — ведь нельзя же, в самом деле, наслаждаться муками

ребёнка! Этот аргумент, однако, лишь раззадорил меня. Я почувствовал власть над публикой. Я ощущал себя матадором с мулетой в руке. Я вонзал шпагу в бьющееся сердце Ридинга, не оставляя его концерту ни единого шанса. Я ликовал. И было от чего: наконец-то я взмылил лошадку по имени «Месь», то пуская её галопом, то рысью, то иноходью. Куражась, я выискивал глазами «Виртуоза», чтобы прочесть на его бледном лице ужас, который и должен был, по моему замыслу, послужить мне ключом к свободе. Я узнал его по рукам. Он сидел на последнем ряду, залепив лицо длинными, как у Паганини, пальцами.

Издав предсмертный хрип, музыка умерла. В ту же секунду публика разом выдохнула, точно пассажиры автобуса, увернувшегося от грузовика.

Первым вскочил «Виртуоз». Отлепив от лица пальцы — точно сбросив с головы осьминога — он решительно подошёл к матери и, сложив молитвенно ладони, заикаясь, потребовал «перестать му-учить музыку!» «Да и ребёнок, — добавил он, тряся высоко поднятым пальцем, — тоже не мешало бы по-о-жалеть!»

Мать уменьшалась на глазах с каждым его «добрым» советом и, казалось, ещё минута, и она растворится в воздухе. Но, выплеснув всё, что у него накипело, выговорившись, «Виртуоз» сбежал.

Домой мы возвращались молча. А войдя в дом, также молча, не поужинав, легли спать. Утром, всплкнув, мать отправилась в школу, чтобы забрать документы. Я молча смотрел ей в след. Бедная, несчастная «Ма». Я хотел даже зареветь, чтобы не чувствовать себя уж слишком счастливым, и чтобы никто не догадался, на какие хитрости я пустился, чтобы вернуть себе детство. Но слёзы упрямилась. Слёзы не желали выкатываться. А вот сердечко моё звенело. И было, отчего звенеть. Я не должен был больше зубрить урок, разбираться в легато и стаккато, пиликать назло родне, получая горсть мелочи в награду. А ещё я перестал чувствовать боль в пальцах, изрезанных струнами. Но, главное — я был избавлен от муштры! Навсегда! Навеки!

Этим бы всё и закончилось, если бы ни одно «но». Утерев нос скрипке, заткнув музыку за пояс, я стал тосковать по своим обидчицам. Да, представьте. Я испытывал фантомные боли, как солдат, вернувшийся с войны без обеих ног. Правда, сегодня, спустя годы, я не склонен себя оправдывать. Я не был талантлив, чего греха таить. А ещё я не любил музыку. Не любил и не знал. Не знал, что за признание, которую к ней питаешь, музыка не сулит ни наград, ни воздаяния, ни мзды. Ничего, что могло бы нас утешить. Музыка безответна — вот, что так мучает нас, и что повергает нас в уныние. И если музыка что и бросает нам, как кость, так это — крохи, которые гений забыл смахнуть со стола. Но я был слишком голоден, чтобы хранить их долго. И крошки, оставленные кем-то на столе, я всегда собирал в кулачок, чтобы сунуть в рот.

Санкт-Петербург, 8 июня 2015 г.

Валерий Скобло

СРЕДНЯЯ ТЁТКА

Из повести "Путь труса"

С точки зрения, да с любой точки зрения, наверное, я — "плохой еврей", но... От природы, еврейского происхождения и воспитания в детстве (это связанные, конечно, вещи). Ну, не хочется, конечно, писать: "я — трусоват", но так мягко и деликатно выражусь: не наделен переизбытком смелости. У меня было три тетки, три татины сестры: одна — младшая, любимая и меня очень любившая (у нее с мужем своих детей не было), одна (старшая) — просто хороший человек, и одна (средняя) — редкой силы сучка (Царствие ей конечно, покойнице, Небесное!): член (тут, конечно, больше бы подошло слово противоположного смысла) партии (в худшем выражении всего сопутствующего), стержневая и, в отличие от всех известных мне наших близких и дальних родственников, скрывавшая от окружающих свое еврейское происхождение: она вместо уже и так сильно русифицированной Мины Моисеевны называлась Нина Михайловна.

Натурально, оборотной стороной этой "скрытности" было то, что она поголовно всех подозревала в тщательно скрываемом еврействе; как сейчас помню, увидев афишу певицы Зары Долухановой, она саркастически ухмыльнувшись, заявила: "Ну, знаем мы эту Зару — Сарра она! А надо сказать, что Долуханова — ни сном, ни духом: она армянка, Заруи Агасьева. Да и какое это, собственно, имеет значение? Тетка эта одинокая была, да и не могу представить мужика, который бы ее вытерпел сколь-либо продолжительное время (по рассказам, она до войны вышла замуж, и муж сбежал на следующий день. Т.е. буквально — на следующий). Большею частью она сидела на шее у двух сестер и брата (моего отца): считалось (а в какой-то части, вероятно, так и было), что она — инвалид по "ножной части"; правда, когда сестры и брат умерли (она умерла последней, надолго их пережив), хромоту, как рукой сняло, и палочку — тоже.

Жила она, как правило, не в своей комнате (это была, собственно, комната моего отца, полученная им "от работы", но он ее ей уступил, переехав к жене, моей маме): зимой — у сестер, иногда у нас, летом всегда уезжала с нами на дачу. Натерпелся я от нее — не то слово, правда, куда больше — мой двоюродный брат (он на несколько лет меня старше — единственный оставшийся в живых мой родственник в России), она ему большее "внимание" уделяла, подозревая и не скрывая никаких своих, даже самых деликатных подозрений, во всех смертных, мыслимых и немыслимых грехах и грешках, да и так получалось, что жила у них больше.

Так вот, возвращаясь к исходной проблеме: когда ей казалось, что кто-то сильно "вылезает", слишком "отрывая задницу от стула", она иронически и ехидно говорила: "Храбрый еврей!..", вызывая у меня, тогда совсем маленького, кучу невысказанных вопросов, типа: А каким, собственно, должен быть этот самый еврей? Трусливым, что ли?. Причем контекст всегда был таким, что даже не о простой осмотрительности шла речь, нет. Ну и если я за что ей и благодарен, то за эти, запавшие мне в душу, слова: очень не хотелось "соответствовать" ее представлениям о нормативном облике еврея. Но тоже, конечно, нужно было преодолеть это "природное".

Из-за нее мне, кстати, в первый раз в жизни пришлось осознанно и по-крупному соврать. Было мне лет пять-шесть. Врать я не умел и не любил — это тоже от

воспитания, и прошло это неумение после описываемого случая довольно быстро. Дело было летом, мы снимали дачу в Зеленогорске, и тетка, как водится, жила с нами. Рядом с нами снимали дачу какие-то дальние наши родственники, у них была дочка — голенастая белобрысая девчонка на год старше меня, она мне очень нравилась. Так вот, это довольно частая история в этом возрасте, уж и не помню, кому из нас пришла в голову идея: посмотреть "как мы устроены". Зачем это было мне — ума не приложу? Ведь я только недавно начал ходить в баню с отцом, а до этого ходил с матерью, и никакими такими особыми секретами меня женская баня не заинтриговала. Но это непонятно только на посторонний взгляд — нагота моей подруги, видимо, чем-то отличалась для меня от наготы голых женских тел в бане.

Сказано — сделано. Забрались мы как-то вечером в чахлые кустики неподалеку от дач и приспустили трусики. Прошло уже больше шестидесяти лет с тех пор, а я, как сейчас, помню то чувство, которое испытал. Это было ощущение бесконечной грусти от незащищенности и уязвимости нагого женского тела, которое, в общем, осталось на всю жизнь. Хотя, казалось бы, чувство это очевидно ложное и должно было бы пройти от первого же юношеского опыта в этой области. Мы даже дотронулись друг до друга.

И в этот момент, как гром с небес, раздался голос вездесущей тети Нины: Вы что здесь делаете?! Трудно сказать, что именно она разглядела в кустах, да еще в вечерних сумерках, но подозрения на этот раз у нее родились самые верные. Мы в мгновение ока подтянули трусики и порскнули из кустов в разные стороны. Когда все собрались на ужин, тетка прокурорским тоном доложила о своих подозрения, несколько расцветив, правда, все увиденное или неувиденное своей неумной фантазией. Меня спросили: Это — правда? Тот мальчик, которым я был еще день назад, опустил бы голову и признался во всем. Но, ощущая свою абсолютную, неоспоримую, хотя и совершенно мне непонятную правоту, я с поднятой головой и глядя взрослым прямо в глаза, твердо ответил: "Ничего не было". То ли авторитет "правдивого мальчика" сыграл свою роль, то ли все взрослые, кроме тетки, ощущали некую бестактность расследования, но дальнейших вопросов не последовало, и "дело было закрыто". Тетка пыталась было возражать, но ее одернули. И, подозреваю, она мне никогда этого случая не простила. Как это ни глупо: взрослая женщина и пятилетний мальчишка — что бы он ни сотворил и как бы ни изоврался.

У Бориса Жигкова, не помню точно, кажется, этот рассказ называется "Погибель", — есть в нем такой персонаж — испанец с женским именем Мария (его Машей дразнят), струсивший как-то в юности, очень потом это переживавший, и всю жизнь заставлявший себя, преодолевая свой страх, совершать какие-то отчаянной смелости (до безрассудности) поступки. Повторял он при этом (коверкая русский, поскольку недавно попал в Россию): "Мне не можно бояться!". Я, как в детстве рассказ этот прочитал года через два-три, так и обомлел: "Мне же тоже — "не можно"! А то попаду в руки к врагам, фашистам там, или американцам, струшу и окажусь предателем. Беда! Но, в общем и всерьез, если этому от природы и обстоятельствам присущему недостатку еще и потакать — действительно, беда будет. Храбрым евреем (нив каком смысле) я не стал, но в такого, совсем уж позорно трусливого, в какого мог бы, тоже, очень надеюсь, не превратился. А повторю: мог бы. Спасибо, тетя Нина! Правда, не ей одной я за это должен быть благодарен, но это уже совсем другой разговор.

Родион Нахапетов

ХРОНИКИ БРЭДБЕРИ

Предисловие Сергея Баймухаметова

Всё те же мы

Родина — таково первое, записанное в свидетельстве о рождении, имя знаменитого советского и российского актера и режиссера Родиона Нахапетова.

«Родина» — так в годы Великой Отечественной войны назывались криво-рожская подпольная организация и партизанский отряд, в составе которых сражалась с фашистами мама Родиона — Галина Прокопенко. Она получила задание — перейти линию фронта и передать в штаб 7-й армии сведения о размещении гиллеровских соединений в районе Кривого Рога. Предполагалось, что беременная женщина вызовет меньше подозрений. Но ее перехватили, приговорили к смерти. Она бежала из концлагеря, перешла линию фронта, выполнила задание. 21 января 1944 года под бомбежками родила сына и дала ему имя — Родина.

Родион Нахапетов и Ален Делон, Харьков, 2012 г.

Издательство «ПрозайК» готовит к выпуску в свет книгу Родиона Нахапетова **«Всё тот же я. Москва — Голливуд»**. Личный и в то же время общественный документ эпохи. Открывается книга воспоминаниями Галины Антоновны Прокопенко. Затем — послевоенное детство, ВГИК — с легендарными мастерами и теперь уже легендарными студентами, среди которых были Шукшин, Тарковский, Кончаловский... Первые роли, слава, первые фильмы в качестве режиссера, работа в Америке.

Завершается повествование рассказом о встречах и дружбе с титаном фантастики XX века Рэем Брэдбери. В этом году мир отмечает 95-летие со дня его рождения. Великий писатель называл Родиона Нахапетова и его жену — продюсера Наталью Шляпникофф — своими детьми, им он доверил и поручил экранизацию своего сокровенного произведения — повести «Вино из одуванчиков».

Предлагаю вниманию читателей фрагменты из дневников последних лет.

Сергей Баймухаметов

К 95-летию Рэя Брэдбери

Родион Нахапетов

ХРОНИКИ БРЭДБЕРИ

(Из книги «Все тот же я. Москва — Голливуд»), изд-во «ПрозаиК», 2015)

29 ноября 2003 года.

В окне книжного магазина «Барнс энд Нобл» мы увидели объявление: сегодня в 12.00 — встреча с Рэем Брэдбери.

Зашли в зал. Там было не менее двухсот человек. Публика интеллигентная, в основном молодежь.

Брэдбери поднялся с инвалидной коляски, в которой его привезли на встречу, и пересел в обычное кресло. Большие притемненные очки, седые, длинные, слегка взлохмаченные волосы, хриплый баригон. Легкая, с юмором, речь.

Брэдбери начал с признания, что в школе считался дураком. Он был далек от поэзии, литературы и высоких материй. Никогда не писал сочинений (был беден на слова и мысли), не написал ни одного школьного эссе. Интересовался лишь футболом, да и то потому, что его старший брат увлекался спортом.

И вдруг, окончив школу, разрешился поэтической тирадой по поводу футбола и отослал стихи в известный спортивный журнал. Каково же было его удивление, когда из спортивной редакции пришел чек на триста долларов. Его наивное, детское стихотворение поместили на обложке журнала!

С тех пор Брэдбери начал писать стихи и эссе. Стал печататься в различных журналах, взялся за пьесы (очень плохие, как теперь считает).

Начали подписывать книги. Я подошел к нему:

— Рад встрече с вами, мистер Брэдбери, я мечтал об этой встрече больше тридцати лет. В семьдесят первом году я снял по вашей повести «Вино из одуванчиков» дипломный фильм. Я люблю эту повесть.

— О, я рад! — ответил Брэдбери. — Я тоже ее люблю! Вы откуда?

— Я кинорежиссер из России.

Брэдбери на секунду задумался:

— У меня много русских друзей.

Он протянул мне книгу с автографом и сказал по-русски:

— Спа-си-бо!

2003 год. Первый снимок с Рэем Брэдбери

Спустя примерно год раздался звонок из Москвы. Звонил Дима Дибров, известный российский телеведущий. Он снимал для телеканала «Россия» беседы с выдающимися деятелями культуры, российскими и американскими. Диброва интересовали писатели Курт Воннегут, Джон Апдайк, Дж. Сэлинджер, актеры Майкл и Кирк Дуглас, композитор Дэвид Фостер и кинопродюсер Джерри Брукхаймер.

Разумеется, организовать съемки с участием таких выдающихся людей не просто. Мы с Наташей обещали помочь со съемочной группой (оператор, звукорежиссер, гример, осветитель, транспорт).

Первым в серии был Рэй Брэдбери. Пока операторы устанавливали камеры и подключали осветительные приборы, Брэдбери рассказал нам, что в этом доме на Шевиот-драйв он прожил почти пятьдесят лет. И, не дожидаясь включения камеры,

добавил, что три года назад потерял любимую жену Маргариту (Мэгги). У него есть четыре дочери и более десяти внуков. Младшую из дочерей он назвал Александрой — в честь русской балерины Александры Даниловой, которая была в свое время хорошо известна в Америке.

С особым подъемом Брэдбери рассказывал, как сделал предложение Мэгги.

— Согласна ли ты лететь со мной к звездам? — спросил он ее.

— Да! — не задумываясь, ответила девушка.

По ночам молодожены бродили вдоль океана.

Наблюдая, как ведет себя восьмидесятипятителетний писатель перед камерой, я подумал, что величие Брэдбери заключено не только в его книгах, но и в его персональном, жизненном мужестве. Я знал людей, перенесших инсульт. Они беспомощны, полны горечи.

Рэй Брэдбери — прямая противоположность. Он полон оптимизма. Он не сдастся. Чем не наш Николай Островский?

Его пеший путь от дома до лимузина составил не меньше получаса. Я долго наблюдал за Рэем, медленно спускавшимся по лестнице. Каждый шаг давался ему с трудом: он заставил себя выбраться из дома — вопреки физической слабости. Это был тот случай, когда тело валит нас наземь, а душа сопротивляется, командуя «стоять».

Брэдбери у себя во дворе

С тех пор мы встречались с Рэем часто...

В 2006-м, когда я готовился в Москве к съемкам, Наташа какое-то время оставалась в Лос-Анджелесе. Несмотря на то, что я просил ее не показывать Брэдбери мой дипломный двадцатипятиминутный фильм «Вино из одуванчиков», Наташа все же его показала.

— Брэдбери очень просил! Как я могла отказать?

Почему я возражал?.. Фильм был снят сто лет назад. Я давно вырос из коротких штанишек, сделал более полутора десятков фильмов, более совершенных, на мой взгляд... И вот — звонок от Наташи.

— Брэдбери в восторге. Он плакал во время просмотра. Не веришь? Тут же попросил позвонить тебе, чтобы сказать, что он тебя *любит!* Что ты понимаешь его, как никто другой! Он убежден, что только ты можешь снять фильм по его повести. «Пусть твой муж немедленно садится писать сценарий!» — сказал он.

Я был вне себя от радости. Но... «Вино из одуванчиков» — повесть фрагментарная, трудная для цельного повествования. Не случайно она ни разу не была экранизирована (в Штатах). Как нанизать разрозненные эпизоды на единый сюжетный стержень?.. Эпизоды связаны единством места действия (городок Грин-Таун) и единством времени (все происходит летом 1928 года). Часы на здании суда отбивают время, и автор переносит нас из одного дома в другой, от одного героя к другому. Но для кинофильма боя часов недостаточно. Нужна какая-то новая идея. Новый подход.

Их у меня пока не было.

26 января 2008 г.

— А как у вас родилась идея повести «451° по Фаренгейту»? — спросил я. Брэдбери арендовал пишущую машинку в подвале городской библиотеки, платил 10 центов за полчаса. Однажды в подвал заглянула служащая и с тревогой спросила:

— Вы ничего не чувствуете? Почему-то пахнет керосином.

Рэй запаха керосина не уловил. Служащая ушла. А Рэй пронзила идея.

Через девять дней он положил издателю на стол повесть о том, как с помощью огня мир избавлялся от великой литературы, от великих мыслей, от книг. Называлась повесть «Пожарник». Название не удовлетворило издателя, и тогда Брэдбери позвонил в Калифорнийский университет и поинтересовался, при какой температуре загорается бумага.

Никто толком не мог ответить. Тогда он позвонил в пожарную службу. И там получил ответ, определивший название повести: бумага воспламеняется при 451 градусе по Фаренгейту.

Я взялся за сценарий. У меня родилась идея, как связать разрозненные эпизоды. В центр повествования я поместил старика, похожего на самого Рэя.

Старик живет в доме, предназначенном на снос. Вплотную к нему подступает строительная площадка, но старик не торопится уезжать, противится распоряжению властей. Его дом — последнее пристанище его памяти. Да и сама строительная площадка в его сознании живет как бы двойной жизнью. Сегодняшней жизнью — с кранами и строителями, и прошлой — с соседями и друзьями.

Эпизоды восьмидесятилетней давности переплетаются с современными сценами, создавая сложную мозаику и обостряя сюжет.

6 мая 2008 г.

Не знаю, по какой причине, но Рэй полюбил нас с Наташей. Видимо, в ответ на нашу преданность и любовь.

У Брэдбери великолепная память. Он легко оперирует фамилиями, точными датами, ссылками на различных авторов.

В тот день зашел разговор о кинорежиссере Джоне Хьюстоне («Мальтийский сокол», «Сокровища Сьерра-Мадре», «Ки-Ларго», «Африканская королева» и другие). К нему Брэдбери испытывал сложные чувства. С одной стороны, был признателен за то, что в 1956 году тот предложил ему, малоизвестному тогда писателю, написать сценарий по роману Германа Мелвилла «Моби Дик».

С другой стороны, Рэй был обижен тем, что впоследствии Хьюстон не признавал его драматургом. Писателем — да! Но не драматургом!

Кстати, в Голливуде с давних пор редко пользуются услугами писателей. Для создания кинематографической версии литературного произведения, как правило, приглашают профессиональных сценаристов. Я думаю, что отстранение писателей объясняется не столько отсутствием у них драматургического таланта, сколько их возможной капризностью, их несговорчивостью, непослушанием руководству киностудии. А так: купили у автора права на книгу и — до свиданья! Наемный сценарист выполнит любое указание и напишет все, что ему прикажут.

Наташа Шляпникофф, Родион Нахапетов, Михаил Горбачев,
Лос-Анджелес, 2004 г.

22 августа 2008 г.

Прошло полгода. Я, наконец, поставил последнюю точку. Для себя я решил: если Брэдбери не примет этот вариант, новый сценарий писать не имеет смысла. Каково же было мое удивление, когда, Брэдбери с восторгом одобрил.

— Родион, у вас получилось! — воскликнул он. — Вы это сделали! Я прослезился, читая...

После этого он стал прилюдно хвалить сценарий... Всюду, где только можно было.

Как все-таки странно. Неужели двадцати пяти минут музыкального фильма на русском языке оказалось для Брэдбери достаточно, чтобы поручить иностранцу написание сценария, основанного на дорогих его сердцу воспоминаниях детства? Почему Брэдбери выбрал именно меня? Похожий вопрос я себе уже задавал. Это было, когда прославленный кинорежиссер Марк Донской утвердил меня на роль молодого Ленина в фильмах «Сердце матери» и «Верность матери». Меня, еще «сырого», незрелого артиста? Без малейшего сходства с вождем? Почему?

14 августа 2009 г.

После разговора об аресте сына Майкла Дугласа, продававшего наркотики, разговор перекинулся на Мэгги, покойную супругу Рэя.

— Когда она меня первый раз поцеловала, — сказал Рэй, — я на радостях перепутал автобус и поехал в противоположную сторону.

Затем Рэй рассказал о своей короткой, но насыщенной дружбе с Сергеем Федоровичем Бондарчуком. После премьеры «Войны и мира» в Лос-Анджелесе в честь прославленного советского кинорежиссера был устроен прием в доме одного из американских мэтров кино. На вечере присутствовали знаменитые режиссеры Голливуда. Бондарчук взял Рэя Брэдбери под руку, отвел в соседнюю комнату.

— Мы с Бондарчуком за вечер выпили две бутылки «Столичной»! — часто вспоминает Рэй. С гордостью, с удовольствием.

Брэдбери голосовал за присуждение «Войне и миру» премии «Оскар» как лучшему иностранному фильму года.

Тогда Рэй был моложе и активнее. С его мнением киноакадемики считались. О дружбе с ним мечтали. Когда Рэй на две недели приезжал в Рим, он оставался у Федерико Феллини, который называл Рэя своим творческим близнецом. У Брэдбери с Феллини действительно мог бы сложиться великолепный творческий альянс, но до этого дело не дошло.

Разговор, так или иначе, возвращался к «Вину из одуванчиков».

— Я напишу письмо Кирку Дугласу... — сказал Рэй. — Пусть покажет сценарий своему сыну (Майклу Дугласу).

«Кирк, привет! Обращаюсь к тебе с просьбой — передай прилагаемый сценарий Майклу. Твой Рэй Брэдбери».

Чтобы удостовериться, правильный ли адрес он нам дал, Рэй протянул мне записную книжку. Записная книжка была похожа на древний фолиант. Я листал ветхие, пожелтевшие от времени страницы, хранившие сотни адресов и телефонов, принадлежавших некогда великим деятелям кино. Мелькнул номер Хамфри Богарта, умершего полвека назад...

Эх, полистать бы, не торопясь, эту телефонную книгу. И позвонить Кэтрин Хёпберн или Спенсеру Трэйси. Кто знает, может быть, их призраки откликнулись бы.

Дописав записку, Рэй попросил сегодня же отвезти сценарий Кирку Дугласу.

Расставшись с Рэем, мы отправились в Беверли-Хиллз, к Кирку Дугласу. Одноэтажный особняк постройки двадцатых годов показался нам скромным по терпешним меркам.

— Но даже такой «скромный» дом в этом районе стоит несколько миллионов, — заметила Наташа.

Дверь открыла служанка, сказала, что непременно передаст мистеру Дугласу и сценарий, и письмо от мистера Брэдбери. Прекрасно!

В тот же день мы поехали на студию «Юниверсал», в компанию сына Кирка Дугласа, актера и продюсера Майкла Дугласа. (Большие звезды, как правило, имеют собственные кинокомпании, занимающиеся поиском и разработкой новых проектов.) Оставили сценарий и там. Кто знает, может быть, Майкл Дуглас (по просьбе отца) покажет сценарий «Вина...» руководству «Юниверсал»?

Обычно проекты, не обеспеченные деньгами (Не случайно в Голливуде популярна фраза: «Покажите деньги, тогда и поговорим!») возвращаются авторам со словами: «Сценарий великолепный, но в наши планы не вписывается».

Будем ждать.

22 августа 2009 г.

Рэй пригласил нас отпраздновать с ним его 89-летие. Мы приехали в книжный магазин в середине дня. У входа стояла длинная очередь, каждый держал в руке листок с номером. У крайнего в очереди был номер 314.

— Сколько, вы думаете, мы будем стоять? — полюбопытствовала Наташа.
— Наверное, пару часов! — жизнерадостно ответил молодой человек.

26 августа 2009 г., 15.00

Вчера нам позвонили из компании Майкла Дугласа («Ферзе Филмс») и назначили встречу с руководством на 10 сентября.

— Дуглас мог бы сыграть Форрестера и одновременно быть продюсером! — сказала я.

— Да, конечно... — задумчиво произнес Рэй и вдруг оживился. — А знаете что? Покажите сценарий Николасу Кейджу

— Может, сначала дождаться ответа от Майкла Дугласа? — спросила Наташа. — А потом идти к Кейджу?

— Одно другому не помешает, — ответил Рэй.

На Рэя нахлынули воспоминания. Он снова рассказал, как когда-то, более тридцати лет назад, на вокзале в Париже к нему подошла изумительной красоты женщина и сказала: «Я вас знаю, вы — Рэй Брэдбери! Не хотите ли поехать со мной в одном купе? Меня зовут Бо Дерек, я член жюри фестиваля, так же, как и вы».

— Как я мог не согласиться? Два дня, которые мы провели на южном побережье Франции, были незабываемы.

Встреча в «Ферзе Филмз» состоялась... Идею приняли с энтузиазмом. Если Роберт Мидас (президент компании) примет новую версию, они покажут сценарий Майклу Дугласу.

10 ноября 2009 г.

У меня есть сценарий о переходе моей матери через линию фронта. Во время очередной поездки в Москву я встретился с Никитой Михалковым и вкратце рассказал ему сюжет.

Михалков подкинул идею — вести повествование от лица ребенка, находящего в утробе матери. Идея эффектная. Но подступиться к ней не так-то просто. Закадровый голос? Голос детский, или взрослый? Что может знать, чувствовать, помнить человеческий зародыш? Чтобы справиться с этой задачей, нужен особый талант.

Поэтому мне понадобился совет такого мастера, как Рэй Брэдбери. Я сделал синопсис «Перехода» на двух страничках, Рэй принялся читать.

— Вот это история! — то и дело вырывалось у него. — Бог мой! Какая история! Единственно правильная подсказка должна идти от сердца. Эта история слишком интимна, чтобы человек со стороны — я или кто-то другой, мог давать советы. Я уже говорил вам, что прекрасно помню момент своего рождения. Я помню себя и до рождения. Помню мягкий розовый свет, обволакивающий меня.

15 декабря 2009 г.

Наташа решила отправить сценарий «Вина из одуванчиков» Джону Траволте. Имя Траволты не вызвало у Брэдбери энтузиазма. Он не может простить актеру, что в «Субботней лихорадке» его герой первый в американском кино произнес знаменитое «мазер факер». Рэй считает, что с этого фильма началось увлечение матерными словами на экране.

Наташа рассказала Рэю о том, что несколько месяцев назад Траволта потерял четырнадцатилетнего сына. Мальчик болел аутизмом, и общение с миром было

для него крайне затруднено. Лишь с отцом душа его приоткрывалась. Джон Траволта обожал сына.

Рэй посочувствовал актеру.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен показать ему сценарий. Но только в том случае, если Майкл Дуглас от проекта откажется.

Рэй Брэдбери и семья Дугласов всегда были дружны. Рэй вспомнил, как он гулял на свадьбе у Майкла Дугласа. Много воды с тех пор утекло.

20 января 2010 г.

Наташа уже переговорила с Рэнди Мишелл, агентом Траволты в Нью-Йорке. Мы хотели знать, заинтересует ли Траволта ролью Билла Форрестера.

4 марта 2010 г.

Рэй выгреб из кучи бумаг свою записную книжку.

— Найдите телефон Джека Николсона! — сказал он. — Мы с ним когда-то дружили. Пусть прочтет сценарий.

На ветхих страницах, среди тысяч имен, нашлось и имя Николсона — с телефоном и адресом.

Признаться, предложение Рэя меня озадачило. Несмотря на то, что Николсон — актер высочайшей пробы, на роль Форрестера он не годится. Билл Форрестер переживает душевный кризис. А Николсон слишком игрив и циничен. Но главное — он стар.

Среди голливудских имен в книжке Рэя значились великие мертвецы — Пол Ньюмен, Грегори Пек, Чарлтон Хестон, Бетти Дейвис.

Наташа в шутку заметила, что сейчас, по завершении губернаторского срока, освободился Арнольд Шварценеггер. Рэй, смеясь, рассказал нам, как когда-то он пробил Арнольду дорогу в Голливуд.

На премию киноакадемии «Оскар» в разделе документальных фильмов был представлен фильм «Качая железо» — о мировом чемпионате по бодибилдингу и о Шварценеггере, удостоенном высшей награды, звания «Мистер Вселенная». Комиссия отклонила его, решив, что тема бодибилдинга недостойна «Оскаров». Рэй Брэдбери, который входил в комиссию, не согласился с академиками.

— Я знаю о бодибилдинге не понаслышке, — заявил он. — Это интересные, целеустремленные люди, я много лет спал с одним из таких!

У академиков вытянулись лица. Из уважения к писателю они согласились рассмотреть фильм с Арнольдом Шварценеггером. Впоследствии академики поочередно подходили к Брэдбери и деликатно интересовались, правда ли, что он «спал» со спортсменом?

Рэй, смеясь, поведал... Семья Брэдбери жила очень бедно, и Рэй долгие годы спал в одной кровати (другой не было) со своим старшим братом, который был спортсменом и ежедневно накачивал мышцы, поднимая гири. Так что никакой «голубой» подоплеки в защите бодибилдинга не было. Но с подачи Брэдбери на накачанного австрийского паренька обратили внимание, и он начал восхождение на голливудский Олимп.

Увы, Майкл Дуглас отказался от проекта. Он готов вернуться к рассмотрению вопроса через некоторое время. Ему сейчас не до «Вина...». Нужно вызволять сына из тюрьмы — это раз. И лечиться (у Майкла обнаружили рак горла) — это два.

23 марта 2010 г.

Мы (и Брэдбери в том числе) прекрасно понимали, что роль молодого Форрестера вряд ли заинтересует 73-летнего Николсона. Но высокая оценка сценария и уважительный тон его менеджера были приятны.

В тот же день Наташе позвонили из компании Джона Траволты. Он путешествует по Европе, поэтому сценарий еще не прочитал.

Неделю назад поднимаясь по лестнице, Рэй едва не упал. У него появился страх лестницы. Мы предложили Александре пристроить к лестнице специальный подъемник. Но дом у Рэя старый, и ветхая деревянная лестница вряд ли выдержит подъемник.

Разговор перекинулся на политику. 21 марта Обама провел через Конгресс «медицинский закон», против которого большинство американцев возражало.

— Это конец Америки! — вздыхал Рэй. — Качество лечения станет хуже, так как бесплатная медицина должна обслуживать более тридцати миллионов новых пациентов. Откуда возьмутся деньги?

В следующий наш визит Брэдбери снова заявил, что больше из дома не выйдет. Ни Александра, ни Рамона (другая дочь), не смогли уговорить его поехать к доктору. Он боится упасть.

6 апреля 2010 г.

Стивен Кинг: «Без Рэя Брэдбери не было бы и меня. Брэдбери оказал основополагающее влияние на меня и на целый жанр рассказов и фильмов ужасов».

Стивен Спилберг: «Самый существенный вклад Брэдбери заключается в том, что он показал нам — воображение не имеет границ. Сегодня талант Брэдбери востребован как никогда, его рассказы сделали его бессмертным».

Все так! Но почему так неохотно движутся дела с любимым произведением мастера?

Раз уж Стивен Спилберг отметил величие Брэдбери, почему бы не послать ему «Вино из одуванчиков»? Мы позвонили Рэю.

— Стивен режиссер и Родион режиссер, — сказал он. — Я вижу здесь конфликт интересов. Я хочу, чтобы «Вино...» снимал Родион.

Наташа ответила, что Спилберг может быть продюсером, а не режиссером.

— В этом случае — посылайте.

15 апреля 2010 г.

Звонок из компании Джона Траволты.

— Джон чрезвычайно тронут сценарием. Особенно историей Форрестера и престарелой мисс Лумис. Но после смерти сына Траволта никак не может прийти в себя и потому воздерживается от съемок. От любых съемок. Нам очень жаль.

Не успела Наташа повесить трубку, как раздался второй звонок. Сэнди, менеджер Джека Николсона:

— Очень жаль, но роль Форрестера не зажгла Джека, не заискрила в его душе.

Эта новость меня не огорчила. Если бы Николсон согласился, пришлось бы переписывать весь сценарий (Форрестеру должно быть не более сорока лет).

Что ж, будем дожидаться ответа от Стивена Спилберга. Если он откажется, пошлем сценарий (по просьбе Брэдбери) Мэлу Гибсону, а также Джеффу Бриджесу, Роберту Дауни младшему («Железная маска», «Шерлок Холмс»).

Итого, список так или иначе отказавшихся от сценария: Джон Траволта, Николас Кейдж, Майкл Дуглас, Джонни Депп, Джек Николсон.

16 апреля 2010 г.

Встреча с крупнейшим голливудским продюсером Ричардом Зануком.

— Сценарий великолепно написан, — сказал Занук, — он точно передает содержание и дух новелл Брэдбери, но в некоторых случаях я терял фокус, я не понимал, за кем нужно следить...

Обсудили несколько режиссерских кандидатур. Среди них Рон Ховард и Роберт Земекис.

— Если мы сделаем поправки, можно будет снова показать вам сценарий? — спросила Наташа.

— Хорошо, — согласился Занук.

Мы выехали со двора в некотором смятении. Нужно ли переписывать сценарий? Для кого? Зачем? Решили, что возникшие сомнения (у Занука и у меня) должны отлежаться.

В тот же вечер позвонила Шон Янг и спросила у Наташи:

— Ну, как прошла ваша встреча с сатанистом?

Шон убеждена, что Ричард Занук и его любимый Тим Бертон — сатанисты.

Шон знает Тима Бертона. В свое время она начала сниматься в первом «Бэтмене», но сломала ногу, и Тиму Бертону пришлось заменить ее на Ким Бейсингер. Заменял без колебаний.

С тех пор Шон Янг таит обиду на кинематограф, который легко может вознести до небес, но еще легче — сбросить в преисподнюю.

21 апреля 2010 г.

— Рэй, — сказала Наташа. — Я хочу прочитать письмо Линды Флавилы, президента компании Джона Траволты.

Это письмо ждало своего часа сорок пять лет. Когда Линде было десять, она читала вслух рассказы Брэдбери своей пятилетней сестренке. Эти рассказы остались в их памяти на всю жизнь. Сестра Линды стала профессором английского языка и литературы, а она — сценаристкой и продюсером.

Когда несколько лет назад в городе проходила встреча читателей с Брэдбери, Линда добиралась туда три часа.

Брэдбери всегда поднимает ей дух и является великим примером для подражания. Особенно, когда у нее плохое настроение. Именно тогда Брэдбери, его фантазия, его магия слов, совершают чудо, ей хочется парить над землей, оставляя позади переживания и невзгоды.

Слушая письмо, Рэй то и дело восклицал: «О, мой бог!», и в его глазах блеснули слезы. Закончив читать, Наташа решила позвонить Линде, чтобы Рэй сказал ей пару слов. Наташа хороша в спонтанных вещах.

— Вы — Линда Флавила?

— Да. А вы кто?

— Я Наташа. Передаю трубку Рэю Брэдбери.

В ответ — обморочная тишина.

— Это Рэй Брэдбери, — громко и внятно начал Рэй, — Наташа только что прочитала мне ваше письмо. Спасибо за любовь ко мне, продержавшуюся сорок пять лет! На другом конце провода Рэю что-то сказали.

— О, да?! — удивился Рэй. — Что ж, от души поздравляю!

Рэй вернул трубку Наташе. Оказалось, завтра Линда празднует день своего рождения, и неожиданный звонок Брэдбери — лучший подарок, какой она когда-либо получала.

По словам Линды, фильм «Вино из одуванчиков» был бы самым значительным и первоочередным проектом Траволты, если бы он был в рабочей форме. Кстати, Линда — крестная мать его умершего сына.

— Сценарий слишком взволновал Джона, — сказала она Наташе, — чтобы он мог спокойно работать над его реализацией.

Вот Форрестер держит на руках больного мальчика.

— Я не умру? — спрашивает мальчик.

— Ты будешь жить — пока я тебя помню, — отвечает Форрестер.

Этот ответ сражает меня наповал. Каково же Траволте?

30 апреля 2010 г.

Рэй сказал, что мало кто об этом знает, но почти все обложки для своих книг он придумывал и рисовал сам.

17 июня 2010 г.

В связи с приближающимся девяностолетием писателя руководство Лос-Анджелеса приняло решение о праздновании, объявив «Неделю Рэя Брэдбери».

3 июля 2010 г.

На днях вышла в свет книга «Слушай эхо», составленная журналистом Сэмом Уэллером. В ней собраны различные интервью Рэя Брэдбери. В книге много редких фотографий.

Название «Слушай эхо» объясняется одним из высказываний Рэя Брэдбери, касающимся загробной жизни.

«Я не знаю, что будет после смерти, — рассуждал писатель, — Для меня загробная жизнь — это эхо, оставшееся после тебя. У меня четыре дочери, несколько внуков, множество произведений, это и есть моя загробная жизнь. Это эхо моей жизни. О другом продолжении жизни мне ничего не известно».

Мне показалось, что Рэй избегает разговоров о жизни после смерти.

4 августа 2010 г.

У Рэя появилось новое инвалидное кресло, специально оборудованное для спуска и подъема по лестнице. Теперь он может ездить на лекции, в театр, на прием к врачу. Здорово!

— Как прошла ваша поездка в Сан-Диего? — спросила Наташа.

— Великолепно!

В Сан-Диего проходил ежегодный книжный фестиваль. Рэй был горд, что провел там целых три часа (не считая четырех часов пути).

— Я поставил автографы на сотнях книг!

20 августа 2010 г.

Чествование Рэя Брэдбери проводилось в Сити-Холл (городское управление) за два дня до дня рождения писателя.

Речи городских чиновников в честь Брэдбери были восторженными: «Великий писатель, единственный в своем роде, каждая написанная им фраза прекрасна»...

Начались официальные «подношения»: большая грамота в раме под стеклом, хрустальная доска за выдающиеся заслуги, лист ватмана с тысячью подписей.

Один ученый подарил Рэю диск с аудиозаписью «Марсианских хроник», сказав, что такой же диск отправлен с автоматическим космическим аппаратом на Марс.

10 сентября 2010 г.

Наташа рассказала, какое столпотворение творилось в Театре Писательской гильдии. Желаящих попасть на вечер Брэдбери было человек шестьсот, не меньше. В основном молодежь.

Живое описание длинной очереди, дождавшейся встречи с ним, действовало благотворно. На лице Брэдбери появилась улыбка.

Перешли на разговор о «Вине...» Рэй старался держаться молодцом и не реагировать на многочисленные отказы. Но в голосе все чаще звучали грустные нотки. Брэдбери без сомнения стал сдавать. Так слабеет свет фонаря, когда разряжается батарейка.

17 сентября 2010 г.

По странному стечению обстоятельств те, кому нравился сценарий, вдруг попадали в кризисную ситуацию и отказывались или откладывали решение на неопределенное время. У Николаса Кейджа возникли серьезные затруднения с оплатой налогов (ему сейчас нужны блокбастеры и многомиллионные контракты), у Майкла Дугласа обнаружили рак горла, Джон Траволта только что похоронил сына...

В настоящее время «Вино...» читают Кевин Костнер, Джош Бролин, Джим Керри.

Я поинтересовался, снятся ли Рэю сны.

— Я думаю, вам снятся герои ваших произведений, — сказала Наташа и улыбнулась. — Они навещают во сне своего создателя.

Рэй оживился. Ему понравилась эта идея. Может быть, он напишет рассказ о визите старых друзей, сошедших со страниц его рассказов. Был бы жив Феллини — лучшего режиссера для подобной истории трудно найти. Ведь «Амаркорд» и «Вино из одуванчиков», при разительной несхожести сюжетов, родственны магическим погружением в прошлое — в отрочество, в детство...

Феллини часто называл Рэя своим братом-близнецом. Как жаль, что он не сделал ни одного фильма в содружестве с Брэдбери!

Дома нас ожидала приятная новость: менеджер Джеффа Бриджеса прочитал сценарий и пришел в восторг. Теперь будем ждать, что скажет сам Бриджес. На следующей неделе он должен вернуться из отпуска. Джефф Бриджес всегда считался хорошим актером, теперь же, удостоившись «Оскара» за фильм «Сумасшедшее сердце», он стал котироваться еще выше.

5 ноября 2010 г.

Сегодня пришел ответ из компании Кевина Костнера. После восторженной оценки сценария следовал отказ по причине занятости Костнера.

Мы решили не огорчать Брэдбери. И Рэя, и Наташу негативные ответы приводят в уныние. Я же переношу отказы спокойно.

16 ноября 2010 г.

— У вас завидная память, Рэй, — сказала Наташа. — А я не могу вспомнить, где вчера обедала.

— Я помню себя в материнской утробе, — сказал Рэй. — Я помню все. Вместо девяти месяцев я находился в материнской утробе целых десять. Перезрел.

— Вот почему вы такой гениальный! — вырвалось у Наташи.

Раздался телефонный звонок. Звонила Александра. Громкая связь позволяла нам слышать обоих.

— Как ты, отец?

— Хорошо.

— Как прошла встреча с Наташей и Родионом?

— Они еще здесь. Сидят напротив.

— Здравствуйте, Александра! — закричали мы. — Привет!

— Здравствуйте, рада вас слышать. Не буду мешать. Я люблю тебя, отец.

— Я тебя тоже люблю.

В Америке принято обмениваться признаниями в любви. Когда-то я считал это пустословием. Сегодня так не считаю. Лучше сказать «люблю», чем просто разойтись, а потом жалеть, что не успел сказать главного. Я никогда не забуду слов прощания американцев с близкими и родными перед обрушением башен-близнецов в Нью-Йорке. Слова «я люблю тебя», сохранившиеся на автоответчиках, потрясли меня. Отсчитывая последние секунды жизни, жертвы одиннадцатого сентября 2001 года торопились сказать главное.

23 ноября 2010 г.

— Джеффу Бриджесу очень понравился сценарий! — сказала Наташа. — От нас лишь требуется дать ему денежный задаток, аванс, который гарантировал бы серьезность намерений.

20 января 2011 г.

— Отец простудился, — сказала Александра. — Не дай бог, кашель перейдет в воспаление легких.

Как всегда, на вопрос о самочувствии Рэй отделался ироничной фразой:

— Я все еще здесь. Какие новости?

Рэй похудел и стал напоминать мумию. Наташа рассказала, что его друг Хью Хеффнер (основатель «Плейбоя») только что женился. Ей — двадцать четыре года, ему восемьдесят три.

— Вот это любовь! — воскликнул Рэй. — До гробовой доски!

— Да! С молодой красавицей так оно и будет.

Рэй закашлялся от смеха. Во взгляде Брэдбери появилось что-то очень странное, необъяснимое, тревожное. Он как будто смотрит на нас издали. Как будто он уже там, а мы — еще здесь.

Что происходит в сознании писателя, останется тайной. Зачем он смотрит на нас оттуда? Чтобы запомнить? Или пытается сравнить этот суетный мир с тем миром, куда медленно, но верно, перемещается его душа?

26 января 2011 г.

В ночь с 25 на 26 января Наташе приснился странный сон. Рэй быстро бежал по лесной тропинке.

— Потихе, Рэй! — кричала Наташа. — Куда вы так быстро?

Утром Наташа получила электронное письмо от Александры:

«Вчера отца отвезли в больницу. У него сильный бронхит. С ним сейчас Сью (старшая дочь Рэя). Если вы с Родионом хотите навестить —

*пожалуйста, он будет рад. Но никому не говорите, где отец и что с ним.
Вы единственные люди вне нашей семьи, кому я сообщила эту новость.*

Рэй лежал в кровати, накрытый простыней, не скрывавшей его обнаженных худых плеч. Мы подарили ему иконку святой Матроны.

— Это русская святая! Она вам поможет!

Рэй крепко зажал иконку в руке.

— Она всегда будет со мной.

Мы пришли с хорошими новостями. Знаменитый продюсер Майк Медавой получил сценарий и написал Наташе, что любой проект, предложенный Рэем, вызывает у него глубочайший интерес.

— Он сказал, что готов исполнить любое ваше желание, — сказала Наташа.

— Пусть сделает фильм! — засмеялся Рэй.

У Медавого была компания «Орион», потом «Трай Стар». Он дал «зеленый свет» многим оscarоносным фильмам («Амадей», «Танцы с волками», «Молчание ягнят»). Теперь он возглавляет компанию «Феникс Пикчерс».

1 апреля 2011 г.

Я был в Москве. Наташа позвонила со слезами в голосе.

— Ты не представляешь, что творилось с Рэем, когда я ему сказала, что Майк Медавой готов заключить с нами договор. Рэй крикнул: «Свершилось!» Спросил, какое сегодня число. Я ответила: первое апреля. Он сказал, что это символическая дата. Первого апреля 2002 года он получил звезду на Аллее звезд в Голливуде. И вот теперь — эта новость. Он плакал: «Я не помню, когда я был так счастлив, как сегодня!» Потом он принялся петь, придумывая на ходу слова: «Мы сделаем фильм, мы получим «Оскара», мы все выйдем на сцену. Я встану на ноги по такому случаю!»

— Он вел себя, как счастливый ребенок, — продолжала Наташа. — Я его никогда таким не видела! Александра! — кричал он в трубку. — Я сегодня самый счастливый человек в мире. Похоже, «Вино из одуванчиков» будет снято!

Через некоторое время Наташа позвонила Александре, предупредила, что подписание контракта еще не значит, что фильм будет снят. Гарантий в Голливуде никто не дает.

— Все равно! — ответила Александра. — Пусть радуется! Я не видела его таким уже много лет. Он хочет дожить до премьеры.

9 апреля 2011 г.

Ко времени моего возвращения из Москвы проект с «Вином...» стал буксовать. Конфликт заключался в неравных, а потому неприемлемых условиях контракта с «Феникс Пикчерс». Наш адвокат Чейс Мэллон указал нам на подводные рифы.

— Они легко могут отодвинуть вас на задний план. А то и вовсе отказаться от ваших услуг.

29 апреля 2011 г.

Наташе пришлось рассказать Рэю о конфликте.

— Если переговоры зайдут в тупик, мы отправимся в Канаду, с сильно урезанным бюджетом, но с полным творческим контролем над фильмом. В Канаде большой интерес к проекту.

— Я с вами! — поддержал нас Рэй. — Действуйте, как считаете нужным.

4 мая 2011 г.

Рэй снова в больнице. Внутреннее кровотечение и застарелый, мокротный кашель.

15 мая 2011 г.

Рэя выписали из больницы. Он дома. Стали обсуждать дела, связанные с «Вином из одуванчиков».

— Наш адвокат, — сказала Наташа, — еще не сговорился с Майком Медавым. Майк хочет получить права на сценарий на три года! Бесплатно!

Рэй недовольно замотал головой.

— Я полностью на вашей стороне. Мы с вами три мушкетера. И я говорю: «Один за всех и все за одного!»

Сказал и рассмеялся. Сравнение с мушкетерами ему понравилось.

— А вы знаете, что на Луне есть кратер «Одуванчик»?

— Вот как? А кто дал название? Наверняка, тот, кто любит вашу повесть.

— Назвал один из астронавтов «Аполло».

24 июня 2011 г.

Добавился еще один продюсер — Стивен Стейблер. Он разбогател на фильме «Тупой и еще тупее», продюсировал еще несколько комедий, не выделявшихся художественными достоинствами, но коммерчески успешных.

— Дайте мне шанс, я найду деньги, — сказал он. — Ни с кем не подписывайте контракт. Ни с Канадой, ни с Медавым. Я найду пятнадцать-двадцать миллионов, и вам не нужно будет отказываться от авторских прав! Они останутся за вами!

Наташа перевела дух и закончила:

— Так что, Рэй, у нас теперь три заинтересованных партнера. Может быть, следующим летом начнем снимать.

— Вы придете на съемку и хлопнете хлопущей! — предложил я.

— Возьму мегафон и крикну актерам «Экшн!», — подхватил, улыбаясь, Брэдбери.

4 июля 2011 г.

Разговор зашел о премьерке «Моби Дика» в театре «Пантейджес». Много-много лет назад...

— Со мной была Маргарита, — сказал Рэй. — Мы шли по красной дорожке, следом за Джоном Хьюстоном и Грегори Пеком, нас ослепляли вспышки фотоаппаратов. Над кинотеатром гуляли лучи прожекторов. А после просмотра вокруг меня образовалось кольцо восторженных зрителей, просивших автограф. У меня!!! А я ведь не Грегори Пек! И не Джон Хьюстон!

Премьера «Моби Дика» стала высшей точкой признания таланта молодого писателя.

— Приехали все: отец, мать, брат, тетя, бабушка — все! Они увидели, кем я стал!

— Годы спустя, — продолжал Рэй, — однажды в ресторане я увидел Хьюстона, сидевшего с друзьями за соседним столом. Я подошел к нему: «Привет, мистер Хьюстон. Я хочу вам сказать, и хочу, чтобы все слышали: я всегда был и буду благодарен вам за счастливую возможность работать с вами. Спасибо!» Сказал, и вернулся на место.

— А что ответил Хьюстон?

— Ответил «спасибо». Через неделю он умер, — закончил Рэй. — Он тяжело болел последнее время. Но я успел сказать... Важно сказать добрые слова при жизни.

15 июля 2011 г.

— Я вчера виделась с Линдой и Энсоном, руководителями компании Траволты, — сказала Наташа.

Линда призналась, что с удовольствием отменила бы все остальные проекты Траволты ради «Вина из одуванчиков». И для нее, и для Энсона, и для самого Траволты — это самый важный проект, проект сердца. Единственное беспокойство у Траволты и его команды вызывает кандидатура продюсера Стива Стейблера, прославившегося довольно примитивными комедиями типа «Тупой и еще тупее».

Линда надеется уговорить Траволту, но должна выждать удобный момент. Сейчас Траволта расстроен: из проекта режиссера Джона Мактирнена неожиданно выпал Николас Кейдж, партнер Траволты, что повлекло за собой срыв съемок и замораживание проекта.

— Получить согласие звезды непростая задача, — предупредила Линда. — Актерам такого класса, как Траволта, нельзя подписываться под проектом, не имеющим денег. За Траволтой гоняются большие студии, а в этом случае может сложиться впечатление, что актер сполз на низкобюджетные фильмы. Если бы продюсером был не Стейблер, а Майк Медавой — вопрос был бы решен: Джон дружен с Майком.

Мы не решались сказать Линде, что Майк Медавой, составляя список кандидатур на роль Форрестера, фамилию своего «друга», не задумываясь, вычеркнул.

20 августа 2011 г.

В кинематографической прессе («Варьете», «Голливуд репортер», «Дедлайн Голливуд» и многих других изданиях) опубликовали информацию о намечающемся производстве фильма «Вино из одуванчиков». Мы сделали для Рэя несколько копий увеличенного размера.

— Это лучший подарок к моему дню рождения! — воскликнул он.

Подбородок у него дрожал, по щекам текли слезы. Мы с Наташей тоже радовались, но знали, что статьи, даже в солидной прессе, гарантий не дают. Впереди — изнурительный марафон. Некоторые сходят с дистанции...

Для Брэдбери «Вино из одуванчиков» — любимое дитя, выросшее, окрепшее, но почему-то не находящее кинематографического счастья.

27 августа 2011 г.

Дом полон гостей. Рэй взял со стола губную гармошку и начал наигрывать на ней мелодию. Закончив, торжественно заявил:

— Это музыка к нашему фильму.

У Наташи талант быстрого реагирования. Она тут же попросила Рэя сыграть еще раз, чтобы снять на телефонное видео. Наташа тут же отослала видео Майку Медавоу — в Атланту, где снималась комедия с Дженнифер Лопес и Кэмерон Диас. Спустя минуту пришел ответ: «Очень тронут вашим музыкальным приветом. Передайте Рэю мою любовь. Майк Медавой».

Рэй в приподнятом настроении. Сказал, что каждое утро, когда он смотрит в зеркало, видит счастливого человека.

— Знаете, почему? Потому, что я никогда ни на кого не работал и всю жизнь занимался только тем, что дорого моему сердцу.

Рэй спросил, на каких актерских кандидатурах мы остановились.

— Мы по-прежнему за Траволту, — сказала Наташа. — Но последнее слово за Медавым. Медавой хочет начать с Хэнкса. Он котируется выше Траволты.

28 октября 2011 г.

— Медавой пока не нашел режиссера. Поэтому никакие актерские кандидатуры не обсуждаются. Утвердят режиссера — появятся и актеры, — доложила Наташа.

— Что-о-о?! — закричал Рэй. — Медавой ищет режиссера? Какого еще режиссера?! Есть только один режиссер! Родион! Я ему полностью доверяю! Только ему одному!

Возмущение Брэдбери было столь неожиданным и столь сильным, что мы растерялись. Мы попытались оправдать Медавого тем, что, уговаривая студию, ему придется выложить на стол два козыря: звезду-актера и звезду-режиссера. Иначе денег он не получит.

Рэй воздел палец к небу:

— Запрещаю! Пусть Медавой придет ко мне, он получит пинок под зад! Я — босс проекта, и никому, кроме Родиона, снимать не позволю! Родион мне как сын! — расплялся Рэй. — Это моя повесть! Последнее слово за мной!

Будь эти слова сказаны тридцать лет назад, на пике его литературной славы, вопрос моего назначения был бы решен мгновенно. Сегодня Брэдбери любезно выслушают, но поступят, как хотят.

Да, произведения Рэя Брэдбери — классика, но писателей старше шестидесяти лет Голливуд не балует. С мнением «стариков» молодые редакторы считаться не будут.

23 ноября 2011 г.

Я давно хотел спросить — каким строением, созданным по его архитектурной идее, Рэй гордится более всего.

— По моим зарисовкам построили выставочный американский павильон в Нью-Йорке.

23 декабря 2011 г.

Наташа отвезла Рэю DVD с фильмом Вуди Аллена «Полночь в Париже».

Александра сказала, что сюжет и идею «Полночи в Париже» Вуди Аллен «позаимствовал» у Рэя. Она сама послала Аллену синопсис Рэя, повествующий о молодом авторе, отправившемся в Париж, и чудесным образом оказавшемся в начале двадцатого века. Там он встречается со своими кумирами Скоттом Фицджеральдом и Эрнестом Хемингуэем.

Идея Рэя оказалась увлекательной, и Вуди Аллен, видимо, забыв, кто ему эту идею подсказал, превратил ее в фильм.

— У меня есть письменное подтверждение, что Вуди Аллен получил синопсис, — сказала Александра. — Можно было бы подать на него в суд, но отец не позволит — он любит Вуди.

Александра поблагодарила Наташу за рождественский подарок (мы подарили ей чашки с изображением очаровательных кошек) и спросила, какой подарок мы приготовили Брэдбери.

— Фильм «Полночь в Париже», — смутившись, ответила Наташа. Нам этот фильм понравился. Понравится ли он Рэю?

13 февраля 2012 г.

Рэй вспомнил, как однажды держал в объятиях Грету Гарбо.

— Я был школьником, и выходил из городской библиотеки. Напротив находился кинотеатр. Какая-то женщина, перебегая дорогу, угодила прямо в меня. Пока до меня дошло, что это Грета Гарбо, она отстранилась от меня и, извинившись, забежала в кинотеатр.

Да, таков Лос-Анджелес, город снов и иллюзий, город, в котором ты, переходя улицу, мог столкнуться с Гретой Гарбо или с Марлен Дитрих. А сегодня — с кем ты можешь столкнуться? Разве что с автомобилем с затемненными стеклами...

На самом деле иногда в Лос-Анджелесе еще можно увидеть звезду «живьем». Так, Наташа встретила с Ширли Маклейн во время обычного посещения кинотеатра, они даже обменялись впечатлениями (о фильме «Мулен Руж»). Так же случайно нам довелось увидеть Грегори Пека, Ника Нолти, Джона Траволту, Майкла Дугласа, Питера Броснана, Леонардо Ди Каприо, и не в кинотеатре, во время кинофестиваля, а в обычной обстановке.

16 марта 2012 г.

Мы уезжали в Москву и в Днепрпетровск. Вернулись. Пришли к Рэю. Привезли ему хрустальную пластину с ракетой, взмывающей над городом.

— Это вам от губернатора Днепрпетровской области.

Рэй был в ударе. Он с энтузиазмом говорил о возникновении жизни на Земле, восторгался мамонтами и динозаврами, жуками и ящерицами.

— Разве их появление не чудо?! Разумеется, чудо! Я не устаю радоваться жизни! За все годы у меня было всего несколько печальных дней. Это день смерти отца, смерть бабушки... и еще — день, когда умерла Мэги. Все остальные — это дни радости!

8 апреля 2012 г.

Наташа собиралась показать Медавому подготовленное нами деловое предложение — с бюджетом, кандидатурами исполнителей, с фотографиями предполагаемых мест съемок, эскизами костюмов и реквизита.

— На кой мне все это?! — отмахнулся он.

— Майк, — сказала Наташа, — в списке потенциальных режиссеров отсутствует имя Родиона, хотя там названы режиссеры среднего уровня.

— Родиону достаточно того, что он автор сценария и продюсер! — вскричал вдруг Медавой. — Что бы я ни предлагал — вы все отвергаете!

— Не забывай, Майк, чей это проект! Права принадлежат нам с Родионом! Медавой провел рукой над головой.

— Я во-о-от где. А ты, Наташа... — Медавой опустил руку до пола. — А ты — здесь!

Наташа, хлопнув дверью, ушла. Мы написали Медавому письмо, официально разрывающее наши отношения.

28 апреля 2012 г.

— Я получил от Медавого письмо, — сказал Рэй. — Он пытается нас рассорить. Гоните его в шею! Ищите другого продюсера!

Сказал, как отрезал. Ему хорошо известны голливудские игры и голливудская ложь. О Медавом мы решили больше не говорить.

19 мая 2012 г.

Мы с Наташей съездили в Москву, побывали на фестивале в Харькове, где познакомились с Аленом Делоном и Милен Демонжо.

В эти дни Рэю стало хуже, и его госпитализировали с подозрением на небольшой инсульт. Вскоре его состояние выправилось, и Рэя выписали из больницы.

Эндрю предупредил, чтобы мы не давали ему пить.

— Он будет вас просить, но не давайте. Когда он пьет, вода попадает в легкие.

Брэдбери был подключен к капельнице.

Я достал из пакета медаль с изображением Пушкина (нам прислали пакет из Москвы).

— Академия российской словесности награждает вас юбилейной медалью Пушкина за выдающийся вклад в современную литературу.

Рэй поднес медаль к глазам.

Я протянул Рэю миниатюрную (величиной с почтовую марку) книжку его рассказов, изданную в России. С иллюстрациями! Автор — художник Леонид Козлов.

Рэй был потрясен.

24 мая 2012 г.

Открыв дверь в спальню, Александра крикнула:

— Отец! Смотри, кто пришел!

Меня поразило отсутствие реакции. Даже в тяжелом состоянии, в больнице, Рэй всегда приветствовал нас радостной улыбкой. Сегодня же он отрешенно смотрел перед собой. Рот его был открыт.

— Дайте мне крошку льда... Дайте пить...

Наташа едва сдерживала слезы. Она прижималась к его щеке, поглаживала его руку. В какой-то момент Рэй смог выговорить:

— Кто... новый продюсер?

Речь шла о том, кто сменит Майка Медавого. Наташа назвала имена потенциальных продюсеров. Рэй промолчал. Никакой реакции.

Лишь когда Эндрю принес Рэю очередную крошку льда, Рэй живо зашевелил губами, наслаждаясь таяньем льдышки во рту.

28 мая 2012 г.

Рэя положили в больницу «Сидар Сайнай».

5 июня 2012 г.

В двадцать часов тридцать минут Александра прислала из больницы имейл:

«Папу отключили от аппарата искусственного дыхания. Он дышит теперь самостоятельно. Врач сказал, что через пару часов отец сможет говорить. Но отец заговорил сразу. Попросил увезти его домой. Посмотрим, что будет дальше. Отец уснул».

Как мы потом узнали — через двадцать пять минут сердце Рэя остановилось.

Это случилось 5 июня в 20 часов 47 минут, но узнали мы об этом лишь утром шестого июня. В кино существует такое понятие, как затемнение, когда изображение на экране уходит в темноту. Происходит отбивка во времени. Точка.

За день до смерти Рэя в Лос-Анджелес прилетела балетная труппа Большого театра. Прилетела и Аня (дочь Родиона Нахапетова от брака с актрисой Верой Глаголевой — Ред.). Седьмого июня состоялось первое представление «Лебединого озера».

Накануне мне пришла в голову мысль... Я написал дикторский текст...

И вот гул зала стих. И зазвучал голос женщины-диктора:

— Сегодняшнее представление Большой театр посвящает памяти великого американского писателя Рэя Брэдбери...

Зал разразился овацией, заглушившей окончание текста.

Рэй когда-то сказал, что знает «Лебединое» наизусть.

— Смотри, сверху что-то летит, — шепнула Наташа.

Над сценой, в лучах прожектора, трепетала, падая, крошечная бумажка, похожая на бабочку.

12 июня 2012 г.

Родственники Рэя скрывали от прессы день похорон. Они хотели проститься в узком семейном кругу.

В 11 утра мы зашли в зал прощания на Вествудском мемориальном кладбище в Лос-Анджелесе. В зале более тридцати человек. У стены — открытый гроб с телом Брэдбери. Рэй одет торжественно: черный пиджак, белая рубашка, галстук с изображением динозавров.

Я жадно вглядывался в его лицо. Мертвые часто бывают на себя не похожи. Рэй же оставался самим собой — до конца. Даже всегданные его очки в черной оправе с него не сняли.

В какую-то секунду мне показалось, что Рэй сейчас осознает то, что к нему пришли, откроет глаза и улыбнется:

— О, вы здесь? Вы пришли? — скажет он. — Как я рад вас видеть!

Простившись с Рэем, мы вышли наружу. Вествудское кладбище очень старое. На некоторых памятниках даты начала прошлого века. Подошли к стене захоронений. Скромная надпись на одной из цементных плит гласила: «Мерилин Монро».

Гости стали рассаживаться по автомобилям. А как же само захоронение? Погружение в землю? Щепотка земли на гроб?

Оказывается, в Штатах родные покойного не всегда соглашаются смотреть, как закапывают их отца или мать. Этот процесс слишком болезнен, психологически надрывает.

Рэя похоронили без нас.

4 июня, то есть за день до смерти Рэя, в еженедельнике «The New Yorker» вышла статья под названием «Возьми меня домой». В ней Рэй вспоминал о любимом дедушке, с которым они запускали в небо бумажные воздушные шары. Мерцающие шары исчезали в ночном небе, и маленький Рэй (ему было всего пять лет), плакал, глядя во тьму, поглотившую чудесные огни.

Эндрю рассказал, что вечером 5 июня Рэя повторно отключили от аппарата искусственного дыхания. Врачи надеялись, что он сможет дышать самостоятельно. Рэй не смог. Но от нового подключения к аппарату категорически отказался. Рэю дали морфин, и он спокойно уснул.

13 июня 2012 г.

Сегодня, то есть на следующий день после похорон Рэя, мы подписали контракт с Майком Медавым. Выставленные нами условия Медавой безоговорочно принял. Мы с Наташей убеждены, что смерть Рэя подстегнула Медавого. Рэй так мечтал, чтобы «Вино из одуванчиков» было снято.

29 июня 2012 г.

Мы на кладбище. На небольшой мраморной плите, расположенной по соседству с могилой жены, еще не выгравирован год смерти писателя, но внизу уже выбита надпись: «Автор «451° по Фаренгейту»».

— Почему только «451° по Фаренгейту»? — вырвалось у меня. — А «Марсианские хроники»? А «Вино из одуванчиков»? А все остальное?

Хотя, что меняет перечисление заслуг?

Сняв обувь, мы присели на небольшую приступку у могилы. Неподалеку тихо журчал фонтан. Я сжимал в руке «Вино из одуванчиков», на первой странице которого стоял автограф Рэя. Он написал это, прочитав мой сценарий: «2009. Rodion! You did it! I love you! Ray Bradbury» (2009. Родион! Ты сделал это! С любовью! Рэй Брэдбери).

Наташа воткнула в траву букет искусственных цветов. Спросила у садовника, не выбросят ли их.

— Выбросят через два-три дня, — ответил садовник. — Мы чистим кладбище от увядших цветов

— Эти цветы не вянут, — сказала Наташа. — Они искусственные.

— Тогда их не тронут. Я предупрежу.

Когда садовник ушел, мы склонились к могиле. Мы сказали Рэю, что очень скучаем. Что проект движется вперед, и есть надежда, что фильм будет, в конце концов, сделан.

День был солнечный, но нежаркий. От свежей могильной травы по нашим ногам струилась прохлада.

Михаил Юдсон

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЛЛЮЗИЙ*

Эта изящная «Гуща», красочная книга-альбом, хороша формами и роскошна содержанием. Она продолжает литературно-художественную серию «Библиотека XXI века. Стихоживопись», в которой выходят сборники поэтов в сочетании с картинами Изы Шлосберга. Художник, родившийся в Пинске, а ныне проживающий в США (согны его работ находятся в частных коллекциях и музеях), разъясняет, что «задача серии — инициация уникального объекта, образованного соединением независимо созданных произведений литературы и живописи». С этой целью он радушно приглашает к себе под обложку «наиболее интересных поэтов, которые не просто уникально талантливы, но и близки мне по духу, по способу мышления».

Для данного сборника были избраны стихи Веры Зубаревой — и тут я могу Шлосбергу только светло позавидовать, ибо рисовать не сподобил меня Господь!.. А то б я и сам вовсе постарался, не дал маху, настолько поэзия Зубаревой, ее манера наносить звуки на бумагу близка мне по духу, слуху, нюху и прочим чувствительностям чудесного.

Первая книга Веры вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной: «Сначала я увидела ее стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря... Ее стихи — изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве».

* Вера Зубарева, Изы Шлосберг. Гаданье на чернильной гуще. — Балтимор, 2015. — 116 с. ISBN 978-0-9861106-0-3

Пространство со временем может меняться, к примеру, у Веры Зубаревой одесную Одесса, опую США; она осуществила докторскую диссертацию по русской литературе в Пенсильванском университете и теперь там профессорствует — если и не набоковский Пнин, то наверняка пнинимфа! Причем вдумчивая специализация по Чехову приобретает у нее и стихотворные очертания, маячит ритмом: «Впрочем, кто я! Ванька Жуков в семье сапожников./ Стукнут, чуть что, молотком за мое недомыслие./ Так что письмо — между нами, пускай, если можно./ Главное — это свобода обмена письмами./ Главное — чтоб адресат на земле своей значился./ Главное — чтоб не сносили его как помеху./ Главное — чтоб почтальон доносил по адресу/ Ныне и присно: «Крым. На деревню Чехову».

Вообще вся книга «Гаданье на чернильной гуще», насколько могу догадываться, — это, очевидно, одно большое всеобщее письмо, тонкий том, послание от Веры о том, как живет-пишется. В тон здесь неразрывное соседство быта и Бытия, сопряжение мира тварного и ареала творческого, а также вначальный Большой Взрыв Чернильницы, образовавший нашу нынешнюю Вселенную с ее черными дырами, темной материей и вечно лениво валящим снегом... Мир слеплен из букв и написан от руки.

Чернила и снег сих стихов, черно-белая графика рифм и метафор Веры вдобавок окутывается у Шлосберга цветным туманом, и наш привычный блочный мир предстает, как положено, странным и завораживающим. Чернила — али не речь? В них сроду, имманентно уже присутствует изреченное, содержится записанное. И задача поэта — рачительно извлечь, облечь в буквы, выловить из пруда, вытянуть из проруби, а это несладкий словеснорудный труд, прописи с кляксами, помарками и травой морской. Рыбка-то норовит попасться все больше сусального да самоварного золота... Стараться надо — в артельном, присковом смысле! «Сама себе отменная Старуха,/ Я буду гнать себя в гремящий шторм/ И не жалеть изнеженное ухо/ И требовать всё алчней новых форм».

Чернила — предтеча Слова. Вот расчисленная последовательность из Зубаревой, постраничная перепись: «Неразливайка-прорубь... И окуну в нее трижды перо, что в руке воркует»; «И звезда глядит настороженно/ На свое отраженье в чернильнице.../ И пророчит чернильная гуща ей/ Небеса и любовь спутника»; «Этой ночью тихо светились чернила...»; «В том ли грусть, что буква исказится,/ И дрожит чернильная строка?»; «Опять гадаю на чернильной гуще/ Под стук дождя, под качку в небесах.../ А в безмятежном звездном зачернилье/ Читатель спит, свернувшийся в клубок»; «Стол мой на оползнях. Бредит перо бездорожьем./ Варевом слякоти травят его темные силы./ Всё распоздается, форм опознать невозможно./ Как-то я вышла — попала в сплошные чернила».

Ну, мы тут остановимся в простых перечисленьях, далее белое безмолвие, говоря англо-нагло — пустыня на десерт, заснеженность чистого, с чернильными прожилками, листа. И станем прилежно вчитываться, вслушиваться в стихи — эх, дарование свободы для домыслия! — будем и слушать, и исполнять. Вот, скажем, взглядимся в снег: «Первый снег, наконец-то, издали/ И слали, и слали к земле./ Ты чигал этот снег прошлогодний/ Нам обещанный на год вперед?/ Ах, какие погibli корни/ В тот, из снега изъятый год!» Замечательно здесь у Зубаревой — снег как письма, как изданная рукопись, те самые хлопья, из которых свитки шьют. А что корни погibli, ничего не поделаешь — вымерзают корневые рифмоформы, выше замечено же: «Все распоздается».

И вот еще отрывок отличного: «Листа равнина как во время оно./ Ни зги не видно — небу не до звезд./ Дождаться ли однажды почтальона?/ Придет ли долго-

жданных строф обоз?! Полозья строк то движутся, то стыннут./ Задумался возница у свечи./ Мерцает букв обуглившийся иней./ И магия разгадана почти». Или засевшее под темечком, сгущенно проборматывающееся: «Зелье снов уже выпито./ И взор уже вяжется./ И луна уже вылита/ На кирилло-бумажицу».

Уже названия разделов данной книги достаточно поэтичны и чутко загадочны: «В Зачернилье», «Чернопролитие», «В Слове», «Оттиск лунь»... Темная сторона страниц! Ладно бы подтексты были незамысловаты, как на ладони, но тут не то: в строчках Веры Зубаревой смысловых слоев напечено с избытком, хоть с чаем пей — как в норе у белого кролика. Славно, словно алисно и улисно воедино (к тому же и жену Джойса звали Нора).

Взять хоть «Переворот: дневник» — погадаем, о чем эта поэма. По-моему, здесь зреет на подспудном уровне авторский бунт супротив бездушных машин — луддить кампутеры, пачинять! А то мешают сочинять. Двумя перстами «за!» Я старого обряда писарь. Дашь возврат к треску свечки и скрипу перышка! Согласитесь, иначе буквы лишаются души, индивидуальности абриса, особенности обводов, мутируют таки в номера — вдохновенное «тки» заменяется «ткни!» Согканность уходит на конвейер... Где надо было нежно убеждать, уговаривать бумагу, прямо скажем, покрывать ее, выплескивая знаки — нынче какой-то клавишин деловитый, сплошной писучий марш. Могучий Комп, будто старый недобрый Большой Брат-Благодетель, бдительно следит за тобой с экрана — достаточно ли усердно ты вытесываешь текст, трахая по «клаве», не сачкуешь ли, не сел ли на пенек съесть пирожок...

Так что Вера Зубарева прямо утешила меня пониманием, порадовала своей печальной балладой, в которой родимая чернильная ручка полночно обростает шерстью и оборачивается мышью, мышкой (а дальше, глядишь, и Любоедом механическим): «Что-то с пером... Стало в сумерках серым, тонким.../ Юркает в норку ящика беспрерывно...»; «И без того мой ковчег кишел всякой живностью./ К ней в довершенье прибавился хвост с мышью»; «Это переворот. Пишу под кроватью./ Стол и тетрадь арестованы. Ручка в подполье./ После полуночи предпочитаю скрываться./ Только чернила пока что бушуют на воле».

Эх, ковчег домашний и заветный — чернил Ной! Гуше прежнего! М-да, судьба-каракавица, чернильная душа! Может, лучше от греха последовать совету мудрого Антона Павловича: как только младенец появится на свет, надо немедля его высечь, приговаривая: «Не пиши, не пиши!» Да и по древним иудейским поверьям и понятиям записывается лишь то, что ненужно — все равно же обязательно разграбят, сожгут, развезут по ветру... Поэтому все важное выгучивается наизусть, зазубривается вхруст — торится, прокладывается Устная Книга, тут всерьез затруднен процесс трепания обложки и рисования рож на полях, отсутствует деконструкция страниц и вивисекция текста.

Однако Вера Зубарева возвращает нам надежду на стабильность письменности и прививает любовь к книжкам — ее заключительная поэма «Милая Ольга Юрьевна» следует сразу за чеховскими мотивами («Письма»): «Милый Антон Павлович! Помните Ялгу?! Она, как тогда. Не волнуешься, не пережала./ Я проверяла, чигала, сличала карту./ Все хорошо и спокойно в домике Чехова».

Итак, милая Ольга Юрьевна (да уж не Леонардовна!): «Кто она?! Старая книжная фея./ Живет меж засушенных лепестков книги»; «И тычется сослепу в авангард./ Он привлекает ее непонятным/ Сочетанием букв, из которых можно/ Сложит «виноград» с двумя описками./ С чернильным привкусом./ С кнопками косточек...» Признаться, авангард (гавань, рад!) я на своих читательских галерах

гроздьями поглощаю — отдохновение! — кого-то с души воротит, а мне по шерсти. О, деянья содержанья, занудно проевшие плешь, к лешему вас — куда важнее книжные одежды, прострочка и выпущка строк, милый нарядный формализм! Для Ольги Юрьевны быть или не быть — не суть. Вот в чем — вопрос!

«Фея моя, зачем ты хочешь/ называться именно этим именем?» О, Ольга Юрьевна, она же Юльга Орьева и Вольга Рьоена — изобретенная Верой Зубаревой муза-заумь, книжная переходящая странница, офеня-Офелия, сия сиятельно порхающая фея (оды сея!): «Она порхает, нервно подпрыгивая./ Точь-в точь как описка от дрогнувшей ручки./ Вокруг черно, как в моей чернильнице...»; «Рукописи — призраки детей Гамлета./ Они оживают в полночь, в полнолуние».

Да это еще слава те, ежели оживают, сколько их кануло с концами в Коцит, уканало в Лету! Пожухлые опавшие листы, струение страниц в урну... Тшета все пуше... Балаболдинская осень! Тающая, как чернила на песке, та еще... Проклятушие поэты! Верленной дорогой идете, товарищи! Многие и многие, сознаемся, когда-то музицировали на письме, писали издательским барышням в альбом (шло в корзинку), волоча, так сказать, злаченные рогожи, тяжкие крылышки по земле. Ну, поальбатросили — и бросили... Мол, бесплодно семя лигь всеу, мотать бисер на нитки... А все потому, что свою Ольгу Юрьевну не повстречали — книжную жинку, неизменно вызывающую нас на «бис», милую бумажную домовую, отважно выпихивающую наружу, упрямо толкающую сквозь жарынь и заснеженность на кремнистый крестный путь: «И мы продолжаем свой путь, покуда/ В стекле чернильницы моей не забрезжит/ Мантия рассвета/ С кровавым подбоем».

Так завершается талантливая книга Веры Зубаревой и Изи Шлосберга, поэтическая палигра на двоих. Текст изрядно инкрустирован картинками и получается вдвойне интересно — во первых строфах стихи читаешь, а потом, не сходя с листа, полотна рассматриваешь, внутренне соглашаешься или мысленно споришь с художником: «А я, слышь, не так вижу! У меня, вишь, иные ассоциации реминисценций!» Да на здоровье — сядем образным рядком, поговорим ладком... Один хармс все кругом оптический обман, и одному лецу известно, что в действительности всё не так, как на самом деле. Ведь если подойти разумно, подползти объективно-реально, то придется признать, что мир — иллюзия, данная нам в ощущениях. Иллюзия, пожалуй, даже «буриданная», когда вспомним про обуревающую поэтов безудержную страсть впрячь в одну бричку Пегаса с Мидасом (сон золотой в руку) и раздирающее желание сперва пожирять розы с куста, а после посылать в бокале...

Да, поэзия — подлинная иллюзия! А уж иллюстрации иллюзий, пейзажи миражей, витражи мистических видений и пиитических прозрений, процессы грез — у Шлосберга вышли на загляденье. Вот, например, полночь изображает Изя — и зябко аж делается, и причитаешь жалобно: «Полночь вошла, опираясь на ручки клоку./ Совы в глазах и очки на носу в паутине...» Но в основном же художник Шлосберг рисует живущий под обложкой стихоживописный мир искусно плюс мирискусно — ярко, цветно, театрально. Явно удался ему окрас красы — мозаика сложилась в пазл, гармония связалась в узел.

Напослед, в сотый раз хочу напомнить просвещенному читателю, кладезю терпения — в каждую книгу ведут сто дверей. Я отворил эту, переворошил этак — а теперь ваш ход (не через парадный, так ища чернильный), и ваш черед гадать на гуще.

Игорь Ефимов

ЗАКАТ АМЕРИКИ

САРКОМА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ

(продолжение. Начало в №1/2015 и сл.)

8. В ГЕТТО

Меняется страна Америка,
Придут в ней скоро негры к власти.
Свободу, что стоит у берега,
Под негритянку перекрасят.

Владимир Уфлянд

Я начинаю писать эту главу в те дни, когда по всей стране катятся волны бунта из маленького городка в штате Миссури. Название «Фергюссон» не сходит со страниц газет, с экранов телевизоров вот уже три месяца. Демонстрации протестующих, горящие полицейские машины, разграбленные магазины, облака слезоточивого газа. Причина: жюри присяжных постановило, что полицейский Даррен Вильямс застрелил чернокожего подростка Майкла Брауна в порядке самообороны и не должен быть привлечён за это к суду.

Невольно вспоминаются события двадцатилетней давности, в которых тоже (символическое совпадение?) фигурировала фамилия Браун.

12-го июня 1994 года бывшая жена чернокожего актёра и футболиста О-Джей Симпсона, Николь Браун Симпсон, и её друг, Рональд Голдман (оба белые), были найдены зарезанными во дворе дома, где она снимала квартиру. 17 июня, главный подозреваемый, Симпсон, проезжает по улицам Лос-Анджелеса в белом автомобиле марки «бронко», держа заряженный пистолет у подбородка, грозя полицейским покончить с собой, если они попытаются его арестовать. Полицейские машины, а также вертолёты и фургоны с тележурналистами медленно следуют позади, вся страна упивается этим живым театром. Вдоль улиц стоят зрители, подбадривают Симпсона приветственными криками.

22-го июля Симпсону предъявлены обвинения, он категорически отрицает свою вину. 3-го ноября заканчивается отбор присяжных. Так как в этом деле чёрный обвиняется в убийстве двух белых, суд, боясь упреков в расизме и повторения уличных бунтов, которые бушевали в городе за два года до этого, когда были оправданы полицейские, избившие чёрного бандита Родни Кинга, создаёт жюри, в которое вошли 8 чёрных, один белый, один латиноамериканец и два человека смешанной расы. Восемь женщин, четверо мужчин.¹

С точки зрения белых американцев, следивших за процессом, обвинение доказало вину Симпсона без всяких сомнений. Следы крови на руле его автомобиля и в доме, окровавленная перчатка во дворе его дома, анализ найденных волос на ДНК — всё изобличало убийцу. Но 2-го октября, 1995 года присяжные, посоветав-

пись всего лишь четыре часа, вынесли приговор: невиновен. Адвокаты обвиняемого бросились обнимать его и друг друга. Телекамеры показали ликование чёрных учеников в школах — оно было сравнимо только с ликованием на улицах палестинских городов после очередного успешного теракта в Израиле. Вскоре двое детей супругов Симпсонов (10 и 13 лет) были отданы отцу, избивавшему, а потом и зарезавшему их мать.

Комментаторы ломали голову: как такое могло случиться?

Но чёрная присяжная, объясняя журналистке, почему они так быстро приняли решение, созналась: «Да если бы мы признали его виновным, никто из нас не смог бы вернуться домой, к своим семьям».

Подавляющее большинство чёрных и латиноамериканцев в Америке до сих пор находятся в подчинении не у государственной, а у племенной ментальности. «Мы — против них! Наши — против ваших!» Идеи какой-то общечеловеческой гуманности и абстрактной справедливости известны им, они умело оперируют ими в речах и газетной демагогии, но когда доходит до конфликта, на первое место выходит всё то же: «наш или не наш?». Вслух говорить об этом нельзя (политически некорректно), и судопроизводство вынуждено изворачиваться как только может, чтобы хоть как-то покарать убийц, выпускаемых на волю присяжными-соплеменниками.

Оправдание Симпсона не вызвало демонстраций протеста белых, не сопровождалось поджогами и грабежами.

Никто не выходил с плакатами на улицы и тогда, когда чёрный иммигрант с Ямайки, Колин Фергюссон, открыл стрельбу из пистолета по белым пассажирам поезда на Лонг-Айленде, убив шестерых и ранив восемнадцать.²

Ни тогда, когда двое чернокожих, принявших мусульманство, целый месяц расстреливали из снайперской винтовки прохожих в окрестностях Вашингтона, укрывшись в специальном гнезде, устроенном в багажнике их автомобиля. (Октябрь, 2002 года, семеро убитых, семеро раненых.)

Какой смысл протестовать против того, что стало привычным и обыденным, как град, как мороз, как гололёд?

Жертвами волны насилий не обязательно оказываются белые. Чёрные гибнут от рук чёрных даже чаще. Но среди обитателей тюрем их намного, намного больше, чем представителей других этнических групп.

Статистика пугает.

Америка вышла на первое место в мире по числу заключённых. В 2011 году оно достигло 2,3 миллиона плюс 5 миллионов условно освобождённых, находящихся под надзором полиции.³

Афроамериканцы составляют примерно 15% населения США, но между 1976 и 2000 годами 50% убийств было совершено чёрными.⁴

В статистике ограблений только 2% преступлений совершено белыми против чёрных, а чёрными против белых — 73%.

В статистике изнасилований 28% нападений совершено чёрными против белых женщин. Криминолог Вилбанк, рассмотрев 83 тысячи случаев изнасилования, не нашёл ни одного, в котором белый напал бы на чёрную женщину.⁵

В знаменитой тюрьме Синг-Синг, построенной на реке Гудзон к северу от Нью-Йорка, в конце 1990-х содержалось около 2500 узников. Чёрные составляли 56%, латиноамериканцы — 32%, белые — 10%.⁶

Разгром и грабежи магазинов случаются не обязательно в связи с «народным возмущением». Отключение электричества в городе, как правило, вызовет на

улицы тысячи любителей поживиться. Наводнение тоже хороший повод. Даже страшный ураган Катрина, обрушившийся на Новый Орлеан в 2005 и унёсший жизни почти двух тысяч человек, сопровождался массовыми ограблениями уцелевших лавок, складов и жилых домов. Власти вынуждены были послать в пострадавшие районы 40 тысяч вооружённых национальных гвардейцев, которым не раз пришлось вступать в перестрелки с грабителями. Фотографии в журналах запечатлели толпы «добытчиков» с ворохами украденной одежды, стопками коробок с обувью, радиоприёмниками, телевизорами. И только с большим трудом энтузиасту расового равноправия удалось бы отыскать в человеческом потоке хоть одно белое лицо.

150 лет прошло с того момента, когда ценой полумиллиона погибших в гражданской войне Америка покончила с институтом рабовладения. В результате упорной многолетней борьбы разрушались устоявшиеся предрассудки, подавлялась дискриминация, запрещалась сегрегация. Тысячи и сотни тысяч чёрных получили возможность реализовать свои таланты в музыке, литературе, кино, бизнесе, науке, юстиции. Наконец, как торжественный аккорд, произошло то, о чём и помыслить не могли ещё полвека назад: в 2008 году страна избрала первого чернокожего президента.

Однако стена враждебности и недоверия между белыми и чёрными не только не исчезла, но на многих участках даже выросла и укрепилась.

Сотни социологов, политологов, психологов глядятываются в эту стену, пытаются понять, из чего она сделана, найти способы разрушить её.

Среди чёрных самым популярным объяснением являются ссылки на двухсотлетнюю историю рабовладения в стране. Мол, все жестокости и несправедливости, совершённые белыми плантаторами, врезались в народную память так глубоко, что вытравить их просто невозможно. Чувство мести горит в сердцах, оно-то и вызывает волну насилий. Поговаривают даже о выплате репараций сегодняшним потомкам чёрных рабов наподобие того, как Германия выплачивает жертвам Холокоста.

Когда в Америке произносят слово «рабство», оно всегда обозначает то, что происходило на территории южных штатов вплоть до 1865 года. Слабое знание мировой истории помогает забыть, что рабский труд использовался в разных странах в течение многих веков и тысячелетий. Не было никакой рабовладельческой эры, придуманной Карлом Марксом, которая якобы кончилась с падением Римской империи. Рабов покупали и продавали века спустя в тысячелетней Византии, в арабском халифате, в Османском султанате. Североафриканские пираты обращали в рабство пленных белых моряков. Крепостные в Европе и Российской империи были такими же рабами. А уж Гитлер и Сталин, создавшие трудовые лагеря, продемонстрировали всему миру, как быстро можно восстановить этот институт и в индустриальную эру.

Теория расовой неполноценности чёрных если и всплывает сегодня, то лишь на тайных собраниях последних ку-клукс-клановцев. Нет ничего страшнее для американского политика, чем обронить на публике замечание, которое можно было бы истолковать как скрытый расизм. Борьба с расизмом стала безотказно выигрышной картой в идейном противоборстве, с ней может сравниться только борьба с ересями в Средневековой Европе или борьба с «буржуазными пережитками» в Советской России и Маоистском Китае. Попробуйте задать казалось бы невинный вопрос: «почему такие страны, как Гаити или Либерия, уже давно ставшие независимыми от белых колонизаторов, вот уже два века не могут выбраться из бездны нищеты и беззакония?» — и перед вами закроются двери всех университетских кафедр и многих интеллигентных домов.

Идеология «обратного расизма» имеет своих пламенных проповедников и среди белых. В 1967 году Сьюзан Зонгаг писала: «Белая раса есть раковая опухоль мировой истории... Она уничтожает все другие цивилизации, с которыми ей доводится столкнуться... Америка была создана геноцидом». ⁷ В университетах и школах курсы американской истории насыщены обвинениями в адрес белых основателей страны, перечислением их «преступлений» против негров и индейцев. Гражданская война изображается как корыстный бунт рабовладельцев, пытавшихся отделиться от Союза, чтобы сохранить свои привилегии. Даже Колумба объявляют кровавым завоевателем, рядом с которым Гитлер выглядит просто «хулиганистым подростком». ⁸

Бурлящая враждебность чёрных искала выхода, пыталась отлиться в некие организованные сообщества. В 1960-е «Чёрные пантеры» наводили страх на одних и вызывали восхищение других. Потом харизматические фигуры Малькольма Экса и Луиса Фаррахаана создали и повели за собой «Нацию Ислама». Мусульманство казалось чёрным радикалам логическим завершением полного разрыва с культурой «белых угнетателей». Если сегодня чёрные джихадисты Нигерии, Сомали, Кении сумеют наладить связь с последователями Фаррахаана, это откроет для них бескрайние возможности вербовки террористов внутри США. Пока же иррациональная злоба нашла себе выход в новом развлечении чёрных подростков: сбивать с ног случайного прохожего — не обязательно даже белого — внезапным ударом кулака по голове.

Подскок преступности произошёл сразу после расширения программ помощи малоимущим. Теперь молодым чёрным мужчинам не нужно было изводить себя поисками работы и жилья. Достаточно было завести подружку, родить с ней ребёнка, а дальше жить на её пособие и в субсидированной квартире. Отсюда же и подскок незаконорожденных: это стало прибыльным делом. Некоторые ухитрились завести и двух, и трёх подружек.

Мне представляется, что тяга чёрного населения Америки к мусульманству не является случайной. Они чувствуют некое глубинное сродство — похожесть — своей духовно-исторической ситуации с ситуацией многих мусульманских стран. Иногда, включив телевизионные новости на сценах схваток полиции с швыряющей камни и бутылки молодёжью, не сразу понимаешь, где происходит побоище: на улицах Лос-Анджелеса, Чикаго, Фергюссона или Каира, Бейрута, Стамбула, Иерусалима.

Особенно бросается в глаза сходство положения чёрных в Америке с положением палестинцев в Израиле. У тех тоже есть свой главный враг виноватый во всех их бедах: оккупанты-сионисты. Так же в их пропаганде слово «справедливость, правосудие» повторяются чуть не в каждой фразе. Они тоже существуют в огромной степени, за счёт благотворительности, выделяемой в их случае огромной организацией, созданной ООН после войны 1948 года и занимающейся только палестинскими «беженцами». ⁹ А если вспомнить, что молодым палестинцем запрещено проком выпивать и ухаживать за девушками, то станет понятно, почему швыряние камней в «оккупантов» становится для них главной отрадой жизни.

Израильская полиция строго следит за тем, чтобы огнестрельное оружие не попадало в руки палестинцам. Но те недавно открыли, что обычный автомобиль является превосходным инструментом «борьбы с угнетателями»: врезаются на полном ходу в толпу израильтян, ждущих трамвая на остановке. Результат получается не хуже, чем у двух чернокожих мусульман, расстреливавших жителей Вашинг-

тона из снайперской винтовки. Если доморощенные чёрные «борцы за справедливость» последуют примеру палестинцев в Иерусалиме, ловкие адвокаты сумеют выдавать эти теракты за случайное дорожное происшествие, не заслуживающее даже тюремного срока.

Чтобы поделиться с читателем своими мыслями о природе межрасовой стены в Америке, мне придётся сделать небольшое историко-философское отступление.

На первой странице книги я вкратце упомянул, что глубинная разница между меньшинством, способным вглядываться в «там и потом», и большинством, живущим интересами «здесь и сейчас», представляется мне главным источником тех вулканов вражды, которые польхают на Земле в течение последних пяти веков. В других своих книгах я обозначил эти две группы терминами «высоковольтные» и «низковольтные». ¹⁰ Чтобы ослабить качественно-оценочный характер этих слов и отвлечь читателя от естественного сравнения по шкале «а кто лучше?», для данного исследования я решил пользоваться другими выражениями: *дальнозоркие* и *близорукие*.

Доброта, отзывчивость, художественная одарённость, богатство чувств и прочие ценимые нами человеческие черты могут быть присущи и дальнозорким, и близоруким. Дальнозоркий может пуститься на такие злодеяния, на которые у близорукого просто не хватит целеустремлённости и сообразительности. С другой стороны, впиваясь взором в дальние горизонты или паря в облаках размышлений о вечном и неземном, он может быть слепым к вещам очевидным даже ребёнку. Именно о слепоте дальнозорких написаны такие книги Томаса Соуэла, как «Мировоззрение помазанников» и «Интеллектуалы и общество». ¹¹

Физическая дальнозоркость и близорукость являются врождёнными свойствами зрения человека, они не делают его ни лучше, ни хуже. И в том, и в другом случае он нуждается в хорошем глазнике, который мог бы изготовить для него соответствующие очки. Но в сфере духовной очки делать ещё не научились, поэтому для государственного корабля будет полезнее, если места в смотровых гнёздах на мачтах достанутся дальнозорким. При этом капитан должен помнить, что его дозорные, при всей их прозорливости, часто не могут разглядеть то, что у них под ногами. И прежде всего, они неспособны понять чувств и душевных порывов близоруких.

Существование дальнозоркого всегда открыто тревоге, сомнению, сожалениям об упущенных возможностях, угрызениям по поводу совершённых проступков. Ему недоступно блаженство беззаботности, которой близорукий достигает путём упражнений в искусстве не видеть, не понимать, не знать, не помнить, не сомневаться ни в чём. И главное, дальнозоркий не понимает, какую угрозу он представляет для близоруких, самим своим существованием разрушая умело созданную защитную скорлупу вокруг их души. Побивание камнями пророков, бросание Кассандры в яму для сумасшедших, изгнание поэтов из города и страны — вот типичные виды реакции близоруких.

Дальнозорким необходима защита капитана корабля. Когда революционный взрыв в стране свергает капитана, разрушает установленный порядок, глухо тлеющая ненависть близоруких найдёт себе Робеспьера, Сталина, Мао-Цзедуна, Кастро, которые возглавят иррациональный террор против интеллектуального меньшинства. В СССР, Китае, Кубе, Камбодже, Северной Корее и других странах подавление дальнозорких осуществлялось изгнанием, казнями, лагерями. Все эти народы вскоре впали в нищету и упадок. В сегодняшней Америке близорукие пока действуют лишь раздуванием культа равенства и мультикультурализма. Но результат может оказаться таким же.

Весь исторический опыт показывает: процветания и славы достигает лишь та страна, в которой нравственное чувство близорукого большинства позволило ему задавить завистливое недоброжелательство к дальноруким и дать им возможность занять места на капитанском мостике и на мачтах. Но бывают в истории и коллизии, когда дальнорукое меньшинство устаёт от враждебности своих соплеменников и пользуется возможностью оставить их, чтобы эмигрировать в страны с более благоприятным отношением к ним.

Причём в больших империях для этого даже необязательно пересекать границу. В России 19-го века дальнорукое меньшинство среди евреев, запертых за чертой оседлости, воспользовалось оставленной им лазейкой: принять крещение и проникнуть в верхние слои культурной и деловой элиты государства. Оставшееся большинство должно было довольствоваться теснотой и бедностью местечек.

Мне кажется, то же самое происходит сегодня и с афроамериканцами. После отмены сегрегации их талантливое и энергичное меньшинство получило возможность успешно участвовать во всех сферах жизни страны: хозяйственной, научной, художественной, политической, административной. А оставшееся в гетто большинство, не имея в своей среде катализирующего воздействия дальноруким, всё больше погружается в атмосферу бедности, безработицы, преступности.

Как ни странно, та же модель социального анализа проливает и некоторый свет на судьбы народов, населяющих долину Иордана. Когда они находились ещё под властью британского мандата (1919-1948), богатые и образованные палестинцы имели возможность покинуть эти края и рассеиваться по свету. Их уехало около 75 тысяч.¹² Именно у них рвавшиеся в Иудею евреи покупали пустующие участки земли. Именно они создали в мире представление о высококультурном народе, выброшенном из своей страны. Оставались же палестинские крестьяне и рабочие. В отличие от палестинцев, еврейская иммиграция не могла расслоиться. Преследования и антисемитизм сплотили дальноруким и близоруких евреев в единое целое, что и произвело это чудо 20-го века: индустриальное государство Израиль, среди народов, только ещё начинающих переход из земледельческого состояния в индустриально-промышленное.

Главная примета победы близоруких в какой-нибудь стране: установление тоталитарного режима, в котором «все равны, но некоторые равнее других». Учреждённые правила и порядки будут одинаковыми, независимо от того, под какими знамёнами идут по улицам ликующие толпы: красными, зелёными, чёрными. Безбожники-коммунисты и фанатики Ислама установят для своих народов абсолютно одинаковые правила жизни. Набор этих правил на Кубе и в Северной Корее будет мало отличаться от того, что происходит в Газе или Судане:

Полное подчинение всех подданных воцарившейся догме и властям.

За попытку бегства за границу или перехода в другую веру — смерть.

За критическое или просто ироничное замечание в адрес живых или мёртвых святых — смерть.

Последовательное подавление рыночной и финансовой деятельности.

Строжайший контроль за искусством и наукой, уничтожение неудобных произведений или открытий.

Коммунистическая партия всегда права, ибо опирается на священное учение Маркса-Ленина; и так же всегда права господствующая мусульманская улема, ибо она опирается на священные заветы пророка.

Весь окружающий мир населён сатанинскими силами — капиталистами, неверными, — главная задача которых: уничтожить «светлое царство» коммунизма, ислама.

Смерть в бою с врагами — высочайшее жизненное свершение.

Возникновение Америки было важной исторической победой дальнорюких, которых остальное население колоний поддержало кровью и деньгами. Их ценности и принципы нашли защиту в религиозных и моральных чувствах большинства. Эти традиции до сих пор сильны и сегодня. Но образованная элита уже забыла о благах, с которыми расстаются близорукие, когда их вынуждают открыть душу холоду сомнений, тревоге неведомого, ужасу небытия, то есть всему, с чем должен постоянно жить дальнорюкий. Именно поэтому близорукий охотнее станет слушать разжигателей ненависти, вроде Фарахана, пастора Джереми Райта (наставника Обамы), Осамы бин Ладена. Тотальная ненависть к врагу, угнетателю, дьяволу, неверному, представляет собой лучшую защиту от тревоги и неуверенности, которую вносит в жизнь дальнорюкий.

Пытаясь придти на помощь афроамериканцам, добросердечные социологи, политики, профессора предлагают им лишь материальные льготы. Они воображают, что всякий человек только и мечтает о том, чтобы иметь работу и образование. Они забыли о том, какое наслаждение можно получать от безделья, как безмятежно чувствует себя самоуверенное невежество, насколько веселее выбирать камни и разбивать витрины, чем корпеть восемь часов у конвейера на сборке автомобилей или холодильников. А если швыряние камней приносит ещё одобрение окружающих, видящих в тебе «борца за справедливость», зачем искать другое занятие? Два вашигтонских снайпера приняли ислам именно для того, чтобы придать своему кровавому развлечению высокий смысл.

Добровольная сегрегация по расовому признаку сделалась повсеместным явлением. На это жаловался в своей речи чернокожий генеральный прокурор Эрик Холдер: «Покидая свои рабочие места, белые и чёрные практически перестают общаться. По субботам и воскресеньям Америка в 2009 году мало отличается от той страны, которую мы имели 50 лет назад». ¹³ Примечательно, что свою речь он назвал «Нация трусов».

Видимо, генеральный прокурор считает, что только трусость мешает белым жителям дорогостоящей Филадельфии переехать через реку Делавер и поселиться в гораздо более дешёвом Кэмдене, штат Нью-Джерси. 90% семидесятитысячного населения этого городка составляют чёрные и латиноамериканцы. Недавно он заслужил печальную славу, выйдя на первое место в Америке по числу убийств и грабежей на душу населения. И это при том, что полиция в этом городе установила на перекрёстках сотни камер наблюдения, а также микрофоны, сконструированные специально для того, чтобы улавливать звуки стрельбы и мгновенно передавать их в компьютер полицейского диспетчера.

Есть виды деятельности и времяпрепровождения, в которых чёрных почти не встретишь: торги на бирже Уолл-Стрит, концерт симфонической музыки, туристический лайнер, турнир по спортивному бриджу, историко-мемориальный парк. Зато белый редко пойдёт на концерт рэп-музыки или в чёрную церковь, где богослужение сопровождается пением и пританцовыванием.

В графстве на севере Нью-Джерси, где наша семья прожила двадцать лет, дома в городках с преимущественно белым населением стояли почти в два раза дороже, чем в городках, заселённых чёрными и латинос. Как покупатели домов

узнавали разницу? Дотошные заглядывали в местную газету, печатавшую еженедельные отчёты полиции, и смотрели, в каких городках было зарегистрировано два-три нарушения закона, а в каких кражи, поджоги, вандализм насчитывались десятками. Вывод был ясен.

Гетто в Америке не укрыто за чертой осёллости, оно не имеет чётких географических границ. Это скорее душевное состояние, которое присуще многим этническим группам. Второй по численности и быстро растущей являются так называемые «латинос», то есть испаноязычные выходцы из Мексики, Карибского бассейна и Южно-Американских стран. По разным оценкам, они составляют сейчас около 50% населения во многих штатах и городах американского юго-запада. Калифорнию иногда с печальной иронией называют «Мексифорнией», а Техас — «Мексикасом». Флориду наводнили кубинцы, Нью-Йорк — гаитяне и доминиканцы, Нью-Джерси — пуэрториканцы.

Испаноязычное гетто сильно отличается от афроамериканского и от всех других этнических групп в Америке. Оно возникло и ежегодно пополняется миллионами бедняков, рвущихся в США через южную границу подзаработать на уборке фруктов и овощей, на простых строительных работах, на стрижке газонов и мойке посуды в ресторанах. Плата 10 долларов в час — для них невероятное богатство, о котором они и мечтать не могут у себя на родине. Трудясь с утра до вечера, иммигрант может заработать за сезон несколько тысяч долларов, половину которых он пошлёт домой семье. На оставшееся накупит дешёвой одежды, обуви, электроники и, вернувшись в родные места, станет объектом зависти для односельчан.

Так как половина этих тружеников находится в Америке нелегально, они избегают привлекать к себе внимание, не платят налоги, не пользуются банками и кредитными карточками. Весь заработок они носят при себе, в свёрнутых рулонах или пачках, спрятанных за пазухой. Естественно, находятся среди них и такие, кто, устав собирать клубнику под палящим солнцем, переключается на ограбление соплеменников. Ведь те не посмеют жаловаться в полицию. В Калифорнии трупы резанных сезонников, найденные в кустах или придорожных канавах, — дело обычное. Безымянные жертвы хоронят за счёт местной администрации. Если же удастся выяснить имя и адрес в Мексике, объявляется сбор средств для отправки трупа семье на родину.¹⁴

Большинство пришельцев не считает нужным учить английский. Зачем? Добрые гринго, проявляя заботу о них, нанимают переводчиков для работы в больницах, судах, конторах и прочих учреждениях. Второе поколение иммигрантов, подрастая, становится полицейским и, адвокатами, медсёстрами, продавцами, клерками — с ними можно объясняться на своём родном. Объявления, реклама, официальные распоряжения — всё печатается на двух языках. В школах обязательно должны быть классы, где преподавание ведётся на испанском.

В Америке отшумели, ушли в прошлое дебаты по поводу прибытия ирландцев, греков, китайцев, поляков, итальянцев, евреев, японцев, русских. Теперь, когда в спорах всплывает слово «иммиграция», все понимают, что речь идёт о мексиканском нашествии. Одни считают, что его необходимо резко сократить, потому что приезжие занимают рабочие места, которые могли бы занять коренные американцы. Им возражают, указывая на то, что коренные предпочитают скорее жить на пособие по безработице, чем надрываться на жаре, карабкаясь по стремянкам на персиковые или грушевые деревья. На такую работу не идут даже дети иммигрантов.

«Пройдитесь по любому торговому молу в летние месяцы — вы увидите толпы белых подростков, болтающихся без дела. Им и в голову не придёт подзаработать на сборе винограда, когда родители снабжают их карманными деньгами на развлечения.»¹⁵

Последняя цитата взята из книги Виктора Хэнсона, который уже много лет живёт на «окупированной территории». Зимой он преподаёт классические языки в университете города Фресно (Калифорния), летом трудится на виноградной ферме, перешедшей к нему от отца и деда. Его печальный опыт жить бок о бок с пришельцами воссоздан в книге «Мексифорния» очень ярко и трагично.

Главное впечатление: эти люди не хотят и не способны принимать в расчёт все убытки, разрушения, страдания, неудобства, которые их действия причиняют окружающим. Они носятся на старых, разваливающихся машинах, не соблюдая правил движения, не заботясь о сбитых почтовых ящиках, разломанных оградах, искалеченных пассажирах в разбитых ими автомобилях. Часто у них нет никаких документов, так что им легко скрыться с места аварии, бросив свой разбитый рыдван.

Кражи инструментов, продуктов, сельскохозяйственной техники, собранного урожая — повседневное явление. Фермер-профессор Хэнсон уже не обращается к полиции. Обнаружив пропажу, он на следующий день объезжает окрестные барахолки и обычно находит там украденное, выкупает его за четверть цены. Вор получил с торговца хорошо если одну десятую, но ему довольно и того.¹⁶

Не лучше обстоит дело и в Аризоне. В 1999 году Патрик Бьюкенен посетил 82-летнюю вдову, живущую неподалёку от мексиканской границы. Её ранчо было окружено двухметровой оградой с колючей проволокой наверху. Решётки на всех дверях и окнах подключены к сигнализации. Ложась спать, она кладёт на столик пистолет 32-го калибра. Её сторожевые собаки погибли, потому что кто-то подбросил им куски мяса, начинённые битым стеклом. Грабили её ферму уже около тридцати раз.¹⁷

Виктор Хэнсон часто находит около своего дома или в винограднике всякую рухлядь или мешки с мусором, выброшенные иммигрантами. Однажды он поймал нарушителя и стал укорять его: «Вот тебе бы понравилось, если бы на твоей земле творили такое?». Но мексиканский подросток, видимо уже накачанный в школе «прогрессивными» интерпретациями новейшей истории, заявил ему: «А это не твоя земля. Вы украли её у мексиканцев. Скоро мы всё отберём обратно».¹⁸

Возможно, эта угроза исполнится в обозримом будущем. Во всяком случае, перепись 2000 года показала, что впервые белое население в Калифорнии превратилось в меньшинство. В 1990-е годы общая численность выросла на три миллиона, а белых стало на полмиллиона меньше. Рождаемость среди мексиканцев очень высока, иметь много детей — предмет гордости для мужчины. Некоторые надрываются на работе, чтобы поддерживать не одну, а две семьи, оставшиеся в Мексике.¹⁹ Ну, а если беременная мексиканка ухитрится пересечь границу, ей будет предоставлена возможность бесплатно родить в американской больнице, и её дитя тут же автоматически получит права американского гражданина.

К мексиканским иммигрантам пристало прозвище «чикано». Первоначально оно было презрительным, но постепенно трансформировалось в обозначение этнической принадлежности, которой можно гордиться. В списке курсов, предложенных Университетом Калифорнии в Санта-Барбаре на 2001-2002 год, 64 содержат слово «чикано»: «Чикано феминизм», «Рабочие чикано», «Политическая организация чикано», «Танцы чикано», «Угнетение чикано» и так далее. Курсов, освещающих Американскую войну за независимость или Вторую мировую войну, нет вообще.²⁰

Помогать своим — естественный импульс поведения любого человека. Не следует удивляться тому, что президент Обама, сам сын незаконного иммигранта, мусульманина из Кении, в ноябре 2014 года пошёл наперекор Конгрессу и издал указ, облегчающий въезд и адаптацию в Америке миллионам мексиканцев и южноамериканцев. Но есть тут и прямой политический расчёт. Испаноязычное гетто, так же как и афроамериканское, всегда голосует за демократов. Например, победа Клинтона в 1996 году вряд ли была бы возможна без их голосов. И это именно он повесил Медаль свободы на грудь Марио Обледо, возглавляющего Лигу испаноязычных жителей США, — того самого, который открыто заявил в одной из речей: «Калифорния станет мексиканским штатом. Мы будем контролировать все учреждения. Если кому-то это не нравится, может уезжать».²¹

Невольно в сознании всплывают пугающие исторические параллели. Вот в начале 370-х годов по Р.Х. добрый римский император Валент откликнулся на просьбы кочевников-вестготов, принявших христианство, разрешил им, предварительно разоружившись, переправиться через Дунай (река пошире, чем Рио Гранде), расселиться на Балканах. И что же? В 378 году они восстали, завладели арсеналами с оружием, в страшной битве под Адрианополем разбили римлян, убили доброго императора, а тридцать лет спустя штурмом взяли тысячелетний неприступный Рим.

Я кончаю эту главу в те дни, когда по стране катится новая волна массовых протестов. Теперь — по поводу гибели от рук нью-йоркских полицейских чернокожего безработного, промышлявшего незаконной торговлей сигаретами на улице. Он уже арестовывался много раз, не хотел снова идти в тюрьму и оказал сопротивление при аресте. Во время последовавшей свалки один из полицейских применил захват шеи, и несчастный астматик умер в больнице от сердечного приступа (так показало вскрытие).

Вспоминаю, что за полчаса до своей гибели застреленный подросток Майкл Браун был заснят камерой наблюдения при попытке унести неоплаченную коробку сигар из магазина. Когда шустрый владелец попытался остановить его, огромный Майкл взял его рукой за горло и отшвырнул как тростинку. Чернокожий генеральный прокурор Эрик Холдер обещал начать расследование обеих трагедий на федеральном уровне. Возможно, тогда всплывут обстоятельства, повлиявшие на решение присяжных — не привлекать к суду полицейских. Пока мы знаем лишь то, что оба погибших весили около 300 фунтов и что подчиняться приказам полицейских они считали ниже своего достоинства.

А пока жестокая полиция не унимается — продолжает палить по афроамериканцам. Например, позавчера, 9 декабря, чернокожий житель Бруклина явился вечером в штаб-квартиру любовичских евреев в Бруклине, размахивая ножом и громко объявляя о своём естественном желании убить какого-нибудь еврея. Он успел тяжело ранить в голову молодого студента из Израиля, но приехавшие стражи порядка безжалостно застрелили бедолагу. Интересно, если и в его память пламенные защитники права на жизнь, выйдут на улицы, с глазами, сверкающими сознанием своей правоты, что будет написано на их плакатах?

«Евреям не место в Бруклине!»

«Отнять пистолеты у полиции!»

«Не убивать, а лечить!»

Последнему лозунгу будет уделено внимание в следующей главе.

(продолжение следует)

Примечания:

1. Chronology of the O.J. Simpson Trials, www.law.umkc.edu/projects/trials/Simpson.
2. Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* (New York: St. Martin Press, 2011), p. 271.
3. Там же, стр. 63.
4. Jackson, Gregory. *Conservative Comebacks to Liberal Lies* (Ramsey, NJ: JAJ Publishing, 2006), p. 152.
5. Buchanan, Patrick J. *The Death of the West* (New York: St. Martin's Press, 2002), p. 69.
6. Conover, Ted. *Newjack. Guarding Sing Sing* (New York: Random House, 2000), p. 61.
7. Buchanan, Patrick J. *The Death of the West*, op.cit., p. 55.
8. Там же, стр. 154.
9. UNRWA — United Nations Relief and Work Agency.
10. Игорь Ефимов. «Стыдная тайна неравенства» (Москва: «Захаров», 2006), стр. 19.
11. Sowell, Thomas. *Intellectuals and Society*. New York: Basic Books, 2009.
Sowell, Thomas. *The Vision of the Anointed*. New York: Basic Books, 1995.
12. Kimmerling, Baruch, Migdal, Joel. *The Palestinian People* (Cambridge: Harvard University Press, 2003), pp. 145, 171.
13. Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* (New York: St. Martin Press, 2011), p. 238.
14. Hanson, Victor Davis. *Mexifornia. A State of Becoming* (San Francisco: Encounter Books, 2003), p. 40.
15. Там же, стр. 37.
16. Там же, стр. 43.
17. Buchanan, Patrick J. *The Death of the West* (New York: St. Martin's Press, 2002), p. 133.
18. Hanson, op. cit., p. 64.
19. Ibid., p. 50.
20. Ibid., p. 105.
21. Buchanan, Patrick J. *The Death of the West* (New York: St. Martin's Press, 2002), p. 129.

Журнал «Семь искусств» № 8 (65) /2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 431 с., 26,2 а.л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
Компьютерная верстка: Марина Жукова

Семь искусств
Ганновер 2015

Семь свободных искусств - основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно.

Аристотель. "Политика"

